

АНДРЕЙ
ПЕРЕДРИЙ

ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ
СТО ДРУЗЕЙ И НЕДРУГОВ

АНДРЕЙ ПЕРЕДРИЙ

ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ
СТО ДРУЗЕЙ И НЕДРУГОВ

ЭКСМО
АЛГОРИТМ
МОСКВА
2012

Передрий А. Ф.

П 27 Владимир Высоцкий. Сто друзей и недругов / Андрей Передрий. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2012. — 544 с. — (Легенды авторской песни).

ISBN 978-5-699-56702-7

Эта новая книга о Владимире Высоцком и о его взаимоотношениях с современниками – некая мозаика его судьбы, уже десятилетия будоражащей соотечественников. Ее автор исследует жизнь и творчество Высоцкого многие годы. Здесь впервые рассмотрены контакты легендарного барда с А. Пугачевой, Н. Михалковым, Р. Виктюком, А. Иншаковым, Ю. Визбором, З. Церетели, Н. Белохвостиковой, К. Шахназаровым, М. Жванецким и другими известными личностями. Уникальный материал содержит глава «Отчего умер Высоцкий?».

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Передрий А. Ф., 2012
© ООО «Алгоритм», 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-56702-7

«Мой Высоцкий» начался году в 1975—1976-м: тогда впервые я услышал его имя, а затем — песни. Ни то ни другое особой информации пятилетнему ребенку не принесло. Точно помнится: в 1979 году удалось прослушать большую, длинную запись одного из концертов Владимира Высоцкого. Из прослушанного запомнилась песня «В желтой, жаркой Африке». Нельзя сказать, что с этого момента я «заболел» Высоцким. «Болезнь» к его творчеству — серьезная и неизлечимая — была диагностирована позже, но абсолютно точно, «заражение» ею началось именно тогда. Дай бог мне «болеть» и дальше!

Гарри Кимович Каспаров, великий шахматист, в послесловии «Десант в бессмертие», написанном к книге стихов, песен Владимира Высоцкого и воспоминаний о нем «Я, конечно, вернусь...», заключил: «Мне грешно жаловаться на судьбу. И все же я не могу избавиться от ощущения, что в чем-то мне крупно не повезло. Ведь я так и не сумел увидеть Владимира Высоцкого, я не успел *услышать его воочию!*»

Меня, как и Гарри Каспарова, с каждым годом все больше гложет мысль, что я уже н и к о г д а не увижу Владимира Семеновича Высоцкого! Не побываю на его концерте, не восхищусь его игрой на сцене, не поздороваюсь с ним, не пожму ему руку, не возьму автограф, не задам вопрос, не пообщаюсь, не, не, не... Таких «не» со временем становится все больше...

Больно, горько и обидно становится от таких мыслей. Утешает лишь то, что с физическим уходом поэта и актера не ушло, не исчезло то, ради чего он жил и работал, — его творчество. Прежде всего, конечно же, — это стихи и песни, эти его духовные искания, оставленные нам и будущим поколениям в наследство. И будем благодарны судьбе за то, что это богатство доступно нам, что мы были современниками Владимира Высоцкого и говорили с ним на одном языке, жили с ним в одной стране!

Личность и масштабы творчества Высоцкого — космические. Не только по тому, что он сумел, успел сделать и оставить грядущим поколениям, но и по количеству друзей, знакомых, приятелей, просто — обычных людей, когда-либо общавшихся или сталкивавшихся с поэтом, который оставил в их душах тепло, а в памяти — след...

Безусловно, у каждого — свой Высоцкий. Высоцкий, запомнившийся только им таким, каким он навсегда остался в их сердцах. Запомнившийся чем-то ярким и неповторимым — взглядом, фразой, разговором, песней, застольем, спектаклем и т. д.

Воспоминания людей, знавших Владимира Высоцкого (воспоминания самые разные — и по содержанию, и по качеству), рассеяны в сотнях книг о нем, интервью и газетных статьях, в теле- и радиопрограммах. А в последнее время — размещаются на сотнях сайтов и форумов в Интернете. Зачастую, все эти жемчужины воспоминаний о поэте теряются в толще времени и пространства, и вскоре станет трудно, а может быть, и невозможно собрать воедино эту мозаику, дающую нам представление о Живом поэте и человеке Владимире Семеновиче Высоцком. Одна из задач этой книги — объединить под одной обложкой воспоминания о ВВ и дать возможность ознакомиться с ними как можно большему числу любителей его творчества.

Есть среди высокоцковедов подвижники, не жалеющие сил, средств и времени на поиск таких людей и общение с ними — на предмет их рассказа о контактах и взаимоотношениях с Владимиром Семеновичем. Один из таких неутомимых фанатов (в самом хорошем смысле этого слова!) этой трудной, но благородной работы — Марк Цыбульский, любитель таланта поэта из США, уже не первый год живущий Высоцким и его творчеством, бескорыстно и достаточно профессионально занимающийся этой деятельностью.

По мере возможности, автор этой книги тоже беседовал и переписывался с некоторыми ее героями — их откровения о поэте и отрывки из писем, касательных его персоны, читатель найдет на страницах настоящего издания.

...«Время Высоцкого» не пройдет никогда, но само Время и наша жизнь — увы! — скоротечны. Все дальше от нас годы, в которые жил и творил Владимир Высоцкий. И, к сожалению, — стареют и уходят из жизни люди, знавшие его лично и общавшиеся с ним... А потому — важно раздобыть, зафиксировать и сохранить ЛЮБУЮ информацию о жизни и творчестве поэта.

Эта книга во многом отличается от других, написанных о Владимире Высоцком. Прежде всего, тем, что в ней собраны «неприглаженные» воспоминания о поэте людьми, про которых не подумаешь, что они не только контактировали с ним, но и дружили, строили творческие планы и т. д. В этой книге также есть и главы-исследования, из которых читатель узнает об отношении поэта к тем или иным нашим великим соотечественникам.

Бесспорно только одно: ни в коем случае нельзя идеализировать поэта. Несмотря на его человеческую доброту и талантливую искренность его творчества, он был живым человеком и далеко не всегда — «положительным героем». В романе «Мой любимый» писательница и певица Наталия Медведева справедливо заметила: «А Высоцкий? Он и забулдыга, и вояка, и зек, и спортсмен, и болельщик, и романтик советского образца... Но он не принц Гамлет. У него другая порода. Или — он не породистый?... Без породы? Очень многие советские артисты — дворяны. Как, впрочем, и люди... Это и есть — интернационал?»

Сибирский художник Сергей Бочаров вспоминает и размышляет: «Я с Владимиром познакомился достаточно близко, и боюсь, он бы сегодня сделал свой выбор не в пользу русского народа. Почему? Потому что я в его характере обнаружил, прежде всего, страсть к роскошной жизни. Это страшная вещь. Это не страшно, если она невыполнима. Но он все-таки любил красивую жизнь, красивые машины; все роскошное нравилось ему.

Затем я видел в его характере то, что в песнях совершенно отсутствует: я не один раз наблюдал такое рабское поклонение перед высокими людьми. Меня просто потрясло, что он так держался с высокими начальниками. Я видел его рядом с главным редактором «Юности» Андреем Дементьевым. Я даже не узнал его. Я-то по его песням всегда считал, что это такой человек, бесстрашный, прямой, гордый. А рядом с Дементьевым (а он очень хотел опубликовать свои стихи в «Юности»), Высоцкий вел себя просто униженно. Это тоже говорит не в его пользу.

Естественно, если бы он был жив, его бы сразу подняли на щит демократы, дали бы концертные залы, дали бы деньги, мне так кажется, что он просто не устоял бы. Я считаю, что он был бы в стане наших врагов...»

И это — тоже наш Владимир Семенович Высоцкий. А кто не грешен, скажите?

Но: «Не единою буквой не лгу!» — написал поэт. И нужно буквально воспринимать слова поэта. Стремиться понять ис-

конный смысл, корень каждого слова. Ведь он как писал — так и жил или, по крайней мере, стремился к этому единству. Это философия любого честно пишущего поэта. Жизненное credo Высоцкого: «Не лгать!» Если вчера и позавчера обманул — раскаяния и мучения. Почему это сделал? Ради чего? Ложь во спасение? Ложь — это величайшее в мире зло, совершенно конкретное зло, неуловимое подавляющим большинством людей. Мы в России привыкли ко лжи — во всех ее проявлениях и на всех уровнях: от верховных властей до начальников и коллег по работе и семье... Не привыкать! Быть честным, в первую очередь, с самим собой. Не жалеть себя, казнить за то зло, которое невольно причиняешь людям своими словами. Глядишь, и жизнь к лучшему изменится... Хотя, верится в это слабо и особых надежд на это, увы, — нет...

В 1980 году Россия потеряла Владимира Высоцкого. Это событие потрясло и всколыхнуло всю страну. Воспоминания друзей, коллег, материалы речей на похоронах, наряду с его стихами и посмертными посвящениями получили широкое хождение. Смерть великого поэта и барда породила специфическое культурное фрондерство. В общей атмосфере скорби по поэту сквозили нотки укора и вызова властям. А в реакции молодого поколения был еще и оттенок укоризны по отношению к старшему поколению. С уходом Владимира Высоцкого заканчивалась и закончилась целая эпоха, выразителем которой он являлся. Начался крах нашей огромной страны — СССР...

Мы уже двадцать лет живем в новой России, а личности, адекватной Владимиру Высоцкому в поэтическом и песенном плане, до сих пор — нет! Умерев в СССР, Высоцкий возродился с новой страной и продолжает быть выразителем чувств и чаяний ее народа. Ведь его песенный стих сегодня как никогда актуален и злободневен. И время показало нам, что такое по плечу лишь подлинным гениям. Так было, так есть и так будет в России с настоящими Поэтами!

...Самую большую и глубокую благодарность автор выражает Святославу Гребенюку, своему, можно сказать, соавтору, без помощи которого эта книга просто не была бы написана. Особая благодарность всем — живым и тем, кто уже ушел от нас... — вольным или невольным соавторам этой книги.

АЛЕКСАНДР БЕЛЯВСКИЙ

В телесериале «Место встречи изменить нельзя» этот актер сыграл Фокса — матерого бандита, которого не одну серию ловили Жеглов с Шарাপовым. И как сыграл! Блестяще! Талантливо! Его поведение и речь в кадре вызывают уважение даже у действительных воровских авторитетов — так убедителен он в фильме.

Отрицательный персонаж, но обаятельный — нравился многим женщинам.

Не многие знают, что Александр Белявский мог вообще не попасть в картину: вначале сыграть бандита Фокса отказался актер Вячеслав Шалевич, о чем до сих пор жалеет. Именно ему предлагалась роль, на него рассчитывала съемочная группа...

Затем нашли другого актера. «До меня Фокса должен был играть Борис Химичев, — вспоминает Белявский. — Но в последний момент сценаристы вдруг решили, что его типаж не подходит, и меня срочно вызвали на съемки. На съемочную площадку я попал буквально с трапа самолета, даже не дочитав сценария. О том, что мой герой должен «бабам нравиться», узнал, уже вовсю играя Фокса».

Действительно, газета «Комсомольская правда» писала: «Роль Фокса могли сыграть Борис Химичев из Театра им. Маяковского и Валентин Рыжий из Таганки (ныне главреж Театра на Красной Пресне). Химичев был утвержден и даже начал сниматься. Но, как сказал нам заместитель директора фильма «Место встречи...» Владимир Мальцев, в кителе и галифе Химичев выглядел настоящим белым офицером, что противоречило сценарию. В итоге Фокса сыграл Александр Белявский».

Дальнейшие подробности об участии Александра Борисовича в культовом сериале узнаем из биографической книги о Владимире Высоцком авторства журналиста Федора Раззакова: «Говорухин вызывает в Одессу Александра Белявского. Ему предстоит сыграть роль злодея — бандита Фокса...

Сначала на эту роль был утвержден другой актер — Борис Химичев, но он в итоге не подошел. Говорухин счел, что

Химичев не подходит своей фактурой — у него слишком современная внешность... Когда кандидатура Химичева отпала и требовалось как можно быстрее найти нового исполнителя (съемки-то уже шли), Высоцкий вспомнил про Александра Белявского.

Но у того на лето были совсем иные планы. Он получил шесть соток в деревне Ершово и собирался благоустроить участок. Его голова была полна заботами о том, какой забор он поставит, где разместит туалет и т. д.

По его же словам: «Я ставил забор, что-то копал, достраивал и так далее. Крестьянствовал от зари до зари, соседи мне кричали: «Трактор, отдохни!» И вот однажды к моему участку подъезжает на велосипеде какой-то парень и спрашивает: «Белявский?» Я говорю: «Да, Белявский». А он: «Давай два рубля!» Прикидываю: бутылка водки стоит три двенадцать. А тут всего два рубля. Парень на велосипеде, до сельмага — полтора километра, а для полного счастья сто граммов никогда не помешает...

Я вручаю ему эти два рубля, а он мне взамен... дает телеграмму из Одессы: «Надеемся на вашу отзывчивость, предлагаем роль Фокса в фильме «Эра милосердия». Верим, что не откажетесь ввиду нашего давнего знакомства. Директор картины Панибрат» (потом я выяснил, что Панибрат — это женщина).

Я размышляю. Одесская киностудия. Детектив. Сколько их было! Чего это я полечу, когда у меня еще забор не закончен? А приемы у нас, актеров, есть испытанные, как отказаться так, чтоб не обидеть съемочную группу. Доберусь до деревни Ершово, там есть телефон. Закажу разговор с Одессой и выясню, мол, кто у вас из артистов снимается? Скажут, к примеру: «Тютюкин!» А я на это — а, у вас Тютюкин снимается! Ну, извините, господи! Я с этим человеком ни в одной картине! Давай-те в другой раз.

Но после ответа я стоял как громом пораженный. Оказалось, что в фильме снимаются Высоцкий, Юрский, Конкин, Куравлев, Джигарханян. Я решил, что мое сельское хозяйство не пострадает, и вылетел в Одессу».

В одной из бесед с журналистами замечательный актер рассказал следующее:

— До этого фильма вам приходилось работать с Высоцким?

— Да я Володе вообще обязан тем, что попал в этот фильм! На худсовете срочно искали замену актера на роль Фокса, и именно Высоцкий предложил меня. На съемках я лучше узнал и Володю. Он просто влез в этот фильм, как говорят, с потрохами, принимал непосредственное участие во всех эпизо-

дах, было такое впечатление, что они вдвоем с Говорухиным сделали фильм. Говорят, и инициатива снять фильм по роману Вайнеров «Эра милосердия» принадлежала Высоцкому. Когда он прочитал роман, то не мог успокоиться, стал мечтать о роли Жеглова и уговорил своего друга Говорухина взяться за сценарий.

С головой окунувшись в съемочный процесс картины, Александр Белявский имел возможность, что называется, напрямую наблюдать за поведением своих партнеров по фильму, отношением их друг к другу. В том числе и к главной фигуре на съемках — Владимиру Высоцкому. В одном из интервью актер рассказывал об этом и своих взаимоотношениях с «Жегловым» следующее...

Корреспондент: «Говорят, «Место встречи изменить нельзя» снималось в атмосфере жутких нервов. «Шарапов» конфликтовал с «Жегловым» и за пределами съемочной площадки. И даже сегодня Владимир Конкин с большим неудовольствием вспоминает о совместной работе с Высоцким. А какие отношения складывались у «Фокса» с «Жегловым»?»

Александр Белявский: «Да, Конкин с Высоцким действительно не сошлись характерами. Впрочем, оставим эти воспоминания на совести Конкина.

Мне же с Высоцким было легко и просто. До фильма мы лишь здоровались друг с другом, а тут познакомились ближе. Дело в том, что первые несколько дней режиссировал картину Высоцкий — Говорухин задерживался в какой-то поездке. Например вся сцена допроса Фокса снята Владимиром Семеновичем.

Я паниковал жутко — все никак не мог нащупать рисунок роли, раскусить характер Фокса. И тогда Володя без пижонства и назидательности сказал мне очень точную фразу: ты играй не бандита, а человека, который очень себя уважает.

Мне вдруг стало так легко!»

Сцену допроса, о которой упомянул в интервью актер, снимали 26 июня 1978 года. Зритель наверняка помнит: Фокса вылавливают из реки и привозят на Петровку, 38, чтобы «расколоть» на убийство Ларисы Груздевой. А он идет в несознанку: мол, ничего не знаю, никого не убивал. И Шарапов идет на хитрость: под видом сличения почерка вынуждает Фокса написать «маляву» — записку-пароль своим подельникам, чтобы с ней проникнуть в банду.

О том, как проходили эти съемки, срежиссированные Владимиром Высоцким, вспоминает все тот же актер Александр Белявский: «Утром я пришел на съемочную площадку. Съемки должны были начаться со сцены допроса пойманного Фокса.

Я сижу уже загримированный. Мне нарисовали какие-то царапины на лице, можно идти в павильон репетировать.

А я сижу, смотрю в зеркало «на этого» (в отражении), хочу сказать себе, мол, я Фокс, — и не могу! Вижу в зеркале Сашу Белявского! Думаю, дай-ка я себе лицо изменю. Прошу у гримерши кусочек ватки, кладу за щеку, как будто опухоль. Противно!

А дело было летом. Июнь месяц, вишня в Одессе поспела, все наварили вишневого варенья. Вижу, девочки, закончив свою работу с гримом, уселись пить чай именно с вишневым вареньем. Взял ватку, как следует извозил ее в варенье и засунул в рот. А варенье жидкое, если на вату надавить языком, то будто кровь по подбородку течет! Хорошо! Уже есть за что зацепиться!

И я на допросе был занят в основном тем, что представлял последствия «ментовской» выволочки. Ведь я там то ли ударился, то ли меня побили. И я полез языком к этой ватке, надавил на нее, и чувствую, что у меня из края рта потекло что-то. Я пальцем дотронулся, смотрю — вроде как кровь.

Но Фокс-то себя уважает! Ну, не об себя же! Не о френч же вытирать. Правда? Я взял и об стол следователя со смаком промазал. Это было неожиданно. И это вошло в фильм...

После выхода картины ко мне будут подходить люди и спрашивать, мол, сидел? Я честно буду отвечать, что нет. А они не поверят и напомним про кровь на столе следователя».

Бывает и так: актерская импровизация — на ходу придуманные реплика или жест, не прописанные в сценарии и вошедшие в фильм, — часто становится самым запоминаемым зрителями эпизодом в картине!

Наверняка многим запомнился и такой момент из сериала: Фокс «засекает» за собой слежку в ресторане и, пытаясь из него убежать, выбрасывает при этом женщину-официантку из окна, ею же и разбивая его...

Актеру зрители часто задают вопрос: дескать, как мог так поступить, даже в кино?! На что он, устав оправдываться, отвечает...

Впрочем, пусть расскажет сам.

По воспоминаниям Александра Белявского, съемки этого эпизода велись в московском ресторане «Центральный» 28 декабря 1978 года: «Новогодние дни, 30-градусный мороз, клиенты, которые идут потоком. Да что вы! Не бросал я женщину из окна! Ну кто бы нам позволил бить стекла и выбрасывать женщин из окон?»

Мы сняли так, что зритель сам дорисовал эти кадры в своем воображении. Наверное, получилось правдоподобно.

После того, как фильм показали по телевидению, многие ходили под окна «Центрального» — искали следы крови и битого стекла...»

Остается только добавить, что в эпизодической роли официантки ресторана, которую Фокс «выбрасывал» из окна, снялась Наталья Серуш — русская жена приятеля Владимира Высоцкого, иранского бизнесмена Бабека Серуша.

Съемки — съемками, но надо же актерам и отдохнуть после трудовых будней! Дружескую посиделочку-другую «замутить», лично пообщаться, а не только при свете софитов! Неужели «бандиты» и «опера» из телесериала не позволили себе маленького совместного мальчишника?

«Был один такой, — с улыбкой вспоминает Александр Борисович Белявский. — Шли тяжелейшие съемки побега Фокса из ресторана, работали две ночи подряд, устали дико, а тут еще ресторанные работники повсюду крутятся, — домой не расходятся: ну как же, всем хотелось посмотреть на живого Высоцкого...»

После съемки накрывают нам стол, отказаться — значит, обидеть хозяев. Только — вижу: Высоцкий держится из последних сил, просто по рукам себя бьет, чтобы за рюмку не схватиться... И вдруг — в сердцах: «Саш, а ты банку любишь?» — «Не очень». — «Полюбишь», — утрово обещает Высоцкий...

Прием, который он устроил в Сандунах, был королевский: стол, каких, наверное, и в Кремле не накрывали, массаж и... все удовольствия жизни».

К сожалению, больше актерам не пришлось встретиться на съемочной площадке. И несмотря на теплое общение и отношение друг к другу на съемках картины, в жизни Белявскому с Высоцким не суждено было сблизиться и подружиться...

Александр Борисович признается: «В общем, скажу, как есть: простой и ясный был человек, настоящий мужик!...

Врать не буду, с Володей мы не подружились — может, потому, что находились тогда в разных «весовых категориях» — я выпивал, он — уже нет».

Такова, по мнению Белявского, причина невозможности наладить дружеские отношения с Высоцким... Не станем оспаривать ее или соглашаться с ней.

Вообще, актер с теплотой вспоминает не только время съемок сериала, атмосферу, царившую на площадке, и общение с коллегами по фильму. Александр Белявский вообще благодарен судьбе за то, что она подарила ему роль Фокса: «Несмотря на всю несхожесть моего характера и поведения с Фоксом, я считаю, что эта — одна из самых ярких моих ролей». «Я не жалею, что в моей биографии был Фокс. Сыграть

сильную, хотя и отрицательную личность, — большое счастье!..» — подтверждает актер.

«Я играл бандита без грима и дублера, — говорит Белявский. — В единственном кадре, где машина падает в воду, меня заменил каскадер.

После показа сериала «Место встречи изменить нельзя» мне стали часто предлагать отрицательные роли в кино, но внутренне хуже я не стал».

Актер прав — после удачно и убедительно сыгранной роли в кино (неважно — отрицательная она или положительная), исполнитель ее зачастую становится заложником воплощенного на экране образа... И ему приходится из картины в картину подтверждать свое «амплуа». Примеров таких в отечественном кинематографе — немало...

Как и большинству актеров, снявшихся в нашумевшем сериале, роль Фокса принесла Александру Белявскому, уже и без того известному в стране артисту, новую порцию славы и популярности. Первая жена Александра Борисовича Валентина Белявская говорила, что «после Фокса он не изменился. Саша много ездил с выступлениями, и на одной афише было написано: «Фокс дает показания». Хотя поклонниц действительно стадо больше. По ночам звонили: «Александра Борисовича позовите, пожалуйста». Вроде как официально. Не успела я повесить трубку, как слышу, на другом конце кто-то ему уже мяукает: «Мой милый, хороший...» И ему это нравилось...»

Об этом же часто задают вопрос актеру журналисты:

— После фильма пришла слава?

— В Казахстане на встрече со зрителями ко мне подошел парнишка и сказал, что он работает здесь водолазом, а на его выбор профессии повлиял фильм «Их знают только в лицо», где Белявский плавал под водой. Какое счастье, что он не посмотрел фильм «Место встречи изменить нельзя», а то бы непременно стал бандитом. А на улице узнают, народ около пивных ларьков всегда кричит: «Фоксу без очереди!»

В другом интервью Александр Борисович рассказывал: «Роль Фокса в фильме «Место встречи изменить нельзя» сделала меня известным, но надолго «сломала» кинокарьеру. Для режиссеров я стал не Белявским, а Фоксом, режиссеры стали предлагать мне лишь роли отрицательных персонажей. А после фильма «Серые волки» (в котором актер сыграл роль Л. И. Брежнева. — А. П.) друзья какое-то время вообще именовали меня не иначе как Леонид Ильич Фокс».

АЛЕКСАНДР ИНШАКОВ

Абсолютный чемпион Москвы по каратэ Александр Иншаков (1947 г. р.) хорошо известен не только в спортивных кругах, но и творческих — тоже. В качестве каскадера Александр Иванович работал с такими кинорежиссерами, как Алов и Наумов, Сергей Бондарчук, Гайдай, Прошкин, Сурикова. Актер, а в последние годы — режиссер и продюсер, главным делом своей жизни он по-прежнему считает постановку трюков в кино и их исполнение...

С Владимиром Высоцким Иншаков был знаком, но близкими друзьями они не были. А на съемочной площадке судьба свела их лишь однажды. Надо сказать, что поэт по своему характеру тоже был человеком рисковым. Жил, играл и пел на пределе. В трудных, подчас критических ситуациях находят-ся и герои многих его песен.

Интересовался и любил Владимир Высоцкий каратэ. Долгие годы его связывали тесные приятельские отношения с Алексеем Штурминым, основателем первой школы по этому экзотическому виду восточных единоборств в Москве. Тогда — не слишком пропагандируемому и даже запрещенному. Присутствовал поэт 14 апреля 1980 года вместе с Оксаной Афанасьевой на открытии в столице Чемпионата СССР по каратэ. А одно время Высоцкий приводил сына Марины Влади Володю посмотреть бои в школе Штурмина.

Александр Иншаков вспоминает: «С Владимиром Высоцким я встречался на съемочной площадке. Иногда я ему показывал кое-какие приемы, и потом он очень любил каратэ, часто бывал на наших соревнованиях, его увлекали экстремальные ситуации, риск, борьба. К тому же в нем было столько энергии, что хватило бы на десятерых. Но трюки за него все-таки выполняли профессионалы».

Не совсем ясно, на съемочной площадке какой картины встретились Иншаков и Высоцкий. Судя по возрасту Александра, это не могли быть фильмы, в которых снимался Влади-

мир Семенович в 60-х и даже начале 70-х годов. Не исключено, что в воспоминаниях говорится о встрече поэта и спортсмена на съемках сериала режиссера Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Часть натуральных съемок проводилась в Москве в ноябре и декабре 1978 года. Взять хотя бы знаменитую погоню сотрудников МУРа во главе с капитаном Жегловым на служебном автобусе за грузовиком, на котором уходил от погони один из главарей банды «Черная кошка» Фокс. Роль начальника Отдела по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска Глеба Жеглова, блестяще сыгранная Владимиром Высоцким, оказалась сложной, но — интересной. Глеб Егорович (читай — Высоцкий) как раз во время этой самой погони за грузовиком с бандитами стреляет из пистолета на ходу — по пояс высунувшись из разбитого окна автобуса. Сцена сложная, требующая от ее исполнителя не только смелости, но еще профессиональных навыков и хорошей спортивной подготовки. Не в исполнении этого ли эпизода фильма помогал Александр Иншаков актеру?

Несколько лет назад в орловской газете «Телевизор» была опубликована заметка «К вопросу о популярности Владимира Высоцкого среди власть предержащих». Нет смысла ее комментировать — пусть читатель сам сделает выводы после прочтения этой заметки, тем более что она — небольшого объема: «Основоположник российской школы каратэ Алексей Штурмин попросил своего ученика Александра Иншакова (родился с актером в один день), начинающего каскадера, провести Высоцкого на соревнования. В те годы на состязания каратистов публика ломилась, из-за чего организаторам приходилось выставлять тройные милицейские кордоны, через которые Иншаков и попытался провести всенародного любимца. Но милиционеры потребовали гостевой пропуск. В качестве последнего аргумента спортсмен торжественно произнес: «Товарищи милиционеры! Это капитан Жеглов!» В оцеплении образовался коридор: «Проходите, товарищ капитан!»

«Между прочим, первый чемпионат Москвы по каратэ в 1978 году прошел в зале «Дружба», построенном специально к Олимпийским играм-80, — добавляет Иншаков. — Мне удалось стать первым абсолютным чемпионом столицы. Я высоко ценю этот титул. Что касается истории с Владимиром Семеновичем Высоцким, он действительно любил каратэ и приходил на наши соревнования при любой возможности. Вы, наверное, знаете, что Высоцкий был очень спортивным человеком».

25 июля 2011 года на канале ТВ-Центр была показана передача «Таланты и поклонники». Владимир Высоцкий». За не-

сколько дней до ее показа, анонсируя передачу, «Российская газета» писала: «В программе «Таланты и поклонники» своими воспоминаниями о Высоцком поделится со зрителями ее ведущий — актер Вениамин Смехов, Никита Высоцкий, Гарри Бардин, Александр Иншаков, Авангард Леонтьев».

Александр Иванович в беседе с Вениамином Смеховым вспомнил несколько интересных эпизодов встреч с поэтом. В том числе — более подробно рассказал о случае, рассказанном в орловской газете: «Володя часто приходил к нам в школу каратэ. И я хорошо помню, как менялась обстановка в зале — все ребята мобилизовывались и начинали работать с дополнительными самоотдачей и старанием, видя перед собой Владимира Высоцкого!»

Он был спортивным и физически крепким человеком. При мне неоднократно на стуле делал стойку на руках, мог стоять на голове, а такое по плечу только физически подготовленному, спортивному мужчине.

Володя очень интересовался каратэ, и я даже подозреваю — хотел взять несколько уроков, но он был невероятно загружен в театре и кино, часто бывал в разъездах, а занятие нашим видом спорта требует времени и постоянства в занятиях и тренировках.

...Есть одна интересная история, связанная с его ролью Жеглова, сыгранной в знаменитом сериале.

Я вспоминаю 1978 год. В Москве должен был состояться Первый турнир по каратэ за звание абсолютного чемпиона столицы. Володя позвонил мне и сказал, что обязательно придет посмотреть бои. А совсем недавно, несколько месяцев назад, завершились съемки сериала «Место встречи изменить нельзя», в котором Высоцкий здорово сыграл роль Жеглова. После телевизионного показа и фильм, и роль в нем Володи моментально стали популярны и полюбились зрителю.

Он пришел с девушкой и маленьким мальчиком, а его охрана не пропускает в зал. Володя вызывает меня, а я уже чуть ли не вызываюсь на поединок! Выбегаю на служебный вход в халате, говорю ребятам-милиционерам: это же Высоцкий. А они — нет, и все. Ничего не знаем, никого не пропустим. Что делать? И тут я вспоминаю, что он только что сыграл капитана Жеглова в фильме. Я говорю милиционерам: «Да он же ваш, он — Жеглов!» И на них это подействовало! «Ну, да, Жеглов — наш», — говорят. И его пропустили.

Как только он вошел в зал — его узнали, сразу пошел слух, моментально разнесшийся по трибунам, что сам Высоцкий посетил турнир. И представляете, зал встал! Все болельщики

так поприветствовали Володю, и он, признаться, был немного смущен таким приветствием.

Эта атмосфера, царившая в зале, и присутствие на соревнованиях Высоцкого подействовали и на меня. На том турнире я стал победителем, абсолютным чемпионом Москвы по каратэ.

К сожалению, впоследствии наше общение с Высоцким было достаточно редким. Хотя иногда и встречались в общих компаниях».

В ноябре 2011 года на Первом канале была показана программа «Достояние республики». Владимир Высоцкий», в которой известные певцы и актеры исполняли песни Владимира Семеновича. Среди приглашенных гостей в программе принимал участие и Александр Иншаков.

Ведущие программы — Д. Шепелев и Ю. Николаев — обратились к нему с просьбой сказать пару слов о песнях Высоцкого из так называемого «спортивного» цикла. Александр Иванович с удовольствием откликнулся на эту просьбу. Он рассказал: «Когда я впервые услышал спортивные песни Владимира Высоцкого, они произвели на меня определенное впечатление... Эти песни, в общем-то, заставили меня, да я думаю — и не только меня, мобилизоваться, сконцентрироваться, сконцентрировать свои усилия на достижении спортивного результата и успеха...»

Далее Александр Иншаков вновь пустился в воспоминания и рассказал о случае, когда поэта не пропускали на соревнования по каратэ. Но рассказал чуть по-иному, чем описано выше. Приведем его «старый» рассказ на «новый» лад: «Я хочу припомнить один случай, довольно смешной, веселый... Как я Володю пригласил на турнир, а его не пускают в зал. Он вызвал меня, я вышел к нему в спортивном халате. А на входе стояли два милиционера таких, знаете, невысоких, килограмм по 48 в каждом. Вот они не пропускали Высоцкого... Я говорю: «Да вы что!.. Это же Владимир Высоцкий!..» Но они — ни в какую! А тогда в Москве вводился особый режим — в связи с приближающейся Олимпиадой — и понаехало милиции и охраны из других городов. Видимо, эти два парня не знали Высоцкого... Я думаю: что же делать? И тогда я вспомнил: он же только что снялся в фильме, и показали этот знаменитый сериал, в котором он сыграл Жеглова! Я говорю этим милиционерам: «Идиоты! Это же ваш, Жеглов!..» — «А... Ну, Жеглов — наш...» И они его пропустили как Жеглова, понимаете, не как Высоцкого, а как персонаж из фильма!..

Когда Владимир Высоцкий вошел в зал — вы не можете себе представить — все зрители повставали со своих мест! Он был несказанно горд этим и сказал мне: «Ну, Саня, — давай!..» И я — дал!..»

Тут Александр Иншаков, вероятно, путает даты и смешивает события. Фильм с участием Владимира Высоцкого был впервые показан по телевидению в ноябре 1979 года, а по словам того же каратиста, он рассказывает о встрече с поэтом на турнире, проходившем годом ранее, то есть в 1978 году... Хорошо бы — определиться и отделить котлеты от мух. Ну да ладно...

Не остался незамеченным поэт и журналистами, освещавшими турнир.

По всей вероятности, впечатленный мастерством московских каратистов, атмосферой проходивших соревнований и победным выступлением на них своего приятеля Саши Иншакова, Владимир Высоцкий поделился своими впечатлениями об увиденном в небольшом интервью, опубликованном в 3-м номере журнала «Спортивная жизнь России» за 1980 год. Вот небольшой отрывок из материала журналиста А. Назарова, вышедшего под заголовком «Спортивный наряд каратэ. Репортаж с первого чемпионата Москвы»: «Зритель любопытный, в хорошем смысле слова, артист Театра на Таганке Владимир Высоцкий.

Для нас, артистов, тренинг — обязательное условие существования, профессиональная, что ли, принадлежность. Потому, чтобы разнообразить его, я пришел полубоюпытствовать в «Дружбу», тренировки ребят с Цветного бульвара я видел несколько раз. Теперь с полной ответственностью могу засвидетельствовать, что каратэ — зрелищный вид спорта. Между прочим, родоначальники каратэ — японцы — ставят рядом с этим понятием слово «игра».

Каратэ плейер — игрок каратэ. Вот и хотелось бы теперь поболее видеть высокотехничных игроков каратэ. А для поддержания своей формы я кое-какие приемы взял на заметку. И последнее, «если тренером был я», то спокойно заявил бы на международные соревнования Виталия Пака, Александра Иншакова и Сергея Шаповалова».

Вот такие слова Владимира Семеновича Высоцкого — как знак уважения к ребятам и восхищения их спортивным мастерством и достижениями, людям отчаянным, выбравшим для себя этот экзотический «спорт смелых». Разве не приятно было их прочесть молодым каратистам?

К сожалению, эти слова поэта, произнесенные им в адрес спортсменов, стали для них своеобразным прощальным напутствием от Высоцкого.

Через четыре месяца после публикации в журнале этого интервью Владимира Высоцкого не станет...

...Жарким днем 28 июля 1980 года молодой каратист и каскадер Саша Иншаков был в числе тысяч москвичей, пришедших попрощаться с Владимиром Семеновичем Высоцким. Сохранилась фотография, сделанная во время панихиды по поэту в холле дома на Малой Грузинской улице, где он жил. На черно-белом снимке у гроба Высоцкого стоят в скорбном молчании его друзья, коллеги и партнеры по театру — Александр Иншаков, Леонид Филатов, Семен Фарада и многие другие...

АЛЕКСАНДР МИТТА

...В переводе с иврита слово «митта» означает «гроб»... Да, вот под таким ужасным псевдонимом скрывается, уже много лет живет и работает в кино Александр Наумович Рабинович (1933 г.р.) Это — настоящая фамилия художника-карикатуриста, ставшего кинорежиссером.

Режиссер Митта снял много малоизвестных и известных фильмов: «Друг мой, Колька!», «Звонят, откройте дверь», «Точка, точка запятая», «Гори, гори, моя звезда», «Москва, любовь моя», «Экипаж», «Сказка странствий» и других. В некоторых Александр Наумович выступал не только как режиссер, но еще и как сценарист, и даже — актер.

В середине 80-х годов Александр Наумович, казалось многим, окончательно распрощался с кино — ведь он около 10 лет ничего не снимал! Кто-то — обрадовался, многие — вздохнули облегченно...

Но вопреки скептикам Митта — вернулся. И вернулся триумфально — с сериалом «Граница. Таежный роман», в 2000 году...

Что до Владимира Высоцкого, то тесное общение связывало его с Александром с начала 60-х годов. Кинорежиссер вспоминал: «Трудно сказать, где мы познакомились с Володицей. Виделись в разных компаниях. К кругу Кочаряна я не был близок, в доме его не бывал, но дружил с Окуневскими, жившими по соседству, — Татьяной Окуневской, знаменитой актрисой, звездой довоенного кино, и ее дочерью Ингой.

В 1958—1959 г. мы учились, очень живо общались, всюду бывали. Володя в это время выступал в каких-то эстрадных капустниках в ВТО, в Щукинском училище, хотя сам учился в Школе-студии МХАТ.

Возможно, впервые мы встретились у Марлена Хуциева на Подсосенском, 7. Марлен только начинал как режиссер, но был вполне легендарной личностью. Нам было интересно собраться у него, просто поболтать. Он жил в небольшой полутемной квартире, но она казалась нам огромной. Ставили бу-

тылку водки, большую миску картошки. Появлялись Тарковский и Шукшин, проходившие у Хуциева практику (а Шукшин еще и снимался у него в картине «Два Федора»), Гена Шпаликов... Среди других бывал и Володя».

Довстречались и дообщались, в итоге, за эти годы до того, что Александр Наумович снял ставшего закадычным приятелем Володю в своей картине «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Картина, в которой открыто унижается достоинство русской нации и оплеваются прогрессивные начинания Петра I, осмеивается русская история и наш народ... Фильм вышел на экраны в 1975 году и особых лавров, к счастью, не снискал, даже напротив... Несмотря на участие в ней Высоцкого, сыгравшего, как оказалось — в заурядной ленте, главную роль — крестника Петра Ибрагима Ганнибала.

Владимир Высоцкий написал и предложил в историческую картину Митты две потрясающие песни, одни из своих лучших, — «Купола российские» и «Разбойничью», которые намеревался же сам и исполнить в фильме. Может быть, они бы «вытащили» «Сказ...» и сделали бы его действительно достойным просмотра... Но национальная смекалка режиссеру подсказала, что будут слушать чужие песни, а не смотреть его гнилое кино, и он велел их в ленту «не пущать». Дескать, не вмонтируются... (Да потому, что песни в картине, попади они в нее, стали бы отдельными *фильмами!*..)

После этого Митта и Высоцкий были в долгой «как бы ссоре», то есть — почти не общались... Фактически, они так и не помирились. Больше Владимир Семенович с Александром Наумовичем Рабиновичем не хотел иметь дела... И не имел. Встречались только в компаниях — изредка... «Мы были знакомы лет двадцать, лет шесть-семь дружили... Но отчетливо я помню лишь год общей работы. А после фильма мы только здоровались. Хотя и не ссорились», — признается кинорежиссер.

Но вернемся в 60-е. Александр Митта вспоминает: «В году 66-м в нашей компании появился Высоцкий. Кто такой? И хотя не было на нем никакого отпечатка гениальности, как на нас, — простой и ясный человек, но каким-то непостижимым образом и как-то совершенно естественно он всегда, в любом обществе оказывался главной фигурой».

«Когда мы с женой жили на проспекте Вернадского, а он — в Матвеевском, Володя частенько по дороге из театра к нам заскакивал».(3) «Высоцкий довольно часто оставался у нас ночевать, поскольку находилось наше жилище как раз посередине его пути от Театра на Таганке к их с Мариной Влади квартире в Матвеевском, добираться до которой было долго и неудобно».

«Шесть лет он у нас дома праздники встречал: от Нового года до дня рождения. Тогда, ведь, рестораны были «тошнилловками для командировочных». «Мы дружили и с Высоцким, и с Мариной». «Марина Влади, помню, как-то грустно сказала: «Ваше счастье, что вы не знаете, до какой же степени вы бедны».

Александр Наумович с супругой были приглашенными гостями на свадьбе Владимира Высоцкого и Марины Влади. в декабре 1970 года...

Кинорежиссер продолжает вспоминать (ну и память, скажу я вам!): «Вместе — в узком кругу, скромно — отмечали их свадьбу, в Москве. Кроме нас тогда были, по моему, только Андрей Вознесенский и Зураб Церетели. Лиля, моя жена, по этому случаю испекла яблочный пирог, который все с удовольствием уплетали.

А большая свадьба была у них в Грузии, устраивал ее Зураб. Там уже все ходуном ходило, грузинское гостеприимство было представлено в полной мере...»

Как уже говорилось, в 1975-м Высоцкий и Митта встретились на съемках картины «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Фильм снимался по сценарию известных кинодраматургов Юлия Дунского и Валерия Фрида. Кинорежиссер до сих пор утверждает, что в роли Ибрагима видел только Высоцкого; дескать, и сценарий «под него» писался, и съемки «пробивал» он «под Володю»...

Митте же предлагали снимать в роли Ганнибала то чернокожего студента, то Гарри Белафонте... Как отчаянный кинорежиссер, он *отстоял* своего кандидата на роль — Владимира Высоцкого. Чего это Митте стоило — одному Богу известно... В любом случае, за это ему — спасибо. А то вместо Высоцкого арапом Петра мог стать иностранец! А оно нам надо?

В 1976 году Александр Наумович дал большое интервью журналу «Искусство кино», загадочно озаглавленное «Когда оживают гравюры». В нем интервьюер, кинокритик Л. Каракан, подробно расспросил режиссера о роли Ибрагима Ганнибала, сыгранной Высоцким в картине:

— Почему арапа играет, скажем, не настоящий эфиоп, а откровенно загримированный, как в театре, актер?

— На роль Ибрагима пробовались несколько эфиопов. Но они имели совершенно непривычные стереотипы поведения: жесты, походку, манеру говорить. Это было экзотично и... уводило от нашей задачи. К тому же Ибрагим, — по существу, русский человек. «Лицом арап, а душой русский», — как он сам о себе говорил. Нам это было важно подчеркнуть. И, поскольку вся картина несколько маскарадна, мы решили, что боль-

шой беды не будет, если арапа сыграет загримированный русский актер. На пробах лучше других был Высоцкий, и мы пригласили его на роль.

Для нас было важно, что помимо драматических способностей Высоцкий обладает еще и ярким комедийным талантом. Актерская техника Высоцкого, приобретенная в театре Любимова, необычна для кино и, по-моему, очень интересна. Он способен делать внятными любое движение души, находит конкретное выражение любому режиссерскому заданию, раскладывая его на ряд движений, которые пластично увязываются друг с другом. Высоцкий делает это виртуозно...»

Приятно услышать в свой адрес исполнителю главной роли в фильме такие слова от режиссера! Хочется думать, что Владимир Семенович был знаком с интервью Митты популярному журналу о кино.

Впрочем, лучше других о перипетиях, связанных с картиной, и о ролях, в них сыгранных, расскажут его создатели и актеры, снявшиеся в его ленте, — в своих воспоминаниях...

— У фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» могла быть совсем другая судьба. Фильм задумывался специально для Высоцкого, с которым я тогда дружил, — вспоминает режиссер Александр Митта. — И вдруг один известный французский продюсер, узнав о проекте, послал мне телеграмму: «У тебя на картине будут американцы».

Для 1976 года это было вещь совершенно диковинной. Француз, приехав в Москву, тут же радостно сообщил: главную роль хочет играть САМ Гарри Белафонте!

В те времена этот темнокожий антирасист был широко известен по лентам «Остров под солнцем», «Ставки против завтрашнего дня».

Митта ответил не раздумывая:

— Главную роль будет играть Высоцкий.

— Ты с ума сошел, кто такой Высоцкий? Может быть, ты чего-то не понял? — француз был в шоке.

— Конечно, для француза Высоцкий был никто, — усмеяется Александр Наумович. — Но я-то знал, что его слава на родине ни с чем не сравнима.

Но главная угроза Высоцкому пришла от советских чиновников. Режиссеру советовали попробовать на роль другого актера и даже предлагали съездить в Париж, поискать исполнителя в работавшем там Эфиопском национальном театре.

Митта от поездки отказался, а чтобы от него отстали, позвал на пробу никому не известного студента-эфиопа из литинститута.

Парнишка-эфиоп с восторгом прибежал на пробу:

— Мне очень нужна эта роль!

— Почему? — удивился Митта.

— Если я сыграю роль *нашего* национального поэта, я стану богатым человеком.

— Вашего?

— Конечно! У нас в Аддис-Абебе каждый второй с виду вылитый Пушкин!

Словом, паренька так и не утвердили.

— Владимир Высоцкий к тому времени уже стал настоящим европейцем, — вспоминает Михаил Кокшенов. — Похудел, построил чел, обрел несоветский лоск. На съемки он приезжал вместе с Мариной Влади, всегда одетый с иголки. Но его доброжелательность осталась прежней. Мы в Москве были соседями, и он подвозил меня на шикарном «Мерседесе». «Как едем? Летим!» — не скрывал он восторга перед машиной.

Не подозревала о всенародной любви к исполнителю лишь одна актриса — Ирина Мазуркевич, по сюжету — возлюбленная арапа. Шестнадцатилетняя девочка только год как приехала из небольшого белорусского городка Мозыря. Там магнитофоны были редкостью. Поэтому когда кандидатке на роль сказали, что ее партнером будет Высоцкий, она только кивнула: Высоцкий так Высоцкий.

Режиссер выбрал Ирину по фото из картотеки. Сейчас Ирина вспоминает:

— Я была маленькая, с огромными глазищами и — полным незнанием жизни. Но когда режиссер спросил у Высоцкого, с кем он хотел бы работать, тот указал на меня.

К своей молоденькой партнерше Высоцкий относился покровительственно. Сам большой модник, одевавшийся в Париже, он дарил ей то французскую парфюмерию, то кофточку, то бархатные штанишки, которые изначально вез для сына. Однако романа между ними, несмотря на слухи, не было.

После той роли Ирина Мазуркевич снималась во многих картинах: «Трое в лодке, не считая собаки», «О бедном гусаре замолвите слово», «Тайна «Черных дроздов», «Ты у меня одна», «Все будет хорошо».

Вот уже более двадцати лет она живет в счастливом браке с Анатолием Равиковичем, незабвенным Хоботовым из «Покровских ворот».

Актера на роль Петра Великого искали очень долго. Первоначально Петру отводилась роль эпизодическая. Но, столкнувшись с бешеной энергетикой Алексея Петренко, режиссер дописал новые сцены.

— Высоцкий, увидев, как из незначительной фигуры Петр превращается в одну из ключевых, даже стал ревновать меня к актеру, — говорит Александр Наумович. — Но я считаю, что Петренко — уникальный артист. Это тип актера, с которых Станиславский писал свою систему.

— Это был, наверное, лучший мой фильм, — продолжает кинорежиссер. — Но на мое несчастье, перед сдачей этой картины запретили уже принятый на худсовете исторический фильм Элема Климова «Агония». Чтобы подстраховаться, мой фильм было решено сокращать.

Сначала из картины вырезали кульминацию, после чего трагикомедия превратилась в незатейливую комедию.

Но самое бредовое было впереди. Митта отобразил исторический факт — у Петра Великого было 86 карликов, изображавших сенат. Чтобы получить допуск к Петру, надо было сначала согнуться в три погибели, наговорить карлику кучу любезностей и, взяв его на руки, как ключ к государевому сердцу, нести перед собой.

— У меня в фильме карликов было всего восемь, — вспоминает Александр Митта. — Но они постоянно присутствовали в кадре у ног персонажей. Начальству изображение того, как самые маленькие становятся самыми важными, показалось поклепом на современность. И всех карликов велели вырезать! Из готовой картины убрали все кадры, в которых были замечены карлики. Сидел редактор и следил: «Вот карлик пробежал, вот еще один». После такого монтажа исчезали необходимые эпизоды...

И, наконец, цензура решила изменить даже само название. Мол, для легкомысленной комедии, каковой и стала картина, пушкинское «Арап Петра Великого» — слишком много чести. Сами же цензоры и придумали название, длинное, как забор, — «Сказ про то, как царь Петр арапа женил».

Александр Наумович говорит, что Высоцкий «на съемочной площадке излучал такую бешеную энергию, что казалось, будто воздух вокруг него начинает потрескивать!»

...Работа над картиной шла неимоверно трудно: то Митта был недоволен отснятым материалом, то сам исполнитель главной роли — Ганнибал-Высоцкий. Особая нервозность возникла после неприятия (и неприятия) режиссером предложенных поэтом в картину песен...

С горем пополам, к 76-му году съемки фильма были завершены и отснятый материал — смонтирован. «Александр Наумович вспоминал, как с грустью смотрел «окончательный» вариант «Арапа». Он же делал вполне серьезный фильм-трагикомедию с печальным концом. После многочисленных

согласований наверху в прокат пошла уже легкая комедия, столь любимая нашим народом. «Арап брел по набережной Невы. Где-то наверху пучились серые тучи. А рядом, поглядывая через плечо, вместе с ним шли одиночество и смерть» — именно так выглядела финальная сцена картины.

Партийное начальство решило иначе, усмотрев явную параллель с действительностью. Высоцкий не протестовал. Молчал он и когда узнал, что двух песен, написанных специально для этого фильма, тоже не будет. Митту вызвали в дирекцию и строго предупредили, чтобы он не тратил пленку, записывая актера.

«Володя дистанцировался от всего этого дерьма. Не могу сказать, что творилось у него на душе. Но внешне свои чувства он никогда не проявлял, все переживал в душе» — такова версия «отмазки» Александра Митты от произошедшего, в итоге, с фильмом и песнями Высоцкого, в него не вошедшими...

Как уже известно читателю, исковеркана была не только картина, но и первоначальное название сценария Дунского и Фрида, и, соответственно, — самой картины. Первоначально и сценарий, и фильм назывались «Арап Петра Великого». Но чиновникам от кино, выпускающим картину на экран, оно не понравилось: дескать, все — про арапа, и на первом месте в названии — слово «арап»...

Владимир Высоцкий на одном из концертов пошутил по поводу переименования фильма: «Начальники подумали, что так было кино про арапа, а они придумали такое название, что теперь фильм будет про Петра!...» (Смех в зале).

Еще не были окончены съемки картины, а Владимир Высоцкий, по старой дружбе и доброте душевной, дал концерт на дому у Александра Митты. Состоялся он в первый день наступившего 1975 года. Режиссер тогда проживал по адресу: г. Москва, ул. Удальцова, дом 16, кв. 23, входить с черного хода... На том новогоднем домашнем концерте присутствовали: хозяин квартиры и его супруга Лиля Моисеевна Майорова, а также Галина Борисовна Волчек, Александр Орлов, Лилия Бодрова-Бернес, Виктор Суходрев с супругой Ингой Окуневской... Ну и контингент, скажу я вам...

Высоцкий пел для собравшихся около трех часов, успев исполнить за это время порядка 40 песен, в их числе — несколько на еврейскую тематику (которые на публичных концертах, особенно в последние годы, практически не исполнял): «Антисемиты», «Мишка Шифман», и т. д. Александр Митта (на правах хозяина дома) и Виктор Суходрев (как дорогой и любезный гость) вели запись концерта на собственные магнитофончики... Слава богу — фонограммы этого домашнего

выступления Владимира Высоцкого сохранились и дошли-таки до нас!

Александр Наумович продолжает вспоминать: «Высоцкий так невероятно изнашивался, что не мог выбрасывать периодически из души всю накопившуюся скверну. У него, ведь, вопреки слухам, крайне редко запои были. Раз-два в год, не чаще. Я-то знаю...» Это все потом стало проявляться.

Кстати, и «подшивал» Высоцкого несколько лет подряд мой двоюродный брат — он был хирургом в госпитале МВД. Но в годы, когда мы активно общались с Высоцким и с Мариной, ничего этого не происходило». (Брат Александра Митты — Герман Ефимович Баснер — прототип хирурга Германа Абрамовича, персонажа прозаического «Романа о девочках», написанного Владимиром Высоцким в 1978 году. Роман остался незаконченным. — А. П.) «Четыре года его подшивал». «Бывало, что Володя эту «подшивку» из себя выковыривал, знал, что если зашитым выпьет, то умереть может от отека».

«А с наркотиками... Один богатый мерзавец его на них посадил, — продолжает Митта. — Известно, что люди апатичные могут наркотики принимать десятилетиями, а яркие люди быстро сгорают на этом. У них же психика другая».

«Про наркотики я вообще ничего не знал. Меня восхищала гиперактивность этого человека, он по природе своей, без всякой подкачки, все время был на взводе, в каком-то невысказанно активном тоне. Невероятно резкий человек. Ему надо было все делать резко: резко войти, резко выйти, резко расслабиться, он генерировал бешеную энергию и заряжал ею огромное количество людей, жил на совершенно бешеном темпераменте, который в результате и сжег его...»

«И Высоцкого быстро скрутило. Очень быстро. Он даже не в расцвете ушел, а на пороге расцвета. На пороге мировой славы. Высоцкий был актером уровня Жана Габена или Брюса Уиллиса. И его ниша незаполненной осталась...»

«Не будь с ним рядом Марины, — не может уняться якобы Митта, — Высоцкий погиб бы гораздо раньше. Они любили друг друга, до безумия, и только ей мы обязаны тем, что он успел (??? — А. П.) прожить самые яркие творческие годы и написать свои лучшие песни. Марина его спасала постоянно, вытаскивала из депрессий, из стрессов, из клинических смертей».

Помню, в очередной раз сорвавшись сюда из Парижа, бросив там все свои дела, она сказала моей жене: «Это 19-й раз. Я больше не могу». Но после этого приезжала еще и еще...

Она уже тогда являлась легендой во Франции, была вхожа во все круги высшего света, не понаслышке знала, что такое

роскошь, богатство. Говорила нам: «Господи, какие вы бедные, вы ничего не видите!..»

В общем, казалось бы, по ее меркам Высоцкий был никто и ничто. Но она каким-то образом почувствовала, что он — гений, и беззаветно отдала ему всю себя, буквально бросила свою жизнь под ноги ему...»

Несколько, на наш взгляд, заслуженных камней в огород кинорежиссера... Эх, как «кидает» в монологах Александра Митты! «Марина спасала его постоянно, вытаскивала из депрессий, стрессов, клинических смертей...» А кто Высоцкого к ним подталкивал? Вы, своими пьянками, «гениальными» фильмами и отказами взять в них песни поэта!

И как может Марина Влади, женщина, которую, по словам Митты, Высоцкий «любил до безумия», цинично подсчитывать количество «вытаскиваний» мужа из трудных ситуаций: «Это 19-й раз...»? И при этом делиться подсчетами с женой даже не друга, а знакомого собутыльника? («Раз-два в год запои... Я-ТО ЗНАЮ...») Ах, ну, да — забыли... Ответы кроются все в той же словесной пене режиссера: для Влади же, «по ее меркам», Высоцкий был «никто и ничто»... Но... Слава Богу, «легенда Франции» быстро одумалась: «входя в высшие круги света, знающая, что такое роскошь и богатство», она, вдруг «бросает свою жизнь под ноги» этому... «никто и ничто», как-то вдруг ставшему для Марины «гением»...

Эх, считающий себя другом Владимира Высоцкого г-н Митта! За такие рассказы, уподобленные старушечьим сплетням, раньше били канделябром по лицу... Согласно русской поговорке, *таких* «друзей» берут и ведут сдаваться в музей!

...Несмотря на провал в прокате картины «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», Владимир Семенович пригласил Александра Митту с супругой на новоселье. Да! В конце декабря 1975 года Высоцкий и Марина Влади устроили вечеринку — по случаю въезда в новую собственную квартиру, актерский «кооператив» на Малой Грузинской улице, дом 28. Есть хороший фотоснимок, сделанный в тот вечер. Его автор — знаменитый питерский фотохудожник Валерий Плотников. На снимке — гости, приглашенные хозяевами в свой дом на торжество: Володарский, Говорухин, Суходрев с супругой, Ахмадулина с Борей Мессерером... И Саша Митта-таки с женой Лилей...

Сам кинорежиссер до сих пор проживает по тому же московскому адресу. Только у Высоцкого номер квартиры был 30-й, в первом подъезде, а Митта живет во втором...

«Как въехал, так и живу с самого начала постройки, — радуется Александр Наумович. — Меня сюда Высоцкий устроил. Элитный дом, сюда попасть просто так считалось совершен-

но невозможным. Правда, пришлось потратить все деньги, которые у меня в ту пору водились: ведь дом строился на кооперативных началах...

Володя был человеком верным и считал, что любая помощь входит в понятие дружбы. Сам он жил в соседнем подъезде на 5-м этаже. (К сведению друга и соседа Митты: Высоцкий жил на 8-м! Видишь, читатель, какая гадость... эта водка... — А. П.)

Общались постоянно. Хотя, надо признаться, мы гораздо чаще встречались до того, как переехали в этот дом... Частенько застревал у нас в старой квартире..., ночевать оставался — если Марины Влади в Москве не было...»

Наверное, один спать боялся... Да, Александр Наумович?

«Высоцкий был человеком необыкновенно общительным человеком, круг его друзей зашкаливал за сотню, и самых разных людей — артистов, золотоискателей, ученых, космонавтов, поэтов... Он обо всех заботился, из Франции в подарок шмотки таскал чемоданами, тогда так было принято. Мне как-то шикарный полушубок принес. Подарили, говорит, югославы, а у меня один уже есть...» Взял! А чего там?..

Ну, слава Богу! И себя любимого Митта не постеснялся внести в список сотни друзей поэта, занимавших очередь за подарками!

«О Высоцком я редко говорю, — врет кинорежиссер. (Нет интервью, в котором не было бы «душеизлияний» о друге Володе!.. — А. П.) — Потому, что и так его жизнь почти всю истоптали. Пусть о подробностях его личной жизни, наркотиках и прочем говорят без меня». «На его имени спекулировать не хочу. Изображать из себя близкого и преданного друга — тем более.

Я Володю очень любил. Но, говоря строго, он был больше другом моей жены Лили Майоровой. Она — прекрасная хозяйка, благодаря ей дом фактически превращался в ресторан для друзей...»

«Жизнь истоптали...» «О наркотиках пусть говорят без меня...» Да только в этой главе столько цитат из интервью Александра Митты на эти (и другие, о личной жизни — тоже!) темы, что удивляешься неприкрытому цинизму Инорежиссера! (Инорежиссер — одно из прозвищ Александра Митты — он получил его за слабые режиссерские работы. Другое прозвище — Минтай (так его за глаза называют актеры на съемочной площадке)).

В начале 2009 года в печати прошел в слухок, что кинорежиссер собирается снимать его — четырехсерийный фильм о друге Вове. Но... Есть на свете Бог — разразившийся в

экономике мировой и страны т. н. «финансовый кризис» порушил все планы господина Митты... Проект сорвался! Не видать нам гениального фильма о жизни и смерти Владимира Высоцкого!...

Как плачут, даже — рыдают кинокритики на плечах зрителей...

От счастья, конечно же!...

Совет журналистам: будьте осторожны, после рухнувшего на корню кинопроекта, что-либо спрашивать у Александра Наумовича о его друге Владимире Высоцком.

А. Н. Митта не любит, когда его спрашивают о Высоцком!..

Не любит!.. Но интервью о нем дает с завидной регулярностью!

Предлагаем читателю ознакомиться со статьей кинорежиссера «Будет излучать тепло и свет», посвященной Владимиру Высоцкому. Написана она была им в 1980 году...

«С именем Владимира Высоцкого всегда было связано множество проблем. И вспоминая его, мне хотелось бы для начала остановиться на одной, может быть, не самой важной, но сегодня актуальной — до тех пор, пока его творческое наследие не будет как-то упорядочено.

Он написал более шестисот песен. Это неслыханно много, и естественно, что, как в горном хребте есть вершины повыше и пониже, так и песни у него есть пронзительные до боли, а есть забавные или горькие, нежные или едкие, и все — разные.

Горький факт заключается в том, что его безмерная популярность породила подражателей, имитаторов и просто людей, взбудораженных этим огромным талантом. И по России, как говорил сам Высоцкий, гуляло 2—2,5 тысячи подделок и имитаций его песен. Иногда это простодушные подражания, иногда коммерческая поделка с душком. Обнаружить их нетрудно, но как убедить пошляка или болвана в том, что это не Высоцкий?

Сам я убежден, что с именем Высоцкого будет связана отныне история русской и советской песни. И лучшее из того, что он сочинил, не только войдет в золотой фонд русской культуры, но и будет стимулировать многие и многие таланты к творчеству.

Французский поэт-песенник Жорж Брассанс, кстати сказать, ставший за свои песни академиком Франции, принимает Высоцкого как брата по таланту. А это поэт, который дер-

жит на почтительной дистанции многих из тех, кого мы простодушно считаем идолами современной песни.

В мировой песенной практике, которая сейчас породила тысячи исполнителей и авторов, нет, говорят сведущие люди, ничего похожего на тот многоцветный и многолюдный мир, который возникает в песнях Владимира Высоцкого. Кажется, что Россия спрессовалась в ком любви и боли, веселья и отчаяния, горьких раздумий и пронзительных озарений.

Мне приходилось много лет быть свидетелем его работы. Песню — каждую — он писал подолгу, по два-три месяца, много раз переписывая, зачеркивая слова, то сокращая, то прибавляя строчки. Потом месяц-два песня пелась им почти каждый вечер, и всякий раз хоть два-три слова, хоть одно да менялось, уточнялось. И так в работе было одновременно пять-шесть, а когда и десяток вещей. Одновременно оттачивалось исполнение, искались интонации, акценты. Для постороннего человека провести вечер с Высоцким значило послушать, как Володя с непрекращающимся удовольствием поет свои песни, покаяя друзей и гостей. И не сразу и не все понимали, что эти вечера были его непрерывной ежедневной репетицией. Он работал сосредоточенно и вдумчиво. Для него гул друзей, набившихся в комнату вокруг накрытого стола, был таким же естественным компонентом творчества, как ночная тишина его пустой комнаты, когда он складывал слова, трудолюбиво лепя их, приваривая темпераментом и мыслью одно к другому, чтобы получилось как массив, как что-то единое, рожденное с лету.

По творческому напору Высоцкий был редким и уникальным явлением. Неоднократно мне доводилось быть свидетелем того, как он работал круглыми сутками, по четыре-пять дней. Причем не просто работал, а выкладывался. Днем съемка, вечером спектакль, да еще какой! — Гамлет или Галилей, ночью творчество за столом над белым листком, исписанным мельчайшими убористыми строчками. Два часа сна — и он готов к новому дню, полному разнообразных творческих напряжений, и так день за днем. По-моему, больше пяти часов он не спал никогда, кроме редких периодов полного расслабления, когда организм, казалось, освобождался от многомесячных накоплений усталости и сдержанности.

Пожалуй, это слово «сдержанность» лучше всего определяло Высоцкого, невидимого посторонним людям. На сцене театра или с гитарой он был сгустком раскаленной энергии, казалось, не знающей удержку и препон. А в общении с людьми был сдержан, собран, тактичен, терпелив. Причем надо по-

нять, что это был человек с тонкой и остро чувствующей унижение структурой поэта, чтобы в должной мере оценить то напряжение и самодисциплину, которой требовала эта внешне чуть хладнокровная сдержанность.

А вот друзья, которых у него было очень много и в самых разных кругах жизни, помнят его человеком преданным и нежным. У него был отдельный от всех его творческих талантов ярко выраженный талант дружбы. Он делал для друзей многое и умел принимать дружбу так, что вы были от этого счастливы. Потому что каждый человек бывает счастлив, когда его талант замечен другими. Но иной рисует, пишет музыку, изобретает что-то — это продуктивные таланты. А есть просто талант от бога: способность быть добрым, верным, нежным. Для того, чтобы этот талант проявился в полной мере, нужны потрясения, войны, — иначе мы его не замечаем. А Володя чувствовал этот талант в людях, как, говорят, экстрасенсы чувствуют излучение поля человеческого организма. И чувствовал, и излучал сам.

Я думаю, что люди, которые любят его песни, угадывают в них не только глубину его на первый взгляд простодушных образов, но и глубину человеческой личности, одаренной самым главным и самым высоким талантом — талантом любви. Не абстрактной, христианской или какой-нибудь еще, а очень конкретной мужской, со всеми доблестями, которые должны в ней быть: мужеством, ответственностью, нежностью, верностью.

Послушайте его песни под этим углом — в них все это есть. И я думаю, что когда время отшелушит в них немногое из случайного или броского, основное, главное будет долго излучать людям тепло и свет.

Народ не дарит свою любовь случайным людям. А мы видели, как десятки тысяч людей пришли проститься с гробом дорогого человека, поэта и певца, и как уже больше месяца все несут и несут цветы на его могилу. Она недалеко от нашего дома. Нет-нет да и зайду хоть с небольшим букетиком. А там все время свежие цветы, огромные яркие букеты, корзины. Не богачи же их покупают, не учреждения. Значит, приехал человек из далекого места и как важное для себя событие совершил печальный ритуал прощания с близким. И каждый день все новые букеты. И молчаливые неподвижные люди стоят и, как прожитую жизнь, вспоминают Володины песни».

АЛЕКСАНДР НОВИКОВ

Александр Васильевич Новиков, один из самых известных, популярных, авторитетных и любимых народом исполнителей, корифей русского шансона, «уголовный бард», как он окрестил себя, родился в 1953 году. Через 30 лет им будут написаны самые известные песни — «Вези меня, извозчик», «Помнишь, девочка...», «Вано, послушай...», и другие, через год вошедшие в отдельный альбом, за выход которого автор заплатил своей свободой, шесть лет отсидев за их исполнение и запись.

В одном из интервью, много лет спустя после записи альбома, Александра спросили: «А что вас вдохновило на альбом «Извозчик», какие впечатления?» — «Варлам Шаламов, Солженицын... Высоцкий, Алешковский, Галич, — ответил Новиков. — Я это все читал, я это слышал. И, конечно, в некотором роде это было, может быть, подражание. Но достаточно талантливое и удачное. И потому альбом был громоподобный, популярность сразу обрел».

После этого Александр записал и выпустил еще полтора десятка альбомов, среди которых автор особо выделяет цикл песен на стихи Сергея Есенина.

Что же такое русский шансон изначально, в котором так преуспел герой нашей главы? На этот вопрос Александр Васильевич отвечает так: «У истоков жанра стояли великие люди: Есенин, Высоцкий, Вертинский, Галич. В основе жанра лежат стихи, а не тексты».

Свои слова Новиков подтверждает и в другом интервью: «...В основе жанра лежат стихи. В этом жанре работали великие люди: в истоках жанра — Есенин, Высоцкий, Вертинский. Это великие поэты! А истоки шансона лежат глубоко в скomorошестве. Меняются люди, время, события, язык, меняются аккомпанирующие инструменты — остается его суть: воспевание окружающей нас действительности в реальном изложении! Вне зависимости от того, какая система на дворе... И жанр этот в сути своей честен, прям и правдив».

В жизни и судьбе шансонье не обошлось без Владимира Высоцкого — влияние его песенного творчества подтолкнуло начинающего поэта Сашу Новикова в далекие 60-е взять в руки гитару и заняться пением и сочинением песен, что стало, в итоге, делом всей его жизни. Научился играть на гитаре Александр в 12-летнем возрасте — пару аккордов показал сосед, друг детства; тогда семья военного летчика Василия Новикова жила в городе Фрунзе (ныне — г. Бишкек, столица Кыргызстана). Серьезное же увлечение музыкой началось в 14-летнем возрасте. Вот как вспоминает Новиков это время в предисловии к книге стихов и песен «Вези меня, извозчик...», носящем название «Годы мои юные»: «14 лет. Восьмой класс. Во дворе гитары. Из окон Высоцкий. В голове Высоцкий. Дух запретной романтики. Что-то новое потянуло, как магнит. Руки рванулись к струнам. Душа — к строчкам». «Когда я учился в восьмом классе, я впервые услышал Высоцкого. Это произвело на меня большое впечатление, вызвав желание научиться играть на гитаре и петь эти песни. Позже услышал Галича. Это был второй человек, определивший мою судьбу. Я сразу почувствовал, что вот это — мое. Я захотел делать нечто подобное. В то время я уже давно писал стихи», — признавался в интервью будущий мэтр «русского шансона».

В интервью одной из популярных газет Александр Васильевич Новиков так вспоминает о тех годах: «Впервые я взял в руки гитару во Фрунзе в восьмом классе. Мы с пацанами пошли в кино на фильм «Вертикаль». И сам фильм, и особенно песни Высоцкого произвели на меня такое впечатление, что я шел из кинотеатра и понимал, что жизни без гитары мне теперь нет. Пришел домой и говорю матери: «Покупай мне гитару» — у меня как раз близился день рождения».

Да, именно в те годы по экранам страны прокатился фильм Станислава Говорухина «Вертикаль», снятый в 1967 году, в котором Владимир Высоцкий не только сыграл одну из главных ролей, но и исполнил несколько своих песен.

«Первую свою песню я написал после просмотра фильма «Вертикаль». Называлась она «Улица Восточная», — рассказывает Александр Новиков. — «Начиналась она словами: «Рестораны шумные, колдовское зелье». Нормально для старшеклассника, правда? Мне было как-то неловко говорить, что эта песня моя, и когда я ее пел в клубе, на вечеринках, в общепитии у друзей, то приписывал авторство уже известному тогда Александру Дольскому. Причем сам он об этом не знал».

Случилось это в Свердловске, в 1969 году. Именно тогда семья Новиковых переехала в столицу Урала.

— Значит, ваши первые соприкосновения с музыкой начались с песен Высоцкого, Галича? — допытывались у Новикова журналисты.

Он им отвечал:

— Вообще, это довольно смешно — в четырнадцать лет визгливым голосом на весь двор петь их песни. Но и это, наверное, принесло свои плоды. Если бы не было Есенина, Галича, Высоцкого, не думаю, что я состоялся бы как поэт и как исполнитель этого жанра. Мне нравились эти песни, я никогда не думал — шансон, не шансон. Просто близка была эта форма, а жизнь сама вывела на дорогу, по которой и шагаю. В основе всего лежат именно стихи, а не тексты. Почему я уничижительно говорю о тех, кто пишет только о тюремных нарах? Я с полной уверенностью могу сказать, что 90% из них там никогда не лежали! Я прекрасно знаю всех, кто об этом пишет, и кто из них сидел и не сидел. Можно, конечно, при этом ссылаться на Высоцкого, который, тоже, например, не воевал, но писал об этом. И как писал! Но это был гений, а воображение гения — достаточно точное. А сегодня... Куда конь с копытом, туда и рак с клешней... «Происходит отождествление собственного мизерного, графоманского таланта с Гением Высоцкого, Галича и других. Когда идут тексты вроде «Русская водка, черный хлеб, селедка» — это вовсе не русский шансон, это скоморошество, припевки. Сегодня около шансона больше паразитирующих, чем создающих!..» Александр говорит, что нынче в жанре «чуть ли не каждый автор мнит себя если не вторым Есениным, то уж вторым Высоцким точно».

К слову: имя своего учителя (об этом — ниже) Александр Новиков всегда защищает от глупых нападок. Узнав, что как-то в интервью Борис Моисеев назвал Высоцкого «гламурным певцом», шансонье на этот выпад Берты (он же — Бетси) ответил: «Значит, у него такое представление о значимости Высоцкого. Главное, что его невозможно переубедить, да и зачем? Спасибо ему, что он высказал это мнение. Я могу расценить его как злую шутку, а если Моисеев сказал это серьезно, лишь искренне посочувствовать ему».

Итак, музыкально-поэтическое мировоззрение Саши Новикова, определившее его будущее, сложилось именно в те далекие 60-е годы, и в большей степени способствовали этому песни Владимира Высоцкого. На вопрос, кого певец считает своими «по жизни» учителями, Новиков отвечает так: «Есенин. Высоцкий. Вертинский. Галич. Песни Высоцкого, конечно же, оказали решающее влияние на меня. Когда я услышал его песню из фильма «Вертикаль», был как замороженный».

Я сразу понял, что уже завтра пойду искать гитару, буду учиться на ней играть. И, может быть, сочинять: «Вдруг и я что-нибудь сочиню?» Вот так я думал, когда услышал песни Высоцкого. Так оно и вышло».

Сочинять получилось. Хотя на сцену Александр Новиков «выскочил» впервые в 1970 году с ...песнями «Битлз». Затем была учеба поочередно в трех (!) институтах, игра в вузовских ансамблях, работа ресторанным музыкантом, собственная группа «Рок-полигон».

Настало время исполнения собственных песен и записи альбома, благо их, как и стихов, Александром к тому времени написано было уже много...

Новиков вспоминает: «В 1984 году свела меня судьба с Алексеем Хоменко. Он тогда был руководителем ансамбля «Слайды» на Уралмаше. В ДК «Уралмаша» мы и записали мой первый альбом. Однажды, в ожидании музыкантов и проверяя микрофон, я спел произвольно начало песни «Я вышел родом из еврейского квартала». Леха кулаком по столу, глаза — по полтиннику: «Чья это песня?» — «Моя», — отвечаю. А он: «Стоп, все пишем на пленку»... Хоменко светится: «Это круче, чем у Токарева». Начало есть, должно быть и продолжение. Так месяца за полтора и подготовили весь альбом и восемнадцать песен».

«После записи я пришел к известному филофонисту Берсеневу (в другом интервью Александр Новиков говорит о филофонисте Валерии Положенцеве. — А. П.), который имел потрясающую фонотеку. Кроме советской и зарубежной эстрады, в его коллекции было много того, что не звучало на радио и было под запретом: Высоцкий, Галич. Берсенев часто приглашали в обком партии на различные торжества и приемы, где он крутил пластинки с западной музыкой, записи запрещенных авторов. Нашей власти все это нравилось. Послушав мой альбом, Берсенев сказал: «Ты будешь так же знаменит, как Высоцкий, но схлопочешь неприятностей гораздо больше, чем он. Поэтому я оставлю альбом в своей коллекции. Но ты должен решить для себя, будешь его выпускать, или нет. Если я его «раскатаю», то через две недели эта запись будет орать из каждого окна. Но ты пострадаешь очень жестоко. Это я тебе говорю, как опытный человек». И я не задумываясь, сказал: «Катай». Через месяц записи звучали везде. Был май 1984-го. В октябре меня посадили».

«Следователь, ведший дело, Владимир Ралдугин, сказал мне после первого допроса: «Высоцкого мы в свое время упустили, Новикова не должны упустить», — вспоминал Александр».

В песнях Новикова не было, как таковой, «политики», но в них жил тот мятежный дух, та удаль и широта, которые способствовали их гигантскому распространению в сотнях тысяч копий. Закономерен был итог его творчества — 10 лет лагерей по сфабрикованному в недрах карательных органов «делу».

«Все «дело» от первого до последнего слова — сфабриковано, — говорит Новиков. — Сразу после выхода магнитоальбома «Вези меня, извозчик...» была слежка, я ее замечал. Потом однажды меня схватили посреди улицы и закинули в «Волгу». И пошло следствие... Начиналось все с экспертизы по каждой песне. Буквально».

Конечно, «дело» было «шито белыми нитками». Певца обвиняли в спекуляции музыкальной аппаратурой, хотя в «деле» о радиотехнике — ни слова. Сам Новиков утверждает и уверяет, что его посадили именно за песни.

Все же движение в защиту певца, в котором участвовали самые разные люди, в том числе ученый Андрей Сахаров и политик Геннадий Бурбулис, несомненно, помогло Александру Новикову выстоять и выйти на свободу. Случилось это через пять с половиной лет после ареста — 19 марта 1990 года.

Буквально на следующий день Александр пришел в студию — в заключении им было написано много стихов, ставших впоследствии песнями, а руки вспомнили гитару... Ведь в лагере не было возможности не то что песню записать — просто достать инструмент!

К счастью, через пять лет Верховный Суд РФ отменил приговор, вынесенный Александру Новикову — «за отсутствием состава преступления». А певец уже всю жизнь занимался творчеством — писал новые песни, записывал альбомы, гастролировал.

В одном из первых альбомов, записанных и выпущенных по выходе на свободу Новиковым, — «Городской роман» (1993 г.), есть песня, в которой упоминается Владимир Высоцкий. Название у нее незатейливое — «Мариночка» (1986 г.) Она написана Александром в заключении. Ностальгируя, автор вспоминает в ней свою юность, первые влюбленности, пришедшиеся на середину-конец 60-х годов. Одна из таких любовей поэта — некая Марина, которой и посвящена песня. В ее тексте есть такие строки:

...Тогда словцо «эротика» считалась матерком,
А первый бард считался отщепенцем.
Катилась жизнь веселая на лозунгах верхом
И бряцала по бубнам да бубенцам!

За последующие двадцать лет у Александра Новикова вышли полтора десятка альбомов и своим талантом поэта, композитора и исполнителя он по праву стал одним из самых авторитетных и уважаемых исполнителей, можно сказать — Королем «русского шансона»! И остается им, не снижая творческой планки!

У певца нет песни, посвященной памяти Высоцкого, хотя в конце 80-х, когда Новиков отбывал срок заключения, ходил слух, что песня «Еще один, еще один поэт...» — его авторства. Но это — не более чем слух и миф, каких множество постоянно окружают его имя все эти годы.

Но Александр любит песни Владимира Высоцкого и знает их большое количество, часто цитируя строки из них в своих интервью. И — поет! В 1998 году Новиков принял участие в гала-концерте, прошедшем в московском СК «Олимпийский», приуроченном к 60-летию поэта. Он состоялся 24 января, в канун юбилея Владимира Семеновича. Александр Новиков исполнил две песни Высоцкого: «Большой Каретный» и «Песню про стукача» («В наш тесный круг не каждый попадал...»). Прозвучали они в аранжировках Тараса Ващишина, надо сказать — очень достойно сделанных. Днем позже видеозапись гала-концерта показали на Первом канале, где, увы, ни Высоцкий, ни Новиков — гости не частые... Осенью 98-го вышли компакт-диски и кассеты с записями с юбилейного гала-концерта.

В том же 1998 году согласно опросу, проведенному Независимой ассоциацией ньюсмейкеров России, стало известно, что Александр Новиков наряду с Сергеем Есениным, Александром Галичем, Владимиром Высоцким является одним из самых выдающихся поэтов XX века! В результате Пастернак, Ахматова, Мандельштам, Бродский и другие «мелкие стихоплеты» просто отдыхают! Имя Новикова вошло в «Большую Энциклопедию поэтов XX века». Сам Александр Васильевич скептически отнесся к этому факту: «Для меня ни похвальбы, ни звания по большому счету не имеют значения. Время само расставит все по своим местам», — говорит он в интервью.

Все же думается, что Александр излишне скромничает. Или — лукавит! Мальчишка, тридцать лет назад боготворивший Есенина и плакавший над его стихами, считающий учителями Галича и Высоцкого и спустя три десятилетия ставший с ними в один ряд — по сути — живым классиком и легендой!.. Оставив позади признанных классиков поэзии XX века, не только России, но и Мира! Разве можно этим не гордиться?!

Впрочем, совсем недавно в интервью Александр Васильевич Новиков о своих песнях — выдал: «Город древний, го-

род длинный» — высочайшая поэзия, которую я бы поставил в один ряд с лучшими пушкинскими стихами. Нисколько не совру, любой филолог это подтвердит. Я поэзию знаю великолепно, я был когда-то ребенком с феноменальной памятью и к третьему классу прочел всю классическую русскую литературу. И как бы это хвастливо ни звучало, но у меня есть несколько стихотворений, которые можно считать классикой поэзии за последние 200 лет. Но есть и обычные, как тот же «Извозчик» — не самое лучшее из моих стихотворений. Почему мои зрители так любят именно «Извозчика»? Я не могу себе на этот вопрос ответить».

Журналист Олег Назаров в буклете, прилагаемом к первому альбому Александра Новикова «Вези меня, извозчик...» (1984 г.), изданному на CD, справедливо пишет, что песни его «вслед за произведениями Галича и Высоцкого стали самым серьезным за последнее десятилетие вкладом в, если так можно выразиться, песенную энциклопедию советской жизни и, кстати, последним в связи с завершением этой «советскости».

«Фамилии Галича и Высоцкого в контексте настоящей главы всплывают не случайно. Прежде всего — благодаря признанию самим Александром этих бардов своими любимыми. Но это не все. Цельность, несгибаемость, свободолюбие персонажей новиковских песен «Вези меня, извозчик», «Развязать бы мой язык», «Сватовство жигана» удивительным образом созвучны бесшабашной прямоте и упрямству, которыми в свое время так поражали нас персонажи Галича («Старательский вальсок», «Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева») и Высоцкого («Я не люблю», «Чужая колея»). То множество обликов, которые примерил и обносил на себе поэт Новиков — от рыночного продавца-грузина до бандита и рэкетира, от музыканта кладбищенского оркестра до организатора безалкогольных свадеб — восходит к тем же перевоплощениям Галича в выдавшего виды шоферюгу или ударника коммунистического труда, а Высоцкого — в иноходца или шахматного претендента. И, как в случаях со своими предшественниками, чем реальнее перевоплощение, тем в большей степени поэт становится самим собою. Новиков не случайно является одним из самых внимательных читателей и знатоков Галича и Высоцкого — присутствие в опосредованном и преломленном виде их творчества в его песнях однозначно демонстрирует, так сказать, столбовой путь эволюции русского шансона в конце XX века».

Были ли личные встречи Новикова с Высоцким? Автор попытался это выяснить, что называется, «из первых уст», за-

дав на концерте, состоявшемся в Краснодаре 14 мая 2007 года, вопрос певцу: «Уважаемый Александр Васильевич! Вы неоднократно говорили, что на Ваше творчество оказали влияние песни Владимира Высоцкого. Были ли Вы с ним знакомы лично, встречались ли, бывали ли на его концертах?» Маэстро ответил: «Нет! К моему великому сожалению, знаком с Высоцким я не был и на его концертах — тоже. Как я мог быть с ним знаком — я был ресторанный музыкант. До тех пор, пока был жив Высоцкий, в нашем городе он не выступал. Насколько мне известно, в те годы, когда я жил в Свердловске, он к нам на гастроли не приезжал. А так — конечно, если бы приехал, — я бы непременно сходил на его концерт».

Александр Новиков не ошибается: с концертами в столицу Урала Владимир Высоцкий в 70-е годы не навещался. Бывал он в Свердловске лишь в начале 60-х — с гастролями московского Театра миниатюр Владимира Полякова, в котором работал тогда. И все...

Помимо поэтического и исполнительского талантов, которые так ценит Александр Новиков в творчестве Высоцкого, есть еще кинематограф, в котором преуспел Владимир Семенович. Вот что говорит о кинофильме «Место встречи изменить нельзя», в котором Высоцкий сыграл главную роль — капитана МУРа Глеба Жеглова, Александр: «То, что происходит сейчас на экране, слишком бытово. Есть ремесло, а есть искусство. Вот фильмы «Рожденная революцией», «Место встречи изменить нельзя», «Петровка, 38» — складные, логичные, качественные. Это высокое искусство. А фильмы «Улицы разбитых фонарей», «Менты» — грязная, гнусная бытовуха, где менты от бандитов практически не отличаются. Если вернуться к теме актеров, играющих бандитов, то у нас имеется глыба, национальное достояние, — Джигарханян. Он — вне конкуренции. Образ бандита советского периода воплотил, безусловно, лучше всех. Остальные актеры в большинстве своем, делали все очень театрализованно. Актеришка играет бандита, тужится изо всех сил, а по жизни он просто полупедераст, это очевидно».

Трудно спорить с Александром Новиковым, да и делать этого — не нужно! Роль главаря банды «Черная кошка», гениально воплощенная Арменом Борисовичем в киношедвре Станислава Говорухина, до сих пор остается непревзойденной по мастерству исполнения!

...Завершить главу хочется словами Александра Новикова: «Мне все время говорят: «Почему вы такой скандальный?» Да не скандальный я, говорю. Если я говорю, что телевидение

берет взятки, а все об этом молчат, то это не я скандальный, а они трусливые!.. Я не верю, что завтра все поменяется, просто надо же кому-то начинать. Помните, у Высоцкого: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков»? Так вот, я — настоящий буйный. Я оцениваю людей не по погоням на одежде, а по душевным качествам. Тяжело жить с таким подходом к жизни. Но таких, как я, — немало».

Что же, уместно привести здесь строчки и другого любимого Новиковым поэта, Сергея Есенина:

И похабничал я, и скандалил
Для того чтобы ярче гореть!..

Р. С. «Талантливые и гениальные люди по своей природе очень сложные по своей натуре, всегда нелюбимые и неудобные для власти, а также и для окружающих, и только после смерти приобретают все более и более друзей — «такова се ля ви», как говорят у них, в основном такие люди сами выбирают себе друзей. Мне обидно, когда некоторые товарищи говорят, мол, после Высоцкого осиротела поэтами русская земля, нет, скажу вам, продолжателем сей нелегкой, неблагодарной, но плодотворной работы стал Саша Новиков. Да он не настолько... как Володя, не могу подобрать слова, но гораздо поэтичнее, я извиняюсь на сей счет, потому как сравнивать поэтов дело недостойное и даже глупое. Володя, слава богу, не отсиживал червонец на зоне, в отличие от Новикова, а вот если бы да кабы... то неизвестно, какие бы он песни сочинял. Тюрьма никому не добавляет, а наоборот отнимает. Важно знать, кто после Новикова примет эстафету настоящей русской, поэтической, неутомной души и совести». (Николай Крестов. «Владимир Высоцкий и Александр Новиков»).

АЛЕКСАНДР РОЗЕНБАУМ

В биографии Александра Розенбаума, размещенной на его официальном сайте в Интернете, читаем: «Соседом бабушки Александра по квартире был известный гитарист Михаил Александрович Мини, у которого Саша научился первым гитарным приемам, а в дальнейшем игре на гитаре обучался самостоятельно. Лет в 15—16 появились его первые стихи: рифмы произвольно рождались в сознании на школьные и домашние темы, иногда веселил друзей юмористическими стихами! Начал слушать и повторять запрещенные тогда песни Галича, Высоцкого и Окуджавы. Этот период в жизни Александра Розенбаума направил его к авторской песне».

Итак, как автор-исполнитель Александр Яковлевич дебютирует в конце 60-х, находясь под сильным влиянием песенного творчества в том числе и Владимира Высоцкого. С подражаний ему (которые продолжаются по сей день). До их заочного спора в этом самом творчестве и сравнений друг с другом пройдет еще немало времени... А пока познакомимся более полно с биографией питерского музыканта, хотя, признаться, сегодня ее не знает только неграмотный или страдающий дислексией человек.

Александр Яковлевич Розенбаум родился в сентябре 1951 года в студенческой семье. Его мать и отец учились в 1-м медицинском институте г. Ленинграда. В 1952 году семья переезжает в никому не известный город Зыряновск (именно туда получили распределение родители Саши), где проживают и работают в течение долгих 6 лет. Александр в пять лет уже хорошо пел и начал ходить в музыкальную школу по классу скрипки, а когда семья вновь вернулась в Ленинград, мальчик стал увлекаться всем и сразу: играл на фортепиано, на гитаре, гонял без усталости мяч во дворе, занимался боксом, а поздно вечером брался за уроки. В пятнадцать лет стали появляться первые стихи: немного нескладные, не складывающиеся в рифму, но очень уверенные (во всяком случае, так счи-

тала бабушка Александра Анна Артуровна, которая с раннего его детства верила в исключительность своего внука).

Окончив школу, Розенбаум решил поступать в тот же 1-й медицинский. И поступает. Но его веселый нрав, постоянные капустники и концерты, на которых он не только гость, но и участник, отвлекают его от учебы, и уже через год Александра Розенбаума со всей строгостью отчисляют из института. В армию он тоже не попадает из-за высокой близорукости, поэтому устраивается санитаром в больницу. Через год будущий музыкант восстанавливается и теперь учится только на «отлично». С 1974 по 1979 год Александр Розенбаум работает на «Скорой помощи», помогая тяжелобольным.

Параллельно увлеченный музыкой, Розенбаум пишет стихи и песни, в том числе и знаменитый «одесский цикл». В 70-е годы он становится участником ленинградской группы «Аргонавты», где выступает под псевдонимом Александр Аяров.

В 1979 году он окончательно понимает, что преодолеть тягу к музыке невозможно, поэтому поступает в джазовое училище при Дворце культуры им. Кирова на вечернее отделение, где постигает основы аранжировки, навыки джазовых композиций, учится правильно петь. 14 октября 1983 года Александр Розенбаум дебютировал с сольным концертом в Доме культуры им. Дзержинского.

За почти 30 лет работы в музыке Розенбаум выпустил 29 альбомов и более десятка концертных записей, неизменно пользующихся популярностью у поклонников и любителей жанра. Кроме этого, Александр Яковлевич снялся в семи фильмах, где также исполнял свои песни. Столь долгое пребывание на волне успеха свидетельствует о поэтическом таланте и композиторском и исполнительском мастерстве Александра Яковлевича. Он по-прежнему «держит марку», его талант узнаваем и индивидуален. Это невероятно сложное достижение и по плечу оно только истинным профессионалом, каким, безусловно, является Александр Розенбаум.

Сейчас певец совмещает работу творческую и бизнес: он руководит питерским театром-студией «Творческая мастерская Александра Розенбаума» и является владельцем сети пивных «Толстый фраер». В 1996 году Александру Розенбауму было присвоено звание Заслуженного артиста РФ, а в 2001 — Народного артиста России.

...А на заре своей музыкально-певческой карьеры молодой певец сумел преподнести слушателю свое творчество как яркое и талантливое: за короткое время его песни обретают огромную популярность в СССР. Особенно после записи двух магнитоальбомов, вышедших в 1982—1983 годах (в

них Александру Розенбауму аккомпанировал ансамбль «Братья Жемчужные», с которым записывался в свое время Аркадий Северный), разошедшихся по стране сумасшедшим количеством копий.

Кстати, именно после распространения этих записей Розенбаума впервые и сравнили с Высоцким. Владимир Семенович ведь тоже начинал свое творчество с «блатного» репертуара...

В то время имя Александра только-только становилось известным, а самого автора «блатных» песен в глаза никто не видел. Тогда-то, в начале-середине 80-х годов и заговорили о славе Розенбаума. Да, о славе, потому что выросшую за такой короткий срок популярность в народе его песен можно было сравнить разве что с популярностью в свое время творчества Владимира Высоцкого. Песни Александра звучали везде и отовсюду. Стали появляться первые публикации в прессе о нем, а некоторые журналисты даже всерьез называли в них Розенбаума не иначе как «второй Высоцкий». «Я первый Розенбаум, и не надо меня всовывать в какие-то рамки!» — отвечал на подобные сравнения певец. Это — похвально, потому что уже в те годы Александр ощущал себя индивидуальностью и видел свой путь в музыкальном творчестве.

Владимира Высоцкого считают одним из основателей авторской песни в нашей стране. С самого начала сольной карьеры Александр Розенбаум всячески отмежевывается от этого движения и от музыкального направления — вообще: «Я бы не сказал, что я не люблю этот жанр совсем. Мне, например, нравятся Высоцкий, ранний Окуджава. Но к остальному я равнодушен». «Вообще, — говорит Розенбаум, — моя манера розенбаумовская, моя собственная. Не надо меня сравнивать... Когда мне в свое время говорили, что я — второй Высоцкий, — я говорил — не надо! Понимаете? Не надо вписывать меня в чьи-то рамки! Розенбаум один. Завтра придет кто-то другой. И я себя ни в коем случае ни с кем не сравниваю. Мы все совершенно разные люди». «Я никогда не был последователем Высоцкого, которого боготворю... Владимир Семеныч — актер и поэт. Правильно? А я — певец, музыкант, композитор. Я, скорее, последователь, если не сравнивать меня с этим человеком, последователь Вертинского». «Мне ближе Вертинский, нежели Высоцкий. Я никогда не относил себя к исполнителям авторской песни и всячески отмежевываюсь от этого течения!...» — из года в год разъясняет журналистам Александр Розенбаум.

И тем не менее, негласное соперничество, несмотря на разность жанров, с Владимиром Высоцким у Розенбаума перманентно: «В свое время я отказался от «Музыкального рин-

га» с Токаревым. Он будет петь про небоскребы, а я ему про Ладожское озеро, что ли? На чем с ним соревноваться? Можно соревноваться с Владимиром Семеновичем... А еще с кем?..» Что ж, доля правоты в словах музыканта, конечно же, присутствует. Но и амбициозность — ощущается!

И все-таки, на свой «Музыкальный ринг» Александр Яковлевич попал. Отголоски этого драматического музыкального поединка слышны и вспоминаются до сих пор — и критиками, и журналистами, и поклонниками творчества Розенбаума.

В ноябре 1986 года была записана та легендарная программа, в которой Александр «сражался» с представителями бардовского движения — Евгением Клячкиным и Сергеем Леонидовым. Как пишут теперь журналисты, именно на той программе Ленинградского ТВ Розенбаум публично «открылся» от своего «одесского» цикла песен и стыдливо назвал его «жанровым»...

Но — обо всем по порядку.

Вспоминает автор «Музыкального ринга», ленинградская телеведущая и журналист Тамара Максимова: «Приглашение на «Музыкальный ринг» исполнители авторской песни принимали охотно, согласие давали все без исключения. Но когда дело дошло до съемок (а было это в ноябре 1986 года), оказалось, что из ветеранов выступить сможет лишь Евгений Клячкин. Впору запись отменять — трудно надеяться, что молодые, неизвестные авторы привлекут внимание той публики, для которой мы в первую очередь и собирались делать эту программу.

И тут я вспомнила об Александре Розенбауме. Его записи тогда уже имелись в домашних фонотеках, звучали в кафе и барах, но концерты давались редко и не на лучших площадках. Интерес же к Александру Розенбауму подогревался некоторым сходством его песен и манеры исполнения с Владимиром Высоцким, и часто те, кто не знал еще нового имени, спрашивали: «Это тот, что под Высоцкого работает?»

Высоцкого телевидение с осени 1986 года наконец-то открыло. А еще летом приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы показать на экранах хоть несколько кадров с ним. Так было в «Телекурьере» — передаче, которую придумал мой муж Володя специально для репортерского тренинга. Я тоже была одной из ее ведущих. И вот во время моего дежурства по «Телекурьеру» 25 июля мы решили отметить на телеэкране день памяти Высоцкого. Для этого пришлось разработать со знакомыми нам по «Рингу» ребятами из горкома комсомола целую операцию: в молодежном киноцентре они устроили вечер Высоцкого с прослушиванием фонограмм,

показом слайдов и фрагментов из фильмов, тогда еще лежавших на полке. А «Телекурьер» приехал как бы по вызову участников вечера, чтобы отразить работу горкома комсомола.

И все-таки, несмотря на предпринятые нами меры безопасности, эпизод этот заставил поволноваться тех, кто отвечал за благонадежность выпусков «Телекурьера», пока оператор не показал крупным планом обложку журнала «Молодой коммунист», а я, как ни в чем не бывало, не произнесла прямо на камеру: «Вы еще не читали статью из этого журнала «Мир песни Владимира Высоцкого»? Тогда непременно прочтите. Ну уж раз орган ЦК ВЛКСМ напечатал такую статью — телевидению, пожалуй, тоже можно.

А через два месяца песни Владимира Высоцкого свободно, без всякого прикрытия, зазвучали не только в программах Ленинградского, но и Центрального телевидения. Что песни! Целые передачи, фильмы пошли в эфир друг за другом.

Вслед за Высоцким стали получать доступ на экран и исполнители авторской песни. Казалось, вот-вот начнут снимать и Александра Розенбаума. Но приглашений с телевидения все не было. Письма с заявками в редакцию поступали, однако музыкальные редакторы не торопились — выжидали, кто первым откроет это имя для экрана.

«Музыкальный ринг» для дебюта на телевидении, как считали многие музыканты, программа — лучше не придумаешь. Но, узнав, в какой компании ему придется выступить, Розенбаум поморщился:

— Я и это бардье?

Мы сделали вид, что не обратили внимания на эти слова, хотя сразу же поняли, в чем дело. Несмотря на то, что Розенбаум сам когда-то начинал в клубах самодеятельной песни и в первых интервью рассуждал о ее «огромной нравственности и эмоциональной силе», к бардам он теперь себя не причислял. Наоборот, отвечая на вопросы журналистов, старался подчеркнуть: «Я поэт и композитор, в моих композициях музыка играет не меньшую роль, чем слова. А у бардов — девять песен из десяти на одну и ту же мелодию или просто мелодекламация. Потому что они не знают музыки. Они не имеют, за редким исключением, музыкальной культуры».

Барды платили Розенбауму той же монетой и отзывались о его творчестве, мягко говоря, нелестно.

— А нельзя ли выйти на ринг мне одному? — предложил он при первой нашей встрече. — У меня около пятисот песен — от военных, лирических до «блатных». Хоть на три раунда набрать можно. Будет о чем поспорить вашей публике, поверьте!.. Программа на любой вкус!..»

Тамара Максимова отказалась снимать в программе одного Розенбаума: на то он и ринг, хотя бы и музыкальный — кто-то должен сражаться с соперником. Иначе ломалась и концепция «Музыкального ринга»: нужен был поединок, а не авторский вечер или самолюбование. Наверное, действительно Александр Яковлевич был готов «биться» только с Высоцким, но, увы, это было невозможно...

Тем не менее, подумав, музыкант дает свое согласие на участие в программе. Все-таки, «засветиться» на ТВ не мешает (хотя, несколько песен Розенбаума в авторском исполнении показали по первой программе Центрального телевидения еще летом 1986 года, а в 88-м по тому же ЦТ показали сольный концерт певца).

Приняв вызов и дав свое согласие на музыкальный поединок, Александр Яковлевич потом долго сожалел о своем поступке... Начался «Музыкальный ринг» довольно «мирно»: Розенбаум исполнил несколько лирических песен, в том числе — «Вальс-бостон», уже знаменитый тогда, но прозвучавший в телеэфире впервые.

И тут... После исполнения певцом «лирики» зритель, дорвавшийся до «живого» Розенбаума, которого не все видели и на фото, имея возможность задать ему в лицо вопрос, спрашивает Александра Яковлевича, конечно же, о «жанровых» песнях. Вопрос был задан резонно: их все знают и слышали, они были наиболее популярны среди к тому времени им сочиненных и записанных... Всем хотелось услышать ответ, что называется, здесь и сейчас, из первых уст.

Зритель. У вас есть действительно прекрасная лирика. Но как соседствуют с ней ваши жанровые песни?

Розенбаум. Товарищи, они написаны в 1970—71 годах к студенческим капустникам!

Зритель. Но вы же спекулируете на этой тематике! Исполняете их на концертах. Например, «Гоп-стоп».

Розенбаум. Нет, этого не может быть! Единственное, что могло звучать, это песня «Извозчик», но она не оттуда. Одесские песни никогда не исполнялись даже в студенческих общежитиях. Потому что после ленинградских и военных песен «Гоп-стоп» просто не песня. Она была написана для спектакля. И ни одна из таких песен в концертах не звучала. Могла звучать только песня «Извозчик»... У меня четыреста девяносто песен. Из них жанровых, «мещанских» песен всего двадцать две... Они выражают психологию определенной категории людей. Эти песни — из спектаклей. Поэтому Розенбаума нельзя отождествлять с одесскими песнями!..

Зритель. Ответьте, пожалуйста: когда вы создавали эти жанровые песни, какое они принесли вам удовлетворение, — моральное или материальное?

Розенбаум. Большое моральное удовлетворение. Потому что я их создавал к студенческим капустникам по «Одесским рассказам» Бабеля. Это песни драматургические, песни персонажей, уточняющие время и место действия. А именно, Молдаванка двадцатых годов... Это песни от имени героев Молдаванки двадцатых годов, а не студента медицинского института Розенбаума!»

Комментарий к происходящему на ринге. Из конспекта москвича Алексея Румянова: «...Не пойму, почему Розенбаум все оправдывается? Вот Владимир Высоцкий не стеснялся своих ранних песен. У меня есть запись его концерта в Торонто. Там он откровенно (дома так не мог!) говорит, что никогда не отказывался от этих своих так называемых «блатных» (его выражение) песен. Они обогатили его «в смысле формы». Да, Высоцкий был откровенен, прям — в этом весь Владимир. А Александр — то да се. Стыдливо как-то называет одесский цикл «жанровым». «Я их на концертах не пою...» — говорит. А Высоцкий пел. И еще он часто говорил, что никогда чужих песен не поет и не любит, когда его песни исполняют с эстрады. Помните, одно время Кобзон выводил: «Если дру-у-у-г оказался вдру-у-у-г...» И всем было как-то стыдно... Потом, слава Богу, прекратилось. А Высоцкого самого в то время и не показывали. Дикость! Сейчас начали наверстывать упущенное, в чем-то спекулировать даже, хотя и полгода не прошло, как разрешили его.

...Понимаю, нужно ближе к «Рингу», а я все на Высоцкого ссылаюсь. Но по-другому не получается. Это классика бардов.

Недавно слышал Розенбаума по радио. Опять оправдывается: «Вышли мои песни из-под контроля... Читайте Бабеля...» Читаем, Александр Яковлевич, давно читаем. И молодые, кому надо, прочтут. Только не надо Бабелем прикрываться. За каждый поступок человек должен отвечать сам...»

Розенбаум уже более 25 лет (!) доказывает журналистам и читателям, что «Максимова тогда все вырезала», и в эфир попал монтаж ринга. Не «открещивался» он от своих «жанровых» песен, и то, что их-де сравнили и сравнивают с ранними песнями Высоцкого, — только заслуга и хвала автору, а никак не сравнение в отрицательную сторону!.. Что называется — иные времена, иные мнения.

Другие музыковеды, описывающие события осени 1986 года на «Музыкальном ринге», подвергли литературно-критиче-

скому разбору лирические песни, исполненные автором в тот вечер. В частности, под «каток» критики попала «безобидная» (но только на непосвященный взгляд!) песня Александра Розенбаума «Коллаж». И тут не обошлось без проведения аналогий с песнями Владимира Высоцкого: «Чтобы воспринимать авторскую песню сегодня, нужно иметь достаточно высокий уровень образованности. Ассоциативный ряд не прост: для того, чтобы слушать «Коллаж» Розенбаума, нужно, по крайней мере, быть знакомым с этим искусствоведческим термином, который по-французски означает «склейка». Иначе непонятно, почему эта песня поется на три разных мотива. Но не только это, сам поэтический текст клочковат, с точки зрения образной системы и, вероятно, обозначает отрывочность воспоминаний детства у взрослого человека...

У первой части «Коллажа» нет своего конца:

...Мы часто вспоминаем дни далекие, когда
Катались у удачи на запятках,
Не знали слова «нет», хотели слышать только «да»
И верили гаданию на святках...

«Ностальгия» означает «тоска по родине», но слово это применяется и в другом смысле — как «тоска по невозвратно ушедшему», особый, прекрасный род душевной болезни. Эта позиция несколько слабее, чем активная мужественность у Высоцкого в той же «Балладе о детстве» — и тут, пожалуй, можно согласиться с тем агрессивным молодым человеком, который на «Ринге» кричал о том, что авторская песня не отражает интересы молодых. По отношению к циклу «вспоминательных» песен это справедливо.

...Мы часто вспоминаем наши старые дворы,
А во дворах — трава, скороговоркой,
Как были коммуналки к нам ревнивы и добры,
Когда мы занимались в них уборкой.

(А это уже — «вклейка» из Высоцкого: помните его знаменитое «На 38 комнаток всего одна уборная»? Или вот, ниже, — из «07»: «Ну, здравствуй, это — я!»)

...Мы часто вспоминаем наших мам далекий смех
И боль потерь, и первые победы,
И в трубке телефонной, сквозь пургу и треск помех,
Родной далекий голос: «Милый, слышишь? Еду!..»

По сравнению с позицией Высоцкого позиция Розенбаума выглядит более слабой. Это проявляется, в частности, в большом количестве «прошедших времен», но в этом прошедшем времени тоже есть свое прекрасное — даже если есть усталость (и даже если эта усталость чуть-чуть красивее, чем настоящая)...»

Кстати: если условно «разбить» «Коллаж» на составные части, то выяснится, что Александр Яковлевич «слепил» его по меньшей мере из трех своих известных песен — «Лиговка», «На улице Марата» («На бывшей Грязной...») и «Умница». В последние годы, поработав над редакцией «Коллажа», автор вставил в него еще и «Восьмерочку». Весь перечисленный ряд смело можно отнести к «жанровым», как называет их Розенбаум, «ранним» его песням. Которые музыкальные критики так любят сравнивать с песнями «раннего» Владимира Высоцкого. И искать «влияние» одних на другие.

Вот и Н. Шафер в довольно объемном исследовании «О так называемых «блатных песнях» Владимира Высоцкого» целую главу (!) в нем посвящает этому сравнению и влиянию. Высоцкого на Розенбаума...

«Заглянем в «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: «БЛАТ... Условный язык (арго) воров... Блатная музыка (воровское арго)». Справка эта помогает уточнить, какие конкретно песни Высоцкого могут быть предметом анализа в данной статье...

Итак, в первую очередь нас интересуют песни, воссоздающие многослойный уголовный мир и знакомящие слушателей с «философией» его неординарных представителей. Среди героев Высоцкого, с одной стороны, сложные личности, вступившие в конфликт с властями и общественным укладом жизни, с другой — безнравственные мерзавцы, цинично попирающие честь и достоинство человеческой личности, хулиганы, убийцы, предатели.

Не всякая песня с тюремной тематикой относится к категории блатных. Было бы нелепо причислить к этой категории, скажем, антикультовую «Баньку по-белому». И наоборот, чувствительная «Татуировка», не имеющая никакого отношения к тюремной тематике, — несомненно, «блатная» песня, так как мироощущение и экспрессивность переживаний лирического героя, а также сам интонационный строй песни роднят ее с уголовным фольклором...

Что можно сказать по этому поводу? Песни нашего барда настолько многослойны, что самый неискушенный слушатель что-нибудь из них да извлечет — пусть поверхностно,

пусть только по-скоморошьи. Результаты бывают и огорчительными — я имею в виду те случаи, когда Высоцкий становится объектом повышенного интереса примитивистов, прельщенных показной развязностью персонажа и не видящих за этой развязностью ни второго, ни тем более третьего плана. Но если примитивистам еще можно простить такой, мягко выражаясь, односторонний подход к творчеству барда, то как можно простить интеллектуалам С. Куняеву и В. Бондаренко суждения о *сознательном* служении Высоцкого многоликому обывателю? Что это: полное совпадение вкусовых ощущений у «шашлычников» и у многоуважаемых интеллектуалов или *созна- тельная* клевета на знаменитого барда?

Подобное обвинение трудно выдвинуть даже против ранних блатных песен Александра Розенбаума, хотя они дают гораздо больше оснований для этого. Мы ведь знаем, что Розенбаум сегодня «стесняется» петь свои ранние песни, а Высоцкому до конца своих дней стесняться было нечего. Но чтобы выяснить истину до конца, необходимо, я думаю, именно сейчас сопоставить ранние песни Высоцкого и Розенбаума. Это тем более необходимо, что определенная часть бывших поклонников Высоцкого с легкостью переключилась на Розенбаума, и даже нашла в его лице «заменителя» умершего барда. Мне придется сейчас привести полностью три песни — две Высоцкого и одну Розенбаума. Может быть, это неэкономично, но, во-первых, песни не слишком большие, а во-вторых, они должны предстать перед читателями без сокращений, чтобы вывод, сделанный мной, не оказался навязчивым.

Но почему две песни Высоцкого и лишь одна — Розенбаума? Да потому, мне кажется, что две породнили эту одну. Посмотрим, какой получился плод.

Беру намеренно у Высоцкого две самые беспардонные песни.

Первая:

КРАСНОЕ, ЗЕЛЕНОЕ

Красное, зеленое, желтое, лиловое,
Самое красивое — на твои бока!
А если что дешевое — то новое, фартовое,
А ты мне только водку, ну и реже — коньяка

Бабу ненасытную, стерву неприкрытую,
Сколько раз я спрашивал: «Хватит ли, мой свет?»
А ты — всегда испитая, здоровая, небитая —
Давала мне водку и кричала: «Еще нет!»

На тебя, отраву, деньги словно с неба сыпались
Крупными купюрами, займом золотым, —
Но однажды всыпались, и, сколько мы не рыпались,
Все прошло, исчезло, словно с яблонь белый дым.

Бог с тобой, с проклятою, с твоею верной клятвою
О том, что будешь ждать меня ты долгие года, —
А ну тебя, патлатую, тебя саму и мать твою!
Живи себе как хочешь — я уехал навсегда!

Около 1961

Воздерживаюсь пока от оценки песни, скажу, что она очень проигрывает в «голом» виде — без музыкальной одежды и — в особенности, — без авторского исполнения. А между тем — это стремительный вихрь.

Однако чтобы не зайти слишком далеко, обратимся ко второй песне Высоцкого:

РЫЖАЯ ШАЛАВА

Что же ты, зараза, бровь себе подбрила,
Для чего надела, падла, синий свой берет?
И куда ты, стерва, лыжи наострила —
От меня не скроешь ты в наш клуб второй билет!

Знаешь ты, что я души в тебе не чаю,
Для тебя готов я днем и ночью воровать.
Но в последнее время что-то замечаю,
Что ты стала мне слишком часто изменять!

Если это Колька или даже Славка —
Супротив товарищей не стану возражать.
Но если это Витька с Первой Перьяславки —
Я ж те ноги обломаю, в бога душу мать!

Рыжая шалава, от тебя не скрою:
Если ты и дальше будешь свой берет носить,
Я тебя не трону, а в душе зарюю
И прикажу залить цементом, чтобы не разрыть.

А настанет лето — ты еще вернешься!
Ну а я себе такую бабу отхвачу,
Что тогда ты, стервь, от зависти загнешься,
Скажешь мне: «Прости!» — а я плевать не захочу!

1961

Конечно, не совсем прилично обрушивать на читателя сразу три «антихудожественных» текста. Но наберемся терпения: может быть, из трех текстов антихудожественным окажется только один? Итак, песня Александра Розенбаума:

Ох, и стерва ты, Маруся, ну и стерва!
Третий год мне, падла, действуешь на нервы,
Надоело мне с тобою объясняться —
Даже кошки во дворе тебя боятся.

Что ни утро, все на кухне морду мажешь,
Словно лошадь цирковая, вся в плюмаже.
Да ты слова-то такого не слыхала.
Я б убил тебя давно, да денег мало.

Ты и мамку-то мою сжила со свету.
Я б убил тебя давно, да денег нету.
А маманя — чистый ангел, да и только, —
Умудрилась-то прожить с тобою сколько!

Ну, ославила ты, тварь, меня в народе!
Кореша ко мне футбол смотреть не ходят,
И во всем микрорайоне ходят слухи,
Что подруги твои, Маня, потаскухи.

Ох, и стерва ты, Маруся, ну и стерва!
Схороню тебя я первым, ты поверь мне.
И закопаю на далекой стороне,
Чтоб после смерти ты не пахла мне.

Думаю, что любой, даже не искушенный в поэзии читатель, еще не дочитав последний текст, интуитивно почувствовал разницу между ним и двумя предыдущими. Вероятно, вначале его поразит однотонность третьей песни после многоцветья первых двух. Есть нюансы, которые не всегда поддаются анализу, но некоторые сразу же фиксируют подсознательно (в особенности, когда возникает возможность не просто прочитать слова, но воспринять их комплексно с мелодией и авторским исполнением). Скажу лишь о том, что лежит на поверхности и хорошо видно невооруженным взглядом.

Обе песни Высоцкого свидетельствуют о блестящем умении автора мгновенно создать конфликтную ситуацию, с тем, чтобы в течение каких-нибудь полутора-двух минут успеть довести ее до высшего напряжения. У Розенбаума — лишь ими-

тация конфликта, которого на самом деле нет и в зародыше. У Высоцкого ярко запечатлено эмоционально-психологическое состояние персонажей: бурное переживание по поводу ущемленного самолюбия, азартность при доказательствах собственного «благородства», стремление любой ценой вновь обрести потерянное достоинство. У Розенбаума — полнейшая безликость персонажа. У Высоцкого — неостановимый водопад изливания страстей, у Розенбаума — нудное, мелочное ворчание. Короче: варварские герои Высоцкого ведут игру на крупный счет, а герой Розенбаума — на жалкие копейки.

Но это еще не все. У двух авторов есть совпадающие детали. Но посмотрите, какую разную образно-смысловую функцию они выполняют! Персонажи Высоцкого темпераментно любят своих легковых подруг, поэтому слово «стерва» хотя и звучит у них вульгарно, но не совсем в прямом смысле. Синонимически это могло бы прозвучать и так: «Ах ты, подлая!», то есть как ругательство, но ругательство в духе блатной ласки. Герой же Розенбаума ненавидит свою подругу, и слово «стерва» имеет у него прямой, унижающий смысл, то есть звучит как банальная уличная брань. Отсюда и другие мнимо совпадающие детали. Например, персонаж Высоцкого хочет свою подругу «зарыть», а персонаж Розенбаума — «закопать». Но в первом случае блатарь хочет зарыть подругу в собственной душе и залить цементом, «чтобы не разрыть», то есть — просто забыть, вычеркнуть из сердца и памяти, а во втором — вполне реально убить и закопать где-нибудь подальше, «чтобы после смерти ты не пахла мне». Откуда такая ненависть, породившая не совсем пикантно пахнущую строку? Да ниоткуда. Впрочем, какое-то объяснение все же есть: «Ославила ты, тварь, меня в народе». За что ославила, как ославила? Непонятно. Просто ославила, и все. Зато очень даже понятно, что герой Розенбаума — сутенер («Я б убил тебя давно, да денег мало»), и терпит свою подругу только потому, что та содержит его. Для зажигательных персонажей Высоцкого такая ситуация просто не мыслима! Они живут по другим моральным законам и с душевной щедростью заваливают своих возлюбленных пусть и краденым, но всем тем ассортиментом, который перечислен в песне «Красное, зеленое». Буйные скандалы из-за «водки», «коньяка», «подбритой брови», «синего берета» — это непосредственный взрыв чувств по поводу возможной измены. Они идут на риск (на «дело», в тюрьму) ради них и покидают своих неблагодарных подруг с подобающим блатным шиком, за которым угадывается сохраненное достоинство: «А ну тебя, патлатую, тебя саму и мать твою! Живи себе

как хочешь — я уехал навсегда!», «Скажешь мне: «Прости!», а я плевать не захочу!» Это — живые люди, испытывавшие на прочность свой непутевый характер. Блатарь же Розенбаума — продукт давно надоевшего образного клише (неудачник, человек со слабым характером и волей, подлец, трус, нытик и т. д.), и потому он зауряден, и даже — ничтожен!

Что же касается «технической» стороны, то есть звуковой организации текста, то песни Высоцкого и Розенбаума вообще не сопоставимы. Отборный «зубастый» язык Высоцкого поразительно смягчается двумя компонентами: открытым юмором и подспудным лиризмом. Когда персонаж песни «Что же ты, зараза», свирепея от ревности, говорит своей подруге, что «супротив товарищей» он возражать не станет, то это действительно смешно, так как понятие «ревность» моментально приобретает парадоксальный характер. Когда же персонаж Розенбаума говорит своей подруге: «Надоело мне с тобою объясняться — даже кошки во дворе тебя боятся», то это несколько не смешно, потому что упрек брошен как горсть песка — без сюжетно-психологического обоснования, но с большой претензией на юмор...

Вероятно, я слишком много говорю об этих трех песнях. Но не слишком ли долго мы о подобных песнях вообще не говорили? Или говорили скороговоркой? Или — с прокурорскими интонациями? А ведь в некоторых героях раннего творчества Высоцкого, как заметил Л. Анненский, отчетливо проглядываются бунтари его будущих серьезных песен. Эти бунтари могли появиться только потому, что их неприкаянные предшественники, несмотря на цинизм и бурную распущенность, искренно и упорно сопротивлялись бытовому гнету... Что же касается Розенбаума, то в своих зрелых песнях он не достиг высот Высоцкого не только по причине более скромного дарования, но и по причине другой закваски, другого творческого опыта: ему, в сущности, не от чего было оттолкнуться... Вот почему многих верных поклонников Высоцкого раздражает не только прежний, но и новый, «гражданский» Розенбаум: он кажется им таким же фальшивым, как и в ранних песнях.

Итак, Высоцкому нечего было отречься от старых песен. Он и не отрекался — принципиально пел их до конца жизни...» В отличие от Розенбаума, добавим от себя. Хотя в последние годы Александр Яковлевич тоже поет свой «блатняк» на концертах довольно часто...

Автор намеренно привел такой большой отрывок из исследования — чтобы читатель действительно и по-настоящему убедился в верности слов Н. Шафера. Одна только ого-

ворка: работа эта, посвященная «блатным песням» Владимира Высоцкого, была написана автором в 1989 году. А с той поры много воды утекло... Но как бы там ни было, основные каноны и выводы, сделанные Н. Шафером, остались верны, неизменны и даже более актуальны, чем тогда, в 89-м... Это касается критического разбора песен Высоцкого и Розенбаума.

И все же... Что бы ни писали тогда, 20 и более лет назад, критики, не все их доводы пережили время. Сегодня многие из тех, нещадно ругаемых, «блатных» песен Александра Розенбаума действительно стали классикой жанра. В этой связи примечателен случай, рассказанный Валерием Приемыховым. Актер вспомнил, как на съемках одного из фильмов нужно было исполнить какую-нибудь «классическую» уркаганскую песню. Съёмочная группа направилась в Бутырскую тюрьму. Приемыхова с товарищами провели по множеству камер, где он беседовал с арестантами. Каково же было удивление артиста: практически никто из обитателей камер не знал ни одной настоящей лагерной песни! Пели в основном Высоцкого, Розенбаума или какую-нибудь современную низкопробную «блатоту». Это же о чем-то говорит? Время отсеяло фальшивые песни. «Нельзя обмануть народ!» — пел Александр Яковлевич.

Значит, правильно пел!

Розенбаум: «Артист, композитор, поэт, кинорежиссер, художник — всю свою жизнь рвется из жил, как говорил Высоцкий, из всех сухожилий, чтобы люди знали, узнавали, любили, читали, смотрели, играли, слушали...»

Журналист: «Вы были знакомы с Высоцким?»

Розенбаум: «Нет, к сожалению, но я его видел два раза на концертах... Я могу вам сказать, что во время моего становления на музыкальные ноги и вообще на жизненные ноги, в музыкальной истории нашей страны две кометы пролетело над моим поколением — это «Битлз» и Высоцкий. А Высоцкий — комета. С его приходом и уходом ничего не изменилось в звездной планетарной системе координат. Но он ушел и опалил...», — откровенничал Александр Яковлевич в интервью специальному выпуску журнала «VIP-INTERVIEW». Было это в 2003 году.

Чуть более чем за двадцать лет до него Розенбаум напишет свою первую песню о Владимире Высоцком. Посвящена она не памяти поэта. Это — песня-крик. Своеобразный отклик молодого музыканта на тот шквал появившихся в печати и на магнитофонных лентах стихотворных и песенных посвящений поэту. Мало того что — запоздалых, но еще и, по-

рою, бездарных, графоманских, порочащих память о Владимире Высоцком...

Песню о поэтических спекуляциях вокруг имени ушедшего барда Александр Розенбаум назовет хлестко — «Посвящение посвящающим». Впервые публично он исполнил ее в 1982 году, на одном из домашних концертов. Сейчас в каталоге магнитоальбомов певца этот «квартирник» имеет название «Запись на квартире Юлии Коган».

На всю страну песня зазвучала с другого магнитоальбома певца — «Новые песни, Ленинград, ноябрь, 1983 год», записанного с ансамблем «Братья Жемчужные», широко растиражированного чуть позже.

В том же 83-м Розенбаум исполнит эту песню на одном из концертов. Через 13 лет концерт этот будет выпущен на компакт-диске с тем же, что и песня, названием — «Посвящение посвящающим». Диск выйдет в серии «Антология А. Розенбаума» под № 2. Любителям творчества музыканта любопытно не только послушать прекрасное гитарное исполнение песни, но и небольшую ремарку, произнесенную Александром до ее исполнения. Автор обращается с монологом к слушателям, рисуя в нем картину появления «Посвящения...» на свет и выражая свое мнение к теме, затронутой в нем: «И коль речь зашла о Высоцком, то многие, наверное, здесь, знают песню, которую я написал. Она — не посвящение Высоцкому. Я считаю, что я не готов еще к написанию такой песни, это очень ответственное занятие, задание самому себе... И легче всего написать песню... Написать песню, сверху надписать — «Посвящается В. С. Высоцкому», а внизу — инициалы собственные... Это — самое простое! А вот решиться на это — очень сложно. Нужно написать так, чтобы это было достойно, а я пока не чувствую в себе таких сил. Вот...

Масса посвящений есть Высоцкому. Огромное количество посвящений Высоцкому! Это — хорошо, он этого заслужил — всеми своими делами, всей своей жизнью, всем своим творчеством. Но, к сожалению, на имени Высоцкого — масса конъюнктуры... Огромное количество конъюнктуры! И ладно бы, если б конъюнктура исходила от, так сказать, рядовых людей, там, ну, просто, — деляг, барыг каких-нибудь, которые, там, делают значки с изображением, там, и так далее, и тому подобное...

Самое страшное, что конъюнктура идет творческая, — во многом, — и от очень известных и уважаемых людей, которые в своих экзерсисах не дотягиваются даже до собственного уровня, не то чтоб до уровня Владимира Семеновича... Вот...

Поэтому я написал песню, которая выражает только мои чувства. Только мои чувства по поводу этого. И написал пес-

ню, которая называется «Посвящение посвящающим»...» (цит. по фонограмме концерта А. Розенбаума).

Песню в разных городах слушатели воспринимали по-разному.

Камчатский журналист Н. Михайлов пишет о концерте Александра Розенбаума в Петропавловске-Камчатском, состоявшемся в августе 1985 года: «Гости — рыбаки, работники культуры... Тогда, в 85-м, он был лишь рядовым артистом Ленконцерта. ЦТ обходило его стороной, фирма «Мелодия» и не помышляла о записях... И эта непризнанность обижала, кажется, даже ожесточала его.

Впрочем — почему «непризнанность»? Магнитофоны в Петропавловске «гудели» его концертами. А он уже тогда уходил от этих полублатных песен. Все больше о городе на Неве, о войне. Разумеется, это не прошло незамеченным, и кто-то, не поняв внутреннего роста барда, из зала бросил ему: «Конъюнктурщик!»

Сжал челюсти, а потом заговорил медленнее. Да, одесский цикл — его, но писал для студенческих капустников, для так и не вышедшего спектакля по произведениям И. Бабеля: «Писал полушутя, иначе ухожу вглубь, а вам все «клубничку» подавай».

Спустя два с лишним года, в конце 87-го (это неверно: точно — в конце 1986 года. — А. П.) на «Музыкальном ринге» ему в чуть завуалированной форме задавали те же вопросы... Он пытался объяснить, что, в конце концов, и Высоцкий начинал с таких же вещей, которые лишь условно можно отнести к городскому романсу.

В разговоре Высоцкий возник не случайно. Скорее, не как учитель, не как объект для подражания, но как высота планки, ниже которой прыгать уже нельзя.

Александра Розенбаума раздражала трескотня на страницах газет и журналов, связанная с именем Высоцкого, — его внезапных поклонников, друзей, объявившихся после смерти певца. Это вылилось в песню «Посвящение посвящающим»:

А как помер соловей с криком: «Падлы вы!..»,
Так слетелись воробьи — гарь лампадная.
Порасселся на шестках гость непрощеный —
На поминках поклевать хлеба крошево!

Что ж вы, граждане, в пуху оборзевшие,
На едином на духу песни спевшие,
Зачирикали теперь? Ох, и твари вы!..
Непродажного его — отоварили!

Да как ловко — со слезой да с картинкою:
Вот он — с бабой, да мотив — между снимками!
Потрясли худым крылом у проекторов,
Почирикали чуть-чуть и уехали.

Обложили свои чресла подушками —
Не дай Бог упасть с дела верного!
А уж поверьте, как чирикали Пушкину,
Ну, а песню-то сложил только Лермонтов!

Вот вы спросите: «А ты, ты что делаешь?!»
А я так граждане скажу: «Наболело, ведь!
Вот не лили б воробьи слез за тризною —
Я б пера не заточил — да не в жизни бы!..»

В статье Н. Михайлова (вероятно — поклонника творчества Розенбаума) действительно чувствуются «обида, даже ожесточение» Александра Яковлевича, исходившие от него во время концерта на далекой Камчатке. Талантливый журналист ее подметил и сумел передать в статье. Сильно зацепили певца упреки из зала — упреки в отказе от своих «ранних» песен. И он опять оправдывался: «Писал полушутя, для спектакля... для капустника...»

Тут уж — извините: никакие ссылки на Высоцкого и сравнение его песен того же цикла с песнями Розенбаума — никак не в пользу последнего!

Но дело тут еще вот в чем: Александру Яковлевичу уже тогда не давала покоя слава Владимира Высоцкого, но, по меткому определению Н. Шафера, «скромность таланта» ленинградского певца не дает и не даст ему возможности занять место, навсегда оставшееся за Высоцким.

Однако вернемся к песне «Посвящение посвящающим».

Исполнив ее на другом концерте, в Киеве, в том же 1985 году, Розенбаум едва не напоролся на большие неприятности. Времена-то были советские, государево око не дремало...

В 2000 году в одной из центральных газет опубликован любопытный документ. В бумаге, составленной в 85-м украинскими аппаратчиками, описаны все «достоинства» творчества Александра Яковлевича. Называется документ «Заключение по авторскому концерту А. Розенбаума». В нем, в частности, говорится:

«Авторский концерт характеризуется следующим образом:
— низкий идейно-художественный уровень программы;
— слабая исполнительская культура певца и примитивное, однообразное сопровождение на гитаре;

— серьезные претензии необходимо предъявить текстовому материалу песен;

— а именно:

...2) такие песни, как... «Посвящение посвящающим» — отношение автора к организации похорон В. Высоцкого, все эти и многие другие произведения носят ярко выраженный характер враждебности, злобных выпадов в адрес системы государственных органов управления...

...4) Подобные выступления безусловно наносят идейный и эстетический ущерб.

Считаем нецелесообразным проведение таких концертов.

Главный дирижер-директор Ю. Н. Билак.
Зав. репертуарным отделом В. Л. Стасюк».

Опубликовав документ, журналисты пишут: «Александр Яковлевич так и не «раскололся», где раздобыл эту милую рецензию:

— Я своих информаторов не сдаю. Понятно, что бумажка заказная. Самое смешное то, что люди, подписавшиеся под ней, до сих пор ходят на мои концерты. Их не смущает моя «однообразная игра на гитаре»...»

Смущает другое: с тех пор Розенбаум почти перестал исполнять песню «Посвящение посвящающим» в своих концертах. Причин здесь может быть две: либо у певца нет желания возвращаться к своим старым песням — появилось множество новых, более совершенных и поэтически, и философски... Либо, «прокатывая» «Посвящение...» в концертах 80-х годов, автор убедился, что народ не принимает ее, не считает «своей», и потому песня — несовершенна, и ее надо «забыть».

Существует считаное по пальцам количество концертов, на которых Александр Яковлевич исполнял «Посвящение посвящающим»: «Запись на Омском радио» (1986 г.), «Концерт в Ташкенте» (1987 г.), «Концерт в Учкудуке» (1987 г.)...

Рассказывают, что эту песню Розенбаум исполнил и на «Музыкальном ринге» в конце 1986 года. Как и только что написанную — к 5-й годовщине со дня смерти поэта — песню «Дорога на Ваганьково» — когда спор на «Ринге» коснулся «ранних» песен Александра Яковлевича... Но в телеэфир их исполнение не попало: «Максимова там все вырезала!», — жаловался певец!

Как бы там ни было, текст песни «Посвящение посвящающим» был опубликован осенью 1987 года в ленинградском журнале «Аврора» — наряду с текстами других песен Александра Розенбаума. Эта подборка явилась первой серьезной публикацией стихов и песен автора-исполнителя.

С 1986 года автор плотно занимается «раскруткой» песни «Дорога на Ваганьково»: он исполняет ее часто, практически на каждом своем концерте... Впервые «Дорогу на Ваганьково» Александр Розенбаум исполнил в родном городе, перед ленинградскими слушателями, 29 апреля 1986 года — на концерте в любимом им ДК имени Дзержинского, где в 83-м состоялось его первое официальное сольное выступление... И дальше, что называется, «пошло-поехало»: песенное посвящение Владимиру Высоцкому исполнялось автором всюду. Вот только малый список концертов, на которых слушателям довелось услышать песню: «Концерт в Клубе комсомольского работника» (Кемерово, 29 августа 1986 г.), «Концерт в Литературном кафе» (Москва, 1986 г.), «Концерт в Минске» (1986 г.), «Концерт в ДК «Невский» (Клуб «Восток»)» (Ленинград, 17 января 1987 г.), «Концерт в Клубе «Ровесник» (1987 г.), «Концерт в Ташкенте» (1987 г.), «Концерт в Учкудуке» (1987 г.), и т. д.

А теперь позволим читателю ознакомиться с текстом песни «Дорога на Ваганьково».

Над заснеженным садиком
Одинокий фонарь,
И, как свежая ссадина,
Жжет мне сердце луна.

В эту полночь щемящую
Не заказан мне путь
На Ваганьково кладбище,
Где он лег отдохнуть.

Я пойду, слыша плач иных
Инквизиторских стран,
Мимо тел раскоряченных,
Мимо дыб и суган.

Долго будет звенеть еще
Тех помостов пила...
Я пойду, цепенеющий
От величия зла.

Пистолеты дуэльные
Различаю во мгле,
Два поэта застрелены
Не на папской земле.

Офицерам молоденьким
Век убийцами слыть.
Ах, Володя, Володенька,
А нам кого обвинить?

И во взгляде рассеянном
Возле петли тугой
Промелькнет вдруг Есенина
Русочубая боль.

Рты распахнуты матерно,
Вижу пьяных господ
Над заблеванной скатертью
Велемировских од.

Вижу избы тарусские,
Комарова снега,
Две великие, русские,
Две подруги богам.

Дом на спуске Андреевском,
Где доска, кто в нем жил?
Но мы все же надеемся,
В грудь встречая ножи.

Проплывают видения,
И хочу закричать —
Родились не злодеями,
Так доколе ж нам лгать?

Я стою перед «Банькою»,
Я закончил свой путь,
Я пришел на Ваганьково,
Где он лег отдохнуть...

Интересная деталь: с конца 80-х песня «Дорога на Ваганьково» полностью исчезает из концертного репертуара Александра Розенбаума...

Теперь самое время поговорить о самой песне, обращенной ленинградским музыкантом к памяти Владимира Высоцкого. Скажем сразу: «Дороге на Ваганьково» досталось от журналистов и музыкальных критиков больше, чем «Посвящению посвящающим». Причем — сразу. Едва песня вышла на пластинке, как на нее буквально накинулась пишущая братия.

Некто Владимир Володин (наверняка — псевдоним!) даже посвятил поиску положительных и отрицательных моментов песни целую статью. В итоге, разобрав по косточке посвящение, минусов найдено в нем и наставлено ему журналистом куда больше, чем плюсов...

Статья Володина носит название «Так доколе ж нам лгать?» Это — строчка из песни Александра Розенбаума, подлежащей разбору.

Журналист, выступающий в роли литературного критика, пишет: «Предвижу вопрос: «Ну, чего ты взялся за несчастного Розенбаума, ему и так немало доставалось в свое время? В чем только его не обвиняли». Потому и взялся, что не верю в миф о «несчастном Розенбауме», подвергающемуся беспрепятственным преследованиям, а главное, потому, что считаю необходимым прояснить один удивительный феномен, связанный непосредственно с его именем.

В невысоком, невзыскательном искусстве нередко вторичность, прямое подражательство и конъюнктурная угодливость — все это, вероятно, можно было бы принимать снисходительно и даже счесть простительным, если бы не одно обстоятельство — претензии А. Розенбаума на некую особую роль, роль глашатая истины, человека, в чьи руки как бы перешла гитара Владимира Высоцкого. А вместе с ней в придачу и его — выстраданные жизнью и смертью — правда и боль. Но ведь ТАКОЕ не переходит по наследству.

Ложная значительность фигуры автора неизбежно сопровождается и ложной многозначительностью сказанного им «слова». Давайте же, чтобы не быть, голословными, проследим за смыслом, внутренним содержанием и направленностью текстов песен А. Розенбаума. Хотя бы одной из них. И раз уж речь зашла о Высоцком, возьмем в качестве примера песню, ему посвященную.

Первое, что обращает на себя внимание в этой песне, — это обилие названных или подразумеваемых имен, популярность которых и привлекательность для слушателя вне сомнения: Есенин, Хлебников, Ахматова, Цветаева, Булгаков и даже Пушкин с Лермонтовым. Ну и, конечно же, в этой череде, в одном с ними ряду и «Мы с Володей, Володенькой», то есть Розенбаум с Высоцким.

Завершает же все это перечисление следующее авторское раздумье:

Проплывают видения,
И хочу закричать·

«Родились не злодеями,
Так доколе ж нам лгать?»

Кого же имеет в виду А. Розенбаум в этом обобщающем местоимении «нам»? Кого обвиняет в том, что доколе лгали — неужели вышперечисленных, светлых и трагических гениев русской культуры? И не много ли чести записывать себя в их сообщество? Тем более в таком сомнительном контексте.

Второе, что невозможно не заметить в тексте песни, — полное отсутствие смысла, какой-либо позитивной идеи. Словесная мишура, построенная на звучности ключевых слов, от которых у слушателя, видимо, должно замирать сердце и стечь в жилах кровь:

В эту полночь щемящую
Не заказан мне путь
На Ваганьково кладбище,
Где он лег отдохнуть.
Я пойду, слыша плач иных
Инквизиторских стран,
Мимо тел раскоряченных,
Мимо дыб и суган,
Долго будет звенеть еще
Тех помостов пила. (?)
Я пройду цепенеющий
От величия зла... (и т. д.)

Такое впечатление, что автору даже не столь важно, что петь, сколько то, КАК это воздействует на слушателя. Пусть они себе ломают голову в поисках зерен истины в этом красивом наборе слов, пусть ищут и находят там то, чего нет.

И вновь приходится удивляться, что нехитрый прием этот приносит успех. Самоуверенность воспринимается как убежденность, амбиция — как возвышенность ума, смысловая невнятица — как откровения высшего порядка. Все это в сочетании с действительно задушевым, хотя и весьма незамысловатым мотивчиком, видимо, и обеспечило популярность Розенбаума...»

Как видим, в своей статье автор не только «прошелся» по песне Александра Яковлевича, посвященной Владимиру Высоцкому, в ней досталось и самому певцу — дескать, у «несчастливого» — «претензии на особую роль человека, в руки которого перешла гитара Высоцкого», и что — малоталантлив и гонится за дешевой популярностью...

Отчасти Владимир Володин прав. Не только он заметил это в поведении и творчестве Розенбаума. О «прямом подражателстве и конъюнктурной угодливости» песен ленинградского автора-исполнителя по отношению к творчеству Высоцкого писал уже известный читателю Н. Шафер. Почувствовали это и слушатели, причем — живущие вдалеке от Москвы и Ленинграда — камчатские, например. А в 1990 году неизвестный автор написал о подражателстве в аннотации к только что вышедшей пластинке Александра Яковлевича «Анафема»: «Розенбаума часто сравнивают с Высоцким, говорят даже, что он занял его место. Это не так. Высоцкий — это Высоцкий. Розенбаум — на своем месте. Хотя в пору юности у него были подражания Высоцкому, Вертинскому, что не зазорно: молодые всегда учатся у мастеров...» Не сам ли певец написал предисловие к своему диску?

О подражателстве Розенбаума в своих песнях Высоцкому пишут и участники многочисленных Форумов в Интернете, посвященных песенному творчеству Владимира Семеновича. Пользователь Кропотов, например, рассуждает: «С Высоцким его ставить рядом, по-моему, нельзя...

Мое мнение — сам Розенбаум, умышленно или нет, рвался в начале 80-х занять место, освободившееся в сознании публики после ухода ВВ. Он шел даже таким же путем — сперва «блатные» песни-стилизации, потом «военные», которые помогли выпустить диск на «Мелодии». А некоторые песни Розенбаума — это же вариации на песни ВВ. Так мне кажется. Например, «Я шел 38 узлов» — вариация «Як-истребитель», «Скачи, скачи» — «Иноходец...» И подобных мнений — полная Сеть!

Да и сам Александр Розенбаум не гнушается признаться в интервью в подражателстве:

— Среди ваших песен есть и такие, где вы явно подражаете Владимиру Высоцкому.

— Да. Есть. 8—10 из 480 написанных. Сочинил я их где-то в середине 70-х. И неосознанно они получились такими, как их мог бы написать Высоцкий! Я до недавнего времени очень стеснялся этих песен. Но потом Александр Дольский меня переубедил: «Ну, получилось, что такого? Это был период ученичества».(21)

Да, от скромности Розенбауму не умереть! Говорить о своих песнях, сочиненных при жизни Высоцкого, что такими бы их мог написать Владимир Семенович... Сегодня стало ясно: разве это — не что-то иное, как прямая претензия из уст Александра Яковлевича на «роль глашатая истины, человека, в

чьи руки перешла гитара Высоцкого»? Да уже и не только гитара — и талант сочинять песни — тоже...

К сожалению или к счастью, но толкового ученика, глашатая истины и уж тем более — продолжателя дела Высоцкого с его гитарой в руках из Розенбаума не получилось. И уже никогда не получится... Как бы этого ни хотелось ни ему самому, ни его преданным поклонникам. Владимир Семенович был и останется недостижимой вершиной в поэтическом, песенном и исполнительском творчестве!

Не только в стихах подражал своему кумиру Розенбаум. Одно время он даже песни писал на музыку Высоцкого!

Одна из таковых — «Песня о «Скорой помощи». В своем альбоме «Памяти Аркадия Северного, Ленинград, апрель 1982 года», записанном во вторую годовщину смерти Аркадия при участии ансамбля «Братья Жемчужные», Александр Яковлевич перед ее исполнением говорит: «Песня о моей старой работе. Написана она на музыку Владимира Семеновича Высоцкого». В 1995 году этот принесший певцу популярность в стране альбом был переиздан фирмой «MASTER SOUND» на двух компакт-дисках. Но на обложках этих пластинок почему-то указано: «автор музыки и всех песен — А. Розенбаум».

Только в сборнике «Александр Розенбаум. Тексты, песни, ноты, аккорды. Часть III», выпущенном московским издательством «НОТА-Р» в 2003 году, на странице 19, над нотами и текстом песни — указано: «Слова А. Розенбаума, музыка В. Высоцкого».

Как и когда к певцу пришла в голову идея написать песню на музыку Владимира Высоцкого? Об этом он сам рассказал слушателям в 1983 году на одном из концертов: «Песня, написанная на музыку Владимира Семеновича Высоцкого... Потому что я был в поездке, в смысле — в поездке на автомобиле РАФ. Мы стояли под мостом. Гитару я, собственно, на работу не возил... Поэтому ничего путного без гитары придумать я не мог, взял, просто, ритмически мне понравившуюся песню Владимира Семеновича и написал на нее стихи... Так получилась «Песня врача «Скорой помощи»...» (цит. по фонограмме концерта).

Вот так! Оказывается, очень легко писать песни, сидя в карете «Скорой медицинской помощи!» На музыку Владимира Высоцкого!..

Сравнительно недавно Александр Розенбаум написал еще одну песню на музыку Высоцкого — уж неизвестно, на чем и где сидя. Этот опус — пародийный номер на медицинскую тему — носит название «Ой, доктор, ну зачем магнезию?» По-

шлая и глупая песенка является переделкой одного из шедевров Владимира Высоцкого, входящего в юмористический цикл его произведений — песню «Диалог у телевизора» («Ой, Вань, смотри какие клоуны...»). Пародия, придуманная Розенбаумом, по качеству, конечно же, и близко не дотягивает до оригинального текста Владимира Семеновича.

В одном честь и хвала Александру Яковлевичу — в сборнике стихов и песен, где эта пародия опубликована, над ее текстом значится: «Муз. В. Высоцкого». (А. Розенбаум; «Летать, так летать»; М., 2009, стр. 445).

Создается впечатление, что, сочиняя и публикуя все эти пародии-переделки, на Розенбаума, все-таки, давит слава Высоцкого, и она не дает Александру покоя. Зачем писать и обнародовать такие дешевые опусы, если сам уже достиг определенных вершин в сочинительстве стихов и написании песен? Непонятно... Выходит — мешают спать нереализованные амбиции занять Вершину Высоцкого!

Но — повторимся: «Второго Высоцкого» из Александра Розенбаума не получилось и уже по-любому — не получится. Тщетны в этом плане все его творческие попытки, включая пошлые пародии на песню поэта!

Американский журналист Альфред Тульчинский, автор замечательного сборника «Все о Вилли», (Нью-Йорк; изд-во «Калейдоскоп»; 1993 г.), посвященного жизни и творчеству Вилли Токарева, справедливо замечает в нем по поводу творческих амбиций Розенбаума: «Он пришел в песенный мир с большим опозданием: Саша желает быть Абсолютно Первым, хотя это для него недостижимо. Не умея остановиться и оглянуться, не желая никого слушать, он губит себя сам постоянными, раздражительными мечтами о превосходстве. Не понимающий своей ВТОРИЧНОСТИ (от слова «вторить», а не «второй») в песенной поэзии, уповающий только на успех и не видящий своих слабых сторон, Розенбаум на самом деле извелся от тоски по славе Высоцкого. Но ведь Высоцкий — ГЕНИЙ, а не просто некто, способный писать и петь лучше Розенбаума, он опередил всех на сто исторических лет!..» (стр. 15—16).

А может быть даже и больше, чем на сто! И — bravo Альфреду Тульчинскому: блестяще и честно написано!

Вывод: сколько ни пиши, ни «коси» «под Высоцкого» и не посвящай ему песен, — им не станешь! (Кстати, у Александра Яковлевича есть даже своя песня под названием «Охота на волков». С эпиграфом из Высоцкого: «Обложили меня, обложили!» Чем не «закос» под В.В.? Но с песенным шедевром Владимира Семеновича ей, конечно же, — не сравниться. Напи-

саны Розенбаумом и два песенных посвящения поэту. Больше только у его собрата по перу и по гитаре Александра Моисеевича Городницкого... Но — не будем о грустном).

А вообще — не зря прозорливые слушатели и журналисты обвиняют иногда Розенбаума в конъюнктуре. Он знает, кому и когда надо посвятить песню. Певец тонко чувствует общественно-политическую ситуацию в России и нынешнее время...

В 2000 году, полетав с Путиным на вертолете, Александр Яковлевич написал и посвятил ему песню. В ней, кстати, упоминается и Владимир Высоцкий:

Имя русское Владимир — в чести бы,
Мономаха бы с Высоцким скрестить.
Ум помножить бы на власть да на стих
И бородой козлов заставить трясти...

Странно не то, что Розенбаум вдруг заговорил в песне о клонировании и генной инженерии, а то, что после написания посвящения вскоре ставшему президентом всея Руси земляку музыканта, певец получил звание народного артиста России, а через пару лет — вступил в ряды «единороссов» и стал депутатом Государственной думы...

Будем считать это чистой воды совпадением...

Теперь самое время продолжить разговор о песнях. Но не Александра Розенбаума, а о песнях Владимира Высоцкого в исполнении питерского музыканта.

Жаль, что больше 25 лет Розенбаум не пел песен Владимира Высоцкого, а только написанием посвящений поэту и нелепыми переделками его произведений чтит память о великом авторе-исполнителе... В отличие от своего друга Иосифа Кобзона, регулярно и с завидной постоянностью включающего песни Высоцкого в свой репертуар.

Сегодня, пожалуй, трудно будет отыскать уважающего себя певца, который бы не сделал попытку спеть или записать какую-нибудь из песен Владимира Семеновича Высоцкого. В Интернете, на официальном сайте Александра Розенбаума, в разделе «Вопросы и ответы», размещены любопытные рассуждения певца на эту тему — в виде ответа на вопрос.

«05. 09. 2003. Александр Яковлевич! У меня к вам такой вопрос: как вы относитесь к исполнению песен Высоцкого другими исполнителями (Лепс, Сукачев и др.) Не теряется ли при этом то, что свойственно только Высоцкому, его манера исполнения, эмоциональность и т. д. А вы бы не пробовали спеть что-то из Высоцкого? Спасибо».

Розенбаум ответил на вопрос поклонника его творчества так: «14. 10. 2003. Не может теряться что-то от Высоцкого, потому что если это не Высоцкий, то ничего от Высоцкого и нету. Я люблю оригинальные исполнения. Но это не значит, что несколько произведений не могут хорошо спеть по-своему талантливые исполнители. Высоцкий достаточно разнообразен и достаточно широк в палитре песенной, поэтому всегда можно выбрать исполнителю что-то из его репертуара. Но это не значит, что это будет исполнено Высоцким. Слушать я предпочитаю, конечно, оригинал, но я могу себе представить, что какую-то из военных песен Владимира Семеновича может спеть, допустим, Иосиф Давыдович: другое исполнение, но оно будет грамотное».

В этой витиеватой и разноцветной словесной крошке, представляющей ответ певца на поставленный вопрос, к сожалению, трудно уловить логику. Ясно лишь одно: Розенбауму по душе только оригинальное исполнение Владимиром Высоцким своих песен. И то — верно! Тогда и не следовало самому браться петь «альпинистские» песни поэта. Или это — еще одна попытка занять место Высоцкого, исполняя ЕГО песни?

Имя Кобзона Александром Розенбаумом упомянуто в ответе не случайно: певцы дружат уже больше 30 лет. Иосиф Давыдович, как известно, в свое время спел и записал немало песен Владимира Высоцкого. В последнее время он часто исполняет его композицию «Сыновья уходят в бой». Получается у него неплохо, с душой поет. Ибо — сам дитя военного времени, сумел прочувствовать песню.

В начале июля 2011 года трио в составе Александра Розенбаума, Иосифа Кобзона и Григория Лепса снялось в клипе на песню Александра Яковлевича «Вечерняя застольная».

«Эта песня — ностальгическая, — сказал перед съемками Кобзон, — про тех, кого больше нет с нами. Это и Высоцкий, и Окуджава, и Миронов... И многие другие».

Песню из альбома «Вялотекущая шизофрения» (1994 г.) автор уже исполнял с Иосифом Давыдовичем дуэтом. И вот теперь — трио.

Клип на эту песню помещен в новом альбоме Александра Розенбаума, записанном совместно с тем же Григорием Лепсом. Пластинка, носящая название «Берега чистого братства», появилась на прилавках музыкальных магазинов в начале 2012 года. Музыкальные критики, оценивающие альбом, в целом положительно отзываются о его содержимом — заново аранжированных старых и совсем новых композициях Александра Яковлевича, записанных в дуэте с Григорием. Об од-

ной из новых песен, представленных в альбоме, — «Последний рейс», — те же критики пишут: «Песня написана в память о разбившейся в авиакатастрофе под Ярославлем хоккейной команде. «Свист, все быстрее вниз, и белей, чем лист, лицо у стюардессы». Эта песня вполне могла бы войти в репертуар Высоцкого».

Думаю, в данном случае с критиками можно согласиться! Вполне лестная оценка творчества Александра Розенбаума!

Но как бы и кто бы ни критиковал певца и его творчество, главу эту, все-таки, хотелось бы завершить добрыми словами, сказанными в адрес Александра Яковлевича Розенбаума. Тем более что своей жизнью и творчеством певец этого всячески заслуживает.

И, кажется, для концовки не подобрать ничего лучше, чем отрывок из книги Максима Кравчинского «Песни, запрещенные в СССР». В главе «Колыбель русского андеграунда», посвященной творчеству Розенбаума, автор пишет: «В первые годы после смерти Высоцкого — особенно, да и сегодня, к каждой памятной дате в биографии поэта, в интервью с его родными или друзьями журналисты задают им вопрос: «Как вы думаете, будь Владимир Семенович жив, какие бы песни он пел?»

Лично меня этот вопрос всегда раздражал. Кто может знать, что было бы?

Но однажды я пришел к парадоксальной, но, возможно, верной в чем-то мысли: подлинное искусство снисходит на творца свыше и, наверное, то, что не спел Высоцкий, «за него» сделали и спели другие. И немалая доля того, что будет звучать и в грядущих столетиях, приходится, на мой взгляд, на героя данной главы, А. Я. Розенбаума».

Остается только поставить свою подпись под словами Максима Кравчинского!

Почти о том же, только несколько в иной форме, пишет российский музыкальный критик Артемий Кивович Троицкий: «Я от разных людей слышал несколько версий, относительно того, что было бы с Высоцким, выживи он после всех своих болезней. Были разные варианты — от того, что он стал бы диссидентом, воюющим с Сахаровым, до того, что он превратился бы в такое чмо, типа Розенбаума».

Сложно гадать и спорить, о чем бы писал, что пел и кем бы стал Высоцкий, останься он в живых в июле 80-го и доживи до наших дней...

Однозначным кажется одно: как Розенбаум не стал Высоцким, так и Владимир Семенович вряд ли пошел бы колеей питерского исполнителя.

«Колея эта — только моя. Выбирайтесь своей колеей!..»

АЛЕКСАНДР РОЗЕНБАУМ О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ
(*монологи разных лет*)

«...Не могу я понять с высоты своего возраста то, как я написал казачьи песни, как я влез в это дело. (То же самое было и с Высоцким. Вот почему нас и сравнивают глупые люди. Они, правда, не хотят раскинуть мозгами, не хотят понять, что подражать ему невозможно. Это можно либо пережить, либо тебя должны сделать Сверхчу. Если ты этого не пережил, значит, тебя сделали Сверхчу)»...

«А в музыке для меня с небосклона искусства светили особенно ярко — «Битлз» и Высоцкий...»

«Когда я учился в Первом медицинском, в то время у нас была прекрасная художественная самодеятельность. И как-то сразу сформировалась команда. Я играл на гитаре, как тогда говорили, «как король»... Играл все, что угодно: «Битлз», «Стонунз», в полный рост, рок-н-ролл, Высоцкого...»

«Я никогда не был бардом. Не знаю, что это такое. Так же как и Высоцкий не знал, что такое самодеятельная песня, и с иронией отвечал на вопросы подобного рода: «А пошли бы вы на прием к самодеятельному гинекологу?»

Высоцкого я тоже бардом не считаю и преклоняюсь перед его творчеством, он один из тех, кто сформировал мою психологию. Но он и вправду сегодня звучит реже, потому что время сегодня другое.

Когда меня сравнивали с Высоцким, сначала было жутко больно. Можете себе представить ужас положения, когда я пришел на эстраду в восьмидесятом году? Я — музыкант, профессионал, сонаты Бетховена и Шопена играю, много лет рок-музыку играл. Но началось: «Какой-то хрипчатый с гитарой покусился на нашего...» Больше всего вопили те, кто Высоцкому при жизни слова ласкового не сказал. Потом стали повторять: «Второй Высоцкий». А я всегда отвечал: «Я не второй Высоцкий, я первый Розенбаум». Сравнение с ним по гражданской позиции или по умению «проникать» и в шахтеров, и в волков за честь почту. Но по музыке, поэзии мы абсолютно разные. И потребовалось семнадцать лет, чтобы это услышали.

Сходство между Розенбаумом и Высоцким болезненно ищут болезненные люди. Ни один человек из народа, который не имеет специальной или снобистской подготовки, никогда

таким копанием заниматься не станет. Любой слышит — музыкально мы настолько разные, что и сравнивать нечего: я люблю вальсы, казачьи песни. И технически мы — разные: он публицист и сатирик, я больше трагик и лирик. И хрипота у нас совершенно разная. Да и нелепо всех хриплых людей равнять «под Высоцкого».

В чем я вижу одинаковость, параллели? Работа до конца на сцене, выдача на-гора всего себя. Очень много песен от первого лица, хотя мы никогда не копались, ни он, ни я, в самом себе. Пишем от имени людей — добрых, не злых! — которые говорят о нашей какой-то похожести. Видимо, речь идет еще и о мужском начале — не просто поэтическом.

Думаю, сравнивать меня с Владимиром Семеновичем все-таки не нужно, каким бы лестным для меня не было такое сравнение. Может быть, нас с ним роднит то, что я, как и Высоцкий, «говорю» с людьми на простом, понятном всем языке о том, что мне близко. Искренне говорю, как мне кажется. Но я не стараюсь подражать Высоцкому, пишу и пою по-своему.

По правде говоря, мне не нравится, что теперь стало даже модно доказывать, как мы все любим Высоцкого. Ведь и много лет назад мы любили его не меньше, чем сейчас. Я считаю, что лучшим подарком всем нам и лучшей данью памяти Высоцкого могло бы стать издание его стихов таким тиражом, чтобы они были у каждого на книжной полке. Чтобы мы могли детей своих воспитывать на его песнях и стихотворениях...»

АЛЛА ПУГАЧЕВА

...Она — суперзвезда отечественной эстрады, ее Королева. Ее называют «Примадонной», «Живой легендой», «Звездой № 1», «Лучшей певицей»...

Звездная звезда. Великая и грандиозная драматическая певица, достигшая в песенном жанре всех мыслимых и немыслимых высот.

Про нее говорят: «Пугачева всегда великолепна, всегда на уровне». А ведь «на уровне» длится уже более 40 лет!

И все это время — огромное напряжение и постоянная гонка и борьба за право быть Первой.

И все это время — восторженное обожание поклонников и безоговорочное неприятие противников.

Как бы кто к ней ни относился, все прекрасно понимают, что Алла Пугачева — явление уникальное.

Ее творчество, не укладывающееся в обычные определенные рамки эстрадно-песенного жанра, разнопланово и многогранно. Как было кем-то сказано: «Пугачева — многолика, у нее много лиц».

Эта глава — о взаимоотношениях, встречах, дружбе и творческих пересечениях Аллы Борисовны Пугачевой и Владимира Семеновича Высоцкого, в 70-е годы — двух самых популярных и любимых исполнителей в СССР — на эстраде и в авторской песне.

Нет нужды пересказывать читателю биографию певицы — он с ней и без того хорошо и подробно знаком. А потому перейдем сразу к моменту знакомства певицы с поэтом.

Впервые повстречались и познакомились Пугачева и Высоцкий в середине 60-х годов. Владимир уже работал в знаменитом Театре на Таганке, давал первые концерты в Москве и других городах Союза, Алла же только-только делала первые, еще робкие шаги на эстраде, по сути — являлась простой студенткой музыкального училища.

Познакомил молодого актера и автора-исполнителя и будущую эстрадную звезду друг с другом Анатолий Утль-

ев — боевой летчик, ныне — полковник. По окончании Двинского высшего инженерного училища Утыльев готовил к полетам космонавтов легендарного первого отряда. Попадал в суровые передряги во время испытаний космической техники. Возглавлял комсомольскую организацию Главного штаба ВВС. Был начальником редакторского отделения Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Анатолий Утыльев дружил с Высоцким, Гагариным, многими другими известными в стране людьми.

С Аллой Пугачевой Утыльев знаком с середины 60-х годов — тогда будущая легенда нашей эстрады, худенькая рыжая Аллочка, только начинала петь...

Вот что рассказал боевой летчик в интервью корреспонденту «Комсомольской правды» накануне 55-летия Аллы Пугачевой: «У меня служил рядовым Толя Васильев. Позже он стал известным актером, режиссером Таганки. Свел нас с модным театром. Космонавты и Таганка стали дружить. Алла же была влюблена в Таганку, а Высоцкого боготворила. Я их познакомил. Ходила часто в театр, в примерку Высоцкого заглядывала. Володя однажды исполнил ее заветную девичью мечту — помог появиться на сцене легендарного театра. Не помню уже, в каком спектакле Аллочка участвовала в массовке. Пришла ножками по сцене...»

Московский выпуск газеты «Комсомольская правда» приводит совершенно иную версию знакомства молодого артиста и начинающей певицы...

Итак, ей 17, ему — 28...

«Это был 1966 год. Никому не известной Алле Пугачевой было всего 17 лет. А 28-летний Высоцкий был уже признанной звездой. До встречи с главной любовью его жизни актрисой Мариной Влади оставался год. Пугачева и Высоцкий познакомились в ресторане Театра на Таганке. Там собиралась вся московская элита. Алла пришла на актерские посиделки со своим кавалером — космонавтом Германом Соловьевым. Она тогда собиралась за него замуж, но встреча с Высоцким оказалась роковой — Пугачева отказала Соловьеву. В скромном ситцевом платьице и вздорными рыжими кудрями Алла буквально ворвалась под руку с Германом в зал, где своим знаменитым хриплым голосом с надрывом пел Высоцкий. Но ворвавшийся «рыжий вихрь» заставил Владимира Высоцкого оторваться от гитары. Смешная девчонка с Крестьянской заставы широкой улыбкой и озорными глазами будто приворожила его. Как вспоминают свидетели этой встречи, Герман Соловьев ревниво наблюдал, как Алла непринужденно и смело приручила за один вечер Владимира Семеновича.

— Я хочу стать комедийной актрисой! — с ходу заявила Высоцкому 17-летняя Пугачева.

Оценивательно посмотрев на рыжую сирену, Высоцкий одобрительно кивнул, мол, хочешь, значит, будешь.

Друг Высоцкого актер Борис Хмельницкий первым заметил, что Высоцкому запала в душу юная Алла.

— Она была такой искренней, а перед этим качеством Высоцкий не мог устоять. Мы все были в нее влюблены. А еще у Аллы невероятно красивые ножки. Поэтому мы, мужики, смотрели на нее как беспомощные телята, — вспоминал в одном из своих последних интервью Хмельницкий.

— Кстати, я тоже пою, — обронила в разговоре с Высоцким Пугачева. В то время Алла работала корреспондентом на радио «Юность», ходила на подготовительные курсы факультета журналистики в МГУ.

В следующий раз на Таганку на посиделки с Высоцким Пугачева приехала уже без Соловьева. После этого их часто видели вместе. Люди из окружения Высоцкого уверяют, что он смотрел на Аллу влюбленными глазами и выполнял ее любой каприз: доставал ей контрамарки на Таганку и даже хлопотал роль в массовке.

Актер и друг Высоцкого Вениамин Смехов говорит, что Пугачева могла выходить только в массовке в спектакле «Пугачев». Он как раз шел в 1966 году, там играл сам Высоцкий.

Владимир Семенович в день премьеры подопечной нервничал не меньше дебютантки. Роль была крошечной, но дебют любимицы Высоцкий в тот вечер отмечал, как будто праздновал свой день рождения».

Об этом же театральном дебюте певицы пишет и журналист Федор Раззаков в книге «Алла Пугачева: по ступеням славы», имеющей претенциозный подзаголовок «Самая полная биография великой певицы»: «Благодаря своим приятелям с радио (??? — А. П.) Пугачева стала вхожа в Театр на Таганке. Там она пересмотрела чуть ли не весь репертуар, а также была введена в тамошнюю тусовку. Она общалась с Владимиром Высоцким, Борисом Хмельницким и другими ведущими артистами театра, которые относились к ней как к товарищу. Был момент, когда Высоцкий пристроил ее в один из спектаклей — Пугачева сыграла крохотную роль в массовке, продефилировала по сцене из одного конца в другой. Однако никакого романа между нею и Высоцким не было и в помине».

О более близких и дружеских отношениях между Владимиром Высоцким и Аллой Пугачевой мы еще поговорим, а сейчас — о творческом пересечении судеб певцов и артистов.

Алексей Беляков, автор романа-биографии «Алла, Аллочка, Алла Борисовна», тоже упоминает в своей книге о знакомстве Пугачевой с Таганкой и Владимиром Высоцким: «Вся компания часто собиралась в Театре на Таганке — тогдашнем клубе либеральной интеллигенции, этакой большой «московской кухне». Аллу, разумеется, брали с собой.

«Она ходила туда не столько из-за того, что ее привлекали смелые по тем временам беседы о политике и роли художника в жизни общества, — вспоминает Ирина Полубояринова, давняя знакомая Аллы Пугачевой, которая училась с ней в одной школе, только на несколько классов старше, — сколько потому, что Аллу безумно влек мир театральной богемы. Эти пьянки ночи напролет, полуистеричные декламации стихов Маяковского и Пастернака и песни — в одиночку, хором — до крика».

Аллу волновал и сам театр, а Таганка... Стоит ли лишний раз навязчиво напоминать, каков был статус любимовской Таганки в 60-е? Обаятельный молодой бонвиван Боря Хмельницкий по просьбе Аллы давал ей контрамарки, и она пересмотрела весь модный репертуар театра, щурясь в последних рядах (очки были выброшены из жизни, как некогда и косаселедка).

Главным героем тех шумных посиделок на Таганке часто становился Высоцкий. Друг другу их представил Гера Соловьев, тоже непреходящий участник этих собраний. (Вот вам еще одна версия знакомства Пугачевой и Высоцкого. — А. П.) Алла познакомилась с Высоцким не без внутреннего трепета: тот уже был известным артистом, и, — самое главное, — прохрипел по всей стране своими песнями, которые звучали на магнитофонах чуть ли не в каждом доме...

Алла тогда часто говорила, что на самом деле мечтает не об эстраде, а о театре.

«Из меня получится великолепная комедийная актриса», — уверяла она.

Алла упрашивала Высоцкого, чтобы тот помог ей подыскать хоть какую-нибудь — пусть самую скромную — роль. Самое забавное, что тот отчасти поспособствовал воплощению ее мечты. Он договорился, что в одном из спектаклей Пугачева будет участвовать в качестве статистки. Вся «роль» Аллы заключалась в том, что в какой-то массовке она просто продефилировала по сцене...»

Но наиболее интересным представляется услышать историю знакомства певицы с Владимиром Высоцким и рассказ о своем театральном дебюте из уст самой Примадонны: «...Он всегда был для меня Владимиром Семеновичем, — вспомина-

ла Пугачева, выступая 25 января 1991 года на вечере в Театре на Таганке, посвященном 53-й годовщине со дня рождения поэта. — ...Мы встречались в одном доме, у нашего общего знакомого. Я была тогда никто, так, девочка лет семнадцати. Я садилась за пианино, играла, Владимиру Семеновичу нравилось. Там бывали разные люди: космонавты бывали, ученые, Гагарин был... А я со всеми фотографировалась. Вот так вот: хозяин в центре сидит, слева, скажем, Гагарин, справа — я. Или: хозяин в центре, Высоцкий слева, справа я. И, поскольку я была никем, меня на всех фотографиях отрезали... Теперь жалеют... Бывал в той компании и Боря Хмельницкий, и я даже стояла на этой сцене. В «Антимирах», как сейчас помню... Мы тогда крепко поддавали... И вот мы всей компанией приехали в театр. Любимова тогда не было... Нам не хотелось расставаться, и мы все вместе, как пришли, так и вышли на сцену...»

С годами их общая компания как-то сама собой распалась, точнее — трансформировалась, и Пугачева с Высоцким обменивались лишь взаимными и шутливыми приветствиями — при встречах ли, через общих друзей или знакомых...

Но вернемся в конец 60-х годов.

Наверняка, многим читателям, слушателям и зрителям знакомо имя Алексея Ольгина.

Ольгин — профессиональный литератор, член Союза писателей России, автор известных в 60—70-е годы эстрадных шлягеров «Топ... топ... (первые шаги)», «Человек из дома вышел», «Лишь бы день начинался и кончался тобой». Последние годы живет в Финляндии, в северном городке Соданкюля, как он сам говорит, с «видом на жительство, и на тундру, на все финское», пишет короткие юмористические рассказы. У Алексея Ольгина вышло уже три книги, его проза опубликована в новом номере альманаха «Иные берега» (издается Объединением русскоязычных литераторов Финляндии). Его новый рассказ — документальный, о редакции популярной некогда радиопрограммы «С добрым утром!».

«В московской редакции «С добрым утром!» в 60-е годы было шумно и весело. В одной из комнат во всю стену висела таблица с результатами народного голосования. А под таблицей — несколько мешков, набитых письмами радиослушателей — проводился конкурс на «Лучшую песню года».

Приходили и уходили авторы и исполнители, приносили новые песни, надеясь «прозвучать» в одной из ближайших передач... Здесь в ту жизнерадостную пору бывали все: Д. Тухманов, А. Колкер, С. Пожлаков, О. Иванов, В. Дмитриев, Кристаллинская и Клемент, Хиль и Кобзон, Пьеха и Пархоменко.

Ведь в те дни передача «С добрым утром!» была центром песенной культуры. Прозвучать в ней считалось делом престижным, равноценным признанию, это давало право работать профессионально... А за пределами редакции звучали совсем иные песни, совсем другого автора.

— Все на редсовет! — возгласил музыкальный редактор В. Вейс (по совместительству — композитор Савельев), и в возбуждении прошелся по редакционным столам, как школьник на большой перемене. — Будем слушать Высоцкого!

В кабинет главного редактора В. Аленина тихо, боком вошел Высоцкий, исподлобья, настороженно обвел взглядом большую компанию, и, как бы удивляясь тому, что происходит (а это было его первое официальное посещение редакции), неуверенно высвободил из потертого дермантинового футляра гитару.

— Что спеть? — спросил он, ни к кому не обращаясь и настраивая инструмент.

— Наверное, лучше бы из кинофильма «Вертикаль», это надежней, это может пройти в эфир, — сказал Главный, человек добрый, но, как и все зависимые от начальства люди, крайне осмотрительный. — А то неизвестно, как посмотрят — «там», — и он выразительно ткнул пальцем в потолок.

Редакции очень не хотелось отстать от времени, и даже быть впереди...

Но, словно черт ладана, страшились «ругательных» писем в свой адрес от слушателей (все поступающие на Радио письма фиксировались независимо от самих редакций, и были предметом суровых разборов у «самого Главного»).

Высоцкий пел «Скалолазочку», потом «Песню о друге»... А в это время члены редкомиссии, незаметно для певца переглядываясь, беззвучным образом составили «общее мнение»... Похоже, едва пригласив официально непризнанного и опального Высоцкого, редакция тут же испугалась собственной смелости. Но сказать певцу прямо, что он пришел напрасно, не хватило духа. А, может быть, сотрудникам просто захотелось посмотреть на живого, без грима, Высоцкого, ибо велика была его слава. Подло, конечно, но — понятно.

— Пожалуй, хватит... — сказал Высоцкий, почуввав настрой редсовета.

Наступила долгая неловкая пауза. Тишина. Никто не решился высказаться, вернее, произнести слова, необходимые в этой фальшивой ситуации.

— А нельзя ли убрать басок? — встав во весь свой рост, вкрадчиво спросил Главный, и выбросил так же по-ленински

одну руку вперед, а вторую заложил в карман брюк, — понимаете, звучит немного грубовато...

— Нет, нельзя! Это мое, это свойственно мне! — резко ответил Высоцкий.

Снова пауза.

— Но я не слышу здесь музыки! — неумело спасая положение, выпалил второй музыкальный редактор Р. Гуценок (по совместительству — композитор Майоров), вечно состоявший «на подхвате».

— Как?! — воскликнул Высоцкий, растерявшись от неожиданной глупости, — я вам фонограмму из фильма принесу!

— Вы не обижайтесь, но мы не можем взять песни в передачу в таком сыром виде, — совсем уж нелепо резюмировал Главный.

— Не можете, и не надо... — сказал Высоцкий, укладывая гитару в футляр. — Я к вам не просился, вы сами меня пригласили. Прощайте!

И ушел.

— Не будем рисковать... подождем, — выдохнул Главный. — Следующий!

В коридоре, в ожидании своей очереди и своей участи, переминалась с ноги на ногу худосочная, никому не известная и ничем не приметная девочка — Алла Пугачева....»

Вот такой рассказ-воспоминание вышел из-под пера Алексея Ольгина!

Еще одно творческое сближение у героев нашей главы произошло на рубеже 60—70-х годов. В репертуаре Владимира Высоцкого и Аллы Пугачевой появляется песня «На Тихорецкую» (правда, певица споет ее почти на пятнадцать лет позже поэта). Автор незатейливой песенки — родившийся в Краснодаре замечательный поэт Михаил Григорьевич Львовский (1919 — 1994 гг.), увековечивший в ней название станции Тихорецкая Краснодарского края (Северо-Кавказская железная дорога). В те годы Львовский являлся большим поклонником творчества Высоцкого. Кинорежиссер Эльдар Рязанов, в фильме которого «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1976 г.) звучит песня «На Тихорецкую» в исполнении Аллы Пугачевой, вспоминает: «Мой друг, сценарист, драматург, поэт Михаил Львовский, который являлся давним поклонником и собирателем Высоцкого, сделал мне царский подарок: подарил мне магнитофонные кассеты (специально переписал!), где было восемь часов звучания песен в исполнении Володи. Это случилось, пожалуй, году в 76-м... С тех пор я стал его поклонником — окончательным, безоговорочным, пожизненным, навсегда...»

Исполнив песню «На Тихорецкую» в картине Рязанова, Алла Пугачева дала ей права на официальное, а не полуподпольное существование. До этого развеселая песенка считалась не то уличной, не то ресторанной...

Музыку к песне, вошедшей в фильм, и вообще — к картине Рязанова написал великолепный композитор Микаэл Леонович Таривердиев. В 1966 году композитор работал с песнями Владимира Высоцкого, предложенными им в фильм «Последний жулик» — писал к ним музыку. По роковому стечению обстоятельств, жизнь Микаэла Таривердиева оборвалась 25 июля 1996 года, в 16-ю годовщину смерти Владимира Семеновича...

Отбирая песни в картину, Эльдар Рязанов, друживший с Михаилом Львовским и знакомый с его веселой песенкой, постоянно напевал ее. Она ему так понравилась, что волей кинорежиссера, он решил ее включить в свой фильм. И сообщил об этом Таривердиеву. Микаэл Леонович улыбнулся и сказал в ответ: «То, что вы поете — уже давно моя песня!» Удивленный Рязанов ответил: «Хрена с два! Это песня Львовского, которую поет Володя Высоцкий!» Невозмутимый композитор парировал: «Он поет песню на мою мелодию!..» Так что, Таривердиеву даже не пришлось писать мелодию в картину к этому хиту! Она была уже давно написана! («И снова — здравствуйте!»; НТВ; 7 января 2012 г.)

Высоцкий запел «На Тихорецкую» гораздо раньше Пугачевой — еще в начале 60-х. Сохранилась несколько записей исполнения им песни. Одна из них, датированная осенью 1962 года, представлена на выпущенном фирмой «Solyd Records» в 1998 году компакт-диске поэта «Летит паровоз». На CD собраны песни из раннего репертуара автора-исполнителя. Надо сказать, что песню Михаила Львовского Владимир Высоцкий никогда не исполнял в своих концертах, а пел исключительно в дружеских компаниях.

В интервью Юрию Андрееву, данном Владимиром Высоцким в Ленинграде в 1967 году, поэт рассказал о том, как эта песня вошла в его репертуар...

— Володя, насколько мне известно, у Вас был опыт сотрудничества с профессиональным композитором. Вот — «На Тихорецкую состав отправится...»

— Дело в том, что это ошибка. И текст, и музыка это — не мои. Вернее, музыку я немножечко переделал ту, что сочинил Таривердиев. А текст написал Львовский — такой автор. Очень давно эта песня шла в спектакле. Просто, я ее пою, и, наверное, она легла больше на мой голос и ассоциируется со

мной — потому что я ее записывал много раз. Но это песня не моя. (В. С. Высоцкий; Интервью Ю. Андрееву; «Живая жизнь. Штрихи к биографии В. Высоцкого»/ Сост. В. Перевозчиков; Книга 3-я. М., 1992, стр. 198—200).

Сценарист Исая Кузнецов в своих воспоминаниях о Михаиле Львовском, названных «Вагончик тронется — перрон останется», пишет: «Среди тех, кто посещал его квартиру на седьмом этаже дома на Красноармейской, надо упомянуть и так называемых бардов: Сашу Галича, Юлия Кима, Юрия Визбора, Аду Якушеву, Владимира Высоцкого и многих других.

Между прочим, одной из очень немногих песен, исполнявшихся Высоцким, сочиненных не им самим, была ставшая популярной прелестная песня Львовского, написанная для его же пьесы «Друг детства»:

На Тихорецкую состав отправится,
Вагончик тронется — перрон останется...
Стена кирпичная, часы вокзальные,
Платочки белые, глаза печальные...

Песню эту использовал в своем фильме «Ирония судьбы...» и Эльдар Рязанов. Музыка написал Микаэл Таривердиев».

По воспоминаниям кинодраматурга Елены Щербиновской, двоюродной сестры второй жены Высоцкого Людмилы Абрамовой, Володя «играл на гитаре и пел «Вагончик тронется...» Пел здорово — мурашки по коже!..»

Как же попала быстро ставшая известной песня в репертуар молодого певца? Известно, что Михаил Григорьевич Львовский песню «На Тихорецкую» написал в 1961 году для своей же пьесы «Друг детства», тоже написанной им в 61-м. В том же году пьеса была поставлена в Московском театре «Современник» актером и режиссером Виктором Сергачевым, где песню (музыка Геннадия Гладкова) впервые исполнила актриса Нина Дорошина. Пьеса Львовского несколько лет с успехом шла на сцене театра, пока с подачи секретаря ЦК Ильичева спектакль не «прикрыли»...

Владимир Высоцкий в те времена был не чужд «Современнику» — возможно, отсюда в его репертуаре и появилась эта песня.

Все вопросы снимают воспоминания Львовского. Вот что рассказал Михаил Григорьевич: «С пьесой «Друг детства» и песней «На Тихорецкую...» история такая. Я писал каждый год по пьесе («Львовский пишет в год по пьесе и его ругают в прессе. Вот за что я Львовского люблю...» — из частушки-пародии

Евгения Аграновича) и друзья говорили мне: «Слушай, — ничего! Но ты напиши поострее, сейчас можно!» Как раз была «оттепель». И я написал пьесу «Друг детства». Сюжет ее в том, что одного мальчика берут в армию, он очень плохо служит, потому что интеллигентный, щупленький, что для армии не подходит, но своей бывшей однокласснице, которую в школе звали «Царица Ирина» и в которую он влюблен, врет про свои похождения в армии. А в него влюблена подруга «Царицы Ирины». Это она поет: «На Тихорецкую состав отправится, вагончик тронется — перрон останется...» Станция Тихорецкая, сейчас город Тихорецк, находится в часе езды от моего родного города Краснодара, с которым я связываю все, что пишу.

Кроме этих героев у меня там был еще один молодой человек, который в отличие от первого, интеллигентного — циник: ни во что не верит и смеется над интеллигентным. К этому цинику и уходит героиня.

И это бы еще ничего, но я ввел в пьесу образ полковника-отставника, которого видел в одном из южных городов. Он жил, как помещик: имел огромный сад, продавал на базаре клубнику, что тогда считалось зазорным...И это вызвало такое негодование!.. Один военный после спектакля сказал, что таких авторов надо расстреливать. Ильичев на идеологической комиссии ЦК партии сделал доклад и разгромил пьесу; Шапошникова, из Московского городского комитета партии, приходила на спектакли, шипела. Пьесу разрешили доиграть один сезон и по окончании театрального сезона сняли с репертуара. Текст ее запретили к распространению, поэтому официально не печатали, так что он есть только у меня. На моем экземпляре стоит дата — 1962 год, ставили, может, в 63-м, с моего текста распечатывали в театре.

Пьеса ставилась в двух театрах: «Ленком» в постановке Ролана Быкова с музыкой Таривердиева, и в «Современнике» в постановке Виктора Сергачева с музыкой Геннадия Гладкова. В Москве песню больше пели с музыкой Таривердиева, а в Ленинграде с музыкой Гладкова. В своих сольных концертах ее исполняла Майя Головня, которая потом записала эту песню на моей авторской пластинке. Когда пьесу запретили, Таривердиеву жалко было песню, и он ее вставил в оперу «Апельсины из Марокко» по Аксенову.

(Микаэл Леонович Таривердиев рассказывал, что в 66-м году в ГИТИСе выпускной курс Подросткова готовил дипломный спектакль, к которому он написал музыку. Либретто было составлено по романам Василия Аксенова «Апельсины из Ма-

рокко» и «Пора, мой друг, пора». Назвали оперу «Кто ты?». Шла она в учебном театре ГИТИСа. Кроме «Вагончика» там была еще песня Высоцкого на музыку Таривердиева «Стоял тот дом...» — А. П.)

Михаил Львовский — продолжает: «Мне говорили, что песню поет и Высоцкий, но я не верил. Потом мне дали пленку, очень плохую, зашумленную, где Высоцкий говорит: «А теперь по вашим заявкам...» Из зала кричат: «На Тихорецкую»!..» Высоцкий перед исполнением поясняет: «Эта песня не моя. Есть такой автор — Львовский. А музыка — Таривердиева».

У нас с Высоцким разночтение в одной строчке: у меня — «перрон останется». А он поет: «а он останется», имея в виду матросика.

Когда мы с Высоцким встретились, я ему сказал: «Владимир Семенович, а вы знаете, что поете мою песню?» — «Какую?» — «На Тихорецкую...» — «Так значит вы — Львовский?» Он встал и стоя спел ее под гитару. Присутствовавшие зааплодировали. Я попросил записать песню в его исполнении, но он засопровтивлялся: «Старое не люблю записывать...»

Еще при жизни Владимира Высоцкого, в 1972 году, песня «На Тихорецкую» в его исполнении попала на пиратскую пластинку, вышедшую в США, названную издателями весьма незамысловато: «Советский подпольные песни и баллады».

Что касается исполнения «На Тихорецкую» Аллой Пугачевой, то версию песни, вошедшую в картину Эльдара Рязанова, она записала в студии «Мосфильма» в 1975 году. С телеэкранов песня зазвучала впервые 1 января 1976 года — вечером первых суток наступившего года двухсерийный фильм «Ирония судьбы, или С легким паром!» был впервые показан по первой программе Центрального телевидения.

С первого же показа по ТВ фильм получил оглушительный успех у зрителей, продолжающийся, кстати, до сих пор. Думается, немалый вклад в этот успех внесла и Алла Пугачева, великолепно исполнившая за кадром эту и другие песни, вложенные в уста главной героини картины — белокурой красавицы Наденьки Щавелевой, блистательно исполненной польской актрисой Барбарой Брыльской.

После телепремьеры вмиг ставшую популярной в народе веселую песенку Алла Пугачева неоднократно исполняла в различных телевизионных концертах и программах — «Голубом огоньке», «Театральных встречах», «Утренней почте» и т. д.

В том же 1976 году вышла пластинка с песнями из так любимого зрителям телефильма Эльдара Рязанова, на которой присутствовала и песня «На Тихорецкую» в исполнении Пугачевой.

Эту песню Алла Борисовна исполнит и в телевизионном проекте Леонида Парфенова и Константина Эрнста «Старые песни о главном — 3», показанном на Первом канале в новогоднюю ночь 1998 года. Песня на стихи Михаила Львовского в исполнении певицы звучит в проекте в новой аранжировке и антураже, очень напоминающем квартиру Наденьки из рязановского киношедевра. Таков был сценарный замысел Парфенова и Эрнста.

Завершая разговор о популярной песне, отметим, что как в титрах фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!» и проекта «Старые песни о главном -3», так и на вкладыше в компакт-диске Владимира Высоцкого «Летит паровоз», — везде автором музыки к песне «На Тихорецкую» значится и указан Микаэл Таривердиев.

...Итак, к середине 70-х годов Владимир Высоцкий и Алла Пугачева — самые популярные исполнители в СССР. Достать билет на их концерт — крайне затруднительно; зачастую это можно сделать «по блату» или переплатив за него несколько номиналов его стоимости. Слава и популярность певцов так велика, что их знают и слушают «на самых верхах» — власть имущие.

В 2006 году известный тележурналист Леонид Парфенов снял документальный фильм, посвященный 100-летию со дня рождения Л. И. Брежнева, названный «И лично Леонид Ильич». В нем автор рассказывает, в частности, о художественных вкусах генсека. Парфенов говорит: «Они были достаточно традиционными для его поколения. Высоцкий и Пугачева казались ему слишком грубыми, слишком громкими. Он их знал благодаря младшим поколениям своей большой семьи, но сам предпочитал Муслима Магомаева и Юрия Гуляева».

В ноябре 1976 года у Аллы Пугачевой начался один из самых громких любовных романов — она познакомилась с кинорежиссером Александром Стефановичем, ставшим впоследствии ее мужем. Сейчас Стефанович — успешный режиссер, сценарист, писатель, заслуженный артист России. В кино им создано 9 игровых картин, около 30 документальных лент, написано более 60 сценариев...

А тогда, в 76-м, у Александра, по сути — начинающего кинорежиссера, сорвалась уникальная возможность поработать на съемочной площадке с Владимиром Высоцким — снять его в главной роли в своей картине! Вот что об этом вспоминал сам Стефанович: «По распоряжению Ленинградского обкома партии был уничтожен мой документальный фильм «Мосты», потому что вместо агитки о трудовых победах я снял фильм

об одиночестве людей в большом городе. Но на худсовете за меня заступился сценарист Александр Шлепянов, автор фильма «Мертвый сезон». И предложил нам с Омаром Гвасалия делать на «Мосфильме» игровой фильм «Вид на жительство» по его совместному сценарию с Сергеем Михалковым. Мы хотели снимать в главной роли Высоцкого, но нас вызвали в КГБ и категорически это запретили. «Ну за что они меня так ненавидят?!» — чуть не плакал Высоцкий, когда я сообщил ему об этом. Не разрешили снимать и художника Илью Глазунова. В итоге главного героя сыграл актер Альберт Филозов, для которого эта роль стала звездной».

В ноябре 2011 года Александр Стефанович был гостем в программе Первого канала «Достояние республики». Владимир Высоцкий», в которой известные певцы и артисты исполняли песни Владимира Семеновича. В ней режиссер подробно рассказал зрителям о несостоявшемся кинопроекте так: «В 1971 (??? — А. П.) году я, по сути — начинающий кинорежиссер, собирался на «Мосфильме» ставить свою первую художественную картину. Мне хотелось рассказать в ней о судьбах эмигрантов, а на главные роли пригласить Владимира Высоцкого и Марину Влади. Вроде бы все шло нормально, я ходил счастливый и окрыленный, но тут ко мне на студию приезжают несколько человек и предлагают «проехать». Едем, въезжаем со стороны Кузнецкого моста — там есть такая «приемная» — в здание на Лубянке. Долго ведут меня по длинному коридору, заводят в комнату. Там сидят два человека в форме полковников КГБ и говорят мне: «Вы что задумали снимать и кого пригласили на главные роли?!» Я говорю: «Фильм с Высоцким и Влади... А что такого? Вот он только недавно у Говорухина снялся на Одесской киностудии...» А мне отвечают: «Пусть снимается где угодно, на какой-то провинциальной Одесской киностудии, а на знаковой, самой известной студии, — «Мосфильме» он не будет сниматься никогда! Просим забыть Вас о своей идее с фильмом и также забыть о нашем разговоре...» Я тут же поехал в Театр на Таганке, вызвал Володю, мы встретились в верхнем буфете на втором этаже, и рассказал ему то, о чем мне рассказывать запретили. Вы не поверите — он выслушал меня, у него покраснели глаза и он буквально расплакался... У него полились из глаз слезы!.. Он обратился ко мне с вопросом: «Саша, скажи, что им всем от меня нужно?!»

Когда мы уже распрощались, он окликнул меня с лестницы и спросил: «Саша, а Марина Влади?» Он думал, что если его запретили снимать, то может быть Марине Влади разрешат... Но и ей запретили сниматься в фильме...»

В другом интервью Александр Стефанович несколько по-иному рассказывает о причинах, помешавших снять ему фильм с Владимиром Высоцким и Мариной Влади в главных ролях: «Высоцкому не дали сыграть диссидента... Окончательно все мои иллюзии насчет советской власти развеяла история с фильмом «Вид на жительство». Это была наша первая постановка с сокурсником по ВГИКу Омаром Гвасалия. Мы хотели сделать лирический фильм об эмигранте, вернувшемся на родину. А в итоге нас вынуждали снимать агитку о диссиденте, сбежавшем на Запад. Мы и тут нашли неожиданный ход: пригласили на главные роли Владимира Высоцкого и Марину Влади. Высоцкий написал специально песню «Гололед на Земле, гололед». Фильм мог стать сенсацией. Но КГБ запретил их снимать».

Небольшое, но — необходимое пояснение. Песня «Гололед на Земле, гололед» написана Владимиром Высоцким за десять лет до описываемых в интервью Александром Стефановичем событий — в ноябре 1966 года. Сам автор не очень часто, но исполнял ее в своих концертах. Никаких данных, кроме голословного утверждения в интервью режиссера Стефановича, что песня написана специально для его фильма «Вид на жительство», который в то время еще никто и не планировал снимать, — не обнаружено.

И все-таки свой фильм, — пусть не художественный — с Владимиром Высоцким в главной роли, но документальный о поэте — Александр Стефанович снял. Называется он «Все не так, ребята». Премьера его прошла на Общественном российском телевидении в сентябре 1997 года.

Кстати, за девять лет до этой документальной картины Александр снял на «Мосфильме» другую, посвященную музыкантам, под названием «Барды». Фильм повествует об авторской песне и самых ярких представителях этого музыкального направления — как стоявших у его истоков, так и о его продолжателях, наших современниках. В «Бардах» рассказывается о музыкально-поэтическом творчестве Александра Галича, Булата Окуджавы, Юрия Визбора, Владимира Высоцкого, Александра Дольского, Андрея Макаревича. Комментируют фильм историк Натан Эйдельман и бард Александр Розенбаум...

В день своего 40-летия, 25 января 1978 года, Владимир Высоцкий выступал с концертами в городе Северодонецке (Украина). В паузах между исполнениями песен он отвечал на записки, поступившие от слушателей. Одна из них была с вопросом об Алле Пугачевой — просьбой к поэту поделиться своим мнением о ней, как о певице, и ее песенном творче-

стве. Высоцкий ответил как всегда сдержанно: «Алла Пугачева, на мой взгляд, интересная очень актриса на сцене и интересная певица».

Рассказывают, что однажды на одном из концертов Высоцкому прислали записку: «Владимир Семенович, Ваше творчество очень напоминает творчество Аллы Пугачевой...» Он прочитал, рассмеялся, затем читает дальше: «...Так же, как она, Вы откровенны со зрителями».

Когда он дочитал до конца, то очень серьезно ответил: «Я с вами не откровенен. Я говорю, что вы хотите от меня услышать. Если бы я был с вами откровенен, то я не знаю, как бы вы отнеслись к этому...»

Как мы видим, простого зрителя и слушателя не отпускает интерес не только к творчеству своих кумиров, но и волнуют вопросы их отношения друг к другу, мнение о мастерстве и уровне таланта своего коллеги по искусству. Интерес этот — перманентен.

3 ноября 1978 года у Владимира Высоцкого состоялась встреча со зрителями в Московском государственном университете (МГУ). Сохранилась фонограмма встречи. Речь на ней, в частности, вновь заходит об Алле Пугачевой — Высоцкого спрашивают о его отношении к ней и ее творчеству.

— Она, как вы, разговаривает со зрителем, доверяет ему, поверяет ему самые сокровенные чувства...

Высоцкий отвечает:

— Видите ли, в чем дело: я вам сокровенных чувств не поверяю. Я считаю, что это лишнее. Нужно, вероятно, делиться с людьми своими мыслями по поводу того, что их тоже интересует. А если я вам буду рассказывать свои сокровенные чувства, то они вам могут быть совсем не интересными. И вот так можно договориться до разговоров о том, кто с кем, кто как, кто когда и где...

— Сейчас на нашей эстраде, как кажется, очень скучно, что много не отличных друг от друга певцов...

— Правильно!

— ...с хорошо поставленными голосами и прочими достоинствами. Как вы в этом свете относитесь к творчеству Аллы?..

— Вот я вам уже сказал. В этом свете, мне кажется, что она выделяется именно тем, что работает. Вы понимаете, что она еще и творец. Вот когда присутствует творец, это всегда достойно уважения, потому что человек что-то свое делает. Она занимается еще и творчеством помимо исполнения. Она думает, как это сделать, для чего. Но, к сожалению, я уже сказал... Но она не виновата...

Через полтора месяца, 16 декабря того же, 1978 года, Владимир Высоцкий снова выступает в МГУ, но уже с концертом.

Народу на него пришло столько, что яблоку было негде упасть, что, впрочем, неудивительно — желающих попасть на концертное выступление Высоцкого всегда было — хоть отбавляй. Это считалось событием и большой удачей.

Как мы помним, в конце 60-х годов пути Владимира Высоцкого и Аллы Пугачевой пересекались: певица одно время была завсегдагдем Театра на Таганке и пересмотрела там практически все спектакли. А в одном из них даже сыграла, правда, — в массовке. Ее ввели в актерскую тусовку, где она и познакомилась с Владимиром Высоцким. Владимир Семенович в то время был уже достаточно известным актером, и еще больше — известным певцом. Пугачева же только начинала свою эстрадную жизнь и певческую карьеру.

К концу 1978 года многое изменилось, в том числе — в личной и творческой жизни Высоцкого и Пугачевой. Можно даже сказать, что за истекшие десять с лишним лет с момента их знакомства эти люди в своей славе — сравнялись. Алла выходила замуж, заводила романы, родила дочь Кристину, спела множество песен, сделавших ее имя популярным — «Арлекино», «Все могут короли», «Песенку про первоклассника», десятки других; снялась в кинофильме «Женщина, которая поет», успешно и много гастролировала по стране и за рубежом.

Владимир Высоцкий тоже не стоял на месте — женился на Марине Влади, неоднократно бывал за границей, снялся в нескольких кинофильмах (в том числе и удачных), играл на Таганке — в лучших спектаклях, много гастролировал с театром, став в нем ведущим актером, выпускал пластинки в СССР и за границей... А главное — сочинял песни и исполнял их в бесчисленных концертах. Песни, которые так любили и в которых так нуждались *его* слушатели...

По уже сложившейся традиции, в перерывах между исполнениями песен Владимир Высоцкий отвечал на записки слушателей. Так было и 16 декабря 1978 года во время выступления в Университете.

И вновь через одну из записок Высоцкому был задан вопрос, касающийся певицы: «Как Вы относитесь к Алле Пугачевой?» Владимир Семенович ответил буквально следующее: «Я вообще к ней отношусь с уважением. Мне кажется, что она работает очень много актерски — то есть она исполнительница песен очень любопытная. Мне не на что посетовать, за исключением одного: думаю, ей нужно быть разборчивей в выборе текстов. А как исполнитель она у меня вызывает уважение, потому что работает над песней...»

Читателя, который с напряжением ждет развития коллизии Алла — Володя, придется расстроить. Как не украсила бы главу и книгу драматическая история любви двух культовых фигур отечественной музыки и эстрады второй половины XX столетия, автор вынужден раболепствовать перед фактами...

— А романа с Высоцким у Пугачевой случаем не было? — допытывались журналисты у летчика Анатолия Утыльева, когда-то познакомившего (по его версии) певицу с поэтом.

— Нет. Просто друзья. Она его, конечно, обожала. Но Володя внешне неброский был. Простоватое лицо. Алла же всю жизнь любила красивых мужиков. Все ее мужчины — красавцы..., — утвердительно отвечал товарищ полковник на «скользкий» вопрос.(19)

Уже знакомый читателю журналист и биограф Примадонны Алексей Беляков, ныне занимающий должность редактора отдела культуры глянцевого журнала «Харперс базар», полностью согласен с Анатолием Утыльевым: Высоцкий с Пугачевой были и оставались до самой смерти поэта друзьями. Белякову можно верить — биографию певицы он изучил «от» и «до». Неоднократно встречаясь и беседуя с самой Аллой Борисовной, он выяснил многие подробности ее жизни и творчества. А биография певицы, написанная Беляковым в 1997 году — «Алла, Аллочка, Алла Борисовна» — до сих пор считается канонической.

К 60-летию Пугачевой Алексей написал и выпустил очередную книгу о ней — вышла она в серии «Жизнь замечательных людей».

В связи с выходом книги о Примадонне в серии «ЖЗЛ» корреспонденты одного из краснодарских еженедельников задали в интервью Алексею Белякову вопрос о возможных интимных отношениях Владимира Семеновича и Аллы в 60—70-е годы.

Корр.: «Сейчас в некоторых СМИ появилась информация, что у Пугачевой будто бы был роман с Высоцким...»

А. Беляков: «Ну, это они хватили лишку! Хотя она действительно была с ним знакома... С Высоцким они не то, чтобы дружили — она к нему с пиететом относилась».

Но журналюгам (как прозвал назойливых и скандальных работников пера Саша Градский) этих доводов — мало! Как так? Столько лет дружить, встречаться, общаться и... ничего?!

«В некоторых СМИ появилась информация...» Что же это за такие СМИ и что за информация в них появилась? Автор — выяснил: под многозначительной и загадочной аббревиатурой скрывается популярная «Комсомольская правда»! Когда-

то серьезная и уважаемая газета, за последние годы превратившаяся в желтый с душком бульварный листок, к юбилею Примадонны приподнесла читателям «сюрприз».

В шквале публикаций в прессе о певице, пришедшемся на апрель 2009 года, (в связи с ее 60-летним юбилеем), «Комсомолка» захотела быть «первой» и самой сенсационно-скандальной. Отчасти ей это удалось.

Один из номеров газеты вышел с громким и претенциозным заголовком на обложке, уже предполагающим широко раскрытые глаза и слюни, истекающие из открытых в немой сцене ртов обывателей: «Неизвестные мужчины Примадонны! У Пугачевой был роман с Высоцким!» Что же, вполне утвердительно и заманчиво. И — интересно! Заголовок дан на фоне фотографии лукаво улыбающейся Аллы Борисовны...

Не поленимся, откроем «сенсационный» материал. Вчитаемся... Ничего нового, серьезного и интригующего — все то же, что уже десятки раз было растиражировано в подобных «Комсомольской правде» СМИ и кочевало из издания в издание: знакомство Пугачевой с Высоцким, ее участие в массовой одном из спектаклей Театра на Таганке, редкие встречи певицы с поэтом в 70-е годы...

Но... Стоп, это уже теплее! Читаем: «Пугачева и Высоцкий. Два символа эпохи. Две параллели, которым было суждено пересечься...

Люди, которые в те времена были в одной компании с Высоцким и Пугачевой, утверждают, что между двумя звездами тогда был настоящий роман. Правда, недолгий. Мол, Высоцкий был натурой увлекающейся, ему было лестно, что рядом с ним восторженная и талантливая девочка. Но Владимир Семенович в те годы был женат на актрисе Людмиле Абрамовой. Говорят, что разрыв с Высоцким у Пугачевой произошел еще и потому, что помимо законной супруги Высоцкий продолжал встречаться с Татьяной Иваненко. Алла Борисовна не захотела мириться с существованием сразу двух соперниц. Друзья Высоцкого вспоминают, мол, Алла с каждым днем все реже и реже стала появляться в компаниях с Высоцким, а потом и вовсе прекратила с ним общение. В последние годы две звезды практически не общались, лишь изредка пересекались на сборных концертах.

— Мы с Высоцким дружили. И с Аллой тоже. Она снималась у меня в «Сезоне чудес», — вспоминает режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич. — Мне Володя как-то признался, что у него было около двух тысяч женщин. И он очень жалел, что 17-летняя девочка из массовой у него поначалу не ассоциировалась с

той самой Пугачевой. Он позже только понял, что имел роман с будущей звездой. Но было поздно что-то изменить».

— Высоцкий на любую женщину сразу же смотрел как мужчина. Поэтому неудивительно, что и Алла им увлеклась, — поделилась с «КП» тогдашняя девушка друга Высоцкого Бориса Хмельницкого, исполнительница хита «Одна снежинка еще не снег» Светлана Резанова (солистка ансамбля «Веселые ребята»). — Высоцкий никогда не упускал момента. Он же уже был настоящей звездой, а Алла — простенькой девушкой. Не была никогда красавицей, пела в простеньком сарафанчике песню «Вы слышали, как поют дрозды?». Помню, мы с ней сели в гримерке, и она рассказывала мне: «Вот увидишь, я буду звездой! Мне гадалка предсказала: звезды так сошлись, что слава неминуема». Гадалка оказалась права, и Алла с ней потом дружила много лет».

Вот и вся «сенсация», которая оказалась не более, чем дутым мыльным пузырем! Весь «сенсационный» материал построен на фактах, хорошо и давно известных не только биографам поэта, но и людям, просто знакомым с его творчеством: о женитьбе Владимира Высоцкого на Людмиле Абрамовой и его романе с актрисой Татьяной Иваненко давно написаны книги и сотни статей.

Касательно же того, что между поэтом и певицей был роман, «правда, недолгий»... Вся свидетельская база этого утверждения в публикации держится исключительно на словах «говорят», «утверждают» и «мол». Да еще — ссылок на рассказы друзей и знакомых Владимира Семеновича (в данном случае — «свечку держали» Борис Хмельницкий, его подруга Светлана Резанова и Георгий Юнгвальд-Хилькевич). Вся эта бездоказательная и пустая болтовня выглядит в статье по меньшей мере блекло и несерьезно. Заголовок и то — круче был! И на этих «свидетельских показаниях» журналистке хватило таланта состряпать «сенсационный» материал... Поэт называл подобную газетную стряпню «сплетнями в виде версий» и, как известно, очень не любил этого!

А если серьезно — Владимир Высоцкий был Настоящим Мужчиной, и никогда бы не стал распространяться, даже друзьям, о своих романах и смаковать их подробности. И уж тем более — не в его правилах было говорить о своих Женщинах гадости и глупости, унижать их словом, а тем более — делом.

Простительно по жизни сплетничать женщинам (я о Резановой). Но камень в свой огород получит и Георгий Эмильевич: не очень деликатно говорить на публику о женщинах человека, которого ты называешь своим другом. И которого

уже нет в живых. Даже если и допустить, что Высоцкий поделился с тобой такой информацией...

«О своем романе с Высоцким Примадонна никогда не давала интервью...», — завершает свое «сенсационное расследование» журналистка.(22)

Все-таки Алла Борисовна Пугачева оказалась гораздо умнее друзей поэта и штатной сотрудницы «Комсомольской правды», и не стала публично распространяться на эту тему. Если между ними с Высоцким и были отношения, то это — их личная тайна. И пусть она ею и останется...

Хотя... В предновогоднем номере «Экспресс-газеты» (№ 52, от 26 декабря 2011 г.) опубликована статья журналиста Руслана Вороного «Спасибо, что такой». Рассказывается в ней о Музее Одесской киностудии и экспонатах, ему принадлежащих. В частности, в его фондах хранятся шляпа и кожаный плащ, в которых Владимир Высоцкий снимался в роли Глеба Жеглова в сериале «Место встречи изменить нельзя»...

Но статья интересна вовсе не этим. А следующими откровениями молодого журналиста: «Что Владимир Семенович значит лично для меня... Под его хриплый голос, звучащий из магнитофона «Электроника-302», я однажды признавался в любви школьной пионервожатой и, на удивление, не был отвергнут. Мой армейский друг Серега Смирнов потрясаяще пел песни барда под гитару, когда мы ночью распивали спирт в каптерке, а потом голыми маршировали по плацу. На моей свадьбе дядя Гоша из Таганрога травил байки, как однажды бухал с Высоцким перед его концертом, а тот рассказал ему о своем мимолетном романе с певицей по имени Алла...»

Зная репутацию «Экспресс-газеты», как печатного издания желтой направленности, и неуважительный тон в статье Вороного, который он использует в адрес поэта (Бог с ним, с его дядей Гошей!) — «бухал с Высоцким», можно предположить, что все эти разговоры и «откровения» — на уровне пьяных баек философствующих алкоголиков, не более того. Документальные подтверждения им мы вряд ли найдем...

В любом случае, был или не был роман между певицей и поэтом, правду об этом знает сегодня только сама Примадонна...

А любителям копать в постельном белье сорокапятилетней свежести можно лишь посоветовать оформить годовую подписку на газету «Комсомольская правда» и, заодно, — на «Экспресс-газетку» (подписные индексы изданий и стоимость подписки на них можно узнать из каталога «Роспечати» в любом отделении почтовой связи на территории Российской Федерации).

Давайте верить правдивым и проверенным фактам в отношениях Владимира Высоцкого и Аллы Пугачевой! Уже знакомый читателю летчик Анатолий Утыльев вспоминает: «Хорошо помню, как однажды решили отдохнуть. Поехали на модный московский пляж Татарово. (Сейчас это пляж номер 3 в Серебряном бору). Сидим, загораем, пиво пьем. Молодые были. Алла, Володя, Герман Соловьев и я. И вдруг из динамиков на весь пляж хриплый голос Высоцкого. «Видите, какой я знаменитый, весь пляж слушает!», — засмеялся Володя».

Несколько по-иному запомнился тот отдых другому члену компании, космонавту Герману Соловьеву (утверждавшему, кстати, что это именно он познакомил Аллу с Володей): «Как-то в июльскую жару небольшая компания в составе Высоцкого, вашего покорного слуги, Аллы и еще пары человек отправились в Серебряный бор.

Помню, лежим мы, загораем, — улыбается Соловьев. — И вдруг ребята со спасательной станции завели на весь пляж записи Володи. Мы все шутили, что надо ему сейчас встать и запеть..., чтобы все обалдели». «Володь, а ты спой-ка в унисон с самим собой!..»

За долгие годы дружбы и общения с Владимиром Высоцким молодая певица очень хорошо ознакомилась с песенным репертуаром певца и поэта, а некоторые, особенно полюбившиеся ей песни, она знала наизусть. И у Аллы Пугачевой всегда присутствовало желание спеть их. «Ни одна песня не удавалась, — вспоминала позже Примадонна. — Потому что настолько Высоцкий индивидуален. Но вот две песни, которые я услышала, причем не в его исполнении, а в исполнении Марины Влади — «Бокал вина» и «Беда» — меня просто поразили и я очень хотела их спеть где-то года три подряд: думала, думала, думала...»

В своем монологе Алла Пугачева упоминает о записанных в 1973 году на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» песнях Владимира Высоцкого в исполнении Марины Влади — в аранжировках и в сопровождении одноименного ансамбля под управлением Георгия Гараняна.

Одну из записанных Мариной песен — «Беду» — Пугачева запишет буквально накануне смерти Владимира Семеновича...

Надо же было случиться такому роковому стечению обстоятельств! Как раз в ту трагическую ночь 25 июля 1980 года Алла Пугачева с друзьями-музыкантами закончила репетировать «Беду». На следующий день должна была состояться премьера песни в Театре эстрады, на Олимпийском концерте. И Алла Борисовна завелась: «Ну давайте позвоним ему сейчас, скажем...»

«Я не знаю, что со мной творилось, — вспоминала певица. — Где-то в три часа ночи меня просто держали, как будто в меня дьявол вселился... Меня держали четверо человек, и один из них, Юрий Шахназаров, — тогда он у меня был руководителем ансамбля... Я говорила, что необходимо именно сейчас позвонить. А он: «Телефона у меня с собой нет...» Я говорю: «Узнайте!..» — «Поздно сейчас, утром сообщим...» Я говорю: «Нет, сейчас!..» Говорят: «Ну, куда мы будем сообщать?.. Нет телефона... В три часа ночи неудобно...» Когда мне позвонил Юра на следующий день и сказал: «Алл...» — «Ты достал телефон?..» Он говорит: «Да, только звонить не надо...» Это, конечно, мистически-трагическая история... Если у вас есть желание встретить кого-то, скажем, автора, или встретиться с другом, приятелем, пока он жив и здоров — не скупитесь на эти встречи, не скупитесь на любовь...»

«Я звонила ему, а он умирал»...

Другие источники утверждают, что накануне смерти поэта «как раз записала две (это — ошибка. — А. П.) песни, которые он ей когда-то подарил, — «Беду» и «Бокал». И посетовала, что незадолго до кончины поэта так и не успела с ним поговорить: «Даже страшно вспоминать. Было 4 часа утра, а я очень хотела ему позвонить, со мной творилось неладное, я говорила: «Я должна сейчас позвонить!» Меня все отговаривали-отговаривали, отговаривали. Утром, когда я проснулась, хотела позвонить, мне сказали: «Поздно, его уже нет».

...Не только предчувствие Аллы Пугачевой, тревожившее ее в ту роковую для поэта ночь, было пророческим, но и само название песни, записанной накануне певицей — «Беда» — как бы подчеркивало весь трагизм произошедшего той душевной ночью...

Об этой же истории — желании певицы позвонить Владимиру Высоцкому в последние часы его жизни — рассказывает в интервью и сын поэта Никита: «Песня отца «Беда» более четверти века назад попала к Алле Борисовне Пугачевой. Та записала ее и решила узнать мнение автора о новом прочтении композиции. Пока искали телефон отца, пока собирались... Когда 27 июля раздался звонок от Пугачевой, ей ответили: «Его уже нет и никогда не будет...»

По ходу, Никита Владимирович что-то пугает. Неужели Алла Пугачева 27 июля 1980 года, звоня по телефону в квартиру Владимира Высоцкого, не знала, что его уже третьи сутки как нет в живых? Ведь буквально спустя пару-тройку часов после смерти поэта, весть о его кончине молниеносно разнеслась не только по столице, а стала известна всей стране — это факт общеизвестный!

Но, судя по рассказу сына Высоцкого, до певицы печальная новость дошла уж слишком с большим опозданием...

Знакомый читателю журналист Федор Раззаков на страницах увесистой книги о жизни и творчестве Примадонны смело утверждает, что Пугачева-де успела сообщить Высоцкому о записанной ей накануне песне: «Всего лишь несколько дней назад она звонила ему домой, чтобы сообщить, что только что записала его «Беду»... «Позвонила ему ночью, — вспоминает Алла Борисовна, — прекрасно зная, что он в это время обычно не спит, работает. Сказала: «Володя, я только что твою «Беду» записала, классно получилось, по-моему, совсем не так, как у вас с Мариной. Мне кажется, я что-то в твоей «Беде» почувствовала, о чем ты и не подозревал, хочешь, прямо сейчас запись поставлю, а ты скажешь, что у меня вышло». Высоцкий сослался на нездоровье и предложил созвониться через несколько дней. Не получилось...»

Интересно, откуда, из каких источников великий компилятор Раззаков черпает факты для своих книг-«кирпичей»? Данными такими не обладает даже журналист Валерий Кузьмич Перевозчиков, написавший не одну документальную (!) книгу о последних днях Владимира Семеновича — с включенными в эти книги отрывками из интервью с людьми, которые были рядом с поэтом в то время! Если Никита Высоцкий, возглавляющий Центр-музей отца, имеет право пусть, порою, ошибочно, но о чем-либо рассуждать, то журналисту, столь утвердительно преподносящему читателю тот или иной факт в книге, нужно обязательно ссылаться на источники. Разве что только в случае, если сам не помогал набирать певице телефонный номер поэта...

Александр Левшин, гитарист группы «Рецитал», с которой долгое время работала Пугачева, вспоминал: «Алла со мною пересекалась в жизни. Игорь (Тальков. — А. П.) не повлиял на нее так глобально, как Кузьмин, или, к примеру, Высоцкий. Когда Алла узнала, что Владимир Семенович умер, она в Театре эстрады подняла весь зал и пела его «Беду». Люди плакали вместе с ней...»

А «в день похорон Высоцкого она вышла на сцену главного Пресс-центра Олимпиады в черном траурном платье и начала свое выступление — «Я несла свою беду...»

В действиях и поступках Аллы Пугачевой в те скорбные дни явно чувствуется неподдельная боль от невозполнимой утраты — ухода из жизни коллеги и одного из своих лучших и близких друзей...

Пластинка с записью песни «Беда» в исполнении певицы появилась в продаже в 1982 году — это был диск-гигант под названием «Как тревожен этот путь», вышедший в сентябре-месяце того же года.

Кстати, о пластинках. Диски Аллы Пугачевой в магазинах не залеживались: народ раскупал их, как горячие пирожки. Вообще, барометр популярности в те годы (конец 70-х — начало 80-х годов) — цены на «толкучках». В каждом крупном городе были такие места — стихийные рынки — где вещи продавались по завышенным ценам, как тогда говорили — спекулятивным. Но вещи эти были качественные (часто — иностранного производства) и разнообразного ассортимента. Так вот, пластинки Аллы Пугачевой стоили на московских, например, «толкучках» дешевле, чем диски любого западного исполнителя (Серж Гэнсбур, Джо Дассен, «Смоки», «Юрай Хип» и т. д.), но дороже дисков любого советского исполнителя (кроме Владимира Высоцкого, альбома Давида Тухманова «По волнам моей памяти» и ряда других).

10 апреля 1981 года газета «Московский комсомолец» опубликовала список лучших дисков советских исполнителей на начало года. В этом списке Алла Пугачева была бесспорным лидером, поскольку в нем значились два ее гиганта — «Поднимись над суетой» (3-е место) и «То ли еще будет» (8-е). А на первом месте расположилась посмертная пластинка Владимира Высоцкого...

Пластинки Высоцкого начали выходить в Советском Союзе с 1967 года, но это были исключительно миньоны. А поэт мечтал о настоящем диске-гиганте, на котором были собраны его лучшие песни!

В 1974 году фирма «Мелодия» собиралась выпустить не одну, а сразу две такие пластинки, но Министерство культуры СССР это дело категорически запретило. Владимир Семенович сильно переживал по этому поводу... И хотя во Франции и в США вышли несколько «гигантов» с его песнями, Высоцкий продолжал лелеять мечту о выходе своего диска на родине. Но при жизни — так этого и не дождался...

По итогам 1981 года в хит-параде «Звезды-81», опубликованном в ленинградской газете «Смена», песня «Беда» (В. Высоцкий) в исполнении Аллы Пугачевой занимала 5-е место, а в хит-параде «Московского комсомольца» — 4-е.

Как заметил читатель, даже после смерти Владимир Высоцкий продолжает не только творчески конкурировать с Аллой Пугачевой, но и благодаря своему яркому таланту позволяет певице удерживать первые строчки в различных хит-парадах!

В сентябрьские дни 1982 года, когда вышла в свет пластинка Аллы Пугачевой «Как тревожен этот путь», русский поэт Давид Самойлов (Кауфман) делает запись в своем дневнике: «19. 09. 82 г. В искусстве кончились властители дум. Властители дум — Высоцкий и Пугачева, то есть, властители, но дум мало». Весьма странное определение. И сравнение...

Американский исследователь жизни и творчества Высоцкого Марк Цыбульский комментирует в своей книге о Владимире Семеновиче дневниковую запись Самойлова—Кауфмана так: «Это мнение практически диаметрально противоположно тому, что сам Самойлов высказывал в 1980 году. Куда делся «талантливый поэт» и «истинный художник»? Теперь Высоцкий стоит в одном ряду с грубоватой исполнительницей даже не своих, а чужих текстов Пугачевой!»

Нужно взять на себя смелость и позволить не согласиться с мнением Самойлова-Кауфмана о Владимире Высоцком, но поплодировать комментариям Цыбульского, касательным Аллы Пугачевой и ее эстрадного имиджа...

В марте 1983 года — очень не оперативно, спустя полгода после выхода пластинки Пугачевой, на которой впервые прозвучала песня Высоцкого «Беда» в ее исполнении, — газета «Московский комсомолец» помещает на своих страницах обстоятельную рецензию на альбом. Причем, впервые в этом издании по адресу Аллы Борисовны зазвучали не только похвалы, но и критика...

Автором публикации был некто А. Колосов. Вот избранные места из рецензии: «Что же представляет собой альбом «Как тревожен этот путь»? Название ему дала одна из песен, записанных на пластинке, и это название, вопреки воле его авторов, проливает свет на всю неразбериху музыкальных, а главное — психологических тенденций, царящих в альбоме...

Наиболее удачными... можно считать две песни: «Беда» (музыка и стихи В. Высоцкого) и «Дежурный ангел» (музыка А. Пугачевой, стихи И. Резника)...

Такой вот, достаточно субъективный, но — вполне объективный отзыв А. Колосова на пластинку, явившийся своеобразным «подарком» певице к 34-летию...

К этой дате Алла Пугачева могла получить подобный «печатный» подарок и от «Комсомольской правды» — газета планировала опубликовать огромную статью обозревателя газеты Инны Руденко под названием «Без страховки». Собственно, это была не обычная статья, а три обширных интервью с певицей, которые она дала Инне у себя дома на улице Горького.

В интервью имелись весьма смелые по тем временам пассажи. Помянула Пугачева и Владимира Высоцкого, с которого даже спустя почти три года после смерти все еще не сняли табу: «Многие отождествляют меня с моей героиней — ладно. Верят, что я эксцентрична — пусть... Зритель знает женщину, которая поет. А женщина, которая не поет... Что ж, Высоцкого, ведь, тоже, помните, отождествляли с иными его вульгарными персонажами. И не сразу разглядели: вот личность, а это — всего лишь ампула. Значит, у меня все еще впереди...»

Но публикация материала сорвалась — после направления для визирования в ЦК партии.

Статью Инны Руденко о певице опубликуют в «Комсомольской правде» только в августе 1983 года, да и то — в сокращенном виде...

В следующем, 1984, году был снят музыкальный фильм «Встречи с Аллой Пугачевой» (режиссер М. Либин) и тогда же показан по телевидению. В нем певица в сопровождении группы «Рецитал» исполнила песню Владимира Высоцкого, которая уже несколько лет входила в ее репертуар, — «Беда».

А в ноябре того же 84-го Алла Пугачева снимается в эпизодах фильма Георгия Юнгвальд-Хилькевича «Сезон чудес». Эти несколько эпизодов предполагалось снять в Одессе, где снималась картина, однако Пугачева не смогла вырваться туда из-за плотного гастрольного графика. Пришлось съемочной группе вылетать в Москву и доснимать недостающие кадры с участием певицы. 12 ноября, в частности, был снят эпизод «Пугачева за рулем такси».

Кинорежиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич вспоминал: «Однажды мы должны были снять в Москве сцену на улицах города. Не пришел трейлер, на котором мы везли такси с Пугачевой. Алла была в белом свитере и, как сейчас помню, на редкость симпатично выглядела. Пока ждали трейлер, мы с ней поехали в ресторан рядом с Театром на Таганке — в «Каму», где я бывал раньше с Высоцким. Сели за столик, за которым я сживал с Высоцким. У меня сердце билось так сильно, что перехватывало дыхание, ведь со смерти Высоцкого я ни разу там не был. Я сказал ей об этом. Пил кофе, она взяла рюмочку... Это был единственный задушевный, очень интимный разговор между нами. Она рассказала мне очень много откровенных вещей о себе. Размышляла о своей жизни, о своей судьбе, о Высоцком. Тогда она мне показалась совершенно другим человеком...»

Вот вам — еще один пример «судьбы скрещений» Аллы Пугачевой и Владимира Высоцкого! И пример — далеко не по-

следний. В 80-е годы их имена так или иначе будут сравниваться и ставиться рядом — столь велико между ними духовное родство и столь огромны их слава и популярность в стране! И столь неповторимые и уникальные они личности и творцы!

Уже упоминавшийся в главе журналист-компилятор Федор Раззаков в своей книге о Примадонне рассуждал по этому поводу: «Вон сколько молодых певиц — с разными головами и фактурами. Но ни одна из них даже близко не могла сравниться с Пугачевой. Почему? Ответ очевиден: такие, как Пугачева, рождаются раз в сто лет. Взять Владимира Высоцкого. В его годы бардовское движение было на подъеме, песни под гитару исполняли сотни различных авторов. Но ни один из них так и не достиг высот Высоцкого. Потому что он был гений. Пугачева из этого же ряда. И ошибка нас, ее современников, была в том, что мы считали Пугачеву звездой номер один, но не гением. А гениев сместить нельзя. Их можно, конечно, чисто механически отодвинуть в сторону, но искусственность замены тут же станет очевидна...»

Тот же автор в своей книге уже о Владимире Высоцком приводит интересную информацию о событии, о котором не писала в те годы пресса...

25 января 1985 года, в день 47-й годовщины со дня рождения поэта, «в Театре на Таганке состоялся вечер памяти Владимира Высоцкого, на котором выступили те, кому было дорого это имя. Среди них: ансамбль «Виртуозы Москвы» под управлением Владимира Спивакова, Михаил Жванецкий, Иннокентий Смоктуновский, Екатерина Максимова, Станислав Исаев, Юлий Ким, Сергей Юрский, Булат Окуджава, Алла Пугачева... По словам Валерия Золотухина, «вечер прошел замечательно»...»

В стране запахло переменами...

В марте 85-го к власти в СССР пришел молодой и энергичный Михаил Горбачев, и о Владимире Семеновиче Высоцком стали говорить и писать больше и чаще. Но не всегда это количество написанного о поэте отличалось правдивостью и качеством...

Летом 1986 года журнал «Театральная жизнь» публикует открытое письмо Алле Пугачевой, принадлежащее перу критика С. Николаевича. Собственно, большей частью оно посвящено на шумевшему фильму «Пришла и говорю» с участием певицы и демонстрировавшемуся в те месяцы в кинотеатрах страны. Но помимо кинокритики, автор письма напоминает читателям журнала краткие вехи творческого пути Пугачевой: работа в Липецкой филармонии (начало 70-х годов), участие в

В Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в 1974-м, «Золотой Орфей» — в 75-м году и т. д. Ниже С. Николаевич пишет, уже обращаясь к певице: «70-е годы выдвинули двух неофициальных кумиров — тебя и Высоцкого. Есть своя непростая закономерность в сближении ваших имен, которая могла бы многое объяснить в той перемене вкусов, взглядов, стилей, которая наметилась в начале прошлого десятилетия. В формах сугубо и демонстративно индивидуальных вы оба выразили общий духовный настрой времени. Это был одинокий мятеж таланта против бездарности, индивидуальности против стандарта, искренности против добродетельного притворства. Для массового слушателя и зрителя вы сумели воплотить новое сознание, которое отвергает круговую поруку лжи, спорит с несбыточными иллюзиями и верит лишь в то, что можно испытать на деле. Люди дела и цели, вы утверждали на подмостках и в песнях образ артистов, способных на резкие движения, на повороты, на откровенность. Можно даже предположить, что твоя знаменитая песня «Когда я уйду» была написана под впечатлением того солнечного душного дня, когда траурный грузовик увозил на Ваганьково «шансонье всяя Руси», а притихшая толпа глядела в молчаливой тоске на удаляющийся по Котельнической набережной похоронный караван...»

Комментарии, как говорится, излишни... Удивляет только панибратское «ты», неоднократно обращенное к певице критиком в его открытом письме. Зачем он его вообще написал? Чтоб поставить свое имя рядом с именами великих? Только и того...

И — еще. Следует напомнить читателям и С. Николаевичу — лично: песня «Когда я уйду» из репертуара Аллы Пугачевой была написана поэтом Ильей Резником осенью 1979 года, то есть еще при жизни Владимира Высоцкого. Илья Рахмиэлевич вспоминает о ее рождении: «Песня сложилась в день отъезда из Москвы (поэт-песенник жил тогда в Ленинграде. — А. П.) Я ехал в такси, направляясь в Театр эстрады, где у Аллы были сольнные концерты. Вытащил блокнот, авторучку и, сам не зная почему, стал писать стихи об уходе, о прощании со Сценой... В примерной я протянул листок с дорожными стихами Алле: — Это тебе. Дома считаешь...»

А через день она позвонила: «Я тут на «Когда я уйду» музыку написала...»

Так что песня Аллы Пугачевой на стихи Ильи Резника ни малейшего отношения к персоне Владимира Семеновича не имела и не имеет. Надо бы знать это критикам, прежде чем сочинять и публиковать глупые письма (открытые)...

Февраль 1987 года. Газета «Московский комсомолец» публикует результаты опроса, который проводился Научно-исследовательским центром ВКШ при ЦК ВЛКСМ совместно ЛГИТМиК в среде московских филофонистов Клуба любителей эстрадной музыки «Нота». Были опрошены 100 человек. Среди любимых советских исполнителей первое место заняла группа «Машина времени» (51% к числу опрошенных). На третьей позиции разместилась Алла Пугачева (с 23%), на 9-й — Владимир Высоцкий (10%).

Читатель заметил: даже спустя почти семь лет со дня смерти поэта его песенное творчество продолжает быть актуальным у слушателей и интересоваться их. Это еще раз говорит о таланте Высоцкого как поэта и музыканта.

Весной того же 87-го года в репертуаре Пугачевой появляется еще одна песня, написанная Владимиром Семеновичем, — «Бокал вина». Позднее ее будут исполнять многие певцы — Елена Камбурова, Борис Моисеев и другие. Но Алла Борисовна не только талантливо спела композицию, но еще, как не менее талантливая актриса, сделала из песни номер. На сцене во время ее исполнения певицей происходит целое действо: меняется световое оформление сцены, она наполняется «дымом», Пугачева некоторые строчки из куплетов то произносит нарочито тихо, буквально шепотом, то выкрикивает в зал, вытянув ему навстречу руки...

Подобную картину во время исполнения композиции «Бокал вина» можно было увидеть на сольном концерте Аллы Пугачевой, состоявшемся осенью 1998 года в концертном зале «Россия».

Едва песня появилась в репертуаре певицы, как в мае 1987 года Пугачева презентовала ее в Голландии, куда отправилась с гастролями в середине месяца.

Отрадно отметить, что уже почти четверть века песня Владимира Высоцкого «Бокал вина» занимает прочное место в репертуаре Аллы Борисовны — без ее исполнения не обходится ни один концерт певицы. Исполненная певицей, песня долго занимала верхние строчки хит-парадов тех лет, а в 1988 году вышла записанной на сольной пластинке Аллы Пугачевой.

Возвращаясь в 1991-й, напомним, что в том году песня Владимира Высоцкого «Бокал вина», исполнявшаяся Пугачевой, вошла в репертуар Филиппа Киркорова, который вскоре стал мужем Примадонны. Исполнение Филиппом известной песни можно услышать на его авторской пластинке под названием «Ты, ты, ты», вышедшей в том же 91-м. Правда, ком-

позиция Владимира Семеновича не задержалась в репертуаре Филиппа Бедросовича, и сегодня он песню «Бокал вина» почему-то не поет... Зато вскоре эстафетную палочку исполнения этой песни у Киркорова перехватил не кто иной, как Борис Моисеев. Этот пел «Бокал вина» на каждом своем шоу — до тех пор, пока с ним не случился инсульт-привет...

В начале сентября 1996 года в музыкальных магазинах началась продажа уникального собрания, состоящего из 13 компакт-дисков Аллы Пугачевой, которое носило название «Коллекция». В вышедшую антологию вошли 211 песен, исполненных примадонной, две из которых были авторства Владимира Высоцкого — «Беда» и «Бокал вина».

К 48-му дню рождения Аллы Пугачевой ее тогдашний муж Филипп Киркоров организовал в подарок жене концерт, прошедший 15 апреля 1997 года в СКК «Олимпийский». Носил он название «Сюрприз для Аллы». Длилось сие действо около трех часов, в течение которых было исполнено 35 хитов певицы ее друзьями-музыкантами. В этом и заключался сюрприз организованного мероприятия.

Песню из репертуара Пугачевой «Беда» замечательно исполнила группа «Парк Горького». Концерт был показан по Общественному российскому телевидению (ОРТ). А вскоре вышел и компакт-диск с песнями, исполненными друзьями и коллегами певицы на том концерте.

Через год, ко дню рождения Аллы Пугачевой, «Экспресс-газета» подготовила певице своеобразный подарок, опубликовав на своих страницах ряд материалов о ней. Среди прочего, газета напечатала мнения о Пугачевой видных деятелей отечественной культуры. Вот что, в частности, сказал в интервью еженедельнику актер и режиссер Михаил Козаков: «Я не сноб, для которого существуют лишь классическая музыка и джаз. Алла Пугачева — талантливая певица. У нее есть нерв... Но все эти поповские штучки: ее замужество, рекламные дела, скандалы, вся эта грязная пена, которая неизменно сопровождает попсу во всем мире? 15 лет назад один таксист, подвозивший меня, сказал, что я живу в эпоху Пугачевой. Я с этим не согласен. Я жил в эпоху Высоцкого или Меркьюри, но не Пугачевой!...»

Произнесено категорично. Сказал — как отрубил. Ясно, что актеру, обожавшему мировую и отечественную поэзию и бардов в лице Окуджавы и Высоцкого, долгие годы дружившему и общавшемуся с ними, воспитанному на иных духовных ценностях, чем Алла Пугачева, была чужда развязная и чуть скандальная певица — с ее репертуаром и манерами песенного исполнения.

Нужно еще помнить вот что: Михаил Михайлович Козаков давал свое интервью «Экспресс-газете» весной 1998 года. В своем ответе на вопрос об отношении к личности и творчеству Аллы Пугачевой актер и режиссер упомянул о разговоре с таксистом 15-летней давности. Следовательно, происходил он в 1983 году. В это время певица находится на пике своей популярности — везде и всюду звучат хиты в ее исполнении: «Миллион алых роз», «Айсберг», «Старинные часы» и другие песни. А для поколения Михаила Козакова, который дружил с поэтом, в 83-м еще была свежа рана и остра боль, вызванная потерей друга, человека, ставшего голосом этого самого поколения, именующего себя «шестидесятниками»...

В 2000 году в Англии выпущен компакт-диск, названный «Путеводитель по музыке в России». Владимир Высоцкий на нем представлен песней «Диалог у телевизора». На этом же CD — песни других российских исполнителей — Аллы Пугачевой, Жанны Бичевской, питерского балалаечного квартета «Терем» и других. По сообщениям английской прессы, диск меломанами Туманного Альбиона принят был весьма благоклонно.

А вот — почти комическая заметка под названием «Пугачева с дымком», опубликованная в одном из номеров уже знакомой читателю «Экспресс-газеты» в августе 2010 года. Правда, к героям нашей главы она имеет весьма опосредованное отношение. Но — приведем ее полностью, тем более что она — небольшого объема: «Трагическую судьбу столичного стрип-бара «911» и пермского ночного клуба «Хромая лошадь» едва не повторил популярный в Якутске развлекательный центр «Дракон». Всему виной стало неосторожное использование на сцене открытого огня гастролером из Москвы — двойником Аллы Пугачевой Алексеем Халяпиным, выступавшим с пародийным проектом «ФиАллочка». Во время исполнения песни «Так дымно, что в зеркале нет отраженья» у Леша вспыхнул парик.

— После этого случая в «Драконе» я зову Лешу «Аллочка-зажигалочка», — рассказала сценическая партнерша Халяпина — двойник Киркорова Ангелина Грээр. — В начале программы он в образе Пугачевой исполнял песню Высоцкого «Так дымно, что в зеркале нет отраженья». Вдруг охранник говорит: «Ваша Пугачева загорелась!» — «Она у нас, когда поет, всегда загорается», — успокоила его я. «В прямом смысле загорелась», — объяснил охранник. Оказалось, от стоявшей на сцене свечи у Леша вспыхнул парик. К счастью, публика подняла шум, и Алексей, мгновенно сориентировавшись, ликви-

дировал возгорание. Некоторые зрители решили, что это был запланированный спецэффект. Хотя опасность была реальная. В «Драконе» собралось примерно 900 человек. Страшно представить, чем все могло закончиться, если бы Леша растерялся и дал огню разгореться».

Вот уж действительно, слова из песни Высоцкого «Бокал вина» оказались пророческими — «Так дымно, что в зеркале нет отраженья...» Слава Богу, что все обошлось: и для артиста Алексея Халяпина, и для посетителей ночного заведения. Все остались живы и здоровы, что само по себе — удача!

...Завершая эту главу, хочется привести одну цитату. Павел Леонидов пишет о своем двоюродном брате Владимире Высоцком: «Высоцкий не был гением ни в чем, а был рабом России и болью ее души. Он был не артист, не бард, не поэт, а свой человек всей стране. У него на всю страну есть всего один двойник, мельче калибром, но с той же сверхзадачей — своя всей стране. Это Алла Пугачева!..»

Сложно спорить... Отчасти, написано верно. Но все же упрек покойному Павлу все же придется бросить. Оттого-то и был Высоцкий «своим всей стране», что являлся гениальным поэтом, бардом и артистом, будучи плоть от плоти частью народа этой страны, вышедшим из него. Он был честным и беспристрастным выразителем самого сокровенного, что есть у этого народа, потому народным и считался, — безо всяких официальных званий и наград. Свой всем — от люмпенов до партийной элиты!

Что же касается Аллы Борисовны, то ее «сверхзадачей» часто была и остается возможность и необходимость эпатировать, удивлять публику, тот самый народ, — подтверждая, тем самым, свою «звездность». И зарабатывать за счет этого эпатажа славу и деньги. Вот и вся ее «народность». Вся ее любовь к публике и заигрывания с ней — зачастую фальшивы и не всегда искренни, и, по меньшей мере, стыдно и неуместно называть ее «двойником» Высоцкого. В отличие от Владимира Высоцкого, Пугачева была, а сегодня, в своем суперзвездном статусе, стала и вовсе страшно далекой от «своего» народа, для которого она и занимается исполнением песен. Примадонна на протяжении всей своей творческой карьеры пела «для и под себя», любясь собой, и творила, по большей части, «мимо народа», во всяком случае — не для него всего. А сегодня и во все поет для кучки своих приближенных и олигархов — на закрытых вечеринках. Сегодня она — своя для тусовки!..

...Вот и все... Все точки над «и», вроде бы, — расставлены. Но вопросы — остаются... Сегодня ВСЮ, ПОЛНУЮ прав-

ду о человеческих, дружеских, любовных, творческих и каких угодно других контактах, связях и отношениях между Владимиром Семеновичем Высоцким и Аллой Борисовной Пугачевой может поведать читателю, слушателю и зрителю только сама примадонна.

Но на страницах российской печати в декабре 2000 года Алла Пугачева разочаровала своих поклонников заявлением, что в ближайшее время ее воспоминания на свет не появятся...

«Я не люблю вспоминать! — вспыхнула певица-звезда. — Наверное, поэтому обо мне пишут книги другие люди, а не я сама. Хотя, может, придет время, когда мне захочется предаться воспоминаниям. А пока вчерашний день меня не беспокоит. Если вспоминать, то не останется времени подумать о том, что я буду делать завтра. Вся моя жизнь — в моих песнях! Слушайте внимательно и поймете!»

Что же — звездопоклонникам ничего не остается, кроме как в очередной раз переслушивать песни в исполнении обожаемой примадонны — в тщетных попытках пытаться разгадать ее «народный феномен»...

...Хотя, в общем, сказала-то Алла Пугачева верно. Эти же слова вполне мог произнести о себе и Владимир Высоцкий. Ведь тоже: его жизнь — в его песнях.

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ

Главного «машиниста» страны Андрея Вадимовича Макаревича (1953 г.р.) знает не одно поколение слушателей и зрителей. В 16 лет он основал рок-группу, которой в 2009 году исполнилось — страшно сказать — 40 лет! За эти годы несколько раз менялись не только названия коллектива: вначале — «The Kids» (явное подражание «The Beatles»), затем — «Машины времени» (именно так, во множественном числе), но и состав: через него прошли десятки известных музыкантов. Только имя лидера остается неизменным все эти годы — Андрей Макаревич.

Но и сам музыкант за четыре десятка лет, прошедших после создания группы, в чем только себя не попробовал и не испытал: выучился на архитектора, снялся в нескольких фильмах и написал музыку к десяткам оных, стал художником, кулинаром, теле- и радиоведущим, путешественником, дайвером, выпустил несколько книг стихов, прозы и кулинарных рецептов. В писательском багаже Макаревича также книги по наркологии, истории спиртных напитков и культуре их потребления... Все написанное «машинистом» носит мемуарно-автобиографический характер.

С группой «Машина времени» Андрей Макаревич записал и выпустил два десятка альбомов, дал бессчетное количество концертов по стране и миру. Кроме этого, у музыканта вышло несколько «сольников» — сольных альбомов с песнями под гитару. А в 2002 году Макаревич собрал еще один коллектив — «Оркестр креольского танго», с которым тоже немало гастролирует и выпустил несколько чудесно звучащих пластинок..

Жизненной энергии и деятельности Андрея Вадимовича можно позавидовать. Унывать и скучать ему некогда, несмотря на свои почти шесть десятков лет: в планах — новые творческие задумки и проекты, концертные гастроли, съемки и путешествия!

На сегодняшний день у Макаревича — имя одного из главных рок-музыкантов в России (с юбилеями его и группу

поздравляют президент и премьер-министр, и даже присутствуют на концертах «Машины времени»), трое детей и большой дом в подмосковном поселке Павлово, что подчеркивает его статус и заслуги. В повседневной жизни Андрей — веселый и добродушный человек, любящий принимать в своем гостеприимном доме своих многочисленных друзей, обожающий животный мир и хорошую весеннюю погоду, добротную (в том числе и матерную) поэзию и прозу М. А. Булгакова. А еще — увлекается бильярдом, дайвингом, подводной фотографией и видеосъемкой, кулинарией, подводной охотой и археологией, коллекционирует собственные картины, бабочек и часы «Omega»...

Об истории и музыкальной деятельности «Машины времени» давно написаны сотни статей, научные исследования и даже книги. Но далеко не всем поклонникам группы известно, что на становление Макаревича как музыканта и его будущую творческую судьбу в далекой юности повлияло песенное творчество Владимира Высоцкого!

С 12 лет Андрей Макаревич начал самостоятельно заниматься на гитаре и сразу увлекся музыкой Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого: «Однажды мне дали на каникулы гитару и показали три аккорда: «большая звездочка», «маленькая звездочка» и «передняя». На этих аккордах можно было играть Высоцкого, Визбора. Все пальцы я стер, но играть кое-как научился», — вспоминает Андрей Вадимович.

«Уже в седьмом классе приятель Андрея Макаревича Слава Мотовилов, используя всего три аккорда, сыграл ему какую-то песню Высоцкого на семиструнной гитаре. Вышеозначенные аккорды тут же были разучены Андреем и... вскоре (в 1968 году) появился самый первый ансамбль», — читаем мы в сборнике «Легенды русского рока».

Несколько по-иному и более подробно вспоминает о том времени сам Андрей Макаревич — в недавно вышедшей книге воспоминаний «Вначале был Звук»: «В восьмом классе мы едем в настоящую биологическую экспедицию. В Хоперский заповедник, в Воронежскую область. Веселый парень Андрюша Асташкевич очень лихо играет на гитаре «восьмерочкой» и еще каким-то особо озорным боем. У него, как и положено, семиструнка (о других мы тогда не слышали), он поет песню про перекаты и какие-то куплеты. Куплеты нравятся не особо, а вот играет Андрюша здорово. Еще очень нравится, как на него смотрят девушки, когда он играет, что-то в их глазах меняется.

Хочу научиться как он, но стесняюсь — я на год младше, а гитара все время на людях, Андрюша играет не пере-

ставая. Впрочем, при всем моем стеснении мне удастся пару раз отвлечь Андрюшу от девушек, и он показывает мне аккорды. Главное же — мне показывают, как играется «восьмерочкой» — и у меня получается!..

Я вернулся из экспедиции сильно воодушевленный и выпросил у своего школьного товарища Славы Мотовилова гитару для занятий. Он тоже знал три аккорда (аккорды Высоцкого!), но «восьмерочкой» играть не умел, и поэтому не особенно горел к гитаре. Гитара у него была маленькая и слегка продавленная, но играть на ней можно было вполне. Отчего она так притягивала меня? От гитарного звука, особенно если ты сам его издал — по спине пробегают мурашки. Я не выпускаю ее из рук, без конца повторяю три заветных аккорда: «Солдат всегда здоров, солдат на все готов, и пыль как из ковров мы выбиваем из дорог...» На пальцах левой руки у меня мозоли, на пальцах правой — волдыри...

Еще через месяц у нас ансамбль. Никакой это, конечно, пока не ансамбль: просто мы вдвоем с моим одноклассником Мишкой Яшиным бренькаем на двух семиструнках (у него тоже есть!) и напеваем какие-то бардовские песни. Мишка их знает, я — нет, но поскольку разнообразия аккордов в них не наблюдается, я справляюсь. Очень красиво, когда одна гитара играет ритм, а вторая по этим же аккордам перебором — ансамбль, блин! Даже выступили на классном вечере.

Вот оно как, оказывается! Это позже придет повальное увлечение Битлами и другой просочившейся к нам с Запада музыкой, оказавшей существенное влияние на становление и формирование музыкального, а во многом — и жизненного мировоззрения, в том числе Андрея Макаревича и его группы. Но первоосновой, корнями, заложенными в фундамент одной из первых советских рок-групп, стало песенное, музыкальное творчество Владимира Семеновича Высоцкого!

Итак, успех пришел быстро — Макаревич оказался толковым и способным учеником. А вскоре и сам стал учителем — игры на гитаре. В той же книге Андрей Вадимович вспоминает: «Я берусь за неделю обучить трем аккордам медведя. Если ему постричь когти. И если он проявит хоть малейшее желание.

Исключения крайне редки. Никогда не забуду своего школьного учителя физкультуры Игоря Палыча. Он обожал песни Высоцкого, а я ненавидел физкультуру, поэтому соглашение родилось само собой — я научу его играть на гитаре, а он закроет глаза на мои нерегулярные посещения его предмета. Игорь Палыч действительно освоил необходимые три аккорда крайне быстро. Он даже запомнил, в какой по-

следовательности их следует зажимать, чтобы получился Высоцкий. Дальше происходило невообразимое: Игорь Палыч брал первый аккорд и начинал петь. Причем темп его пения чуть-чуть либо отставал, либо опережал темп его игры. И если в первом куплете это еще можно было терпеть, то к середине второго песня неумолимо разъезжалась в разные стороны. Я пробовал повторить это чудо полиритмии — у меня даже близко не получалось».

На одном из концертов Андрей Макаревич вновь заговорил о мелодике песен Владимира Семеновича: «У Высоцкого было «три аккорда», но это именно те три аккорда, которые идеально соответствуют его стихам. И это настоящая музыка: мелодий на три аккорда у него колоссальное множество».

Об этом же музыкант поведал в интервью тележурналисту Владимиру Познеру.

В. ПОЗНЕР: Не бывает худа без добра, это называется. Андрей Макаревич: «Я думаю, что я, конечно, не джазовый музыкант и не роковый музыкант. Может быть, я не очень-то и музыкант. Я рассказываю свои истории под музыку, которую придумываю — вот и все». Значит, в связи с этим поэт? И еще. Музыка слушают по-разному, по разным причинам. Скажем, из-за красоты самой музыки и голоса, ну, опера, например. Или из-за того, кто поет — ну, не знаю, там, Кобзон или Синатра. И тогда неважно, понимаешь или нет — это не имеет значения. Слова для тебя не имеют значения, имеют значение совсем другие вещи. А потом — вот такие певцы, без понимания которых слушать вообще не имеет смысла. Вот, Жорж Брассанс или тот же Боб Дилан. Может быть, «Машина времени», может быть, «Beatles» — здесь совсем другое. Вот Вы себя относите, все-таки?.. Тогда это поэты, новая французская песня, где, опять-таки, слова колоссальное имеют значение, а музыка — я не знаю, Высоцкий, Булат — все оттуда. Или нет?

А. МАКАРЕВИЧ: Я думаю, что на самом деле грани четкой нет — она размыта довольно здорово. Боба Дилана, все-таки, знает весь мир, хотя хорошо бы при этом еще понимать, о чем он поет. Это не со всеми происходит. Но он невероятно эмоционален, он очень точен в передаче того, что он хочет передать. И вообще, даже если слушаешь какое-то имя, то, прежде всего, — качество того, что этот человек делает. Я не думаю, и вообще я стараюсь... Окуджава — великолепный мелодист, Высоцкий — великолепный мелодист, который на 3 аккорда придумал такое количество мелодий, что не сосчитать. Он очень редко повторялся в своих мелодиях, просто средства, которыми он пользовался, были очень простыми. Взял карандашик — и нарисовал. Так это самое трудное и

есть. Проще пригласить аранжировщика с оркестром за спиной, и сделают как у всех. А ты попробуй быть интересным, когда у тебя одна гитара, не очень хорошо настроенная еще. Так что, Высоцкий интересен как исполнитель помимо того, что он очень интересен как поэт.

В. ПОЗНЕР: У него не очень хорошо настроенная гитара — это, скорее, говорит о... Но это не специально?

А. МАКАРЕВИЧ: Я уверен, что специально. Уверен, абсолютно. Это такой тоже штришочек к жанру.

Касательно пения и голоса — вообще... Макаревич свой воспринимает как данность: «Он у меня один, выбирать все равно не из чего...» И далее — рассуждает: «Я могу сказать, что самые любимые народом голоса — непрофессиональные: Дилан, Окуджава, Армстронг, Высоцкий. Самодеятельный голос создает у слушателя иллюзию, что он может так же».

Здесь приходится согласиться с музыкантом...

Что же до песен Владимира Высоцкого, то Андрей Вадимович пишет: «Страна (любая страна) распевает хором, как правило, что-то ужасное, ибо общественный вкус — вещь не сильно изысканная, и так было, и так будет. Крайне редко возникает ситуация, при которой объектом всенародной любви становились действительно великие песни: так было с некоторыми песнями Великой Отечественной войны или с песнями Высоцкого (применительно к нашей стране)».

Но, по мнению музыкальных критиков, первые песни самого Макаревича, исполнявшиеся им в стремительно набиравшей популярность в 70-е годы группе «Машина времени», были далеки от идеала...

Музыковед и критик И. Смирнов писал: «Программы «Машины времени», талантливейшей группы этого поколения, похожи на настенный гобелен: замки и корабли с парусами не оставляют практически никакого места для атрибутов реальной жизни. Из местоимений доминирует «ты»...

Настроение песен «машинистов», как правило, чрезвычайно мрачное... Рокеры в этом отношении оказались весьма непохожи на бардов: в песнях Окуджавы, Высоцкого и приобретавшего в начале 70-х годов все большую популярность Аркадия Северного в десять раз больше жизнеутверждающей энергии...»

Тут можно смело делать скидку на возраст и поэтическую молодость Макаревича: в начале тех же 70-х ему едва исполняется 20, а тому же Окуджаве — уже под 50...

(Хотя замечательный, но, увы, — ныне покойный поэт Алексей Дидуров, в дружбе и переписке с которым посчаст-

ливилось состоять автору, придерживался совсем иного мнения. Леша ненавидел Андрея и всегда считал его «бездарным», добавляя при этом, что все эти бесконечные «острова надежды», «корабли надежды», «паруса надежды» и т. д., в огромном количестве присутствующие в ранних стихах и песнях Макаревича, — от банальной бесталанности и узости кругозора их автора...)

До последнего времени не было сведений о посещении Андреем Вадимовичем концертов Владимира Высоцкого или его встречах с поэтом. Ни в своих книгах, ни в интервью «машинист» не упоминает о них. Вообще, Макаревич с большим благоговением относится к Булату Окуджаве: о нем он часто рассказывает, пишет, посвящает ему свои стихи... А в конце 2005 года вышел альбом «Песни Булата Окуджавы», записанный Андреем с «Оркестром креольского танго».

— Когда в вашей жизни появился Булат Окуджава? — спросили музыканта журналисты.

— Лет в пять или шесть. Мой отец привез магнитофон из Бельгии и переписал у соседей по даче какую-то странную пленку, где было несколько песен Булата Окуджавы вперемежку с какой-то совершенной бодягой. И я запомнил эти песни, потому что они невероятно отличались от всего остального. Это вообще было первое, что произвело на меня сильное музыкальное впечатление. А потом, спустя десять лет, это наложилось на «битлов» и получилась «Машина времени».

— Из всех бардов только трое не помещались с головой в это жанровое определение: Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Александр Галич. Окуджава вам ближе?

— Каждый из них мне близок по-своему. В отличие от Окуджавы Галича забывают совсем по другим причинам. Все его песни, мастерски написанные с точки зрения поэзии, остро социальны, крепко привязаны ко времени создания. Они — реакция на то, что в те годы творила советская власть. И с исчезновением объекта песни стали неактуальны, а по большому счету непонятны. С Высоцким — другая история. Он настолько силен как исполнитель, что его исполнение — большая составляющая его песен. Поэтому меня чудовищно раздражают все без исключения подражатели Высоцкого. И я совершенно не вижу себя в их ряду. Окуджава же, на мой взгляд, поддается трансформации.

Вот такие откровения главного «машиниста» России.

Но вот в конце 2006 года, в эфире Радио «Маяк», в программе «Машина моего времени» Андрей Макаревич в новой серии воспоминаний рассказал слушателям о творчестве Вла-

димира Семеновича и своем отношении к нему — в связи с выходом компакт-диска с записью последнего концерта Высоцкого. Послушаем «машиниста», тем более что рассказывает он и о совместных концертах Высоцкого и «Машины времени»: «Время от времени, в последнее время больше случайно, возвращаюсь к Владимиру Семеновичу Высоцкому. Случайно, потому что почти все его песни я помню наизусть. А для меня, кстати, это первый показатель качества того, что человек делает. Хорошее, как у Пушкина, запоминается сразу. Поэтому, вроде бы и нет нужды это переслушивать. Однако ставлю, слушаю по новой, и всякий раз на меня накатывает какая-то ностальгия по прошедшим, в общем, скверным временам, в которых мы были молодыми, веселыми.

Вслед за Владимиром Семеновичем как по команде запели хриплыми голосами, получалось это отвратительно. У него одного это получается так, как надо.

Пластинка называется «Последний концерт». И действительно, эта запись 16 июля 1980 года из подмосковного Калининграда — такое прощание, о котором, в общем, тогда мы еще не догадывались.

Предупреждая обязательные вопросы, которые всегда в этом случае поступают, могу сказать, что знакомы мы с Владимиром Семеновичем не были. Хотя несколько раз играли совместные концерты в закрытых научно-исследовательских институтах, которым в силу их закрытости позволялось несколько больше, чем всем остальным. Он играл первое отделение, быстро убегал всегда, я и не шел знакомиться, мне как-то неудобно было, чего это я пойду. А самое главное, я был абсолютно уверен, что это произойдет само собой в более удобных обстоятельствах, потому что у нас было к тому моменту уже огромное количество общих друзей — и Ваня Дыховичный, и Леня Ярмольник, и много-много других, и художников из дома, где он жил, на Малой Грузинской, — поэтому мне казалось, что успеется. Вот не успелось, не надо ничего откладывать, наверное.

Ставлю песню наугад, потому что мне трудно выбирать из того, что он написал, что-то более или менее любимое...»

Уклончивые слова Андрея Вадимовича о «совместных концертах» и «общих друзьях» не дают прямого ответа на главный вопрос: хотя и не были ли знакомы друг с другом музыканты и поэты Макаревич и Высоцкий, но — общались ли?

Ответ на этот вопрос обнаружился в интервью музыканта журналисту Николаю Добрюхе. Андрей признается: «Меня уже тогда (в конце 70-х. — А. П.) начинала интересовать рабо-

та над словом. А в 79-м буквально потянуло слушать Высоцкого. Я с ним не был знаком. К сожалению! И живьем, кроме спектаклей, я его не видел. Однако я много слушал его на пленках..»

О творческих пересечениях Макаревича и «Машины времени» с Высоцким, правда — по большей части — заочных, вспоминали и другие участники группы. Иначе и быть не могло: ведь в 70-е годы оба имени и название группы были на вершине популярности у любителей музыки в СССР.

Вот что вспоминает по поводу этих пересечений бывший клавишник группы Петр Иванович Подгородецкий в книге своих веселых воспоминаний с не менее веселым названием «Машина» с евреями»: «В подпольной популярности того времени были свои прелести. Осенью 79-го года из каждого открытого окна звучали наши песни примерно в таком же объеме, как песни Владимира Высоцкого. Но Высоцкого в лицо знала вся страна, благодаря кино (одно «Место встречи изменить нельзя» чего стоит), а «Машину времени» не узнавал никто. Ведь даже ее участие в фильме «Афоня», в котором Георгий Данелия использовал фрагмент песни «Солнечный остров», группу саму по себе почти никто не видел».

Удивительное и мало кому известное обстоятельство: по свидетельству автора сценария фильма Александра Бородинского в картину на главную роль сантехника Афанасия пробовались многие популярные актеры того времени. В том числе и Владимир Высоцкий. По замыслу создателей комедии «пьяный сантехник должен был играть на гитаре. Хотя с самого начала в уме мы держали именно Куравлева». Который, к слову сказать, блестяще сыграл роль в фильме.

Подробнее о несостоявшейся совместной работе с Владимиром Семеновичем в картине вспоминает режиссер «Афони» Георгий Данелия: «Первыми, кого я представил в образе Афони, — Владимир Высоцкий и Даниэль Ольбрыхский. Ольбрыхский — хороший актер, и у него русское лицо. Он согласился сниматься, но это было на уровне разговоров. Кто-то донес Высоцкому, что мы обсуждаем его кандидатуру, и он заходил к нам в группу под разными предложениями. Но Володя — сильная личность, и ему зрители не простили бы того, что натворил Афоня, которого несет, куда ветер дует. Вот Куравлев добился благосклонности зрителей».

Еще одна — журналистская версия непопадания Владимира Семеновича в комедию Георгия Данелии: дескать, режиссер пригласил Высоцкого для разговора о съемках в главной роли — сантехника Афони Борщева. Высоцкому нравился сценарий, но до проб он так и не дошел, — Георгий Николае-

вич и сценарист фильма Александр Бородинский посчитали, что из Владимира Высоцкого получился бы слишком мощный и серьезный сантехник, а снимать хотели кино с юмором.

Так что вполне могло состояться, но не состоялось пересечение Высоцкого и «Машины времени» в кинокартине! Увы...

Далее вновь обратимся к веселым воспоминаниям Петра Подгородецкого: «1980 олимпийский год прошел под знаменем «Поворота». Я нисколько не преувеличиваю, говоря о том, что в то время «Машина времени» по популярности стояла наравне с Высоцким и была неизмеримо круче Пугачевой, Леонтьева, Кобзона, Лещенко и прочих «официальных артистов».

Автор прекрасно помнит то время и полностью согласен со словами Петра Ивановича. Тогда Высоцкого и «Машину времени» не слушал только глухой, ленивый, не имевший магнитофона или равнодушный к музыке вообще, а таких было очень мало...

О том, что «Машина времени» по своей популярности в конце 1970-х годов стояла вровень с Владимиром Высоцким, пишет и другой музыкант, Максим Леонидов. Участник знаменитого ленинградского бит-квартета «Секрет», ставшего популярным в середине 80-х, в книге мемуаров «Я оглянулся посмотреть...» вспоминает о тех временах: «В головах у нас творился абсолютный сумбур, густой компот из Высоцкого, Окуджавы и «Машины времени».

Более категоричен в оценках популярности в 70-е годы Андрея Макаревича и «Машины времени» журналист Федор Раззаков. И Макаревича со своей группой, да и самого Владимира Высоцкого, он записывает в... «фарцовщики от искусства». Цитируем самого Раззакова: «Фарцовщиков советские власти очень часто ловили и отправляли в места не столь отдаленные. Но это были какие угодно фарцовщики, только не из мира искусства. Этих власти практически не трогали и даже более того — создавали им тепличные условия, особенно если эти фарцовщики были «завязаны» на нужных властям людей. Так было, к примеру, с окружением Владимира Высоцкого. Вокруг самого певца власти создавали ореол гонимого, а сами разрешали ему делать многое из того, чего другим гонимым делать запрещалось: выступать в самых вместительных залах (во Дворцах спорта), по шесть месяцев в году находиться за границей. Также власти закрыли глаза на многие «художества» певца вроде «левых» концертов, нарушений трудовой дисциплины, наркомании и т. д. Та же история происходила и с «Машиной времени», которая в своей среде считалась таким «рок-н-рольным Высоцким»... По большому счету ника-

кой особенной борьбы «Машины времени» с советским режимом не было, а была всего лишь ловкая имитация этой борьбы, которая целиком и полностью контролировалась и направлялась из двух ЦК (КПСС и ВЛКСМ) и КГБ. Имитация эта проводилась с одной целью: держать под контролем молодежную (рок-н-рольную) среду и влиять на нее. Достигалось это разными средствами, в том числе и с помощью стучащей, которыми эта самая среда была сильно унавожена...

Именно с согласия ЦК КПСС и КГБ Макаревич и Ко и были назначены властью Главными Художниками в рок-среде (как Аркадий Райкин в сатире, Владимир Высоцкий в бардовской песне и т. д.)».

Тот же Раззаков, развивая свои мысли по поводу и проводя параллели между Макаревичем, Высоцким и их творчеством, в книге, посвященной «темным сторонам» биографии Андрея Вадимовича, пишет: «Макаревич шел по стопам Высоцкого: он тоже был нонконформистом — несогласным, но внесистемным. Власти понадобилось сделать его системным оппозиционером, сродни Высоцкому. Тем более, что к последнему он испытывал огромное уважение...

В судьбах Высоцкого и Макаревича есть много общего, но главное сходство — оба были системными оппозиционерами. Оба они оказались приручены властью и прекрасно об этом знали. Оба выступали в провластном «цирке», исполняя отведенную им роль — оппозиционную. Как пел сам Высоцкий в песне «Наши помехи эпохе подстать...» (1976):

...Пляшут собачки под музыку вальс —
Прямо слеза прошибает!

Или — ступают, вселяя испуг,
Страшные пасти раззявив, —
Будто у них даже больше заслуг,
Нежели чем у хозяев...

Судя по всему, себя Высоцкий числил по разряду собак, которые не вальс пляшут, а вселяют испуг. Макаревича можно зачислить в этот же ряд. А до этого он был тем самым «бездомным шалым псом» (полуподпольным рокером-внесистемщиком), о котором Высоцкий пропел следующее:

...Вон, притаившись в ночные часы,
Из подворотен укромных
Лают в свое удовольствие псы —
Не приручить их никчемных.

Как показал случай с Макаревичем, приручить подобных «псин» дело не хитрое. Как говорится, было бы желание. На протяжении долгих девяти лет Макаревич «лаял в свое удовольствие» — костерил в своих песнях советский оптимизм. Однако пришло время, и его «приручили». Поскольку, по тому же Высоцкому:

Что говорить — на надежной цепи
Пес несравненно безвредней...

Если хороший ошейник на псе —
Это и псу безопасней...

Короче, власть была заинтересована в том, чтобы «бездомных псов» приучить и посадить на цепь. Среди этих «псин» суждено будет оказаться в итоге и Макаревичу...

Все профессиональные советские артисты работали на систему и получали за это деньги (причем весьма приличные) — вещь неоспоримая. Ведь почти каждый артист входит в службу того режима, какой существует на дворе. Он, артист-профессионал, не может быть каким-то автономным субъектом, существующим вне системы. Снова вспомним Владимира Высоцкого и его наши помехи эпохе подстать». В ней он воздал должное как «цирковым собачкам», так и «бездомным» — тем, что еще не приручены властью:

Значит, к чему это я говорю, —
Что мне, седому, нейметя?
Очень я, граждане, благодарю
Всех, кто решили бороться!
Вон, притаившись в ночные часы,
Из подворотен укромных
Лают в свое удовольствие псы —
Не приручить их, никчемных...

«Машина времени» долгое время тоже была бездомной собакой, когда находилась вне системы — на полуподпольном положении. Но в 79-м согласилась набросить на себя ошейник и тут же была зачислена в состав цирковых собачек, как и Высоцкий. После чего из-под пера Макаревича родилось: «Ты сам согласился на этот путь, себя превратив в раба»...

«Машина времени» теоретически могла избежать этих процессов, оставшись в стороне от них и продолжая свой путь как коллектив внесистемного толка («не сворачивать с

пути прямого» или «ляять в свое удовольствие из подворотен укромных» по Высоцкому). Но практически это было нерезально, поскольку у группы было второе название — «Машина с евреями». А последние, как мы помним, прирожденные рыночники и чуют запах прибыли чуть ли не на подсознательном уровне. Поэтому, как только на горизонте запахло дивидендами, тут же «Машина» включила форсаж и на полных скоростях въехала на вожделенную профессиональную сцену, дабы уже там заниматься тем же, чем и раньше — исполнять песенки из разряда реформаторских с «фигами», но уже за гораздо бо-о-льшие гонорары. Как пели тогда «машинисты»: «Но так уж суждено...» То есть превратились в цирковую собачку. Как пел Высоцкий:

Надо с бездомностью этой кончать,
С неприрученностью — тоже..

«Машина времени» пошла по пути Высоцкого, Аркадия Райкина и других системных оппозиционеров, которых советская система использовала в своих целях: как внутренних, так и внешних (как пример существования демократии в СССР).

...КГБ плотно курировал системщиков-оппозиционеров вроде вышеперечисленных персон. Но на тот момент один из главных глашатаев либерализма среди творческой интеллигенции, бард русско-еврейского происхождения Владимир Высоцкий, находился уже в шаге от смерти, доживая последние месяцы... В советских верхах были прекрасно осведомлены о том, что у него полинаркомания и что жить при таком диагнозе певцу оставалось недолго... В итоге на поприще социальной песни Главного Художника бардовского направления должен был сменить другой Главный Художник (пусть и меньшего масштаба по популярности) — рок-группа «Машина времени».

Помимо таланта «машинистов» учитывалось и другое. Напомним, что в жилах большинства из них текла все та же еврейская кровь, что и у Высоцкого. Всегда относившаяся к бунтарской. Именно эту бунтарскую кровушку власть и стремилась привести в удобное для себя состояние — чтобы она «закипала» под их контролем...»

Что же, и такие мнения, имеют, вероятно, право на существование, так как они — не без доли правоты и истины...

Знал ли Владимир Высоцкий о существовании рок-группы «Машина времени» и если знал, как относился к ней и ее

лидеру Андрею Макаревичу? На этот вопрос отвечает музыкальный критик Артемий Троицкий в беседе с журналистом Вадимом Астраханом.

Вадим Астрахан: «Артемий, меня заинтересовали слова в вашей книге «Рок в СССР» о том, что русский рок заполнил вакуум, образовавшийся после смерти Высоцкого. Не могли бы вы сказать пару слов об отношении к Высоцкому рок-общины 70-х и 80-х годов?»

Артемий Троицкий: «Я могу сказать кое-что другое, и это редкий случай, когда я могу сказать что-то, чего никто не может сказать: об отношении Высоцкого к року. Отношения у него никакого не было. Мы с ним общались недолго, в конце 79-го года, и я ему начал впаривать всякие «энтузиастические» истории про «Машину времени» с Макаревичем, про Гребенщикова, с которым я совсем незадолго до того познакомился, и так далее. Про Гребенщикова он совсем ничего не слышал, о Макаревиче что-то слышал, но как-то махнул на это все рукой. Вся наша рок-тусовка его не интересовала, не привлекала, он о ней ничего не знал и знать не хотел».

В. А.: «Но он же не видел в них конкурентов?»

А. Т.: «Нет, он не видел в них конкурентов. Высоцкий вообще был человек достаточно экзистенциальный, и во многих его поступках и мотивации не было особой логики. В этом не было чего-то особо рационального, ему просто это было неинтересно. Его интересовали в жизни другие вещи. Его интересовал его круг, его проблемы, его театр, и т.д. К своим потенциальным коллегам он относился просто равнодушно. Я не думаю, что он их побаивался, потому что они, дескать, могли быть круче, чем он. Он был абсолютно уверен, что круче его никого нет. Его интересовали его собственные демоны».

В. А.: «В Северной Америке он, кажется, ходил на рок-концерты, «Emerson, Lake, and Palmer», там...»

А. Т.: «Я думаю, он не столько сам ходил, сколько его водили. Теперь, что касается отношения рокеров к нему. Тут нужно хорошо понимать ситуацию с нашим роком. Изначально весь советский рок был музыкой полностью, стопроцентно навешанной Западом. Это была хипстерская, стилижная музыка. Поколение наших рокеров 60-х годов вообще считало, что петь по-русски — западло. В 70-е годы появились первые опыты: Володя Рекшан и Санкт-Петербург, Макаревич и «Машина...», но все-таки большинство групп пело по-английски, более того — они писали собственные тексты на английском, как, например, «Високосное лето» с Ситковецким и Кельми (это была вторая после «Машины» по популярности группа в Моск-

ве). Традиции писать собственную русскую лирику в русском роке не было. Даже Градский, который себя все время бьет в грудь и говорит, что он был первое то и первое се, в качестве лирики брал стихотворения, от классических до современных поэтов, от Шекспира до Вознесенского. Своей лирики у него было очень мало, и она была очень неубедительная».

Поклонников отечественной рок-музыки откровения Артемия Кивовича не оставили равнодушными. В Сети появились отклики на его интервью. Вот один из них, от пользователя Кропотова: «Троицкий рассказал для меня — человека, интересующегося русским роком, важные вещи. Оказывается, Высоцкий что-то слышал о Макаревиче в 79-м году. Но не воспринял его всерьез. И рок-музыканты оценили масштаб ВВ только после его смерти. Майк, БГ после этого прониклись. Цой — нет.

А разве не так было с большинством людей, живших в СССР? Не только молодежь тех лет, но и люди постарше, знали Высоцкого в основном по юмористически-сатирическим, блатным и военным песням. Свои самые серьезные вещи, шедевры трагического, философского звучания, он редко исполнял на концертах для широкой публики. По записям их знали только «продвинутые» поклонники ВВ.

У большинства владельцев магнитофонов были записи концертов Высоцкого, стандартный набор, типа трека «Дубна-80», например. «Лекция о международном положении», «За что аборигены съели Кука», «Письмо в редакцию передачи «Очевидное-невероятное», «Ой, где был я вчера...», «Милицейский протокол»...

Это то, что больше всего любили слушать — и «жлобье», как выразился Троицкий, и многочисленная интеллигенция.

Многие и сейчас плохо знают ВВ. Скажем, на радиостанции «Эхо Москвы», где до недавнего времени вещал Троицкий, есть передачи «Классика рока» и «Битловский час». Двое ведущих с пренебрежением отзываются о русском роке, они любят и знают «Битлз» и рок 60—80-х. Как-то одному из них задали вопрос о Высоцком, он в ответ после паузы промямлил что-то вроде: «Я не поклонник, но его военные песни — это очень здорово». Человек, подозреваю, по-настоящему Высоцкого не слушал, а ответил так, чтоб отвязались».

Вот такие комментарии по поводу высказываний Артемия Троицкого...

Высоцковед Виктор Бакин пишет: «В 1971 году автор множества легкомысленных мюзиклов («Эвита», «Кошки»...) английский композитор Эндрю Ллойд Уэббер написал рок-

оперу «Иисус Христос — Суперзвезда» — произведение, сделавшее его знаменитым.

Рассказывает автор русского либретто Ярослав Кеслер: «Оперу я перевел еще в 1972 году. Мы играли с Малезжигом в группе «Мозаика», и однажды Андрей Макаревич принес мне пленку. Я все лето слушал кассету и переводил. Мало кто знает, что в 72-м мы собирались ставить эту оперу на «Таганке». В ней должны были участвовать Высоцкий, Хмельницкий... А не получилось потому, что не было денег».

По всей видимости, не денег, а мозгов не было у тех, кто задумал постановку западной рок-оперы в 70-е годы в СССР. Да только одно ее название отпугнуло бы чиновника, от которого зависела судьба постановки, и постановка эта завершилась бы, даже не начавшись!

Ну да ладно...

Андрей Вадимович узнал о смерти Владимира Высоцкого в тот же роковой июльский день, когда случилось непоправимое...

«...25 июля 1980 года великого человека не стало. Это была его последняя смерть. Несколько лет ранее в Узбекистане он уже умер, но врачи спасли его. В 1980 году — не смогли.

В этот день как всегда в ресторане ВТО после концертов и спектаклей отдыхали актеры и певцы. Как обычно в разных залах ресторана отдельно пили и ели драматические актеры из театра Ленком, МХАТа и актеры театра «Ромен». В зал вошел Андрей Макаревич и тихо сказал: «Умер Высоцкий». Зал на минуту притих, что-то пытались уточнить, потом оба зала непримиримых «врагов» сдвинули столы, и тихо стали поминать рано ушедшего друга и для кого-то — просто хорошего человека».

Конечно, это журналистская байка, но не исключено, что такая сцена вполне могло произойти и в реальности...

«Теперь несколько слов о сольном творчестве Андрея Макаревича. Его песни, исполняемые автором под гитару и не требующие музыкального сопровождения остальных участников ансамбля, завоевали большое число поклонников. По жанру их можно отнести к тому, что принято называть авторской песней.

Эта сторона творчества Макаревича, наверное, и к рок-музыке не имеет отношения. Она сродни работы Высоцкого, Окуджавы и других поющих поэтов. Как правило, песни представляют собой посвящения тем или иным людям, зарисовки, размышления, которые носят явно выраженный личностный характер... Их сокровенный характер, эмоциональность, а порой и конкретный адресат делают произведения популярными у людей разных поколений», — пишут музыкальные критики.

Если честно, Андрей Вадимович не испытывает особых эмоций, когда его имя и сольное творчество ставят в один ряд с именами и творчеством поющих поэтов: «Я вообще не считаю, что людей, из себя что-то представляющих, надо выставлять в какие-то ряды, — говорит Макаревич. — То есть, люди могут выставлять, но это их собачье дело. Я считаю, что каждый выдающийся человек — сам по себе, Окуджава — сам по себе, Высоцкий — сам по себе... Я — сам по себе. И не надо никого ни к кому подставлять».

Резонное замечание, и — верное. Хотя музыкальные критики и журналисты все равно продолжают сравнивать творчество и таланты поэтов и музыкантов: «Владимир Высоцкий остается неразгаданной загадкой. Кто он: бунтарь, хулиган, первый в СССР шоу-бизнесмен, пророк? Проще всего объяснить феномен Высоцкого контекстом эпохи: мол, он пел о том, о чем было не принято говорить вслух. Но если внимательно вслушаться и вдуматься, окажется, что в его песнях нет не то что политической крамолы, но даже и «фиги в кармане» в отличие от тех же интеллигентных бардов (Галич, Окуджава, Дольский). Нет и упадничества, пессимизма — в отличие от молодых тогда рокеров (Андрей Макаревич, Константин Никольский)».

Утверждения, конечно, не бесспорные. В отношении же написанного о «фигах» Высоцкого и пессимизме в раннем творчестве Макаревича — все это подходит на размышления Федора Раззакова и Ко.

Первый сольный альбом Андрей Макаревич записывает в 1985 году, через три года он вышел на пластинке, выпущенной Всесоюзной студией грамзаписи «Мелодия».

На пластинке среди прочих есть песня «Памяти Высоцкого». На мой взгляд, это — одно из лучших песенных посвящений поэту, созданных более чем за тридцать лет, прошедших со дня его ухода из жизни (к таковым также можно отнести посвящения Высоцкому Градского и Лозы).

Автору посчастливилось услышать песню «Памяти Высоцкого» на сольном концерте Андрея Макаревича в Краснодаре в июле 1993 года. Ощущения от прослушивания песни живую просто непередаваемые! Она «еще больше воздействует на слушателя, что называется — «цепляет», чем когда слушаешь ее на магнитофоне или с пластинки». Даже рок-критики высоко ценят песню «Памяти Высоцкого»: «Макаревичу принадлежат очень удачные строки, несомненные свидетельства поэтической одаренности (посвящения Галичу и Высоцкому)».

Я разбил об асфальт расписные стеклянные детские замки,
Стала тверже рука, и изысканней слог, и уверенней шаг.
Только что-то не так, если страшно молчит,
растерявшись, толпа у Таганки,
Если столько цветов, бесполезных цветов в бесполезных руках...

И тогда я решил убежать, обмануть, обвести обнаглевшее время —
Я явился тайком в те места, куда вход для меня запрещен.
Я стучался в свой дом, в дом,
где я лишь вчера до звонка доставал еле-еле
И дурманил меня сладкий запах забытых, ушедших времен.

И казалось, вот-вот заскрипят и откроются мертвые двери,
Я войду во «вчера», я вернусь, словно с дальнего фронта, домой,
Я им все расскажу, расскажу все, что будет,
и может быть, кто-то поверит...
И удастся тогда хоть немного свернуть,
хоть немного пройти стороной.

И никто не открыл, ни души в заколоченном, брошенном доме...
Я не мог отойти и стоял, как в больном, затянувшемся сне.
Это злая судьба, если кто-то опять не допел, и кого-то хоронят!
Это время ушло, и ушло навсегда, и случайно вернулось ко мне.

Андрей Макаревич прекрасно исполняет песни не только собственного сочинения, но и песни Владимира Высоцкого. В 1998 году, 24 января, на гала-концерте в московском спорт-комплексе «Олимпийский» в рамках празднования 60-летия поэта «машинист» исполнил под гитару песню Владимира Семеновича «Здесь лапы у елей дрожат на весу...»

А в январе 2007 года, на вечере, приуроченном к 69-й годовщине со дня рождения Высоцкого, Андрей Макаревич блеснул под аккомпанемент оркестра исполнением «Песни об обиженном времени» — из дискоспектакля «Алиса в стране чудес» (1976 год).

Кстати, на подобных мероприятиях, посвященных памяти поэта, Макаревич — гость не частый. До этих концертов Андрей Вадимович лишь однажды был «засвечен» на походе. Сие случилось 22 июля 1996 года — в стенах Государственного культурного центра-музея поэта открылась постоянная выставка «Владимир Высоцкий: 1938 — 1980».

Затем состоялся концерт. На сколоченную накануне эстраду поочередно поднимались люди, составляющие цвет и гордость российской культуры: Алексей Петренко и Михаил

Козаков, Аркадий Вайнер и Андрей Вознесенский, Алексей Козлов и ведущий концерта Валерий Золотухин. Выступил и наш герой, Андрей Макаревич. Исполнил песню, посвященную памяти Владимира Семеновича Высоцкого.

Через десять лет, 25 июля 2006 года, по традиции, на Петровском бульваре у памятника Владимиру Высоцкому, соби­рались многочислен­ные почитатели таланта, а также известные актеры театра, кино, поэты, певцы и композиторы. К памятнику пришли Борис Хмельницкий, Никита Высоцкий, Олег Марусев, Иосиф Кобзон, Александр Панкатов-Черный, Дмитрий Харатьян, Никита Джигурда, Андрей Макаревич, Петр Тодоровский, Владимир Пресняков, Ольга Остроумова, Александр Филиппенко, Андрей Вознесенский, Леонид Ярмольник, Олег Газманов, Виктор Мережко, Александр Митта, Валерий Сюткин, Александр Журбин, Максим Дунаевский и многие, многие другие, для которых память о Владимире Высоцком дорога и близка.

В начале 2008 года, в канун 70-летнего юбилея поэта, журналисты провели своеобразный опрос. Они задавали известным людям всего один короткий вопрос: «Что для вас Таганка?» Андрей Вадимович попал в число респондентов и его ответ был таким: «Это было здорово само по себе — замечательный режиссер, замечательные актеры, но главным было другое. В семидесятые это оказалось очень важно для меня — таганковцы идут в том направлении, делают то, что хотелось бы мне. Таких островков в Москве было несколько — барды, художники на Малой Грузинской, Театр на Таганке. Эти люди говорили в глаза совку, что они о нем думают, причем средствами искусства. Мне кажется, мы с «Машиной времени» занимались тем же, и само это ощущение меня здорово поддерживало. На Таганку попасть было невозможно, но я находил способы, пробирался, стоял на балконе...»

20 апреля 2009 года на Первом канале в эфир вышел очередной выпуск программы «Познер». В тот вечер в гостях у Владимира Владимировича был Андрей Макаревич. В интервью тележурналисту, умышленно задавшему музыканту провокационный вопрос об участии рок-музыки в разрушении советского строя, «машинист» повторил свои слова, сказанные им в канун 70-летнего юбилея Владимира Высоцкого...

В. ПОЗНЕР: Значит, Вы согласны с тем тезисом, что хоть в какой-то степени, но «Beatles» сыграли роль в развале?

А. МАКАРЕВИЧ: Колоссальную.

В. ПОЗНЕР: А вы?

А. МАКАРЕВИЧ: Наверное, и мы.

В. ПОЗНЕР: А Булат?

А. МАКАРЕВИЧ: Безусловно.

В. ПОЗНЕР: Высоцкий?

А. МАКАРЕВИЧ: Безусловно. И Высоцкий, и Галич.

В. ПОЗНЕР: Значит, песня, хотите вы того или нет, или определенный жанр песни — это политическая штука?

А. МАКАРЕВИЧ: Это ее побочное действие. Мы не писали песни с целью разрушить Советский Союз — мы меньше всего об этом думали.

В. ПОЗНЕР: Я не сомневаюсь...

В ответах Макаревича много неправды... Как раз-таки Андрей Вадимович со товарищи был не «разрушителем» Советской власти, а ее «обслугой» и всегда работал на Систему. Чем продолжает успешно заниматься по сей день — только Система ныне другая!

...В начале 2010 года на экраны вышел фильм Гарика Сукачева «Дети Солнца», снятый по сценарию Ивана Охлобыстина. Картина повествует о жизни хиппи в СССР в конце 1960-х — начале 1970-х годов. В ней, помимо главных героев, живущих в Москве, фоном показан квартирный концерт Владимира Высоцкого и подпольное выступление «Машины времени».

Роль молодого рок-музыканта Андрея Макаревича сыграл его сын Иван, а в роли Владимира Высоцкого снялся режиссер картины Гарик Сукачев.

Весной 2011 года «машинист», не забывая о своих кулинарных увлечениях, выпустил очередную книгу по этой теме — «Наше вкусное кино с Андреем Макаревичем». В этой совершенно необычной поваренной книге читатель найдет рецепты наших национальных киноблюдов — тех, которые готовили, ели или просто упоминали герои отечественных культовых фильмов. Среди таковых оказалась пятисерийная картина Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким в главной роли. Комментируя рецепт «супчика с поторошками», о котором так мечтал муровец Глеб Жеглов, гениально сыгранный Высоцким в сериале, Андрей Макаревич, в частности пишет: «Забавный рецепт. Скорее всего, одесский. Нигде не упоминает Жеглов о своей, скажем, юности? Вроде, нет. Зато вот к братьям Вайнерам, сочинившим Жеглова, это относится в полной мере. Так что по поводу супчика голосом героя говорит автор. Хотя, с другой стороны, автор постоянно говорит голосом героя — то одного, то другого...

Итак, супчик. Бульончик горячий, потрошки... Может, именно эта красочка придает данному супу неповторимость и заставляет Жеглова тосковать именно по нему, а не по банальным щам, как Шарапова?

Вообще рецепт супчика (как все местечковые еврейские рецепты) — от бедности. Куриные потроха и шейки стоили копейки — не то, что сама курица. Что там еще: картошка, лук, соленые огурцы? Еще три копейки. А в результате может получиться деликатнейшая штучка...» И прочие эпитеты...

Не пытаясь спорить с Андреем Макаревичем в кулинарных вопросах, все-таки поправить его следует. Но — в ином. Одесса возникла в сознании кулинара оттого, что фильм свой режиссер Говорухин снимал на Одесской киностудии и частично — в самом веселом Городе у моря. Все остальное — герои в картине, события, в ней показанные, да сами авторы ее сценария — все — московское! Так что «еврейская тема» здесь — отнюдь не местечково-кулинарная, а касательная национальности людей, упоминаемых автором в книге (впрочем, как и самого ее автора).

В подтверждение этому — следующая новость...

В августе 2011 года средства массовой информации заперстрили сообщениями: «Андрей Макаревич «споеет» на иврите». «Андрей Макаревич и «израильский голос» Владимира Высоцкого записывают совместный альбом. Песни лидера «Машины времени» зазвучат на иврите».

Через время появилась более подробная информация: «В скором времени Андрею Макаревичу предстоит услышать, как звучат его песни на иврите. Как сообщает российский сайт Station.ru, песни лидера «Машины времени» исполняет израильский исполнитель Михаил Голдовский. Сам Макаревич участвует в работе как музыкант и саундпродюсер. Работа над альбомом проходит в Москве.

Ни название, ни трек-лист будущего диска пока неизвестны. Выход альбома в Израиле запланирован на осень 2012 года. Будет ли альбом выпускаться в России, пока не решено.

Station.ru сообщает, что самой известной работой Голдовского является диск с записью ивритоязычных версий песен Владимира Высоцкого. Кстати, в работе над каверами Высоцкого Михаилу помогал Максим Леонидов (группа «Секрет»), в те дни тоже живший в Израиле.

Андрей Макаревич заявил в интервью сайту: «Я всегда думал, что Высоцкий в чужом исполнении в принципе не может

звучать. Тем более — на другом языке. Но работа Голдовского мне показалась неожиданно убедительной. И когда он предложил записать альбом с моими песнями — мне показалось, что это может быть интересно. Хотя пока о результате рассказывать рано — будет готова работа, тогда и поговорим».

Что же — поклонникам творчества Андрея Вадимовича и «Машины времени» остается ждать. Как говорится, поживем — услышим!

1 декабря 2011 года Макаревич вместе с сыном Иваном побывал на премьере еще не успевшего выйти, но уже достаточно на шумевшего фильма режиссера Петра Буслова о поэте. Газеты писали: «На премьерный показ широко разрекламированного фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой» собралась чуть ли не вся столичная богема. Создатели картины закатали целое представление — с декорациями, советской атрибутикой, петушиными боями и узбекским пловом.

После просмотра картины Андрей Вадимович поделился с журналистами своим мнением об увиденном: «Качественная работа. Необычное ощущение от главного героя — сходства добились невероятного. Нам с сыном понравилось». Высказавшись о фильме, Макаревич разоткровенничался и поведал: «Я тут недавно неожиданно понял, что знаю все его песни наизусть, хотя никогда специально их не заучивал. Жаль, что так и не довелось познакомиться с Владимиром Семеновичем лично. Пару раз мы выступали на общих концертах, но мне, начинающему артисту, разумеется, было неловко тогда подойти к великому Высоцкому...»

Константин Эрнст, гендиректор Первого канала, продюсер фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой» и друг Андрея Вадимовича, добавляет: «После премьеры Андрей Макаревич сказал потрясающую фразу: «Так странно! На экране Максик Леонидов, Ваня Ургант и Высоцкий». Для меня это была лучшая рецензия».

«Жаль, что так и не довелось познакомиться с Владимиром Семеновичем лично!», — уже не в первом интервью сокрушается музыкант. Похоже, это самое сожаление с годами будет все больше дозветь на Андрея Вадимовича Макаревича...

25 января 2008 года в студию русской службы радио «Свобода» приехал Андрей Вадимович Макаревич, чтобы в день юбилея великого барда и поэта высказать свое мнение о его творчестве и порассуждать о «феномене Высоцкого». Вот запись его интервью.

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ: «ЧИТАЕШЬ ГЛАЗАМИ ЕГО ПЕСНИ —
И ВСЕ РАВНО СЛЫШИШЬ ЕГО ГОЛОС».

Беседу ведет Владимир Бабурин.

25 января — день 70-летия Владимира Высоцкого. Рок-музыкант Андрей Макаревич говорит о великом артисте: « Он замечательно пел, и он был фантастический мелодист, между прочим, что мало кто отмечает. Потому что на четыре аккорда, которые он знал, сочинить такое количество мелодий — это здорово».

В. Б.: Вы знаете, честно говоря, я с некоторым испугом ждал юбилея Владимира Высоцкого, потому что за те почти 28 лет, которые прошли со дня его смерти, столько было уже сказано, что я очень боюсь, что будет сказано много лишнего. И, к сожалению, так оно, кажется, и происходит. Вам так не кажется?

А. М.: Кажется.

В. Б.: Почему?

А. М.: Потому что, во-первых, все, что можно было сказать, уже сказали несколько раз. Во-вторых, такая вещь, как элементарное чувство такта, сегодня, мягко говоря, немодно. Сегодня должно быть обязательно с легкой «желтизной» и со скандальчиком, потому что иначе вообще никто смотреть и слушать не будет. Это становится нормой. И как бы мне это не было противно, мне только остается руками разводиться.

В. Б.: Выросло уже несколько поколений без Высоцкого. Вот как ваши дети Высоцкого воспринимают? И воспринимают ли вообще?

А. М.: У детей большая разница в возрасте. Старшая знает и любит. Средний знает, но мне кажется, что песенная составляющая ему не очень интересна, а актерская ему нравится, потому что он сам актер. Младшая еще не знает ничего, потому что ей 7 лет.

В. Б.: Высоцкий всегда стоял достаточным особняком. Первые попытки петь его были в 1980 году, после его смерти, и я практически не знаю ни одной удачной. Как вы думаете, почему?

А. М.: А потому что этого не надо делать. Высоцкий был замечательным актером именно в песенном исполнительстве. И это так же глупо, как мы сейчас устроим, скажем, ежегодный фестиваль памяти Лоуренса Оливье, и все будут пытаться играть Гамлета как он. Вот получится такой же идиотизм совершенно. Мне очень не нравятся эти попытки этих концертов,

потому что люди пытаются либо орать и хрипеть, как он это делал, только у него это получалось лучше, либо уже черт знает вообще что такое. Он нам дорог исполнением своим, и я думаю, что очень большой процент его успеха — это его исполнение. Вот читаешь глазами его песни — и все равно слышишь его голос. А человек, который никогда не слышал, как он поет, — у меня был такой опыт, я показывал в Америке одному парню, — он сказал: «Ну, корявые стишки довольно, любовые такие».

В. Б.: Вы мне напомнили один разговор с Виктором Славкиным, который, в свою очередь, пересказывал нам разговор с кем-то из ваших коллег рок-музыкантов, только несколько более молодых, и он спросил, как они относятся к Высоцкому. И говорят: «Нет, конечно, хорошо мы к нему относимся, он где-то наш учитель. Только одно непонятно: а что он так орет?» И вот Славкин говорит: «Я не нашелся, что ответить».

А. М.: Нет, он замечательно пел, и он был фантастический мелодист, между прочим, что мало кто отмечает. Потому что на четыре аккорда, которые он знал, сочинить такое количество мелодий — это здорово.

А теперь дадим возможность читателю ознакомиться со статьей, а точнее — открытым письмом бывшего советского, а ныне — американского журналиста, проживающего в Нью-Йорке, Яна Майзельса. Опубликовано оно в конце 1994 года в русскоязычной американской газете «Новое русское слово». О причинах, побудивших Майзельса написать письмо в газету, читатель узнает, ознакомившись с его содержанием. Как и убедится в абсолютной правоте этого поступка журналиста.

«МАКАРЕВИЧ — ЕЩЕ НЕ ВЫСОЦКИЙ»

В редакцию «Нового русского слова»

«Мне уже приходилось обращаться в «НРС» по поводу некоторых искажений в понимании творчества В. Высоцкого. Но там разговор был о нюансах, а сейчас я бы хотел высказаться по поводу более явного недомыслия. Конкретно, я имею в виду В. Ярмолинца, который порой утрачивает свое художественное чутье в погоне за журналистскими эффектами.

В статье об Андрее Макаревиче («НРС», 8 ноября 1994 г.) В. Ярмолинец, упоминая его «совершенно фельетонного свойства песенки о Жириновском...», пишет далее: «Конкретность и узнаваемость образов, блестящее умение играть сравнениями в этих песнях ставят Макаревича в один ряд с Высоцким:

А с населением разговор короткий:
Мы их расположение вернем,
Когда затопим их рублевой водкой
И сверху Кашпировским полирнем.

Я совершенно не остерегаюсь сравнивать Макаревича с Высоцким, поскольку оба прочно вошли в массовое сознание своих поколений».

Не буду спорить с самим фактом такого вхождения, однако его качество, а, точнее, тип все же различны. Я не настолько знаком с текстами песен Макаревича, чтобы их огульно недооценивать, но, исходя из того, что вышеприведенный текст послужил для сопоставления обоих авторов, то, он, видимо, для Ярмолинца показателен. В таком случае я просто не могу не возмутиться: позвольте, это же уровень самого заурядного куплетиста, каких тьма-тьмуца! Это текст для капустника, коему далеко до уровня рядовой авторской песни, а об уровне песен Высоцкого и говорить нечего.

Говоря о поверхностном подходе Ярмолинца, я предполагаю, что, возможно, ассоциацию с Высоцким вызвала у него ритмическая близость названной песенки с одной из забавных, но не очень значительных песен Высоцкого, написанной в виде монолога арестованного за мелкое хулиганство алкоголика:

Я вам, ребята, на мозги не капаю,
Но вот он, перегиб и парадокс:
Кого-то выбирают римским папою,
Кого-то запирают в тесный бокс.

В этой непритязательной, хотя и достаточно остроумной песенке, излюбленное Высоцким единение «высокого с низким», действительно носит упрощенно-фельетонную форму:

Церковники хлебальники разинули,
Замешкался маленько Ватикан,
Мы тут им папу римского подкинули —
Из наших, из поляков, из славян.

При власти, при деньгах ли, при короне ли —
Судьба людей швыряет как котят.
Но как мы место шаха проворонили?!
Нам этого потомки не простят.

Любой мало-мальски разбирающийся в стихах человек даже и здесь заметит безусловное превосходство Высоцкого. Но я умышленно отметил: «в стихах», а не: «поэзии». И здесь, и там перед нами, конечно, не поэтические шедевры, так что, если бы творчество Высоцкого этим уровнем и ограничивалось, то я бы против Ярмолинца ничего не имел. Но такого рода песни (в том числе и гораздо более сильные: «Смотрины», «Антисемиты», «Мишка Шифман», «Товарищи ученые», «Бермудский треугольник», «Милицейский протокол», «Про речку Вачу», «На Шереметьево» и т. п.) — всего лишь одна из множества граней многотемного, многообразного и многожанрового творчества Владимира Высоцкого. Есть у него такие песенные шедевры, которые выделяют его даже из ряда высших поэтических величин, а если говорить о бардах, то это ряд бесспорный: Высоцкий, Галич, Окуджава (можно спорить лишь о месте в этом высоком ряду). Например, «великой песней и великой поэзией» назвал Андрей Вознесенский песню «Кони привередливые», а известный литературный критик Юрий Корякин заметил: «Даже одна его песня «Мы возвращаем Землю» салюта воинского достойна».

И это совсем не исключительные примеры, а некая цельность, которой трудно найти аналог даже в великой русской поэзии (один из критиков определил это так: «Если Пушкин — великий причал русского языка, то Высоцкий — это корабль, который оттолкнулся от этого причала и поплыл дальше»).

Такая цельность и значимость Высоцкого позволила назвать его не просто поэтом или бардом, а явлением (поэт Р. Рождественский, философ Вал. Толстых). «Явление Владимира Высоцкого» — феномен чисто российский, а возможно даже — и чисто русский, когда в соответствии с формулой Евтущенко, поэт выходит за собственные поэтические границы, становясь трибуном, пророком, властителем дум... Критерий же просто популярности и принадлежности к массовому сознанию есть критерий для западного обывателя, избалованного идейной всеядностью и вседозволенностью, не знающей всей остроты хождения без страховки по тонкому шнуру (песня «Канатоходец»). Но это, может быть, я уже высоко взобрался, отклоняясь от темы, хотя, впрочем, и на бытовых «низинах» уровень Владимира Высоцкого доступен очень немногим:

Там, за стеной, за стеночкой,
За перегородочкой,
Соседушка с соседочкою
Баловались водочкой.

Все жили вровень, скромно так, —
Система коридорная,
На 38 комнаток —
Всего одна уборная.

Здесь зуб на зуб не попадал,
Не грела телогреечка,
Здесь я доподлинно узнал,
Почем она, копеечка...

Мне кажется, что двух-трех запавших в народную душу (а не только в сознание) стихов или песен достаточно, чтобы обессмертить их создателя. А у Высоцкого таких песен — десятки: «Охота на волков», «Банька по-белому», «Братские могилы», «Штрафные батальоны», «Песня о Земле», «Песня о друге», «Песня о горах», «Сыновья уходят в бой», «Он вчера не вернулся из боя», «Як-истребитель», «SOS», «Парус», «Купола», «Как по Волге-матушке», «Человек за бортом», «Райские яблоки», «Чужая колея», «Товарищи ученые»... В. Тростников как-то написал: «А у нас был Высоцкий». Остальное — комментарии...

И уж в самом завершении главы — любопытный материал белорусской журналистки Валентины Козлович, опубликованный в республиканской прессе летом 2010 года и озаглавленный так: «Прадеды Владимира Высоцкого и Андрея Макаревича жили по соседству».

«ВЫСОЦКИЕ ИЗ СЕЛЬЦА»

«Интернет шумит, что в августе в Бресте опять будет сниматься кино (в минувшем году здешний мемориальный комплекс стал съемочной площадкой для патриотической драмы «Брестская крепость»). На сей раз главный герой — Владимир Высоцкий. Автор сценария — его сын Никита. Воспоминания Никиты Владимировича легли в основу сюжета, описывающего события 1979 года, когда его отец гастролировал по Узбекистану. Авторы фильма (режиссер «Бумера» Петр Буслов, оператор — Андрей Гринякин) намерены рассказать об одной неделе из жизни барда и поэта. Для Владимира Высоцкого это был сложный период. Тогда на концерте в Бухаре ровно за год до смерти он уже умирал, пережив клиническую смерть...

Планируется, что в Бресте съемочная группа будет работать в аэропорту (правда, в Брестском филиале предприятия

«Белаэронавигация» утверждают, что договор об аренде не составляли, так как никто пока не обращался. — В. К.). Здесь воссоздадут моменты прибытия в Узбекистан самолета с Высоцким на борту. Ориентировочная дата начала работы киногруппы — вторая половина августа. Съемки планируется провести в течение двух недель, и брестчан, скорее всего, пригласят поучаствовать в массовке. Ожидается, что картина выйдет на экраны в 2011 году — к годовщине смерти поэта.

Почему для съемок некоторых эпизодов выбран Брест? Официально об этом — никакой информации. Смеею предположить, что одна из причин — доступность аэропорта, который не задействован на всю мощность, и есть возможность «сдать» его киношникам по приемлемой для них стоимости. Вторая причина уводит к предкам Высоцкого. Брест для них не чужой город, Высоцкие родом с земель, которые нынче входят в состав Брестской области.

— Высоцкие являются выходцами из местечка Селец Пружанского уезда Гродненской губернии (сейчас — Березовский район, а первое упоминание о Сельце относится к 1397 году. — В. К.), — не сомневается березовский краевед и журналист Николай Синкевич, предоставивший интересные материалы.

Мещанин Шлиом — прадед Владимира Высоцкого — в конце XIX века перебрался из Сельца в местечко Высокое под Брестом. Некоторые исследователи уверены, что именно там он стал Высоцким. Однако не все.

— Мы в корне не согласны, что эту фамилию получил именно Шлиом или даже его отец Герш. Не согласны по той причине, что есть источники, в которых еще в 1837 году упоминается Высоцкий Лейба как кандидат в раввины от Пружанского уезда местечка Селец. Вполне возможно, что этот Лейба являлся предком поэта или родственником его предков, — на сей счет Николай Синкевич имеет одну точку зрения с киевским исследователем родословной барда и поэта Вадимом Ткаченко, с которым сотрудничает.

Шлиом (позже взял имя Семен) Высоцкий некоторое время преподавал в Брест-Литовске русский язык. Здесь в 1889 году у него родился сын Вольф (Владимир) Высоцкий. В 1914 году Высоцкие переехали в Украину. В 1916 году в Киеве у Вольфа родился сын, которого он назвал Семеном, это и есть отец Владимира Высоцкого...

Более 30 улиц, в том числе в Болгарии и Германии, названы в честь Владимира Высоцкого. На Брестчине — ни одной. Правда, некоторые удивляются, узнав, что центральная ули-

ца в деревне Горск Березовского района носит имя Высоцкого. Однако нет, не Владимира, а Ивана Семеновича — красноармейца, погибшего в 1944 году при освобождении белорусской деревни.

«МАКАРЕВИЧИ ИЗ ПАВЛОВИЧЕЙ»

Удивительно, но родословная еще одного известного россиянина — рок-музыканта Андрея Макаревича — берет начало из того же Березовского района: деревень Павловичи и Первомайская (до 1964 г. — деревня Блудень и станция Погидино), от которых по прямой до Сельца — рукой подать.

И если кинематографисты пока не интересовались уходящими в нынешние белорусские земли корнями Владимира Высоцкого, то телевизионщики минувшей весной уже сняли передачу о родословной Андрея Макаревича. Краевед Николай Синкевич им помогал. У Николая оказалась масса уникальной информации о Макаревичах и Уссаковских, которую он собрал во время работы над журналом «Гістарычная брама». Синкевич рассказал, как проходили съемки:

— Вначале авторы передачи обратились в гродненский архив, который составил ветвь родового древа Макаревичи — Уссаковские. Затем они связались со мной, их интересовали дополнительная информация и помощь в организации съемок. Макаревич приехал поездом Москва — Брест. Здравуюсь, представляюсь. По сценарию я — проводник Макаревича по местам жизни его предков, а это Павловичи, Малеч, Кабаки и Первомайская. Едем, беседуем. Андрей Вадимович задает вопросы, я отвечаю. Музыкант удивляется, какие у нас, в Беларуси, аккуратные населенные пункты...

Дед Андрея Макаревича — Григорий Андреевич Макаревич — родился в Павловичах в 1886 году. Прадеды его тоже жили в этой деревне (кстати, и сейчас в Павловичах почти все носят фамилию Макаревич. — В. К.)

После общения с жителями Павловичей Николай сопровождал Андрея Макаревича в соседнюю деревню Малеч — в церковь. Следующая остановка — деревня Первомайская, в прошлом Блудень. В 1901 году здесь состоялось торжественное освящение Петропавловской железнодорожной церкви, настоятелем которой и заведующим церковноприходской школой был священник Антоний Уссаковский — еще один прадед Андрея Макаревича (Уссаковские относятся к старинному шляхетскому роду герба «Сас». — В. К.). Позже в Блуде-

не работал учителем Григорий Андреевич Макаревич, здесь он встретил Лидию Уссаковскую. В 1924 году в Москве у Григория и Лидии Макаревичей, которые поженились, уехав из Блуденя, родился сын Вадим — отец лидера «Машины времени». В жены Вадим Макаревич взял Нину Шмуйлович — она родом с Витебщины, и в 1953 году у них родился Андрей...

— Кем вы себя ощущаете — россиянином или белорусом, после того как немало узнали о своих корнях? — поинтересовался Николай Синкевич у Андрея Макаревича по дороге на вокзал.

Он ответил:

— Сложно сказать. А чем мы вообще отличаемся?..»

АРКАДИЙ СЕВЕРНЫЙ

...Об этом человеке ходило и ходит множество легенд. Его голос, звучавший с затертых магнитофонных лент, в 70-х годах знали почти все в той стране, которой уже нет, в стране, в которой он и мы жили...

Удивительная судьба! Артист, который имел бы все основания быть и стать народным, таковым назывался; а все потому, что его слушал весь народ: от алкаша у пивнушки до чинуш в высоких и мягких партийных креслах. Аркадий Северный за всю свою жизнь ни разу не выступил с официальным, а не подпольным концертом. Ни одной грампластинки при жизни! Для советской официальной культуры певца Северного просто не существовало. Недаром документальный фильм об Аркадии назвали метко: «Человек, которого не было».

Он прожил короткую жизнь, оставив после себя лишь дочь и километры фонограмм. Он — пел. Он мог быть очень разным в песнях: то нарочито грубым, то насмешливым, то залихватски бесшабашным, то тихим и лиричным. Но всегда — был искренним и честным. Перед собой и своим слушателем...

Аркадий Дмитриевич Звездин (Северный — его творческий псевдоним) (1939 — 1980) — король русской подпольной песни, выдающийся исполнитель городского романса и блатного фольклора. Талантливый самородок, никогда не учившийся пению, обладавший от природы поставленным голосом и взрывоподобным цыганским темпераментом.

Известное на сегодняшний день творческое наследие Аркадия Северного — это более 200 часов магнитофонных записей — песен, монологов, рассказов и анекдотов. Часть из этого издана на пластинках, кассетах и компакт-дисках. Всего же певец напел более 80 магнитоальбомов.

В репертуаре певца — страшно сказать! — около тысячи песен! Сам Аркадий не писал ни стихов, ни музыки. «Пел практически все, что ему приносили: Высоцкого и Дольского, Вертинского и Галича, стихи Есенина и Саша Черного, а также сочинения невысокого уровня неизвестных авторов», — со-

общает в книге «Аркадий Северный. Две грани одной жизни» ее автор Михаил Шелег, написавший удивительную и живую историю жизни и творчества короля городского романса.

О разнообразии песенного репертуара Северного пишет и исследователь творчества Аркадия Дмитриевича Сергея Лакно, один из создателей Интернет-сайта «Аркадий Северный: песни, судьба, диски»: «Песни пел разные: от старой блатной «одесской» классики до романсов. В его репертуаре были песни Сергея Есенина, Юза Алешковского, Александра Галича, Владимира Высоцкого, Глеба Горбовского, Рудольфа Фукса, Владимира Шандрикова, Анатолия Писарева и, конечно, Владимира Раменского».

К 1963 году относятся первые магнитофонные записи Аркадия Северного, сообщает в той же книге о певце Михаил Шелег. Северный на этих пленках исполняет преимущественно старые блатные песни и романсы, аккомпанируя себе на гитаре.

Вот тут самое время провести, что называется, параллель — не только между творчеством двух исполнителей, Аркадия Северного и Владимира Высоцкого, но и между их судьбами. А они ой как роднятся!

Автор попытался сделать это в давней статье о жизни и творчестве Северного: «Еще при жизни имя Аркадия стояло в одном ряду с именем другого опального барда — Владимира Высоцкого. Как удивительно схожи их судьбы: почти ровесники (год разницы), они и ушли один за другим... Страницы биографии исполнителей, в том числе и творческие, — тоже одинаковы: с одной стороны — слава, популярность, востребованность творчества, друзья, поклонники и женщины, а с другой — запреты выступлений, чиновничий беспредел, изломы судьбы, алкоголь, болезнь и ранняя гибель... Но особенно похожи Северный и Высоцкий в Главном — в том, чему отдали себя и свою душу без остатка, истратили себя до сердца, — в Песне...»

Вторит автору и популярный исполнитель шансона Анатолий Полотно, выпустивший, кстати, к 70-летию Аркадия Северного альбом песен из репертуара последнего. В предисловии к альбому Анатолий пишет: «Что же касается Аркадия Дмитриевича Северного — это Божье провидение! Так выразительно и просто от лица народа приговор власть имущим лицемерам не выносил еще никто до него, даже Владимир Семенович Высоцкий, который, безусловно, тоже посланник Небес, и с которым Аркадий был абсолютно равен по популярности у людей — я-то помню! И жизни им отмеряно было

поровну, почти в один год родились и умерли в один год (1938 — 1980 — В. С. Высоцкий, 1939 — 1980 — А. Д. Северный). И горя хапнули оба по полной, и жили без оглядки с неистовой самоотдачей. Их творческое наследие неизмеримо значимо для России, а безграничная любовь всенародная — это главная оценка, какая только возможна, трудов Аркадия Дмитриевича и Владимира Семеновича. Ну а наша память о них — лучший обелиск ушедшим...»

Итак, к 1963 году относятся, как мы знаем, первые магнитофонные записи Северного. Впервые записывает его пение на пленку некто Рудольф Фукс, коллекционер и меломан, с которым недавний выпускник Ленинградской Лесотехнической академии Аркаша Звездин познакомился годом ранее, в 62-м. Этому предприимчивому молодому ленинградцу приглянулись не только манера пения и голос ивановского самородка...

Уже знакомый нам исследователь жизни и творчества Аркадия Северного Сергей Лахно пишет: «По легенде, именно Высоцкий стал косвенной причиной превращения Аркадия Звездина, рядового сотрудника ленинградского «Экспортлеса» в певца подпольной песни Аркашу Северного. Рудольф Фукс (он же Рудольф Соловьев, он же Рувим Рублев) вспоминал, что ему было всегда немного обидно за родной Питер. Мол, в Москве вот есть Высоцкий, а в Питере нету. И Фуксу пришла в голову смелая мысль: «вырастить» в Ленинграде начала 70-х творческую фигуру, способную составить конкуренцию Высоцкому... Так ли было, или иначе — кто знает. Во всяком случае, Рудольф Израилевич утверждает, что задумка была именно такая. Но, конечно, сравнивать Высоцкого и Северного вообще-то нельзя. Это даже не разные «весовые категории». Это разные виды спорта. Кто «круче» — Виталий Кличко или Яна Клочкова? Конечно, если послушать раннее исполнение Высоцким «классических» блатных песен («На Колыме», «Приморили ВОХРы», «С Одесского кичмана», «Таганка» и др.), а затем те же песни, но уже под гитару Северного — общее найдется. Но Высоцкий — поэт, актер, а Северный — исполнитель. Разные люди. Разные художники. Хотя судьбы чем-то похожи».

Сам Рудольф Израилевич Фукс в недавно вышедшей книге воспоминаний «Песни на ребрах: Высоцкий, Северный, Пресли и другие» так объясняет свою «раскрутку» молодого самородка: «Всех заслонил могучий талант Владимира Высоцкого. Сложно сказать, как бы все обернулось, если бы не случайная встреча с Аркашей...

Было немножко обидно за Питер: не блистал у нас свой Высоцкий. И тогда мне казалось, что это вполне возможная вещь — вырастить на своей, питерской почве фигуру, способную соперничать с самим Высоцким.

Я имел в виду Аркадия. По своим чисто внешним проявлениям исполнительского таланта он если и уступал Володе, то не так уж много. Проигрывал он ему бесконечно в том, что сам не писал песен. Аркадий был великолепный исполнитель фольклорист, но не больше. И я подумал, что мы сможем восполнить этот пробел в Аркашиных способностях, если гуртом начнем сочинять для него песни, куплеты, шутки, концеранс и отдавать ему, чтобы он выдавал за свое, так сказать, творческое наследие».

Именно после этих, первых магнитофонных записей, у Аркадия Звездина появляется звучный псевдоним, под которым он стал и остался известен слушателям — Северный.

Тем временем Рудольф Фукс упорно занимается созданием «ленинградского Высоцкого» и записывает Аркадия на дефицитную тогда магнитофонную пленку. Репертуар певца в те годы — «каких-нибудь 30—40 песен, уложившихся в первые две-три магнитные ленты, которые сразу же завоевали большой успех среди любителей этого жанра. Они требовали все новых и новых песен, которые в его исполнении обретают новое, второе рождение, сразу же становились популярны», — вспоминал позже тот же Фукс.

Репертуар быстро истощался... Чем пополнять его сейчас? Уже перепеты Аркадием все песни из рукописных сборников Фукса... Это позже появится Раменский со своими стихами, начнет сочинять тексты сам Рудольф — их песни в исполнении Северного станут жемчужинами и классикой жанра! А сегодня поклонники и любители жанра ждут новых записей!

Немудрено, что, попав в такую «патовую» ситуацию, Аркадий Северный заинтересовался песнями Владимира Высоцкого и взял некоторые из них в свой репертуар. Естественно, как всегда бывает в таких случаях, — не получив согласия на то автора.

К середине 60-х годов Высоцкий был хотя и начинающим, но уже «широко известным в узких кругах» автором-исполнителем. Настоящая певческая слава придет к нему в 1967 году. Причин тому — три: первые сольные выступления в Ленинграде (в том числе и в КСП «Восток») и Куйбышеве, и, конечно же, — выход на экраны фильма Б. Дурова и Ст. Говорухина «Вертикаль» — с циклом включенных в него «альпинистских» песен молодого автора.

А 1964—1965 годах Владимир Высоцкий, если судить по сохранившимся магнитофонным записям тех лет, — автор двух десятков собственных песен, жанровых, стилизованных под блатные. В репертуаре исполнителя — тоже, преимущественно, старые классические блатные и уличные песни или песни других авторов. Но за какие-то год-два в сочинительском плане у Высоцкого происходит прорыв — он пишет антиказки, серии песен шуточных, а также на военную и спортивную тематику. Они пополняют его репертуар, и он практически отказывается от исполнения старого «блатняка» и чужих сочинений.

Конечно же, благодаря широкому распространению магнитофонов и магнитофонных записей, слава Высоцкого-исполнителя тоже достигает других городов и регионов страны. Несомненно, Аркадий Северный не мог не слышать о московском коллеге. И уж тем более — не знать и не слышать его песен, в скором времени зазвучавших практически из каждого окна!

В середине 60-х некоторые из них начинает все чаще исполнять Северный. Известно, что Высоцкий не любил, когда его песни поют другие певцы, тем более — без его ведома. Такие пленки — с исполнением его песен Аркадием — доходят до него.

Есть свидетельство ныне покойного самарца Георгия Внукова, познакомившегося с Владимиром Высоцким во время его знаменитых выступлений в Куйбышеве в 1967 году и подружившегося с поэтом. В одной из статей Внуков вспоминает о встрече с Высоцким, произошедшей осенью 1968 года в Москве, после спектакля Театра на Таганке: «Обращаюсь с просьбой:

— Володя, как же нам напеть песни «Второго фронта» — я и тексты привез — как договаривались?

Здесь я поясню читателю, что в одну из предыдущих встреч обещал мне Высоцкий напеть и записать на магнитофон песни «Второго фронта». Песни эти привозили моряки, сопровождавшие конвои в Мурманск, привозили с фронта солдаты действующей армии. Записаны эти песни были на «ребрах» — самодельных пластинках из рентгеновских пленок... В одну из встреч я договорился с Высоцким записать бобину избранных песен «Второго фронта». Он согласился: «Привози слова — напоем».

Я обратился к нему с предложением поехать либо в гостиницу «Украина», где я снимал полулюкс, либо на квартиру, что рядом с Таганкой. Везде нас с Володей ждали, тем более

он обещал. И там, и там приготовлены магнитофоны. Ребята ждали...

Но Владимир был явно не в духе, резок и груб, чего с ним раньше никогда не было.

— Никуда я не поеду! Хватит! Поеду к Никите Сергеевичу, пожалуюсь! Кто бы не спел — все Высоцкий. На Высоцкого все валят. Да и твои песни, как ты говоришь, «Второго фронта», уже поет какой-то мудака — Аркадий Северный. Хватит, отпелся Высоцкий — надоело! Нажалуюсь Никите Сергеевичу!

...Думаю, неужто и Хрущев стал другом Высоцкого? Но задать еще один вопрос я все же успел.

— Кто такой Северный? — спрашиваю.

— Я ж сказал — какой-то мудака где-то в Одессе или Питере поет блатные да дореволюционные песни и даже мои. Твои «Второго фронта» тоже поет, а приписывают все мне, и попадает за всех мне! Поеду к Хрущеву, нажалуюсь! С тобой встретимся в следующий раз. Извини, так получилось. До встречи!..»

Итак, Высоцкий в курсе, что его песни поет Северный; мало того — из его ответов Георгию Внукову можно понять, что он прослушал записи песен, и не только своих, в исполнении Аркадия. Ленинградский исполнитель становится невольным (а может быть — вольным?) виновником неприятностей Владимира Высоцкого, которому в те годы и так приходилось несладко — травля в прессе только чего стоит; крови и нервов попортила она поэту немало!

Дмитрий Петров и Игорь Ефимов, знатоки творчества Северного, авторы наиболее полной на сегодняшний день биографии исполнителя «Аркадий Северный, Советский Союз!», (к сожалению, до сих пор не изданной, прочитать ее можно только в Интернете) в беседе между собой также обсуждают воспоминания самарца Георгия Внукова.

«Д. Петров: «В 1995 году вышла книга Г. Внукова из Самары-Куйбышева «О жизни и звездах, о святом и вечном» (Библиотека «Ваганта», выпуски 49—51). Автор неоднократно встречался с Высоцким в различные годы, и в книге описаны их встречи и беседы... Во время одной из встреч Внуков предложил Высоцкому спеть фольклорные песни, а Владимир начал кричать, что (стр. 76—77) «никогда не буду петь чужих песен. Хватит того, что подделывают под меня, а мне все приписывают и припоминают. Надоело! Хрипят вот, как ты, а на Высоцкого лают». И далее: «...В Ленинграде или Одессе появился какой-то идиот Аркадий Северный. Поет мои песни, «шпанские одесские» и твои, кстати, морские, или как ты их там называешь.

Надо с ним разобраться, за всех я козел отпущения... В самом конце: «Встретиться в жизни им не довелось. По свидетельству очевидцев, Аркадий Северный очень любил Володю Высоцкого. Возможно, на том свете они как раз и дружат».

И. Ефимов: «У меня хранится беловая рукопись Внукова 1991 года. Там все описывается немного по-другому: «Четвертая встреча — ТЕРРОР — 1968 года»: «Он как воскликнет: «Никуда я не поеду! Хватит! Поеду к Никите Сергеевичу пожалуюсь!!!! Кто бы, где-то не спел — все Высоцкий и Высоцкий. Все валят на Высоцкого, всю грязь. Да и твои песни, как ты говоришь, Второго Фронта, уже поет какой-то МУДАК — Аркадий Северный. Хватит, отпелся Высоцкий, все на меня — НАДОЕЛО!!! Нажалуюсь Никите Сергеевичу!» ...Но все же я успел задать второй вопрос: «Володя, а кто такой Аркадий Северный, где он поет?» Высоцкий: «Я же сказал: какой-то МУДАК, где-то в Одессе или в Питере поет все блатные, дореволюционные, тюремные, лагерные, Одесские песни и даже мои, но все приписывают мне. Он же напел и все твои ВТОРОГО фронта, а мне за всех попадает. Поеду к Хрущеву — нажалуюсь!»

И далее: «Очевидно в тот вечер ОН получил от кого-то с одной из ЧЕТЫРЕХ площадей, хороший «втык», поэтому и выскочил из театра «ошпаренный». Поэтому и вырвался ЕГО гнев наружу, поэтому ОН и заорал — мудака (Аркадий Северный), СоВЕЙский человек и серятина, я и пр., о чем я писал выше... Теперь я верю, что ОН тогда поехал к Н. С. Хрущеву». А той концовки, что в книге, — нет...»

Как видно, публикации и рукопись воспоминаний Георгия Внукова о встречах с Владимиром Высоцким разнятся лишь в несущественных деталях. Например, в опубликованных в библиотеке «Ваганта» мемуарах редакция по цензурным соображениям заменила ругательное «мудака» на более дипломатичное «идиот», хотя эти оскорбления имеют абсолютно разные смысловые значения. А цитируемая нами независимая самарская газета «Третья сила» не испугалась опубликовать рукопись Георгия Внукова в первоначальном варианте...

Но это все, как говорится, — детали. Из воспоминаний самарского приятеля Высоцкого мы выносим одно: исполнители заочно знакомы, знают о существовании друг друга, но уже, так же заочно, находятся в состоянии конфликта. Перманентное его течение будет происходить до смерти Аркадия — он уйдет из жизни на три с небольшим месяца раньше Владимира Семеновича... Причем, зачинщиком и инициатором заочного спора и конфликта с Северным из-за того, что тот исполняет его песни, был именно Высоцкий.

К сожалению, на сегодняшний день еще далеко не все из творческого наследия Аркадия Северного издано. Особенно это касается его первых, ранних записей, поэтому пороку трудно судить, какие песни Владимира Высоцкого пел в середине 60-х годов ленинградский исполнитель. Но самое печальное — не все из спетого Аркадием и записанного на магнитную пленку сохранилось и дошло до наших дней.

По уточненным данным известно: за 17 лет творческой деятельности в репертуаре Аркадия Северного было не более 20 песен авторства Владимира Высоцкого.

Сергей Лахно пишет: «Северный много раз пел песни Высоцкого, обычно ранние песни из «блатного» цикла. «Билет до Монте-Карло» («Передо мной любой факир — ну просто карлик!...»), «Про Сережку Фомина», «Красное, зеленое...», «За меня невеста отрывает честно...», «Ты уехала на короткий срок...» («Бодайбо»). Позже спел «Разбойничью песню». Почти всегда Северный как-то переиначивал слова, что можно объяснить отчасти тем, что Высоцкий не печатался официально — слова записывались по расшифровкам концертных записей, часто плохого качества. А отчасти тем, что Северный почти никогда не репетировал и не делал дублей, пел прямо с листа. Так, в разбойничьей песне он поет: «Те не вошь, не плачь, а смейся...» (верно — «Ты не вой, не плачь, а смейся...»), а чуть раньше: «Он напиток зачерпнул полные пригоршни...» (у Высоцкого — «Он обиды зачерпнул полные пригоршни...»). Но Северный всегда с уважением относился как к песням Высоцкого, так и к нему самому (впрочем, до определенного времени). «Да пусть извинит меня Владимир Высоцкий — мне очень давно хотелось спеть «Разбойничью песню». Я ее буду петь, как я ее чувствую», — и он действительно пел по-своему, и не только потому, что менял слова...»

Попробуем выяснить, какие еще песни Высоцкого исполнял Аркадий Северный. Большая часть их — из тех двух десятков, что спета Северным, — записана на пленку в 70-е годы. Именно в это время певец записывает свои подпольные концерты преимущественно в сопровождении различных ансамблей. Прежде всего, это ленинградский ансамбль «Братья Жемчужные», ныне легендарный, созданный великим гитаристом и банджистом Николаем Резановым. С «Братьями» с марта 1975 года по февраль 1980-го Аркадий Северный записал шестнадцать концертов. Кроме «Жемчужных», Северный сотрудничал и записывал концерты с другими коллективами: одесским ансамблем «Черноморская чайка», тихорецким «Магаданские ребята», «Встреча» и «Казачок», ансамблями «Семафор»,

«Крестные отцы», «Химик», «Четыре брата и лопата», «Альбинос», «Аэлита», «Обертон», «Сброд», «Трезвость» и другими.

В аранжировках этих ансамблей и в исполнении Аркадия Северного песни Владимира Высоцкого приобретают свой неповторимый колорит и звучание. Прав Сергей Лахно — Северный исполняет преимущественно ранние песни Высоцкого, талантливо стилизованные автором под «блатные». Таковых у Владимира Семеновича было немало. Соответственно, и у Аркадия был выбор: он пел те песни Высоцкого, которые ему нравились, которые он чувствовал и считал «своими». Или те, которые на момент исполнения или записи их были созвучны его душевному настрою и настроению. И, как указывал тот же Сергей Лахно, Северный действительно «с уважением относился к песням Высоцкого». Почти всегда перед исполнением его той или иной песни, Аркадий произносил небольшую вступительную ремарку (часто — с присущим ему одесским юмором), извиняясь перед автором или рассказывая, почему его выбор пал именно на эту песню, которую он-таки сейчас исполнит...

Нужно согласиться с С. Лахно и в следующем: Аркадий Северный по возможности бережно относился к текстам Владимира Высоцкого — за редким исключением не менял и не убирал ни строк, ни куплетов песни, ни их очередности. Бывали случаи, когда исполняя ту или иную песню, Северный мог поменять отдельные слова в строчках или не произносил их вовсе — так ему слышалось, было удобнее петь... А иногда — забывал, например, или — просто не успевал произнести... Не секрет, что нередко Аркадий записывал концерты, будучи, мягко говоря, не в очень трезвом состоянии.

И еще одно маленькое отступление. Прежде чем более-менее регулярно начать записывать и исполнять песни Высоцкого, Аркадием Северным в начале 70-х годов при непосредственном участии Рудольфа Фукса подготовлена и записана программа (Фукс написал ее сценарий) — магнитоальбом, вышедший под названием «Музыкальный ответ В. Высоцкому». В нем Аркадий не исполнил ни одной песни московского коллеги, а запись полностью состояла из старых русских казачьих и блатных песен. Чем было обусловлено появление «Музыкального ответа» — не совсем ясно. Может, это «упрек» Владимиру Высоцкому за то, что он отошел от блатной тематики в своем творчестве? А может... Не будем гадать, но выход магнитоальбома Аркадия Северного остается фактом!

Итак, вот список (далеко неполный!) песен Высоцкого, исполненных Северным (после их названий — концерт, в ко-

тором они были исполнены, группа, аккомпанировавшая Аркадию, город, где писался магнитоальбом и год его записи):

«Мать моя — давай рыдать...» («Все позади — и КПЗ, и суд...») — «Аркадий Северный у Рудольфа Фукса». «О Севере дальнем», Ленинград, 1973-74; «Татуировка» и «Я был душой дурного общества...» — «Ранние песни Владимира Высоцкого» («Аркадий Северный у Рудольфа Фукса». «О стилигах»), Ленинград, 1973—74; (другое название магнитоальбома — «Сен Луи»); (в этом альбоме Северный исполнил всего две песни Высоцкого. Перед каждой он произносит преамбулу: «Эта лента напета без ведома Володи Высоцкого. Одна из первых вещей — «Татуировка»...» — перед исполнением первой песни, и: «Я всегда говорил, что был душой дурного общества...» — перед исполнением второй); «У меня гитара есть...» («Серебряные струны») — «Аркадий Северный у Рудольфа Фукса». «Кончен срок», Ленинград, 1975; «Мишка Шифман» — первый концерт с ансамблем «Альбиносы», Ленинград, ноябрь 1975 г.; «В зоосаде» («Бал-маскарад») — «Аркадий у Дмитрия Михайловича Калятина», Ленинград, 1975 ; «Я однажды гулял по столице...» («Грустный романс») — с ансамблем «Сброд», Ленинград, 1976 ; «Дамы, господа» («Куплеты Бенгальского») — «Первый Одесский концерт» с ансамблем «Братья Жемчужные»; «За меня невеста оторывает честно» — «Концерт с ансамблем «Черноморская чайка», Одесса, 1977 ; «Разбойничья» — «Концерт с ансамблем «Химик», Нарва, март 1978; «Передо мной любой факир — ну просто карлик!..» — альбом «Будет вам и небо голубое!» с ансамблем «Братья Жемчужные»; «Билет до Монте-Карло» («Передо мной любой факир — ну просто карлик!..») и «Про Сережку Фомина» — «Десятый юбилейный концерт» с ансамблем «Братья Жемчужные», Ленинград, 1979; «Магадан» («Мой друг уехал в Магадан...») — «Тихорецкий концерт» при участии ансамбля «Магаданские ребята», Тихорецк, 1979; (на этом концерте песню Владимира Высоцкого исполнил не Аркадий Северный, а руководитель и солист ансамбля Анатолий Мезенцев); «Про Сережку Фомина» — «Колода карт», концерт с ансамблем «Братья Жемчужные», Ленинград, 9 августа 1979; «Бодайбо» — «Соло для двух гитар» («Аркадий Северный у Генриха Сечкина»), Москва, 1980; «Бодайбо» и «Красное, зеленое, желтое, лиловое...» (в дуэте с Николаем Резановым) — «Домашний концерт», запись у Владимира Раменского, Ленинград, 5 марта 1980; «За меня маманя отольет все слезы...» (переделка А. Северным песни В. Высоцкого «За меня невеста оторывает честно...») — «Запись под гитару у А. П. Писарева», Москва, 3 апреля 1980 г.

О «Домашнем концерте», записанном на квартире автора многих песен из репертуара Аркадия Северного и его друга поэта Владимира Раменского, следует сказать особо... Так уж случилось, что записан он за месяц с небольшим до ухода из жизни Аркадия. После его ранней и неожиданной смерти «Домашний концерт» получил у коллекционеров другое, печальное название — он стал именоваться «Последним концертом»... Хотя, как уже понял читатель, после этой записи у Аркадия были и другие, и самая последняя — в Москве у А. Писарева — за девять дней до смерти певца...

Надо заметить, что почти все вышеперечисленные песни изданы на отдельных компакт-дисках и MP3-сборниках Аркадия Северного. Каждый CD представляет собой какой-либо отдельный концерт (альбом) певца (на MP3-сборниках альбомов всегда, как правило, несколько). Почти все записи для издания оригинальных дисков предоставлены Александром Фруминим — у него авторские права на песни в исполнении Аркадия. Одно время Саша был зятем Северного (правда, своего тестя он никогда живым не видел) — в 90-е годы Фрумин был женат на единственной дочери Аркадия Дмитриевича Наташе.

Что касается собрания альбомов Северного, изданных на MP3-дисках (одна из крупных антологий — 4 диска — издана фирмой «RMG records»), то в представленном издании все песни Высоцкого в исполнении Аркадия... убраны из предложенных в антологии альбомов! Каким-то чудом «проскочили» две песни — «За меня невеста отрыдает честно» и «Магадан» («Мой друг уехал в Магадан...») Кто и почему так подло поступил — остается загадкой... По всей вероятности, — это «работа» наследников В. С. Высоцкого и правообладателей его песен — во главе с сыном поэта Никитой.

На многочисленных Интернет-сайтах и Форумах, посвященных Аркадию Северному, поклонники творчества певца с уважением говорят и пишут об исполнении своим кумиром песен Владимира Семеновича.

...Жил в Одессе широко известный в кругах деятелей подпольной звукозаписи 70-х годов человек — Вадим Коцишевский. Он неоднократно записывал Аркадия Северного. Как-то ему в голову пришла безумная идея — «он решил организовать уникальную запись, собрав вместе Владимира Высоцкого, Аркадия Северного и Владимира Шандрикова, чьи имена на тот момент были самыми звездными на подпольной эстраде.

Однако с Высоцким договориться не удалось. Якобы Владимир Семенович запросил за запись несколько тысяч рублей, что было не по карману местным «писарям»...»

Исследователи жизни и творчества Аркадия Северного Игорь Ефимов и Дмитрий Петров (на страницах этой главы мы еще не раз встретим их имена) по поводу несостоявшегося «Одесского концерта» трех исполнителей пишут в книге «Аркадий Северный, Советский Союз!»: «Вадим Коцишевский в 1977 году решает собрать воедино самых на тот момент известных авторов и исполнителей, работавших в «блатном жанре» и записать их чуть ли не под симфонический оркестр! Планировались: Высоцкий, Северный и Шандриков, уже хорошо знакомый любителям жанра омский автор-исполнитель, начавший записываться еще на «химии» в 1972 году. Высоцкий не приехал, якобы не договорились, хотя вполне возможно, что это только в задумке было. А до реального приглашения дело так и не дошло. Во всяком случае, ни один из серьезных биографов и исследователей жизни и творчества Высоцкого о таком факте никогда не упоминает. И это сейчас, когда известен чуть ли не каждый шаг, сделанный Владимиром Семеновичем в тот или иной момент!

Но, как бы там ни было, визит Высоцкого не состоялся... А жаль! Дело, конечно, не в записи под ансамбль, — это было по тем временам уже не бог весть какое открытие. А вот встреча Северного и Высоцкого в рамках одного мероприятия могла бы быть очень интересна! Встреча артистов, творчество которых — два совершенно разных мира в нашей песенной культуре».

Собственно, ради встречи с Владимиром Высоцким и знакомства с ним из Сибири в Одессу соглашается лететь Владимир Шандриков. «В основном, я ехал из-за того, что должен был быть Высоцкий...», — вспоминал он позднее.

После всех перипетий, связанных с исполнением песен Высоцкого Северным, и исходя из вышеизложенного, возникают резонные вопросы: были ли знакомы певцы лично и встречался ли Аркадий Северный с Владимиром Высоцким?

Существует большое количество свидетельств, разного рода догадок и домыслов, подтверждающих версии как положительного, так и отрицательного ответа на поставленный вопрос.

Рассмотрим все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, хоть как-то проливающие свет на интересующую нас тему.

Уже известные читателю И. Ефимов и Д. Петров пишут: «Эта интересная тема началась с того, что Олег из Нижнего Новгорода прислал нам занятную байку. Назовем это пока что байкой, потому что речь идет о фонограмме Владимира Высоцкого, которая ни нам, ни знакомым знатокам творчества поэта не попадалась, — ни в записях, ни в опубликованных расшифровках фонограмм, ни цитатой в чьих-либо воспоминаниях... Правда, мы и не претендуем на всеобъемлющие познания в творческом наследии Высоцкого. Может быть, кто-то сейчас сразу вспомнит, и узнает эту фонограмму?»

«Лет 10—12 тому назад, когда еще не было практически никакой информации об А. Северном, один коллекционер-любитель из Иркутской области прислал письмо, где сообщил следующее: «В конце семидесятых у меня была фонограмма В. Высоцкого, концерт во МХАТе (она не сохранилась). На вопрос одного из слушателей, знаком ли В. Высоцкий с А. Северным, Владимир ответил: «Да, я знаком с Аркадием, но не близко. Было время, когда мы даже учились друг у друга, в частности я взял у Аркадия мелодику некоторых песен, принципы построения музыкальных фраз, тематику некоторых песен, но, к сожалению, у Аркадия я научился не только хорошему, но и... Аркадий исполняет некоторые мои песни с моего разрешения, некоторые без...» Вот и все, что мне написал этот приятель. От себя добавлю, что он не был особенным поклонником Аркадия Северного, записями «блатняка» так особо не занимался. Хорошо было бы найти эту фонограмму В. Высоцкого, если она, конечно, существует. С другой стороны, этому парню из Иркутска вроде бы ни к чему было все это придумывать...»

То, что в конце 70-х концерт Владимира Высоцкого во МХАТе — состоялся, подтверждают многие, в том числе и его нынешний главный режиссер Олег Павлович Табаков.

Но вот что странно... «Фонограмма не сохранилась», — сетует автор письма. А посему и нет пока резона рассуждать на эту тему и комментировать слухи. По крайней мере, до тех пор, пока названная фонограмма не отыщется! Хотя прокомментировать выдержку из эпистолярного наследия коллекционера-любителя пытаются И. Ефимов и Д. Петров, справедливо замечая: «Главное возражение против подлинности этой фонограммы — элементарная нестыковка во времени. Высоцкий писал песни с начала 60-х, а к концу их он уже был... ну, общеизвестно. А Северный... Мы до сих пор все копаем, да так до конца и не выяснили — насколько он был известен в конце 60-х, да и вообще — что он успел наработать к этому времени...»

Существуют — их всего две — подлинные фонограммы, на которых Владимир Высоцкий говорит об Аркадии Север-

ном и его творчестве. Говорит вещи нелицеприятные для Аркадия... О них и об ответах Северного на эти высказывания своего московского коллеги мы поговорим чуть ниже, а пока вернемся к косвенным свидетельствам, проливающим свет на факт знакомства и встречи двух артистов, подтверждающим или опровергающим их.

Так как героев нашей главы уже давно нет в живых, для начала прибегнем к их ближайшему окружению — друзьям и коллегам, которые могут кое-что рассказать и, что называется, прояснить ситуацию...

Главные свидетельства — из первых уст. За ответом на вопрос о возможном знакомстве Аркадия с Владимиром я обратился к непосредственному участнику записей песен Высоцкого в исполнении Северного, руководителю ансамбля «Братья Жемчужные» Николаю Серафимовичу Резанову.

«Мы дружили; а познакомились 26 марта 2003 года — в день 50-летия другого музыканта ансамбля, прекрасного скрипача Алексея Васильевича Дулькевича — после совместного концерта Александра Розенбаума с «Братьями Жемчужными» в Краснодаре. Сразу найдя взаимопонимание и наладив контакты друг с другом, мы обменялись номерами телефонов и после (или до) концертов легендарного коллектива в нашем городе всегда долго и тепло общались, беседуя о музыке, истории ансамбля, Аркаше Северном...

К великому огорчению, безвременная кончина Николая Серафимовича 22 мая 2006 года прервала наше общение...

...А в тот мартовский вечер я расспросил Резанова и Дулькевича о взаимоотношениях Северного с Высоцким. Меня всегда интересовала и интриговала эта тема...

— Николай Серафимович, скажите, — Аркадий Северный был знаком с Владимиром Высоцким?

— Нет, — сходу и утвердительно ответил Резанов.

— А хотел, желал ли с ним познакомиться, стремился ли к общению?

На этот вопрос ответил Алексей Дулькевич:

— Аркадий, конечно, хотел общаться. Но... вы понимаете... (Дулькевич сделал многозначительную паузу), кто был Высоцкий!..

Беседа продолжается. Спрашиваю у Н. С. Резанова:

— А сами Вы были знакомы с Владимиром Семеновичем?

— Нет, — коротко отвечает немногословный музыкант.

— А на концертах его бывали?

— Конечно. С Галичем встречался, помню. .

— Вам надо мемуары писать, Николай Серафимович!

Резанов иронически сжал губы и качнул головой...

— Мы с Владимиром Семеновичем часто встречались и пересекались во время гастрольных поездок и выступлений, — вступает в разговор бас-гитарист ансамбля «Братья Жемчужные» Анатолий Никифоров.

Вновь обращаюсь к Резанову:

— Николай Серафимович! А ваше исполнение песен Высоцкого в 70-е годы... У «Братьев Жемчужных» даже альбом вышел «Душа дурного общества», названный, как и песня Владимира Семеновича, что звучит в нем. Вы не в курсе, он не слышал эту и другие версии исполнения своих песен вами?

— А я ж не знаю! — воскликнул легендарный музыкант. — Тогда все записывали подпольно, ничего ни у кого не спрашивали...»

Да, тяжел был на подъем Николай Серафимович, отвечал на заданные вопросы немногословно и как бы нехотя... К сожалению, конкретно расспросить его и толком что-то путное и существенное выяснить у него по интересующей теме — не удалось. Но, как говорится, и на том — спасибо! Кстати, после смерти своего создателя и бессменного руководителя Н. С. Резанова его детище носит теперь название «Братья Жемчужного». Так решили музыканты сохраненного коллектива переименовать ансамбль — в память о своем друге и коллеге, великом питерском гитаристе, банджисте, певце и композиторе...

Те же И. Ефимов и Д. Петров в своей книге об Аркадии Северном категорически отвергают все свидетельства о знакомстве певцов: «Они не были лично знакомы, что подтверждается теми же исследователями жизни Высоцкого, почти абсолютно. Разве что заочно... «Почти» — потому что сохранилось одно свидетельство об их возможной встрече через год после несостоявшегося «Одесского концерта»...»

«Сам Аркадий был большой любитель мистификаций. Рассказывают, что на одной вечеринке он на спор набрал телефон Владимира Высоцкого и тот пел (!) гостям по телефону», — пишут авторы книги «Аркадий Северный, Советский Союз!»

Об этой истории более подробно рассказывают другие авторы и в другой книге: «Существует ряд легенд, говорящих в пользу знакомства двух гигантов из параллельных миров. Одну из них поведал в интервью зять Аркадия Северного, коллекционер и популяризатор жанровой музыки, глава студии «Ночное такси» (Санкт-Петербург) Александр Фрумин: «Я не могу утверждать наверняка просто потому, что однажды, когда они еще жили вместе (речь о Северном и его жене. —

А. П.), у них собралась большая компания. Аркадий Дмитриевич, конечно, пел для гостей. В том числе и песни Высоцкого. Вдруг кто-то спросил его: «А сам Высоцкий знает, что ты поешь его вещи?» — «Знает, — ответил Северный, — и не возражает». Присутствующие, конечно, усомнились. Тогда Аркадий подошел к телефону, набрал какой-то номер, дозвонился и начался разговор. Называл он собеседника просто по имени — Владимиром, но на «вы», уважительно. Объяснил ситуацию и просил помочь разрешить спор. Дальше было следующее: каждый из гостей подходил к телефону и, взяв трубку, мог услышать, как Высоцкий исполняет под гитару «Кони привередливые». А уж идентифицировать голос Владимира Семеновича хоть по телефону, труда, по-моему, не составляет...»

Журналист Максим Кравчинский, один из авторов книги, отрывок из которой приведен выше, неоднократно писал о судьбе и творчестве Аркадия Северного. В качестве иллюстрации к его большому очерку о певце, опубликованному в журнале «Шансон-ревю» (№ 03; октябрь 2008 г.), помещен черно-белый фотоснимок, на котором запечатлены стоящие в обнимку и улыбающиеся Высоцкий и Северный. Но под снимком в журнале стоит сноска: «Вероятно — фотомонтаж».

Похоже, верно пишут авторы книги, в которой рассказывается о «телефонном концерте» Владимира Высоцкого: это — одна из легенд, окружавших и с каждым годом все больше продолжающих окружать в огромном количестве персону Аркадия Северного. Сам певец на славу постарался и немало сделал для того, чтобы так случилось... Чтобы самому стать легендой и уйти в нее!

«Впрочем, все это не столь важно, — пишут И. Ефимов и Д. Петров. — Дело, конечно, не в личном знакомстве, а в отношении...

Северный, как известно, очень уважал творчество Высоцкого и исполнял некоторые его песни. Высоцкий же был в достаточной степени безразличен к подавляющему большинству наших авторов-исполнителей. А многих блатных менестрелей просто не уважал за подражательство. Такие претензии он в свое время предъявлял и Северному, хотя это было и не совсем справедливо. Правда, надо заметить, до нас дошло очень мало информации об этом. Известные нам реплики Высоцкого о Северном крайне немногочисленны, а воспоминания различных людей об отношении Владимира Семеновича к творчеству Аркадия не всегда достоверны. Но, по крайней мере, можно сделать вывод, что Высоцкий считал его очередным подражателем и оценивал соответственно. Ведь Высоц-

кий, практически, не был знаком с творчеством Аркадия, и для него все эти «блатные барды» были просто «всякими Северными»... А теперь мы можем только гадать, как оценил бы Высоцкий Северного в качестве артиста староодесского жанра, — того жанра, в котором Аркадий и был наиболее ярок и колоритен. Впрочем, оставим гадания, просто еще раз посожалеем о несостоявшемся сейшне «Высоцкий — Северный»...

Аркадий Северный не только пел песни Высоцкого, их переделки и посвящения Владимиру Семеновичу, но и много говорил о нем, как бы заочно полемизируя со своей коллегой. Видимо, встретиться и поговорить «за жизнь» у Северного с ним не было возможности (этого очень не хотел Владимир Высоцкий)... Так что Аркадий избрал вот такую, заочную, но открытую возможность «общаться» с коллегой — спорить с ним, отвечать на его высказывания, даже — критиковать его песенное творчество!

В конце 1972 года дома у Рудольфа Фукса записывается «Программа для Госконцерта», в которой Аркадий Северный говорит то, что ему написал в сценарии Фукс: «А вот недавно я попал на пятнад... на старости лет на пятнадцать суток. Послушал я, что там алкоголики из молодых поют. Есть, конечно, кое-что... Но, нет, не то. Испортили блатной мир всюю. Володя Высоцкий. Все поют и поют его варианты. Ведь у него вор в песнях какой? — Благородный, волевой, отчаянный, еще и интелен... интеллигентный. Как раньше говорили — кусок интеллекта. Что-то в жизни я таких воров не видал. Ну, да ладно, все равно я его люблю за «шершавость»...» (Цит. по фонограмме выступления).

Текст этот Аркадий произнес в Ленинграде, в коммунальной квартире Рудольфа Фукса на улице Ропшинской, 14 ноября 1972 года. Это — не его мысли. Северный читает с тетради Фукса...

В программе «Радиопередача» устами Аркадия вновь говорит Рудольф: «Теперь подражание Володе Высоцкому. Я-то могу ему, так сказать, передир... ну, как это называется? — подражать. А вот пусть он попробует...» (Цит. по фонограмме выступления).

И так далее...

По ходу дела, Владимиру Высоцкому все это «магнитофонное хулиганство» порядком осточертело: мало того, что его песни поют без ведома и неизвестно кто, так еще и ерничают по адресу!

И Владимир Семенович «ответил» Аркадию... При личной встрече. Ходит много слухов и легенд о ней — состоялась, не

состоялась... Но, как говорится, слухами этими Земля полнится, а дыма, как известно, без огня — не бывает.

Итак, на дворе — конец весны или начало лета 1978 года. По версии И. Ефимова и Д. Петрова «Северный проводит это время весьма продуктивно, он бодр, полон сил и энергии. Пока ничто не предвещает беды. Все хорошо. И с творчеством, и в личной жизни. Но очень вероятно, что именно в середине мая произошло в жизни Аркадия событие, которое не могло не отразиться на его душевном состоянии. Правда, сначала оговоримся, что только в том случае, если это событие действительно было.

В беседе с Андреем Шаргуновым Михаил Шемякин рассказывал, что во время одного из своих приездов в Париж Высоцкий увидел у него пленки с записями Аркадия Северного, на что поведал такую историю: «А, это тот тип, прорвался ко мне недавно в Одессе, важно говорит: «Привет». И когда я узнал его имя, то сказал: «Так это ты, гаденыш, воруешь мои песни и, плюс к этому, скверно их исполняешь!» — после чего он спешно ретировался».

Такая встреча, конечно же, могла быть. Именно в это время на Одесской киностудии идут съемки фильма «Место встречи изменить нельзя», и кто-то из одесских знакомых Аркадия вполне мог добыть гостиничный адрес Высоцкого. Казалось бы, ни Высоцкому, ни Шемякину не было никакого смысла сочинять все это... Однако, по сути, полностью достоверным можно считать только разговор Шемякина с Высоцким, а что за случай был в его основе — кто ж теперь разберет? С кем встречался Высоцкий на самом деле — с самим Аркадием, или с кем-то, назвавшимся Аркадием Северным, или вовсе с... Жоржем Окуджавой? Вполне серьезно: ведь Высоцкому, как мы уже писали выше, вообще все эти, как он считал, «подражатели» были абсолютно параллельны. Так какая хрен разница — Жорж Окуджава, Аркадий Северный или Никола Питерский? И впоследствии имя визитера вполне могло у него трансформироваться. Теперь уже не докопаешься. Судьба или просто глупый случай, но не насвисти в свое время Высоцкому какой-то нехороший человек про всех этих «подражателей»... всяко могло произойти...»

Много слов и пустой патетики в тексте поклонников фильма «Джентльмены удачи» И. Ефимова и Д. Петрова. А информации — крайне мало.

В сжатом тексте Сергея Лахно ее гораздо больше: «Встречались ли очно Северный и Высоцкий — тоже не ясно. По словам Михаила Шемякина, во время одной из поездок в Па-

риж Высоцкий заметил у него записи Северного и сказал что-то о том, что это, мол, тот самый тип, который пришел к нему в Одессе, а Высоцкий его выругал за подражательство и прогнал. Вроде, все совпадает. На Одесской киностудии как раз идут съемки фильма «Место встречи изменить нельзя», тут же и Северный — пишет очередной концерт с «Черноморской чайкой» у Коцишевского...

Возможно, подобная встреча в Одессе у Высоцкого состоялась, но не с Северным, а с кем-то из иных исполнителей... Приблизительно в то же время в той же Одессе конференсье Евгений Оршулович под сценическим псевдонимом Владимир Сорокин записывает с ансамблем «Мираж» несколько концертов, составленных исключительно из песен Высоцкого. Причем многие, в том числе и я, слушая записи, некоторое время считали, что это поет сам Высоцкий. В то же время, Сорокин-Оршулович во вступлении к каждому концерту явно давал понять, что никакой он не Высоцкий, а лишь поет его песни. Но были и явные подражатели, которые считали, что достаточно напускной хрипотцы в голосе — и можно «сойти за Высоцкого». В конце 70-х годов я и сам слышал такие записи, но не распознать в них откровенную «подделку» все-таки было сложно...»

Наиболее полную и подробную информацию об «одесской встрече» поведал на «Северном форуме» пользователь, скрывшийся под ником Vanua, любитель и знаток творчества Северного, в обсуждении темы «Песни Владимира Высоцкого в творчестве Аркадия Северного»: «Как известно, есть до конца неподтвержденная версия о том, что в 1979 году, когда Высоцкий находился в Одессе на съемках фильма режиссера Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя» и жил в одной из одесских гостиниц, он виделся с Северным. (Хотя, есть информация о том, что Высоцкий в конце 70-х годов больше не останавливался в одесских гостиницах, а жил на квартире у своего близкого одесского приятеля (фамилию сейчас не помню), работника съемочной группы на Одесской киностудии. Но суть, в общем-то, не в этом, если, конечно, не учитывать тот момент, что по «легенде» речь шла именно о гостинице). Так вот, а в это время в Одессе был Аркадий Северный и принимал участие в очередной записи концерта с ансамблем «Черноморская чайка» (впрочем, есть предположения, что эта история могла произойти не в 1979, а в 1978 году, так как Высоцкий периодически бывал в Одессе).

Северный давно мечтал познакомиться лично с Высоцким и всегда очень уважительно относился к его творчеству, о

чем неоднократно говорил на своих ранних концертах, и, узнав, что тот находится в городе (в гостинице или где на съемной квартире) вместе со Станиславом Еруслановым, однажды пришел к нему в гости (а коллекционер С. Ерусланов был знаком с Высоцким и даже дважды бывал у Высоцкого дома в Москве, надеясь договориться с ним о записи концерта в Одессе, на студии Ерусланова). И вот, значит, в один из вечеров, как гласит легенда, Северный с Еруслановым (который по замыслу, был взят с собой, как человек, знавший Высоцкого, то есть «для повода») пришли в квартиру (или в гостиничный номер к Высоцкому, это не ясно). Пришли, постучались, Высоцкий оказался дома и открыл дверь, но был явно не в духе (это с ним бывало часто), вероятно уставший от съемок... Аркадий Северный поздоровался и начал представляться (разумеется, со свойственной ему манерой «питерской подпольной звезды»), мол: «Здравствуйте! Я очень уважаю Ваше творчество и очень хотел бы познакомиться с Вами лично...» (Может быть, даже, хотели пригласить его в гости на «пьянку» и договориться о дальнейшей совместной записи. Высоцкого тогда многие зажиточные и крупные деятели Одессы приглашали к себе в гости — поили и кормили до отвала, но и не забывали держать под столом на изготовке кассетные магнитофончики, так сказать, если что, что бы можно было сразу записать Высоцкого. Ведь за эти записи в то время можно было получить немалые деньги. Но Высоцкий крайне не любил такой двуличный подход, когда его под видом «гостя» приглашают к кому-то домой на праздничный обед, а сами втихаря пишут песни, и, как правило, он сразу же покидал такие «вечеринки»).

Но вернемся к истории с Северным. «Здравствуйте! — говорит Северный. — Я очень уважаю Ваше творчество и люблю Ваши песни. И очень хотел бы познакомиться с Вами лично! Меня зовут — Аркадий Северный!»

На что Высоцкий, вдруг резко переменился в лице, и в грубой форме наехал на Северного: «Так ты и есть, тот самый Северный, который перепевает мои песни, да к тому же еще и похабно, а мне за это потом везде достается, и постоянно чихвостят в газетах и вызывают «на ковер»?!»

Северный, разумеется, оторопел, начал говорить какие-то отговорки, что это, мол, не он, что «есть другие подпольные певцы» (Жорж Окуджава и прочие), а он «всего-то спел лишь несколько его песен, и то только для друзей, причем всегда представлял в начале песни ее автора...» Но Высоцкого уже «понесло» и было не остановить. (Он вообще отличался крайне тяжелым и злобным характером — об этом пишут все,

даже его врачи-психотерапевты. От Высоцкого всегда исходила очень тяжелая и даже агрессивная психологическая «аура», когда как от Северного, по воспоминаниям многих, всегда исходила «аура» теплая и положительная, безобидная...)

В итоге, все закончилось весьма неприятно... Высоцкий не хотел слушать никаких оправдательных слов со стороны Северного (а Ерусланов вообще не впутывался в эту передрагу и сразу же замолк, хотя, возможно, и мог как-то высказаться в защиту Северного). Ну и, значит, после всей этой словесной перепалки, Высоцкий затеял самую настоящую драку... Разумеется, слабому здоровьем Северному, тягаться с «качком» Высоцким было бессмысленно, и ему оставалось только ретироваться...

Около года спустя, Высоцкий был в гостях у своего приятеля, художника и скульптора Михаила Шемякина в Париже. Шемякин как раз слушал тогда записи А. Северного, на катушках, которые ему только недавно привезли из Питера (Шемякин сам из Питера, поэтому Северный всегда был ему близок). Так вот, по воспоминаниям Михаила Шемякина, как только Высоцкий увидел у него катушки с записями Северного, он и рассказал ему всю эту историю, произошедшую в Одессе.

«А-а! — сказал Высоцкий. — Это тот самый Северный, который со своим приятелем пришел ко мне в Одессе и пытался со мной познакомиться, а я его покрывал на чем свет стоит и спустил с лестницы...»

Стоит заметить, что об этой самой встрече Северного с Высоцким не знал практически никто из знакомых Аркадия (кроме самого близкого друга певца — В. Раменского, который тоже всегда очень мечтал познакомиться со своим кумиром). Некоторые «обрывки» истории этой неудавшейся встречи знали и Ерусланов с Коцишевским в Одессе, но ничего и никому не рассказывали (скорей всего, по просьбе самого Аркадия). Так что в Питере и Москве только о чем-то догадывались, но без деталей. Абсолютно понятно, что А. Северный не хотел давать «ход» этой некрасивой истории, что бы не выглядеть в глазах знакомых несостоятельным. Но в гостях у Генриха Сечкина его, как говорится, «прорвало», и он высказал многое и о многих, о ком и что он думает... Обида у Северного была очень сильная, и это чувствуется на записи у Сечкина крайне ярко — когда Северный с серьезной обидой в голосе, несколько раз повторил (обращаясь к Высоцкому): «Ты не прав!» Это нужно слышать, с какой сильной болью он говорит эту фразу, а это значит, что что-то серьезное имело место быть».

Выступая 22 ноября 1978 года (в 15-ю годовщину гибели президента США Джона Кеннеди) с концертом в Доме ученых в подмосковном Троицке, Владимир Семенович, видимо, не в силах держать в себе воспоминания о весеннем конфликте, заговорил перед слушателями о перепевках своих песен и упомянул в своем монологе Аркадия: «...Последнее время тут мне показали несколько записей, в которых оказалось, что это не я. Там есть четыре песни в моем исполнении, а остальные все поют какие-то странные люди. Значит, лишь бы похрипее или чего-нибудь такое по... поблатнее, в старой манере. Вот. Какие-то там, даже... какие-то там, даже, Ар... Северный какой-то появился, какую-то чушь поет. Вот. И, все, значит, эти все вещи...» (Цит. по фонограмме выступления).

По всей видимости, до Аркадия Северного дошло это концертное высказывание Владимира Высоцкого. Не могло не дойти. Тем более что, собственно говоря, московский коллега «опустил» ленинградского, публично унизив его самого и дурно отозвавшись о его песенном творчестве! Кому такое понравится? Заочная «магнитофонная дуэль» разгорается с новой силой...

Северный в долгу не остается. Но свой публичный «ответ» Высоцкому он даст только в конце 1979 года. Читаем И. Ефимова и Д. Петрова: «Северный — он всегда относился к творчеству Высоцкого достаточно уважительно. И все его известные, — к сожалению, немногочисленные, — высказывания в адрес Владимира Семеновича подтверждают это. Но только до начала этого, 1978 года (то есть — до одесской «встречи». — АЛ.). Следующий раз он «вспомнит» Высоцкого в конце следующего года в Москве. И тон уже будет совершенно другой — резкий и с явной обидой в голосе...»

Что же произошло в конце 1979 года в столице?

Те же И. Ефимов и Д. Петров — пишут: «Той зимой целая команда московских коллекционеров и коммерсантов организует ряд подпольных концертов певца по различным московским и подмосковным кабакам, в том числе и в знаменитой «Руси», где Аркадий пел... для хоккеистов сборной и ЦСКА!»

Но сначала — немного о том, что предшествовало московским концертам.

Прибыв в столицу, Аркадий останавливается на квартире своего приятеля, музыканта Генриха Соломоновича Сечкина. Последний был широко известен в кругах не только музыкальных — как неоднократный победитель международных конкурсов гитарной музыки, но и криминальных. Сечкин к

тому времени — бывший вор в законе, «прошляк», за плечами которого — пять «ходов» и в общей сложности 15 лет тюремного заключения — по статьям УК от «скупки краденого» (барыга!) до «организации подпольно кино- и видеобизнеса». (А. Мухин; «Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений»; М. 2003, стр. 374).

Генрих Соломонович на страницах прессы неоднократно выступал с прямыми и, увы, бездоказательными утверждениями, что именно он, Сечкин, и никто иной, является автором известной песни «Постой, паровоз», якобы написанной им в 1948 году, будучи «на зоне», — в 16-летнем возрасте... А еще, незадолго до смерти, случившейся с вором в мае 2009 года, Генрих развелся со «старой», 22-летней женой, и тут же взял в жены молодую, — 20-летнюю...

Итак, Северный остановился в Москве на квартире Сечкина. И вначале встреча и знакомство Аркадия с хоккеистами состоялись именно там, дома у Генриха Соломоновича. Этакая светская дружеская вечеринка. «Не со всей, конечно, командой... Но был среди них, например, Владимир Лутченко — лучший левый защитник Союза, двукратный Олимпийский и семикратный чемпион мира на тот момент. В те времена, в отличие от нынешних, имена хоккеистов сборной знали все — отмала довелика. И такое знакомство что-то да значило... Был и двадцатилетний, очень скромный парнишка, получивший в тот год свою первую чемпионскую медаль, — Слава Фетисов. В будущем, как известно, — звезда мирового уровня, один из лучших защитников за всю историю хоккея, и, наконец, председатель Госкомспорта», — восторгаются И. Ефимов и Д. Петров. Вот какой компанией встречали в Москве дорогого ленинградского гостя Аркадия Северного!

От себя добавим: судя по сохранившимся с того памятного вечера фотоснимкам, кроме Лутченко и Фетисова на квартире Г. Сечкина Аркадия приветствовали их партнеры по команде — Игорь Касатонов, Сергей Макаров, Владимир Крутов и другие звезды советского и мирового хоккея.

Через несколько дней Северный поет для хоккеистов сборной и ЦСКА в знаменитой «Руси». И в паузах между исполнениями песен говорит, в частности, слова в адрес Владимира Высоцкого, как пишут И. Ефимов и Д. Петров «с явной обидой в голосе»... Причем эта фраза о Высоцком почти однословно будет повторена Аркадием несколько раз на протяжении вечера... Что это? Отголосок все-таки состоявшейся встречи? Или реакция на слова Высоцкого о «поющем всякую чушь Северном», которую тот произнес на одном из своих высту-

плений? Наверное, мы никогда уже не узнаем об этом... И нет уже ни Владимира Семеновича, ни Аркадия Дмитриевича...»

Те же авторы отмечают, что в этой записи примечательны были не песни, а именно «резкие высказывания Северного в адрес В. Высоцкого».

Еще один раз Высоцкий публично упомянул о Северном в пренебрежительном тоне 1 февраля 1980 года на своем концерте в московском ВНИИ ЭТО. В одной из пауз между исполнениями песен уставший и серьезно больной поэт сказал слушателям буквально следующее: «...Значит, я никогда не... не пою похабных слов, понимаете? И, значит, всякие Северные появились какие-то...» (Цит. по фонограмме выступления).

Судя по словам Владимира Семеновича, в своем кратком монологе он причислил певца Северного к многочисленному отряду таких же, по мнению Высоцкого, как Аркадий, певцов-халтурщиков, не обладавших индивидуальностью, талантом исполнения и вокальными данными, а лишь паразитирующих в жанре, который эти исполнители эти представляли. То есть, по словам Высоцкого, Северный — никто, «нуль», рядовой артист, не представляющий как исполнитель ни малейшего интереса и ровным счетом ничем не выделяющийся из такой же серой массы себе подобных «певцов»...

На этот выпад московского коллеги Аркадий Северный ответить уже не успел...

12 апреля 1980 года певец скончался в Ленинграде от кровоизлияния в мозг (инсульта) в ленинградской городской больнице имени Мечникова. Ему был всего 41 год... И без того истощенный организм Аркадия Дмитриевича не смог справиться с болезнью, которая осложнялась дистрофией, воспалением легких и чрезмерным употреблением алкоголя.

Да, выпивал Аркадий, что называется, будь здоров! Вот одно из ярких тому свидетельств...

...Летом 1979 года в городе Тихорецке (Краснодарский край) Северный записал концерт с местным ансамблем «Магаданские ребята». Руководитель коллектива Анатолий Мезенцев вспоминал: «После записи мы с ним покуролесили... Он пил все, что льется и закусывал чем придется... И когда мы с ним приезжали сюда, ко мне домой, Татьяна, жена, начинает хлопотать, закусить что-нибудь, а он: «Танечка! Я тебе не Вовка Высоцкий! Это тому сервис подавай, а мне огурчика соленого хватит!...»

И. Ефимов и Д. Петров пишут: «Широкая общественность смерти Аркадия Северного просто не заметила. В отличие от смерти Владимира Высоцкого, несколько месяцев спустя

всколыхнувшей всю страну». В этих словах — огромная доля истины: сотня-другая людей, собравшихся на панихиду по Северному в Ленинградском крематории, не идет ни в какое сравнение с более чем 100-тысячным людским морем, провожавшим в июле 1980-го Высоцкого в Москве! Очередь желающих проститься с Владимиром Семеновичем и проводить его в последний путь растянулась на десять километров... Говорят, что похороны поэта внесены в Книгу рекордов Гиннеса, как самые многолюдные. Это и понятно: поэт в России — больше чем поэт. Так было и так будет всегда!

...15 апреля 1980 года, в день прощания с Аркадием Северным и кремации его тела, Владимир Высоцкий находился... в Ленинграде. Но в город на Неве он прибыл совсем не по этому поводу (надо учитывать негативное отношение Высоцкого к своему коллеге, особенно — в последние годы). Владимир Семенович приехал в Северную столицу для того, чтобы принять участие в съемках документального фильма режиссера Владислава Виноградова «Я помню чудное мгновенье...» Для картины Высоцкий должен был записать две свои песни. На кинолентку запись исполнения поэтом песен производилась на следующий день, 16 апреля. Съемки проходили в малом зале Большого драматического театра, Владимир Семенович исполнил две песни — «Купола российские» и «Кони привередливые». Записав песни, поэт уехал в Москву. Это был его последний визит в Ленинград... И последняя в жизни киносъемка... Вышедший в июне того же 80-го года фильм оказался... без песен Высоцкого. Кадры с исполнением им песен для фильма были восстановлены в картине позднее, лишь в конце 1980-х годов...

Знал ли прибывший в Ленинград Владимир Высоцкий, что накануне в городе скончался Аркадий Северный, и 15 апреля проходило прощание с ним? Надо полагать, знал. Но никаких свидетельств этому найти пока не удалось...

Сергей Лажно в статье о Высоцком и Северном пишет: «Я думаю, что каждому из них нашлось, что «спеть, представ перед Всевышним»... Смерть примирила этих двух с большой буквы Артистов, без которых вообще трудно представить СССР эпохи «расцвета застоя».

БОРИС СИЧКИН

Продолжается боль,
потому что ей некуда деться...
Возвращается вечером ветер на круги своя.
А. Галич

Хохотун и балагур, актер и танцор, любитель шахмат и фасолевого супа, сиделец и эмигрант. Все это он — Борис Сичкин! А еще — участник войны, любитель веселых компаний, смешных историй и анекдотов, певец и писатель-мемуарист...

Зрителю Сичкин больше известен как легендарный Буба Касторский из фильма Эдмонда Кеосаяна «Неуловимые мстители». После выхода картины на экран, его герой стал узнаваемым и любимым, а незамысловатые куплеты Бубы из фильма запела вся страна. Слава и популярность Бориса Михайловича казались неиссякаемыми...

И вдруг — отъезд на ПМЖ в США, эмиграция. Было это в 1979 году.

В Америке жизнь была разной — со своими сложностями и радостями. Борис Михайлович даже снимался там в кино: сыграл, например, роль Брежнева в фильме «Последние дни». Но большой популярности не сыскал: иные времена, иные нравы, иная страна...

В 90-х актер часто приезжал в Россию — с бенефисами, на фестивали шансона, сняться в эпизоде фильма...

В начале 80-х годов русско-нью-йоркский друг актера Вилли Токарев обессмертил его имя в припеве своей песенки про тетю Хаю, так любимой эмигрантами с Брайтона:

Боря Сичкин там соседом
Угощал меня обедом.
Я ему в субботу позвоню!..

Незадолго до своей смерти актер написал и выпустил в свет две книги мемуаров. В них — его жизнь, роли в кино, друзья и коллеги, Россия и Америка... И — Владимир Высоцкий, с которым Борис Михайлович был довольно близко знаком и

работал на съемочной площадке — в фильме Геннадия Полоки «Интервенция», например.

А в картине «Последний жулик», в которой звучат песни Высоцкого в исполнении актера Николая Губенко, Сичкин был напарником коллеги поэта по Театру на Таганке.

Надо отдать должное Борису Михайловичу: в своих книгах он всегда вспоминает своего младшего коллегу Володю Высоцкого только добрым словом. И не только вспоминает, но и рассуждает о его поэтическом, песенном и актерском таланте, пытается разобраться в феномене его популярности и в народной любви к поэту и его творчеству...

Словом, есть о чем рассказать и что вспомнить Борису Сичкину: «О Владимире Высоцком написано и сказано много. О нем говорили и писали люди, которые его хорошо знали, и люди, которые почти его не знали. Многие из них делали это небескорыстно...

Володю можно было любить и не любить, но никто не может отказать ему в огромном таланте и неподражаемой индивидуальности. Как бард он был гений. Когда Володя брал гитару и начинал петь, он был как натянутая стрела, как обнаженный нерв. Все барды мужского пола на его фоне выглядели свнухами.

Не помню точно в каком году режиссер и оператор Аркадий Кольцатый снимал в Москве музыкальный фильм «Нет и да». В главной женской роли снималась великолепная Людмила Гурченко, а ее партнер по фильму был актер МХАТа большой друг Высоцкого — Всеволод Абдулов. Я работал в этой творческой группе в качестве балетмейстера. Съемки шли легко, непринужденно. Сева Абдулов, отличный парень, мечтал познакомить меня с Володей Высоцким, не сомневаясь, что доставит нам обоим удовольствие

Знакомство состоялось в какой-то квартире, за столом, на котором было много водки. Я крепко выпил и был в ударе. Володя смеялся, и это вдохновляло меня на новые эксперименты.

Мне тогда показалось, что, несмотря на скоротечность нашего знакомства между нами установился какой-то духовный контакт».

В интервью высокоцковеду Марку Цыбульскому Борис Михайлович несколько по-иному рассказал о знакомстве с поэтом: «Нас познакомил артист Сева Абдулов. Он очень дружил с Володей и хотел нас представить друг другу. Он, помню, говорил: «Я Володе о вас рассказывал, он хочет с вами познакомиться». И мы как-то наконец встретились, сидели до утра.

Мы с Абдуловым пили водку, а Володя не пил, только разговаривал, слушал и хохотал».

Сичкин продолжает: «Несмотря на внешнюю мишуру и популярность, вокруг него официальные власти создали обстановку, превращавшую его жизнь в ад. Высоцкого, талантливейшего актера и барда, держали на голодном творческом пайке. Кроме театра на Таганке ему не предоставлялось официально никакая другая сцена. Если ему удавалось выступить перед своими поклонниками с помощью верных друзей и почитателей, за эти следовали грубый чиновничий окрик и очередная опала.

Я знал многих кинорежиссеров, мечтавших снять фильм с участием Высоцкого, но пригласить его на роль в те времена означало обречь на непризнание киноленту. Именно участие Владимира Высоцкого в фильме «Интервенция», в котором я снимался вместе с ним, помешало фильму выйти на экран. Более двадцати лет кинолента пролежала в хранилище и вышла на экран совсем недавно. Тем не менее, находились смельчаки, которые приглашали Владимира в кино. Им мы обязаны тем, что образ талантливого актера запечатлен на экране.

Чтобы представить, до чего мелкими и подлыми были партийными чиновники, которым была поручена травля Высоцкого, расскажу об одном эпизоде.

Каждый год в Москве, в Центральном Доме работников искусств, 11 января устраиваются традиционные «посиделки». Попасть на них в актерской среде почитается за честь. На одной из этих «посиделок» выступил Володя Высоцкий и доставил всем присутствующим огромное удовольствие.

Перед очередными «посиделками» сижу в кабинете у заместителя (директора. — А. П.) ЦДРИ Мони Резниковского. Неожиданно заходит в кабинет Сева Абдулов и просит три билета, один из которых предназначался Высоцкому.

Резниковский:

— Сева, я дам тебе только два билета. Высоцкому я не могу.

Сева Абдулов без всякого сопротивления и лишних вопросов взял два билета и ушел. Вероятно, друг Высоцкого Сева Абдулов не раз сталкивался с подобным явлением.

Я был настолько возмущен, что очень зло сказал:

— Моня, я никак не могу понять, кто имеет больше права присутствовать и выступать на таких «посиделках», если не Володя Высоцкий?

— Борис, не думай, что я ценю Володю меньше, чем ты, — ответил обиженно Резниковский, — но за прошлые «посидел-

ки», на которых был Высоцкий, я получил выговор. Вчера мне позвонили из ЦК партии и предупредили: если в этот раз будет в ЦДРИ Высоцкий, я лишусь работы...»

Мало кому известно, что Борис Сичкин — участник Великой Отечественной войны. Прошел ее всю — в составе концертной бригады. С лихвой пришлось хлебнуть ему всех тягот военного времени: отступление, бомбежки, наступление, мороз и голод... Довелось повоевать под Курском, Сталинградом, в Польше.

Однажды фронтовая судьба свела артиста Первого Белорусского фронта с самим маршалом Г. К. Жуковым, командующим этим самым фронтом. И не просто встретиться с Георгием Константиновичем, а еще попридти на встречах маршала с союзниками — Эйзенхауэром, Бредли, Монтгомери. Сичкин вспоминал, что Жукову очень нравились танцы, пародии, пение молодого одессита (хотя сам артист родом из Киева).

Сам ее прошедший, Борис Михайлович никогда не упускал возможности встретиться с участниками той страшной Войны, всегда с удовольствием с ними общался. Им было что вспомнить и о чем поговорить...

Как-то судьба свела артиста с отцом Владимира Высоцкого — Семеном Владимировичем Высоцким: «Володя никогда не оставался в изоляции. У него были верные и преданные друзья, и, прежде всего, родные.

Помню, после моего выхода из тюрьмы я был приглашен на обед в семью популярной певицы Капитолины Лазоренко (она была знакомой Владимира Высоцкого — как-то поэт с Мариной Влади снимали у певицы жилье. — А. П.) Там меня познакомили с отцом Володи. Я до сих пор не могу забыть, что этот боевой полковник не назвал мне своего имени-отчества, а представился:

— Отец Владимира Высоцкого.

Мне послышались в его словах и отцовская гордость, и отцовская боль...»

Интересно воспоминание Бориса Сичкина — в свете последних публикаций, свидетельствующих о довольно непростых, особенно в последние годы жизни Владимира Высоцкого, его личных отношениях с отцом...

Артист продолжает: «Я не могу себя причислить к близким друзьям Высоцкого, хотя мы регулярно встречались и даже работали в одних фильмах. В Ленинграде мы пошли на рынок купить фрукты и случайно попали в павильон, где продавались гуси. Мне пришла в голову озорная идея. Я сказал Володе:

— Сейчас я сделаю так, что все торговки будут между собой ругаться.

Я подошел к первой попавшейся торговке, взял гуся, посмотрел на него внимательно и сказал:

— Моя жена поручила мне купить гуся с жирной жопой.

Торговка немедленно повернула гуся задом.

— Разве это вам не жирная жопа?

— Хорошая жопа, но хотелось бы пожирней, — ответил я.

— Гражданин, — крикнула соседка, — идите ко мне! Уверю вас, здесь на базаре такой жопы вы не найдете.

— Ишь ты, — возмутилась третья торговка, — самая жирная жопа у меня.

Я поворачивал очередного гуся к себе задом, одним глазом заглядывал внутрь, а другим на Володю Высоцкого, который уже рыдал от смеха.

Наконец я объявил:

— Лучше позвоню жене, пусть она придет и выберет жопу себе по вкусу.

Мы ушли, но еще долго над павильоном носилось слово «жопа».

В городе Запорожье, на скамейке рядом с рестораном, оказались Володя Высоцкий, Марк Бернес и я. Рядом в ресторане шумела свадьба. Нам со скамейки было все видно. Я решил повеселить Высоцкого и Бернеса и зашел в зал, где празднуют свадьбу, поцеловал невесту, посадил ее на руки и поднял тост за молодых.

Все выпили. Я танцевал со всеми женщинами, обнимался с какими-то мужчинами, поднимал тосты, пил с женщинами на брудершафт, устраивал массовые танцы, черт знает что творил и ушел.

Высоцкий и Бернес хохотали и никак не могли понять, как это возможно.

Я им объяснил, что на свадьбах никто ничего толком не знает. Родственники невесты думают, что ты гость со стороны жениха, гости жениха не сомневаются, что ты со стороны невесты, а ты с улицы...»

В 2010 году в новгородском издательстве «Деком» вышла книга Максима Кравчинского и Александра Сингала «Борис Сичкин: «Я — Буба Касторский», посвященная жизни и творчеству актера. В ней есть глава «Слово о Высоцком». Усилиями неутомимого высококоведа из США Марка Цыбульского, попросившего Сичкина незадолго до его ухода из жизни поделиться воспоминаниями о поэте, мы узнаем некоторые новые подробности общения Бориса Михайловича с Влади-

миром Высоцким. Воспоминания эти и помещены в книге о Сичкине.

Артист вспоминал: «В моем доме бывала вся богема. Случалось гостить там и Высоцкому.

У нас был общий друг, капитан теплохода «Грузия» Анатолий Гарагуля. Он одессит, но когда приезжал в Москву, мы обязательно встречались то у Володи, то в гостинице. Это очень часто бывало. Там и Андрей Тарковский бывал, и Эдмонд Кеосаян, и Булат Окуджава. Ну, Окуджава, собственно, в этой компании не был, он изредка приезжал...

Я никогда не видел Володю пьяным, и никогда он при мне не пил. Когда я с ним встречался, он всегда был в «завязке». Это был совершенно очаровательный, предупредительный, с огромным уважением к окружающим человек. В том числе и ко мне.

Я говорил ему: «Володя, говори мне «Борис». Он отвечал: «Нет, Борис Михайлович, я так не могу, Вы старше меня». На редкость просто был очаровательный и интеллигентный человек.

Мне говорили, что когда он выпивал, то менялся. Я его этой стороны не знаю совершенно. Вообще я вам скажу, что всюду, где мы встречались (а бывало это довольно часто), пили водку. Так я пил, а он — нет, и спокойненько смотрел, как другие пьют и радуются...

Во время съемок фильма «Интервенция» мы жили с Володей в одном номере в гостинице «Англетер» в Ленинграде. Я тогда обратил внимание на одну его характерную черту: его не надо было уговаривать спеть. Ему надо было, чтобы был слушатель, тогда он брал гитару и начинал петь.

Я, помню, напевал ему так называемые блатные песни, а он сказал: «Борис Михайлович, я эти песни впервые слышу!» Я говорю: «Володя, как же так? Эти песни пошли по всей стране и сделали тебя знаменитым». Он мне так ответил: «Я, когда выпивал, пел. Что я пел — сам теперь уже не помню, я на ходу сочинял эти песни».

Борис Сичкин имеет свои суждения не только о песенном творчестве Владимира Высоцкого, но и о его работе в кино и театре. По мнению Сичкина, на съемочной площадке и на сцене поэт был, мягко скажем, слабоват...

«...Я влюблен в него, как в барда. То, что он сделал как бард, — это гениально, на мой взгляд. А как артист кино... Я считаю, что есть и лучше. То есть он не был плохим актером. Нормальный, хороший артист, но не гениальный.

Знаете, есть артисты хорошие, а в кино сниматься не могут, просто не умеют. Театр и кино — это же разные вещи. В кино есть камера, но нет людей, нет зрителей, а кто-то привык к ним. А Высоцкий хорошо чувствовал камеру, поэтому у него не было проблем в этом плане. Он играл, как в театре, так и в кино, был свободен. А вообще-то не так уж много он играл в кино.

Лучшей его ролью я считаю роль поручика Брусенцова из фильма «Служили два товарища». Но я не все фильмы с его участием видел. Не знаю, в частности, последних его работ в «Маленьких трагедиях» и «Месте встречи...» Когда они вышли на экран, я уже эмигрировал.

Я видел его в театре, в частности в роли Гамлета. Ну, что сказать? Вообще вопрос искусства — это дело вкуса. Лично мне эта трактовка не нравится. Когда выходит человек в свитере и с гитарой и играет Гамлета — мне это непонятно. Меня трудно убедить в таком «колхозном» варианте — Гамлет в свитере».

Вот так — ни больше, ни меньше... «Колхозный Гамлет»!

Завершает свои воспоминания о поэте и рассуждения о его творчестве Борис Михайлович Сичкин такими словами: «О Высоцком могу сказать, что и в театре, и в кино он был хорошим актером, но это не главное. Главное же в том, что песни свои он исполнял, как актер. Вот это он делал замечательно!

Еще раз скажу: я считаю, что он был гениальный бард. Выше него никого не было и, вероятно, долго не будет...»

Закончить же эту главу стоит красивыми и проникновенными словами Сичкина о поэте и актере — из книги воспоминаний Бориса Михайловича «Я из Одессы, здравствуйте!»: «Володя Высоцкий ушел, и это большая утрата. Врачи говорят, что инфаркт — огорчение сердца. На мой взгляд, это точное определение. Володя был мужественным, своим разумом терпел и боролся с несправедливостью, а вот сердце — это тонкий механизм — не выдержало битвы, огорченное сердце перестало биться...»

БОРИС ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Хмель, он же Бемби (так его прозвали в театре за доброту и желание всех примирить), Борис Алексеевич Хмельницкий (1940 — 2007) был не только талантливым актером Театра на Таганке и кино. У этого доброго, веселого и мудрого человека было множество других талантов: кроме актерской работы он был композитором, аранжировщиком, исполнителем песен и романсов, ну и — дамским угодником (куда же с его внешностью и знаменитой бородой — без этого?)

Бориса Алексеевича можно смело называть не только коллегой Владимира Высоцкого, но и его другом. Отдадим должное Хмельницкому — он никогда и ни перед кем не хватался дружбой с поэтом, не спекулировал ею. К великому сожалению, актер не оставил после себя дневников, записок или воспоминаний о друге и коллеге, да и интервью на тему общения с Владимиром Семеновичем давал он очень неохотно...

Тем ценнее те немногочисленные газетно-журнальные свидетельства, оставленные Борисом Хмельницким потомкам и биографам. Они — не только воспоминания о Высоцком. Они — о 60-х, о Таганке, о друзьях и коллегах по театру, о Марине Влади, наконец... Своеобразные мемуары актера.

Эта глава покажется читателю не совсем обычной. В ней почти не будет авторских комментариев к тому или иному высказыванию Бориса Алексеевича на перечисленные выше темы. Все, что вспомнил и рассказал актер журналистам — уже является самодостаточным, чтобы добавлять что-то к сказанному еще. К тому же слог Хмельницкого-рассказчика настолько чист и остроумен, что автор решил дать читателям насладиться воспоминаниями друга Владимира Высоцкого практически без купюр, выбрав из интервью Бориса Хмельницкого наиболее крупные и интересующие нас отрывки и поместив их в этой главе...

Итак, актер Борис Алексеевич Хмельницкий рассказывает...

Из интервью корреспонденту «Московского комсомольца» Натальи Дардыкиной:

— ...Вместе с актером Борисом Хмельницким мы вспомнили: праздничный олимпийский июль 1980 года и трагическое известие о кончине Высоцкого навек соединились в памяти, уравновесив эмоции того далекого лета.

— Смерть поэта превратилась в грандиозное действие, сценой для которого стала вся Москва. Это было зрелище, достойное Высоцкого, грандиозный спектакль жизни, где роли распределила сама судьба и провидение.

Он умер в самом пике успеха, в пике славы, собрав с земной нивы все, что можно было собрать: страдания, радости, разочарования, подъемы и падения.

— Когда вы собираетесь в кругу друзей, вы поете песни Высоцкого? Читаете его стихи?

— Скажу о себе. В сложные минуты, да и в радостные или печальные мгновения. Володя мне помогает выйти из какой-то сложной ситуации или войти в нее. Поставишь запись, послушаешь — нормально! А то поставлю компакт-диск и слушаю наши общие с ним песни.

— А у вас есть такие?

— Конечно. Говорю это не потому, что после смерти Высоцкого появилось много друзей, вдов и детей, считающих себя самыми-самыми. Действительно, к спектаклю нашего театра «Антимиры» по Вознесенскому мы — Владимир Высоцкий, Борис Хмельницкий и Анатолий Васильев, актер нашего театра, написали песни. Любимов сказал: «Ребята, возьмите хорошие стихи Вознесенского и напишите песню». Зазвал я их к себе домой: у меня рояль, Анатолий Васильев пришел с гитарой. Володя взял мою, сели мы и за один день сочинили четыре песни.

(Борис начинает петь по куплету из каждой):

«Любите при свечах,
Танцуйте до гудка,
Живите при сейчас,
Очнитесь при тогда...»

К спектаклю «Берегите ваши лица» (тоже поэтический опус Вознесенского) мы с Высоцким уже без Анатолия Васильева написали песню. Спектакль прошел, может быть, всего два раза и был закрыт каким-то, не помню, министром культуры. Там, кстати, Володя Высоцкий спел впервые свою «Охоту на волков». Любимый наш Любимов включил в спектакль

по Вознесенскому вставным номером «Охоту на волков». Это и загубило спектакль. Официальные лица вытаращили глаза: «Почему это Высоцкий поет СВОЮ песню?» И кто-то подсказал нам средство спасения: «А вы говорите им, что Высоцкий не будет больше петь «Охоту на волков». Мы так и поступили. И вот приходит комиссия в очередной раз принимать спектакль, гордая от сознания, что ей удалось уломать таганковцев. Сидят зрители из министерства и горкома партии, а Высоцкий запел «Мы больше не волки». Они услышали и поняли — не такие они дураки, чтобы не понять текст Высоцкого — эта песня еще сильнее и точнее достигает цели. И совсем запретили спектакль.

— У Высоцкого был неуживчивый, неудобный характер?

— Это и хорошо, что он не ангел, не мальчик, не паинька. Его ярко выраженные недостатки перекрывались его достоинствами. Но в отличие от многих людей он переживал, когда делал какую-то гадость или совершал какой-то неблагоприятный поступок. Ведь многие из нас не переживают, а ищут для себя лазейку, чтобы оправдаться: «И все-таки я прав». Володя переживал. Может быть, он не всегда извинялся, но ощущались его переживания. Я на себе это испытал.

— А обиды, которые ему причиняли, он мог простить?

— Я не знаю, но, наверное, мелкие гадости, подлости мог простить. Но глобальные предательства — нет. Заблуждения, ошибки людей он воспринимал нормально — об этом пел в своих песнях. Володя был человеком верующим, и по-христиански он все равно не мог не простить человеку. Не думаю, чтобы он в конечном итоге на кого-то остался зол. Он был достаточно мудр, чтобы прощать.

— На премьере «Мастера и Маргариты» я сидела в первом ряду и была ужасно счастлива, что в узкую щель между сценой и подставными стульями первого ряда буквально через наши ноги прошел гордый и тихий Владимир Высоцкий с Мариной Влади. Они сели слева, в ряду четвертом или пятом. Мне показалось, он был чуточку меньше Марины. Володя не комплексовал по этому поводу?

— Да, он старался казаться повыше, как-то выпрямлял при ней спину и грудь... Даже в стихах он сетовал, что ростом не вышел. А какая разница? Мужик определяется совершенно не этим. Высоцкий любил Марину. Любил.

— И она любила и выбрала именно его...

— Никаких сомнений! Никому не позволительно вести недостойные разговоры о Марине Влади. Это жена Володи, которую он любил. Не позволительно обсуждать и осуждать

жену Высоцкого, которой он написал в стихотворении: «Двадцать лет тобой и Господом храним...» Это были последние его стихи, написанные за два до кончины. (Здесь Борис Хмельницкий — ошибается: упомянутое им стихотворение поэт написал в июне 1980 года. — А. П.) У Володи были любовницы, замечательные, прекрасные. Они любят его и сейчас, но именно Марине он посвятил строки, соединившие ее имя с Богом. Он очень многим ей обязан. Без нее его жизнь оборвалась бы намного раньше.

— Высоцкий в стихах выразил полно не только себя, но и свое поколение, поколение отцов.

— Да, у него можно найти отклик на все случаи жизни, как у Есенина, Бунина, Набокова... Сегодня утром проснулся, и в ушах зазвучало: «Возвращаются все, кроме лучших друзей...» Я не могу записать себя в лучшие друзья Высоцкого, но я, да что я — все мы неожиданно для себя говорим его словами, когда за горло схватывает горечь потери или распирает язва иронии...

Все мы выросли на песнях Высоцкого...

Еще один отрывок из интервью, данного Борисом Хмельницким 23 апреля 2004 года, в день 40-летия Театра на Таганке:

— ...Как-то мы были в гостях у Андрея Миронова, и зашел разговор: у вас замечательный театр, мы его любим, но актеры в нем — марионетки. На что я сказал: «Андрей, назови второй театр в Советском Союзе, где есть такое количество потрясающих актеров — Славина, Демидова, Полицеймако, Жукова, вся мужская обойма — Высоцкий, Золотухин, Губенко, Бортник, Филатов, Любшин, Калягин, Шаповалов (извините, если кого-то не упомянул — список очень длинный) — ничего себе театр марионеток». Мы наслаждались ролями, можно сказать, купались в них. Даже эпизоды Любимов выстраивал так, что плохо сыграть было невозможно. Самая маленькая роль в актерской биографии превращалась в событие.

— Странно про это слышать, ведь таганковские спектакли имели очень специфическую форму, мало соотносящуюся с тем, что происходило вокруг.

— А театр вообще отношения к жизни не имеет. Да и кино — во многих случаях. Снимайте документальное кино, и будет как в жизни. А на сцене имеет место только воплощение идеи жизни, фантазия на эту тему.

— Мы уклонились от темы «роль Любимова в вашей жизни».

— Я бесконечно ему благодарен и не устаю повторять, что это самый главный и любимый режиссер в моей жизни. Актер, прошедший его школу, мог играть в каком угодно теат-

ре — в музыкальном, комедийном, драматическом. Любимов растил «синтетических» актеров. А театр прежде всего — это зрелище. Будь то хоть Достоевский, хоть Солженицын, хоть Горький, на спектакле не должно быть скучно.

Сейчас Таганка, конечно, другая. Театры, как известно, живут десять-пятнадцать лет. Первый, кто стал говорить о том, что, мол, ребята, не обольщайтесь, мы дошли до какого-то предела, и стали тормозить, был Любимов. Он сам чувствовал, что что-то с театром не то происходит.

— В каком это году прозвучало первый раз?

— В 78-м. Он мужественно признался и призвал нас не останавливаться, не довольствоваться старыми успехами, а искать, искать... Режиссура — это власть. Очень опасная штука — владеть душами и судьбами людей. А приходится: хочу — помилую, хочу — нет. Хочу, сниму с роли, хочу ее дам. Но поразительно: Любимов никого не увольнял. Актеры получали по 150 выговоров — за прогулы, за пьянки, но только не приказы об увольнении. Да, от Любимова уходили — Ярмольник, Губенко, Люшин, Калягин, Демидова, но уходили сами, в другие театры, в другие жанры. И мне в какой-то момент показалось, что я могу сделать новый, совершенно иной виток своей жизни.

Конфликт, после которого Таганка развалилась, мне, мягко говоря, не очень близок. У меня со многими актерами хорошие отношения и в театре Любимова, и в театре Губенко. Я их не делю, я их люблю. Зину Славину, ушедшего из жизни Леню Филатова, Нину Жукову, Колю Губенко. Дьявольские силы вмешались, какая-то чертовщина произошла. Но давайте за сорок лет вспомним всех. Я и Юрия Петровича просил: «Пригласите всех, ну что зло-то держать? Да, театры расходятся — «Современник», МХАТ, ну что теперь, не общаться им, что ли? Считать друг друга изменниками?»

...Я как-то ехал еще по Советскому Союзу из Минска на машине ночью, включил радио, и вдруг, то ли на немецкой волне, то ли на Би-би-си, поймал интервью с Любимовым. Он говорил, что решил жить за границей, но в Москве остались его ближайшие ученики, и перечислил человек пять, в том числе и меня. Я пришел в театр, спрашиваю: «Ребята, а что вы здесь сидите? Собирайте вещи свои, манатки». — «А что случилось?» — «Да слышал интервью Любимова из-за бугра. Он там остается. И учеников своих любимых, живущих в Москве, перечислил. Сегодня, значит, нас всех вызывают в КГБ, отправляемся по этапу...» Хорошо, что никто не вызвал — сквозь пальцы пропустили. Он ведь автоматически причислялся к изменникам Родины, а мы — как бы к его сообщникам...

Когда Юрий Петрович уже вернулся домой, я его спросил: «Ну вы-то хорошо нашу систему знали, вы же понимали, чем ваша фраза может обернуться. Вы — там, а мы — здесь. И мы остались одни». Когда Леонид Филатов снимал фильм про Таганку «Сукины дети», то я ему сказал: «Лень, а ведь второй финал вы в фильме не доиграли». — «Какой?» — «Да вот когда мы все выходим в конце, все мы — «сукины дети», но ими мы стали гораздо раньше — вот тогда, когда Любимов не вернулся из Англии, и мы остались одни, никому не нужными сукиными детьми...»

— Как вы считаете, Губенко с Любимовым никогда не найдут общего языка?

— Это очень сложные взаимоотношения двух львов, сильных, неоднозначных личностей, в результате которых под мясорубку попадают актеры. Но все равно Любимов — наш учитель. А, как я однажды в театре сказал, на учителей, на родителей и на жен я в суд не подаю. Что бы ни происходило. Это мои личные обиды, недоразумения. И я это искренне говорил.

Мы всегда вели творческие споры. Но театр существовал тогда, когда мы друг друга любили. Вы бы видели, как Любимов наслаждался, когда мы хорошо играли на сцене...

Было, конечно, и другое. Иногда человек одним неосторожным словом может оскорбить другого. Как однажды на репетиции «Гамлета» Володе Высоцкому в присутствии Марины Влади Любимов сказал: «Ну вот, приехал из Парижа в кальсонах». Володя вышел в своих светлых вельветовых брюках. В Москве таких тогда даже не видели. По сути, Любимов был прав, но оскорблять человека в присутствии его любимой женщины...

...Когда Володя ушел из жизни, мы решили сделать спектакль «Владимир Высоцкий». Это был спектакль-исповедь. Володя — перед нами, мы все — перед ним, его голос на сцене... И мы дали клятву: что бы ни случилось, играть этот спектакль два раза в год — 25 января и 25 июля, в день рождения и в день смерти Высоцкого. Что происходит дальше? Я уже ушел из театра. Но, памятуя, что 25-го — спектакль памяти Володи, я прилетаю из Сирии в Москву, отпрашиваюсь на два дня со съемок совместной картины. Пять лет прошло, как Володи не стало. И в этот день я узнаю, что спектакль отменен — театр в Чехословакию уехал. Вот тут для меня Таганка и рухнула. Я все понимаю: жизнь идет, хорошо бы за границу поехать, но давайте тогда не объясняться в любви! А раз нарушили клятву — получили наказание... Когда театр вернулся с гастролей, я по-

дошел к Любимову: «Как это могло быть?» — «Да понимаешь, гастроли, планы»... Как-будто нельзя было спланировать поездку неделей позже.

— Сейчас такие вещи очень четко отслеживает жена Любимова, Каталин.

— Она, конечно, сыграла огромную роль в его жизни. И во многом — положительную. Отдала мужу все свои силы, родила ему сына, а для каждого мужчины в возрасте рождение ребенка — это переворот судьбы. Она организовала весь быт театра. Это чрезвычайно сложно, но Каталин — женщина волевая, сильная. Главное — они семья и любят друг друга. У Юрия Петровича была жена Людмила Целиковская. Мы ее очень уважали, хотя тоже характер был — ну как же, знаменитая актриса, жена главного режиссера. Но, кстати, она никогда не вмешивалась в жизнь театра так явно. Дома наверняка были разговоры, но, приходя на Таганку, она никогда не подчеркивала свое влияние.

— А как вы оцениваете трагическую историю Таганки с Эфросом?

— Ему не надо было приходить в Театр на Таганке. Это однозначно. Когда написал известный драматург большую статью о том, что мы убили Эфроса, он был не прав: это кто-то его из близких подставил, поторопил. Анатолию Васильевичу надо было продержаться несколько месяцев, и мы бы сами к нему обратились. А когда его привели в обязательном порядке — вот, мол, ваш новый главный режиссер, а мы все еще ходили с именем Любимова на устах...

— Поразительно, как тогда вы стояли за Любимова горой, даже вопреки здравому смыслу.

— А я и тогда, и теперь говорю, что это мой любимый режиссер.

Представляете, он заикку в театр взял! Я же страшно заикался, в Щукинском театральном училище иногда даже экзамены письменно сдавал — говорить не мог. Но потом был первый самостоятельный показ на первом курсе, все ждали этого момента — решалось, смогу я актером с таким дефектом работать или нет. И Любимов был в зале, он у нас преподавал. Я вышел на сцену. Отбарабанил все без запиночки. Юрий Петрович тогда сказал: «Ну и пусть заикается себе в жизни, сколько хочет».

— На сцене, говорят, все проходит?

— Тоже бывали сложные моменты. Но Любимов в меня верил. Всегда поддерживал: да не обращай ты внимания на свое заикание, пусть думают, что это я так срежиссировал...

Однажды вводили меня на роль Галилея — Володя Высоцкий в больнице оказался. Я спектакль знал, мы с Толей Васильевым к нему писали зонги, но не играл в нем. Любимов меня вызывает: сможешь за 15 дней выучить роль? А Галилей — это не Гамлет даже — там сплошные монологи. Но что делать — не отменять же спектакль, тем более скандал был бы чиновникам на руку — из-за болезни Володи срыв. Мы репетировали днем и ночью. А заикание — дело непонятное. Откуда оно берется на всю жизнь? Утром на прогоне я дико заикаюсь, после первого акта захожу в кабинет: «Юрий Петрович, отменяйте». — «Да ты что! Что случилось? Ты лучше думай, как сыграть первую сцену с Ульяновой про молоко», — и ни слова про мое заикание, как будто и не я до этого на сцене мучился. Вечером я сыграл спектакль!

Потом Володя вышел из больницы, мы играли в очередь, а потом без всяких объяснений я был снят с этой роли. Прошло время, опять Высоцкий в больнице, опять Любимов уговорил меня играть. И история повторилась. Но когда на поминках Высоцкого ко мне подошел его друг Вадим Туманов и сказал мне: «Боря, Володя тебя любил, но что у вас произошло? Он чувствовал какую-то вину перед тобой. Из-за бабы?» — «Нет. Объяснять не буду. Тема закрыта. Раз он мучался, переживал, все, забыто, я его люблю еще больше».

— Но я знаю, что ушли вы после «Мастера и Маргариты» — знаменательного в роковых отношениях романа.

— На роль Воланда Любимов назначил меня, Смехова и Соболева. Я напомнил Любимову историю с Галилеем. И поставил условие, что репетируем по очереди, но перед выпуском спектакля он объявит первый состав. И перед сдачей Любимов сказал, что первый исполнитель Воланда — Хмельницкий. Прошло время, опять же без всяких объяснений, меня сняли с роли. Лучше горькая правда, чем неизвестность. Два года я не играл. И однажды в городе Омске, на гастролях, в присутствии Леонида Филатова и моей сестры Луизы Хмельницкой, одному из исполнителей Воланда был задан вопрос: почему Борис не играет? — «Ты как был Бэмби, так им и остался. Такие роли надо выгрызть зубами и идти по трупам».

Я по трупам не хожу, человек, который идет по трупам, после этого всю жизнь дурно пахнет. И я ушел из театра.

Все заявление об уходе восприняли как мою очередную шутку. Даже Любимов сначала не поверил... Но о Театре на Таганке я всегда вспоминаю с огромной любовью и благодарностью. Я там работал с 64-го года — с самого ее основания. Что говорить, прошло 40 таганковских лет, из них 20 — счастли-

вых. Я понимаю, что седые волосы и знаки отличия на твоём лице остаются не только после страданий и переживаний, но и от любви к делу, которому ты себя посвятил, к театру, к своему учителю Юрию Петровичу, к людям, с которыми ты работал, и к своим близким. Поэтому я объясняю вам в любви и поздравляю с нашим юбилеем. Как в спектакле Маяковского «Послушайте» я говорил: у вас на меня никакой злобы не должно быть, но и у меня к вам — тоже.

Вот такая исповедь Бориса Алексеевича...

Накануне гастролей в Израиле, незадолго до своей кончины, актер дал интервью журналистке Полине Ламперт. Перед читателем большой отрывок из него:

«Актерская дружба — крепкая. Она проверяется годами, испытывается соперничеством, кочует со сцены за кулисы и продолжается даже после смерти — память об ушедших друзьях артистическая братия бережно хранит, и не дает нам, зрителям, забыть своих кумиров. Такая дружба привела в Израиль знаменитого Бориса Хмельницкого. В дни, когда мы отмечаем очередную годовщину со дня рождения Владимира Высоцкого, его друг по экрану, по сцене Таганки и просто по жизни приехал в нашу страну для подготовки фестиваля памяти Владимира Семеновича «Я, конечно, вернусь...», который состоится в феврале. Известные артисты, работавшие с Высоцким и близко его знавшие, будут рассказывать о нем в песнях и монологах.

— Борис, давайте начнем разговор с фестиваля. Какие артисты приедут к нам в Израиль?

— Приедут Валерий Золотухин с женой Ириной Линдт, Армен Джигарханян, Анастасия Вертинская, Алика Смехова, Александр Михайлов, Александр Панкратов-Черный, Никита Джигурда...

— Его, кажется, называли преемником Высоцкого — та же мужественная внешность, то же аплуа, и даже голос — хриплый — чем-то похож...

— В одном из своих интервью Владимир Высоцкий сказал: «Я не люблю, когда поют мои песни. Может, кто-то сплет лучше меня, но это уже не я...» Поэтому я сам почти никогда не пел песен Володи, хотя у нас было много общих работ. И когда другие исполняют песни Высоцкого, я их просто не воспринимаю. Лучше его не споешь. Но Никита Джигурда в этом году выпустил свой компакт-диск: он написал музыку на стихи Высоцкого, и я считаю, что он очень здорово это сделал. Никита — очень энергичный, очень талантливый и очень яркий человек.

— А сам Высоцкий не обижался на тех, кто публично исполнял его вещи?

— В творческих вопросах Володя обижался только на себя. Даже когда с кем-то ругался — скажем, по поводу ролей — он считал виноватым себя. Например, обижался, когда его роли в театре передавали кому-то другому на период болезни. Хотя и понимал, что театр от этого страдать не должен, спектакли должны идти.

— То есть, вы считаете, что роль вместо Володи другой актер мог бы сыграть, а песни его никто другой исполнять не может?

— Роль написал другой автор и поставил другой режиссер. И тут актер — рабочая сила. И если Володя подводил — что было делать? А он подводил, часто был болен... Тут, кстати, не надо путать: дело ведь не в том, что он не умел выпивать — Володя был болен, неизлечимо.

А насчет того, чтобы петь его песни... Вот у меня однажды, еще при жизни Высоцкого, был концерт, и я сказал Володе: «Может, я спою песню из фильма «Стрелы Робин Гуда»? Иду на сцену, выступаю. Полный зал. Пою, а у меня все время за спиной — голос Володи. И он как бы все время мне мешает, не дает нормально петь. На следующее утро встречаюсь с Володей. Он: «Ну, как, спел?» — «Ага, но больше петь эту балладу я не буду. У тебя это лучше получается. А вот читать стихи я буду. Это лучше получается у меня».

— Вы — великолепный артист, замечательный музыкант. Но не кажется ли вам, что ваша жизнь проходила как бы «в тени» Высоцкого?

— Нет, что вы! Я был в порядке, как и он, когда мы вместе работали. Слава Богу, театр у нас был очень популярный, и актеры, все как один, знаменитые: Валера Золотухин, Леня Филатов, Вениамин Смехов, Леня Ярмольник, Алла Демидова, Зина Славина — и никто не был затмеваем другими... Мы все много снимались, ездили с концертами... Это продолжается и по сей день, артисты Таганки — это особая величина.

— Какую Таганку имеете Вы в виду — Любимова или Губенко?

— Того театра, который был, уже нет. Но я не делю артистов на «старых» и «новых». Они все для меня — Таганка...

Я не присутствовал при том скандале, при дележе — я тогда уже ушел из театра. Но, как бы там ни было, кто бы ни был прав или виноват, мой учитель — Любимов, и театр создал он. На учителей и родителей в суд не подают.

— Но Высоцкий был вам ближе всех?

— У меня с Володей были нормальные человеческие отношения. Я его любил и люблю. И он меня, кажется, любил. И даже посвятил мне стих.

Мы много написали вместе, кое-что даже у меня дома. Иногда нам помогала моя сестра Луиза — она замечательный композитор. Бывало, сидит, слушает, потом не выдерживает: «Вот, Володя, у тебя два аккорда. Ну, может, четыре. А если здесь такой взять аккорд? Будет лучше! Возьми тут вторую субдоминанту». Володя говорит: «Чего? Как это?». Она: «Ну, возьми так, так и так...» Он взял: «Как здорово звучит!». Луиза говорит: «Да, это называется вторая субдоминанта». А Володя: «Нет, я не о музыке. Как это красиво звучит — субдоминанта!..»

— Но ведь Высоцкий играл по наитию. Он в первую очередь был Поэтом и Актером — от Бога, а музыкой просто «украшал» свои гениальные тексты. Вы со мной не согласны?

— Есть профессиональные музыканты, а есть исполнители, которые играют непрофессионально — но как!!! Так берет ноты, что видишь — перед тобой великий музыкант! Володя Высоцкий — явление уникальное. В его музыке столько мощи, что мне наплевать, чисто он берет аккорд или нет, и сколько вообще аккордов он знает.

— Вот вы говорите о Высоцком в настоящем времени — для вас он не умер?

— Как нас учили, энергия никуда не исчезает, она переходит из одного состояния в другое. Тем более, душа человека... этого никто не знает, но я думаю, что такая энергетика — вечная.

— Как вы считаете, почему многие актеры так подвержены пьянству?

— Потому что у нас работа такая — экстремальная. Мы все пропускаем через свою нервную систему, через свои эмоции. Актеры живут и умирают на сцене, на съемках — и так ушли Миронов, Вергинский, Шукшин... Высоцкий тоже умирал на сцене, ему уколы делали за кулисами, когда он играл Гамлета. И многие другие играют на пределе — больной, не больной, — нельзя не выйти на сцену, нельзя на сцене показывать свою боль.

В другом интервью Бориса Алексеевича, данном журналу «Шансон-ревью» незадолго до своего ухода из жизни, также содержится немало любопытных историй, поведенных читателям актером, — по большей части музыкальных (что соответствует тематике издания), связанных с именем Владимира Высоцкого.

Читаем:

— Борис, как же ваш голос похож на голос Владимира Высоцкого!

— У меня всегда был этот голос. Я никогда не подражал Володе. Хотя не стыдно быть в чем-то похожим на Володю. У меня такой врожденный тембр, характер голоса. В общем, нас с ним нельзя обвинить в потере ориентации. Не дождетесь!

— Недавно исполнилось 30 лет фильму «Стрелы Робин Гуда», где вы сыграли главную роль...

— Кстати, в этом фильме должен был играть Володя Высоцкий. Но не смог. Он уехал в Париж. И присылал нам в экспедицию свои песни. Напишет песню и пришлет. А потом случилась жуткая история. Сдача фильма. Сидит комиссия Госкино, звучит «Баллада о времени». И один руководитель, очень известный человек, который обожал Володю, вдруг говорит: «Зачем в детском фильме такие сложные баллады Высоцкого?» И вся музыка была вырезана. Режиссеру Сергею Тарасову срочно пришлось обратиться к Раймонду Паулсу, который за неделю написал несколько баллад. Какой для Володи был удар! А уже пошли анонсы, особенно на Запад: в Польшу, Чехословакию, Болгарию. В них было отмечено, что музыку написал Владимир Высоцкий. Потом фильм 17 лет пролежал на полке. Хорошо, что Тарасов сохранил единственную копию. Спустя 17 лет фильм показали уже в изначальном варианте. А сегодня вышел двойной DVD-диск с двумя вариантами: балладами Высоцкого и музыкой Раймонда Паулса. Володя уже не увидел этого на экране. Кстати, фильм был признан лучшим на кинофестивале в Чехословакии...

— Борис, дайте свое определение шансону.

— Шансон — это песня любви. Это объяснение в любви. Городской романс — разным может быть. Там и полублатные песни могут быть, и жанровые песни. А шансон — именно объяснение в любви...

Все великие шансонье были актерами: Шаляпин, Фрэнк Синатра, Ив Монтан, Шарль Азнавур, Серж Гэнсбур, Вертинский, Высоцкий... Меня иногда спрашивают: «Как тебе вот тот певец, который поет песни Володи Высоцкого?» Я отвечаю: «Обаяния нет». У Володи было потрясающее обаяние, он — актер. Или выходит Шарль Азнавур... Шибздик! Но обаяние какое! Актер!.. Или тот же Володя. Ну, какой он супермен?

— Знаете, меня всегда интересовало, как такая шикарная женщина, как Марина Влади, человек другой культуры, избалованная вниманием западных мужчин...

— ...полюбила Высоцкого? Еще как полюбила! Когда он брал гитару — все девушки его были. Хотя у нас компания была не самая слабая: Михалков, Кончаловский, Смирнитский, Ромашин, Золотухин, Визбор... Такой талант. И огромнейшее мужское обаяние. А когда он начинал петь! То, что вы видите на пленке, — совсем другое. А Чарли Чаплин? Всех баб е...! Мягко говоря, влюбил в себя. Лучших. Да масса примеров, когда маленький, неказистый, но талантлив невероятно, и женщины влюбляются. В этом сила мужская.

— Как думаете, Владимира Высоцкого можно назвать шансонье?

— Нет, он не совсем шансонье. Он сам говорил об этом: я не бард, не шансонье, не менестрель. Он хотел, чтобы его признавали как поэта. Володя — поэт. Человек, поющий стихи. При жизни его признали поэтом только Белла Ахмадулина и Иосиф Бродский. Гитара ему помогала выразить текст через музыку. Бродский даже говорил: «Там музыка хорошая. Но мне иногда это мешает — настолько великая поэзия». Но Шнитке однажды сказал, что придет время, и мы будем изучать Высоцкого не только как поэта, артиста, но и как великого музыканта. Там такие навороты! Он пел согласные звуки! А знал-то всего четыре аккорда, ну, пять. Как-то сидим у меня дома, телевизор смотрим. Володя начинает играть. Я говорю: «Слушай, Володь, возьми здесь вторую сублиминанту». — «Чего??» Я беру аккорд. Он: «Красиво. Знаешь, не только аккорд красивый, но и слово такое красивое — вторая сублиминанта!» Фальшиво играл. Но как! Если сядет за рояль, то одним пальцем сыграет мелодию так, как иногда профессионал не сыграет. А все потому, что чувствовал музыку! Однажды он пел, а я записывал ноты и повторял на фоно. «Нет, что-то не то. Ну-ка, еще спой, вот это место». Поет. Я записываю. Опять не то. И так и не смог записать. Он каждый раз по-новому пел. Все время какие-то нюансы. Там две четверти, там — шесть восьмых, то через два такта ритм вальса... И вопреки всяким законам музыки. «Я в этом ничего не понимаю... Пою и пою», — говорил Володя. А сейчас слушаешь — такие там музыкальные выкрутасы, потрясающие совершенно.

— Как Высоцкий реагировал на то, когда кто-то пел его песни?

— Сам Володя не любил, когда пели его вещи: «Может быть, они поют лучше, чем я, но это уже не я». Скажу больше, они это делали намного хуже. Помню, как-то я говорю: «Слушай, можно я спою на концерте что-нибудь из кинофильма «Робин Гуд»? Все-таки я играл там». Ради Бога. Во время вы-

ступления я сажусь за фоно, начинаю петь и у меня мурашки по коже буквально забегали. Я еле заканчиваю песню. Я понимаю, что намного хуже это делаю! Но зал аплодирует. Прихожу в театр на следующий день. Он говорит: «Ну, спел?» Я ему: «Пошел ты на ... Сам пой».(4)

Весьма красноречивый отрывок, абсолютно не требующий комментариев! Борис Алексеевич все, как говорится, «разложил по полочкам», доходчиво и ясно объяснил и прокомментировал!

...«У попа была собака. Оба умерли от рака», — написал когда-то в поэме «Монтаж» любимый и упоминаемый Борисом Хмельницким русский поэт Иосиф Александрович Бродский. От этой же болезни — рака простаты четвертой степени — скончался 17 февраля 2007 года на больничной койке и сам актер.

Нелепая смерть в своей постели... Точно так же умер двадцатью годами ранее Тарковский Андрей Арсеньевич. Наверное, он был кумиром Бориса Алексеевича, раз уж Хмель взял с него пример. По моему глубокому убеждению, настоящий мужчина должен умирать (а лучше — погибать!) в перестрелке, автоаварии, пьяной драке, наконец.. Но не в постели, уж, — точно! Ну, это так, маленькое отступление от темы...

Автору доводилось неоднократно встречаться и общаться с этим мечтательным человеком и актером. Самый последний раз — зимой 1999 года, в столице Кубани. Борис Алексеевич прилетал в наш город лишь на несколько часов — поучаствовать в качестве члена (жюри, разумеется) в финале конкурса «Мисс Краснодар-99». Прибыть познакомиться с его участницами и оценить их красоту обаятельный бонвиван Хмельницкий просто не мог отказаться! Ведь известно давно и всем: самые красивые девушки в мире живут именно в нашем городе! Убеждаюсь в этом каждый день!..

Уже тогда заметно — смертельно больной, весь мокрый, актер белым медведем возлежал на плюшевом диванчике в гримерке театра, в котором походило шоу красоток, и куда-то улыбался... Наш разговор был недолгим — мне толком не удалось даже расспросить актера о его друге, Владимире Высоцком... Таким Борис Хмельницкий и запечатлелся навсегда в моей памяти — в костюме-тройке, большой, жаркий, хриплый и непонятно кому дарящий свою улыбку...

В молодости актер Хмельницкий был недолго женат на одной из дочерей маэстро Александра Николаевича Вертинского Марианне. В этом браке у него родилась дочь — Дарья Борисовна Хмельницкая, в которой отец души не чаял...

Даша тоже очень любила отца, продолжает его помнить и говорит о нем всегда много, с пиететом и большой любовью. Примером тому — отрывок из большого интервью дочери актера корреспонденту газеты «Московский комсомолец»:

— ...Мне кажется, что папа — счастливый человек. Он прожил очень яркую жизнь. Как его вообще взяли в Щукинское училище? Он три года не мог поступить! Помог Вольф Мессинг, который дружил с папиными родителями и был сильно увлечен моей бабушкой. Мессинг сказал: «Боречка, позвони, когда пойдешь на прослушивание». Но папа не успел, его вызвали раньше, а когда позвонил, услышал: «Боречка, я все знаю». Тут вышли члены комиссии и объявили, что Борис Хмельницкий принят.

У него был такой диапазон характерных ролей в театре: от трагического до комедийного персонажа. И это благодаря Любимову! Папа работал в той Таганке, строил театр — сегодня такого уже нет. Тогда все они: учитель и ученики — были вне времени и немножко диссиденты.

...Однажды на репетиции он так заикался, что не смог произнести текст, и сказал: «Юрий Петрович, я не знаю, как буду играть!» — «Борь, мне вообще это сейчас не интересно. Ты лучше подумай, как сыграть первую сцену», — ответил Любимов. И папа прекрасно сыграл спектакль.

— Из-за роли Галилея у Бориса Хмельницкого сложилась непростая ситуация с Владимиром Высоцким. Как это было?

— Высоцкий репетировал Галилея, потом у Володи произошел срыв, и Любимов поставил папу. Сыграли несколько спектаклей. Обычно в таких случаях актеров ставят в очередь играть, но Володя, когда пришел в себя, сказал Юрию Петровичу: «Я прошу, чтобы это была только моя роль». Папу это травмировало, но он понял. Он простил Володю очень быстро. Володя потом отдельно просил прощения незадолго до своей смерти.

— Они были друзьями?

— Папа никогда не рассказывал, в отличие от многих, что он друг Высоцкого. Он говорил: «Мы были хорошими знакомыми». Папа имел редкое качество для творческого человека: он никогда не завидовал другим людям и мог по-настоящему восхищаться чужим талантом. Он ценил и уважал Володю. Очень переживал, что Высоцкого стали забывать. И он с Валерием Павловичем Янковичем поставили памятник у Петровских ворот. Туда стали приходить люди и начались открытые вечера памяти в день смерти Владимира Семеновича. И потом уже Никита Высоцкий придумал «Свою колею». Папа считал, что люди должны помнить. Значит, Петрович в них что-то заложил...

Небезынтересные воспоминания и рассуждения Дарьи Борисовны... Только почему милая барышня на всю страну называет Владимира Высоцкого «Володей», а Юрия Любимова — «Петровичем»?..

И — последнее: о наркодилере Янкловиче. Этому теперь только и остается — замаливать грехи перед Господом Богом да ставить памятники поэту, угробленному им и К°...

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН

...2011 год стал одним из переломных в творческой, да и личной жизни Валерия Сергеевича Золотухина.

В июне он отметил юбилей — 70-й день рождения, а через месяц актер получил большую должность — был назначен и утвержден на место главного режиссера Московского театра драмы и комедии на Таганке...

На этом ответственном посту Золотухин сменил Юрия Любимова, фактического основателя и хозяина современной Таганки, простоявшего у руля театра почти полвека — с 1964 года.

Не станем вдаваться в подробности старого и вялотекущего конфликта прежнего главрежа и труппы знаменитого театра — там не все ясно и понятно даже самим его участникам: у каждого — своя правда, как это всегда бывает, свои доводы и аргументы pro et contra.

Поговорим о Валерии Сергеевиче как актере театра и кино и человеке, которого Владимир Высоцкий, заполняя в 1970 году анкету, назвал «своим лучшим другом», написав его инициалы в графе «Кто твой друг?»

«Мы с Володией были друзьями, хотя злопыхатели по сей день пытаются обвинить меня в том, что я якобы примазывался к его славе... В анкете на вопрос «Кто ваш друг?» Высоцкий ответил: «Валерий Золотухин». — «Отличительные черты вашего друга?» — «Мудрость, ненавязчивость». Что тут комментировать? Володю окружало огромное число приятелей, но присвоив звание друга публично, он не только возложил на меня огромную ответственность, но и восстановил против меня многих людей. Володины сыновья Никита и Аркадий тоже называют меня в интервью другом отца..»

.. Алтайский деревенский паренек, до 15 лет еле-еле волочивший ноги и передвигавшийся с гармошкой наперевес на костылях из-за редкой болезни — туберкулеза костей, с детства знал множество народных песен. И по возможности — всюду их пел, в том числе и по вагонам — так Валера зараба-

тывал себе в детстве и юности на пропитание... Ведь рос он в семье большой и бедной... Таким был путь в артисты Валерия Сергеевича Золотухина.

Надежда и желание прославиться и стать знаменитым никогда не покидали ум и сердце юноши. Он решает учиться на актера и ехать поступать в театральное училище за тысячами километров от дома — в Москву. Перед этим усилием воли, через боль, научившись ходить и избавившись от костылей, с которыми у него не было бы ни малейшего шанса «стать большим артистом»...

Болезнь в Москве чудесным образом отступила — таких счастливых моментов, подобных самоизлечению, в жизни актера будет еще немало. Видно, очень велико было желание Валеры посвятить себя и свою жизнь актерскому искусству! А может — Судьба, в которую так верит Валерий Сергеевич...

...Незадолго до поездки в Москву Золотухин в Барнауле посетил цирковое представление. Особенно произвел на него впечатление факир и маг, творивший на арене чудеса и занимавшийся волшебством. По окончании представления Валера направился за кулисы — выразить свое восхищение артисту, пленившему своим выступлением зрителей. Цирковой маг, вероятно, за годы своей артистической карьеры действительно овладевший магией, выслушав юношу, сказал ему: «Я верю в тебя! Твоя известность будет гораздо больше моей!» Будущий артист выскочил на костылях из помещения цирка, воодушевленный предсказаниями и напутствием артиста...

В итоге — так все и случилось. Единственное, о чем сожалеет Валерий Сергеевич, — на радостях от услышанного и от последующего волнения он не узнал, не спросил имени у этого мага и факира! Позднее Золотухин даже пытался разыскать его, но все попытки сделать это оставались тщетными...

Без протекции поступив в престижный ГИТИС и с успехом окончив его, Валерий Золотухин, уже — дипломированный актер, занялся поиском Своего театра. Стартовой площадки, откуда начнется его восхождение к Славе и Известности.

И вновь — Судьба! Только что Юрий Любимов возглавил Театр на Таганке и набирает труппу. Требуются молодые амбициозные гении! 1964 год! 23-летний Валера Золотухин — как раз из таких! Принят!

В интервью актер вспомнил о том времени...

— «Таганка» стала вашей судьбой. Как это случилось?

— Да так и случилось. Во-первых, я женился на 5-м курсе на Нине Шацкой, а ее в «Моссовет» не взяли, значит, и мне туда не надо. Во-вторых, я увидел спектакль Юрия Любимова

«Добрый человек из Сезуана». После него я метался по Театру на Таганке как больной, как раненый олень. Я был готов хоть на полу сидеть, хоть без слов играть — но лишь бы в этом театре. Видать, судьба.

— Вы верите в нее?

— К сожалению, верю, и не спрашивайте почему. И в судьбоносные встречи тоже верю. У меня в кино первая встреча с Высоцким. В картине «Интервенция» это случилось. И в Театре на Таганке (опять мурашки бегут по телу) мы почти одновременно пришли. Я чуть раньше, но тут же сошлись в одном спектакле — «Герой нашего времени». Я играл Грушницкого, а он драгунского капитана. Николай Николаевич Губенко играл Печорина. И мы с ним уже тогда стрелялись...

Итак, знакомство Валерия Золотухина с Владимиром Высоцким состоялось на Таганке осенью 1964 года. Они быстро подружились — возможно, что общая тяга и любовь к пению сыграли в этом немалую роль. За 15 лет работы в театре они будут заняты вместе не в одном спектакле, даже параллельно репетировали роль Гамлета (подробный рассказ об этом еще впереди).

В свое время отношения Золотухина и Высоцкого были притчей во языцех. Их яркий тандем являл собой нечто большее, чем приятельство, товарищество и даже крепкая мужская дружба. Это тот самый случай, который принято называть «родством душ». И видимо, с годами оно проявляется все сильнее.

«Чем была для меня эта дружба, понимаешь только с годами. Сейчас я с ним, Высоцким Владимиром Семеновичем, практически ни на один день не расстаюсь», — говорит Валерий Сергеевич.

Владимир Высоцкий «сосватал» Золотухина в кино — первой картиной, в которой снялся Валерий, стал фильм «Интервенция» режиссера Геннадия Полоки (1967) Владимир Семенович сыграл в нем главную роль. На роль жандарма, сыгранную Валерием, Полока собирался пригласить сниматься друга Высоцкого, актера Всеволода Абдулова. Но поэт настоял именно на кандидатуре своего коллеги по театру. Своего нового друга...

Слово «друг» в контексте написанного выше — не просто удачная метафора, а действительно правоприменимое к персоне Валерия Сергеевича значение по отношению к Владимиру Высоцкому (но ограниченное количество времени — до середины 70-х годов). Их взаимоотношения, из приятельских и профессиональных, за короткое время окрепли и перерос-

ли в дружеские. Молодые актеры стали общаться не только в стенах театра, но и вне их. Они были свидетелями некоторых ярких эпизодов из личной жизни друг друга, бытовых моментов в биографиях... В отличие от своего друга Володи, Валера фиксировал все происходящее вокруг в дневниках, привычку вести которые у него появилась еще в ранней юности...

А пока в благодарность за то, что Высоцкий пробил ему дорогу в кинематограф, Золотухин делает обратный жест: советуется знакомому кинорежиссеру взять друга в новую картину...

— Ваш совместный фильм «Хозяин тайги». Это вы посоветовали режиссеру Владимиру Назарову взять Высоцкого в фильм?

— Такое было. Во время съемок «Интервенции» мы дали друг другу клятву, ну буквально как Огарев с Герценом, что друг без друга не будем сниматься. Поклялись на знаменитой одесской лестнице. Ведь в «Интервенцию» Володя меня притащил, а в «Хозяина тайги» — я его.

Кстати, обещание это друзья сдержали: вместе актеры снялись в пяти картинах: «Интервенция» (1968 г.), «Хозяин тайги» (1969), «Единственная...» (1974), «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1975) и «Маленькие трагедии» (1980)

Напомним читателю: в картине В. Назарова Высоцкому досталась роль уголовного рецидивиста по кличке Рябой, а Золотухин сыграл в ней участкового милиционера.

С этим фильмом связано множество историй и курьезных случаев, произошедших с актерами в период, пока создавалась картина...

Стремительно набиравший популярность прежде всего как автор-исполнитель Владимир Высоцкий стал невольным виновником паломничества окрестных жителей в село Выезжий Лог, где проходили съемки...

Впрочем, предоставим слово Валерии Золотухину: «Итак, 1968 год. Лето. Съемки фильма «Хозяин тайги». Сибирь, Красноярский край, Манский район, село Выезжий Лог. Говорят, когда-то здесь кроваво проходил Колчак. Мы жили на постое у хозяйки Анны Филипповны в пустом брошенном доме ее сына, который оставил все хозяйство матери на продажу и уехал жить в город, как многие из нас.

«Мосфильм» определил нам две раскладушки с принадлежностями; на осиротевшей железной кровати, которую мы для уютности глаза заправили байковым одеялом, всегда лежала гитара, когда не была в деле. И в этом позаброшенном жилье без занавесок на окнах висела почему-то огромная электрическая лампа в пятьсот, однако, свечей. Кем и для

кого она была забыта и кому предназначалась светить? Владимир потом говорил, что эту лампу выделил нам мосфильмовский фотограф. Я не помню, значит, фотограф выделил ее ему. Работал он по ночам. Днем снимался. Иногда он меня будил, чтобы радостью удачной строки мне радость доставить. Удачных строк было довольно, так что мне в этой компании ночевать было весело.

А в окна глядели люди — жители Сибири. Постарше поодаль стояли, покуривая и поплеывая семечками, помоложе лежали в бурьяне, может, даже не дыша; они видели живого Высоцкого, они успевали поглядеть, как он работает. А я спал, мне надоело гонять их, а занавески сделать было не из чего. Милицейскую форму я не снимал, чтобы она стала моей второй шкурой для роли, а жители села думали, что я его охранник.

Я не шучу, это понятно, в 1968 году моя физиономия была совсем никому не знакома. И ребяташки постарше (а с ними и взрослые, самим-то вроде неловко), когда видели, что мы днем дома, приходили и просили меня как сторожа «показать живого Высоцкого вблизи». И я показывал. Вызывал Владимира, шутил, дескать, «выйди, сынку, покажись своему народу». Раз пришли, второй, третий и повадились — «вблизи поглядеть на живого...» И я вежливо и культурно, часто, разумеется, обманно выманивал Володю на крыльцо, пусть, думаю, народ глядит, когда еще увидит. А потом, думаю (ух, голова!), а чего ради я его за так показываю, когда можно за что-нибудь?

Другой раз, когда «ходоки» пришли, я говорю: «Несите, ребята, молока ему, тогда покажу». Молока наносили, батюшки!.. Не за один сеанс, конечно. Я стал сливки снимать, сметану организовывал, излишки в подполье спускал или коллегам относил, творог отбрасывать научился, чуть было масло сбивать не приноровился, но тут Владимир Семенович пресек мое хозяйское усердие. «Кончай, — говорит, — Золотухин, молочную ферму разводить. Заставил весь дом горшками, не пройдешь... Куда нам столько? Вези на базар в выходной день». Он-то не знал, что я им приторговываю помаленьку. И тут я подумал, а не дешеволю ли я с молоком-то?.. А не брать ли за него чего... покрепче? Самогон, к примеру... Мне ведь бабки не продавали, я ведь милицейскую форму-то не снимал ни днем, ни ночью. Ну, на самогон-то я, конечно, деньги сам давал, лишь бы нашли-принесли, что они и делали охотно, лишь бы поглядеть на живого.

«Прости ты меня, Владимир Семенович, грешен был, грешен и остался, винюсь, каюсь... Но сколько бы и чего кому теперь сам ни дал, чтоб на тебя на живого одним глазком взгля-

нуть... Ну да свидимся, куда денемся, теперь уже, конечно, там, где всем места хватит, где аншлагов не бывает, как на твоих спектаклях бывало...»

Фильм «Хозяин тайги» оказался музыкальным: Владимир Высоцкий написал и предложил в картину несколько песен. В итоге, в окончательный ее монтаж вошли две — «Дом хрустальный» и «Песня сплавщика», больше известная своим названием как «На реке ль, на озере...». Если первую в картине Владимир Высоцкий исполнил сам — по сюжету, развлекая женщин после трудодня, то вторую песню уже дуэтом пели уголовник Рябой и участковый Сережкин, то есть Владимир и Валерий, будучи в шкуре своих персонажей. Золотухин в «Хозяине тайги» под гармонию исполнил еще и песню «Ой, мороз, мороз!»

В период съемок в картине Владимира Высоцкого частенько навевала Муза: летом 1968 года в Красноярском крае им написано несколько песен, в том числе — ставших широко известными и, как сейчас принято говорить, — культовыми: «Охоту на волков» и «Баньку по-белому». Последняя песня рождалась на глазах у Валерия Золотухина и в короткое время стала очень популярной в среде поклонников песенного творчества поэта.

Актер Театра на Таганке Вениамин Смехов в документальном фильме, посвященном 70-летию Валерия Сергеевича и показанном в июне 2011 года на Первом канале, вспоминал: «Вскоре после съемок фильма «Хозяин тайги» Высоцкий с Золотухиным пришли ко мне в гости и исполнили дуэтом новую песню «Банька по-белому», которую Володя написал буквально накануне, во время съемок картины. Они то ли от усталости, то ли от опьянения исполняли ее раз в восемь дольше, чем она звучит обычно, да еще во весь голос. Тут ко мне заходит моя знакомая, соседка по дому. Я ее спрашиваю: «А ты чего не спишь? Три часа ночи!» А она отвечает: «А никто не спит!» Я посмотрел в окно: весь двор заполнен людьми, все стоят и слушают, как поет Высоцкий!...»

Вот оно, истинное проявление народной любви к своему кумиру и его творчеству! И только посмел бы какой-нибудь соня вызвать милицию!..

Валерий Золотухин был свидетелем зарождавшегося романа своего друга Владимира Высоцкого и молодой французской кинозвезды Марины Влади. Практически присутствовал при их знакомстве! Но вел себя при этом неподобающе другу... Не по мужски! Бывшая жена актера Нина Шацкая вспоминала: «Однажды (15 октября 1968 года. — АЛ.) нас пригласили к французскому журналисту (корреспонденту газеты «Юмани-

те» в Москве Максиму Леону. — АП) Туда пришли и Володя Высоцкий с Мариной. Очаровательная Марина очень женственно устроилась с ногами на диване. Володя с гитарой сел перед ней на полу. Было видно, что они купаются в своем счастье. Высоцкий пел одну песню за другой... Но вдруг Валерий стал соревноваться с ним, перекрикивая своими песнями. Он красовался перед Мариной, курил сигары, картинно держа их в растопыренных пальцах, затягивался ими, как сигаретами. С трудом увела обкуренного мужа домой. Я думала: «За что мне это?..»

Вот такие «коньки выбрасывал» по молодости Золотухин!

...В последнее время, помимо деятельности актерской, Валерий Сергеевич Золотухин активно занят и другими ее видами — писательской и издательской. В частности, несколькими изданиями уже вышли в свет упомянутые дневники актера. Выходили они под разными названиями: «Дребезги», «Таганский дневник», «На плахе Таганки», «Секрет Высоцкого» и т. д. В книгах этих опубликованы дневниковые размышления Золотухина, с точностью и беспристрастностью зафиксировавшие события 30-40 летней давности, происходившие с актером и его окружением, и, прежде всего, — с Владимиром Высоцким.

«Почти все, что о Володе опубликовано, написано после его смерти, а мои книжки — это действительно дневники, — говорит актер. — Почти никто не обращает внимания на даты, которые предваряют каждый отрывок, а это и есть самое пронизательное. Дневники — это документ, его подлинность можно проверить, сделав анализ чернил и бумаги».

«Когда я опубликовал дневники, которые изо дня в день веду с семнадцати лет, и где откровенно написал о Володе, Люся Абрамова сказала: «Если бы все, что написано о Высоцком, исчезло, а дневники Золотухина остались, этого было бы достаточно, чтобы понять, каким человеком он был».

Вообще, родные и друзья поэта по-разному относятся к дневникам Валерия Золотухина. Сын Высоцкого Никита говорит, что эти «дневники с воспоминаниями о дружбе с Владимиром Семеновичем — одно из самых ценных свидетельств о Высоцком».

Людмила Абрамова, мать Никиты и вторая жена Владимира Семеновича, вторит сыну и считает, что дневниковая повесть о Владимире Высоцком — лучшее, что написано о поэте.

«Ну и я так же считаю, — говорит Золотухин. — Поскольку это не написано, а записано при жизни. Это уже документ...»

Мне Владимир тогда еще говорил: «Вот я — умру, а Валерка обо мне книжку напишет!»

Недавно один из наших общих знакомых позвонил и говорит: «Валера, если бы Вовка прочитал твои дневники, он бы ради этого умер второй раз». Только дело не в том, мне кажется, кто и что сказал о Высоцком, а в том, что он сам сказал своим творчеством. Никакая правда о нем или ложь не испортят его стихов».

Категорически не согласен с мнением Абрамовой и Н. Высоцкого о дневниках Золотухина и самого автора о них коллега Валерия Сергеевича по Театру на Таганке актер Вениамин Смехов: «Золотухин — мой товарищ. Есть такое понятие «ами-кошон», то есть «друг-свинья». Я очень люблю Валерия. Но он ведет себя иногда как «ами», а иногда как «кошон»... Наверное, и я, если посмотреть со стороны, где-то кому-то навредил... Не мое дело судить и отпускать грехи...»

Какое бы кто мнение о дневниках не имел и не высказывал, они — опубликованы автором и имеют право на существование — наряду с воспоминаниями о Высоцком и книгами о его жизни и творчестве других коллег и знакомых поэта.

Дневниковые записи Валерия Золотухина 60—70-х годов... В них Владимир Высоцкий зачастую предстает не привычным народным трибуном, яростным свободолюбцем, а смертельно больным и одиноким, часто — слабым и беспомощным человеком... Такова правда жизни! И при этом — гениальным творцом, удачливым соблазнителем и любовником, душой компании и бесшабашным рубахой-парнем. И это тоже — истинная правда!

В дневниках Валерия Сергеевича немало натуралистических и довольно скандальных сцен — описаний сплошных запоев Высоцкого, семейных и любовных передрыг, закулисных «разборок» Театра на Таганке. Здесь же — уникальные, записанные Золотухиным и тем самым — сохраненные для потомков разговоры, монологи, размышления поэта на самые различные темы...

Познакомимся с избранными страницами из дневниковых записок актера.

07.02.68

...Запил Высоцкий — это трагедия. Надо видеть, во что превратился этот подтянутый и почти всегда бодрый артист. Не идет в больницу, очевидно, напуган: первый раз он лежал в буйном отделении и насмотрелся. А пока он сам не захочет, его не положат.

— Нету друзей рядом, а что мы можем сделать?

15.02.68

Высоцкого возят на спектакли из больницы. Ему передали обо мне, что я сказал: «Из всего этого мне одно противно, что из-за него я должен играть с больной ногой». Вот сволочи-прилипалы...

10.11.68

Володя накануне был очень пьян после «10 дней» и какой-то бабе старой на улице говорил, что «располосует себе вены, и тогда все будут довольны». Говорил про Есенина, старуха, пытаясь утешить, очень обижала: «Есенин умер, но его помнят все, а вас никто не будет помнить» и т. д. Было ужасно больно и противно все это слушать.

09.10.72

Высоцкий:

— Валера, я не могу, я не хочу играть... Я больной человек. После «Гамлета» и «Галилея» я ночь не сплю, не могу прийти в себя, меня всего трясет — руки дрожат... После монолога и сцены с Офелией я кончен... Это сделано в таком напряжении, в таком ритме — я схожу с ума от перегрузок... Я помру когда-нибудь, я когда-нибудь помру... а дальше нужно еще больше, а у меня нет сил... Я бегая, как загнанный заяц, по этому занавесу. На что мне это нужно?.. Хочется на год бросить это лицедейство... Это не профессия... Хочется сесть за стол и спокойно писать, чтобы оставить после себя что-то.

18.09.74, Рига

Дыховичный страхи рассказывает про Володю. Ударил себя ножом. Кое-как его Иван скрутил, отобрал нож. «Дайте мне умереть!» Потом все время просил выпить... Никто не едет. Врач вшивать отказывается: «Он не хочет лечиться, в любое время может выпить — и смертельный исход. А мне — тюрьма». Шеф сказал, что он освободил его от работы в театре...

Свои дневниковые записи Валерий Сергеевич Золотухин не прекратил вести и после смерти Владимира Высоцкого. Так что к ним мы еще вернемся в нашей главе.

А сейчас — о теме крайне интересной, весьма щепетильной, касающейся обоих актеров. Самое время рассказать о постановке в 1971 году на сцене Таганки шекспировского «Гамлета». Выход спектакля стал событием № 1 в театральном мире СССР. Главная роль в драме — Принца Датского — досталась Высоцкому. Но после его нескольких алкогольных «за-

гулов» и спонтанных отъездов в другой город с концертом или за границу спектакль оказался под угрозой срыва, а зал театра всегда был переполнен... И тогда режиссер Юрий Любимов издает приказ: приступить к репетициям роли Гамлета Валерию Золотухину и Леониду Филатову... Владимир Высоцкий счел согласие на это своих коллег по театру и друзей предательством по отношению к себе...

Попробуем прояснить ситуацию с «Гамлетом» и вокруг нее...

Итак, в 1971 году Юрий Петрович Любимов принимает решение — ставить шедевр мировой драматургии, шекспировскую драму «Гамлет» в Театре на Таганке.

«То, что Высоцкий выпросил у Любимова роль Гамлета — это правда. Но надо же было знать Володю. Мне, например, было страшно: «Володя, а вдруг тебе дадут?» — «Ну и что?» — «А вдруг не сыграешь?» — «Кто, я не сыграю? Да ты что!» И действительно сыграл!», — вспоминал позднее Золотухин.

Но на самом деле все оказалось не так просто, как в воспоминаниях Валерия Сергеевича... Бывший в то время директором Театра на Таганке Николай Лукьянович Дупак по поводу постановки пьесы Шекспира вспоминает следующее: «Я как директор не влиял на распределение ролей. Это прерогатива режиссера, но один раз косвенное влияние было. И связано оно с лучшей ролью Высоцкого. Дело было так. Высоцкий несколько раз подходил ко мне и говорил: «Николай Лукьянович, я очень Гамлета хочу сыграть. Нельзя у нас поставить?» Любимов же в те годы пробивал свои шекспировские «Хроники», а о классике и слышать не хотел.

Меня же начальство, курирующее театры, убеждало, что для начала нужно поставить именно «классику». На одном из заседаний репертуарной комиссии нам официально объявили, что «Таганке» разрешается поставить любую классическую пьесу Шекспира. Я сказал, что мы готовы поставить «Гамлета». Возражений не было.

Выходим с заседания репертуарной комиссии. Любимов мне: «Какого черта мы с этим «Гамлетом» вылезли! Кто играть-то его будет?» Я отвечаю: «Как кто — Высоцкий!» — «Ну какой из Высоцкого Гамлет?! Вы хоть представляете что это за роль?» — «Юрий Петрович, что мы теряем? Давайте в нашем театре объявим конкурс. Кто, на ваш взгляд, Гамлета сыграть сможет?» — «Ну, может быть, Леня Филатов, может, Валера Золотухин...»

И конкурс действительно был объявлен. Любимов занимался с Филатовым, режиссер Глаголин — с Золотухиным, а

я — с Высоцким. Через месяц состоялся показ. Высоцкий «вынес» всех...»

То, что Владимир Высоцкий «вынесет» всех — сомневаться не приходилось. Он с самого начала постановки мечтал и желал сыграть Гамлета, и желание это было так велико, что иного результата никто и не ждал! Он жил, он дышал этой ролью! Но изначально, ведь, Юрий Любимов видел в образе Принца Датского именно Золотухина с Филатовым! И Высоцкому пришлось постараться вдвойне, чтобы, показав все свои актерские возможности, доказать свою состоятельность, получить эту роль и сыграть ее!

Высоцковед Виктор Бакин: «Но и Золотухин-Лаэрт рвался в Гамлеты.

После одной из репетиций... Б. Глаголин:

— Получается, может получиться! Раньше не видел в тебе Гамлета, теперь убедился, что ты можешь и должен играть!!

— Ладно, а как же перед Володей? Неудобно...

— Ничего неудобного нет, Валерка, ты глубоко ошибаешься...

— А я мучаюсь. Все придумывал, как сказать ему о том, что я начал без него работать Гамлета.

Так и «промучается» надеждой Золотухин до самой смерти Высоцкого. И надежда умрет с Высоцким — спектакль «снимут».

«Нелегко было слушать о себе вещи далеко не лестные, — рассказывает Валерий Золотухин. — «Предал друга...» Когда предал? Когда Гамлета взялся играть!.. Ну, эта старая история тоже описана в дневниках».

В них Валерий Сергеевич подробно рассказывает, как сам собирался играть эту роль. Как переживал из-за того, что Высоцкий пообещал уйти из театра, куда глаза глядят, если Гамлетом станет Валерий...

С высоты времени и прожитых лет ситуация вокруг спектакля кажется актеру таковой: «И тогда, и сейчас я смотрю на нее с юмором. На Гамлета я был назначен приказом. Слава Богу, что этот приказ сохранился. Я же не самозванец. И потом был ведь определенный стовор с Любимовым, потому что Володю в то время надо было приструнить дисциплинарно. Когда актер чувствует второго, он становится более ответственным. Я на самом деле работал над Гамлетом. И работа не пропала зря, потому что в конце концов я записал передачу на телевидении — четыре монолога Гамлета, и мои тщеславные мечты были в какой-то мере удовлетворены... Володя был большим ребенком: «Если сыграешь, я уйду в другой театр — самый плохой...» Ха-ха...»

А вот какой видится ситуация вокруг «Гамлета» Валерия Золотухину спустя сорок лет, летом 2011 года: «Меня поразило, как однажды Высоцкий сказал Любимову:

— Дайте сыграть Гамлета.

— Володя, ты охуел, что ли? А вдруг не сыграешь? — не сдержался я.

— Как это я — да не сыграю? — ответил он.

Но для меня все равно самым страшным оставалось попросить роль, а потом «ляпнуться»...

В документальном фильме Эльдара Рязанова, уже после Володиной смерти, я откровенно рассказал, как Любимов в воспитательных целях (Высоцкий часто уезжал за границу к жене) решил ввести меня на главную для Высоцкого роль Гамлета. Кстати, принцем Датским видела меня и Целиковская. Володя, узнав о моих репетициях, сказал:

— Если ты выйдешь на сцену, я в день твоей премьеры уйду в самый плохой московский театр.

Я ответил:

— Зачем идти в плохой? Иди в хороший.

Мой монолог, как водится, порезали при монтаже. Получалось: я — предатель! Фанаты Высоцкого — страшные люди — завалили меня письмами с угрозами облить серной кислотой, сжечь квартиру вместе с моими «щенятами» — детьми, вкладывали в конверты неиспользованные презервативы. Я реально боялся нападения, купил нож, носил в кармане баллончик со слезоточивым газом. Люся тогда сказала: «Если б Володя об этом узнал, сошел бы с ума».

Под «документальным фильмом Эльдара Рязанова» Золотухин имеет в виду программу «Четыре вечера с Владимиром Высоцким», снятую в 1987 году и показанную по ТВ в январе 1988-го, в дни празднования 50-летия поэта.

Позднее, в интервью, актер так вспоминал о случае с рязановской программой:

— Валерий Сергеевич, ну а как же в понятие «бережной дружбы» вписывается известный эпизод с «Гамлетом», когда вы пробовались в спектакле на главную роль, которую уже играл, причем очень хорошо, ваш друг Высоцкий?

— История с моими пробами на роль Гамлета, которого играл Высоцкий, была раздута и довольно предвзято преподнесена Эльдаром Рязановым в его документальном фильме «Четыре вечера с Владимиром Высоцким»... Тогда я сам приехал к режиссеру, поделился, рассказал ему о том предложении Юрия Любимова, а Рязанов разрезал мой монолог, дав его кусками, и перемонтировал, вставив ряд комментариев разных людей.

В результате родилась легенда о моем «предательстве». На самом деле, это всего лишь киномонтаж! Поэтому оправдываться я не хочу. Я устал за столько лет объяснять, как все было... Вы, журналисты, лучше прочих знаете, как можно изказать и преподнести любой материал. Писатель Виктор Астафьев сказал, когда посмотрел этот фильм: «Золотухин здесь единственный честный человек, но и того обокрали!».

Однако дело-то было сделано... 200 миллионов зрителей от меня отвернулись! Я стал получать оскорбительные, хамские письма, иногда полные угроз: мне, мол, выжгут глаза, меня зарежут, моих детей уничтожат...

В общем, началось самое настоящее кликушество, которое сейчас, к счастью, поутихло. А тогда, после Володиной смерти, невозможно было говорить о его каких-то, к примеру, слабых стихах. Даже у Пушкина можно было назвать менее удачные и ценные строки, а вот у Высоцкого — нет! Не могли сказать против него ничего дурного — растерзают! Такое идолопоклонничество было...

«Если ты сыграешь Гамлета — мы больше не друзья!», — заявил Высоцкий Золотухину, поставив, тем самым, вопрос ребром, как у Шекспира: «Быть или не быть?» Но вот в чем вопрос: Валерию тоже хотелось почувствовать себя Принцем Датским!

«Это была очень дорогая для Володи работа, — объясняет ситуацию Валерий Сергеевич. — И, конечно, он ревниво отнесся к нашему невольно возникшему соперничеству. Но Высоцкий много выступал с концертами, гастролировал, поэтому часто отсутствовал на репетициях, ставил под угрозу срыва спектакли. Вот Любимов и принял такое решение: ввести меня в спектакль. Как он сам говорил, это была больше воспитательная по отношению к Высоцкому мера».

Но как бы там ни было...

...Премьера спектакля «Гамлет» состоялась на сцене Театра на Таганке 29 ноября 1971 года. В главной роли блеснул Владимир Высоцкий. Постановка имела оглушительный успех — спектакль ошеломил всех — и зрителей, и критиков!..

А Валерий Золотухин так и не сыграл своего Гамлета, будучи участником труппы Театра на Таганке, хотя возможность — была: «На гастролях в Польше (в мае 1980 года. — А. П.), когда Высоцкий заболел, Любимов предложил мне через два дня, без репетиций, сыграть эту сложнейшую роль. Это было бы творческим самоубийством — и я отказался...»

Так неужели «Гамлет» рассорил верных друзей? Ведь по свидетельствам очевидцев, с начала 70-х годов Золотухин с

Высоцким, по сути, становятся чужими друг для друга людьми, их пути — расходятся, и они только изредка обмениваются фразами и лишь иногда — здороваются...

Действительно, по свидетельствам очевидцев, после злополучного, с точки зрения Золотухина, «Гамлета» отношения друзей совсем разладились... Нет, конечно, какие-то — остались: общение, участие в спектаклях, съемках, но до конца дней Владимира Семеновича отношения эти уже были не столь теплыми и доверительными, как в первые годы их знакомства...

Теперь Валерию Сергеевичу уже — ничего не поправить, и остается только вспоминать...

Как-то корреспондент одной из московских газет задавала ему такой вопрос: «Чем дальше идет время, тем больше хочется знать деталей и подробностей того времени, о людях... Хочу спросить вас о Владимире Высоцком: действительно ли он был настолько небольшого роста, что в фильме «Интервенция» ему подставляли маленький табурет? Во всяком случае, так рассказывают артисты, которые также снимались в этой картине».

Золотухину ничего не оставалось, как подтверждать байки, распространяемые Полокой, Аросевой и другими, причастными к картине «Интервенция», о Высоцком, как о «гражданине с табуреткой»: «Володя не был такого маленького роста, может, он такой же, как я, или чуть-чуть ниже. Он был прекрасно сложен. У него была жена Людмила Абрамова, а у меня — Нина Шацкая, обе женщины высокие. И когда мы шли куда-то по улице, Володя говорил мне: «Пусть впереди идут». Он стеснялся. Но когда он стал Высоцким и женился на Марине Влади, у него этого комплекса ни в коем разе не было».

О том же — в другом издании: «Высоцкий не просил взять в театр свою жену киноактрису Людмилу Абрамову. Она была выше его ростом, как и моя Нинка, но мне это было «по барабану». А Володя комплексовал, если мы куда-то направлялись вместе, старался не ходить рядом, просил: «Блядь, давай отстанем, а то эти бабы выше нас».

Только при Марине Влади, когда Высоцкий стал тем, кем мы его знаем, невысокий рост перестал его беспокоить».

Или — вот случай, припомненный Валерием Золотухиным. Случай, надо сказать, — весьма поучительный и во многом показательный. В нем — весь поэт: «Владимир Высоцкий однажды спросил меня: «У вас на Алтае 16 центнеров с гектара, вы же в лучшем случае на круг собираете по 12. А план выполняете. Откуда хлеб берете?» Я остолбенел: «Какое тебе

дело, думаю, до нашего хлеба, и откуда ты знаешь?» — «Из «Правды». Он, оказывается, читал «Правду», где восемь страниц этих цифр. Отчет! А Володя ее читал с карандашом в руках. И у него не сходилось. Считал, потому что у него болело, страдало, стыдно сказать у меня — человека оттуда — не болело, или так по тем временам. А у него болело, и на разрыв!

Если верить словам гения, что «трещина мира проходит через сердце поэта», то это трещина за алтайский урожай действительно проходила через его сердце. Почему же я не должен верить поэту Высоцкому, что трещина за алтайский урожай действительно проходила через его сердце?..»

Много ходило (еще при жизни поэта) и до сих пор ходит разговоров о том, что Владимир Высоцкий злоупотреблял спиртным... Но и Валерий Сергеевич по молодости — не отставал. Золотухин разъясняет ситуацию по поводу: «Еще классик утверждал, что место артиста в буфете. Да, мы выпиваем, иногда чрезмерно. Случалось такое не только с Высоцким, но и со мной.

Любимов ставил «Жизнь Галилея», Володя играл заглавную роль, я — маленького монаха. Это одна из самых моих любимых работ. Репетиция была назначена на десять утра. Накануне я сильно выпил, но до театра добрал. А монолог у меня огромный, философский, о том, как разрушается вера. Я поднимаюсь по лестнице из-под сцены, замечаю перед собой Высоцкого-Галилея, произношу: «Господин Галилей...» И с ужасом понимаю, что не могу больше вспомнить ни единого слова — в голове черная дыра. Выдвигаюсь на авансцену:

— Юрий Петрович, простите, я не в форме, не могу репетировать, отпустите меня домой.

— Вы соображаете, что несете?! — вскипает он. — Театр отменил выходной день, потому что в час должен состояться прогон спектакля. Возвращайтесь на исходную позицию и начинайте ваш монолог заново.

Снова с трудом преодолеваю ступеньки и снова забываю текст.

— Еще раз! — кричит Любимов.

Все повторяется, но я постепенно двигаюсь дальше и дальше. Видя, как я мучаюсь, Высоцкий с трудом сдерживает слезы. А Любимов, кажется, ничего не замечает:

— Еще раз!

В общем, текст я вспомнил раза с восьмого и прогон сыграл. Делая актерам замечания, Юрий Петрович сказал:

Наиболее точно получилась восьмая картина.

Моя! И ни слова о том, что происходило на репетиции, вообще ни слова упрека. Я готов был в ноги ему упасть...»

Касательно пьянства — продолжим... Каталин Любимова, супруга бывшего главного режиссера Театра на Таганке Ю. П. Любимова, вспоминает (и, одновременно, — обвиняет): «Зная, как трудно Владимиру удержаться от выпивки, некоторые коллеги специально втягивали его в очередное застолье. Вокруг Владимира постоянно крутились Бортник и Золотухин. Высоцкий, «приняв на грудь», поил и кормил всех за свой счет. А стоило кому-нибудь сказать: «Классную тебе Марина куртку из Парижа прислала!» — как Высоцкий тут же снимал вещь: «Нравится? Бери, она мне другую привезет».

Друзья так не поступают... А в данных воспоминаниях как друг поступает только Владимир Высоцкий.

Как уже понял читатель, почти во всех спектаклях Театра на Таганке Золотухин был партнером Высоцкого по сцене. Репетировали они и в постановке романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Любимов по началу назначил нас с Высоцким на роль Ивана Бездомного, но Володя мечтал о Воланде, а я поглядывал в сторону Иешуа. Оба от Ивана отказались...», — вспоминал Валерий Сергеевич.

В конце семидесятых Владимир Семенович уже мог позволить себе роскошь отказываться от ролей в постановках театра, или выбирать их... «Вообще, — вспоминает Валерий Золотухин, — Высоцкий под конец жизни ощущал свой «звездный» статус, и иногда это у него вырывалось. Расскажу вам один случай. Летели мы с ним в самолете. Что-то, не помню, понадобилось ему от стюардессы — не то воды, не то спросить о чем-то. Неважно. Он, наверное, подумал, что она все бросит и прибежит к нему. А она занимается своими делами. Володя снова ее просит. Красавица отшивает его: «Подождите!» Тогда Высоцкий вскипает: «Ты что, сука, охуела?! Не знаешь, с кем разговариваешь?!» Я вжался в кресло от столь неожиданной реакции моего друга и коллеги на поведение и разговоры стюардессы...»

Вспоминает журналист Анна Горбашова: «В 1978 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла автобиографическая книга актера Театра на Таганке Валерия Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему». Редактором книги была моя мама. От музыки, а уж тем более подпольных записей «каких-то там бардов» маменька была совершенно далека, поэтому на приглашение Золотухина посетить ночной подпольный концерт Владимира Высоцкого прореагировала в своем репертуаре: «Еще чего». Зато я, услышав обрывок разговора, устроила настоящую истерику: «Мама, это же Высоцкий, ну, «Девушка, здравствуйте, как вас звать? Тома!» Помнишь? скулила я.

Пожалуйста, пойдём, в школе все умрут от зависти, не хочешь концерт, посидишь в артистическом буфете...» Через полчаса нудного воя мама сдалась. Концерт на афишах заявлен не был и начинался после вечернего спектакля, в 12 ночи. Всю дорогу до театра мама возмущалась, что только полные дураки ходят на концерты ночью. Валерий Золотухин встретил нас у входа и проводил за кулисы. Пока взрослые общались, я на диванчике в холле смотрела телевизор. Рядом со мной сел невысокий невзрачный человек в джинсах и модной дубленой жилетке. До этого момента Высоцкого живём я никогда не видела, в моем представлении такой голос мог принадлежать только довольно крупному мужчине. По телевизору показывали, как «дорогой Леонид Ильич» вручает орден, кажется Дружбы народов, шахматисту Анатолию Карпову. Пока генсек двигал речь, мой сосед по дивану хихикал, смешно копируя Брежнева. Концерт начинался, всех попросили пройти в зал. Мама скрепя сердце тоже решила окультуриться, посмотреть, от чего там «все с ума посходили». Наши места находились рядом со сценой. Погас свет, на сцене появился Высоцкий. «Ты же с ним на диване сидела», скрупулезно подметила мама. Высоцкий запел, и это был уже совсем другой человек: высокий, мощный, абсолютно харизматичный, он сразу взял зал за горло. Высоцкий пел два часа, и на все это время я забыла, как дышать, и все время боялась, что вот-вот у него остановится сердце или порвутся вены на шее, настолько они были напряжены. Зрители не хотели отпускать Высоцкого со сцены и сидели бы до утра, если бы разрешили. На прощание Золотухин потрепал меня по голове со словами: «Детям будешь рассказывать». Как в воду глядел».

«В последние годы наши отношения с Высоцким были бережными, — рассказывает Валерий Сергеевич. — Одно то, что он от меня скрывал, что не один год пользуется наркотиками, о многом говорит. Мы бережно относились друг к другу...»

В том-то все и дело, что — не скрывал! Тут, мягко говоря, — скромничает наш актер! «Бережными отношениями» в последние годы жизни Высоцкого между бывшими друзьями, что называется, — «не пахло!» Их попросту — не было! Поэтому-то и о наркотиках поэта Золотухин узнал лишь после смерти Высоцкого — из уст главного поставщика «лекарства для Володи» Валерия Янкловича (об этом есть соответствующая запись в дневниках Валерия).

О том, что никого «бережного отношения» между бывшими друзьями и коллегами не было, говорит и близкий товарищ Владимира Высоцкого, его сосед по дому и свидетель

последних часов жизни поэта, фотограф Валерий Нисанов: «В последнее время Золотухина Высоцкий терпеть не мог. «Я этому пиздюку сказал: «Если где меня увидишь — обходи стороной!»

Вопросы еще у кого-нибудь остались?

А вот еще одно свидетельство явно не в пользу Валерия Золотухина. Вспоминает сын поэта Аркадий Высоцкий: «20-го или 21-го июля 1980 года... Я приехал без звонка... Отец в очень плохом состоянии... Он прилег. Потом стал делать себе какие-то уколы — на коробках было написано что-то вроде «седуксена»... Он не мог попасть... Все это было ужасно... Ужасно. И настолько отец был тяжелый, что я стал звонить всем, чтобы хоть кто-то пришел!

И я могу вам сказать, что я звонил практически всем. Всем, чьи фамилии я знал. Взял телефонную книжку и звонил. Не помню, что сказали Смехов и Золотухин, но приехать они отказались...»

Между тем, в эти же июльские дни актер делает очередные записи в своем дневнике:

11. 07. 80 Смерть Олега Николаевича... (Олег Колокольников, актер Театра на Таганке, скончался 10 июля 1980 года. — А. П.) В театре — плохо. Театр — могила.

А там Высоцкий мечется в горячке, 24 часа в сутки орет диким голосом, за квартал слышать. Так страшно, говорят очевидцы, не было еще у него. Врачи отказываются брать, а если брать — в психиатрическую; переругались между собой...

Такое вот «бережное» отношение Золотухина к своему бывшему другу...

Далее процитируем отрывок из книги Валерия Первозчикова «Правда смертного часа: Владимир Высоцкий, год 1980-й». В отрывке этом Валерий Сергеевич выступил в роли провидца и уже, за несколько дней до его смерти, «похоронил» поэта... «12 июля. Днем — похороны Колокольникова на Митинском кладбище. Народу было немного... По свидетельству А. М. Ефимовича, Золотухин сказал, что следующим будем хоронить Высоцкого...»

Валерий Сергеевич, верный данной Владимиру Высоцкому клятве «всегда сниматься вместе», вспоминает о последнем звонке в квартиру поэта, желании поговорить с ним и обсудить творческие планы на будущее: «Геннадий Полока хотел нас с Володей вновь собрать под своими знаменами в картине «Наше призвание». Песни к фильму должен был написать

Высоцкий. Однако не успел... Я позвонил ему по просьбе Полоки 24 июля. Трубку поднял врач: Володя спал. На следующий день его не стало...»

...Золотухин принимал активное участие в похоронах бывшего друга — «был ответственным за крышку гроба. У меня и документ есть!», — хвалится актер. «Проявил» он себя и на поминках, организованных для самых близких друзей после похорон в квартире поэта. Много говорил, поднимал тосты, предлагал проект памятника, который должен быть установлен на могиле друга и коллеги: «Надо — как у Суворова: «Здесь лежит Высоцкий», на большом камне...»

Пьяные поминальные речи Золотухина понравились отцу поэта, Семену Владимировичу Высоцкому: «Молодец Валерка, хорошо сказал!...»

«После смерти Высоцкого польская газета «Свет социализма» напечатала скорбный некролог, но вместо портрета Высоцкого опубликовала мою фотографию», — с горькой иронией сетует Валерий Золотухин.

Много позже актер признавался в интервью:

— Ну, я, к примеру, до самой Володиной смерти не знал, что он употреблял наркотики. Кто-то думает, что это невнимательность и безразличие с моей стороны... Но я же человек деревенский! Откуда мне знать тогда о таких вещах, как наркомания и ее проявления?.. Высоцкий оберегал меня от всего этого и не допускал в свою тайну.

— А как быть с алкоголем?

— Если мы с ним и выпивали, то крайне редко и умеренно. Когда же его начинало заносить, я старался не участвовать в этих его срывах.

Из дневников актера:

20.09.80, Грозный

Ходили с Валерием Янкловичем на базар. Долго говорили о Володе, о последних периодах. Боже мой, я даже не знал, какая страсть губительная, болезнь, вернее, неизлечимая опутала его — наркомания... Вот оно что, оказывается. К — что за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал... Ничего не знал... Ничего... Совершенно далек я оказался в последние годы от него...

«Ничего не знал...», «Совершенно далек...» Запоздалое прозрение Валерия Сергеевича Золотухина... Но хотя бы в дневниках ему хватило мужества признаться в своих грехах перед поэтом и отдаленности от него в последние, самые трудные

для него годы, месяцы и дни, когда он так нуждался в дружеской поддержке и общении!..

К. — это Оксана Афанасьева, последняя любовь Владимира Высоцкого. Поэт звал ее Ксюшей...

Из интервью с Валерием Золотухиным:

— Уточните, правда ли, что Ярмольник женат на женщине, которую безумно любил Высоцкий последние месяцы своей жизни?

— Я думаю, что вы близки к правде, но когда человека нет в живых, очень трудно не оскорбить Марину или Оксану этими уточнениями...

У меня дома на полке стоит книга Марины Влади о Володе «Прерванный полет» с дарственной надписью, но я к ней не прикоснулся. И никогда не буду ее читать, так как имею свое мнение о Высоцком. Тем более Влади утверждает, что книга о Володе — беллетристика, а меня не интересуют художественные произведения о Высоцком. Я слишком хорошо его знал...

Выходит — не слишком хорошо знал, потому что о существовании Оксаны в его жизни узнал только после смерти поэта! А теперь, со знанием дела, Валерий Сергеевич подтверждает на всю страну, кто чьей женой является. Право, не очень солидно это как-то для большого артиста и друга... Ей-Богу — несолидно!..

В актерских кругах до сих пор любят поговорить о том, что Золотухин якобы всегда завидовал Высоцкому. Конечно, это — глупости. И актер «популярно объясняет для невежд»: «Сейчас публика не понимает расклада сил того времени. В 72-м году вышел «Бумбараш», в 73-м в «Юности» напечатали мою повесть, которая имела колоссальный резонанс. Высоцкий, кстати, ее тоже ценил. В 76-м появились мои «Дребезги». Я был самодостаточен и популярен. Говорить о том, что я кому-то завидовал, — смешно. Это чушь собачья — полная! Какая зависть?..»

В другой беседе с журналистом Валерий Сергеевич несколько по-иному отвечает на вопрос о собственной зависти к славе и известности поэта: «Меня как-то спросили: «Правда ли, что вы завидовали Высоцкому чистой завистью?» Я ответил не столько остроумно, сколько искренне: «Да. Я завидовал Высоцкому, но не чистой, а самой черной завистью, какая только бывает. Я, может быть, так самому Пушкину не завидую». Все прицепились к первой части фразы, проигнорировав вторую, более важную. Мы 16 лет проработали вместе, и я могу сказать, что Высоцкий был из тех великих, которые внушают тебе, что и ты можешь стать великим. В этом смысле он

повлиял на меня. Помню, на съемках «Маленьких трагедий», где я играл Моцарта, Володя приходил на площадку, очень переживал за меня. Я снимался вместе со Смоктуновским, с которым были отношения... Ну, я не буду говорить... Володя тогда говорил мне: «Что ты играешь молодого Смоктуновского? Играй себя, молодого Золотухина». Повлияло на меня и поэтическое творчество Высоцкого. Оно впрыскивает какой-то допинг действия. Не зря же первые космонавты брали с собой его записи...»

Спустя более 30 лет, прошедших со дня ухода из жизни Владимира Высоцкого, его коллега Валерий Золотухин более трезво и спокойно дает оценку человеческим качествам поэта. Время сорвало пену, и из уст актера изреклось отфильтрованное, выдержанное мнение, которое уже может претендовать на истину: «Он стал звездой, но у него не портился характер от этого. Он оставался самим собой. Ведь что такое звезда? Ее создает наше окружение. И когда при мне, например, Анатолию Дмитриевичу Папанову говорили: «Скажи «ну, погоди!» — он зверел. А я бы, окажись на его месте, убил. К Высоцкому так же фамильярно обращались, цеплялись, и тогда это переходило у него в другое качество — он резко отвечал. На что хамы тут же злились: «Ну ты зазнался!»

И еще о зависти:

— Я не мог завидовать Высоцкому в профессиональном отношении, потому что моя слава, как и слава Сальери, при жизни была выше славы Высоцкого. Его еще нигде не публиковали, а у меня уже вышла первая повесть в журнале, я играл разные роли в театре... Да и потом, как нас сравнивать? Я же актер. А он — великий поэт! С таким же успехом я мог бы завидовать и Пушкину!

— Стоп! Владимир Семенович не только поэтом был, если вы с ним в одном театре играли...

— И в театре я ему тоже не завидовал. Это исключено. Мы не были с ним соперниками в своем ремесле. Чепуха это полная! Актеров таких, каким был Высоцкий (ну давайте рассудим справедливо!), много. Рядом с Володей работали Олег Даль, Юрий Богатырев, Павел Луспекаев... Не чета нам с Высоцким были артисты! Поэтому не надо, как говорится... (Нервничает). Мы же все запомнили Высоцкого прежде всего поэтом и исполнителем своих песен. Мало ли кто кем был по профессии. Булгаков, например, врач... и Чехов тоже. Но врачи и полuche были и есть, а писателей таких, как Чехов, днем с огнем не найти.

23.10.97, Израиль

Володя! Владимир! Владимир Семенович! Спасибо тебе, что случился ты в судьбе моей, в жизни нашей... Вся моя жизнь после твоего ухода освящена твоим именем, тем, что рядом был много лет я с тобой, что выпала мне честь ругаться, соперничать и любить тебя... Господи! Благодарю Тебя за то, что судьба взяла меня за руку и перевела из «Моссовета» на «Танганку». Ведь только Ты, Господи, сделал это для меня...

В завершении главы предлагаем ознакомиться читателю с интервью самого Валерия Сергеевича в газете «Завтра», данного им литературному критику Владимиру Бондаренко.

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН: «ОН БЫЛ ПОЭТ!»

Владимир Бондаренко: Валерий, как ты думаешь, сегодня, спустя многие годы после смерти Владимира Высоцкого, можешь ты сказать, чем он ценен, что осталось навсегда от Высоцкого в русской литературе, в русской культуре?

Валерий Золотухин: Поскольку мы играем спектакль «Высоцкий» несколько раз в месяц, то для нас осталось все, что заложено в спектакле. Ну, прежде всего, конечно, лучшие его песни: «Охота на волков», «Протопи ты мне баньку по-белому», «Я из дела ушел», все военные песни и так далее — мы их поем постоянно. И поэтому такого строгого отбора я не производил, такого однозначного ответа у меня нет. Я не сторонний наблюдатель и не тонкий эстет, который берет в руки книжку и выбирает свои любимые произведения. Я понимаю твой вопрос, он естествен, и, конечно, ценители поэзии составляют сборники из лучших стихотворений... Но для меня он до сих пор весь звучит. Так что от наследия Владимира Высоцкого для меня лично остается достаточно много. Не все, конечно. Там же восемьсот песен. Надоест перечислять. И в этом смысле я не такой уж знаток творчества Владимира Высоцкого. Ну а лучшим для меня является... наверное, баллада «Час зачатия я помню не точно...»

В. Б.: Во всем мире есть элитарная, массовая, а есть народная культура. И существуют художники, которые вбирают в себя все, все три культуры или элементы той или иной культуры. Можно ли назвать Владимира Высоцкого народным поэтом сегодня? Вращаясь в избранном кругу, он неизбежно как

бы всегда опускался и до народа, потому что писал всегда для всех сразу, старался быть осознанно ниже избранного круга. Добился ли он своего? Стал ли он не эстрадным, а народным поэтом, как Сергей Есенин или Николай Рубцов?

В. З.: Ответ на этот вопрос еще впереди. Двадцать лет — еще не срок для точного определения его места в культуре. Скажем, Сергей Есенин стал по-настоящему народным поэтом в пятидесятые годы, когда после долгого запрета вернулись его стихи. Путаница еще и в том, что постоянно идут фильмы с участием Высоцкого, постоянно звучит его голос, он как бы не ушел еще со сцены, чтобы определить его место на полке классиков. Нас все время будоражат им, в том числе и скандалами вокруг его имени. Ты же, Володя, говоришь о временном отстое, о том, что познается в истинном размере, а как это определить, когда и бульварная пресса, и масса малознакомых тусовщиков постоянно пишут о нем, делают себе имя на нем? Я сам думаю, что он принадлежит к народным русским поэтам. В судьбе своей он схож с Сергеем Есениным.

В. Б.: Только вместо Айседоры Дункан у Высоцкого Марина Влади, тоже такой достаточно привычный для России выверт.

В. З.: Вот посмотри, Александр Твардовский — народный русский поэт, как мне кажется, по духу своему. Но кроме «Василия Теркина», многие люди почти не знают его стихов. Прекрасные его стихи знают сегодня лишь знатоки.

В. Б.: Впрочем, таких народных поэтов, как Николай Клюев или Николай Тряпкин, увы, русский народ сегодня тоже не знает... Тут уже надо говорить и о состоянии самого народа... Перейду к другой теме. Для тебя, Валерий, Владимир Высоцкий, прежде всего актер, певец, бард или поэт? Или все вместе? Этакое неотделимое явление сразу нескольких искусств?

В. З.: Для меня никогда не стояло такого вопроса. Прежде всего, Владимир Высоцкий — поэт. Во-первых, во-вторых и в-третьих. А потом уже все остальное. Я тут не согласен со многими и решительно. У нас много певцов, много сочинителей текстов, бардов. Много талантливых актеров. Не менее талантливых, чем Владимир Высоцкий. И все с гитарами. И песни поют на всех углах. А Владимир Высоцкий — поэт. И он выше их всех. И они все это знают. Это уникальный случай, когда песни пел — и пел талантливо — талантливейший поэт. Он же был крайне придирчив к своему слову. Жаль, ему самому не досталось составить своего собственного избранного. Он отвечал за свое слово. Но он был в таком окружении... Ведь это мы потом поняли, в каком окружении он находился. У него даже было несколько кругов окружения. Один — это Воз-

несенский, Ахмадулина, Бродский, Слуцкий. Другой круг — актеры. Третий круг. Четвертый круг. И все его считали своим. Но при этом все его слегка недооценивали... А я же знаю, как он работал над стихом. Для него каждая удачная рифма была событием. Он часами пел одну и ту же песню почти без слов, подбирая слова. Поэтическая метафора имела для него гигантское значение. Конечно, он — поэт. Актеров таких, как он, Господи меня прости, но их много. А он — уникален. Не будем сравнивать уровни, но был же нормальный актер Шекспир, и были его пьесы...

В. Б.: Почему так рвался Владимир Высоцкий Гамлета сыграть? Это для него не просто хорошая роль, о которой мечтает каждый актер. Это на самом деле — судьба его жизни. Но он нервом воспаленным чувствовал: это судьба всей той эпохи безвременья. Мы все были в те годы Гамлетами, как выразился Анатолий Курчаткин — «Гамлетами без шпаги». Он был герой негероического времени. И об этом писал. И потому его слушала вся Россия, что тоже тосковала об ушедшем героизме. Как он воспринимал свое время?

В. З.: Он все-таки играл на протяжении многих лет. И он менялся. Даже в роли Гамлета он был разным. Я приведу гениальное высказывание Григория Козинцева: «Я не увидел в его исполнении ни одной ошибки. Просто время стало другим. Времени шестидесятых годов, не американских, не французских, а наших шестидесятых годов, времени надежд нужен был Гамлет Иннокентия Михайловича Смоктуновского, который наконец-то появился таким тонким рыцарем мечты в рабоче-крестьянской России. А в семидесятые годы этот Гамлет не годился для решения наших проблем. Нужен был Гамлет Высоцкого...» Это же вообще загадочная фигура, каждое время играет по-разному. Каждое общество формулирует по-своему. Каждый театр по-своему расшифровывает для зрителя. И вот в семидесятые годы нужен был Гамлет такой крепкий, горластый, надежный, как Владимир Высоцкий.

В. Б.: Я с тобой, Валерий, полностью солидарен. Владимир Высоцкий — прежде всего поэт. Большинство его фильмов уже сегодня никого поразить не могут. Пленки с записью актерской игры нужны лишь специалистам. А он поэт со своей мелодикой. Потому он так безнадежно и рвался к поэтам. Потому и хотел уйти из театра, из кино, как его друг Василий Шукшин, и работать только самостоятельно, но не успел... Он же признавался, что театр вообще ему надоел. Не Таганка. А актерство как таковое. Оно ему уже мешало. Он не хотел быть чужим исполнителем, когда сам был переполнен неосущест-

вленными замыслами. Недаром он в конце жизни и в песнях своих стал меняться. Он уже писал не от имени фронтовиков или спортсменов, а от своего имени, от себя, от судьбы своего поколения... Радости было уже мало. А народный поэт — это все же всегда и радостный поэт... Но почему так презрительно воспринимали его стихи окружавшие его поэты? Никто же не помог напечататься. Кто мешал Евтушенко или другим составителям «Дня поэзии» опубликовать там его стихи? Оставим пока в стороне проблему власти, куда деться от проблемы зависти и злого неприятия его «стишат» его же элитарными друзьями? На этот вопрос за двадцать лет пока что никто не пожелал ответить, во всем винят лишь «империю зла»... Что думали и думают сегодня по этому поводу бывшие главные редакторы так называемых либеральных журналов и газет?

В. З.: Я на этот вопрос, как ты догадываешься, ответить не могу. Все главные редакторы и все ответственные работники журналов, кроме лита и начальства, еще и имели свой прочный круг авторов, через который невозможно было прорваться. У них был свой внутриредакторский, никем не оформленный документально лит...

В. Б.: Сейчас, составляя свою книгу «Дети 1937 года», я как-то обратил внимание, что, кроме всей партноменклатуры и гэбэшных структур, в самой придворной элите шестидесятничества, куда входили все эти знаменитости, от Евтушенко до Олега Ефремова, было некое пренебрежительное отношение и к Вампилову, и к Венечке Ерофееву, и к Высоцкому. Они позволяли себе опускаться до них, пить с ними, но они не хотели жить их жизнью, они боялись их внутренней свободы. Почему они так быстро забыли про Геннадия Шпаликова и не спешили с публикацией его текстов? Там-то уж цензуре совсем делать нечего было... я гарантирую, все лучшие песни Владимира Высоцкого можно было опубликовать при его жизни, пожелай того его элитарные друзья. Это же не «Архипелаг ГУЛАГ»... А ведь Высоцкий страшно комплексовал из-за этого элитарного презрения элитарных поэтов. Для того же Евтушенко он никогда не был поэтом. Скорее, его признал Иосиф Бродский. Кто расскажет историю неудачной попытки его вступления в Союз писателей? Кто давал рекомендации ему в Союз?

В. З.: Я не знаю. Я не знаю, потому что это для меня не имело никогда никакого значения... Наверное, эта актерская и песенная его суперпопулярность, все это пьянство, гульба, а позже наркотики — это все мешало увидеть в нем истинного поэта даже многим его друзьям. Я ведь не в такой мере, но

это и на себе испытал. Популярных людей вообще не любят и не любили. И так во всем мире. Завидуют... Мол, кто он такой? Подумаешь, Высоцкий, а еще и в поэты лезет... я знал, что подборки стихов носились по просьбе его друзей в журналы. Но он особо и не надеялся.

В. Б.: А что еще мешало Владимиру Высоцкому в жизни? Вот Высоцкий и его демоны, они где? Внутри него самого? В его ближайшем окружении? Среди его женщин? Что способствовало его разрушению? Не было ли его внутренней драмой то, что, с одной стороны, он писал простым языком для самых простых людей. Его знали в самых глухих деревушках, где слухом не слыхивали ни о каких Вознесенских и Бродских, Межировых и Слуцких. А при этом его самого тянуло именно в их среду, тянуло к избранничеству. Получается — свой среди чужих, чужой среди своих. Его окружение крайне далеко от героев его поэзии...

В. З.: Это вопрос сложный. я думаю, что тут не надо искать особого демонизма. Есть условия игры. Он жил в определенном замкнутом мире театра. И только вырывался он к летчикам или шахтерам на неделю-другую, как все-таки в чужой для него мир. Он как актер все впитывал в себя, а потом использовал в своей поэзии. И потом, Володя, пойми, даже и вне театра у него был кинематографический круг. Он все время хотел быть суперменом на экране. Эти амбиции всегда были у него. И он никогда не смог бы жить просто в деревне. Он жил в деревне, когда это надо было по роли, когда шли съемки. Его среда никогда не могла бы привести его к Анатолию Передреву или к Николаю Рубцову. Что могло его связывать с Рубцовым, кроме космического какого-то видения? Они нигде не могли пересекаться. О поэзии ведь Владимир никогда не разговаривал. Он с поэзией был деликатен, как с женщиной. Я, например, никогда в жизни не слышал от него разговоров о поэзии. Я могу забыть, но я нигде у него не читал и никогда от него не слышал определения, что «я — поэт». Уже после смерти, когда вышли его какие-то дневниковые записи, высказывания, я понял, что он про себя думал, понял, что он чувствовал себя, прежде всего, поэтом. Он знал про себя, кто он такой, но никогда не проговаривался об этом ни в театре, ни в кинематографическом мире. И там его никто за поэта не держал. Запомните, его мир — это шумиха вокруг премьер, кинематограф, женщины, Марина Влади. Это совсем другой мир, чем у писателей-деревенщиков. Конечно, его засасывало все это: гитары, цыгане... Он все-таки был богемным человеком. И вся эта пена шла за ним. Была в нем.

В. Б.: То есть, говоря о демонизме, о Высоцком и его демонах, надо признать, что демоны сидели и в нем самом?

В. З.: Ну а что в Есенине сидело? То же самое. Это какое-то раздвоение психофизическое, это какое-то аномальное явление. Да еще разрушение алкогольное и плюс еще наркотики. Мы можем сейчас искать разгадки, искать врагов внешних. Мол, вот друг Золотухин сам хотел сыграть Гамлета, и это помешало Высоцкому. Это все собачья муть. Он играл всегда то, что хотел играть. Просто он жил, как перегретый котел, который с неизбежностью должен был взорваться. Это самое последнее дело — искать теперь его разрушителей. Его спаивателей. Его собутыльников... Он шел на это сознательно, он неизбежно шел к этому. Ученые сегодня пишут, что если, к примеру, человек с детства мечтает о веревке, то он повесится обязательно. Есть же на самом деле судьба у человека, от которой не уйти. Мы можем находить конкретного виновника последних дней, но не было бы его — было бы что-то чуть позже, с другим. я повторяю: минуя всякую грязь, есть своя заложенная судьба у Пушкина, Есенина, Высоцкого...

В. Б.: Интересно, почему так много подобных мистических судеб, таких роковых свершений у детей 1937 года? Тут и Шпаликов, и Вампилов, и Примеров, и Венедикт Ерофеев, и сам Владимир Высоцкий. Какое-то горящее поколение. Нет же ни одного примера у их старших братьев, от Аксенова до Евтушенко, все эти шестидесятники живут себе и живут... Но вернемся к Владимиру Высоцкому. Специалисты уже делят раннего Высоцкого, позднего Высоцкого. А ты сам считаешь, что было его вершиной? Была ли у него своя «болдинская осень»? Какие годы были наиболее творческими?

В. З.: Я боюсь всегда выступать в роли специалиста. Это легче нынче по компьютеру определить. Думаю, что период с 1967 года — период его жизни с Мариной Влади — все же был у него высшим периодом.

В. Б.: А ты не обратил внимания — сначала у Владимира Высоцкого было много песен-ролей, когда он как бы играл судьбы других — фронтовиков, заключенных, ментов, моряков, спортсменов. Может быть, ему было тогда легче и жить. Он горел, он пел искренне, но — играя роль не только на сцене, но и в песнях. А в последние годы он все больше писал от себя, уже не отстранялся от судьбы, от своей роли. Отказавшись от актерства в своих стихах, он становился поэтом по сути своей, отвечая за каждое слово. Кстати, эти-то стихи и песни не были самыми популярными, с ними он бы никогда не приобрел такой славы, какая была у него. Их меньше исполняли по радио,

их меньше записывали на магнитофон. Да, он искренне вживался в роль фронтовика или блатного, но потом, после концерта, спектакля, кинофильма — выходил из этой роли. А из роли самого себя уже не выйдешь. Это не обязательно его лучшие песни, может, даже наоборот, но это уже предельная, трагическая, недопустимая для жизни самоотдача.

В. З.: Ты сам и ответил на вопрос. «Лицом к лицу лица не увидеть». Я не могу так его делить на периоды и циклы. Где он играл, а где был сам собой. Это уже пусть специалисты разбираются. Просто была такая судьба, это точно. Ведь до сих пор нету дня, чтобы эта тема его судьбы ни возникала где-то в печати или по телевидению уже 20 лет. И я заметил в этом дурное... Чем больше начинаешь вспоминать, тем больше начинаешь врать. Память имеет такое свойство, что она начинает вибрировать в зависимости и от моды, и от интервьюера, и от смены эпох. И ты начинаешь в чем-нибудь химичить. А это попадает на страницы и становится фактом, на который ссылаются историки. Твое вранье становится существующим на самом деле.

В. Б.: Тем дневники и отличаются от мемуаров и воспоминаний (если только ты сам не придумываешь эти дневники спустя десятилетия и не переписываешь их), что они идут от реальной жизни, даже их несоответствие истине соответствует твоему реальному отношению к этой истине. А с мемуарами и многочисленными интервью — тут ты абсолютно прав, всегда историку надо обращаться осторожно... Ведь меняется за десятилетия и сам человек. Вот, скажем, и еще один вопрос — кем был Владимир Высоцкий для тебя в те, 70-е годы, и кем он является для тебя сегодня? Тогда был ближайший друг, соратник и одновременно соперник на сцене. А теперь?

В. З.: Из-за нескольких озабоченных собой людей укоренилась абсолютная ложь. Никогда Высоцкий мне соперником не был. Я даже в одной телепередаче спросил — мог ли завидовать Золотухин Высоцкому при жизни? И большинство ответило, что мог бы... Не мог... Не был я Сальери при Моцарте. Я еще когда играл в «Моцарте и Сальери», стал сам обдумывать эту проблему сальеризма. Меня на это навел Эдвард Радзинский, который и назвал меня Сальери... Но при жизни Высоцкого мы так были различны по актерским работам, были разъединены и по славе. Мне своей хватало с избытком. Меня узнавали на улице. А его нет. Он сам на меня обижался поначалу, но так, не всерьез. Во времена нашей дружбы я был даже более популярен по актерским работам. А то, что он что-то поет, тогда же еще мало кто знал. Сегодня задним числом все

путают. Пели уже его песни, а его самого и не знали. Так бывает. И потом, тогда многих авторов пели. я и завидовать ему не мог. У меня вообще этого качества нет. Дело в том, что Сальери при жизни был популярнее Моцарта. Музыка Сальери повсюду исполнялась — Моцарт не исполнялся. Его оперы на сцене имели громадный успех — а «Дон Жуан» Моцарта провалился с треском. Но загадка заключается в том, что когда умирает Моцарт и его музыка начинает жить, обретать славу, только тогда Сальери понимает, кто такой Моцарт. И только тогда возникает комплекс сальеризма. И вот тогда-то Сальери и начинает мучаться. Я, во всяком случае, так играю эту роль. И тогда людям кажется, что не мог Сальери не завидовать Моцарту. Люди забыли, что сами узнали о Моцарте недавно, забыли, как восторгались Сальери. Вот так сегодня и со мной у разгоряченных сторонников Высоцкого, упрекающих в чем-то меня. Они же не знают нашу общую жизнь того начального времени. В то время моя зависть к Высоцкому была невозможна. Да и многих других актеров...

В. Б.: Может быть, также в то время, похлопывая по плечу и всерьез не воспринимая, искренне не видели в нем поэта и его элитарные друзья? Они искренне не понимали, как и зачем такое печатать? Поет себе и поет... Мало ли в компаниях пели тогда с гитарой? А когда разобрались, поздно уже было, и началась ложь воспоминаний? Но уйдем от этой проблемы зависти и соперничества. Поговорим о простой мужской дружбе. Кто, по-твоему, был по-настоящему близким другом Владимира Высоцкого? Как когда-то тысячи людей несли бревно с Лениным, так сейчас тысячи людей — якобы близкие друзья Высоцкого. То, что ты был ближайшим другом, зафиксировано в самой анкете Высоцкого, от нее никуда не денешься. Многие бы рады были сжечь эту анкету, там и песня любимая «Вставай, страна огромная...», там и художник любимый — какой-то передвижник Куинджи, нет, чтобы Модильяни или Пикассо, там и единственный близкий друг — это Золотухин...

В. З.: У него друзей было много. Он на дружбу был очень щедрый. Какова была эта дружба — не знаю. Я знаю про Вадима Туманова, но какую роль он играл — я тоже не знаю. Например, называют Тарковского другом. Он сам называет Василия Шукшина. А у меня он сам спрашивал — а кто такой Шукшин? Что за писатель? Тут есть тоже смещение. Тоже какая-то игра, какая-то роль Высоцкого. Он же знал, кто такой в кино Андрей Тарковский, кто такой в прозе Василий Шукшин, и их назвать своими друзьями почетно... Вот он этого Шемякина называет другом. Я вообще иногда не понимаю: а что же

тогда такое дружба? Событьельники? Сотоварищи? Коллеги? Хрен его знает... К кому их можно отнести? я знаю, что единственным его верным другом была Люся Абрамова, мать его детей, его бывшая жена, которая написала прекрасную книгу о Высоцком. Ну а что касается тех поэтов — Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, была ли у них зависть к популярности народной у Высоцкого? Не знаю. Я думаю, они как бы считались в иной весовой категории. Я бы назвал это простительной человеческой слабостью. Повторяю — все-таки тогда он находился в другой весовой категории. Они могли его оправдывать: певец, бард, но в сонм поэтов не пускать... Важен всегда итог. Поразила-то не смерть Высоцкого — поразили его похороны. Народные похороны. Вот после этого и сменилась вся сетка координат. Стали переделывать жизнь под новое понимание, мифологизировать свои отношения с Высоцким. Тем более что Володя сам был не чужд мифотворчеству. Он тоже сочинял свою жизнь. Он тянулся то к одному, то к другому. То он тянулся к крестьянству и спрашивал меня про деревенскую жизнь, то тянулся к военным. Всегда как-то бережно относился к фронтовикам. В последнее время, в последний период жизни он стал тянуться к людям как бы иного масштаба. Может быть, ему казалось, что он из масштаба нашего театра, вообще театра, уже вышел. Ему нужен был другой ряд писателей, художников, поэтов. Помню, он говорил про роман Валентина Распутина «Живи и помни», про «Плотницкие рассказы» Белова. Да у нас же в театре свои были «деревенщички» — он ими тоже был увлечен: Федор Абрамов, Борис Можаяев... А кстати, Валентин Распутин и Василий Белов не шли в наш театр. Я не назову их нетеатральными людьми, я же был во МХАТе на «Матере» по Распутину. Белов и сам пьесы пишет. А вот на спектаклях Высоцкого я их не помню. Что-то им мешало. А вот на «Шарашку» по Солженицыну Валентин Распутин пришел на премьеру. Я понимаю, что пришел он с определенной миссией, которую он и выполнил. Это было связано с юбилеем Солженицына... Может, он впервые и был у нас. Хотя, повторяю, Высоцкий его ценил. В Париже Высоцкий потянулся к Шемякину, к его живописи, стал читать Иосифа Бродского и был обрадован мнением этого поэта о нем. Да, несомненно, он шел к концу жизни просто в литературу.

ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ

«Признак любой личности — это неповторимость. Как художник, у которого свой мазок, своя манера. Вы сразу можете определить — это он. Даже фотограф (если он талантливый) узнаваем, и вы можете сказать, что это фото принадлежит тому-то. Скажем, у нас есть такой человек — Валерий Плотников. Его выставка сейчас в Ленинграде. Его работы вы ни с чем не спутаете. По этому признаку я отношусь и к певцам, и к авторам. По принципу их неповторимости, ну и по тому, что они утверждают, какие мысли они утверждают, про что они пишут, о чем говорят, в какой форме, но самое главное — это, конечно, неповторимость, индивидуальность — это и есть талант...»

Эти слова Владимир Высоцкий произнес в интервью, данном в 1976 году. Заслужить таких слов от поэта дорогого стоит! И, бесспорно, Валерий Федорович Плотников (1943 г. р.), замечательный мастер, всем своим творчеством доказал и показал, что они им действительно заслужены.

Плотников — питерский фотохудожник. Точнее, Фотограф, как нередко он подписывает свои работы. Это — не ирония, а самоуважение и фирменный знак качества Мастера. Советская интеллигенция у Валерия Плотникова в долгу: именно он снял и навсегда сохранил для Истории лики священных чудовищ русской культуры второй половины XX века — от Лихачева и Рихтера, от Плисецкой до Иоселиани, от Михалковых до Гребенщикова..

«Я не репортер, я — фотограф. Я снимаю только тогда, когда не снимать нельзя», — любит повторять известный петербургский фотограф Плотников. Его фотоработы построены наподобие красочного полотна: сказалось длительное и тщательное исследование живописи и желание сохранить в памяти этих выдающихся людей, которых он знал и которыми он восторгался. В итоге появилась целая галерея портретов, среди которых Дмитрий Лихачев и Мстислав Ростропович, Ми-

хаил Шемякин и Валентин Гафт, Владимир Познер и Андрей Макаревич, Булат Окуджава и Иннокентий Смоктуновский

Но больше всех Валерий Федорович любил снимать Владимира Высоцкого. Со своей «гениальной моделью» Плотников не только работал, но и дружил...

«Нас с Володей познакомили в Ленинграде, в клубе «Восток». Этот клуб самодеятельной песни отмечал двадцатипятилетие, это было 1 января 1966 года. Множество магнитофонов на сцене — снимали и записывали Высоцкого многие. Я сделал смешной снимок — микрофон вместо носа. Показал Высоцкому, фото ему понравилось», — вспоминает Плотников.

«Именно Володя привел меня в Театр на Таганке, который в те времена для большинства оставался недоступным, — продолжает фотограф. — Помню, на первых гастролях театра в ДК Первой пятилетки люди карабкались по водосточным трубам, через подвалы и чердаки пытались проникнуть в зал. А я позже в этот театр ходил, как к себе домой, одно время даже жил в общежитии театра». «Я жил в общежитии ВГИКа и приходил к ним отогреться. Там было очень весело, Володя играл на гитаре, пел, все время придумывал что-то. Зине Славиной как-то выдал: «От этих шапочек для зим дуреешь, Зин!», — смеется мастер.

Да, именно в конце 60-х знакомство Валерия Плотникова с Владимиром Высоцким перерастает в дружбу. А такого рода отношения предполагают не только общение, но и посиделки...

«Насчет выпивать... Раз утром я привел Володю в буфет и по-хозяйски спросил: что, мол, будем пить? — вспоминает Валерий. — Он сказал: ничего. Я стал шутить, настаивать. А Володя спокойно говорит. «Мне нельзя, я зашил» Позже, когда мы уже сблизились, он позвонил мне однажды очень рано, в восемь утра: приезжай У него в комнате сидели Володарский, Говорухин, Абдулов — все уже «хорошие» Только Володя трезвый. Оставался один стакан коньяка Володя попросил, чтобы я всем говорил, что это мой Ну, никто его и не трогал. Володя ходил-ходил, вдруг подошел и залпом выпил И понеслось Для Володи этот день закончился в реанимации Склифосовского »

Первая серьезная фотосессия состоялась «в 1967 году, во время съемок фильма «Интервенция», — говорит Плотников. — У Высоцкого там была главная роль революционера, и вполне законно было ждать после нее официального признания. Снимали в Одессе, много юмора, кафешантан, все очень эффектно А фильм отправился на полку и там почил.» «Высоцкий долго жил в гостинице «Октябрьская», когда снимался

в «Интервенции». Мы встречались довольно часто, хотя разница в возрасте была значительной, более пяти лет. Мы не были друзьями, но наши отношения были, можно сказать, выдающиеся. Тогда в Ленинграде меня просто поразила его моторность, от него исходила какая-то внутренняя сила. И потом — это рождение созвучий прямо на ходу. Мы шли с одной девушкой, которую звали Наташа. И Высоцкий выдал экспромт: «Натали, утоли, я молю...»

«Следующая наша встреча произошла только через пять лет — в Москве, я уже учился во ВГИКе. Был февраль 1972 года, и тогда на Таганку попасть было практически невозможно, особенно на «Гамлета». И мы договорились, что я буду снимать после спектакля.

Начали работать, — продолжает фотограф. — Я стал придумывать мизансцены, которых в спектакле не было. Например, Владимир пел в меч, как в микрофон... Кажется, Любимов даже хотел это использовать в спектакле, но меч был очень высоким... Хорошо помню, что Высоцкий торопил меня: «Давай, Валера, побыстрее. Неудобно, задерживаем осветителей».

Весьма интересны воспоминания Валерия Плотникова о том, как Владимир Высоцкий познакомился с Мариной Влади и о своем знакомстве с актрисой. Факты эти — малоизвестны: «С Мариной Влади я и Володя познакомились почти одновременно, причем друг от друга совершенно независимо. Я помню потрясающую сцену в московском Доме кино, где как раз была премьера фильма с Мариной Влади в главной роли. Марину все окружили, целовали ей руки. И за спинами поклонников эдаким петушком выпрыгивал Володя — это, мол, моя женщина, отойдите от нее! Но на него никто особого внимания тогда не обращал, в то время Марина Влади была куда популярнее Высоцкого. Эта сцена была забавной, но потом уже не повторялась».

«Между Высоцким и Влади была большая любовь, — говорит Плотников. — Марина очень хотела от него ребенка, но Володя боялся, что ребенок может родиться нездоровым из-за его алкоголизма...»

Нельзя отказать фотографу в наблюдательности... Время от времени Валерий Федорович все же возвращался и к своим профессиональным обязанностям: «Следующая съемка — седьмого июля 1975 года. Володя пел у меня дома часа полтора подряд, и я все время снимал. Окна были открыты, если бы соседи знали, что это поет живой Высоцкий! Ведь наверняка думали, что это магнитофон!» — смеется Плотников.

С любовью вспоминает Валерий еще одну домашнюю фотосессию с Владимиром Высоцким и Мариной Влади. Снимки, сделанные в тот день фотографом — наверняка самые известные фото пары: поэт, сидящий на огромном кубе с гитарой, пол «в шахматку»... А еще — Марина и Владимир с гитарой на тех же кубах, Высоцкий перед Влади стоит на колене, супруга расчесывает мужа... «Это было 14 ноября 1975 года. Мне уже доверяли, — с волнением рассказывает Валерий Плотников. — Перед съемкой Марина его причесывала, и у Володи было такое детское выражение лица... Как на фотографии, где он маленький в военной форме. Это можно почувствовать на снимке, где немного «режется кадр». Марина так на него посмотрела...»

Весной 1976 года была еще съемка за городом. А в мае того же 76-го года Владимир Высоцкий вернулся из Франции, там он отпустил себе бороду. «Тогда я снимал его в театре, — говорит Валерий Федорович, — в спектакле «Вишневый сад». А 21 мая мы снимали пробы Пугачева — тут Володя в образе — потрясающие снимки!»

«Это самые мои любимые фотографии Высоцкого. Здесь он силен, уверен», — заключает Плотников.

И продолжает: «А на следующий день шел «Гамлет», и я уговорил Высоцкого сняться с бородой: «Представляешь, как здорово будет: бородатый русский мужик — и в роли Гамлета!» Он вроде бы согласился. Вечером прихожу, смотрю — мама дорогая! — он побритый. Я к нему за кулисы, а он объясняет: «Любимов скандал устроил...»

Пришлось Валерию Плотникову оставлять пустую страницу в альбоме фотопортретов Владимира Высоцкого... А как бы потрясающе выглядел Гамлет с бородой!

Некоторые снимки поэта сделаны фотографом на собственной даче, когда Владимир с Мариной приехали к нему погостить в Ленинград: «Как раз тогда Марина привезла Володе первую машину — «Рено». И этот «Рено» бегал по Москве, шокируя советских граждан своими иностранными номерами. И вот они приехали к нам на дачу. Замечательный был день. Володя сидел-сидел за столом, а потом пошутил: «Ой, не могу, отравился. Пойду заведу двигатель, полежу под глушителем». Что и говорить, свежий воздух человеку городскому вреден. Но к нам они редко приезжали. Очень уж он напряженно жил...»

Для оформления двух дисков-гигантов, обещанных Высоцкому, но так и не выпущенных фирмой «Мелодия», нужны были качественные фотографии Владимира Высоцкого и Ма-

рины Влади. Плотников постарался на славу: Владимир снят в новой модной французской одежде, а Марину фотограф нарядил в не менее стильное платье из коллекции своего друга Славы Зайцева... Увы, долгожданная совместная пластинка поэта и актрисы при жизни Высоцкого, как мы уже писали, так и не вышла...

Зато для Валерия Федоровича эти два снимка Высоцкого и Влади дороги еще и тем, что они, напечатанные большим форматом, стояли за стеклом в дверцах книжного шкафа в новой квартире поэта, на Малой Грузинской улице, 25 в Москве. Зритель их мог увидеть на давно растиражированном видео, снятом в гостиной квартиры Владимира Высоцкого оператором австрийского телевидения зимой 1975 года. После смерти мужа Марина Влади эти большие снимки увезла к себе, в Париж..

Да и сам Плотников неоднократно бывал дома у поэта, что называется, совмещая приятное с полезным: и гостил, и работал. Самый известный из фотоснимков, сделанных им в квартире поэта 25 декабря 1975 года — групповой.

Снимок этот — уникален, и просто необходимо подробнее рассказать об этой редкой фотографии! Высоцкий нечасто попадал в кадр в больших компаниях. Долго считалось, что снимок сделан то ли во время новоселья актера на Малой Грузинской, то ли в один из его дней рождения...

— Да просто собрались, не помню почему, не помню как. Но это был точно не день рождения. И не новоселье. Это был сочельник — 24 декабря 75-го года, — рассказал «Собеседнику» автор снимка фотограф Валерий Плотников. — Но квартира — та самая, в доме Высоцкого.

Трешку на Малой Грузинской (с гостиной, спальней и кабинетом) Владимир Высоцкий получил за полгода до появления снимка. На тот момент это был один из самых дорогих кооперативов в Москве, и квартира в нем была актеру не по деньгам. В счастливые жильцы Владимир Семенович попал лишь благодаря своей популярности, она же помогла ему чуть позже пристроить к себе в соседи режиссера Александра Митту, который в тот момент снимал Высоцкого в «Арапе».

— Для себя Владимир Семенович вообще ничего не делал. Даже вся обстановка в доме (по тем временам недешевая — югославский шкаф и прочее) целиком зависела от щедрости его друзей, — вспоминает Плотников. — Сам он собирал только чай и с большим удовольствием заваривал их для друзей на кухне. Еду готовила уже Марина (Влади). Посмотрите, какой был шикарный гусь, а может, даже и индейка. В те

времена гостеприимство измерялось тем, что на столе, поэтому даже напитки были, обратите внимание, из «Березки». Это говорит о многом! Жаль, что я был тогда за рулем и не мог их по достоинству оценить.

Впрочем, благодаря именно последнему обстоятельству (в машине Плотникова в тот вечер случайно лежало студийное освещение) и появился на свет этот снимок, на котором практически нет случайных людей: Марина Влади (теперь она — трижды вдова), Ахмадулина с мужем, Володарские, югославский режиссер Павлович, который за год до того снял Высоцкого в своей «Единственной дороге»...

Правда, в подписях к снимку до сих пор мелькают ошибки. Мальчуган в центре фото — это не Женя Митта, как иногда указывают, а Степа Плотников, теперь уже Степан, московский художник и оформитель.

В тот вечер говорили много и самозабвенно, сразу обо всем и ни о чем, искренне и душевно, как и бывает у близких по натуре.

— Для Володи общение с интересными людьми значило очень много, — считает режиссер, а теперь еще и политик Станислав Говорухин. — Он как поэт питался тем, что видел и слышал. Для него интересные люди были окном в мир, куда он, перегруженный заботами, не имел легкого доступа. Он искал таких встреч.

Именно поэтому Высоцкий на вечеринках не пел и не читал стихи. Он вообще редко в компании брал в руки гитару, тем более во время застолья. Зато в кругу посторонних музыка его выручала. Говорухин, с которым Высоцкий как-то путешествовал на поезде, рассказал, как однажды проводницы устроили им отдельное купе взамен... песен:

— Володя пел им под стук колес всю ночь, почти до утра, пел вполголоса, чтобы не мешать соседям. Бедные девчонки так и не узнали, с кем они ехали. Как бы они были счастливы, если бы знали, что весь репертуар Высоцкого исполнял им в этом ночном поезде сам Высоцкий!

Он жил друзьями и для друзей. А они для него. Увы, не все из тех гостей Высоцкого дожили до сегодняшнего дня. Отец его умер десять лет назад, мачеха — а в сущности вторая мать — погибла еще раньше (ей на голову с крыши упала сосулька). Ушел из жизни партнер Высоцкого по «Месту встречи» Всеволод Абдулов. Не стало и самого Высоцкого.

— Ночью, 25 июля 1980-го, моя жена Лиля услышала крик: «Володя умер!» и разбудила меня, — вспоминает Александр Митта. — Смерть была полной неожиданностью: кто

знал, что у него слабое сердце! Анатомического вскрытия не было, поэтому точных причин случившегося назвать нельзя. Но, например, Георгий Бурков пересказывал слова патологоанатома о Шукшине: «Полностью изношенное сердце 85-летнего человека». Думаю, у Володи была сходная ситуация. Он все брал на сердце...

21 октября 1976 года Владимир Высоцкий побывал на первой персональной выставке фотографа Валерия Плотникова в Ленинграде, и в книге отзывов оставил четверостишие:

Приехал я на выставку извне,
С нее уже другие сняли пенки.
Да! Не забудут те, кто на стене,
Тех, кто у стенки

«Последние годы Володя становился все круче и неуправляемее, — жалуется Валерий. — Часто бывал раздражительным, взрывался по малейшему поводу. Договаривались о съемках, но он не приходил. Что с ним происходило, я не знаю. Может быть, силы были на исходе. Ведь в буфете театра он попросил: «Сделайте мне не двойной, а десятерной кофе!»

За те тринадцать лет, что снимал Владимира Высоцкого Валерий Плотников, при жизни артиста и поэта было опубликовано не более шести-семи его фотографий.(20) «В 1974 году в «Кругозоре» вышли его песни из кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли», — сетует Плотников. — И я дал цветную фотографию. Но в редакции сказали: «Цвет... — это слишком много для Высоцкого». Были фотографии в «Авроре», где вышла статья Вениамина Смехова «Мои товарищи — артисты». Володя был ужасно рад. При мне звонил Нине Максимовне, говорил об этой публикации».

Статья Смехова была опубликована в майском номере журнала за 1980 год. Вероятнее всего, это была последняя встреча фотографа с живым поэтом...

Мало кто знает, что Валерий Федорович — автор уникального фоторепортажа о прощании с Владимиром Высоцким в театре и похоронах его на Ваганьковском кладбище 28 июля 1980 года... Плотников снимал панихиду с раннего утра, как только гроб с телом поэта был доставлен в Театр на Таганке, до вечера, когда свежую могилу обступили тысячи поклонников творчества Владимира Семеновича. Есть кадры, сделанные с крыши театра, у входа в него, в зрительном зале — у сцены, на которой стоял гроб с телом Высоцкого. Все эти снимки собраны в большом фотоальбоме Плотникова, кото-

рый носит название «Владимир Высоцкий. Таганка». Вышел он в 2005 году, к 25-й годовщине со дня смерти поэта.

Фотохудожник Валерий Плотников вспоминает: «После смерти Высоцкого в Театре на Таганке поставили спектакль памяти Высоцкого. И на приглашениях было написано: «Приглашаю на спектакль. Владимир Высоцкий». Такого спектакля — по мощи, по боли, по энергетике — я не видел ни до, ни после этого. Даже на фотографиях виден этот мощный напор. Во время спектакля голос Высоцкого звучал с магнитофонной пленки, и актеры общались с ним. Мурашки по спине шли... Казалось, что жизнь обратима, что Высоцкий и правда сидит где-то здесь, на балконе... В конце спектакля вся труппа садилась в глубине сцены — как когда-то Высоцкий перед началом «Гамлета».

В 80-е фотопортреты Высоцкого работы Валерия Плотникова пошли нарасхват: наверное, не было в стране издания, не опубликовавшего хотя бы один из них. Сам фотограф говорил, что потерял счет публикациям своих работ!

В архиве автора есть уникальный буклет, состоящий из плотниковских снимков поэта. Такими «изданиями» в начале 80-х годов в пригородных поездах и электричках торговали преимущественно глухонемые граждане, бравшие с покупателя по рублю за книжечку... Вряд ли люди, занимавшиеся тиражированием и распространением этой продукции, знали фамилию автора фотографий и делились с ним полученной прибылью... Кроме буклетов, продавались и отдельные фото: Высоцкий с Влади в «сердечке», поэт на фоне текста своей «последней песни» «И сверху лед...», и ниже — надпись: «Написал 24 июля 1980 года, умер 25 июля 1980 года»...

Были и выставки. В 1988 году в городе Новороссийске, в помещении Музея Новороссийского морского пароходства, открылась одна из них. Посвящалась она 50-летию Владимира Высоцкого. В экспозиции было представлено несколько десятков фотографий поэта и его окружения авторства Валерия Плотникова. Автору посчастливилось побывать на ней. Сохранился корешок входного билета (стоимость его была 50 копеек) и сувенирный вымпел с портретом Высоцкого Гамлет с гитарой), купленный на входе за 1 рубль. На вымпеле — надпись: «Фотовыставка «Владимир Высоцкий». Новороссийск, 1988».

После увиденного на выставке автор испытал культурологический шок... Память сохранила непередаваемые, живые ощущения «приближения и прикосновения к Владимиру Семеновичу». Такого мнения придерживался о работах Валерия

Плотникова автор, оставивший подобную запись в книге отзывов фотовыставки

Кстати, новороссийская пресса широко освещала эту выставку. Отзывы о ней были самые положительные.

Очередные большие выставки фотопортретов Владимира Высоцкого, запечатленных камерой Плотникова, прошли в 2005 году. Приурочены они были к печальной дате, выпавшей на этот год, — двадцать пятой годовщине со дня смерти поэта. Первая открылась в Москве, в июле, вторая — чуть позже в Петрозаводске. «На фотографиях, представленных на выставках, можно увидеть артиста таким, каким он был в жизни, а был он очень разным: задумчивым, ироничным, доверчиво-удивленным, порой заразительно веселым, ранимым. Кстати, у Плотникова с Высоцким было около двадцати фотосессий», — писала о выставках центральная пресса.

Неподдельный интерес к творчеству Валерия Федоровича Плотникова, увлеченность им, дала автору счастливую возможность познакомиться лично с Фото-Графом и вступить с ним в личную переписку.

В одном из писем автору за 2005 год Плотников с радостью поделился новостью о выходе в свет нового фотоальбома, о котором уже написано выше: «10 марта 2005 г., СПб.

...Только что вышел третий мой альбом «Владимир Высоцкий. Таганка»; в этом альбоме все фотографии Вл. Высоцкого, которые я сделал начиная с 1967 года. И слово «Таганка» не имеет смысл буквальный — Театр на Таганке, а относится к тому понятию Таганки, которое было когда-то объединяющим для замечательных и удивительных людей мира искусства, театра, литературы, науки... Альбом Высоцкого преимущественно черно-белый, лишь в самом конце несколько кадров цветных, много текста, который дополняет изображение... Альбом Высоцкого стоит 1000 рэ плюс 75 рэ пересылка... Всего доброго, удачи Вам!»

Автор лично убедился: на Краснодарском книжном рынке альбом продавался уже за полторы тысячи. И ушел, что называется, «влет».

Валерий Плотников гордится знакомством и общением с Владимиром Высоцким. Интервью он дает крайне редко, но в них всегда можно найти историю или случай, к месту припомненную фотографом о поэте.

В данном высказывании он прочно ставит себя в один ряд с Владимиром Семеновичем: «После смерти Володи нашли интервью, которое он дал в 1973 или 1974 году болгарскому радио (верно — в 1976-м. — А. П.) У него спросили: «Что

в вашем представлении художник?» А он ответил: «Есть у нас такой фотограф — Валерий Плотников. Его фотографии вы ни с кем не спутаете. Вот эта непохожесть и отличает человека творческого от ремесленника». А я ведь часто задумывался: почему из своих многочисленных знакомых он выбрал именно меня?.»

...Как дорогую реликвию хранит Валерий Плотников буклет с надписью: «Автору этого и других произведений — от его модели! С уважением и дружбой! В Высоцкий — В. Плотникову».

Сегодня редкая публикация о поэте или книга о нем не обходится без иллюстраций их работами Валерия Федоровича. У фотографа — огромный архив снимков Высоцкого. И не все негативы еще напечатаны! В том числе и так называемые «контрольники» — контрольные снимки, как правило делаемые в процессе настройки аппаратуры и подготовки к фотосессии. Они тоже важны и интересны исследователям творчества поэта.

Владимир Семенович на его фотографиях всегда, подчеркиваю — всегда! именно ТАКОЙ, каким его знали и любили в жизни слушатели и зрители. В этом — заслуга и талант Плотникова: тонкий и чуткий взгляд художника, помноженный на творческий опыт и профессионализм, позволили ему запечатлеть и оставить потомкам то, у многих сохранила лишь память. Но человеку свойственно забывать и искажать увиденное, а фотографическая память Валерия Плотникова о Высоцком — на века!

«Владимир Высоцкий — это уникальное явление в нашей культуре, — говорит фотограф. — Замечательный поэт, актер, певец, глубоко мыслящий человек. Личность масштабная, трудноопределимая. Сам Владимир Семенович относился к съемкам спокойно. Ему казалось это не таким важным. Все равно ведь его нигде не публиковали»

...Теперь — все по-иному.

И как знать, может быть, через десятилетия о Владимире Высоцком и его личности будут судить не только по песням и кинофильмам, но и по фотопортретам Валерия Плотникова?..

ВИКТОР МЕРЕЖКО

«Мы с Володей были товарищами. Помню, как он приехал ко мне домой с предложением писать сценарий; Володя хотел быть режиссером-постановщиком и даже привез мне тогда заявку, написанную от руки. Мы тогда сели, выпили чаю, и он признался: «Вить, хочу снимать». Я с недоверием отнесся к его идее: «Володя, зачем тебе еще снимать. Ты популярный актер, певец. Сейчас Никита Михалков снимает фильм «Родня», и после этого мы с тобой встретимся и поговорим». Так вот этого «отдельно поговорим» так и не случилось. Мне до сих пор жаль, что я не смог поучаствовать в общей работе.

С Володей мы познакомились в Одессе. Напротив Одесской киностудии стоял двухэтажный домик, который все называли курятником. Это была маленькая гостиница — на обоих этажах по пять номеров. Почему-то всех незначимых персон, среди которых тогда оказался и Высоцкий, селили на втором этаже. Мы с Брондуковым жили в одном номере на первом этаже и каждый вечер, как только мы слышали Володино пение, поднимались наверх и, изумленные, оставались у него до ночи. Многие в это время Высоцкого не принимали. И когда из окон слышались его песни — отчаянные крики, — люди не понимали: мол, чего он так хрипит, кричит? Это потом все стали принимать его песни, манеру исполнения и страсть.

На Одесской киностудии мы познакомились, стали товарищами, а потом в Москве пересекались постоянно. Однажды я даже поставил его в неудобное положение. Он мне как-то позвонил и говорит: «Витя, нет ли у тебя какого-нибудь экстрасенса? Я после больницы, голова очень болит, может, экстрасенсы снимут боль?» Я пообещал помочь, и уже с утра он приехал ко мне на своей красной спортивной машине. Мы из автомата позвонили человеку по имени Гарик, экстрасенсу. Он пообещал снять все головные боли.

Володя поехал к нему, а вечером звонит мне домой: «Что за идиота ты мне дал? Он одурел от счастья, что к нему прие-

хал Высоцкий, и стал таскать меня по своим знакомым, показывать. Вить, не надо больше экстрасенсов, я никогда в них не верил и не поверю!»

К сожалению, из интересных воспоминаний Виктора Мережко не ясно, в каком году происходили описанные им события, связанные с экстрасенсорным лечением Владимира Высоцкого. Можно предположить, что речь идет о последних где-двух жизни поэта.

Журналист Валерий Перевозчиков считает, что сама история с экстрасенсом началась гораздо раньше...

1977 год. Театр на Таганке готовится к гастролям в Париже, но Владимиру Высоцкому — не до спектаклей: он серьезно болен. Лежит в институте Склифосовского в очень тяжелом состоянии.

16 апреля 1977 года партнер Высоцкого по сцене Валерий Золотухин делает следующую запись в своем дневнике: «Позвонил Мережко... Есть очень хорошие люди, занимающиеся провидением. (Слово «экстрасенс» в лексикон советского человека войдет позднее. — А. П.) Создана на общественных началах лаборатория при Академии художеств... Поговорят с тобой люди с нимбами над головами, и все про тебя знают... Так, по фотографии Высоцкого они установили, что у него плохо с головой, легкими, почками и цирроз печени... Ему нельзя терять ни одного дня, кое-что они могут исправить, еще есть возможность... кроме печени... там просто катастрофа».

Дневник Золотухина, больше напоминающий «Записки сельского врача», удивляет описанием экстрасенсов. В представлении Валерия Сергеевича, они — так просто ангелы во плоти, «люди с нимбами над головами»...

Ну да Бог с ним, с Золотухиным и его представлениями.

Приятно осознавать тот факт, что Виктор Мережко, узнав о болезни своего близкого товарища и волнуясь о его здоровье, ищет реальные пути помощи и пытается оказать содействие в скорейшем выздоровлении приятеля. А не заполняет страницы дневника бредовыми клиническими околемецинскими записками. (По косвенным признакам можно предположить, что во время записи вышеприведенных строк из дневника «плохо с головой» было не у Владимира Высоцкого, а — напротив, у их автора).

Добрый знакомый Владимира Высоцкого Виктор Иванович Мережко (творческий псевдоним — Киселев) (1937 г.р.) — личность в советском и российском кино известная. Прекрасный сценарист — достаточно назвать только несколько фильмов, снятых по его сценариям: «Родня», «Полеты во сне и

наяву», «Вас ожидает гражданка Никанорова», «Кавказская рулетка», сериал «Провинциалы» и многих других.

Долгие годы Виктор Мережко возглавляет оргкомитет Фестиваля кино стран СНГ и Балтии «Киношок», ежегодно проходящего на берегу Черного моря в городе Анапе Краснодарского края.

А в последнее время его можно увидеть и на экране: он снялся в нескольких фильмах. Например, многим запомнилась роль, сыгранная Мережко в телесериале режиссера Эрнеста Ясана «Крот», в котором Виктор Иванович с блеском воплотил образ сурового наркобарона по имени Сабур.

Отношения у Мережко с Высоцким были действительно уважительными и приятельскими. Они тепло относились друг к другу. И тому — масса свидетельств. Вот одно из них.

Вспоминает кинорежиссер Геннадий Полока: «Интересный факт. Володя у Мережко брал книгу по русскому фольклорному стихосложению, и тот принес ему эту книгу — такой толстый талмуд, в котором были русские народные песни — обрядовые, свадебные... И Володя этот талмуд штудировал — не то что там просто читал, к каким-то вещам он возвращался — вся книга была в закладках. Вот так он писал свои народные песни-стилизации. То есть он улавливал общий принцип, а потом писал свои тексты».

В свидетельстве Геннадия Полоки подкупают три момента: предоставление Виктором редкой книги доброму знакомому, аккуратное обращение с ней Высоцкого и его профессиональная работа над Песней...

Кстати, тот же Геннадий Иванович Полока в 1974 году на «Ленфильме» снимает трагикомедию «Одиножды один». Фильм был поставлен по сценарию Виктора Мережко. В него вошли пять песен Владимира Высоцкого, написанные им специально для картины.

25 июля 2006 года, по традиции, на Петровском бульваре у памятника Владимиру Высоцкому, собирались многочисленные почитатели таланта, а также известные актеры театра, кино, поэты, певцы и композиторы. К памятнику пришли Борис Хмельницкий, Никита Высоцкий, Олег Марусев, Иосиф Кобзон, Александр Панкатов-Черный, Дмитрий Харатьян, Никита Джигурда, Андрей Макаревич, Петр Тодоровский, Владимир Пресняков, Ольга Остроумова, Александр Филиппенко, Андрей Вознесенский, Леонид Ярмольник, Олег Газманов, Виктор Мережко, Александр Митта-Рабинович, Валерий Сюткин, Александр Журбин, Максим Дунаевский и многие, многие другие, для которых память о Владимире Высоцком дорога и близка.

В 2008 году в авторской программе Н. Пивненко «Вспоминая Высоцкого», выходившей на Радио «Шансон», Виктор Мережко выступил с воспоминаниями о Поэте. Случилось это в программе № 19. Цикл бесед с друзьями и современниками Владимира Семеновича был задуман и проведен в рамках «Года Высоцкого», объявленного в России в связи с 70-летием талантливого поэта, актера и автора-исполнителя.

В предисловии к недавно вышедшему МРЗ-диску Зиновия Высоковского «Мой Высоцкий», на котором актером записано авторское чтение воспоминаний о своих встречах с Владимиром Высоцким, читаем: «...И лишь немногие знают еще об одном — отчасти неожиданном — свойстве артиста.

Об этом прежде других написал сценарист Виктор Мережко: «Есть еще одно качество Высоковского, которое не знал зритель, но которое сразу же заметил «случач» Владимир Высоцкий, а он не только сам уникально исполнял свои баллады, но и умел слушать других. И вот однажды он услышал, как Высоковский исполняет его стихи, и после продолжительной паузы то ли в шутку, то ли всерьез сказал: «Меня читать может только Зяма...» Я слышал, как читает Высоковский. До спазма в горле, до мурашек на теле. Нет жима, нет перебора, а есть переживания того спектакля, которые переживал каждый из нас и который называется Жизнь...»

В 2008 году, в канун 70-летия Владимира Высоцкого, журналисты заинтересовались у Виктора Ивановича: «Что вам дала Таганка?» Известный сценарист ответил: «Благодаря Таганке я, молодой человек из провинции, понял, что такое театр — настоящий, экспрессивный, завораживающий, сногшибательный, что такое выдающийся режиссер и выдающиеся актеры. С помощью одного этого театра, Театра на Таганке, я понял, что такое Его Величество Театр вообще».

Красивые слова, красивый ответ, ничего не скажешь!

Завершить эту главу хочется такими словами кинодраматурга Виктора Мережко о песенном творчестве Владимира Высоцкого: «Обожаю его песню «Кони». Каждый крупный художник подводит итог своей жизни. Володя предчувствовал конец, и как «черный человек» у Есенина, точно так же у него были «кони» — это страх, понимание, что жизнь подходит к концу...»

ВИКТОРИЯ ЛЕПКО

Пани Каролина из легендарного телеспектакля «Кабачок «13 стульев»» недавно отметила юбилей. Паспортные данные, похоже, — врут. В дату ее рождения трудно поверить, настолько молодо и жизнерадостно выглядит актриса Виктория Лепко!

Дочь известного и блистательного театрального комика Владимира Лепко и талантливой танцовщицы Антонины Крупениной сыграла множество ролей в кино и на сцене Малого театра, работе в котором она отдала не один год своей творческой жизни. Зрителям старшего поколения наверняка запомнилась музыкальная комедия «А человек играет на трубе», в которой Виктория сыграла роль девушки Наташи. В 70—80-е годы его часто показывали по телевидению.

Однокурсница Андрея Миронова, подруга Олега Даля и Владимира Высоцкого, любовница Виталия Соломина... Виктории Владимировне, безусловно, есть о ком рассказать и о чем вспомнить. Все ее воспоминания о партнерах по сцене, съемочной площадке и не только вошли в книгу актрисы, выпущенную незадолго до юбилея. Кстати, кроме книги воспоминаний Лепко выпустила две книги стихов, за что была принята в члены Союза писателей России.

Виктория Лепко редко дает интервью, но и в этих немногочисленных беседах с журналистами Пани Каролина с теплотой вспоминает о своих знаменитых коллегах, в том числе — и о Владимире Семеновиче Высоцком...

«Володя — многогранная фигура, которая до конца не раскрыта. Когда я с ним познакомилась, то даже не узнала. До этого слышала только его голос, а увидела — подумала, мол, шпана заграничная. Кепочка клетчатая, немного приклатненный, поглядывал на меня с интересом. Мы летели в самолете. Думала: «А вдруг пристанет?» А потом в ужасе поняла, что это сам Высоцкий. Чуть не провалилась от стыда, что его не узнала. Это был 1973 год, его прохожие, как и я, не особо узнавали.

Володя пригласил меня вместе отметить Пасху, потом — к себе. Я ему понравилась, он вроде как стал за мной ухажи-

вать. Я этого не ожидала и всем видом показала, что не стоит надеяться на взаимность.

Он все понял. Может, даже, обиделся, что я его отвергла. Не знаю. В его жизни было столько женщин! Одной больше, одной меньше...»

Один из редких случаев отказа во взаимности Владимиру Высоцкому...

С ним может сравниться, разве что, другой подобный случай, произошедший в 1967 году на съемках фильма «Вертикаль» в Кабардино-Балкарии. Тогда ухаживания молодого поэта отвергла актриса Лариса Лужина, сегодня часто рассказывающая об этом в своих интервью и воспоминаниях о Владимире Высоцком.

Более подробные воспоминания о встречах и общении с поэтом Викторией Лепко помещены в ее книге с символическим названием «Вне игры», вышедшей в начале 2011 года. В ней есть все: беззаботное детство дочки известных родителей, «первые шаги в искусстве», киношные и театральные байки и интриги, когда важно «глянутья» режиссеру, чтобы карьера рванула вверх...

И конечно в книге Викторией Владимировны Лепко немало места уделено встречам с «известными и интересными людьми», пускай даже это люди — твои коллеги по актерскому цеху...

По большому счету, все это — ностальгические воспоминания об ушедшей молодости, о времени, которого не вернуть, и, увы, в большинстве своем, — об ушедших из жизни друзьях и партнерах, со смертью которых уходит частичка и твоей жизни и души...

В одном из популярных изданий опубликован большой отрывок из мемуаров Лепко, касающийся ее взаимоотношений с Владимиром Семеновичем, встречах с ним. Озаглавлен он так: «Высоцкий запекал карпа в сметане».

Вчитаемся в написанное Викторией Владимировной: «Лечу я на съемки в Ригу. Только села в самолет — смотрю, входит какой-то тип. Невысокого роста, рыжеватый, воротник пальто поднят, а на голове кепочка такая клетчатая, пиджонская. В общем, то ли шпана, то ли фарцовщик. Вошел в салон — и сразу же на меня «глаз положил». Слава Богу, около меня места свободного не было. Прилетаю в Ригу, иду к тому месту, где меня машина должна ждать. Гляжу, он за мной идет. «Ну и ну, — думаю, — сейчас привяжется». И точно. Всю меня взглядом окинул и спрашивает: «Вы машины ждете со студии?» «Да», — отвечаю. «Очень хорошо. Я тоже». Тут мне немного

легче стало — все-таки хоть и шпана, но студийная, своя. Приходит машина. Мы садимся, а моя ассистентка Илзэ просто на того типа кидается: «Володя! Как я рада!» и т. д. И тут он заговорил с ней, а я чувствую, что мне плохо, вся покраснела от стыда, чуть из машины не вывалилась. «Господи, — думаю, — что же я за дура! Володю Высоцкого не узнала, кумира своего!»

Вечером мы летим в Москву — Володя, я и Леня Каневский. Леня чудный, веселый, добрый, остроумный и тоже всегда мне симпатизировал. Короче, наш рейс задержали. Ребята повели меня в ресторан, и там, и потом в самолете мы столько смеялись, рассказывая всякие истории, что время пронеслось мгновенно. Все разъезжались по домам, а Володя посмотрел на меня так ласково и сказал: «Я тебя найду». Я про себя рассмеялась. «Да-да, — думаю, — найдешь! У тебя там Марина... и вообще, зачем я тебе нужна?»

Не помню, сколько прошло времени. У меня утром — репетиция в театре. Спускаюсь вниз, а в раздевалке стоит Володя. Довольный такой, что «нашел» меня: «Здравствуй! Поедем Пасху отмечать?!» Я говорю: «Поедем, только потом у меня спектакль». — «Ничего, я тебя привезу».

Приехали мы, кажется, в район Солянки. Огромный дом, полный народу. Столы накрыты красивые, с пасхой и куличами. Все Володю ждали. Как только мы вошли, все сели за стол. И начал он петь! Я тогда впервые «Охоту на волков» услышала. Это было такое потрясение! Вообще не могла ни есть, ни пить, только смотрела на него и слушала.

А после спектакля Володя посадил меня в машину и сказал: «Поедем ко мне! Если хочешь, возьми подругу». Я просто подпрыгнула от счастья! Ведь у меня была, и до сих пор есть, закадычная подруга Ритка. Было часов 10 вечера. Я звоню в Риткину коммуналку. Выходит ее муж, тоже Володя. Я на него кидаясь: «Володя! Миленький! Отпусти Ритку со мной! Там внизу в машине Володя Высоцкий! Мы к нему поедем, он петь будет. Такое больше никогда не повторится!» А Ритка вся бледная! «У меня же лихорадка на губах», — говорит. «Да кому нужны твои губы! — кричу я. — Володя петь будет!»

Жил он тогда на Рублевском шоссе. Примчались мы, а там нас уже встречают Сева Абдулов — мой давний приятель по радио, Ваня Дыховичный — кудрявый красавец синеглазый, и еще какой-то физик, не помню его имени. Володин друг. Мальчишки нам карпа в сметане подают, а я опять ни пить, ни есть не могу. А Володя все время спрашивал: «Ну, что хочешь? Что спеть?» И я как ненормальная: «Охоту на волков!» Он мне ее тогда три раза пел.

Не знаю, сколько мы там пробыли, но надо было возвращаться домой. И тут он узнал, что у меня есть сын. Побежал на кухню, достал из холодильника икру, помидоры, огурцы, еще какие-то деликатесы и стал мне все это в сумочку запихивать. Я говорю: «Что ты, Володя, не надо!» А он: «Нет-нет, это ребенку!» Меня это поразило. Душа его была бездонна и безгранична.

Ритку отправили домой на машине с Ваней. А меня Володя сам повез. И вот мы едем с ним и о жизни беседуем. И я ему стала такую дурь нести! Как вспомню, опять готова сквозь землю провалиться, как в Риге, когда не узнала его. Стала я ему говорить о своем друге. Дескать, он тоже на гитаре играет и поет хорошо, и, мол, я вас как-нибудь познакомлю. Тут мы к дому моему подъехали. Он наклонился ко мне, обнял и хотел поцеловать. А я его рукой отстранила и говорю: «Не надо». Володя так грустно посмотрел на меня и с горечью сказал: «Дура ты!»

Вот такие воспоминания о Владимире Семеновиче Высоцком остались у актрисы Виктории Лепко.

ВЛАДИМИР КОНКИН

...Самая известная его роль в кино — муровец Шарапов из телесериала «Место встречи изменить нельзя». Похоже, она таковой и останется, — самой главной в жизни. Как у Вячеслава Тихонова — роль Штирлица, а у Раднэра Муратова — Василия Алибабаевича.

Если заглянуть в послужной список Владимира Алексеевича Конкина (1951 г. р.), то в нем можно найти много крупных ролей, сыгранных им на экране: Павка Корчагин в кинофильме «Как закалялась сталь», лейтенант Суслин в военном шедевре Леонида Быкова «Аты-баты шли солдаты», Кирсанов в фильме «Отцы и дети». Не меньше образов, воплощенных артистом и на театральной сцене...

И все же он — Шарапов!!!

Сперва с исполнителем этой роли возникли трения: сценаристы сериала братья Вайнеры хотели видеть Шараповым актера Евгения Герасимова. Но он, занятый на съемках другой картины, от роли отказался, о чем потом серьезно жалел... При этом, правда, сказав, что сыграл бы Шарапова лучше, чем это сделал Конкин. Рассматривалась на одну из главных ролей в фильме и кандидатура Евгения Леонова-Гладышева, но его пробы забраковал худсовет (в итоге актер сыграет в сериале эпизодическую роль молодого опера Васи Векшина). В результате этого Шараповым, к великому неудовольствию Вайнеров, стал Владимир Конкин. «Поскольку остальные были еще хуже, пришлось остановиться на нем», — вспоминал Аркадий Вайнер.

В другой статье, посвященной съемкам знаменитого сериала, читаем: «В роли Шарапова режиссер видел Сергея Шакурова, но в Одессе, где проходили кинопробы, начальство предложило режиссеру другую кандидатуру — Владимира Конкина. Режиссер воспринял ее настороженно, но, сделав пробу, понял, что интеллигентный Конкин являет собой превосходную антитезу нахрапистому Жеглову. Против неожиданно высказались Вайнеры: «Ну, какой из него, к черту,

фронтовик, да еще матерый разведчик!» Пришлось Говорухину прибегнуть к испытанному способу: одновременно с пробами Конкина он сделал и пробы заведомо не подходящих на роль Шарапова актеров — Ивана Бортника (протееже Высоцкого, в итоге блестяще сыгравший Промокашку) и Станислава Сададьского (будущий Сапрыкин, он же Кирпич). Увидев результат, Вайнеры отступили. Оставалось убедить заказчика — главу Гостелерадио С. Г. Лапина. Пошли на обходной маневр. Дождались, когда Лапин уедет в заграничную командировку, и «атаковали» его заместителя — приехали к нему с коньяком и двумя чаровницами. «Мужик расчувствовался и подписал все не глядя, — рассказывал Конкин. — Когда Лапин вернулся, было уже поздно»...

Еще одна версия развития событий: «Станислав Говорухин предложил на роль молодого муровца Владимира Конкина. Но возникли трудности.

«Думаю, что на роль Шарапова отсмотрели немало претендентов, — рассказывает Владимир Конкин. — Говорухин остановился на моей кандидатуре. И тут воспротивилось высокое киношное начальство, которое уперлось рогами и заявило: «Сниматься будет или Высоцкий, или Конкин». Причем никаких конкретных причин не называли. Видимо, была просто блажь. Мы с Говорухиным с горя решили организовать «отходную», сидели на студии, выпивали, утром я должен был возвращаться домой. И где-то в полночь раздался телефонный звонок. Звонила моя жена Алла: «Хорошо, что я вас застала. Дело в том, что тот, кто вам ставит палки в колеса, на 10 дней уехал в ГДР. Загом у него человек восточный, любит женщин, коньяк и анекдоты. Не упустите свой шанс».

Рано утром, с двумя длинноногими красавицами и коньяком Конкин и Говорухин вылетели из Одессы в Москву. Встретились с замом, девушки окружили высокого начальника, а Станислав Говорухин вспомнил все анекдоты, которые только знал. Заболтав чиновника, режиссер подsunул ему акт о приемке кинопробы, где стояли фамилии — Высоцкий и Конкин.

«Этот зам подписал акт не глядя, видимо, решив, что дает нам автограф, — вспоминает Владимир Конкин. — Через несколько минут мы уже мчались во Внуково. Спустя 10 дней у нас уже были сняты куски из разных серий, так что начальству ничего не оставалось делать, как дать нам добро. Картина вышла, стала всенародно любимой, но мстительное начальство не допустило, чтобы она получила хоть какую-нибудь награду».

«Комсомольская правда» писала: «На роль Шарапова пробовали с десяток актеров, среди которых Юрий Шлыков из Та-

ганки, Владимир Рожин из «Ленкома», Вадим Михеенко из Театра им. Моссовета (ныне руководитель театра танца и пантомимы «Терра мобиле» в Санкт-Петербурге). Пробовался и Сергей Никоненко, который потом в кино сыграл множество милиционеров, но его мечта стать Шараповым не осуществилась.

Также Шарапова видели в Евгении Герасимове, Евгении Леонове-Гладышеве и, говорят, даже в Станиславе Сададьском. Поначалу Говорухин хотел пригласить Сергея Шакурова, но киноначальство воспротивилось.

Ходили слухи, якобы Конкина по благу взяли на главную роль Владимира Шарапова, впрочем, скорее всего, это просто злобные наветы. Вот что по этому поводу говорил сам Владимир Конкин: «Изначально Высоцкий был против моего участия. Они с Говорухиным планировали на эту роль Бортника. Но на Одесскую киностудию позвонили из приемной Иваненко (тогдашнего заведомо культуры украинского ЦК), что играть Шарапова должен Павка Корчагин (то есть я), а иначе фильм не состоится. Аркадий Вайнер стоял смертным боем за Бортника, но Высоцкий уговорил его уступить. В итоге Бортник получил роль Промокашки (на нее сначала пробовался Леонов-Гладышев) и навечно затаил на меня обиду. Говорухин тогда позвонил одному из замов Демичева, и тот поставил украинцам встречное условие: если Конкин будет играть Шарапова, то вместо Химичева (любимца Щербицкого) Фокса будет играть Белявский. На том и порешили».

О выборе исполнителя одной из главных ролей в картине писали другие газеты: «На съемках Владимиру сперва было неуютно. Говорухин поначалу влюбился в его актерское дарование и настоял на том, чтобы разведчика, 42 раза переходившего линию фронта и вынесшего на своих плечах пленного немца, играл хрупкий, как барышня, Конкин. Но быстро разочаровался».

«На роль Шарапова были кандидатами, по-моему, Губенко. И Шакуров, — говорит режиссер сериала Станислав Говорухин. — Мне показалось правильным, чтобы Жеглов и Шарапов были немножко одинаковыми внешне. Только мировоззрение разное. А потом — ну сложно говорить, что Конкин был командиром разведроты. Вот если бы играл Губенко, вот это да, в это можно было бы поверить».

Тем не менее, зритель поверил. И уже невозможно кого-либо другого представить в роли напарника Жеглова Володи Шарапова, кроме Конкина. Образ, воплощенный актером в фильме, давно стал близким зрителю, народным, его сравнивают с известными фольклорными персонажами, он прописался в анекдотах, афоризмах и песнях. А это свидетельст-

вует о талантливо сыгранной Конкиным роли, хорошо сценарии и мастерской режиссуре сериала. Правда, актеру это не совсем нравится...

«Меня никто никогда не прочил на героические роли, — жалуется Владимир Алексеевич. — Мне иногда говорят: «Ну и рожа у тебя, Шарапов!» — если я, к примеру, поцарапаюсь. И считают, что я всю жизнь с этими царапинами и что у меня рожа, а это не рожа!..»

Людей раздражает странная привычка Конкина — вечно брюзжать и жаловаться в интервью журналистам на тяжелую работу и жизнь в кино: то нет взаимопонимания с партнерами по съемочной площадке, то режиссер — деспот, то сценарий — говно...

В другом интервью Владимир Алексеевич, опять, чуть не плача, признавался репортерам, что Высоцкий подавлял его на съемках, не терпел конкуренции в кадре: «Когда кто-то рядом делал что-нибудь неплохо, у него это вызывало желание сделать лучше. И не всякий раз это было деликатно и корректно. Усмирять Владимира Семеновича мог только Говорухин, его друг... А иногда ситуации были на грани серьезного конфликта. Высоцкий ведь был человек спонтанный. Его благорасположенность ко мне вдруг менялась на реакцию противоположную, если что-то делалось «не по его»...»

Станный вы какой-то, Шарапов-Конкин! «Когда кто-то рядом делал неплохо, у Высоцкого это вызывало желание сделать лучше...» Да это естественная потребность настоящего профессионала — самосовершенствоваться, максимально самореализовываться в кадре! Как вообще актеру на съемочной площадке можно «делать что-нибудь плохо»? Зачем он нужен в фильме? Гнать его в три шеи надо с картины, пока не «завалил» ее окончательно!.. А уж деликатность и корректность — это для пансиона благородных девиц, а не для съемочной площадки! Или их перепутал Конкин?

Действительно, отношения между двумя Владимирами — Высоцким и Конкиным — во время съемок «Места встречи...» складывались очень непросто. Не сложились они и после них: актеры так и не стали не то что друзьями, но даже приятелями.

Писали, что за кадром между Жегловым и Шараповым в прямом и переносном смысле пробежала черная кошка...

Брюзжания Конкина: «...Начало съемок было просто ужасным. Первой снимали сцену из 4 серии, когда Шарапов рассказывает Жеглову, что убийство совершил не Груздев, а Фокс. У меня огромный монолог — 10 минут экранного времени. Я начинаю, почти дохожу до середины... И вдруг щелчок какой-то в голове — и я забыл фразу. А Высоцкому сегодня

улетать. Меня об этом еще с утра предупредили. Вот, не надо было этого мне говорить! Зачем накручивать?! Я сейчас об этом рассказываю — а у меня руки трясутся. Второй дубль — еще раньше запоролся. Все! Начался внутренний столбняк. Со мной такого никогда не бывало — у меня же хорошая память! А здесь... Третий дубль. Говорухин уже сидит лысину чешет... И съемочная группа смотрит: ну, говнюк какой попался. (Может, это было и не так. Но я человек без кожи. На барабан ее вряд ли можно натянуть — она вся протерта). И только начинаю — все. У меня уже сдают нервы... Говорухин говорит: «Ну, ладно, полчаса перерыв. Иди, во дворик подыши, сосредоточься. Еще одну попытку сделаем». Я подышал, начали снимать. Опять! Ужас, ужас... Говорухин говорит: «Ну, ладно, тушите свет. Потом когда-нибудь снимем». А я думаю: «Господи, ну столько хорошего у меня было в жизни!..» Была очень горячая секундная молитва внутри. Я прошу: «Слава, еще одна попытка». Мотор, камера. И я пошел. И вдруг чувствую, что-то проклятое место я уже проскочил. У меня вдруг открылось второе дыхание. И я прошел эту харибду, не застрял!

А по технологии надо снимать второй дубль. И тут наши осветители начали тушить свет: мол, у нас смена кончилась, это вы приходите на съемочную площадку к 9 утра, а мы здесь с 8-ми! Все уговаривают, умоляют этих «светляков» — а те вырубают свет... В это время Высоцкий лежал на диванчике. Внимание ни на кого не обращает. Глазки закрыты... Никогда не забуду, как среди этого всеобщего стога вдруг встает Высоцкий. Моментально наступает тишина. И только слышно его скрипучие сапоги. Он выходит на середину... Ни одного слова из того, что он сказал, я произнести нашим уважаемым читателям не могу. Я только тогда понял, что такое «тридцатитрехэтажный»... Это было так скомпановано! Последнее слово было: убью. Как закипела работа! Сразу все стало зажигаться! Все, по местам! И мы сняли второй дубль, но в фильм вошел первый...»

Но ведь можем, когда надо, а, господин актер?! Как говорится, на Бога надейся, но и сам — не плошай!

«...Теперь многие почему-то считают, что мы были друзьями, — плачет Конкин. — Увы: жесткость в наших отношениях, к сожалению, доминировала. Налет «паханства» на съемках, несомненно, присутствовал — слово Высоцкого было непререкаемо. Я привык к доброжелательной обстановке, когда тебя все любят, а тут...»

Однажды у Конкина не выдержали нервы, он — струсил и задумал свалить со съемок: «Я вдруг отчетливо понял, что никому в этой картине не нужен. Тихо собрал чемодан и со-

брался было уехать, как вдруг в дверь гостиничного номера постучался Виктор Павлов (Левченко). «Чего это ты чемодан собрал?» — «Да вот, Вить, уезжаю я, не могу больше работать в такой обстановке. Высоцкий давит, как танк, тянет одеяло на себя... Может, кому-то и приятно, когда на него орут. Мне — нет». Но Павлов уговорил».

В другом интервью Конкин так обрисовал ситуацию со своей готовностью покинуть съемочную площадку «Места встречи изменить нельзя»: «Первые результаты работы над фильмом никому не понравились. Тогда Станислав Сергеевич вдруг сказал фразу, которая сразила меня наповал: «Володя, ты меня предаешь! Я пробил тебе эту роль, а у нас ничего не получается...» Я ощутил себя так, словно пощечину получил. И стал собирать чемоданы...»

Трудно сказать, чем бы закончился этот демарш, если б не Виктор Павлов (Левченко). Он вызвался проводить Конкина до вокзала, прихватил с собой сценарий и вдруг начал читать его на пьедестале памятника основоположникам марксизма-ленинизма, в обнимку то с одним основоположником, то с другим. Потом приволок умиравшего от смеха Владимира обратно в гостиницу, они распили бутылку сухого вина, и наутро бывший Павка Корчагин был готов к дальнейшей работе».

Еще одна слезная исповедь Конкина — на ту же тему: «Я не чувствовал поддержки. Не было того настоящего партнерства, к которому я уже привык. Не знаю, может быть, это тоже была какая-то актерская наша зависть, не зависть. Я никому никогда в жизни не завидовал. Пускай у Володи был «Мерседес», у меня тогда была черная «Волга» — какая разница? Дело-то не в этом. И я почувствовал, что я не нужен этой картине. То есть я почувствовал, что у меня нет тыла. Обычно во всех моих картинах до того времени меня съемочная группа любила, и я всегда был к людям благорасположен, но здесь я чувствовал, что что-то нам мешает жить в дружбе и согласии. И я собрал чемодан, я решил покинуть съемочную группу».

Меня спасли два человека. <...> Эти два человека — это покойный Евгений Шутов, замечательный актер и человек прекрасный, он был в тот момент в Одессе, и замечательный артист Витечка Павлов. Я собрал чемодан, он постучал ко мне в номер — он не знал, что я хочу уехать, еще никто не знал, что я еду в Киев из Одессы, навсегда, как я решил, — и он говорит: «А почему ты такой смурной?» — «Все, Вить, просто все достало, все не так складывается. Отношения не сложились, и значит, кино не будет». Он говорит: «Володь, да чего ты переживаешь? Пойдем, подышим воздухом». <...> И вот Витя Павлов взял сценарий и повел меня прогуливаться. И начал читать

сценарий. Это было так смешно! Оказывается, это комедия! Витя Павлов с меня снял вот эту вот стрессовую ситуацию, вот этот мой клинч. <...> Вот благодаря этому человеку я остался в группе. Я понял, что если я дам слабину, во-первых, это минус моей профессии, минус мне во всех отношениях; я должен доказать, что это все-таки роль моя, и у меня все равно что-то да получится.

И дело постепенно пошло. Когда мы начали снимать четвертую и пятую серии, где Шарапов уже как бы набирает силу, то это было лишний раз доказано, а в пятой серии он вообще исполняет роль в роли, когда он попадает в банду. Там нужно уже было быть не Шараповым, а другим человеком». «Фильм получился гениальным. Станислав Говорухин сумел не только собрать целое созвездие замечательных актеров, но и максимально использовать их лучшие качества. И каждый из них: Сергей Юрский и Виктор Павлов, Наталья Фатеева и Леонид Куравлев, Александр Белявский и Евгений Евстигнеев, Армен Джигарханян и Лариса Удовиченко, Станислав Садалский и Зиновий Гердт, Евгений Леонов-Гладышев и Александр Абдулов, Иван Бортник и Валерия Заклунная, Всеволод Абдулов и Олег Савосин внесли свою частичку в общий успех. И все же, в первую очередь, фильм обязан своим успехом дуэту Высоцкого и Конкина, создавших поистине легендарных персонажей. Дуэт Жеглова и Шарапова привнес в фильм не только драматургически заложенное столкновение мировоззрений, но и неподдельную внутреннюю конфликтность, естественно возникшую при сочетании очень разных индивидуальностей двух «звезд». Ведь в ту пору Конкин был «звездой» официальной, а Высоцкий — неофициальной, что придавало фильму столь актуальную в 1970-х годах аллюзионность».

В итоге так уж получилось, наперекор сценарию, что зрителю понравился не милосердный Шарапов Конкина, а взрывной и иногда нахальный Глеб Жеглов Высоцкого. Тут уж ничего не поделаешь! Как говорится, талант — он и в Африке талант!

Очередные жалобы и слезы Владимира Конкина газетчикам: «Многим казалось, что я обласкан комсомолом. Но я никогда клеветом не был и косточек с барского стола не таскал. Наверное, и Высоцкому казалось так — будто я холуй комсомольский. Иначе, откуда у Конкина «Волга». А то, сколько я вкалывал на нее, это ж никого не интересовало! А у Семеныча был «Мерседес». Но все прекрасно знали, что у Семеныча не было бы никакого «Мерседеса» и умер бы он под забором на 10 лет раньше, если бы в его жизни не появилась Марина Влади. И поэтому семья была оставлена с двумя детьми. А эта

тетя вошла в его жизнь и, в общем-то, украсила ее. Потому что Володя стал вкусно есть иногда, а не жрать водку за 3.62. Понимаете? Он стал курить американские сигареты. У него была роскошная аппаратура по тем временам. Он, конечно, сам какие-то деньги зарабатывал, но у него бы ни-и-когда не было всего того, если бы не Марина Владимировна. Поверьте мне. Потому что я честно один всю жизнь пахал на себя и семью (жена не работала, а занималась домом и детьми). Я годами не мог себе позволить купить норковую шубу супруге, или поменять машину, или на даче крышу перекрыть...

На Высоцкого смотрели как на небожителя. Вот он — живой диссидент! Тем не менее, он многих очень быстро разочаровал. Люди поняли, что Высоцкий — это «три буквы» сразу же. Паинькой он не был, как сейчас придумывают. Иногда это был хам, грубый и прямолинейный человек. В отличие от меня.

Но при этом все равно он оставался Поэтом и нервы в ключья драл! Володя обладал огромной внутренней силой. Был личностью пружинистой и мощной. А я тоже мог за себя постоять, мог и откусить кое-что. Короче, встретились два волнореза...»

Удивляет, сколько злобы и желчи сидит в актере Владимире Алексеевиче Конкине! Прямо ненавистью пылает он к актеру и коллеге, которого уже больше 30 лет нет в живых. В чем причины такого неадекватного поведения Конкина? Ответ простой: виноваты банальная житейская зависть и скромность собственного актерского дарования. А может это и старческое обывательское брюзжание — из-за узости умственного кругозора...

Попробуем привести контраргументы сказанному Конкиным.

Во-первых, никто не давал ему никакого, особенно — морального права называть в интервью поэта «Семенычем», а его жену, актрису Марину Влади, — «этой тетей». Что за наглое панибратство? «Иногда это был хам» — так говорит актер, применяя эти слова к Высоцкому. В данном случае это выражение применимо к самому Конкину.

Второе. Обвинять Владимира Семеновича в том, что он был при Марине почти альфонсом, Конкину вообще неуместно. Это с его стороны выглядит очень глупо! Владимир Алексеевич «напахал» на «Волгу» за долгие годы съемочных трудовых дней, а Высоцкий, помимо зарплаты в театре и гонораров за съемки и песни, написанные в фильмы, еще давал концерты, иногда — несколько в день. Например, за четыре дня новокузнецких гастролей поэт получил 3693 рубля гонорара — со-

гласно договору. Это было в феврале 1973 года. Конкину такие гонорары и не снились!

Что касается стоящего как кость в горле Конкина «Мерседеса» Владимира Высоцкого, то приобрел поэт его в 1976 году на свои деньги, заработанные им более чем на тридцати выступлениях.

И дальше — в том же духе...

Так почему Высоцкому нельзя было («иногда», по словам Конкина) вкусно есть, курить американские сигареты и иметь дома современную музыкальную аппаратуру? Он это вполне заслужил, потому что — заработал!

Касательно Марины Владимировны. Называя Влади презрительно «этой тетей», Конкин забывает, что Марина, мать троих сыновей, не сидела сложа руки, а успешно и много снималась по всему миру в фильмах известных режиссеров. В то время как супруга самого актера, тоже имевшая троих детей, не работала и занималась их воспитанием. В чем здесь вина Марины?

Обвинив поэта во всех тяжких, актер не привел ни одного правдивого доказательства своим, как понятно, подлым и лживым обвинениям... «Поверьте мне», — говорит Конкин. Да кто же поверит в ваш идиотский монолог?! А что сам ничего не заработал, так не каждому Бог дает имя «Владимир Высоцкий». Пахать больше надо было! И в действительности суметь «стоять за себя»! Чтобы до сих пор «не откусывать кое-что»...

«Встретились два волнореза...» Повстречались бы они сейчас, будь жив Высоцкий и прочитай он этот «монолог»! Сомневаюсь, что остались бы желание, силы и здоровье у Конкина говорить подобное впредь, или вообще — сниматься в кино!.. Ох и набил бы вспльщивый ВВ едальник Конкину — и правильно бы сделал!

И вновь — слезы Владимира Алексеевича в который раз заливают редакционный диктофон: «Работалось нам по-разному. Человек он был непредсказуемый: с ним было комфортно и хорошо, а через секунду — наоборот. А целлулоид фиксирует все, это же не шутки... Высоцкий был партнер сложный, непростой, но назвать его своим другом я не имею права, это — слишком высокая оценка наших отношений.

Но мы были товарищами по работе, и кино бы не получилось, если бы не сложилась эта пара. В апреле 2008 года исполнилось картине 30 лет! Я даже не успел заметить, как они пролетели! Право, не знаю, может ли кто-нибудь из сегодняшних актеров гарантировать, что их работа не забудется хотя бы через пять лет? А работа с Высоцким стала для меня свое-

образной школой. Потому что партнеры, обладающие внутренней силой и харизмой, нас чему-то учат. И нужно суметь свой плот «провести между Сциллой и Харибдой». В этом плане Владимир Семенович для меня был учителем. Я вспоминаю его с благодарностью...»

Еще одно «выступление» Конкина (но риторика — изменилась): «Я думаю, что наш фильм — жизнеутверждающая картина. И 30 лет тому назад, когда мы ее делали, никогда и не думали, что она будет иметь такую большую и серьезную жизнь. Мало того, мы все-таки его создавали совершенно в другой стране, в других условиях. И у нас было очень много сложностей и проблем, обо всех не рассказать. Но мне кажется, что сейчас, именно сейчас, почему этот фильм и стал ценен и, может быть, приобрел еще большее даже значение, потому что люди скучают по добру, по порядочности, по тем человеческим институтам, которые сегодня подменены суррогатами. Когда человек с денежным мешком диктует все, и он для тебя царь и бог, это страшно. И когда человек сталкивается с какой-то бедой, ему хочется, чтобы рядом был дядя Степа, ему хочется, чтобы был Шарапов, вот такой Шарапов, который отстоит Груздева и тебя отстоит. И поэтому очень многие люди, которые меня встречают по жизни, они как бы ассоциируют меня с моими героями, в частности, с Шараповым — порядочным, замечательным человеком, которого я с удовольствием играл».

В одном прав Владимир Конкин: картина «Место встречи изменить нельзя» только потому так долго остается не забытой и любимой уже не одним поколением зрителей, что в ней в главной роли снялся именно сам артист. Но — в паре с Высоцким. Сыграй он Шарапова с другим партнером, вряд ли бы о фильме помнил кто-нибудь сегодня. Только дотошные киноведы и составленные ими киноэнциклопедии...

Один лишь раз Владимир Высоцкий приводил своего партнера по фильму Владимира Конкина к себе домой на Малую Грузинскую улицу. Это случилось как-то поздно ночью, после завершения очередного съемочного дня картины. По словам актера, угостить поэту его было нечем («Гады-гости все сожрали!..»), и Владимиру Семеновичу пришлось потчевать дорогого гостя скромным стаканом чая и куском сухого коржика: «Я макал его в чай и ел, а Высоцкий все извинялся за такой прием...»

Конкин, наверное, желал отпробовать французских деликатесов и покурить американских сигарет, но не тут-то было... Гости проклятые, черт бы их подрал!..

После завершения съемок в сериале «Место встречи изменить нельзя» актеры больше не встречались...

Глеб Жеглов отработал в фильме 21 съемочный день, и ему выплачивали по 42 рубля за каждый.

Володя Шарапов — 26 дней, и ему положено было 52 рубля в день.

А почему Жеглов получал меньше Шарапова? Так ведь Шарапов, он же Владимир Конкин, в то время был уже заслуженным артистом Украины...

Только спустя десятилетия Владимир Алексеевич, откинув (но — не забыв!) свои обиды, сумел проанализировать роль, исполненную Владимиром Высоцким в сериале, и пришел к следующим выводам: «...Шарапов очень многому учится у Жеглова. В жизни происходило то же самое. Нельзя было не поражаться фантастической трудоспособности Владимира Семеновича. Он дотошно выпрашивал у знатоков, у старых опытных сыщиков все подробности их работы, стремился на практике освоить мельчайшие детали их службы и быта. Он обладал талантом выделения из множества составных самого главного, наиболее характерного и яркого для образа, оставаясь при этом не похожим ни на кого Владимиром Высоцким. Оттого так достоверен его Жеглов, и нередко ветераны уголовного розыска «узнают» в нем живые черты своих товарищей по нелегкому и почетному делу. Кажется, очередной дубль прошел «без сучка и задоринки», но... «Нет, — устало вздыхает Высоцкий, — здесь Жеглов должен говорить немного иначе. У него обязательно есть свое любимое, простое, но очень идущее к нему словцо. К примеру... «значица». И это «значица, так, Шарапов» монолитно вливается в образ, и долго еще напористый с хрипотцой голос звучит в ушах... А Высоцкий продолжал искать и пробовать, порой начиная заново, не щадя ни себя, ни партнеров. И почти никто не знал тогда, что уже перенесен в 37 лет тяжкий инфаркт. И тем более не знали и не могли знать, что до второго, ракового, остаются считанные месяцы... Знал об этом один Высоцкий. Знал, что необходимо беречь себя: так настоятельно требовали врачи. Но работать вполнакала в искусстве он не умел, да и не смог бы...»

Многие зрители считают, что Владимир Конкин впервые увидел Владимира Высоцкого и познакомился с ним непосредственно на съемочной площадке детективного сериала. Но это — не так. Познакомились они чуть раньше... Впрочем, предоставим слово артисту: «Особые и очень дорогие для меня воспоминания я храню о Владимире Высоцком, с которым встретился впервые в... Париже, в 1978 году. Я приехал туда в составе творческой группы, снявшей кинофильм

«Кавказская повесть», посвященный 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. Высоцкий пел в «Олимпии» — знаменитом концертном зале, доступном для исполнителей только самого высокого класса. Он пел песни глубоко национальные, очень русские, но переполненный зал понимал, казалось, каждое слово...»

Так бывает — от момента знакомства двух людей до смерти одного из них проходит очень мало времени. Это — как раз случай Конкина с Высоцким...

«О смерти Владимира Высоцкого я узнал совершенно случайно и только на следующий день, — признавался Конкин в программе «НТВшники», посвященной 30-й годовщине со дня смерти поэта. — 26 июля я пошел на рынок за мясом, довольно быстро нашел то, что мне нужно и расплатился. Торговец завернул мой кусок в газету. Я ну абсолютно же случайно, когда клал сверток в пакет, наткнулся глазами на маленький некролог в черной рамочке. Вчитался в него... И меня как током стукнуло: это было опубликованное в «Вечерней Москве» сообщение о смерти Володи... Я был потрясен и ошарашен этим сообщением, потерял рассудок и долго стоял на месте, не зная, куда мне идти...»

Известие о смерти коллеги стало для Владимира Конкина не только большим потрясением, но и обретением внутренней гражданской смелости и мужества: «Знаете, когда в 80-м Высоцкий ушел из жизни, после его похорон я поехал с выступлениями в Ростов. И каждую встречу начинал со слов: «Все мы похоронили...» — и народ вставал. Я права не имел морального не сказать об этом. И неважно: друзья мы были или нет... За это меня вызывали в идеологический отдел партии Ростова. А потом жалобу накатали в Союз кинематографистов СССР. Но так как разбирались с ней люди приличные: Баталов, Ширвиндт, Клара Лучко... — то я был принят в состав Президиума Союза кинематографистов. Сразу же. За то, что отстоял честь коллеги. И мы пошли пить коньяк».

«Когда я узнал про его смерть, то, чтобы заглушить боль, выпил весь запас вина, который заготовил на день рождения. Обычно после пары рюмок я немного пьянею, но тут после 15 бутылок был трезв, как стеклышко. Таким сильным было потрясение!» — сказал и заплакал Владимир Алексеевич Конкин (Шарапов).

ГАЛИНА ПОЛЬСКИХ

Я влюблен в эту актрису с детства. Для меня она — символ красоты и женственности.

Народная актриса России Галина Алексеевна Польских сыграла в кино более ста ролей. И все ею воплощенные на экране образы так же тонки, женственны, нежны и красивы, как и она сама.

Стоит назвать только несколько картин, в которых снялась Галина Польских, чтобы можно было рассуждать о популярности актрисы и любви зрителей к ней. А фильмы эти уже давно в народе давно стали классикой отечественного кинематографа и по праву пользуются большим успехом у публики: «Я шагаю по Москве», «Дикая собака Динго», «Верность», «Журналист», «По семейным обстоятельствам», «Суета сует», «Портрет с дождем», «Человек с бульвара Капуцинов», «Любить по-русски»...

Путь в кино для Польских открыл ВГИК (мастерская С. Герасимова и Т. Макаровой), во время учебы в котором Галя подружилась с Люсей Абрамовой, вскоре ставшей женой Володи Высоцкого. Девушки были не только однокурсницами, но и стали близкими подругами.

Еще учась на первом курсе Института кинематографии, Галина познакомилась с третькурсником Файком Гасановым, студентом режиссерского факультета. Вскоре молодые поженились, у них родилась дочь Ирада.

Польских, тесно общаясь с Абрамовой, по сути, стала свидетельницей появления новой семьи, зарождения семейных отношений Людмилы и Владимира: в 1962 году в Ленинграде Галина снималась в картине «Дикая собака Динго». Параллельно на «Ленфильме» шла работа над фильмом «713-й просит посадку» режиссера Григория Никулина. Актриса вспоминает: «Смотрю, все чаще и чаще стали появляться Людмила и Владимир Высоцкий вместе. То в ленфильмовском буфете, то в других студийных местах. Я их то и дело встречала. Тогда начиналась их супружеская жизнь».

Люся с Володей и Галя с Фаиком, впоследствии, стали дружить семьями. «Да, мы были в приятельских отношениях, — говорит Галина Польских. — Я гуляла на их свадьбе. На дни рождения мы дарили подарки их детям, а они — нашей Ираде. Фаик иногда приводил Володю к нам в дом: муж записывал на бобины первые песни Высоцкого.

Мы тогда уже переехали на Ленинский проспект — получили 16-метровую комнату в коммуналке. Бабушке Володя не понравился: ей казалось, что так петь умеют все. Она постоянно ворчала на нас из-за нашего гостя. А Фаик не уставал повторять, что Володя — гений...»(2)

Вскоре жизнь, что называется, разбросала друзей: трагически погибнет первый муж Галины Польских, кинорежиссер Фаик Гасанов. Вскоре расстанутся и Владимир Высоцкий с Людмилой Абрамовой — поэт встретит Марину Влади, без ума влюбится во французскую кинозвезду, будет добиваться и добьется ее благосклонности...

Галина Алексеевна с горечью говорит: «Я дружила с семьей Высоцких, с Шукшиным. Сегодня многих из тех, с кем хотелось бы дружить и общаться, уже нет в живых...

А близкие отношения с Высоцким закончились, когда Володя встретил Марину Влади. Помню, он прилетел от нее из Парижа — в белых брюках, в новом заграничном свитере, с красивой модной стрижкой. Таким я его раньше не знала...»

Жизнь не стоит на месте. «С каждым днем времена меняются...»

И то, что было и осталось в памяти — о том теперь можно только вспоминать и ностальгировать...

О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ вспоминает ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПОЛЬСКИХ

Галина Польских: Мы учились вместе и дружили с Людой Абрамовой, а с Володей познакомился мой муж. Тогда Володя был почти никому неизвестен. Так, знали его в каких-то актерских, театральных кругах. Мой муж где-то в общезнании с ним, что ли, познакомился... Сказал мне, что это наше будущее, что Володя — невероятно талантливый человек, просто этого еще никто не знает, но точно это будет мирового масштаба человек. Вот так...

И вот однажды Фаик привел Володю к нам домой, чтобы записать его на магнитофон. Был у нас такой огромный магнитофон с бобинами. А я жила с бабушкой, и говорю ей: «Ба-

бушка, сейчас придет к нам очень талантливый человек, певец. Он нам сейчас что-то исполнит...»

Ну, бабушка моя приделалась, причесалась — приготовилась слушать. Мы жили тогда в коммуналке, сели где-то на кухне. Володя пришел какой-то такой невыспавшийся. Такое впечатление было, что где-то он ночь погулял хорошо. Мой муж достал этот магнитофон, и Володя стал петь.

Первые песни Володи были, скажем так, не очень содержательные. Дворовые такие песни. Когда Володя ушел, моя бабушка сказала: «Слушай, кого ты привел? Я думала, что придет такой романтик красивый. А это что? Пойди в любую тюрьму, открой любую камеру — тебе каждый так споеет». В общем, бабушка была возмущена.

Потом Володя влюбился в Люду, они поженились, у них родились мальчики, а у нас с мужем — девочка. Мы все вместе дружили, подарки друг другу делали. Потом Володя пошел-пошел-пошел, женился на Марине Влади, и связь как-то прервалась.

Я помню их свадьбу с Людой. Володя тогда уже работал на Таганке, вся Таганка была на этой свадьбе, и все ребята просили его спеть, так что он пел всю собственную свадьбу. У него уже тогда появились более серьезные песни.

Марк Цыбульский: Свадьбу справляли на Беговой?

Г. П.: Нет, не на Беговой, это точно. Не помню, где. Родителей Люды не было, и матери Володи не было, заходил ненадолго только его отец. У Люды была двоюродная сестра, с которой она очень дружила. Может быть, у нее это было? А потом почему-то мы на секундочку заезжали к Володе домой на улицу Телевидения.

М. Ц.: У вас дома Высоцкий записывался только один раз?

Г. П.: Да. Они с Людой приходили к нам потом, но уже не пел.

М. Ц.: А какой это был примерно год — вашей с ним первой встречи? Это было до того, как они познакомились с ЛАБрамовой?

Г. П.: Да, это было до того. Я думаю, что это был 1960 год.

М. Ц.: По какому адресу Вы тогда жили?

Г. П.: Ленинский проспект, дом 72, квартира 359. Я и сейчас в этом доме живу, только в другом подъезде. Причем с переездом связано то, что фонограмма та пропала. Когда я получила квартиру, то стала делать ремонт. У нас на антресолях много чего лежало... Мой муж держал там старые пластинки, бобины. Если он чувствовал, что человек талантлив, он старался первым его записать. И бобина с записью Володи тоже

там была. И я, делая ремонт, все с этих антресолей выбросила на помойку.

М. Ц.: В 1970-е годы у вас были встречи с Высоцким?

Г. П.: Я видела его как-то на «Мосфильме» уже с Мариной Влади, они только что вернулись из Франции. Володя был очень красивый, с модной стрижкой, в белых брюках. Ему раньше это было несвойственно, он все ходил в каком-то черном пальтишке, в черной рубашке, с гитарой за плечами, такой помятый, — а тут прямо француз!

М. Ц.: Вы вместе с Высоцким не снимались нигде, а на пробах или на студии, где идет работа в разных павильонах, никогда не совпадали?

Г. П.: Только в 1961 году в Ленинграде, когда они с Людой снимались в «713-й просит посадки», а я снималась в «Дикой собаке динго». Встречались там на студии. Они в костюмах, я тоже в костюме. «Привет!» — «Привет!» — «Как жизнь?» — «Ничего, нормально». — «У нас тоже». И я почувствовала, что он ухаживает за Людой, что у них роман.

Люда на тот момент была замужем, мы дружили с ее мужем. Когда муж узнал, что у нее роман с Высоцким, он приходил к нам очень расстроенный. Переживал-переживал, а потом женился на моей школьной подруге. Сейчас у них сын, который очень хороший продюсер.

М. Ц. Ваш муж был очарован Высоцким и привел его домой, чтобы записать на магнитофон. А какое было ваше первое впечатление?

Г. П.: Честно? Ну, маленький, помятый, неухоженный... Подумала: «Ну, кошмар, кого он привел?» А потом оказалось, что муж-то мой прав был...

ГЕННАДИЙ ПОЛОКА

Недавно отметившего 80-й день рождения известного кинорежиссера, снявшего культовый фильм о беспризорниках «Республика ШКИД», Геннадия Ивановича Полоку можно смело назвать одним из настоящих друзей Владимира Высоцкого.

Их долгие годы связывали прочные творческие и личные отношения.

Хвала Геннадию Полоке: никогда, будь то в интервью или выступая на творческих вечерах, он не кичится своей дружбой и тесным общением с Высоцким. А если и приходится отвечать на вопросы о поэте (куда ж без них?), то режиссер всегда говорит о друге сдержанно и с достоинством.

А между тем ему есть что вспомнить и о чем рассказать!

Знакомы они с конца 50-х. В 1967 году Владимир Высоцкий снялся в фильме Геннадия Полоки «Интервенция», сыграв в нем главную роль. У картины случилась «счастливая» судьба: он лег на полку аж на целых 20 лет, придя к зрителю лишь на заре перестройки, в 1987 году.

Кроме этого, поэт по просьбе режиссера писал песни в другую его режиссерскую работу — фильм «Одиножды один». На экраны он вышел уже после смерти Владимира Семеновича...

Опытным режиссерским взглядом Геннадий Иванович сразу разглядел в Высоцком актерский талант: «Он был фантастический артист! Помимо темперамента он обладал способностью полностью трансформироваться до неузнаваемости...»

О том же Полока говорил в более позднем интервью: «Я готов утверждать где угодно, что актер он первоклассный. И особенно это заметно, когда его смотрят иностранцы, у которых нет «шлейфа» нашего восприятия. У нас все-таки есть «шлейф» Высоцкого — его песен, его личности. Поляки видели его в «Гамлете». Они, конечно, тоже слышали его записи, но их восприятие нельзя сравнить с нашим. Там есть блестящие Гамлеты, но Высоцкого они вынесли на руках. Он играл отважно, с напором и трагизмом»

В полном восторге Геннадий Полока и от поэтического, песенного и исполнительского талантов Владимира Высоцкого: «Для Окуджавы песни являются одной из сторон его творчества, и, может быть, не самой главной. У него ведь есть и чистые стихи, и замечательные романы. Поэтому исполнение песен Булатом обаятельно тем, что оно непрофессионально. Можно сказать так: стихи — высочайшего уровня, а пение — любительское. У Окуджавы главное — это стихи, а не исполнение. А у Высоцкого каждый компонент — на самом высоком уровне... И стихи, и пение, и даже динамика. И в этом смысле Володя — явление уникальное».

Были знакомы и общались друзья не только на творческой ниве, но и часто проводили время в компаниях и застольях. Эта сторона их уже не творческой, а личной жизни тоже добавляет штрихи в их биографии.

По утверждению журналиста Валерия Перевозчикова, в архиве Геннадия Ивановича Полоки хранится большой — очень большой — текст его воспоминаний о Владимире Высоцком.

А вся досада в том, что воспоминания эти пока не опубликованы. Бесспорно, в них мы найдем много нового, неожиданного и интересного о Поэте, Певце и Актере.

Пока же — соберем воедино высказывания Полоки о своем друге, из, прямо скажем, немногочисленных интервью и выступлений Геннадия Ивановича.

Эти «жемчужины» воспоминаний режиссера о Владимире Высоцком разрознены, и рассеяны во времени и пространстве, и тем ценнее увидеть их собранными воедино...

«Впервые я увидел Володю Высоцкого осенью 1958 года. После окончания ВГИКа я работал у кинорежиссера Бориса Барнета. Однажды к нам в группу пришли пробоваться старшекурсники Школы-студии МХАТ. Все мы сразу же обратили внимание на высокого могучего парня с густой гривой курчавых волос и громким голосом — это был Епифанцев, еще студентом сыгравший Фому Гордеева в фильме Марка Донского. Однако Барнета заинтересовал другой студент. Невысокий, щупловатый, он держался особняком от своих нарочито шумных товарищей, изо всех сил старавшихся понравиться Барнету. Это был Высоцкий. За его внешней флегматичностью ощущалась скрытая энергия. «Кажется, нам повезло, — шепнул мне Барнет, — вот кого надо снимать!» Но разочарованные ассистенты принялись горячо отговаривать Бориса Васильевича, всей группой навалились на него, и в конце концов они преуспели...

И еще в одном фильме мы задумали предложить Высоцкому главную роль. Но встретили мощное сопротивление администрации. Все его противники прежде всего вспоминали песню «На Большом Каретном», чтобы доказать, что ее автор никак не может играть положительного героя. Несмотря на возражения, мы сделали прекрасные пробы. Но дальше разразились события, которые часто происходили, когда дело касалось Высоцкого. Художественный совет во главе с артистами Санаевым и Глузским решил, что немца играть он может, а «хорошего человека не трогайте». Баскаков обещал утвердить его на роль, но мы знали, что через голову худсовета сделать это будет невозможно. «Это вторая твоя картина, которую я проваливаю, — сказал Высоцкий. — Исполнителя я тебе найду».

И он познакомил меня с Георгием Юматовым. И все время ему помогал. Научил его плясать. Научил его петь. По предложению Высоцкого в картине появился и молодой Золотухин.

Пробовался Высоцкий на роль Пугачева в фильме А. Салтыкова (сценарист Э. Володарский). Кандидатов было много. Выбирали по портрету. Пригласили консультанта, историка. Он посмотрел портреты — их было пятнадцать — и сказал: «Я не знаю, кто из них должен сыграть Пугачева, но этот ни в коем случае, это — боярин». И показал на Матвеева (сыграл Пугачева именно он, Матвеев).

Пробовался Высоцкий и на роль Кощея Бессмертного в фильме «Иван да Марья», но не был утвержден. Можно сказать и другие подобные случаи.

Однажды Григорий Козинцев настоял на худсовете, чтобы Высоцкий получил роль в моей картине «Интервенция», хотя она легла на полку, а меня наказали за то, что снимал не так, как надо. Высоцкий сидел на всех съемках, сочинял мелодии, подбирал гармонии, участвовал в определении состава и прочее. Кажется, он напевал «Закачался нечаянно пол». Я понял тогда, — что он — дитя городского фольклора. Чудо природы! Он мог бы гораздо смелее работать, если бы режиссеры не боялись его предложений. Плясал он великолепно, плясал, как Бог. Мог бы стать суперзвездой».

Из интервью Геннадия Полоки газете «Московский комсомолец»:

«МК»: «Ваш фильм «Интервенция» долго лежал на полке. Говорят, главное, что не устраивало чиновников, — присутствие актера Высоцкого».

Г. П.: «Не только. Я сделал из темы революции балаган. А с актерами мы были одной семьей. Ну, например, снималась

сцена, в которой Высоцкий не занят. И если у него не было спектакля в тот день, он специально приезжал на площадку, сидел и смотрел. Советовал. Получается, фильм — это наш общий продукт, и мы участвовали в нем все: и Золотухин, и Высоцкий, и Копелян. Это была одна компания, труппа, ансамбль. У меня когда на площадке собираются все актеры — это счастье».

«МК»: «Но Высоцкий все же был непростым человеком. Вам удалось с ним подружиться?»

Г. П.: «Говорят, мол, алкоголиком был. Но послушайте, что такое алкоголизм Высоцкого? У него случались запои, срывы болезненные. Но, вы знаете, это свойственно творческим натурам. А потом наши отношения и после съемок продолжились. Вот мне нужно было «спрятаться» — навязывали опять какую-то пионерскую картину, — и он меня устроил в больницу, в которой не раз лежал. В этой больнице был такой невропатолог Балаян, который попросту прятал нас. Потом я жил у Володи какое-то время, когда оказался бездомным. У меня ведь после каждой картины были неприятности, каждый мой фильм, который даже выходил, был более или менее пострадавшим».

«В 1974 году в мою картину «Одиножды один» на роль мужа дочери героя, который неожиданно продолжил судьбу Вани Каретникова, пробовался Володя Высоцкий. Специально для фильма он написал грандиозные частушки, песни. Но потом Высоцкого снимать запретили. А его роль сыграл Коля Караченцов — кстати, именно с моим фильмом «Одиножды один» он дебютировал в кино. Так что Коля стал зятем полотера вместо запрещенного Высоцкого».

«Однажды, во время съемок картины «Одиножды один», ко мне подошел Алексей Петрович Нагорный, один из авторов фильма, полковник госбезопасности, в прошлом — летчик, разведчик, человек-легенда. Он сказал, что со мной хочет познакомиться Галина Брежнева, как с режиссером, надо думать, так ей нравились мои фильмы.

Мы встретились, сходили в ресторан. Угощал Алексей Петрович. У нас не было интимных отношений. Галина была богемной женщиной. Она вошла в нашу компанию. Помню, собрались на квартире одного художника. Пришли Люся Гурченко, Олег Ефремов с Настей Вертинской, Жора Юматов, Володя Высоцкий. Володя много пел. Пришла Галина, с ней ее родственница Наташа. В результате я нашел Наташе жениха... Олега Видова. Он тут же женился — и все проблемы были решены: стали выпускать за границу, утверждать на роли».

«В последний раз я слышал его голос 18 июля 1980 года. Он позвонил мне утром перед спектаклем. Написал песню для нашей новой картины «Призвание». Сказал, что роль сыграть не сумеет, пусть Иван Бортник ее сыграет. Напел мне песню, но сказал, что нужно ее исполнить под ударные инструменты и под две гитары. Он часто писал для моих картин песни...»

Писатель Борис Соколов пишет о песне «Гимн бузовиков» в своей книге о поэте подробнее: «Вот последнее стихотворение Высоцкого, которое должно было стать песней к фильму его давнего друга, режиссера Геннадия Полоки, «Наше призвание», где он собирался играть одну из главных ролей — секретаря комячейки Сыровегина, по словам Полоки, «этакого партийного работника с гитарой». 19 июля (режиссер утверждает, что 18-го. — А. П.) Высоцкий позвонил Полоке и пропел свою последнюю песню:

Из класса в класс мы вверх пойдем, как по ступеням,
И самым главным будет здесь рабочий класс,
И первым долгом, мы, естественно, отменим
Эксплуатацию учениками нас!
Да здравствует новая школа!
Учитель уронит, а ты подними!
Здесь дети обоего пола
Огромными станут людьми!
Мы строим школу, чтобы грызть науку дерзко,
Мы все разрушим изнутри и оживим,
Мы серость выбелим и выскоблим до блеска,
Все теневое мы перекроем световым!
Так взрасти же нам школу, строитель, —
Для душ наших детских теплицу, парник, —
Где учатся — все, где учитель —
Сам в чем-то еще ученик!

В этой песне отразилась определенная ирония Высоцкого по отношению к советским экспериментам 20-х годов, в том числе и в сфере школьного образования. В этом он вполне совпадал с режиссером фильма, одним из основоположников иронического жанра в советском кино. Отсюда — слова насчет отмены эксплуатации учителями учеников. Кстати сказать, этот лозунг не выдуман Высоцким. В конце 20-х годов на полном серьезе проводились лозунги о равенстве педагогов и школьников и были отменены традиционные уроки, поскольку они, дескать, позволяли первым диктовать свою волю вторым. Но вот об учителе, который «сам в чем-то еще уче-

ник» — глубоко автобиографичны. Высоцкий, с одной стороны, ощущал себя учителем-пророком, а с другой стороны, — все время сомневался как в масштабе своего таланта, так и в том, правильно ли его воспринимают читатели, слушатели и зрители. Можно сказать, что он не только воспитывал аудиторию, но и учился у нее».

В тот же день, утром 18 июля 1980 года, Владимир Высоцкий узнал от зашедшего к нему домой приятеля, сценариста Игоря Шевцова неприятное известие, касающееся Геннадия Полоки...

Вот отрывок из разговора приятелей (по запискам Шевцова): «Высоцкий хвалился, что сделал две песни для картины, которую снимает Гена Полока, а потом вдруг сказал:

— Я откажусь у него сниматься.

— С чего?

— Не нужно мне.

— Не отказывайся, у Полоки тяжелое положение — недавно умерла мать...

— Я знаю.

— Он давно не снимал, ему обязательно надо выкарабкаться, а ты его отказом — топишь.

Он помрачнел, сказал:

— Да? Ладно, посмотрим.

Так мы пили чай на кухне, болтали».

Вот такие воспоминания остались у талантливого кинорежиссера Геннадия Полоки о своем друге Владимире Высоцком. И приятелей Геннадия Ивановича о его друге.

Нам же остается с нетерпением ждать публикации текста режиссерских воспоминаний о поэте. Повторимся: наверняка мы узнаем, ознакомившись с ними, много нового и интересного из творческой и личной жизни Высоцкого и людей, его окружавших. Но как долго ждать?..

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ

...В 1994 году газета «Коммерсантъ-Daily» опубликовала биографическую анкету Хазанова. В графе «Национальность» значилось «осетин». В следующем номере журналисты популярной в 90-е газеты дали опровержение своей публикации и написали, что предыдущая информация — ошибка: Геннадий Викторович — еврей по национальности. И носит фамилию матери...

К чему эта информация? Читатель поймет все, прочитав главу. А пока познакомимся с основными вехами биографии артиста.

Геннадий Викторович Хазанов, популярный в 70—90-е годы артист эстрады, выступавший в разговорном жанре: монологи, пародии, моноспектакли, родился 1 декабря 1945 года в еврейской семье, которая распалась вскоре после его рождения. О своем отце — Викторе Григорьевиче Лукачере, инженере в области радиосвязи и звукозаписи — он узнал лишь, будучи взрослым. Как оказалось, он жил с отцом в одном доме на улице Димитрова. Имеет сестру и двух братьев (по отцу). Мать — инженер Ираида Моисеевна Хазанова (1913—1999) происходила из города Сковородино Амурской области, куда ее мать и отец были высланы соответственно из Бессарабской и Черниговской губерний за участие в революционной деятельности.

Своим учителем Геннадий Хазанов считал Аркадия Райкина, который еще с детства своим творчеством оказал большое влияние на будущего артиста. С 1962 года Геннадий Хазанов пытался поступить в театральные ВУЗы Москвы, включая Щукинское училище, но провалился на экзаменах и оказался студентом Московского инженерно-строительного института (МИСИ) им. Куйбышева. Там он начал участвовать в студенческой самодеятельности. Участник институтской команды КВН в 1960-х. Кстати, в МИСИ и родился первый персонаж Хазанова — «студент кулинарного техникума».

В 1965 году Геннадия Хазанова приняли в Государственное училище циркового и эстрадного искусства (педагог Надежда Слонова). С 1967 года начал выступать на большой эстраде.

По окончании института в 1969 году Хазанов проработал конферансье в оркестре Леонида Утесова, что было хорошей школой. В 1971 году перешел в Москонцерт. Хазанов перепробовал множество жанров — от пародии (среди объектов пародий — Луи де Фюнес, Лев Лещенко, Николай Озеров, Борис Брунов, Игорь Ильинский, Роман Карцев и Виктор Ильченко, Сергей Капица, Аркадий Райкин, Арутюн Акопян и другие) до клоунады, но, в итоге, нашел себя как артиста разговорного жанра — эстрадной репризы.

В 1975 году к Хазанову приходит всесоюзный успех: по телевидению показывают в исполнении миниатюру Аркадия Хайта «Студент кулинарного техникума». Через год слава Хазанова столь велика, что без его участия не проходит ни один эстрадный концерт, в том числе и правительственный. Его часто показывают по телевидению, включают в состав делегаций артистов, гастролирующих за рубежом. По слухам, сам Л. И. Брежнев млеет от его монологов и пародий...

В подавляющем большинстве это — удачные и добрые пародии, и никто из пародируемых на них не обижается. Однако были и исключения... Так произошло, в частности, с Владимиром Высоцким.

В 1978-м Хазанов выпустил спектакль «Мелочи жизни» с участием балета Московского театра эстрады (автор А. Хайт, режиссер Б. Левинсон, композитор В. Добрынин, художники Э. Стенберг и М. Барт). Представление имело огромный успех. Второе отделение спектакля целиком состояло из пародий на Аллу Пугачеву, Булата Окуджаву и других известных людей, исполнявшихся как бы от имени различных персонажей — Буратино, Мальвины, Карабаса-Барабаса и других из повести-сказки Алексея Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Владимиру Высоцкому досталась «роль» Черепахи Тортиллы.

Кроме Высоцкого, Хазанов в этом спектакле пародировал Николая Озерова (говорил от лица рассказчика), Зиновия Высоковского (говорил от лица Пьеро), Веронику Маврикиевну и Авдотью Никитичну (говорили от лица лисы Алисы и кота Базилио), Льва Лещенко (говорил от лица Буратино), Романа Карцева и Виктора Ильченко (говорили от лица папы Карло и Джузеппе). В «перерывах» Геннадий Хазанов пародировал Роберта Рождественского и Аркадия Райкина.

В восторженных статьях тех лет об этом представлении написано, что этот «красочный, музыкальный спектакль, объ-

единивший сатирические монологи, зарисовки и пародии на известных артистов..., имел огромный успех у зрителей».

Касательно пародии, сделанной Хазановым на Владимира Высоцкого: В спектакле «Мелочи жизни» Аркадий Хайт устами Геннадия Хазанова зло высмеивал Высоцкого, показывая его этаким пасквилянтом, клеветующим на свою страну и «катающимся» по границам. Кстати, подобное отношение к Владимиру Высоцкому было чрезвычайно распространено среди части советской интеллигенции тех лет.

Большинство зрителей и читателей не видели спектакля «Мелочи жизни», поэтому надо дать им возможность ознакомиться с пародией на поэта, сочиненной Аркадием Хайтом. Копируя его манеру исполнения и голос, Хазанов пел:

Я в болоте живу,
Ем сплошную траву,
Я под панцирем прячусь от страха
Вот уже триста лет
Счастья в жизни мне нет,
Я — озлобленная черепаха.

Ненавижу людей,
Люди хуже зверей,
Презираю жестокость с пеленок.
Не забуду, ей-ей,
Как из мамы моей
Понаделали, гады, гребенок.

Помню, мама пела мне, такая ласковая
«Черепашка моя, скалолазка моя »

Засосало меня,
Я живу, все кляня,
Просто белого света не вижу
Я не вижу семью,
Я в болоте гнию,
А жена загнивает в Париже

Ищут пусть под водой
Люди ключ золотой,
Баламутят болотную тину
Но плюю я на вас,
Карабас-Барабас,
Ключ отдам одному Буратино!

Действительно, глуповатая, нескладная и в то же время — нелицеприятная и обидная «пародия»... Поэтому ясна и очевидна реакция Владимира Высоцкого на этот пасквиль.

Он раздобыл номер домашнего телефона Геннадия Хазанова и высказал все, что о нем думает.

Сложно сказать, видел ли поэт спектакль Хазанова или ему стало известно о пошлой пародии от третьих лиц. Скорее всего — второе. Но она сильно зацепила и душевно ранила Владимира Семеновича... И обида от нее надолго засела в его душе.

В конце 1978 — начале 1979 года Владимиром Высоцким в ответ на приведенную «пародию» было написано стихотворение «Пародии делает он под тебя...» — это его реакция на, мягко сказать, непонравившийся пасквиль, прозвучавший в спектакле Аркадия Хайта. Обращено оно не столько к его автору, сколько к исполнителю, то есть — Геннадию Хазанову.

Пародии делает он под тебя,
О будущем бредя, о прошлом скорбя,
Журит по-хорошему, вроде, любя,
С улыбкой поет непременно,
А кажется — будто поет — «под себя» —
И делает — одновременно..

Про росы, про плесы, про медкупоросы,
Там — осыпи, осы, мороз и торосы,
И сосны, и СОСы, и соски, и косы,
Усы, эскимосы и злобные боссы.

В Подольске — раздолье:
Ив Монтан он — и только!
Есть ведь и горькая доля,
А есть и лимонные дольки

Тогда его зритель подольский
Возлюбит зимою и летом,
А вот полуостров наш Кольский
Весьма пожалеет об этом

Насколько он весь романтичный,
Что нечего и пародировать,
Но он мне в душе симпатичен,
[Я б смог] его перефразировать

Нет свободной минуты, и кстати,
Спать не может <он> не от кошмаров,
Потому что он <все> время тратит
На подсчеты моих гонораров.

Меткий и весьма недвусмысленный стихотворный ответ
Высоцкого Хазанову!

Но идет время, а обида Владимира Высоцкого — не про-
ходит...

10 февраля 1979 года певец выступает с концертом в под-
московном городе Дубна. Дает два концерта в день. Концер-
ты — вполне обычные, за исключением одного эпизода: на
трех из четырех выступлений Высоцкий рассказывал слуша-
телям о грубой пародии на себя, сделанной Геннадием Хаза-
новым посредством Аркадия Хайта.

Кстати: никогда — ни до, ни после концертов в Дубне Вла-
димир Семенович зрителям больше о ней не рассказывал.

На четырех фонограммах выступлений Владимира Вы-
соцкого в г. Дубна Московской области (два выступления в
ДК «Мир» Объединенного Института ядерных исследований
10 февраля 1979 г. и два выступления во Дворце культуры «Ок-
тябрь» 11 февраля 1979 г.) зафиксированы сходные по содер-
жанию рассказы. Контаминированный текст:

«У нас, например, в театре есть несколько человек, которых
вы знаете как артистов. <...> Леня Филатов пишет изумительные
пародии, на мой взгляд. Пародии замечательные, по-
настоящему интересные пародии, а не такие, как вот мне только недав-
но показали, значит, пародию на меня. Не спросившись. А тут
недавно мне показывали пародию, которую написал Хайт, и
которую исполняет этот самый... как его? Как его фамилия?..
Этот... Ну, он все время вот на артистов... Хазанов». «У Хазано-
ва... в спектакле омерзительная, на мой взгляд, пародия, напи-
санная Хайтом». «Кроме мерзости, вранья... на уровне сплетен,
только плохо рифмованных и бездарных, ничего нет». «Мне
просто даже как-то показалось это, по меньшей мере, стран-
ным. Если в этом нет никакого намерения, бог с ними. Все рав-
но неприятно. А если в этом есть намерение, надо в суд».

«Знаете, есть такие запрещенные приемы». «Это... такие
сфабрикованные фельетоны, давностью, скажем, лет в десять,
в пятнадцать тому назад... Вот это... они делают и еще, значит,
пытаются голосом артиста, которого они показывают, это ис-
полнять». «Не спросившись». «Я поражен, что взрослые люди
занимаются такими гадостями». «Если у вас будет возмож-
ность с ними встретиться, с Хазановым и его авторами, и вы
услышите это, вы сами... поймете».

«Они считают себя людьми левыми — не знаю, из каких соображений. Во всяком случае, вот в этой пародии они выглядят просто отвратительно, на мой взгляд». «И самое-то удивительное, что редактора, которая это все слушает, она с удовольствием это пропускает, понимаете? Вот. Это тоже симптоматично».

«Я думаю, что быть всеядным, даже работая на эстраде, все-таки нельзя». «Когда за этим ничего не стоит, а только зубоскальство, и ради красного словца». «Лишь бы вызвать какую-то усмешку. Но ведь иногда смеются, когда, извините, показывают неприличные места на сцене. Понимаете?.. На это тоже смеются иногда. На это нельзя рассчитывать».

«К Хазанову с уважением отношусь... когда он... делает свои... все эти маски. Райкин это делал значительно лучше. Мне кажется, он непревзойден в этом смысле. И так и останется, потому что за этим всегда было дно, всегда есть второй план, от которого хочется печалиться, а не только хихикать и надсмехаться над этим делом. И всегда, когда есть вот этот второй план серьезный, от которого вот так иногда горло прихватывает, тогда это работает. Тогда хохочешь и чувствуешь — что это, собственно, почему, над чем. Просто несоответствие формы и содержания».

«Мне кажется, что это от бессилия люди делают какие-то пародии, начинают кому-то подражать, голосам, там, и так далее. И, в общем, это низкое, это нижайший слой даже эстрады... — прикидываться. А есть высокий слой, когда за этим стоит большая социальная подоплека... А когда это вот на таком уровне, как делает Хазанов, это просто бред какой-то и глупость».

«Если в том никакого намерения — Бог с ними. Но все равно неприятно. А если в этом есть намерение — надо в суд... » Хорошо сказал Владимир Семенович...

Но, насколько известно, судебной тяжбы между Высоцким и Хазановым — не было...

В 1993 году в выходявшей тогда на телеканале РТР авторской программе Андрея Караулова «Момент истины» приглашенный в нее артист Геннадий Хазанов, улыбаясь, поведал зрителям, что «с Высоцким я один раз разговаривал по телефону, и один лишь раз мы с ним виделись».

О телефонном разговоре между поэтом и артистом — известно. Можно, даже, догадаться, что сказал Хазанову Высоцкий, хотя подробности их «дружеской беседы» может нам поведать теперь только Геннадий Викторович. Хотя вряд ли он на это пойдет...

Касательно того, где и когда Хазанов видел Высоцкого, артист об этом в своем интервью А. Караулову умолчал. Можно предположить, что и встреча их так или иначе была также связана с пресловутой пародией. Кстати, ни в каких других источниках факт встречи пародиста с поэтом не подтвержден и не описан...

Кстати, пародии, написанные Аркадием Хайтом для спектакля «Мелочи жизни», в 79-м были выпущены издательством «Искусство» массовым тиражом. В брошюрку попала и пародия на Владимира Высоцкого (в несколько измененном от хазановского исполнения виде)... Из книги А. Хайта «Мелочи жизни»:

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

С к а з о ч н и к. До конца встречи остается две минуты. Напряжение достигло предела. Вот черепаха Тортилла покидает свой пруд. Пруд остается пустым. Тортилла бросается в последнюю атаку, а вместе с ней в атаку бросается артист театра и кино Владимир Высоцкий.

Т о р т и л л а
(поет):

Триста лет я в пруду,
Я в воде, как в аду,
Мокрый панцирь прилип, как рубаха.
Я по горло в воде,
Ломит тело везде,
Я — простуженная черепаха.

Здесь мой голос охрип,
Здесь свирепствует грипп,
Здесь трясет по ночам лихоманка,
Но как трону струну,
И как песню рвану,
Зарыдает родная Таганка.

Может, песня стара,
Не хочу я добра,
Презираю жестокость с пеленок.
Не забуду, ей-ей,
Как из мамы моей
Понаделали, гады, гренок.

Помню, мама пела мне, такая ласковая:
Черепашка моя, скалолазка моя!
Кто дорогой прямой
Ищет ключ золотой,
Тот не должен бояться ударов,
И пою я для вас,
Карабас-Барабас,
И чихаю на всех Дуремаров.

Еще одно сближение имен Высоцкого и Хазанова произошло в том же 1979 году — в самом конце года полным ходом идет следствие по так называемому «ижевскому» делу...

Об уголовном деле, возбужденном в Ижевске, узнал весь тогдашний СССР. Дело было шумное. Говорят о нем до сих пор. Некоторые горячие головы поспешили окрестить этот процесс как «дело Высоцкого». Собранное 11-томное досье до сих пор хранится в архиве Верховного суда Удмуртской республики...

Суть «дела» — в следующем: самые знаменитые гастролеры того времени, — Магомаев, Хазанов, Толкунова, Пугачева и, конечно, — Высоцкий, — имели очень маленькие концертные ставки. А «собирали» они огромные Дворцы спорта и даже стадионы... И чтобы привлечь «звезду» на гастроли, администраторы обещали платить (и платили) по договоренности и — наличными.

Способов было много. Об одном из них рассказывает актер и режиссер Николай Тамразов: «Высоцкому платили 200 рублей за концерт (а иногда — и 300)... Каким образом? Воровали. Палили билеты. Допустим, билетов продано на десять тысяч — часть оприходовали, а часть билетов сжигали. Расплачивались с залом, что-то отдавали государству, что-то оставляли себе. Эту «кухню» знала вся страна. Такой метод давал возможность заработать администраторам, а также можно было заработать артистам не по их нищенской ставке...»

«Если бы не махинации, мои земляки — ижевчане, создававшие мощь ВПК и между делом — ружья и мотоциклы, никогда бы не увидели ни Высоцкого, ни Хазанова. Я лично — в чем и расписываюсь — признателен Кондакову (именно он, Василий Кондаков, в апреле 1979 года организовал концерты Высоцкого и других артистов в Удмуртской филармонии. — А. П.) и Ко за их мошенничество», — пишет журналист Олег Хлебников в предисловии к статье «С ижевским ружьем — на Высоцкого», раскрывающей многие нюансы и тайны того уголовного дела.

Чтобы не утомлять читателя этими самыми юридически-ми нюансами (существует большое количество публикаций по «ижевскому» делу), скажу лишь, что следствие по нему длилось более полугода.

Приходилось даже выносить постановления о принудительном приводе «звезд», так как они всячески уклонялись от встреч со следователями и от повесток. «Безрезультатно. Высоцкий прислал телеграмму, что болен, Хазанов никак оправдываться не стал — просто не приехал в Ижевск.. Высокопоставленные партийные работники из столицы дали установку: рассматривать дело без артистов. Что ни говорите, а эстрадные звезды пользовались покровительством...»

В общем, «дело» разрешилось буквально за два месяца до смерти Владимира Высоцкого. Пострадавшим во всей этой истории оказался Василий Васильевич Кондаков — личность легендарная: участник войны, танцор, талантливый администратор и организатор многих «подпольных» концертов тогдашних «звезд» эстрады. Он то и «потянул лямку» за всех и был осужден на восемь лет лишения свободы.

С других фигурантов «ижевского» дела, в том числе и с Высоцкого, обвинения сняли, и оно было прекращено за отсутствием состава преступления. В конце концов, охотились-то за мошенниками-администраторами, а не за артистами...

Но нервотрепки артистам следствие, безусловно, добавило немало. Особенно Владимиру Высоцкому — тогда уже измотанному и больному. Ведь шел последний год его жизни...

Что касается Геннадия Хазанова, все эти годы, вплоть до середины 90-х, он успешно выступал на эстраде, много гастролировал. Репертуар его расширялся. Помимо исполнения эстрадных номеров, артист успешно дебютировал в театре и сыграл несколько ролей в кино.

Сейчас Хазанов покинул эстраду. Изредка участвуя в театральных постановках, артист полностью поглощен сегодня административной работой. После смерти в 1997 году директора Московского театра эстрады Бориса Брунова Геннадий Викторович был назначен на должность его нового руководителя.

О конфликте с Владимиром Высоцким Геннадий Хазанов сегодня старается не вспоминать: все-таки более 30 лет прошло...

Кто старое помянет?!

ГЕОРГИЙ ГАРАНЯН

...Ничто не предвещало беды: он прилетел в Краснодар для участия с городским Биг-бэндом в совместном выступлении с Мишелем Леграном. Накануне вечером ему стало плохо. Его госпитализировали в городскую Больницу скорой медицинской помощи с подозрением на обширный инфаркт. Увы, врачи оказались бессильны помочь маэстро — после вскрытия диагноз медиков подтвердился...

Он умер неожиданно и быстро. Случилось это утром 11 января 2010 года. Георгию Арамовичу Гараняну было 75 лет...

Легенда отечественного джаза, лауреат различных международных и отечественных конкурсов джазовой музыки, великолепный саксофонист, композитор, аранжировщик и дирижер. Гаранян был первым отечественным джазменом, удостоенным звания народного артиста России.

Вообще, имя Георгия Гараняна давно достойно быть занесенным в Книгу рекордов Гиннесса: он — единственный дирижер, который руководил одновременно тремя биг-бэндами — оркестром Олега Лундстрема, биг-бэндом Краснодара и по-прежнему известным и популярным ансамблем «Мелодия».

Георгий Арамович — автор музыки более чем к 40 фильмам. Среди них — известные и полюбившиеся зрителям картины: «Рецепт ее молодости», «Покровские ворота», «Вечерний лабиринт», «Любовь к ближнему»...

А с основанным и руководимым им ансамблем «Мелодия» маэстро записал музыку других композиторов почти к сотне кинофильмов. Взять хотя бы, бессмертные и узнаваемые мелодии и песни Микаэла Таривердиева, написанные им к картине Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!», музыку и песни из кинофильма «Двенадцать стульев» Марка Захарова, где блистал в главной роли и пел Андрей Миронов. Или — музыку к мультфильму «Ну, погоди!»

По образованию Георгий Гаранян был инженером. В свое время он окончил Московский станкостроительный инсти-

тут. Правда, поработать по специальности не пришлось ни одного дня: увлекся джазом.

Первые опыты исполнения «музыки толстых», как прозвал джаз пролетарский писатель Максим Горький, у Гараяна были еще в институтском оркестре. Затем молодому музыканту улыбнулась фортуна — он попадает в оркестр Олега Лундстрема, где играет несколько лет. Музыкантом Георгий Арамович, ведь, был уникальным: он и саксофонист, и дирижер, и аранжировщик. Расставание с оркестром было грустным...

Но маэстро шел к новым вершинам: в начале 70-х, уйдя из оркестра Лундстрема, Гараян создает знаменитый по сей день ансамбль «Мелодия» — при одноименной Всесоюзной студией грамзаписи (правда, в переломном для страны 1990 году детище Георгия Арамовича распалось, но вскоре ансамбль был восстановлен).

Не перечислить имен, известнейших среди слушателей и зрителей, с кем пришлось работать и сотрудничать Гараяну и его ансамблю. Это — и поющие актеры: Андрей Миронов и Лариса Голубкина, Людмила Гурченко, Олег Даль и Валерий Золотухин, и эстрадные исполнители: Лев Лещенко и Иосиф Кобзон, Муслим Магомаев и Алла Пугачева, Валентина Толкунова и Эдуард Хиль... Список этот можно продолжать до бесконечности!

Но не многие знают, что «Мелодия» была единственным в СССР ансамблем, записавшем с Владимиром Высоцким сорок его песен. Было это в 1974-75 годах. Георгий Гараян с теплотой вспоминает знакомство и совместную работу в студии с Владимиром Семеновичем: «Это было в 1973 году. Однажды в Дом звукозаписи им Качалова он, уже знаменитый на всю страну певец, подошел ко мне и предложил записать два диска с его песнями. Я, естественно, удивился, ведь в те времена не то что записывать, но даже исполнять Высоцкого считалось крамолой. Но он уже обо всем договорился и, действительно, вскоре поступил официальный заказ, и руководство Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия» выписало нам наряды на запись сорока песен».

Об этом же, но несколько иначе, Георгий Арамович рассказал корреспонденту «Экспресс-газеты» Борису Кудрявову незадолго до своей кончины. Опубликовано было интервью с маэстро уже после его смерти: «Знаешь, Володя сам меня разыскал в 1973 году. И с ходу предложил вместе поработать. Энергия из него вырывалась со страшной силой. Глаза — как два острых ножа. Мы не пили с ним, не панибратствовали. Посидели пару раз за столом, обсудили план действий.

Скажу честно, поначалу я не верил, что Высоцкому вообще дадут что-то записать. Он же был практически под запретом. Каким-то чудом ему удалось получить разрешение, как тогда говорили наряд на запись 24-х песен. До сих пор не знаю, кто ему в этом помог. Думаю, без участия Марины Влади не обошлось. Я не раз слышал, что Влади часто звонила в Москву каким-то влиятельным лицам. Это касалось даже съемок конкретных фильмов, в которых участвовал Высоцкий. И если возникали какие-то сложные ситуации, после этих звонков они как-то сами собой рассасывались. Марина часто Володю выручала, можно сказать спасала. Мы очень легко и как-то вдохновенно работали тогда над песнями».

Еще больше подробностей о совместной работе с Владимиром Высоцким Гараян поведал в интервью киевскому еженедельнику «Бульвар Гордона»:

— Ваш ансамбль «Мелодия» — единственный оркестр, записавший несколько пластинок с опальным Владимиром Высоцким. Как вам это удалось?

— В 73-м году он, уже знаменитый на всю страну актер и певец, подошел ко мне в Доме звукозаписи на Качалова и предложил записать два диска с его песнями. Я в ответ: «Ха-ха! Как это может быть? Тебе и с концертами еле-еле и лишь непонятно где позволяют выступать...» А он: «Все в порядке. Не веришь?» И выложил подписанный наряд на запись 24 песен! У меня челюсть отвисла... Думаю, за него замолвила слово Марина Влади, которая была членом Французской компартии, причем рядовым. Видимо, советские власти не смогли ей отказать.

В интервью программе «Вечерний кофе» кубанского телеканала НТК (ныне — 9-й канал), вышедшей в эфир 24 августа 2009 года, Георгий Арамович тоже коснулся темы совместной студийной работы с Владимиром Высоцким. Попросила его об этом ведущая программы Елена Глазкова, упомянув в беседе с маэстро о записях песен поэта в сопровождении ансамбля «Мелодия». Гараян рассказывал: «Когда Володя обратился к нам с просьбой записать собственных песен, я очень удивился, но и обрадовался, что он выбрал именно наш коллектив. Я вначале спросил его: «Кто же тебе даст разрешение, если тебе запрещают даже «левый» концерт в каком-нибудь НИИ провести?» Он улыбнулся...

Неведомо как, но как-то Высоцкий умудрился «пробить» эти наряды... А как — это была его тайна. Об этом он не рассказывал...»

Итак, наряды — получены, студия — подготовлена. Можно работать, экспериментировать, импровизировать!

Маэстро Гаранян продолжает вспоминать: «Как нам работалось с Высоцким? Володя не был профессиональным композитором, он предоставил нам записи своих песен, которые сначала надо было расшифровать, а затем написать по ним партитуры, а эта работа — не из легких.

Развлекая нас во время долгих и утомительных сессий записи, он брал гитару и пел свои песни. Именно тогда мы впервые услышали песни про польский город Будапешт («Полчаса в месткоме, или Инструкция перед поездкой за рубеж». — *А. П.*), про Мишку, которого не пустили в Израиль по пятому пункту («Мишка Шифман». — *А. П.*), и массу других. Все ждали, когда же будет очередной перерыв, чтобы послушать новые песни. Так он сумел превратить муторную работу в праздник, и когда она закончилась, все очень переживали...»

В другом интервью маэстро тоже заговорил о том, чем занимались музыканты ансамбля и Владимир Высоцкий в перерывах между записями песен: «Кстати, работоспособность у него была потрясающей! Мы по 10 часов работали без перерыва и просто валились с ног от усталости, а он в больших паузах брал в руки гитару и играл для нас «про Мишку, которого не пустили в Израиль», потому что у него не все слава Богу было в пятой графе, «про польский город Будапешт».

Как-то во время записи у нас в студии оказалась группа артистов из Большого театра. До сих пор помню, как мэтры классики просто валились от смеха, впервые услышав Володину песню «Гимнастика»...»

Сегодня у нас есть возможность услышать рассказ и самого Владимира Высоцкого о том, как ему работалось с музыкантами «Мелодии». Сохранилась фонограмма одного из его концертов, на котором Владимир Семенович подробно рассказал слушателям о записи своих песен с ансамблем и результатах этой работы: «Когда мы начали записывать первые песни на «Мелодии», даже вопроса не возникало, что я буду петь их с гитарой, под собственный аккомпанемент. А мне, в общем, хотелось, чтобы хоть что-то появилось, чтобы хотя бы тексты звучали. Я хотел издания стихов, текстов, хотя сопровождение иногда меня самого коробило. Но я пошел на это, думая, что смогу превозмочь его своим напором — тем, что, собственно, и отличало мои песни...»

Я записал на «Мелодии» два больших диска: один — свой, а у второго диска на одной стороне — мои песни, а на второй — моя жена, Марина, поет по-русски мои же песни, написанные специально для нее...

Удачно аранжированы, например, «Кони привередливые»... А есть вещи, которые мне не нравятся, хотя записывали мы их с оркестром Гараняна, с прекрасными музыкантами. Но мне не давали тогда права выбора, чтобы сделать оркестровку, как я хочу. И я предпочел, чтобы мои тексты увидели свет, а в музыкальную часть в те времена не влезал...

Записи с ансамблем Гараняна — это команда «Мелодии» — я делал, когда он был в самом пике формы, что ли. И сейчас, в общем-то, эти ребята достойно играют, но тогда, мне кажется, они играли просто замечательно. Сейчас они немножечко распались, разбрелись, но играют все равно очень хорошо. Мы с ними довольно долго работали вместе и сделали оркестровки двадцати с лишним моих вещей. Это оркестровки Игоря Кантюкова и Лепи Зубова...»

Свои воспоминания о записи и совместной работе с ансамблем «Мелодия» остались и у Марины Влади: «Мы записываем пластинку в большой аудитории. В противоположность кино здесь времени даром не теряют. В три захода дело сделано. Записывают целиком, без монтажа. Это очень тяжело: во-первых, петь по-русски, во вторых, без остановок...

Охрипшая, измотанная, на последнем нервном пределе, я все-таки записываю все песни — о любви, о войне, о Волге в положенное время. Я этим здорово горжусь, особенно после того, как музыканты стали аплодировать мне, стуча смычками по скрипкам, как это принято на концертах классической музыки. Ты доволен и записываешь свою сторону с ходу и в отличном настроении...»

В общем, в итоге все остались довольны: Владимир Высоцкий — проделанной работой и оставленными потомкам студийными записями своих песен в приличной аранжировке, а музыканты «Мелодии» во главе с Георгием Гараняном — общением с поэтом и его женой и радостной, интересной атмосферой, в которой эта запись происходила. Словом — творческим и моральным удовлетворением от нее.

Что касается записей песен Владимира Высоцкого, сделанных на «Мелодии» самим певцом и Мариной Влади (она записала порядка десяти композиций, к слову — не очень удачно), при жизни поэта они так и не увидели свет. «Записать-то мы записали, а выпускать их никто не хотел, все боялись брать на себя такую ответственность, — вспоминал Георгий Арамович. — Вдобавок на это тоже требовался новый подписной наряд. Ох и долго тянулось это!.. Режиссеры по одной песне расхватывали записи и потихонечку выпускали: сегодня — одну, завтра — другую, послезавтра — третью. Зная об

этом, Володя был счастлив...»(9) «Но потом мне не раз приходилось слышать и читать, вот, мол, «испортил» эстрадник Гаранян своими аранжировками убойный ритм, жесткое звучание песен Высоцкого. Глупости все это. Володя очень радовался тому, что в итоге получилось. Никогда, нигде я не слышал от него худого слова в адрес нашего коллектива и той совместной работе. Правда, после записи песни еще долго «томились» под запретом. Но пластинки все же вышли».

Нужно сказать, что полноценная долгоиграющая пластинка, а не миньоны с записями песен Владимира Высоцкого и Марины Влади, сделанными на «Мелодии», вышла в СССР только в 1987 году, спустя семь лет после смерти их автора...

Мы, как это часто бывает, опять опоздали.

Песни Высоцкого, записанные с ансамблем «Мелодия» под руководством Георгия Гараняна, видимо были очень достойно аранжированы и исполнены, так как пришлось по вкусу и по слуху западным слушателям.

21 марта 1982 года в Японии вышла в свет пластинка Владимира Высоцкого под названием «Еще не вечер». На ней «звучат восемнадцать песен Высоцкого, записанных им с ансамблем под управлением Георгия Гараняна», — пишет американский высококовед Марк Цыбульский.

Он же — информирует: «Два авторских диска Владимира Высоцкого выпущены в Германии: «Мы возвращаем Землю» — в 1988 году, и «Военные песни» — в 1995-м. На обоих дисках звучат фонограммы Высоцкого, записанные также с ансамблем «Мелодия» под управлением Георгия Гараняна».

...В середине января 2010 года Георгий Арамович Гаранян был похоронен в Москве. Последний приют он нашел на Ваганьковском кладбище.

ГЕОРГИЙ ЮНГВАЛЬД-ХИЛЬКЕВИЧ

У кинорежиссера Георгия Эмильевича Юнгвальда-Хилькевича чудесный набор визитных карточек: «Д Артаньян и три мушкетера», «Опасные гастроли», «Ах, водевиль, водевиль...», «Узник замка Иф» — это все он.

В свои 80 он по-прежнему полон энергии — пишет сценарии, участвует в создании спектаклей, собирается снимать новый фильм...

Знакомство, переросшее в настоящую мужскую дружбу, Юнгвальда-Хилькевича с Владимиром Высоцким состоялось в 1966 году: «Наше знакомство состоялось на пробах фильма Станислава Говорухина «Вертикаль» в Одессе, — вспоминает режиссер. — Там был второй режиссер Саша. Как-то он говорит мне: «Обязательно приходи, сегодня будут пробы у потрясающего поэта, который к тому же прекрасно поет песни на свои стихи!» А я всю эту бардовскую песню никогда не любил. Но из вежливости пришел. Володя запел песню под гитару, и... все мои предубеждения как рукой сняло! Я сразу понял, что передо мной сидит поэт, равных которому не было со времен Пушкина. Я сейчас даже не помню, какие конкретно Володя пел песни, но это было потрясающе. А несколько дней спустя мы с ним уже гуляли по ночной Одессе, в ней и зародилась наша дружба.

В 1969-м режиссер снимает друга в главной роли в своем приключенческом фильме «Опасные гастроли». Высоцкий играет куплетиста Жоржа Бенгальского (он же подпольщик Николай Коваленко).

«Фильм снимался по воспоминаниям Александры Коллонтай, которые я прочитал в журнале «Юность», — рассказывает Георгий Эмильевич. — Сценарием очень заинтересовался Владимир Высоцкий. Но он тогда уже был запрещен. За исполнение и даже прослушивание его песен исключали из институтов, выгоняли с работы. Тем не менее, я сделал с ним пробы, очень эффектные, и поехал на утверждение в Госкино.

Вскоре меня вызвали к начальству: «Заявка хорошая, но Высоцкого вы снимать не будете». Мне дали две недели на поиск других актеров. Я пригласил на пробы очень хороших артистов — Каморного, Шалевича, Рому Громадского, но предупредил. Что их руками хотят утробить Высоцкого. Надо отдать им должное, они все пробовались исключительно плохо». «Мне даже дали список, кого надо пробовать, и заявили, что Высоцкий сниматься не будет. Но я уперся рогами. Володю я обожал. Картина делалась ради него. Из-за этого приходилось жертвовать многим и многим. Так, на фильм не утвердили Риту Терехову, потому что мне предложили снимать Лионеллу Пырьеву. Это был своего рода компромисс на утверждение в роли Высоцкого».

«После того, как я привез пробы в Москву, мне еще шесть месяцев морочили голову. Все эти полгода мы с Володией пили «горькую». А потом вдруг что-то там прорвало. Меня вызвал тогдашний зампред Госкино СССР и сказал: «Ладно, снимай. Мне только не понятно, как тебе, человеку со вкусом, может нравиться Высоцкий?» — «Он — гений!» — «Да ладно, какой он гений? Так — хрипун». Правда, меня предупредили, что если он хоть раз захрипит, картину закроют».

«Уже утвержденного на главную роль Владимира Высоцкого было велено не пускать в Одессу, — продолжает вспоминать кинорежиссер. — Секретарь местного обкома даже издал специальное распоряжение по этому поводу». «Глава тогдашнего Одесского обкома партии по фамилии Синица, оказавшийся самым обыкновенным вором — держал собственные пароходы за рубежом, — издал указ, запрещающий Высоцкому проживать в гостиницах Одессы».

Как свидетельствует Георгий Юнгвальд-Хилькевич, Владимир Высоцкий «жил в моем доме. Туда же приезжала и Марина Влади»: «Когда мы снимали там «Опасные гастроли», у Володи как раз в разгаре был роман с Мариной Влади. Она тогда находилась в Москве, но как гражданка буржуазного государства не могла свободно перемещаться по СССР. КГБ, слежка — все это было. И тогда я позвонил Марине и велел купить билеты на самолет на чужое имя — тогда в авиакассах не спрашивали паспорта. Но чекисты, видимо, подслушали наш разговор и готовились снять Влади с рейса. Однако они недооценили ее желание увидеть Володю! Она летела не тем самолетом, на который у нее был билет, а на пару часов раньше. КГБ ее потерял, а Влади и Высоцкий полтора месяца жили в моей одесской квартире».

Другие источники утверждают, что во время съемок в картине «Опасные гастроли» актер был устроен по высшему разряду в одесской «Аркадии». И хотя в лицо его тогда мало кто знал, голос Высоцкого спутать с другим было невозможно. Уже тогда поэт был властителем дум и душ. Поэтому, когда в разгар послесъёмочных застолий он брал гитару, у администраторов картины душа уходила в пятки...

Съемки фильма начались с «некоторых трудностей». «Сложность была в том, — говорит кинорежиссер, — что мы уже набрали обороты в злоупотреблении алкогольными напитками. И когда картину запустили, Володя попал в больницу. А так как у нас тогда все было по плану, и если ты выбивался из графика, начинались проблемы, то я в створе с директором студии целый месяц занимался очковтирательством».

В перерывах между съемками, вспоминает Георгий Эмильевич, конечно же, не обошлось без концертов Владимира Высоцкого в Одессе: «Однажды услышав знакомый голос, люди со всей Одессы привалили к ресторану «Аркадия». Народу пришло так много, что витринное стекло ресторана было просто выдавлено! Но на это мало кто обращал внимание — собравшиеся тут же сбросились и отдали деньги директору ресторана. Несколько часов продолжался необычный концерт. Люди хлопали, заказывали песни, вызывали «на бис». Самое забавное было в том, что об этом эпизоде милиция и высшее руководство города так и не узнали».

Пел Высоцкий на том импровизированном концерте и песни, специально написанные для «Опасных гастролей». Увы, в данном случае цензура оказалась сильнее режиссера: большинство песен вставить в картину так и не разрешили... Даже вроде бы безобидную «Цыганочку» с ее разлихватским «Эх, раз, еще раз» не пропустили.

Много пришлось натерпеться режиссеру фильма. Георгий Юнгвальд-Хилькевич сетовал: «Картину закрывали, между прочим. Только мало кто об этом знает. А когда мы, наконец, закончили работу, ее не приняли... Мы сидели в Москве и не знали что делать».

«Руководство Госкино очень хотело иметь популярный фильм о революции, — рассказывает кинорежиссер. — Картина, как вы знаете, делалась по воспоминаниям Коллонтай, как она вместе с Литвиновым в начале века ввозила в Россию оружие. У нас все эти сцены убрали: власти меняли историю, как хотели. Мне сказали: большевики должны везти из-за границы листовки, то есть готовить идеологическую революцию. «Смотрите, — говорю, сама Коллонтай пишет, что ору-

жие в Россию ввозилось с 1905 по 1911 год под видом какой-то театральной мишуры». Мне ответили категорично: «Что могла написать эта старая дура?»

Сегодня даже непонятно, как же власти выпустили картину Георгия Юнгвальда-Хилькевича «Опасные гастроли» на экран. Во-первых, там, в фильме о революции, нет ни одного упоминания о Ленине; во-вторых, танцуют полуголые девушки. Но самое страшное то, что в главной роли снялся опальный в то время Владимир Высоцкий!

«А произошла история, о которой я узнал через много лет, — улыбается Георгий Эмильевич. — Я познакомился с внучкой Анастаса Микояна. Оказывается, картину показали в ЦК и Анастас Иванович оказался на просмотре. А в картине были танцы, девочки в прозрачных костюмах. И он заплакал: «Боже мой! Это еще я их привозил. Я тогда был мальчиком, был рядом с Коллонтай!» Действительно, Коллонтай и Литвинов были прообразами двух большевиков в фильме. Вот из-за слез Микояна картину и выпустили в прокат. Без каких либо купюр».

«Сама власть, как ни странно, очень любила то, что запрещала. Перед тем, как выпустить фильм «Опасные гастроли», 22 копии лихо просматривали по закрытым спецдачам. Как выяснилось, существовала специальная кинотека Политбюро ЦК КПСС, где оказалось аж три моих фильма. Вот сволочи!.. А фильм не хотели выпускать!

У Косыгина, например, хранилось самое большое по тем временам собрание песен Высоцкого, он его обожал. Но официально же Володя был фактически предан анафеме».

«Я сейчас часто думаю, почему же мои фильмы все-таки выходили на экраны, почему меня не задушили? — размышляет кинорежиссер. — Сейчас я понимаю, что просто наше государство так наваривалось на моих картинах, что душить меня не выгодно. За счет таких режиссеров, как я, наши власти и жили при коммунизме».

О съемках еще одной картины, снятой Георгием Юнгвальд-Хилькевичем, вспоминает оператор-постановщик, работавший в ней, Александр Полынников: «С Владимиром Высоцким судьба свела нас в 1969 году на «Цунами» (правильное название картины — «Внимание, цунами!» — АЛ.), первом советском фильме-катастрофе. Съемки должны были проходить на Дальнем Востоке. Все сроки сорвали, и чтобы студии не срезали на будущий год план, спасти положение отправили Георгия Юнгвальда-Хилькевича, который только закончил

«Опасные гастроли». А Хилл — ну, Хилькевич — настоял, чтобы оператором был я.

Прилетаем во Владик — закрытый город, сухой закон. Высоцкий (Хилькевич его вызвал написать несколько песен к фильму) ходит мрачный: «Не получается ни хрена! Выпить бы для вдохновения, да нет ничего». Володины песни этот фильм вытянули. Мы ж «Цунами» изо всех сил гнали, чтобы показателям студии не испортить, не до изысков было. Да и финансировали картину по минимуму, приходилось выкручиваться.

Например, съемки эпизода эвакуации населения из города, куда надвигалась гигантская волна, проходили в пригороде Владивостока. Организовали массовку, человек сто, больше смета не позволяла. Кроме того, бесплатно задействовали батальон морской пехоты с техникой, детей и стариков на броню посадили. А я смотрю в камеру — халтура, не хватает масштабности события. Режиссер нагнетает страсти через мегафон: «Граждане! На город надвигается цунами! Поднимайтесь на сопку! Быстрее! От этого зависит ваша жизнь!» И все это эхом разносится над пригородным поселком.

Смотрю: народ начал спешно покидать дома, выводить скотину и в панике попер в гору. А уж что у людей было на лицах написано... Тысячи на три набралось «массовки». Показываю режиссеру большой палец: вот теперь классно!

И тут вертолет, вышли один в штатском и двое с погонами КГБ: «Кто здесь бардак устроил? Разрешение на съемку в запретной зоне есть?» У нас попытались изъять кассеты с отснятым материалом. Кто знает, чем бы все закончилось, если бы незваные гости не увидели Володю Высоцкого. Вечером руководство группы вызвали в местное отделение КГБ и устроили нам званый ужин. Органы любили Высоцкого, хотя и тайно. Он спел там несколько песен, в том числе и о «цунами в головах». Правда, как раз эту его песню потом заставили вырезать из картины».

Георгий Юнгвальд-Хилькевич не только снимал Владимира Высоцкого в кино и просил его написать песни в свои картины, но и был другом актера и поэта. А значит, ему есть что вспомнить и рассказать помимо встреч, происходивших у друзей на съемочной площадке и вокруг нее. Например, режиссер был свидетелем любовных увлечений поэта. И даже пригласил на одну из ролей в свою картину «Внимание, цунами!» любимую женщину Владимира — актрису Татьяну Иваненко. Говорят, что от Высоцкого у нее растет дочь Настя... Поэтому утверждения кинооператора А. Польшинникова о том, что Владимир Семенович полетел на Дальний Восток из-за

песен к фильму кажутся несостоятельными! Поэт направился во Владивосток вслед за любимой женщиной, и только! При чем тут песни?!

«Володя не мог оставить Таню, потому что продолжал любить ее, даже когда появилась Марина, — свидетельствует кинорежиссер. — Те страдания, которые вынесла эта девочка, и то, как она себя сейчас ведет, достойно поклонения. Хотя последняя любовь Высоцкого известна людям больше, чем чувство к Тане. А ведь Иваненко занимала в жизни Володи места не меньше, чем Марина. Если не больше. Володя, к сожалению, не признавал родившегося в 1972 году ребенка. Вообще, трагедия ужасная...»

«Что касается наших мужских дел... Как ни странно, мы вместе пили всего-то один раз. Встретились на вокзале уже пьяными. Потом уехали вместе. При этом присутствовала Таня Иваненко, которая с Володией сделать ничего не могла. Она тайно меня тогда возненавидела.

Для меня Таня всегда была любимой женщиной Высоцкого. Однажды, сидя рядом с ней в театре, я попросил поцеловать ее в щеку. Она укусила меня под глаз и сказала: «Я, кроме Володи, никого не целую!» Даже поцелуя не могла себе позволить. Гениальная девка! То, что она мне нравилась, я Володе говорил. А как может не нравиться женщина необыкновенной красоты — такая фигура, лицо, глазищи! Иваненко — одна из самых прекрасных женщин, которых я вообще в жизни не встречал».

Георгий Эмильевич вспоминает еще один случай...Как-то он был свидетелем, когда Андрон Михалков-Кончаловский выговаривал Владимиру Высоцкому за его песни!

«Такое действительно случилось на квартире у Севы Абдулова. Андрон сказал Володе, что все его песни, кроме «Охоты на волков», — говно и мур! Сказал прямо так грубо. Конечно, надо учитывать, что Андрон выпил... Он уже тогда был мэтром, супером-гипером. Больше того, перед ним преклонялись, особенно после сценария «Андрей Рублев», который оказался значительно лучше фильма. Сценарий был просто гениальным! Но я считаю, что Тарковский не справился со сценарным материалом в сцене отливки колокола...

К сожалению, Высоцкий своеобразно отреагировал на откровения Кончаловского — Володя очень лебезил перед ним, оправдывался, соглашался... Он вообще был не уверен в своей гениальности...»

«Три мушкетера». Несостоявшаяся совместная работа Георгия Юнгвальд-Хилькевича и Владимира Высоцкого! Уже

после того, как фильм был снят и вышел на экраны, режиссер совершенно случайно узнал, что роль Д Артаньяна — детская мечта Владимира Семеновича! Высоцкий очень обиделся, что Юнгвальд-Хилькевич не предложил эту роль ему. И на недоуменное «Но тебя же нельзя снимать в роли Д Артаньяна!» привел убийственный аргумент: «Майкл Йорк с широким носом и белыми волосами был Д Артаньяном! Чем я хуже?!»

Обида надолго засела в Высоцком...

Актер Михаил Боярский, как раз таки и сыгравший роль бравого мушкетера в фильме, в одном из интервью признался: «Многих пробовали. Поначалу Д Артаньяна должен был сыграть Высоцкий. Но у него то ли не было времени, то ли он во Франции был, то ли просто отказался... Последняя версия: сказал, что слишком стар для мушкетера».

В другой беседе с журналистом Михаил Сергеевич более подробно осветил вопрос о роли в исторической картине и своем пении в ней: «Мы оба с Высоцким пробовались на роль Д Артаньяна — он дружил с Юнгвальдом-Хилькевичем, снимался в «Опасных гастролях».

Хилькевич мне потом рассказывал, что Высоцкий посмотрел трех мушкетеров» и так ехидно поинтересовался: «А что это у тебя там за мудака поет моим голосом?» Но я ничуть не расстроился. Было бы неприятнее, если бы он ничего не сказал. А так нормальная мужская ироническая оценка».

Георгий Эмильевич с горечью вспоминает: «Как актер, Володя, конечно, ревновал к тому, что в этой роли я снял Боярского. Обижался... Но никогда не унижался до просьб. Думаю, Володя с его нечеловеческим талантом вполне мог сыграть Д Артаньяна. Это было бы событием...»

Как говорится, поздно пить «Боржоми»...

По-человечески поэт так же по-доброму и после этого случая относился к режиссеру — как к своему другу и коллеге. Но особой теплоты в их общении уже не наблюдалось...

Впрочем... Однажды Владимир Высоцкий пошел на собственное унижение, чтобы... Делайте вывод сами. Георгий Юнгвальд-Хилькевич рассказывает: «Друзья воровали у слонов в зоопарке гречку для моей мамы с больной печенью, чтобы отправить ей в Ташкент. Сыра давали только триста граммов на человека, и мы с Володией Высоцким унижались — он пел. И тогда нам давали кило сыра, который я отправлял больной маме...»

Почти то же — о жене: «Как-то у меня серьезно заболела жена Таня Чернова. Дело было в Ташкенте, местные врачи разводили руками и говорили, что если в течение нескольких дней не купить лекарства, то она умрет. А этих таблеток

не было ни в Ташкенте, ни в Москве! И тут мне звонит Высоцкий, я начинаю рассказывать, что у меня умирает жена из-за того, что во всем Союзе не продается нужное лекарство. «Название скажи!» — потребовал он. А уже через несколько минут звонил Марине Влади в Париж. В тот же день она купила таблетки и отправила ближайшим самолетом в Москву. В «Домодедово» посылку принял Миша Боярский и переправил ее в Ташкент... Через неделю Таня пошла на поправку. Так что Володя, ко всему прочему, еще и спас мою жену от смерти».

Наталья Георгиева.

«РЕЖИССЕР ГЕОРГИЙ ЮНГВАЛЬД-ХИЛЬКЕВИЧ
«ГАЛИНА БРЕЖНЕВА ТАК СМОТРЕЛА НА ВЫСОЦКОГО,
ЧТО Я РЕШИЛ: У НИХ РОМАН»

«Режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич, автор фильмов о мушкетерах, в конце 60-х снял фильм «Опасные гастроли», где главную роль исполнил Владимир Высоцкий. Они дружили, и Юнгвальд-Хилькевич сегодня многое может про него рассказать.

— Володя был фантастический человек, — говорит режиссер. — Это светлый ум, великая доброта и ранимая душа. Это внесоциальное явление, как и Пушкин: не только гений, но и душа народа. С тех пор я так и не встретил человека, сколько-нибудь похожего на него...

— Вы с Высоцким часто встречались?

— Когда я приезжал в Москву по делам, останавливался практически всегда у него. Он тогда жил на улице Телевидения (сейчас улица Шверника. — Ред.) с мамой. Я оказался у него в тот момент, когда Володя развелся с Людмилой Абрамовой. Это была серьезная душевная драма. Понятно, что, когда родители расстаются, дети обычно принимают чью-то сторону. Его сына Никиту я видел часто — Володя чуть ли не ежедневно заезжал за ним в детский сад. Никита папу просто обожал, обнимал и заглядывал в глаза, не предполагая, вероятно, что его отец — гений. А вот старшего его сына, Аркашу, в тот период я ни разу не видел — Аркаша принял целиком мамину сторону.

— С чего начиналось утро в доме на улице Телевидения?

— С раннего утра он поднимался и начинал помогать друзьям. Это были хлопоты по устройству в институт, потом кого-то нужно было пристроить в приличную лечебницу, потом — чьих-то детей в садик. Кому-то он доставал лекарства...

— Про Марину Влади что вспомните?

— Как-то Влади прилетела в Москву, остановилась в гостинице «Бухарест», и Володя меня туда потащил. Ему нравилось, когда друзья рядом. И Севку Абдулова за собой таскал. Не знаю, правда, зачем это ему нужно было? Там были все условия, чтобы им провести время вдвоем. Помню, все мы были поддатые, и Володя тоже. Мы веселились, потом Марина напоила нас какой-то шипучей французской таблеткой, и через полчаса мы, по одному, стали бегать в туалет, где нас выворачивало... Через час все были трезвы как стеклышко.

Его и погубила в некотором смысле пьянка. Ужас в том, что все мы были пьющие. Никто его не подбивал кирнуть, все жалели, понимая, что это болезнь. Но все равно квасили при нем — и он в конце концов срывался. Первая рюмка выпивалась обычно втихаря и очень радостно, а потом неслось... Чтобы это прекратить, нужна мощная, нечеловеческая собственная воля. А Володя после запоя сам завязать уже не мог — обязательно капельницы, больница...

Когда я с Володей познакомился, он пребывал в двухлетней завязке. А в конце «Опасных гастролей» развязал. В принципе он был идеально точный человек. С ним можно было договориться за месяц, что, к примеру, 16 числа в четыре часа он прилетит в Одессу, и потом даже не перезванивать, не напоминать. Так же и с Мишкой Боярским. Если один или другой не приехали — значит, запили.

Когда Марина уезжала в Париж, начинались многочасовые разговоры по телефону. Помнишь песню: «А, вот уже ответили: ну, здравствуй, это я»... А его телефонистки обожали. Когда соединяли, Володя говорил Марине: «Хочешь новую песню послушать?» И я держал трубку, а он ей пел. Когда гитарные аккорды и переборы, я подносил микрофон ближе к гитаре, когда он куплет начинал — то ближе к его рту. Однажды что-то защелкало в телефоне. Он — мне: «Это нас слушают». И в трубку: «Ребята, дайте поговорить без свидетелей. Это чисто интимный разговор. Отключитесь, я вам потом спою». Щелчок. Час говорил. Повесил рубку. Звонок: «Можно Владимира Семеновича?» — «Да». — «За обещанным». И Володя пел часа три в трубку этим ребятам из КГБ...

— Сергей Говорухин мне рассказывал, что, когда он еще был школьником, Высоцкий ему свои вещи передавал. И он с гордостью их носил. Я знаю, Владимир Семенович любил одаривать.

— И его вещи налезали на Сергея? Подозреваю, что та кожаная куртка, которую мне Высоцкий подарил, была привезе-

на Мариной специально для меня. Потому что она мне была точно впору. Володины вещи, кроме обуви, были мне катастрофически малы и в росте, и в объеме. У меня рост метр семьдесят, а Володя был значительно ниже. Но однажды он подарил мне свои туфли со словами: «Не могу смотреть на тебя в этом совковом кошмаре». Размер ноги у нас одинаковый, 39-й. Его туфли не снашивались, проносил я их лет десять. Он и правда хотел сделать друзей счастливее.

— Известно, что Марина Влади подарила Высоцкому «Мерседес»...

— Сейчас я понимаю, что это был не такой уж и дорогой подарок — автомобиль был неновый. Но по тем меркам — настоящая роскошь. Мы с Володей ездили именно на этом голубом «Мерседесе», когда он решал дела для своих знакомых. Вообще за Володей ОБХСС все время ходил по пятам, чтобы поймать, как ему деньги за концерт передают. Его хотели посадить, все равно за что. Больше всего за то, что он — Высоцкий.

— Почему же его, при том, что так любили, так травили?

— Потому, что он шел к правде поперек паршивой советской идеологии. Песни Высоцкого и его голос были знаменем передовой части общества. Народ его чтит, больше, чем любого другого поэта, а государство в целом, как машина, его за это ненавидело. Причем некоторые «водители» этой машины, такие как Косыгин, втихаря собирали коллекцию его песен и слушали, слушали до одури! Коммунистическая мораль была двойственная, мерзкая.

Володя ведь пел от имени каждого — словно он сам воевал, сидел где-то... И очень многие люди чувствовали себя с ним на равных. Старые вояки, какие-то заключенные... Или, например, я видел дочь Леонида Ильича Брежнева в гримборной у Володи — она стояла в дверях и такими глазами смотрела, как он гримируется, что я решил: у них роман. Романа, конечно, не было, но она от Володи млела и всерьез помогала, когда Театр на Таганке хотели закрыть...

Еще одну историю расскажу. Помню, как поехали мы с Володей в Солнечногорск. Там были курсы художников, дизайнеров, он им пел все, что просили, часа четыре. Меру их счастья измерить было нельзя. Глубокой ночью мы вышли на дорогу, ждали автобус для возвращения в Москву. Мороз градусов тридцать пять, снег падает, тишина невероятная — и вдруг вдали раздается глухой топот. Подбегает парень, по пояс голый. В руках гимнастерка, куртка. Смотрит в глаза Володе: «Меня ребята послали в самоволку к тебе. Мы — это высшие офицерские курсы «Выстрел», только скажи — и мы все

для тебя сделаем». Встал на колени, взял за руку Володю и поцеловал. Поднялся и, не прощаясь, побежал обратно, 20 километров. Меня это потрясло, а Володю — еще больше. Едем обратно, он молчит. Я его спрашиваю: «Ты чего такой мрачный, это же фантастика?» Он говорит: «Юра, мне кажется, что я не заслуживаю такой любви». «Да, ты что, — говорю ему, — Володя, я сам готов бежать рядом с автобусом до Москвы, чтобы тебе руку поцеловать!» И всю дорогу до Москвы я его успокаивал, а у него глаза были полны слез...»

ГОТЛИБ РОНИНСОН

...Замечательного актера кино и Театра на Таганке, заслуженного артиста РСФСР Готлиба Михайловича Ронинсона (1925 — 1991) отечественный зритель знает, любит и помнит по крошечным эпизодам в знаменитых и полюбившихся комедиях Леонида Гайдая, Эльдара Рязанова и Георгия Данелии. Вспомните Кислярского из «Двенадцати стульев», Гостя на свадьбе из кинокомедии «Не может быть!», Бухгалтера в «Берегись автомобиля», Авиапассажира в «Иронии судьбы, или С легким паром!», Обывателя в «Афоне»...

И еще десятки ролей в фильмах, гениально и точно сыгранных Готлибом Михайловичем. И все же своей любовью Ронинсон по праву считал Театр на Таганке, в котором служил не одно десятилетие. Он стал артисту, по сути, вторым домом. На Таганку актер пришел еще при прежнем режиссере — Сергее Плотникове. Когда в середине 60-х театр реформировался и обновлялся, возглавивший труппу молодой и амбициозный режиссер Юрий Любимиов, создававший по сути свой, яркий и авторский театр, не мог отказаться от услуг опытного и талантливого актера, и предложил ему остаться в коллективе. Готлиб Ронинсон, конечно же, согласился...

Человек одухотворенный и талантливый, добрый и по жизни одинокий, Готлиб Михайлович сразу приглянулся молодому актеру и поэту Володе Высоцкому, пришедшему на Таганку осенью 1964 года. Несмотря на большую разницу в возрасте, они подружились, и Ронинсон, по возможности, опекал своего любимца и младшего друга. Отношения у них были не только партнерскими — актеры играли вместе в нескольких спектаклях («Добрый человек из Сезуана», «Жизнь Галилея», «Десять дней, которые потрясли мир»), ездили на гастроли, но и дружескими — скромного и стеснительного Готлиба Михайловича Володя иногда приглашал посидеть в веселых и шумных компаниях, где Ронинсон мог насладиться песенным творчеством Высоцкого.

1968 годом датируется общая фотография коллектива Театра на Таганке, сделанная накануне открытия нового театрального сезона. На этом снимке Владимир Высоцкий сидит чуть ниже стоящего сзади на скамье Готлиба Михайловича Ронинсона. И они оба улыбаются...

В 1975 году поэт пишет для Ронинсона шуточное стихотворение и дарит рукопись юбиляру, снизу приписывая посвящение: «Готлибу Михайловичу от Высоцкого в день его (Готлиба Михайловича) пятидесятилетия. Высоцкий».

Для актера этот автограф был самой дорогой единицей хранения в домашнем архиве. Наряду с фотографией, подписанной и подаренной начинающему актеру писателем Михаилом Афанасьевичем Булгаковым.

С Булгаковым Гоша Ронинсон познакомился в тот год, когда автор «Мастера и Маргариты» работал консультантом ГБА-Та, «сосватанный» туда самим Сталиным (после знаменитого письма писателя, обращенного напрямую к Вождю народов).

В 1991 году, незадолго до ухода актера из жизни, журналист Ирина Тосунян об автографе поэта, подаренного им Готлибу Михайловичу, писала: «Этот листок со стихотворением Высоцкого Ронинсон хранит свято и благоговейно, как и портрет Булгакова с дарственной надписью писателя. Долго уговаривала разрешить переснять эти стихи. Готлиб Михайлович колебался: «Кто вас, журналистов, знает, унесете, потеряете...» — и так и не решился расстаться с оригиналом. Пересняли фотокопию.

Шутливые и теплые, стихи Высоцкого, как всегда, точны. Написаны еще до того, как Ронинсон, к которому Высоцкий обратился в тяжелую минуту — умирала мать, — не растерялся и среди ночи мгновенно организовал реанимационную бригаду. (Помните роль врача «скорой помощи», с блеском исполненную Ронинсоном в комедии Э. Рязанова «Старикиразбойники» и брошенную актером фразу: «Может быть, еще сумеем спасти?!») Но то ли с легкой руки Высоцкого, то ли по какой еще причине, и сослуживцы по театру, и просто знакомые привыкли к тому, что «Гошенька поможет, спасет — и от головной боли, и от заикания (говорят, он действительно обладает такими способностями), и от хандры и депрессии...»(1) За это Владимир Высоцкий в шутку прозвал Ронинсона «Министром здравоохранения Театра на Таганке».

Сам того не ведая, Готлиб Михайлович стал одним из первых публикаторов стихов Владимира Высоцкого в советских газетах. В своем интервью, данном актером в 1975 году журналисту еженедельника «Неделя» Эдуарду Церковеру, приурочен-

ном к 50-летию со дня рождения Ронинсона, Готлиб Михайлович, на радостях, похвастался стихотворным посвящением, полученным к юбилею от своего коллеги по сцене и поэта Володи Высоцкого. И процитировал его журналисту. 6 октября вышел № 41 газеты, где в интервью Ронинсона было опубликовано шуточное стихотворение Владимира Семеновича!

То же посвящение было опубликовано и в другом интервью Ронинсона, данном им в апреле 1990 года корреспонденту газеты «Советская культура» С. Бедновой. Название у интервью, помещенного в номере от 7 апреля, было веселенькое — «Здравствуйте, дядя Гоша!» Случилось это уже после смерти Владимира Высоцкого. Затем фотокòпия стихотворения была растиражирована «Литературной газетой», опубликовавшей осенью 1991 года статью журналистки И. Тосунян об актере.

Нужно сказать, что Готлиб Михайлович Ронинсон в и без того редких беседах с журналистами практически никогда не рассказывал о своем младшем коллеге по сцене. Воспоминания о Володе, встречах, общении и совместной работе с ним в театре были для актера слишком уж личностными. Он очень дорожил ими и не спешил, вернее — не желал делиться этим «СВОИМ» с посторонними...

Тем не менее, удалось отыскать интервью Готлиба Ронинсона (в провинциальной газете!), в небольшом отрывке которого он отвечает на вопрос о Владимире Семеновиче...

— Рассказывают, что Владимир Высоцкий называл вас «министром здравоохранения» театра на Таганке...

— Да. И странно, горько говорить об этом в прошедшем времени. Удивительный он был художник! Вот уж кто нетерпим был к равнодушию, бессердечности. В своих ролях, песнях, даже шуточных, он никогда не позволял себе обидеть, унижить кого-либо. Высоцкий не допускал и мысли поставить себя выше других, получить какие-то блага за счет товарища или даже незнакомого человека. По характеру Володя был замкнутым, иным он казался грубым, но я-то знаю, какое доброе сердце билось в его груди. Древние говорили: умер тот, кто забыт. Уникальное искусство Высоцкого народ помнит и любит. Значит, он жив. Как дорогую память об этом замечательном певце и актере я храню листок бумаги с его эпиграммой на меня:

Если болен морально ты
или болен физически,
Захандрил эпохально ты
или эпизодически,

Не ходи ты по частникам,
Не плати ты им грошики,
Иди к Гоше, несчастненький,
Тебя вылечит Гошенька.

«А на похороны «милого Володи» Готлиб Михайлович не пошел: был в сильнейшей депрессии и видеть своего любимца лежащим в гробу — не мог...»

В завершение главы расскажем о судьбе автографа стихотворения Владимира Высоцкого, подаренного Готлибу Ронинсону. Она оказалась весьма печальной...

Незадолго до своего ухода из жизни, в конце 80-х годов, актеру, при содействии руководства театра, выделили новую однокомнатную квартиру в многоэтажке, построенной в одном из спальных районов столицы. Переезжая в новое жилище, артист прихватил с собой лишь старенький потертый чемоданчик, набитый бельем. Другого имущества у него попросту не было... Среди тряпок в чемодане лежали бесценные для Ронинсона реликвии — автографы Булгакова и Высоцкого...

Готлиб Михайлович переехал в новую квартиру не один, а со старенькой мамой. Уходу за больной и престарелой женщиной Ронинсон отдавал все свои силы и свободное время. Сам же он всю жизнь был человеком холостым и одиноким... Вскоре после новоселья матери актера не стало, и он остался совсем один. Жизнь Готлиба Михайловича и так была не сладкой, а после этого печального события сделалась горькой и печальной вдвойне: здоровье и без того пошаливало, из театра пришлось уволиться, в кино больше не звали... Долго Ронинсон не протянул и 25 декабря 1991 года тихо отошел в мир иной...

Новые жильцы, въехавшие в квартиру артиста вскоре после его кончины, на радостях и второпях затеяли ремонт в ней и первым делом решили избавиться от ненужного «хлама», имевшегося в жилом помещении. Им не было дела до каких-то там старых фотографий, писем и автографов, найденных в ящиках письменного стола прежнего квартиросъемщика... Все бумаги артиста постигла печальная участь — они были безжалостно выброшены на помойку и безвозвратно, навсегда утеряны, уничтожены для нынешнего и будущих поколений...

«Се ля ви», — как говорят французы...

ГУДЖИ АМАШУКЕЛИ

...За исключением искусствоведов, отечественному читателю имя этого талантливого художника вряд ли известно и о многом скажет. Практически незнакомо оно и любителям творчества Владимира Высоцкого, а также — биографам поэта.

Гуджи Амашукели живет во Франции почти четыре десятилетия. Он родился в Боржоми в 1941 году. Закончил отделение скульптуры Художественной академии в Тбилиси, затем переехал в Москву. В 1969 году женился на француженке Катрин Барсак. Пять лет спустя, благодаря вмешательству французского президента Жоржа Помпиду, супруги уехали жить в Париж. В Европе мастер известен работами из серебра и золота. Их можно увидеть в Ватикане, соборе Парижской Богоматери, Шартрском соборе. Недаром Амашукели сравнивают с великим итальянцем Бенвенуто Челлини. А называют мастера просто Гуджи — грузинская фамилия трудна для французов.

Марина Влади в своей книге о Высоцком «Владимир, или Прерванный полет» пишет о своей подруге — француженке русского происхождения, которая влюбилась в грузинского художника и хотела выйти за него замуж: «Несмотря на многочисленные официальные просьбы, им очень долго не удавалось получить разрешение на брак, а потом уехать во Францию».

О ком писала в книге Марина Влади? Этим художником был Гуджи Амашукели, друг Владимира Высоцкого. Они не один год были знакомы и тесно общались...

Воспоминаниями о русском барде Гуджи поделился с парижским корреспондентом «Известий» Юрием Коваленко.

«Известия»: «Когда вы познакомились с Высоцким?»

Гуджи Амашукели: «Сначала я познакомился с Мариной. Это был 1968 год. Катя приезжала ко мне в Москву. Мы еще не были официально мужем и женой, только готовились. Узнав об этом, Марина очень заинтересовалась — по той причине, что у нее, в свою очередь, завязался роман с Высоцким».

«И»: Насколько я понимаю, Катя хорошо знала Марину. В свое время сестры Поляковы играли в спектакле «Три сестры», поставленном отцом Кати, режиссером Андре Барсаком.

Г. А.: Катя с Мариной договорились встретиться в Москве. В то время у меня была мастерская — полуподвальное помещение в Тихвинском переулке. Именно там мы с Катей прожили какое-то время. Когда Влади приезжала в Москву, сразу приходила к нам. Чтобы не знали о ее романе с Высоцким, она «конспирировалась», но нам доверяла и всегда была предельно откровенна. Однажды я работал в мастерской и заметил, как мимо окна туда-сюда проходят красивые женские ноги. Это меня заинтриговало, я вышел на улицу. Оказалось, Марина ждала Высоцкого. Тут как раз подошел Володя, и мы познакомились.

«И»: Ваш полуподвал играл роль явочной квартиры?

Г. А.: Приезжая в Москву, Марина всегда останавливалась в гостинице «Советская». Володя не мог приходиться к ней туда, потому что это было чревато всякими неприятностями. Сам Володя тогда жил с мамой в хрущевке, в маленькой квартире. У нас они нашли такую «нейтральную» территорию для встреч. Марина порой приезжала с двумя сыновьями, которым было по 10—12 лет. Иногда она оставляла детей у меня. Они не говорили по-русски, а я тогда не знал французского, но мы общались.

«И»: Каким было ваше первое впечатление от Высоцкого?

Г. А.: Человек исключительно одаренный, он, конечно, нас с Катей сразу покорила. Володя потрясюще интересно рассказывал. Часто импровизировал, это могло длиться часами, и мы умирали со смеху. Особенно запомнилась история собаки Рекс, которую Высоцкий на протяжении нескольких месяцев рассказывал нам от имени какого-то забулдыги. Время от времени он пел в маленькой компании наших друзей. Тогда он часто выступал с полуофициальными концертами в разных клубах — в Доме архитектора, в Доме художника, в ЦДРИ. Люди, которые ходили на его концерты, считали их формой протеста. Неизвестно, правда, против чего. Песни Высоцкого не были антисоветскими.

«И»: В мастерской устраивались и застолья?

Г. А.: У нас все проходило по-светски, без всяких «перегибов». Я человек почти не пьющий, а в присутствии Марины, которая не любила пьянок, Володя тоже воздерживался.

«И»: С Высоцким трудно было дружить?

Г. А.: Не всегда просто, но мы нашли общий язык.

«И»: Его интересовали ваши работы?

Г. А.: Не могу сказать, что я тогда создавал что-то интересное. Я работал дизайнером на комбинате прикладного искус-

ства при Худфонде и делал модели — например, детских игрушек.

«И»: На ваш взгляд, Высоцкий отдавал себе отчет в масштабах своего таланта?

Г. А.: Трудно сказать. Вел себя скромно. Но был обижен, что его талант не признан официально. В Советском Союзе его почему-то держали в черном теле.

«И»: У него не было комплекса превосходства?

Г. А.: Никогда за ним такого не замечал. Наоборот, он был очень мягким, всегда готовым помочь. Я видел перед собой человека одаренного и несчастного.

«И»: Почему несчастного?

Г. А.: Потому что он сильно переживал все, что с ним происходило.

«И»: Как он относился к своей популярности?

Г. А.: Она ему льстила. Володя с удовольствием выступал на вечерах, куда его приглашали. Мы с Катей часто бывали в Театре на Таганке, видели его в разных ролях. К тому времени я поменял мастерскую, и новая, уже получше, была на набережной Яузы. Таганка находилась недалеко, Марина часто приходила к нам и ждала Володю после театра. Мы вместе ужинали. Помню, как устраивали Маринин день рождения у близкого друга Володи — Севы Абдулова. У Абдуловых была большая квартира. Я приготовил грузинские блюда и на том дне рождения познакомился с Булатом Окуджавой.

«И»: Как Высоцкий относился к советскому строю?

Г. А.: В частных беседах, на кухне, возмущался. Но не больше. Не надо забывать, что он был искренним русским патриотом — все-таки вырос в семье военного. Потому и заскучал, когда попал на Запад.

Какой нормальный человек не критиковал тогдашнее общество? Но Высоцкий никогда не делал этого публично. До женитьбы на Влади Володя вел себя очень осторожно, не хотел мозолить глаза. Иногда случалось, нас в ресторанах задевали, вспыхивали ссоры. И мы не знали, что это — провокация со стороны властей или просто пьяные задирали Высоцкого. Однажды в ресторане на Володю напали, ему пришлось дать сдачи. Завязалась драка. Все кончилось приводом в милицию. Рядом с «Арагви» находился милицейский участок, где Володя и Марина показали свои паспорта. Этим все закончилось.

«И»: Высоцкий часто увлекался женщинами?

Г. А.: Я видел его исключительно в обществе Марины. Не могу сказать, что он был таким уж донжуаном. Хотя в театре среди актрис у него были поклонницы, которые, конечно, завидовали Марине.

«И»: А актеры завидовали Высоцкому, тому, что у него жена «сама Марина Влади»?

Г. А.: «Естественно. Все жили в стесненных условиях. А тут приезжает Марина, у нее и машина, и покупки в «Березке».

«И»: Он ревновал Марину?

Г. А.: Она не давала повода. Может быть, что-то и бывало у них между собой, но Володя этого никогда не показывал.

«И»: Вы знали, что он сильно пьет?

Г. А.: Да, я видел его пару раз в невменяемом состоянии. Однажды, когда Марина уехала, он пришел к нам вдрызг пьяный. Какое-то время полежал и пришел в себя.

«И»: Что это за фотография, где вы запечатлены с ним на больничной койке?»

Г. А.: «Это мы пришли навестить Володю в больницу, где ему вшили антиалкогольную ампулу.

«И»: Высоцкий не собирался эмигрировать?

Г. А.: Нет. Он был очень привязан к России и, думаю, не мог без нее жить. Даже не видя Запада, Володя, по-моему, не особенно туда рвался. Хотя он, разумеется, переживал, что его долгие годы не пускали за границу. Запад оказался для него чуждым, потому что он языка не знал, не нашел аудиторию, не было общения с людьми. Он всегда оставался глубоко русским человеком.

«И»: Какую роль сыграла в его судьбе Влади? «Я жив, двенадцать лет тобой и Господом храним», — написал Высоцкий о Марине.

Г. А.: Она его всегда понимала, знала Володины слабости, пыталась спасти.

«И»: У него было предчувствие, что ему суждено умереть молодым?

Г. А.: Да, Володя был убежден, что поэт — тем более в России — живет недолго.

«И»: В Париже с Высоцким и Влади вы не встречались?

Г. А.: Марина проявляла большую лояльность к Советскому Союзу, и я это понимаю — она хотела увезти Володю с собой. Однажды перед их отъездом Марина увидела у меня «Архипелаг ГУЛАГ» и очень возмутилась тем, что я «такое» держал в доме. Естественно, я ей ответил, что и привело к конфликту. С тех пор мы не виделись и в Париже не общались. Правда, четверть века спустя после Володиной смерти Марина неожиданно пришла на мою парижскую выставку в галерею Клода Бернара. Мы расцеловались. Обиды остались в прошлом...

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ

Молодое поколение зрителей знает актера Евгения Леонова-Гладышева (1951 г. р.) по прекрасно сыгранной им роли крупного милицейского начальника из телесериала «Убойная сила». Между тем в его актерском багаже — более 70 картин, в 25-ти из которых Леоновым-Гладышевым сыграны главные роли.

Самые известные фильмы актера — «Сибиряда», «Забудьте слово «смерть»», «Сеанс одновременной игры», «Падение кондора» и десятки серий «Убойной силы».

Зрители постарше прекрасно помнят Евгения по еще одной роли, небольшой, сыгранной им в теледетективе Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». В нем ему досталась роль молодого опера Васи Векшина, которого бандиты убивают в самом начале сериала.

С самого начала, еще в процессе подготовки к съемкам и кинопробам, сценаристы «Места встречи...» братья Вайнеры были категорически против того, чтобы одну из главных ролей в картине играл Владимир Конкин. На роль Шарапова предлагались Сергей Шакуров, Евгений Герасимов, Леонид Филатов, Николай Губенко...

Кинопробы быстро отсеяли всех претендентов. Один не устроил своим ростом, другой не подходил возрастом, третий — внешними данными. Герасимов же предпочел съемкам с Высоцким другую картину (о чем, впоследствии, пожалел).

«Сватали» на роль напарника Жеглова и Евгения Леонова-Гладышева, но тоже по каким-то причинам его на роль Шарапова не утвердили. Ему досталась эпизодическая роль в сериале, но эффектная и запоминающаяся.

Исполнитель роли молодого оперативника вспоминал: «В кинобестселлер «Место встречи изменить нельзя» я попал случайно, хотя на роль Векшина пробовался Андрей Ташков, в то время актер Малого театра. Я же снимался в главной роли в киноленте «Забудьте слово «смерть» по сценарию Никиты Михалкова. Это был крутой боевик. Целыми днями не вылезал из седла, куда-то скакал, стрелял... Оба фильма делались на

Одесской киностудии, и Говорухин предложил мне попробоваться на роль Шарапова. Но худсовет не утвердил. Я сыграл лишь эпизод — три минуты экранного времени. В первой же серии моего героя — Васю Векшина — закололи. Помните, иду блатной походкой, как сейчас говорят, на «стрелку» с бандитом, ем мороженое, сажусь на скамейку и получаю заточку в сердце. «Раскололи», гады...»

«Евгений Леонов-Гладышев рассказывал, как у его героя появилась татуировка на руке. Ведь по роману Векшин колони́ст, несмотря на возраст, повидавший многое. Посыпались предложения: «За Родину! За Сталина!», «Не забуду мать родную»... Владимир Семенович предложил написать женское имя.

— Почему женское имя — парнишке всего шестнадцать лет?

— А в этом есть какая-то биография. Может, это его первая девушка, может, мать.

И сразу рассыпался целый букет имен: Оля, Света, Валя, Наташа, Люба, Таня, Клава, Леля... Леля! Это имя предложил Высоцкий. Все точно! — в довоенные и первые послевоенные годы это имя было очень популярным.

Белое кашне морского офицера — весьма характерная деталь — появилось на шее у Васи Векшина тоже по предложению Высоцкого».

Кстати, некоторые исследователи творчества Владимира Семеновича утверждают, что в самостоятельно срежиссированные Высоцким (с разрешения Говорухина) сцены сериала входят и «эпизод с Васей Векшиным. Володя хорошо понимал цену детали, мелочи в общем антураже, в облике героев. Видимо, сказывались уроки старого кинематографиста Иосифа Хейфица».

Сложно сказать, достоверны ли эти сведения. С точностью можно утверждать, что как режиссером Владимиром Высоцким в картине сняты эпизоды допроса Фокса и освобождения Груздева. Об этом не раз рассказывал сам режиссер сериала Станислав Говорухин.

Кстати, очень было трудно воссоздать на экране Москву середины 40-х годов. Естественно, что за 30 с лишним лет (а по сценарию, действия в картине происходят в период с мая по декабрь 1946 года) облик столицы изменился до неузнаваемости...

«Многие места действия, описываемые в романе и сценарии, пришлось поменять: по Цветному бульвару, где убили Васю Векшина, не ходят трамваи. На площади Никитских ворот лезло бы в кадр здание ТАСС. А ресторан «Нарва», где арестовали Маньку Облигацию, вообще был тогда на ремонте».

Тем не менее, режиссеру в целом удалось воссоздать, снять и показать в фильме дух и быт послевоенной Москвы...

Дотошные зрители и кинокритики подметили такой факт, связанный со съемками эпизода убийства Васи Векшина: в начале фильма, когда убили Векшина, его показывают убитым и из уголка рта стекает кровь. МУРовцы его не трогают, ждут «скорую», когда та приезжает, показывают его, сидящим в той же позе, но с совершенно чистым лицом...»

Но все это, как говорится, — детали...

Не только работой на съемочной площадке запомнились те месяцы актерам, снимавшимся в «Место встречи изменить нельзя». Было и общение за кадром, простые дружеские или человеческие отношения между ними.

Евгений Леонов-Гладышев вспоминал: «Общался я и с Владимиром Высоцким. К нему я относился с большим пиететом, звал только по имени-отчеству. Что меня поражало, Владимир Семенович досконально знал послевоенную эпоху, хотя сам был в то время пацаном. Как люди ходили, одевались, что курили, какие имели татуировки, что они обозначали, знал блатной мир с его феней...

Меня иногда спрашивают, были ли мы в курсе, что в последние годы Высоцкий «сидел на игле», и, как пишут журналисты, по одной из версий, умер во время ломки, привязанный друзьями к кровати...

Конечно, нет, не знали! Для меня это была тяжелая душевная травма. Я всегда видел Высоцкого элегантным, очень хорошо одетым, курящим дефицитные тогда сигареты «Мальборо»...

Кстати, после съемок мы даже капли в рот не брали».

Предлагаем читателям ознакомиться с большим интервью Евгения Леонова-Гладышева, целиком посвященного воспоминаниям актера о его съемках в сериале «Место встречи изменить нельзя» и встречах на них с Владимиром Высоцким. Мы не стали его дробить, чтобы не лишить читающего исповедь актера целостности его рассказа.

Итак..

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНОВ-ГЛАДЫШЕВ:

«ЭПИЗОД С ВАСЕЙ ВЕКШИНЫМ СНИМАЛ ВЫСОЦКИЙ»

С известным киноактером Евгением Леоновым-Гладышевым я беседовал на Фонтанке в скромных апартаментах Гильдии актеров кино г. Санкт-Петербурга, президентом которой он является. В популярнейшем отечественном телесериале

«Место встречи изменить нельзя» им сыграна роль не большая, но запоминающаяся — Васи Векшина, заколотого бандинской заточкой почти что в самом начале фильма.

— Евгений Борисович, не смогли бы вы поделиться воспоминаниями о встречах и совместной работе с Владимиром Высоцким?

— Как вы понимаете, друзьями мы не были, хотя бы по причине разницы в возрасте, но пару интересных моментов, может быть, запомнившихся только мне, рассказать могу.

— Евгений Борисович, итак «Место встречи...»

— С этой картиной у меня связано два сильных впечатления, несмотря на мое достаточно скромное участие в ней: и приятное и не приятное. Не приятное — это то, что я пробовался на роль Шарапова и не был утвержден — тогда была система кинопроб и худсоветов; переживал еще и потому, что и сценарий мне понравился и «Эра милосердия», роман братьев Вайнеров, по которому он был сделан. Я очень хотел и был готов играть. Приятное, что получил роль и что — знал — в фильме сниматься будет Владимир Высоцкий, человек на творчестве, которого я воспитывался и был поклонником его талантов.

Натура снималась непосредственно в Москве, а павильонные съемки производились в Одессе.

— Вы с ним прежде не встречались?

— На Одесской киностудии, еще до работы на картине «Место встречи...», я несколько раз встречал его. Тогда я заканчивал главную роль в боевике «Забудьте слово «смерть». В фильмах приключенческого жанра я снимался с удовольствием, потому что актер должен пройти через этот жанр — он позволяет проверить актера в плане умения создавать психологический рисунок и в плане его физической подготовки. Не случайно же Никита Михалков снял «Своего среди чужих...» Однако вернемся в Одессу. Конечно, я не ожидал увидеть столь невысокого человека — Высоцкого, но недостаток роста — и это чувствовалось сразу — компенсировался мощным внутренним потенциалом.

Приезжала с ним и Марина Владимировна Полякова-Влади. К ее дню рождения — сорокалетию — на студии была выпущена стенгазета. Тогда я ее тоже впервые увидел. И она удивила меня внешней простотой — никакого, «звездизма»! Обычный летний сарафан, убранные волосы... Даже не верилось, что это та самая «колдунья», которую, я помнил по детским впечатлениям от одноименного фильма.

Высоцкому была заказана песня к фильму «Забудьте слово «смерть», и Владимир Семенович написал ее. Но в фильм песня не вошла.

А во время перерыва съемок уже «Места встречи...» он эту песню начал напевать. Ребята из лихтвагена (это автомобиль такой, в котором записывается звук) поставили перед ним микрофон. После Высоцкий подошел к лихтвагену, попросил ребят прослушать ее, прослушал и потребовал стереть: либо он был недоволен вариантом, либо опасался «пиратства». Мне долго казалось, что эта песня утрачена, но, к счастью, оказалось, что нет.

— Евгений Борисович, роль Васи Векшина...

— ... эпизодическая роль, но знаменательно, что этот эпизод с моим участием снимал Владимир Высоцкий. Широко известен тот факт, что Станислав Говорухин, уезжая на фестиваль в Германию со своей предыдущей картиной «Большие океанские гонки» (рабочее название кинофильма «Ветер надежды»), доверил Высоцкому снять несколько эпизодов.

— И каков он был в роли режиссера?

— Это очень интересно. Во-первых, чувствовалось, что не только задатки режиссера в нем, несомненно, есть, а что он абсолютно готов к режиссерской работе, а во-вторых, на съемочной площадке ощущался его неоспоримый авторитет. Судя по всему, он уже тогда понимал свою цену, свою значимость. Меня он называл просто Женей..., а я его, естественно, по имени и отчеству — Владимиром Семеновичем. Но мне показалось, что он относился ко мне с какой-то теплотой. И не было границы, мол, я крупный художник, известнейший бард и актер, а ты молодой и никому не известен. Мы все были тогда на съемочной площадке как бы равноправны: и Владимир Конкин, и я, и Андрей Градов, и Шура Милютин, — все, занятые в эпизодах, связанных со мной. И еще. Высоцкий был всегда свежесбрив, собран, подтянут. И я ни разу не видел его «не в форме» — я имею в виду алкоголь.

Похоже, что у Высоцкого была проделана большая подготовительная работа. Меня поразило то, что он хорошо и детально знал послевоенное время. Он мне подсказал несколько интересных деталей. Помню, возник вопрос, что у Васи Векшина должна быть какая-то татуировка на руке, потому что по роману он в прошлом колонист, вышел из заключения, а в то время у таких людей это была и потребность, чуть ли не необходимость, и мода. Посыпались предложения: «За Родину! За Сталина!», «Не забуду мать родную!» — и другие подобные банальные предложения. А Владимир Семенович предло-

жил написать женское имя. «Почему имя — мальчику шестнадцать лет?» — «В этом есть какая-то биография. Может, это его первая девушка, может, мать?» И пошли имена: Оля, Света, Наташа, Люба, Таня, Клава, Леля... Леля! Лелю предложил Высоцкий. Спустя много лет я узнал, что в довоенные и первые послевоенные годы очень модным было имя Леля.

Белое морское офицерское кашне появилось на шее у Васи Векшина — это опять же деталь, придуманная Высоцким, довольно характерная деталь, потому что многие молодые люди, не попавшие на фронт в силу своего возраста, после войны щеголяли этими кашне, подобным образом подчеркивая свою якобы принадлежность к фронтовикам.

— Благодаря таким вот деталям, таким, на первый взгляд, мелочам, фильм получился очень достоверный.

— Одесская киностудия по своим мощностям была очень скромненькая, и Станислав Говорухин проделал просто титаническую работу по созданию реалистического фона картины. И, как видим, Высоцкий и помог ему в этом.

— Фильм по большому счету удался...

— Конечно, конечно. Это было большим художественным достижением, и не только Одесской киностудии. Если серьезно, киноведчески разбирать фильм, в нем есть много недостатков. Надо быть объективными. Пусть Слава Говорухин не обижается на меня.

— Будем, надеяться, что он все правильно поймет.

— Будем. Прежде всего: несколько упрощена философская основа романа. Роман называется «Эра милосердия». Сюжет его не вымышлен, описаны реальные события, имевшее место уголовное дело, многие годы «закрытое» вот по какой причине: в преступный мир уходили люди, вернувшиеся с фронта, искалеченные не столько физически, сколько духовно, нравственно, — эту линию в фильме проводит Виктор Павлов, сыгравший Левченко. И в контексте романа призыв к более милосердному отношению к ним. И основной конфликт Жеглова и Шарапова заключается в этом. Может быть, сегодня это тоже актуально, и Жеглов более прав, чем Шарапов, исходя из сегодняшних реалий преступности в стране, в том, что Жеглов любыми методами, даже нарушая закон, готов посадить преступника за решетку, — главное, чтобы зло было наказано. Но Шарапов нес другую, более гуманную нагрузку, и в этом конфликте он несомненно должен был быть выше Жеглова. В фильме так не получилось, и не столько потому, что Владимир Высоцкий как личность был масштабнее других исполнителей, и здесь вина не Владимира Конкина, а,

скорее, режиссуры: эволюция образа дана в такой трактовке. Мы видим неопытного «цыпленка» с наивными глазами, который в процессе развития сюжета фильма, в процессе познания специфики работы уголовного розыска мужает, набирается опыта и т. д. А ведь Шарапов пришел работать в МУР после ранения, из фронтовой разведки Он тертый, битый, у него вся грудь в орденах. Я думаю, что это режиссерский ход, и что он менее интересен, чем, если бы в кадре столкнулись два крупных специалиста: один — разведчик, другой — муровец, два противоборствующих, но любящих и понимающих друг друга человека, то конфликт о милосердии к преступнику был бы более впечатляющим, и зрителям было бы интереснее следить: чья же возьмет?

Но, несмотря на все минусы, получился, действительно, «народный» фильм, как назвал его Станислав Говорухин на пятнадцатилетии картины, которое отмечалось в московском киноцентре — при аншлаге. Построен вечер был так: шел небольшой фрагмент из фильма, и на сцену приглашались артисты, занятые в нем, приглашались, естественно, под именами персонажей: Шарапов, Векшин, Промокашка, Манька-Облигация, Кирпич... Полный актерский состав собрать не удалось, это было невозможно. Не было Светланы Светличной, которая за два дня до этого похоронила мужа — замечательного актера Владимира Ивашова. Не было, естественно, и Владимира Высоцкого... Хотя ж почему — естественно? Это как раз противоестественно, что не было Жеглова...

ЕВГЕНИЙ ТАТАРСКИЙ

...Осенью 2008 года кинорежиссер, зажегший немало звезд отечественного кино, отметил 70-летие. Донатас Банионис, Игорь Дмитриев, Олег Даль, Любовь Полищук, Константин Хабенский, Андрей Федорцов — далеко не полный список актеров, сыгравших в фильмах Татарского. Его картины «Золотая мина» и «Приключения принца Флоризеля» с гениальным Олегом Далем в главных ролях не нуждаются в представлении и давно стали классикой советского кино.

Евгений Маркович был дружен с Олегом Далем и Мариной Влади.

Его хорошим приятелем был и Владимир Высоцкий. Познакомились они еще в конце 60-х. А в 1974 году судьба свела Татарского и Высоцкого в Крыму, на съемках картины кинорежиссера Иосифа Хейфица «Плохой хороший человек». За основу сюжета фильма взят рассказ А. П. Чехова «Дуэль». В картине Владимир Семенович блистательно сыграл зоолога Фон Корена. Евгений Татарский считает эту его роль одной из лучших, сыгранных актером в кино.

Но не только на съемочной площадке встречались Татарский и Высоцкий.

Память Евгения Марковича сохранила множество интересных историй и случаев, связанных с общением с поэтом и актером — как по работе в кино, так и вне ее. Режиссер часто и с удовольствием вспоминает своих друзей-актеров, с кем сводила его кинематографическая судьба...

«Что рассказать о Володе Высоцком... Я вспоминаю, как Хейфиц снимал финальные сцены фильма «Плохой хороший человек», где я был вторым режиссером. Дело было в Крыму, в Евпатории, на территории рыбозавода. Народ, увидев Владимира, потащил ему ящики с копченой рыбой: «Владимир Семенович, это вам!» Высоцкий смутился, говорил: «Ребята, вы это все с собой в Пицунду забирайте. Я потом приеду, тоже попробую».

Вместе с Высоцким в фильме снимался Анатолий Папанов. Не любил Анатолий Дмитриевич Высоцкого, зависть какая-то актерская была. Сидит однажды он, уху варит, и своим сценическим баском мне говорит: «Жень, а вот ты скажи мне, почему вы гитариста снимаете, а меня нет?» Я даже сначала не понял, кого он имеет в виду. А речь шла, оказывается, о Высоцком. «Как вам не стыдно, Анатолий Дмитриевич, так говорить?! — удивился я. — Вы постоянно заняты в театре, мы, входя в ваше положение, все сценарии под вас подстраиваем!» — «Не, ну все равно гитариста снимают больше!», — продолжал басить Папанов».

Честно говоря, удивляет рассказ Евгения Татарского об отношении Папанова к Высоцкому... Казалось бы — какая между актерами могла быть творческая ревность? Думаю, что по популярности среди зрителей Анатолий Дмитриевич не сильно уступал Владимиру Высоцкому: ведущий актер Московского Театра сатиры, известный и любимый в народе киноартист, снявшийся в культовых комедиях не менее известных режиссеров...

К тому же, до съемок в картине «Плохой хороший человек» Папанов уже работал в кино с Владимиром Высоцким — в фильме кинорежиссера Евгения Карелова «Служили два товарища». Владимир Семенович в нем блеснул в роли белогвардейского поручика Брусенцова, а Анатолий Папанов предстал в картине в образе командарма С. М. Буденного.

На съемочной площадке актеры и познакомились — в 1968 году.

В своих интервью Владимир Высоцкий с неизменным уважением отзывался о партнере по фильму...

Больше того — поэт написал несколько песен специально для Папанова, снимавшегося в начале 70-х в одном из фильмов, где актер их должен был петь. И даже дружески советовал Анатолию Дмитриевичу, как точнее исполнять их. Высоцкий говорил актеру, что ему нужно максимально использовать в пении свой неповторимый голос и говор, манеру речи...

Так что словесные выпады и «наезды» Папанова в адрес Владимира Высоцкого, мягко говоря, — не совсем логичны и понятны.

Но вернемся к воспоминаниям о поэте кинорежиссера Евгения Марковича Татарского: «Каким человеком был Володя Высоцкий? Не простым. Помню, в молочном буфете рядом со студией «Ленфильм» он так рывкнул на обслуживающий персонал, что мало никому не показалось.

Как-то во время съемок на юге он мне предложил: «Женька, поехали обедать в Пицунду в «Золотое руно», а я ему: «Вова, там плохо кормят». — «Поехали, Женька, со мной везде кормят хорошо». И действительно, повара расстарались!»

Как уже было сказано в начале главы, Татарский дружил не только с Владимиром Высоцким, но и с его женой, французской актрисой Мариной Влади. У него сложилось свое, личное мнение об этой женщине... На глазах кинорежиссера проходило знакомство поэта со звездой мирового кино, зарождение их будущего романа. Евгений Маркович был свидетелем некоторых бытовых, будничных моментов их совместной жизни: «В какой-то момент я встретил Высоцкого и обомлел — таким счастливым он выглядел! «Женька, я с Мариной встречаюсь», — радостно сказал он мне.

Марина Влади нравилась многим, но стала женой Высоцкого. Она была настоящей женщиной-матерью. Где-то жесткой, где-то суховатой, как многие иностранки, но бесконечно заботливой. Сильно переживала, что Володя пил и кололся...

Однажды Высоцкий пригласил меня на их дачу. Заметив, как мне понравилась обстановка, сказал: «Женька, это же все Маринка. Что я сам-то...» Марина действительно привозила из Франции все, вплоть до безделушек. Например, у них были интересные подушки, которые принимали форму тела.

Впервые по-настоящему я встретился, разговорился и познакомился с Мариной в Ленинграде, где Володя снимался в фильме «Плохой хороший человек». До этого мы нечасто виделись мельком. А тогда, на съемках, Влади все время сидела в уголочке с томиком Чехова. Скромная такая, старалась, чтобы ее не замечали. Девчонки из съемочной группы недоумевали: вот эта, неброско одетая, не накрашенная девушка и есть звезда французского кино?!»

Журналист Юрий Сушко пишет: «Сначала были студийные съемки в павильонах «Ленфильма». Прилетела Марина, выкроив целый месяц. Накануне Высоцкий переговорил с Татарским:

— Слушай, а может Хейфиц все-таки попробует Марину?

«Чувствовалось, что Марине жутко хочется сняться в картине, — видел Евгений Маркович. — Почти все время съемок в Ленинграде... Марина приходила каждый день и сидела со всегда открытым томиком Чехова: еще раз перечитывала эту повесть...»

Увы, режиссер фильма «Плохой хороший человек» Иосиф Хейфиц роли для Марины в картине не нашел и снимать ее не стал...

Еще одно — удивительное по своей сути — воспоминание Евгения Татарского. Кинорежиссер поведал о втором концерте Владимира Высоцкого в Армении. Сам поэт рассказал эту историю кинорежиссеру, а тот передал ее, как запомнил, высоцковеду И. Роговому.

По словам Евгения Марковича, Высоцкому однажды предложили выступить в Ереване, причем, пообещали заплатить наличными весьма немалую сумму. Высоцкий согласился, прилетел в Ереван, где его у трапа уже ждала машина.

Отработал концерт, получил, как договаривались, конверт с деньгами, а в придачу еще и ящик с фруктами и коньяк, и только после этого решил поинтересоваться: «Кстати, ребята, я хоть где выступал, скажите. Что за организация?» — «Это Комитет государственной безопасности, Владимир Семенович».

«Он рассказывал, — говорит Евгений Татарский, — «Я меняюсь в лице, а они: «Ничего-ничего, все в порядке, приезжайте к нам снова. Спасибо вам большое!»

И последнее. Евгений Маркович рассказывал: «В 1980 году у меня на столе лежал сценарий, по которому я дал согласие делать фильм. Назывался он сначала «Колода без туза», потом — «Без видимой причины»... Была идея пригласить на главные роли Володю <Высоцкого> и Даля... Володя знал мой замысел, мы разговаривали весной 80-го, скорее всего, в мае. Он не читал сценарий и до проб, конечно, дело не дошло: я заканчивал другой фильм, а к «Колоде без туза» должен был приступить осенью... Не получилось».

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ

...Сегодня об этом художнике не говорит и не пишет только ленивый. И все больше — о его скульптурном творчестве и дружбе с сильными мира сего. Например, скульптуру Георгия Победоносца, созданную им и установленную в Нью-Йорке, он открывал с президентом США Джорджем Бушем-старшим. А в его мастерскую наведывались первый президент СССР Михаил Горбачев с Раисой Максимовной.

Его называют поклонником больших форм, обвиняют в гигантомании, а он по-прежнему лукаво улыбается и с теплотой относится как к критикам своего творчества, так и к его поклонникам, которых этот добрый человек считает своими друзьями.

Что на это сказать? «Каждый пишет (в данном случае — творит), как он дышит».

А насчет друзей — личное дело каждого, кому с кем общаться. Друзей не выбирают (хотя можно), друзьями — становятся. И остаются. На друзей Зурабу Константиновичу Церетели (1934 г. р.) всегда везло. И имеет он их великое множество по всему миру. А первую славу художник вкусил в возрасте Христа. До этого с этнографами и археологами обошел весь Кавказ. В хрущевскую «оттепель» пожил у родственников в Париже, поучился на курсах повышения фантазии, встретился с Пикассо и увидел, что занимается он не только живописью, но и литьем, росписью по фарфору, керамикой.

В другой приезд в столицу Франции Церетели встретился с Марком Шагалом. В его мастерской — масло и темпера, а во дворе — витражи и мозаика. «Я понял, общаясь с великими: художник может все», — говорит Зураб Константинович.

Не оставив писать портреты и пейзажи, Церетели параллельно занялся мозаикой. Одной из первых мозаичных работ он прославился в Пицунде. Работал как одержимый, и не напрасно. Привлек к мозаикам внимание гостившего в СССР великого монументалиста Давида Сикейроса. После в той же

Пицунде произошла встреча с тогдашним министром культуры Екатериной Фурцевой и известными актерами театра и кино. В его приморскую мастерскую на катере приплывал полюбоваться работами сам Алексей Николаевич Косыгин.

Зураб Церетели переезжает в Москву, без усталости работает в новой мастерской на Тверском бульваре (располагавшейся, правда, в полуподвале, что нисколько не смущало мастера), получая заказы на оформление фасадов и внутренних помещений зданий, создает витражи и скульптуры. И пишет маслом картины.

В столице он знакомится с будущей супругой. Но и не забывает о своей еще одной большой любви — Грузии. Художник с конца 60-х годов живет, по его словам, «между Тбилиси и Москвой».

В конце 70-х Зураб Константинович назначается главным художником Олимпиады-80. Сам хозяин Москвы Виктор Гришин посещает его мастерскую и удивляется: «Как можно работать в такой обстановке?»

Церетели получает второй этаж под новое помещение мастерской, а три семьи, жившие там раньше, были расселены.

Сегодня он — один из самых известных российских художников, владелец галереи «Зураб», созданной специально для того, чтобы в ней могли выставляться молодые художники бесплатно. Никакой коммерции! Зураб Церетели считает, что самое большое богатство — это друзья.

В его мастерской на Тверском бульваре, 9 бывали Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, Чингиз Айтматов и Василий Аксенов, Иосиф Кобзон, Майя Плисецкая и Родион Щедрин, Петр Капица и Святослав Федоров, Юрий Лужков и Анатолий Собчак, Эдуард Шеварднадзе и Евгений Примаков, Катрин Денев и Марчелло Мастроянни...

А итальянский актер и певец Адриано Челентано, знакомый с работами художника, сам изъявил желание после концерта в Москве приехать в мастерскую Церетели. И уехал оттуда с дорогим подарком, сделанным ему художником, — эмалью-картиной «Вход Христа в Иерусалим».

Всех этих людей без преувеличения можно назвать друзьями Зураба Константиновича. Но с особой теплотой он вспоминает о двоих из них. Художник говорит: «На Тверской, 9 побывали многие великие люди XX века, начиная с Марка Шагала. Ему нравились мои яркие картины, он говорил, рассматривая в альбомах мозаики и эмали, что живопись у Зураба — начало всех начал.

Вторым, кого хочу назвать, — Владимир Высоцкий.

Познакомил меня с ним, кажется, — в Доме кино Саша Митта. (Так оно и есть. Митта вспоминал: «А с Церетели Володя познакомился через меня. Тот был моим приятелем, моим и Гали Килемской. Он жил у Гали на Беговой в кооперативном доме кинематографистов, почти вплотную к ипподрому, на 6-м или 7-м этаже». — А. П.) Мы потом часто встречались, гуляли, пили, я часто ходил на его концерты и спектакли. Он — ко мне в мастерскую на Тверском бульваре. Однажды с двумя девушками предложил съездить в Ленинград на свадьбу. Я сел за руль его «Мерседеса» и прямо, никуда не сворачивая, не зная дороги, гнал всю ночь. Вошли в квартиру — все спят. Повернулись и уехали обратно в Москву.

Нас с Сашей Володя пригласил на свадьбу с Мариной в маленькую квартирку. Пришли Юрий Любимов с женой Людмилой Целиковской, Всеволод Абдулов, Андрей Вознесенский с Зоей. Жена Саши, Лиля Митта, испекла яблочный пирог. С Андреем мы скинулись на несколько бутылок шампанского. Высоцкий лежал на диване и без особой охоты тихо играл на гитаре и что-то пел для себя. Я почувствовал, будто виноват, что такая бедная свадьба. Предложил продолжить ее у себя дома.

Утром улетели в Тбилиси. «Здесь (в Бегбеди. — А. П.) — вспоминает Марина Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет», — нам устроили настоящую старинную свадьбу». Высоцкий много пел и ничего не пил, это делал, стоя за его спиной с рогом вина, молодой грузин. Тамада пожелал, чтобы жениха и невесту похоронили в гробу из векового дуба, что мы посадим на свадьбе».

Высоцкий по поводу другого прозвучавшего тоста написал в песне «Я скоро буду сохнуть от тоски...»:

Правда, был у тамады
Длинный тост алаверды
Про него — вождя народов
И про все его труды.

Тот же Александр Митта вспоминал: «Зураб Церетели действительно устроил им свадебное путешествие. Очень короткое — четыре-пять дней. Самолетом — в Тбилиси. Их шикарно там принимали».

Безусловно, Зурабу Константиновичу есть что вспомнить и о чем рассказать. Как художник, он ярко описывает вспоминаемые эпизоды своих встреч с Владимиром Высоцким.

А свадебным торжествам, устроенным им с кавказским гостеприимством и щедростью поэту с супругой, Марина Влади посвящает несколько страниц своей книги. Высоцкий же в своих произведениях лишь косвенно отразил один возмущивший его эпизод, произошедший на свадьбе. Тогда один из гостей предложил тост за Сталина, и только чудом удалось уйти от назревшей ссоры...

В книге «Владимир, или Прерванный полет» Марина описывает этот эпизод так: «Вдруг один из гостей громко спрашивает:

— Забудем ли мы выпить за нашего великого Сталина?

За столом воцаряется нехорошая тишина. Грузинская интеллигенция жестоко пострадала при Сталине, и, если некоторые люди относятся к нему с ностальгическим восхищением, хозяин дома, как и мы сами, считает его самым настоящим преступником.

Я беру тебя за руку и тихо прошу не устраивать скандала. Ты побледнел... Хозяин торжественно берет рог из рук гостя и медленно его выпивает. И сильный мужской голос вдруг пререзает тишину, и за ним вступает стройный хор. Пением, точным и редкостным многоголосьем эти люди отвечают на упоминание о проклятых годах: голоса сливаются в звучную и страстную музыку, утверждая презрение к тирану, гармония мелодии отражает гармонию мыслей. Благодаря врожденному такту этих людей случайному гостю не удалось испортить нам праздник, и мы все еще сидим за столом, когда во дворе начинает петь петух...»

А почему демократический политолог и историк Марина Влади называет в книге гостя на своей свадьбе, произнесшего тост за товарища Сталина, «случайным» и утверждает, что грузины пели на ней не во славу Вождя, а «утверждая презрение к тирану»?

Ну, оставим эти утверждения на совести новой французской демократки, бывшей коммунистки...

Сам же Церетели с неизменной теплотой и радостью вспоминает о подарке, сделанном в 1970 году молодоженам: «Очень жалел, что не могу это сделать в Москве, поэтому и позвал на родину. У меня дома накрыли стол, моя жена вынесла по такому случаю фамильный сервиз из фарфора, очень красивый, и украсила им стол. Но, наверное, я, когда раскладывал стол, плохо его укрепил. Грузины пели, гости пили, веселились, очевидно, кто-то двинул по столу ногой снизу — и стол так вот (показывает руками, как складывается книга) рухнул.

Вместе со всем семейным сервизом. У нас это плохая примета, когда на свадьбе бьется посуда.

Когда грузины устали петь, встал Володя, взял гитару. Он потрясающе пел, я запомнил его позу и таким сделал (речь о бронзовом барельефе Высоцкого работы скульптора. — А. П.) Но вот что ужасно — когда он пел, лопнула струна. Это тоже плохая примета. Все грузины улыбались, но поняли, что жизнь не сложится...»

В другой статье о свадьбе рассказывается так: «Церетели дружил с Высоцким около 15 лет. Именно в Грузии, в доме художника, гостили около недели недавно расписавшиеся Де Полякофф Марина-Катрин — Полякова Марина Владимировна (Марина Влади) и Владимир Семенович Высоцкий.

— Отлично помню каждое ожидание Володи перед приездом из Франции Марины Влади. Он тогда еще не ездил за рубеж. Платили в Театре на Таганке, где он работал, мало, с продуктами было плохо. Достать черную икру было очень трудно. Марина сама великолепно готовит и любит хорошую кухню. И под причитания по уши влюбленного Володи «Мариночка придет, надо ее хорошо встретить» я с большим трудом доставал черную икру и хорошее вино. Пусть люди радуются, такой я человек, хочется сделать все красивым!

— И вы сделали еще и красивую свадьбу?

— Да! Такой уж у меня характер. Я пришел к ним в дом и почувствовал, будто я виноват, что такая бедная свадьба. В середине декабря 1970-го (Высоцкий и Влади зарегистрировали брак 1 декабря 1970 — А. П.) Володя с Мариной пригласили меня в маленькую квартирку, которую они тогда снимали. Было человек 15: Ю. Любимов, Л. Целиковская, А. Митта с женой Лилей, которая испекла роскошный яблочный пирог, артист МХАТа Всеволод Абдулов, А. Вознесенский с Зоей Богуславской. С Андреем Вознесенским мы тогда скинулись на несколько бутылок вина. Высоцкий лежал на диване и без особой охоты играл на гитаре, тихо напевая что-то для себя.

— В общем, скучновато было?

— Да, и следующим утром мы полетели ко мне на родину в Грузию. Прилетели в очень хорошем настроении. Марина и так красавица, а когда мы выходили на веранду завтракать, я всегда говорил ей: «Настоящая женщина!». И Володя хитро подмигивал Марине.

Это действительно была уникальная свадьба и напоминала музыкально-поэтическое представление. Владимир Высоцкий пел, гости читали стихи Пушкина, Пастернака, Лермонтова, а грузины пели грузинские песни.

Моя жена Инесса накрыла роскошный стол, блюда подавались на старинном андрониковском сервизе, фрукты и овощи — на серебряных подносах. Но кто-то случайно задел выдвинутую часть стола, и вся посуда полетела на пол. Пришлось заново сервировать стол с теми же изысканными блюдами: лобио, сациви, шашлыками, маринованным чесноком, душистой зеленью и роскошными вазами с великолепными букетами, от которых исходил тонкий сладкий аромат.

Развалившийся на свадьбе стол — это плохая примета. Не предвещает долгой и счастливой жизни. И я очень переживал за Володю и Марину. Народные приметы верны — это, к сожалению, так. В итоге точно так же внезапно, в самом зените славы, оборвалась и жизнь Володи».

В одном из интервью Зураб Церетели признавался: «Я никогда не забуду лицо Марины Влади, какое было у нее во время медового месяца. Ни в одном фильме, ни на одном, самом удачном снимке она не была так обворожительно, так неотразимо, победительно красива!.. Я видел Марину, когда она утром выходила из спальни, и ее, словно сияние, окружала любовь. Когда-нибудь я напишу картину. На ней будет сцена, которую я видел тогда: на балконе Высоцкий с гитарой поет у ног Марины, она стоит в белом платье с развевающимися золотыми волосами, а рядом, замерев, смотрит на них моя большая черная собака...»

Не только у художника остались яркие воспоминания о «тбилисской свадьбе» Владимира Высоцкого и Марины Влади. Вот отрывок из воспоминаний Нины Андроникашвили, племянницы Инессы Церетели, покойной жены Зураба Константиновича (она ушла из жизни в начале 2002 года): «Помню, как быстро Инесса сдружилась с Мариной Влади. Видимо, они нашли друг в друге родственную душу — Марина ведь тоже женщина неординарная. Влади и Высоцкий гостили у Церетели сразу после женитьбы — Зураб пригласил их провести в Тбилиси медовый месяц. Инесса понимала, что молодым, кроме общества друг друга, ничего не нужно, и деликатно отменила визиты к себе в дом всех друзей и родственников. Когда Высоцкий и Влади уехали, Инесса позволила мне войти в спальню, где они обитали. В воздухе витал божественный запах незнакомых духов. Спустя много лет мне подарили «Мажи нуар», и я сразу вспомнила этот аромат...»

Кстати, во время пребывания молодоженов в Тбилиси Зураб Церетели повел их в дом художника Ладо Гудиашвили. Когда-то давно, в молодости, Ладо дружил с Амадео Модильяни,

итальянским живописцем. С великим итальянцем был дружен и отец Марины, русский летчик Владимир Поляков.

Не одни воспоминания о «свадебном подарке» остались в памяти Зураба Константиновича. Ведь он дружил с поэтом больше десяти лет, и совместных историй и приключений у них было предостаточно.

На церемонии вручения премий имени Владимира Высоцкого «Своя колея» за 2010 год, показанной по Первому каналу в конце января 2011 года, присутствовавший на ней художник более подробно рассказал о поездке с поэтом и его спутницами в Ленинград. Съёмки концерта и церемонии награждения проходили в «Останкино», в воссозданных в студии интерьерях московской квартиры Владимира Семеновича: «Все, как тогда! Кажется, сейчас войдет Володя, живой, веселый... Помню, как-то он ко мне с двумя красивыми девушками приехал. Усталые немножко. Садись за руль, говорит, в Ленинград поедem. И я на его «Мерседесе» повез их в Ленинград. Они поспали в дороге. В четыре утра приехали в какую-то квартиру. Там день рождения, гости пьяные, некоторые спят. Володя песни пел, пытался их разбудить. А потом говорит: поехали назад, в Москву. Приехали ко мне. Я чаем их напоил, ну а потом хванчкарой — тогда хванчкару еще можно было в Москве купить. Развеселились. Я говорю, может, обратно в Ленинград? Так что я у Володи водителем был! Получается, так».

В интервью одному из еженедельников Зураб Церетели рассказал о том, как задумал и создавал скульптуру поэта: «С Высоцким меня связывала длительная дружба. Мы часто встречались в Доме кино, а так же дома, в моей мастерской. Даже свадьба Высоцкого и Марины Влади, начавшаяся скромно, в узком кругу друзей, продолжились в моем доме в Тбилиси. Туда я пригласил молодоженов, чтобы все отпраздновать с размахом. Там же набросал портрет Володи, а позже сделал его скульптуру».

Что касается работ Церетели, посвященных Владимиру Высоцкому, то на сегодняшний день таковых художником и скульптором их создано две: барельеф поэта, выполненный в бронзе, и картина, написанная маслом, — «Гитара Высоцкого». К сожалению, последнюю работу теперь можно увидеть только в каталогах работ и альбомах Зураба Константиновича: несколько лет назад в его мастерской случился пожар. Неизвестные бросили в окно мастерской бутылку с зажигательной смесью. В результате погибло сто картин, в том числе сильно обгорела «Гитара Высоцкого»...

Еще при жизни Владимира Семеновича его друг, другой художник, Михаил Шемякин, через поэта пытался заказать у Церетели памятник своему отцу, герою Гражданской войны, умершему в 1977 году в Краснодаре и похороненному на городском Славянском кладбище. Но по неизвестным причинам заказ так и не был выполнен.

Несмотря на трудности и невзгоды, иногда случающиеся в жизни, Зураб Церетели никогда не теряет оптимизма, сохраняет чувство юмора и считает, что с неприятностями лучше бороться вместе, в компании друзей: «Я не люблю одиночество, только когда работаю, и то не всегда, — говорит художник. — Лучше, чтобы все бурлило вокруг. Работал я в середине 70-х в Пицунде — создавал в пансионате интерьеры, мозаики, целыми днями трудился. Плавать до сих пор не умею, потому что входил в море, окунался — и опять бежал рисовать. Однажды долго был один — без жены и дочки, они в Тбилиси родственников навещали. Одиноко. Звоню в Москву своим друзьям. «Что вы делаете?» — «Сидим компанией, вот Высоцкий зашел. Разговариваем, пьем коньяк — ту бутылку, что ты оставил. У нас дождь...» Я говорю: «Давайте все в самолет и сюда прилетайте быстрее! Здесь солнце!» — «У нас таких денег нет — на билеты, на гостиницу». — «Прилетайте — я плачу!» А за несколько дней до этого меня бухгалтер просто доканал — звонит и звонит: «Надо ведомость закрыть! А без вас не могу! Товарищ Церетели, получите гонорар, наконец». И тогда он привез мне деньги прямо в номер. И вот ведь какая эпоха была: все знали, что у меня в шкафу целый чемодан денег — и никто не трогал. На друзей эти деньги пошли — все приехали! Это было уникально — ту радость и удовольствие никогда не забуду! Я весь день работаю — они отдыхают. Вечером быстро в душ, за руль и к ним. Сказочное было время».

Кавказские благородство, гостеприимство и щедрость присущи всем уроженцам этого прекрасного и благодатного уголка Земли. И о каких деньгах может идти речь, если к тебе в дом едут друзья? Разве деньги могут заменить прекрасные часы общения с единомышленниками, людьми, которым нужен ты, а не твои богатства?

Не раз бывал в трудных ситуациях и сам художник. Но если была возможность помочь деньгами друзьям — всегда делал это незамедлительно, и очень часто — безвозмездно...

— Вы помните последнюю встречу с Высоцким?

— Да, последний раз с Володей встретились, где и познакомились — в Доме кино. За одним столом сидели Галя Ки-

лемская, Таня Шапова, Лиля Бернес, а Володя сидел отдельно, но, увидев меня, подошел к моему столику, ко мне, и тихо, ласково сказал: «Зураб, я скоро получу гонорар и долг тебе верну». На что я ему ответил: «Володя, выброси это из головы и забудь, ты ничего мне не должен». Через несколько дней, 25 июля 1980 года, я узнал, что он умер.

Были грандиозные похороны на Ваганьковском кладбище. После похорон, спустя несколько дней, ко мне пришли двое его знакомых и принесли завернутые в бумагу деньги, которые он мне был должен. Сказали, что в списке долгов, составленном Высоцким, я — первый. На что я ответил: «Отдайте их детям».

«Артур Макаров подтверждает это: «Лишь скульптор Зураб Церетели отказался получить в долг пять тысяч рублей, заметив при этом, что в Грузии, если умирает друг, то в его семью несут деньги, а не выносят»».

В другом интервью Зураб Церетели тоже заговорил о денежной истории с Владимиром Высоцким. Художник дал поэту в долг крупную сумму — как раз получив приличный гонорар за картину «На страже мира».

«Потом встретил Володю в Доме кино он сказал: «На днях тебе долг верну».

«Даже не думай», — сказал я ему тогда и вообще забыл. А когда Володя умер, ко мне в полуподвал на Тверском бульваре, где у меня тогда была мастерская, пришли два человека и принесли Володин долг. Я не взял — что, я дурак? Сказал, пусть лучше пойдут эти деньги на кладбище или семье».

И это — не рисовка. Истинный грузин Зураб Церетели отказался получить долг в 5 тысяч: если у него на родине умирает друг, то в его семью несут деньги, а не выносят!

В 2005 году Зураб Константинович прокомментировал документальный фильм Виталия Манского «Владимир Высоцкий. Смерть поэта», показанный по телеканалу «Россия» в июле того же года: «Тяжело это все вспоминать. Что люди должны знать, почитая Владимира Семеновича Высоцкого? Правду они и так знают. Да, была такая трагедия, и он с ней боролся. Кстати, очень стойко. Он мужик был настоящий. Сражался насмерть. Но, учитывая его натуру — от края к краю, — это сражение закончилось не в его пользу. Еще меня резануло, что у Манского есть желание сыграть на горячем. Вот юбилей — 25 лет, как нет Высоцкого, сейчас сделаю скандальную картину, ее купят все. А когда за бабки такое делается, у меня это начинает вызывать большие подозрения».

Время, прошедшее после ухода из жизни Владимира Высоцкого, отсеяло словесную шелуху, сказанную о нем, и надрывные воспоминания многочисленных «друзей» поэта, которые-то и были едва с ним знакомы...

Настоящие друзья никогда не кичились дружбой и общением с Высоцким, а просто еще при жизни друга делали ему добро и по мере возможностей помогали в возникших трудностях. И сейчас скромно вспоминают о том времени и тех часах общения с Владимиром Семеновичем, подаренным им судьбой.

ИРИНА ПЕЧЕРНИКОВА

..Есть такое, к сожалению, избитое словосочетание, превратившееся в журналистское клише — «Актер (или: актриса) от Бога».

Так говорят о талантах, блистающих в кино и(ли) на театральной сцене, с легкостью умеющих перевоплотиться в исполняемый образ, в который (или — которому) безоговорочно поверит зритель.

Именно это словосочетание подходит, как ни к кому другому, к героине этой главы.

Прекрасная русская актриса Ирина Печерникова, заслуженная артистка РСФСР, дебютировала в кино еще в школьном возрасте, сыграв роль в кинофильме «Человек меняет кожу». Дебют юной актрисы оказался вполне удачным.

Она поступает в Школу-студию МХАТ, по окончании которой успешно играет в театрах Москвы — Ленком, имени Маяковского, Малом театре.

Параллельно Ирина снимается в кино. В ее фильмографии такие картины, как «Доживем до понедельника», «Вариант «Омега», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Два капитана», «Расписание на послезавтра», «Анна Карамазофф» и многие другие. Партнерами Печерниковой (фантастическими, по словам актрисы!) в них были Вячеслав Тихонов, Олег Даль, Иннокентий Смоктуновский, Евгений Лебедев, Юрий Богатырев, Владимир Высоцкий...

Всем им Ирину молва «записывала» то в жены, то в любовницы...

В 1975 году на съемочной площадке фильма Александра Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» Ирина, игравшая в картине роль Луизы де Кавеньяк, повстречалась с исполнителем главной роли в картине Владимиром Высоцким.

Нужно сказать, что в те годы (начало-середина 70-х) Ирина и Владимир встречались довольно часто; у них был период нежной и доброй дружбы. И каждый боялся нарушить ее — неверным словом или действием...

Встречались в компаниях, у общих друзей, на кинопремьерах, в театре, просто — перезванивались...

Вот тому одно из ярких свидетельств — вдовы актера Олега Даля Елизаветы (в ее интервью Александру Иванову):

Е. Д.: — Следующая моя встреча с Володей (возможно, Олег и виделся с ним) — это 1972 год. Один из первых съемочных дней группы «Дуэль» (к/ф «Плохой хороший человек»). Начали съемки в Евпатории. И вот, в один день на пляже снимались Олег с Папановым и Володина сцена с гантелями.

Помню монолог костюмерши о том, что «очень трудно шить на Высоцкого, потому что он придиричив к костюму, как женщина. Чтоб, не дай бог, где-нибудь какая-нибудь складочка! И все должно быть в обтяжку. Сшить ему брюки, чтоб он был доволен, — очень сложно».

В следующий раз я его увидела (Олег нас уже познакомил лично), когда мы ехали со съемки из Евпатории, вот с этого пляжа, в машине, и по дороге к нам под села Ира Печерникова.

А. И.: — Каким образом она там оказалась?

Е. Д.: — Не знаю. Может, отдыхала. Может, какие-то съемки у нее были, но она стояла на шоссе, просто голосуя. И очень много смеха было по этому поводу. И был разговор. Володя говорил, что его замучили грузины, к которым он постоянно ездит в Тбилиси, еще там куда-то — поет. Что это очень трудно, потому что вино везде течет рекой и вместе с тем надо работать. Но он уже был «в зашивке». Первый раз. Я тогда этого не знала.

Познакомились Высоцкий и Печерникова давно, еще в 60-х годах. Поэтому любая встреча, а особенно вне съемочной площадки, была радостной для обоих. Это потом будут ссора и разрыв, а пока...

Впрочем, предоставим слово самой актрисе. Она как раз вспоминает не только о съемках в фильме Александра Митты, но и знакомстве с поэтом, общении с ним вне стен киностудии...

«Я, наверное, была единственным человеком в СССР, который не знал о бешеной популярности Высоцкого. Его взлет произошел, когда я жила за границей. Я помнила Володю со студенческих времен, когда он меня ошеломил, спев «Парус». «Надо же, — вырвалось у меня, — такой противный, а сочинил потрясающую песню».

Поэтому, когда мы случайно встретились на «Мосфильме» и я спросила: «А вы еще чего-нибудь, кроме «Паруса», написали?», у Володи глаза сделались как блюдце: «Ты что, ничего не слышала?!» Он сгреб меня в охапку, повез к себе домой в Матвеевское и пел три часа подряд. Мозги отключились. Это

было чудо, которое заполнило все. Почему я? Почему я ему нужна? Только после того, как мы поссорились и расстались, до меня начала доходить вся идиотичность моего существования в это время.

Однажды Володя пришел к нам домой и попросил у папы разрешения умыкнуть меня на пару дней. И только в самолете я спросила: «А куда мы летим?» — «А почему ты спросила об этом только сейчас?» — «Мне показалось, что мы падаем». Володя хохотал до конца рейса».

Такого рода опека женщины со стороны мужчины безусловно говорит о его увлечении ею... Если не сказать — влюбленности в нее...

Актриса продолжает, отвечая на наши предположения: «Был ли он в меня влюблен? Не знаю, наверное, немножко, если это длилось несколько месяцев. Каждый день я приходила на спектакль или сидела у него дома. Володя писал «Алису в стране чудес», писал трудно, и я кожей ощущала, что я ему нужна».

Видимо, в тот период поэта — и жизненный, и творческий, — ему просто необходимо было иметь рядом с собой Женщину. Иметь не абстрактно и условно, а физически рядом! Друга ли, Музу, но — жизненно и творчески — необходимо! Тогда выбор пал на Ирочку Печерникову...

Откровенно говорит актриса и о своих чувствах, которые она испытывала в те месяцы к Владимиру Высоцкому: «Я его обожала, даже боготворила, наверное. За то, что со своей горы Афон разглядел меня, посадил на ладошку и опустил рядом с собой на вершине. И потом такое же внезапное падение...»

«Чем выше поднимаешься, тем больше падать», — говорят в народе. «Разрыв»... Это короткое и хлесткое слово воплотилось в реальность. Что произошло между актрисой и поэтом?

«Когда очень долго пребываешь в состоянии полета, невольно зарождается ощущение, что так не может быть, — говорит Ирина. — У Володи шел какой-то свой процесс, и ему вдруг захотелось разрушить созданный им же самим волшебный мир. Почему? Не знаю. Я и Володю не знаю, со мной он разговаривал иначе. И вел себя как фокусник со шляпой и кроликом. Может, я казалась ему похожей на Алису из страны чудес. Не знаю. Я всегда была дитя иллюзий. И до сих пор готова поверить в чудо...»

Должна была прилететь Марина Влади. Я так обрадовалась: «Господи, как хорошо!» Но Володя стал каким-то другим, и отношений ему захотелось других. Я спросила: «Ты любишь Марину?» — «Люблю». И все. Наше Зазеркалье мгновенно раз-

летелось на мелкие стеклышки. И я вместе с ним. Володю это жутко злило. В первый раз я его увидела таким. Он все время был щедрый, талантливый, не человек — Бог. Все это было безумно страшно, больно, и я исчезла...»

Что тут думать и говорить? И у актрисы оказались завышенными самомнение, амбиции и запросы. И поэт не смог совладать со своими чувствами. Он — мужчина, и не мог и не хотел больше ждать и что-то предпринимать со своей стороны... Как там в его стихотворении «Из дорожного дневника»: «Ожидания длились, а проводы были недолги...»

Совместные съемки в фильме Александра Митты о крестнике Петра Ибрагиме Ганнибале стали для Ирины Печерниковой и Владимира Высоцкого переломным моментом в их личных, да и творческих отношениях...

«Потом мы встретились на съемках картины «Сказ о том, как царь Петр арапа женил», — вспоминает актриса. — У меня опять был перелом ноги со смещением. Это просто беда какая-то, я все время ломала ноги на съемках. Целый месяц искали другую актрису, но мои костюмы, как Золушкин башмачок, ни на кого не налезали. В конце концов режиссер фильма Митта приехал ко мне: «Ира, сможешь сниматься?» — «Сниматься-то я смогу, боль уже отступила, но мы же там бегаем по лестницам, а я еле-еле на одной ноге стою?» — «Ничего, Владимир Семенович на руках будет носить». — «А вы его спросили?» — «Это наши дела».

Мы снова встретились с Володей. Он носил меня на руках с гипсовой ногой и молчал. А вот сцена безумной страсти в постели у нас никак не получалась. Мы довели бедного режиссера до белого каления: «Вы уже семь дублей запорол!» Тогда мы что-то сыграли. Но так и не заговорили...»

Да, безусловно, это был конец. «Все разбилось, поломалось, нам осталась только малость, только выстрелить в висок или во врага!», — пел когда-то яростно Владимир Высоцкий, впрочем, — по другому поводу... А нынче повод был один: расстаться. Расставались, как оказалось, — навсегда...

«Еще раз я видела Володю много лет спустя. Я уже вышла замуж за Борю Галкина. Мы шли с ленинградской «Стрелы», увидели Татьяну Ивановну Пельтцер и сказали, что побежим, займем очередь на такси.

И вдруг на стоянку приводит ее Володя с каким-то приятелем. Я что-то сказала и вместо ответа получила заряд ярости. Я потом неделю болела. Вот так. Не простил меня Володя...»

«Что тут говорить...» Прямо как в песне Олега Митяева: «Некого винить...»

Совсем недавно популярный журнал «Караван историй» опубликовал огромное интервью, своеобразную исповедь женщины и актрисы. В этой исповеди Ирина много внимания так же уделила своим отношениям с Владимиром Высоцким...

«А с Володей Высоцким у нас странные были отношения. После окончания студии я очень дружила со старшекурсниками. Мхатовцы люди удивительные — они обладают способностью всегда создавать свой театр. И вот образовалась такая компания — Жора Епифанцев, Высоцкий, Сева Абдулов. Под руководством Геннадия Яловича они создавали театр, а я в этом участвовала. Часов в 11 ночи, после спектакля, приходила в клуб КГБ, где они репетировали. Я как сын полка у них была — все меня любили, звали, просто чтоб была рядом. Вот там я первый раз увидела Высоцкого — и возненавидела его всеми фибрами души. Он такой был... Все время цеплялся, острил, издевался. Я его презирала со всей моей детской категоричностью. Как-то раз пришла на репетицию и вдруг слышу — кто-то здорово поет хрипатым голосом: «Парус, порвали парус». Я влетаю — опоздала немножко, — все кучей стоят, слушают. Проползла между ними и вижу, что это тот самый, ненавистный мне... И ляпнула: «Ой, надо же...» Он как раз петь закончил, посмотрел на меня: «Ну, что?» Я говорю: «Надо же, такой противный — и такую песню спел». Он расхохотался.

А потом я перестала туда ходить, и встретились мы только лет через пять в коридоре «Мосфильма». Шли навстречу друг другу в совершенно одинаковых, тогда очень редких джинсовых костюмах, прямо как близняшки. И так обрадовались этой встрече! Он меня спрашивает: «Привет, ты откуда?» — «Из Стокгольма». — «А я из Парижа!» Сели, поговорили, все было очень мило. Я два года провела за границей, ничего о нем не знала, из вежливости решила задать вопрос: «Скажите, Володя, вот вы тогда свою песню пели, «Парус». А вы еще что-нибудь написали?» У него просто шок был. Он меня за руку схватил: «Слушай, тебя Бог послал. Ты вообще ничего не слышала?» — «Нет...» — «Ладно, у тебя время есть?» Я говорю: «Сценарий отдам и свободна. А что?» — «Мне нужно минимум три часа. Пойдем отдадим твой сценарий». Он повез меня к себе домой, куда-то в Матвеевское, и часа два, может быть три, пел. Я для него была как чистый лист. Подружились сразу — насмерть просто.

Помню, у него что-то не складывалось с «Алисой в Стране чудес», работа стопорилась, и мы с Сеовой Абдуловым часто у него ночами сидели. Слушали музыку, трепались, пили джинс с тоником, а Володя сочинял. Иногда приносил листок: «Вот,

родилась строчка». Так было замечательно, какое-то волшебное время...

Он приходил ко мне домой, смешил всех. Мама начальником отдела работала, и у нее осенью всех сотрудников снимали «на картошку». Когда Володя начинал петь «Товарищи ученые», она до слез смеялась. Папе он подарил первую пластинку с военными песнями. И смешно так сказал: «Виктор Федорович, тут в одной про ваше чадо есть целых три строчки. Интересно, угадаете или нет?» Папа послушал: «По-моему, угадал — «Он не в такт подпевал, он всегда говорил про другое...»

— Так это про вас?

— Он не про меня, конечно, писал, просто совпало. Я тоже всегда «не в такт». Однажды Володя приехал — и к папе: «Можете отдать мне ваше чадо на трое суток?» Папа удивился: «Как это?» — «Ну очень надо! Верну в целости и сохранности». — «Ну если очень надо — пожалуйста». Мы садимся в машину, едем в аэропорт. Я думаю: наверное, встречать будем кого-то. Потом почему-то садимся в самолет, летим. Я болтаю, он шутит, смешит меня. И вдруг самолет, как мне кажется, начинает падать — это ямы воздушные, и тут я спрашиваю: «Володя, а куда мы летим?» Он начинает хохотать: «Слушай, а почему ты сейчас-то спросила?» Оказалось, мы летим в Адлер, оттуда едем в Гагры, где они с Олегом Далем снимались в фильме «Плохой хороший человек». Меня Володя оставляет в каком-то домике, я сижу, жду, вечером он за мной заезжает и мы едем в Сухуми на его концерт. Для этого он, оказывается, меня и вывез. Потрясающий был концерт: смешные песни, на которых я закатывалась, он пел, адресуя мне, и весь зал оборачивался. А я сидела с пылающими щеками».

Но такие отношения, чуть-чуть «над обычными», не могли долго продолжаться. В конце концов Володя попытался их изменить, довольно-таки решительно, — и не получилось. Он был для меня как сказочник, а не-сказки мне не хотелось. Я очень долго все себе придумывала: и людей, и ситуации.

Самое забавное, что после этого нам пришлось в фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» изображать в постели безумную страсть. Причем все должно было выглядеть очень смешно, сцена задумывалась как гротеск. Так мало того, что мы с ним даже не начали разговаривать, ему еще пришлось таскать меня по съемочной площадке на руках — я в очередной раз сломала ногу. Вся группа покатывалась со смеху, кроме режиссера. Митта был мрачен и громко возмущался: «Вы мне седьмой дубль запорили!» Сцену мы отыграли, но так и не помирились».

В апреле 2010 года Ирина Печерникова дала большое интервью корреспонденту «Экспресс-газеты». Естественно, не обошлось без вопроса об отношениях актрисы с Владимиром Высоцким. Эта часть интервью, в котором Ирина откровенничает о встречах с поэтом, названа скандально — «Высоцкий был вечно пьяный»...

Корреспондент: «Слышала, что у вас намечался роман с Владимиром Высоцким...»

Ирина Печерникова: «Мы дружили. Вначале я его терпеть не могла. Мы снимались вместе в фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Помню, он вечно пьяный и все время хотел меня ущипнуть, как я его ненавидела!

Когда я с Володей познакомилась, он еще не был слишком известным. Помню, я впервые услышала, как он поет свою песню «Парус, порвали парус». Я тогда вслух сказала: «Надо же, сам противный, а такую песню написал!» Володя после этого меня и запомнил.

Когда я уже приехала из-за границы, мы с ним встретились на «Мосфильме». Я вся модная, в джинсовке, вижу, навстречу идет Высоцкий, я так обрадовалась. Он мне: «ты откуда?» Я говорю: «Из Лондона». А он мне: «А я из Парижа».

Поговорили, покурили, и я его спрашиваю: «Володя, скажи, после песни «Парус» ты еще что-нибудь написал?» Он был в шоке, глаза стали как блюдца. «Ира, мне тебя Бог послал, у меня не получается «Алиса в стране чудес», а ты — как Алиса или Маленький Принц». (В 1976 году был выпущен альбом с песнями Высоцкого в виде двух дисков-гигантов к диско-спектаклю по сказке Льюиса Кэррола. — А. П.)

Вот так мы и подружились, он познакомился с моими родителями. Маме спел про картошку, папе — про войну.

Володя меня возил в Сухуми на свой концерт, думаю, он был в меня влюблен, но между нами ничего не было. А когда закончил «Алису...», то решил, что наш роман должен перейти на другую стадию, ведь мы четыре месяца просто за ручку, образно говоря, ходили.

Он был женат на Марине Влади. Как-то я у Володи была дома, вдруг она звонит, он с ней поговорил. Я его спрашиваю: «А ты Марину любишь?» Он отвечает: «Конечно!» Я оделась и ушла. После этого он со мной даже здороваться перестал».

Первое. Удивляет большое количество предложений в рассказах Ирины, начинающихся со слова «я». Это ячество — следствие собственной гордыни или же превосходства в отношениях и общении с поэтом?

Как можно заметить, сравнив воспоминания актрисы о Владимире Высоцком разных лет, не слишком они отличаются

ся разнообразием. Различия — лишь в несущественных деталях, столь же несущественные, как и сами детали эти...

Да просто и добавить-то больше актрисе по существу темы — нечего... Хотя...

В интервью журналу «Только звезды» Ирина Печерникова поделилась своими планами на будущее: «Сейчас работаю над книгой воспоминаний. В ней будут описаны мои встречи и общение с моими партнерами по кино и театру — Иннокентием Смоктуновским, Олегом Далем, Володией Высоцким, и многими другими...»

Будем надеяться, что у нас еще появится возможность узнать что-то новое и интересное о Владимире Семеновиче Высоцкой из книги великой русской актрисы Ирины Печерниковой!

С нетерпением будем ждать выхода в свет ее мемуаров!

Последним мужем актрисы был актер Александр Соловьев — обаятельный крепкий малый, талантливый человек. Я видел его только раз — в январе 1990 года в краснодарском кинотеатре «Кубань». Саша выступал перед кубанскими зрителями с презентацией нового фильма о нравах современной молодежи. Премьеру картины посетил и автор этих строк. Фильм носил название «Шакалы»: жестокая, трагическая лента, в которой Соловьев исполнил одну из главных ролей.

...Под Новый, 2000 год, в жизнь Ирины Печерниковой вошла трагедия — погиб ее любимый, единственно нужный на всей Земле человек, муж и актер Александр Соловьев. Тот самый Саша Соловьев, который превосходно исполнил роль футболиста и конокрада по кличке Красавчик в фильме Александра Ильича Павловского «Зеленый фургон», снятом по одноименной повести Александра Козачинского в 1983 году на Одесской киностудии.

...Душным московским летом 1980 года на той же киностудии этот же фильм готовился снимать Владимир Высоцкий. И планировал быть не только режиссером картины, но еще и актером — сыграть одну из главных ролей в фильме. Именно — роль конокрада Красавчика!

Смерть поэта не позволила ему осуществить свои планы...

Такие вот мистические совпадения и пересечения в судьбах — уже не только кинематографических — Ирины Печерниковой и Владимира Высоцкого...

КАРЕН ШАХНАЗАРОВ

Карен Георгиевич Шахназаров — краснодарец! Да-да, известный кинорежиссер, снявший великолепные фильмы «Мы из джаза», «Зимний вечер в Гаграх», «Курьер», «Город Зеро», «Цареубийца», «Всадник по имени Смерть», «Палата № 6» и другие, — появился на свет 8 июля 1952 года в солнечной столице Кубани.

«С Краснодаром у меня особые отношения, это город, где я родился, — говорит

Карен: — Мой папа познакомился с моей мамой в Москве, где учился в аспирантуре после окончания Бакинского университета. А мама в то время получала образование в ГИТИСе на театроведческом факультете. Семья жила в бараке — я этот барак хорошо помню — на Красной Пресне, и когда я должен был родиться, отец отправил маму в Краснодар к ее сестре, у которой был домик. Поэтому я и родился в Краснодаре. Когда мне исполнилось семь месяцев, мама вернулась в Москву. С тех пор я в Краснодаре не был», — улыбается кинорежиссер.

Помимо того, что Карен Шахназаров наш земляк и талантливый кинорежиссер и сценарист, он еще и большой руководитель: с 1998 года возглавляет Киноконцерн «Мосфильм».

Рос и воспитывался будущий кинорежиссер и начальник в интеллигентной семье и среде:

— Когда мы получили отдельную квартиру, родители стали часто приглашать гостей, — вспоминает Карен Георгиевич. — К нам приходили очень интересные люди, среди них было много деятелей культуры: часто бывали руководитель Театра на Таганке Юрий Любимов, народная артистка Людмила Целиковская, знаменитый театральный режиссер Анатолий Эфрос, актер и поэт Владимир Высоцкий и многие-многие другие.

— Как раз в те годы Высоцкий стал приобретать широкую известность благодаря своим песням. Вы были его поклонником?

— В нашей среде он был тогда не очень популярен, — признается Шахназаров. — Мы, молодежь, больше интересовались западными исполнителями. Лично я стал ценить его песенно-поэтическое творчество позже, когда повзрослел. В общении Владимир Семенович был очень обаятельным и всегда для меня, подростка, находил хорошие и добрые слова. У меня с ним была не то чтобы дружба, но взаимопонимание. Потом, когда я уже работал на «Мосфильме», встречал его там. К сожалению, работать с ним мне не пришлось, он рано умер, в 1980 году. Я как раз сделал свою первую картину «Добряки». Но я очень ценил его как актера.

Все же, пусть косвенно, но Высоцкий появился в одной из картин режиссера. Точнее, — не он сам, а мелодия из его песни.

В 1985 году на экраны вышел фильм Карена Шахназарова «Зимний вечер в Гаграх». В нем есть такая сцена: главный герой картины степист Беглов (в замечательном актерском исполнении Евгения Евстигнеева) у себя в квартире смотрит телевизор. Показывают мультфильм «Ну, погоди!» — ту серию, в которой Волк по бельевой веревке совершает попытку проникнуть на балкон в квартире Зайца. Забирается же он вверх под мелодию из «Песни о друге» Владимира Высоцкого. И под хохот смотрящего мультик Беглова!

В 2008 году Владимиру Семеновичу Высоцкому исполнилось бы 70 лет. На торжествах, устроенных по этому случаю, Карен Шахназаров стал лауреатом премии Владимира Высоцкого «Своя колея» за 2007 год. Учреждена она была в 1997 году Благотворительным фондом поэта, Министерством культуры России и Комитетом по культуре города Москвы. Идея премии принадлежит сыну поэта Никите Высоцкому. Премию вручают накануне дня рождения поэта людям, чей труд или подвиг достоин внимания и подражания. Людям, которые не изменяют своим убеждениям, людям, чья жизнь и творчество созвучны темам поэзии Владимира Семеновича. Как сказал Никита Высоцкий, «любой из этих людей, получивших премию, мог бы стать героем песни отца. Возможно, он бы захотел посвятить им песню». «Это не премия за достижение в области литературы и искусства, — отмечает Людмила Абрамова, бывшая жена Высоцкого. — Главным критерием для нас в определении лауреатов были люди, способные твердо следовать в жизни своей колее, несмотря ни на какие препятствия и повороты судьбы».

Лауреатам премии вручается почетный знак, номерная золотая медаль, на одной стороне которого высечен профиль

Владимира Высоцкого, нарисованный им самим, с его автографом.

Премию «Своя колея» Карен Шахназаров получил за возрождение Киностудии «Мосфильм». Для того, чтобы справиться с упадком и разрушением, царившими на одной из главных кинофабрик страны в лихие 90-е, он приложил немало усилий и стараний. Спасибо ему за это!

На том же юбилейном вечере, поблагодарив собравшихся за столь высокую оценку своего труда, Карен Георгиевич вспомнил некоторые эпизоды своего общения с Владимиром Семеновичем: «Я не могу сказать, что был близко знаком с Высоцким. Мой отец (помощник Генсека ЦК КПСС, первого президента СССР Михаила Горбачева Георгий Шахназаров. — А. П.) одно время был дружен с ним. Я тогда учился в 10-м классе, мне было 15 лет (в другом интервью Карен говорил, что ему было 14. — А. П.), когда отец попросил меня отвезти в больницу Володе Высоцкому блок сигарет «Кент», которые он с трудом достал. Сигареты в то время достать было сложно, но отец сделал для своего приятеля невозможное.

И вот мы с другом поехали. Володя вышел в пижаме, тапках, взял блок сигарет и сказал мне: «Спасибо, ты меня очень выручил!»

Песнями его тогда я не увлекался — наше поколение больше интересовалось рок-музыкой. «Роллингами» и другими. Он мне больше нравился как актер. И, мне кажется, была у него неиспользованность в кино. Я уже ВГИК окончил, встречал его на студии, и он говорил мне: «Ты сними меня, Карен». Я и действительно думал, как и где его снять, ведь он как актер нравился мне гораздо больше, чем как певец. А когда я начал снимать, он умер...»

Мать Карена Анна Шахназарова несколько по-иному вспоминает о передаче сыном сигарет Высоцкому: «Однажды Володя ненадолго лег в больницу и никак не мог достать «Винстон», а он курил только эту марку сигарет. Георгий достал где-то пять блоков «Винстона», и Карен, который тогда был еще студентом, бросал сигареты Володе через забор. Не помню точно, какая больница, но какая-то психиатрическая».

Как видно из текста, воспоминания сына и матери сильно разнятся. Не сходятся даты, возраст Карена, способ передачи сигарет, да и марки их называются разные... Ну да Бог с ними, с сигаретами! Главное — то, что будущий кинорежиссер действительно встречался и был знаком с Владимиром Семеновичем! А все остальное, как говорится, — детали.

Логично предположить, что, бывая в гостях у Шахназаровых, Владимир Высоцкий пел. Для хозяев и собравшихся в гостеприимном доме. В большом интервью Карена Георгиевича Алине Кабаевой в программе «Шаги к успеху», режиссер коснулся и этой темы:

— В 60-е приходили к нам домой и Эфрос, и Любимов — представьте! — Таганка тогда гремела! Высоцкий приходил...

— Да вы что?!

— Да. Я тогда был юношей и даже записывал его.

— А записи сохранились?

— Да, надо будет как-нибудь заняться ими. Осталось несколько катушек. Что интересно: помимо песен, которые Владимир Семенович исполнял, он ведь еще и комментировал их. Перед каждой песней был какой-то интересный рассказ или комментарий.

Весьма интересные для исследователей творчества поэта и его поклонников сведения! Будем надеяться, что Карен Георгиевич Шахназаров выкроит время и вплотную возьмется за реставрацию уникальных, еще неизвестных записей Владимира Высоцкого. Возможно, совсем скоро, прослушав диск «В. Высоцкий в гостях у Георгия Шахназарова, лето 1967 г.», мы откроем нового, никому не известного поэта и певца Владимира Семеновича Высоцкого.

25 января 2011 года поэту исполнилось бы 73 года. По этому случаю в столице состоялось очередное вручение премий Высоцкого «Своя колея» за 2010 год. Церемонию награждения лауреатов показал 30 января Первый канал. Гостями на вручении премии в тот вечер были Сергей Шакуров, Оксана Акиньшина, Владимир Ильин, Владимир Меньшов, Сергей Безруков, Петр Буслов, Дмитрий Дюжев, Елена Ваенга, Григорий Лепс, Вячеслав Бутусов, Николай Расторгуев, Сергей Шнуров, Гарик Сукачев, Владимир Шахрин, Олег Митяев, Александр Ф. Скляр, группа «Uma2rman», Станислав Говорухин, Вениамин Смехов, Карен Шахназаров и многие другие.

А 21 ноября все того же 2011 года агентство «Интерфакс» — сообщило: «Премьер-министр РФ Владимир Путин высоко оценил художественные достоинства фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой». Председателя правительства встретили гендиректор Киноконцерна «Мосфильм» Карен Шахназаров и генеральный директор Первого канала Константин Эрнст, который выступил одним из продюсеров фильма. Премьеру было чрезвычайно интересно, кто играет Высоцкого, но Эрнст предложил сначала досмотреть фильм, после чего пообещал раскрыть главный секрет фильма».

Действительно, за десять дней до всероссийской премьеры картины ее создатели и продюсеры устроили на «Мосфильме» Владимиру Путину «закрытый показ» своего детища. Вышедший после сеанса к журналистам взволнованный увиденным премьер действительно высоко отозвался о художественных и иных достоинствах ленты. Путин был краток: «Высоцкий» — замечательный фильм!», — подытожил он, явно находящийся под впечатлением от зрелища. Услышав сие изречение, Эрнст и Ко, не дышавшие весь сеанс и поглядывавшие не столько на экран, сколько на приглашенного гостя, наконец-то смогли вздохнуть облегченно...

...Выступая в программе НТВ «Своя колея», посвященной 30-й годовщине со дня ухода из жизни поэта, Карен Шахназаров сказал замечательно: «В чем сила притягательности, неиссякаемого интереса к творчеству Владимира Высоцкого все эти годы? Я думаю, только в одном: в правде, заложенной в его песнях и стихах. Искренность, гражданская честность его искусства — вот то, что, на мой взгляд, не оставляет людей быть равнодушными к делу его жизни».

ЛАРИСА УДОВИЧЕНКО

Лариса Удовиченко — моя любимая актриса. Ну очень красивая женщина! Как она божественно чудесна в фильме Никиты Михалкова «Автостоп», а как смело обнажается в картине Леонида Филатова «Сукины дети»... Мало того, что — красавица, она еще и талантливая. Актерский талант обнаружился у нее очень рано. Девятиклассницей Лара поступила в народную студию актера при Одесской киностудии. Ее тут же заметил режиссер Александр Павловский, пригласив в свою короткометражку «Счастливый Кукушкин», и сразу — на главную роль школьницы Людмилочки.

С ролью, ставшей ее дебютом в кино, Лариса справилась на удивление легко. Через год молодая красавица едет из Одессы в Москву — поступать в театральное училище. Но становится студенткой ВГИКа: юную одесситку приняли в свою мастерскую Сергей Герасимов и Тамара Макарова.

Хорошие роли не заставляют себя долго ждать: кстати, на сегодняшний день их у актрисы в кино около ста. Однако настоящую славу Ларисе Удовиченко принесла небольшая роль проститутки Марии Колывановой по кличке Манька-Облигация в телесериале Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», снятом на Одесской киностудии в 1978 году...

Это теперь ей шутливо кричат: «Манька-Облигация!» А тогда ей было 24! Девушка (вернее, совсем не девушка!) с картинки. Как она дает прикурить Высоцкому! «Будешь?» — сует она ему леденцы. «Да не ем я сладкого». А как обнажает ножку на жегловском допросе! «Маня, ну, что это? Паскудство одно. Тебе работать, работать надо!» Как усаживается поудобней в огромное следовательское кресло и выдает бессмертное про «аблигацию» и «волчину позорного!» «Ну откуда такие выражения, Маня, мы же интеллигентные люди!»

Но это все будет потом...

А сначала режиссер предложил Ларисе роль девушки Вари, милиционера Синичкиной, возлюбленной Воло-

ди Шарапова. Но этот персонаж показался молодой актрисе скучным. Лара от роли отказалась и выдвинула Говорухину «встречное предложение» — сыграть Марусю Кольванову. Станислав Сергеевич категорично ответил: «Манька? Эта роль не для тебя! Или Синичкина, или никто!»

Гордая красавица-актриса молча повернулась и ушла... Но через два дня ассистент режиссера позвонил Удовиченко и попросил ее вернуться на съемочную площадку. Говорят, даже прислал ей на следующий день телеграмму: «Вы утверждены»... Так что роли Маньки-Облигации, которой суждено было впоследствии, как и всему сериалу, стать культовой и знаменитой, Ларочка добилась сама, своим настойчивым характером, буквально выпросив ее у режиссера.

Газета «Комсомольская правда» писала: «С утверждением на женские роли создателям пришлось понервничать. По признанию Конкина, Наталья Фатеева вообще попала в их компанию случайно. На ее роль претендовала Заклунная, но, как рассказывают, Говорухину позвонил Лапин и, что называется, «продавил» ее. В то время ходили слухи, что Фатеева является любовницей одного из чиновников и через него выбивает себе роли... Манькой-Облигацией после проб актрис Нины Ильиной и Натальи Ченчик (сыграла в фильме Лже-Аню) уже собирались утвердить Любовь Полищук, но Высоцкий стал убеждать Говорухина отдать эту роль Ларисе Удовиченко. Говорухин прислушался к просьбе».

Журналисты, берущие у Ларисы Ивановны интервью, частенько пишут, что она с годами все меньше любит вспоминать про этот сериал, да и о Владимире Высоцком почти не распространяется... По-моему, это совсем не так, и Удовиченко никогда не прочь вспомнить в журналистской беседе о работе в киноленте «Место встречи изменить нельзя».

Вот один из ее рассказов о съемках в телефильме и своей роли в нем:

— Лариса, вы изначально должны были играть положительную девушку Варю, но зачем-то выпросили у Говорухина роль Маньки-Облигации...

— Просто я раньше не играла такой яркий, интересный характер. Говорухин, правда, в начале наотрез отказал, даже попробовать меня не стал: «Ты лирическая героиня, не характерная». Затем было много проб с другими актрисами, но в итоге он почему-то вернулся ко мне.

— И, надо сказать, не зря!

— Да, меня до сих пор друзья дразнят Манькой-Облигацией. Я считаю это самым большим комплиментом!..

— Наверняка съемка «Места встречи изменить нельзя» оставила какое-то особо яркое впечатление...

— Ой, когда снималась картина, мне было 24 года. И по молодости я попала в глупую ситуацию. Однажды Говорухин выделил день нашей съемочной группе: «Разрешаю сегодня погулять по значным местам». Съемка проходила в Одессе, в моем родном городе, и я бросила клич: «Ребята, мы должны гудеть всю ночь!» В притоны мы, конечно, не пошли, но остальные знаменитые места не остались незамеченными. А на следующий день я даже боялась дышать на Высоцкого: от меня та-а-ак пахло всяческой ночной жизнью! Я очень неуютно себя чувствовала и готова была сквозь землю провалиться. Но Высоцкий отвел меня в сторону, успокоил, сказал, чтобы я не переживала и не стеснялась. А в довершение подарил жестяную банку английского чая «Earl Grey», тогда это была большая редкость. И чтобы хоть как-то прийти в себя, я целый день пила этот чай.

Вообще, вспоминает Лариса Ивановна, «с этим человеком работалось легко. Своей доброжелательностью, эмоциональностью Владимир Высоцкий вдохновлял беспредельно. Каждым словом, взглядом, жестом он задавал тон партнерам. Импровизировал он — импровизировали мы».

Кстати, об импровизации. Лариса сама придумала сценку из фильма, в которой ее героиня спрашивает Жеглова, как правильно пишется ее кличка: «Помните, Манька спрашивала, как писать: «облигация» или «аблигация»? Я по своей неграмотности не знала и спросила Высоцкого. Володя ответил: «Пиши: облигация». А режиссер Говорухин подслушал и ухватился: «О! Замечательно! Оставим в картине». Правда, теперь Говорухин рассказывает, что это он придумал.

...Сероглазая чаровница, которую многие мужчины сравнивают с ботичеллиевскими красавицами, Лариса Удовиченко, родившаяся в Вене и выросшая в Одессе, старательно отрицает его или ее влюбленность друг в друга: «Это громкие слова... Что сейчас не придумывают, чтобы возбудить интерес читателей к своей газете! Владимир Семенович — воспитанный, интеллигентный, умный человек. А я была молодая, хорошенькая. Естественно, любому мужчине, мне кажется, приятно смотреть на хорошенькую артистку»

Все же, будучи красивой женщиной, к тому же — актрисой, порой трудно удержаться от некоторых пикантных подробностей: «Володя говорил мне: «Ты моя несостоявшаяся любовь». Он так шутил. А я бледнела, краснела, покрывалась пятнами и не знала, что ответить. И все на этом заканчивалось...

Ему было 40. Сейчас кажется — никакой разницы, но в наше время это казалось огромной пропастью. Я к нему относилась как к мэтру, как к великому барду, популярнейшему актеру...»

Размышляя об актерском даровании Владимира Высоцкого, Лариса Удовиченко говорит: «Есть истинное искусство, которое волнует, вызывает слезы, удивление, восторг, надежду на то, что жизнь может начаться заново... Эти ощущения могут вызвать только люди, обладающие истинным талантом. Мне кажется, что Высоцкий сегодня мог бы гениально сыграть генерала Лебеда!»

Что же, интересная, но не бесспорная мысль...

Роль Маньки-Облигации, блистательно и на грани искусства и реальности сыгранная Ларисой Ивановной в сериале «Место встречи изменить нельзя», стала для актрисы звездной на долгие годы. «После фильма актриса получала письма из тюрем: «Не горюй! Выйду — моей будешь!», а один вернувшийся с зоны зэк пришел к ней домой, стучался в ее дверь, так что пришлось вызывать милицию».

Вот она, правдивая сила искусства!

Актриса, сыгравшая в нашумевшем сериале роль асоциальной героини, в жизни придерживается прямо противоположных принципов и ценностей. Лариса говорит: «В отличие от моей героини Маньки-Облигации, я, как и Глеб Жеглов, считаю бессмертным и особенно актуальным сегодня выражение «Вор должен сидеть в тюрьме». А вот с чем не могу согласиться, так с его убеждением, что «милосердие — поповское слово». Каким бы оно ни было, но именно милосердия нам всем сейчас недостает».

Верно сказано, и не поспоришь... Вот такая она, красавица и актриса Лариса Ивановна Удовиченко!

ЛЕВ ПЕРФИЛОВ

...Помните Кашкета из фильма «Старая крепость»? «Раки шевелятся, а я их пивом, пивом, пивом!» А колоритного помощника мафиози Стампа из детского сериала «Приключения Электроника»?

Нет?..

Ну, тогда наверняка зрителю знаком фотограф МУРа Григорий Ушивин по прозвищу Гриша «6 на 9» — из сериала Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя».

У Льва Алексеевича Перфилова (1933 — 2000), заслуженного артиста Украины, — в послужном списке более сотни ролей в кино, и не меньше — в Театрах киноактера Москвы и Киева. Выпускнику «Шуки», знаменитого Театрального училища имени Щукина, Перфилову с молодости доставались в кино роли воров, шпионов и проходимцев. Такое уж закрепилось за актером амплуа. И он его с успехом воплощал на экране. Его эффектную внешность и неповторимый голос можно увидеть и услышать в таких известных фильмах, как «Ненависть», «Таврия», «Будни уголовного розыска», «Поединок», «Слезы капали», «Цыган», «Акваланги на дне»...

Но сам Лев Перфилов своей звездной ролью считал сыгранного им Гришу Ушивина в знаменитом теледетективе. Хотя роль эта, можно сказать, — второго плана. Но она — яркая, и потому — запомнившаяся зрителю. А вовсе не из-за того, что актеру довелось встретиться на съемочной площадке и сниматься с Владимиром Высоцким.

Актер вспоминает: «А в говорухинскую группу я попал просто.

Как-то я оказался в одном кадре с Говорухиным: он играл белого генерала Дутова, а я — начальника штаба Белой армии. Не помню названия фильма, снимался он в Одессе. Какой-то очередной фильм о революции, они мало чем отличались друг от друга.

А до этого я прочел книгу «Эра милосердия» и услышал, что Слава будет снимать. И я попросил у него роль одного

из бандитов «Черной кошки», потому что до этого наигрался бандитов уже вот так!.. И немцев тоже. Я грешу на фильм «Таврия», потому что там я сыграл отрицательный персонаж и, наверное, так, что меня стали приглашать только на отрицательные роли. Вот с этой физиономией мне уже и жить. Как-то попросил сыграть партизана, мне сказали: нет, вот будут немцы — придешь. И стал я играть немцев, бандитов, алкоголиков, проходимцев разных... Поначалу я как-то даже обижался, а потом понял, что это мне просто судьба подарила возможность играть.

И вот я Славе говорю: «Я ничего делать в картине не буду. Буду только ходить среди банды и все. И будет все ясно: раз этот тип в банде — то это еще та банда!» А Говорухин, вы же его знаете, как-то так устало махнул рукой: «Да ладно, ты другого стоишь. Будешь играть у меня Гришу Шесть-На-Девять». И ушел.

Я думаю, у него уже заранее были распределены роли. Во всяком случае, разговор был очень короткий, без всяких проб. То ли потому, что мы вместе когда-то были в кадре, то ли он меня видел до этого. Я прочел сценарий, мне роль понравилась сразу. Ну, Господи, здесь же не надо ничего придумывать. Я впервые, может, даже растерялся, потому что когда играешь отрицательную роль, всегда находишь какие-то краски, штришки... А здесь красок особенных не было, поэтому я просто стал играть свою суть в тех обстоятельствах, которые предлагались: я так же шкочничал, так же улыбался, как в жизни, чего-то придумывал. Там ведь много фраз, придуманных просто по ходу съемок... Это была та роль, которую я ждал всю жизнь, то есть взять и сыграть самого себя: и с юмором, и... аккордеон пригодился. Я еще раз перечитал сценарий и понял: ой, братцы, как хорошо! Хотя там и играть в общем-то было нечего, но мы стали придумывать, импровизировать... Почему легко было играть в этом фильме? Потому что Слава давал нам возможность поимпровизировать. Он иногда приходил и говорил: «Я не знаю, как это снимать. Давайте, попробуйте, ребята». И мы все начинали пробовать, предлагать ему чего-то такое, то есть он нас как бы разминал, разминал, разминал... А потом говорил: «А снимать, ребятки, будем вот так. Приготовились». Всегда спокойный такой...

С Вайнерами я познакомился только когда снимали сцену со «студебеккером», а до этого я их не видел, ведь просмотров никаких не было. Мне Слава сказал: «Иди, читай сценарий» — и все. Знаю только, что произошел какой-то спор по

Шарапову, ведь Конкин в то время был живым памятником Островскому...»

Личное знакомство Льва Перфилова с Владимиром Высоцким состоялось задолго до их совместных съемок в сериале «Место встречи изменить нельзя».

«А теперь о Володе. Когда-то давным-давно, когда я еще учился в институте, я шел с кем-то по Москве. Володя тогда только-только начинал петь, причем пел он тогда такие, как бы блатные песни... Я шел с кем-то из актеров «Таганки», сейчас уже не помню, с кем. Мы шли мимо Володиного дома и мой дружок сказал: «Давай зайдем к этому парню». Но у нас с собой не было денег, а в гости идти без бутылки как-то неудобно, так мы и прошли мимо дома. Это была моя первая несостоявшаяся встреча с Володей».

А во второй раз... Я ехал сниматься к Алову и Наумову в картину «Легенда о Тиле». А у нас в Киеве есть такая актриса Рита Кошелева, она снималась с Высоцким в «Вертикали» и попросила меня зайти на «Таганку», передать ему привет. Оказывается, песенку «Скалолазочка» он подарил ей, хотя все женщины, которые были заняты в этой картине, говорят то же самое о себе. Ну, не важно. Во всяком случае, она очень хорошо отзывалась и всегда говорила о Володе с восторгом. И меня попросила: «Пожалуйста, зайди». Я зашел. Посмотрел «Антимиры». У меня там было много знакомых актеров, поэтому попасть на «Таганку» было не сложно. Да и во всех московских театрах были знакомые: с кем-то учился, с кем-то снимался. После спектакля я стал дожидаться Володю, стоя у доски приказов. Он вышел, я поздоровался, сказал: «Вы мне нужны». И вдруг в ответ услышал грубое: «Подождешь!» Ничего себе заявочка! Он очень медленно стал одеваться, переобувать ботинки, зашнуровывать их... Потом подошел ко мне: «Ну, чего тебе?»

И вот здесь я выматерился чисто по-коломенски: «Что ты вые...! Что я тебе — соль на палец насыпал? Что ты со мной так разговариваешь?! Я к тебе приехал из Киева передать привет от актрисы Кошелевой. И все. Больше я тебя знать не хочу. Мне от тебя ничего не надо! Че ты со мной разговариваешь, как будто я тебе что-то должен?! Ты — актер, и я — актер! Ты — Высоцкий, а я — Перфилов! Ну, извини, я из Киева, ты — в Москве... Между прочим, я щепкинец...»

Он тут же расцвел совершенно, когда услышал про Кошелеву. Стал извиняться, что якобы он меня перепутал с каким-то администратором, который его преследует месяцами, что-

бы только выступил «Ты меня прости, — говорил он. — Я думал что опять этот тип, от которого я не могу отделаться. Если б я знал, кто ты...»

Я, конечно, его тут же простил. Володя меня пригласил в ресторан: «Пойдем, поужинаем». Но у меня первое чувство отторжения все-таки перевесило и я отказался: «Володя, извините, я не хочу отнимать у вас время. Я свое дело сделал, привет вам передал, массу хороших слов Рита вам сказала, я вам их повторил». И все.

Вот это была вторая встреча. Ну, и потом третья — на площадке. И когда я его спросил, помнит ли он ту давнюю встречу в театре, Володя ответил, что нет. Да у него таких встреч было навалом и он действительно мог и не помнить».

Фильм «Вертикаль», упоминаемый Перфиловым в воспоминаниях, вышел на экраны в 1967 году. А значит московская встреча актеров состоялась году в 1968-69-м.

Лев Алексеевич, несмотря на свое киношное амплуа, в жизни был человеком скромным и тихим. В своих немногочисленных интервью Перфилов практически никогда не рассказывал о знакомстве с Высоцким и уж тем более — не хвастался им.

Редкому журналисту удавалось «раскрутить» актера на воспоминания о съемках в сериале «Место встречи изменить нельзя» и общении с Владимиром Семеновичем... Тем ценнее эти редкие и уникальные рассказы:

— Вы не обижаетесь на шепоток: «Смотрите, Гриша «б на 9» идет!»?

— Меня даже радует, что зрители воспринимают Льва Перфилова прежде всего как Гришу «б на 9». Мне эта роль дорога, ведь до этого я играл сплошное жулье.

— Почему финал картины отличается от книжного?

— По версии братьев Вайнеров, Варя, невеста Шарапова, гибнет, причем именно в тот день, когда ее увольняют из милиции. А Говорухин решил сделать хэппи-энд. И очень правильно: народ не любит трагических концов.

— Ходят слухи о продолжении сериала...

— Это народная молва. Не так давно я был в Москве и встречался со Станиславом Говорухиным и Аркадием Вайнером. Они мне категорически заявили, что это практически невозможно, да и не нужно. Действительно, в отечественном кинематографе продолжения всегда неудачны. Кроме того, зрителям будет не хватать Володи Высоцкого. Потому что, как ни странно, героем получился именно Жеглов, а не Шарапов.

— Вечерами после съемок вы, наверное, все вместе слушали, как Высоцкий пел?

— Я себя не умею навязывать, а меня он не приглашал. Мы с ним встретились только на картине, а Высоцкий вот так сразу близко к себе не подпускал...

Журналистам уже не существующего еженедельника «Успех» повезло больше — им удалось услышать от Льва Перфилова ответ на вопрос о Владимире Семеновиче:

— Легко работалось с Высоцким?

— Очень легко. Хотя первая встреча с ним оставила неприятный осадок. Я привез ему устный привет от одной киевской актрисы, но он отреагировал очень грубо. Мол, а ты, чувырло, кто такой? Меня это взбесило: подумаешь, ты — Высоцкий. А я — Перфилов! Ты актер и я актер...

О заносчивости и «звездняке» Владимира Высоцкого рассказывал в интервью не только Перфилов. Многие участники съемочного процесса попали под пресс и негативное отношение к себе со стороны поэта — Конкин, Садальский, Юрский и другие... Что подделаешь — такой уж был у него характер. К тому же, к 40 годам Владимир Семенович уже, что называется, «знал себе цену» и ощущал себя ВЫСОЦКИМ! И этим все сказано...

Первый раз режиссерская команда «Мотор!» на съемках сериала «Место встречи изменить нельзя» прозвучала 10 мая 1978 года в славном городе Одессе, в Парке культуры и отдыха.

Журналист Федор Раззаков пишет об этом: «Снимаются эпизоды «в бильярдной»: Жеглов (Владимир Высоцкий) находит там вора Копченого (Леонид Куравлев) и, гоняя с ним шары, заставляет его признаться, откуда он взял браслетик в виде змейки с одним изумрудным глазком, принадлежавший до этого убиенной Ларисе Груздевой.

Съемки начались около десяти часов утра и продолжались до четырех вечера...

Вот какие воспоминания о начале работы на съемочной площадке фильма остались у Льва Перфилова (он же, как мы помним, — фотограф Гриша Ушивин, «6 на 9»): «Высоцкий совершенно не умел играть в бильярд, и все забитые им на экране шары были забиты Леной Куравлевым...

Из-за отсутствия вентиляции в бильярдной курить там нельзя было, и нам периодически предоставляли пятнадцатиминутный перерыв. Выйдя на воздух в один из таких перерывов, я увидел стоящих неподалеку Марину Влади с какой-то женщиной.

Мы вежливо поздоровались, улыбнулись друг другу, и я, естественно, решил вернуться позвать Высоцкого. Но он появился в дверях сам, увидел Марину и, вместо того, чтобы броситься к ней, уйти вместе посторонних глаз... затанцевал на крыльце бильярдной. Это был какой-то непонятный, сумбурный, радостный танец, похожий и на «цыганочку», и на «яблочко», с чечеткой, криками какими-то восторженными восклицаниями. Марина Влади улыбнулась. А я с любопытством ждал — что же дальше?

А Высоцкий эффектно закончил танец, широко раскинул руки, засмеялся и... ушел в бильярдную. Марина Влади и ее спутница пошли к ближайшей скамейке, сели, о чем-то тихо заговорили...

Свидетели же этой сцены разочарованно переглянулись — так хотелось, чтобы он бросился к жене, и все стали бы свидетелями их встречи «при всем честном народе».

Удивленный, я вернулся в бильярдную и увидел, что съемка продолжается, жужжит камера, Высоцкий работает... Я был убежден, что приезд Марины Влади — достаточная причина, чтобы немедленно отменить съемку. Или Говорухин ничего не знает? Неужели Высоцкий ему ничего не сказал? Надо ему сообщить — в конце концов, она прилетела из Франции, чтобы повидаться с Володей!

Я решительно направился к режиссеру, но тут он хлопнул в ладоши и громко крикнул:

— Спасибо! На сегодня все! Съемка окончена!

Ну, вот так-то лучше.

Я смотрел, как удалялись Марина Влади, Володя и незнакомая женщина по аллее парка, и очень хотелось услышать, о чем они говорили...»

Не очень порядочные, какие-то постыдные, «пионерские» воспоминания... Ах, как хотелось быть Льву Перфилову «в свите», рядом с «королем», первым — побежать, сообщить, предупредить... Чтобы удостоиться похвалы или награды от «короля». Может, тот бы в «фавориты» произвел... А потом еще и подслушать — не о нем ли, не о его «верной службе» говорит удаляющаяся королевская свита...

Увы...

«Король» Владимир Высоцкий со «свитой» направилась на дачу к режиссеру Станиславу Говорухину отмечать сороковой день рождения Марины Влади, по случаю совпавший с первым съемочным днем сериала. Льва Алексеевича с собой они не позвали...

Впрочем, это уже другая история...

Но в ней, как в капле воды, мудрый актер разглядел душевное и духовное одиночество поэта — среди веселого и пирующего окружения...

Наиболее подробные воспоминания о съемках в сериале и обстановке, царившей на съемочной площадке и вне ее, Лев Перфилов поведал в беседе с сотрудниками журнала «Вагант» в 1996 году: «Работать с ним было не трудно. Я помню даже, как обнявшись (я положил ему руку на плечо, он взял меня за талию) мы ходили с ним минут пять, думали, обговаривали, как снимать сцену после смерти Векшина. Каждый раз Володя что-то предлагал. Ведь это же он придумал тот стул, на котором только сидел Векшин и на который теперь никто не садится. Нет, с ним очень легко было работать, с самого начала, с самой первой сцены. Она вдруг сама пошла, как будто мы давным-давно работаем вместе, работаем в одном театре, то есть никаких таких приглядок друг к другу не было. Никогда я не ощущал, что он — Высоцкий. После съемок — да, он мог отказаться ехать с нами, мог сесть в свою машину и уехать. Дистанцию он держал. Да, дистанция с нами у него была, но... после съемок.

А почему? Я понимаю, почему. Я, так сказать, не очень увлекался его песнями. У меня по этому поводу свое ощущение было и есть. Я, например, не могу простить Евтушенко то, что он стал писать стихи как бы... на потребу. Раньше он точно так же, как Высоцкий, шел напролом, а потом вдруг его купили. Я понимал, что Высоцкого не купили, поэтому у него сложная судьба, поэтому у него и дистанция была. Я это понимал и не лез к нему, да и вообще я не люблю лезть в душу.

Я до сих пор помню эпизод, когда мы озвучивали фильм. Мы все стояли кучкой и Володя был с нами. Вдруг какой-то такой юркий человечек к нему подбежал, обнял его, хлопнул по плечу и сказал. «Ты знаешь, Володька, я вчера слышал твою новую песню. Старик, это потрясающе!» Играл больше на нас: дескать, вот в каких я тесных отношениях с гением. А этот гений откровенно, при женщинах, сказал: «Слушай, поди ты...!» И тот ушел.

Я понимал, что его без конца эти прилипалы достают, поэтому он и держится даже среди нас так... Но, тем не менее, если я подходил: «Володь, дай закурить...» — он доставал свой «Винстон»... То есть, он и сигаретой мог поделиться, и помочь старался, как мог.

Помню, как однажды молодая гримерша остригла ему больше волос, чем надо. Он что-то ей рывкнул и она разрыдалась... А потом он сидел с ней, обнявшись, спиной к нам и

что-то тихо объяснял. Она была вот с такой улыбкой, счастливая! Вот ЭТО его характеризует. Другой бы даже не обратил внимания — рывкнул и ушел, и оставил бы ее плачущей. А он — нет. У него было какое-то бережное отношение, он очень любил людей, по-моему. Но сторонился, боялся, что его в очередной раз ударят... Он знал к себе такое отношение — официальное, что ли, он боялся, другой раз, на людях и приближать к себе человека, чтоб не дай Бог лишний раз не ткнули в того пальцем: «И ты такой же, как Высоцкий!»

Нормальные были у меня с ним отношения, нормальные, чисто актерские, что ли. У нас с ним на площадке не было никаких трений, ни одного конфликта, никогда. Только однажды, я помню, мы с ним столкнулись плечами при входе в автобус: я — входил, а он — выходил. Я извинился, а он сказал: «Чего толкаешься? Ты на драку нарываешься?» И мы рассмеялись...

Говорят, что Высоцкий часто заменял Говорухина на площадке. Я не думаю. В то время, когда я снимался, этого не было. Он не режиссировал, в моих эпизодах был только Говорухин. Вообще, если говорить по ощущениям, то картина была снята Говорухиным как бы спустя рукава, то есть особенного какого-то режиссерского шума вокруг картины не было. Шума, когда режиссер бегаёт по площадке, кричит, шумит, творит, — нет. Надо знать Говорухина. Говорухин всегда оставался Говорухиным. Съёмка картины как-то очень спокойно прошла. Единственный раз, я помню, был шум, когда Высоцкий неожиданно улетел во Францию, и мы всей группой неделю сидели в Москве, ждали. Я не знаю, что там случилось, но Володя пришел, что-то сказал Говорухину, сел в машину и уехал...

Он вернулся мрачный-мрачный. Оттуда он вернулся просто другим человеком, он никого не подпускал к себе. Помню, я поздоровался, он не ответил, и у меня было такое ощущение, точно я помешал ему думать о чем-то важном...

Когда состоялась премьера фильма, я не помню. Картина сначала прошла на Украине, потому что снималась на Одесской киностудии. Как таковой премьеры, «встречи со зрителем» не было. Картина была показана по телевидению и я сразу стал знаменитым! После этого фильма прохода не было, конечно. Кличка Шесть-На-Девять так и прижилась. Так что у меня теперь две клички Кашкет и Шесть-На-Девять.

Мы с Володей в общем-то и не дружили — так, одна картина — полтора года мы были вместе. А после съемок мы с ним больше и не встречались, нас жизнь как-то разъединила я на съемках, он — тоже. Я знал, что он снимался в «Маленьких трагедиях», я работал на другой картине. Время было зо-

лотое — я снимался сразу в двух-трех фильмах и мотался по республикам, где только мог...»

Лев Перфилов тяжело переживал смерть поэта: «Я думаю, что если бы Высоцкий в последний год своей жизни не был одиноким, он бы не запил. Для меня смерть Высоцкого — это смерть сына. Ничего себе, да?..»

«Думаете, почему актеры выпивают? Чтобы снять стресс, — рассуждал актер в одном из последних своих интервью. — Я не пью только потому, что очень болезненно пережил смерть Володи Высоцкого. Тогда я провожал его по-своему — две недели пил со всеми подряд, чуть следом не ушел, а потом дал себе слово: как можно лучше сохранить себя для зрителей и играть так, как играл он — ни секунды лжи, не бередь себя!...»

В интервью московскому журналу «Вагант» Лев Алексеевич подробно остановился на теме смерти поэта: «Мне кажется (прости меня, Господи, если я грешу), что к смерти Володи и Марина приложила свою ручку...

О смерти Володи узнал в Свердловске. Я снимался на Свердловской киностудии в каком-то революционном фильме, играл там какого-то баптиста, который все призывал к миру, когда вокруг все стреляли друг в друга.

Приехал актер из Москвы и сказал, что умер Высоцкий — об этом якобы передали по Би-би-си. Но у нас ведь отношение к Би-би-си было соответственное: треп собачий! Когда мы пошли сниматься, то слушали целый день радио — там у нас приемничек стоял. И мы услышали, что умер Володя. Я пытался вынырнуть из Свердловска в Москву, но не получилось. Я просто элементарно не успевал...

Было ощущение боли. Было. Причем, вот меня сейчас спрашивают — почему не пью. Хотите верьте, хотите нет, но я вам расскажу, как тогда все было.

Когда я узнал, что Володи не стало, мне очень хотелось налить в стакан водки и помянуть его, но я знал свои способности, знал, что тогда уже не остановлюсь. А у меня за спиной было три картины, и я понял, что если возьму стакан, то я их просто сорву. «Заторчу» в Свердловске, и надолго... Поэтому я спокойно отснялся в Свердловске, отснялся в Одессе и в Минске и поехал домой. Денег у меня было навалом после трех картин и я набрал две сумки горючего. Такая тоска у меня была. Дома я налил в стакан водку, бросил туда часы, сказал «Ну все, Володя, время остановилось, поехали». Выпил этот стакан и «гудел» я недели три, я пил со всеми, с кем толь-

ко мог... Пил с алкоголиками, с милиционерами, с военными, я рассказывал им о нашей картине, рассказывал о Высоцком, бродил по Киеву и пил. И поймал «белочку»...

А незадолго до этого я попал в автомобильную аварию, к счастью мы все остались живы. А когда я начал пить, то стал бояться машин. Даже когда было пустое шоссе, я все смотрел — есть машины или нет. И даже во сне боялся, что мою кровать могут переехать. Я ничего не ел — только сигареты и питье. С водки я перешел на бормотуху Деньги кончились — из друзей сразу вокруг никого не стало. Однажды я сидел на лавочке, пил в какой-то компании алкашей и вдруг увидел белую машину, белую «Ладу» — точно такую же которая в нас врезалась в той аварии. И тогда я заорал «Что ж ты со мной делаешь? Сколько ты будешь меня преследовать?!» Я встал и пошел на машину. Я устал от всего, мне уже было все равно. Какие-то люди меня подхватили посреди дороги, где две машины чуть не столкнулись. И здесь я отрезвел.

Вот так на меня подействовала смерть Володи. Причем не только эта смерть. Оно как-то сразу все наложилось: до этого, например, ушел Дворжецкий, еще раньше — Женя Синицын, мой однокурсник, Леша Эйбоженко... Я все думал: «Как же так?» Помните у Горького есть: сам факт смерти на всех скверно действует... Вот этот сам факт: почему в сорок два? Значит и я смертен? Произошла переоценка какой-то своей собственной жизни, что ли... У меня дома были неприятности, у меня со второй женой были неприятности. Пока я мотался, она... То есть, все свелось одно к одному, и отсюда, наверное, родилась у меня эта фраза «Время остановилось...» Все. Я больше ничего не хотел, я устал. Володина смерть стала последней каплей по настроению. И эта капля — смерть Высоцкого — так повлияла на мою дальнейшую жизнь. Я вдруг как бы осознал всю суету сует: был человек нужный всем и вдруг — ушел... Какая-то шторка вдруг задернулась на окне и стало темно, и все — душа умерла. Я сорвал три картины — меня приглашали, я не поехал сниматься.

Так я маялся, пока не отрезвел на этой дороге. И тогда пошел к врачу и сказал: «Спрячь меня хотя бы на три месяца, только так, чтобы я не смог выйти». И он меня спрятал. Потом я год мучился, все-таки тянуло, хотелось выпить, но я это выдержал и сейчас совершенно не пью. Знаете, мало говорить хорошие слова о Володе, говорить о том, что был с ним знаком, что судьба мне подарила встречи с Высоцким. Я сейчас скажу, может быть, банальную вещь, но во мне произошел слом

и я внутренне дал себе слово продолжать его дело. Не в смысле — брать гитару и писать песни, а надо сниматься так, чтобы не было стыдно, надо говорить людям правду, надо перестать унижаться перед режиссерами, которые иногда бывают намного бездарнее, чем ты сам. Я вдруг понял, что надо удержаться на Земле во что бы то ни стало, надо завязать с питьем — прежде всего потому, что уйти с этим делом очень легко. Я сказал себе: «Левка, имей в виду, что тебя не случайно взяли в театральные, и не случайно снимают в кино. И хватит тебе разбираться с неверными женами, дожись свою женщину, ту, что предназначена тебе...» Вот какую огромную переоценку всех жизненных ценностей дала мне смерть Высоцкого».

МАТЛЮБА АЛИМОВА

Удивительно красивая женщина, талантливая узбекская актриса Матлюба Алимова известна российским зрителям по звездной роли гордой и дикой цыганки Насти в популярной советской мелодраме о судьбе Будулая — фильме режиссера Александра Бланка «Цыган» и коварной Ирины — царицы византийской из картины «Василий Буслаев». Ученица Алексея Баталова, окончившая актерский факультет ВГИКа в 1978 году, она практически не изменилась с тех пор!

Но не многие знают, что в 1979 году Матлюба исполнила роль страстной Лауры в трехсерийной ленте Михаила Швейцера «Маленькие трагедии». Во время съемок которой она познакомилась с Владимиром Высоцким, исполнявшим в той же картине роль Дон Гуана, и стала его партнершей по фильму.

В одном из интервью актриса признавалась:

— ...Насколько известно, вашим дебютом были «Маленькие трагедии»?

— О, «Маленькие трагедии» — это почти как обморок. Но не от страха, а от восторга. Ведь какой состав: Смоктуновский, Бурляев, Белохвостикова! Ну и, конечно, Владимир Высоцкий.

— Тогда-то вы с ним и познакомились?

— Знакомство наше состоялось чуть раньше — в 1978 году, еще перед съемками, и то, что сразу возникло между мной и Володей, можно назвать лишь особенным духовным родством. Нам не было дискомфортно друг с другом. Напротив. Я была настолько непосредственной девочкой, что, не задумываясь, сразу стала называть его по имени и на «ты». Весь «Мосфильм» тогда был в шоке. Чуть позже я поняла, почему. Его все, за исключением лишь Швейцера и Софьи Абрамовны Милькиной (жены и сорежиссера М. Швейцера), называли по имени-отчеству, а когда он входил в павильон, все разговоры моментально замолкали. При нем все разговаривали шепотом.

— Что это было? Страх или зависть?

— Ни то и ни другое. Скорее уважение, доходящее до какого-то трепета. Несмотря на свой невысокий рост, Володя всегда казался мощным, громадным существом. Это вообще была какая-то громадная, непонятная силища.. Мне нравится, как сказал про него Гафт: «Ты просто наш советский гений», и это проявлялось во всем.

А потом, собственно, были сами съемки в кинофильме «Маленькие трагедии» ..

«С Высоцким очень легко было работать. Сразу же возникло чувство, что мы знакомы всю жизнь», — признавалась позже актриса.

В другой беседе с журналистами Матлюба более подробно рассказала об атмосфере, царившей на съемочной площадке фильма и о знакомстве с Высоцким:

— Говорят, вы были подругой Высоцкого?

— Из-за наших добрых отношений пришлось выслушивать немало сплетен и грязи — так часто меня записывали в любовницы к Володе. По-настоящему познакомились мы на моей дебютной картине — «Маленьких трагедиях». Я была Лаурой: представляете, как поначалу было боязно играть с Белохвостиковой, Калныньшем и находившемся в зените славы Высоцким! Я как-то сразу перешла с ним на «ты». И, конечно, все тут же решили, что у нас с Володей роман.

— А комплименты Владимир Высоцкий вам говорил?

— Говорил, конечно. Он вообще был джентльменом в высшем понимании этого слова. Но я девушка непредсказуемая. Если есть в жизни какие-то стандарты, то у меня их до сего дня нет. И даже Володя порой не знал, как вести себя со мной. Терялся. Мог, например, любя сказать: «Ну, тебя надо немного откормить» (смеется).

— А не возникало слухов о ваших с ним «особых» отношениях?

— Было и такое. Особенно после того, как он заехал за мной перед концертом на своем знаменитом «Мерседесе»-спорт шоколадного цвета. Тогда вся гостиница на уши встала в надежде узнать, кто же новая избранница Высоцкого. Даже после его смерти, когда меня где-либо встречали, все спрашивали: «Ну, как? Ты хоть спала с ним?» И, услышав отрицательный ответ, говорили: «Ну и дура!»

Да, едва ли не с первой же встречи Владимира Высоцкого с Матлюбой Алимовой в павильоне «Мосфильма» киношный люд, работающий в картине, сразу заподозрил, что между актерами возникли романтические отношения.

Итак, — представьте огромную площадку студии, работает безумное количество людей... Творческий гул — кипит работа. «Но стоило Высоцкому только появиться в дверях павильона, — вспоминает актриса, — как все вдруг начинали говорить исключительно шепотом. Мне об этом никто не говорил — сама заметила. Идет человек, небольшого роста. С роскошным голосом, и говорит всегда в полтона. Но каждое слово слышно. В нем такая мощь была, что мне казалось, будто все в стеночку вжимаются при его появлении и начинают говорить шепотом. Автопилотом — не договариваясь. А я сразу перешла с ним на «ты». Мне и в голову не приходило сказать «вы»...»

В киногруппе пошли разговоры... Воспитанная в восточной строгости, Матлюба даже не понимала, что сама провоцировала эти сплетни.

«Еще перед съемками, — рассказывает Алимова, — он пригласил меня на свой концерт. Сам заехал за мной на своем «Мерседесе», остановился у Мосфильмовской. Все из окон выглядели — поглазеть...»

Через год после съемок, когда Володи уже не стало, меня ловили на «Мосфильме» малознакомые люди и выпрашивали: «Ну, ты хоть с ним спала?»

Слухи — слухами, но, между тем, критика весьма холодно отнеслась к роли, исполненной актрисой Матлюбой Алимовой в «Маленьких трагедиях». (Как, впрочем, и роли в исполнении Наталии Белохвостиковой). За несколько дней до смерти Владимира Высоцкого газета «Советская Россия» поместила на своих страницах рецензию на показанный накануне по телевидению фильм Михаила Швейцера. Кинокритик Э. Линдина, высоко оценившая, кстати, последнюю (как оказалось) работу в кино Владимира Семеновича, в частности писала: «Дон Гуан (Владимир Высоцкий) в «Каменном госте» в чем-то несет в себе черты и Чарского, и импровизатора. Словом, прежде всего и больше всего он — поэт, и этим пронизано, определенно, его отношение к жизни. Несмирение — особенность характера всякого художника — ведет его из изгнания в Мадрид, в дом Лауры, где Дон Гуану грозит смерть. Несмирение сообщает настойчивость и силу его увлечению Донной Анной. Дон Гуан бросает вызов — людям, судьбе, року и так же смело вступает с ним в бой. В. Высоцкий создает характер Дон Гуана как бы несколькими ударами кисти, освобождая роль от подробностей, частных. Отсветы счастья — а этот человек умеет быть счастливым — контрастно оттеняют трагический склад его характера. Смерть Дон Гуана от «каменной десницы» Командора, принятая им с настоящим достоинством, под-

водит итог прожитой жизни, где были и щедрость, и красота, и ощущение полноты уходящих дней. Жаль, что Н. Белохвостикова — Донна Анна и Лаура — М. Алимova заметно уступают своему партнеру В. Высоцкому, не сумев передать поэтическое начало этих ярких женских характеров...»

«Признаюсь, для меня он до сих пор не умер. Я только в начале этого года впервые побывала на его могиле. Памятник ужасный...»

Вот такие воспоминания остались у очаровательной актрисы Матлюбы Алимовой о знакомстве и творческом общении с Владимиром Высоцким.

А в переводе с узбекского имя Матлюба означает Желанная!...

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

...2 июля 1996 года одессит и юморист Михаил Михайлович (наст. отчество — Эммануилович) Жванецкий (1934 г. р.) выступал в Краснодаре. Перед выступлением мы познакомились: поздоровались, обменялись рукопожатиями, разговорились... Я отвесил несколько комплиментов мэтру, касающихся его творческого таланта. Он, поблагодарив в ответ, с удовольствием провел автограф-сессию, подписав мне свои книги. (После этого я с одесситом еще несколько лет состоял в яркой переписке)

А потом было, собственно, само действие — Михаил Михайлович выступал долго, с присущими ему юмором и жестами, мимикой и интонациями он читал свои старые и новые остроумные монологи. В зале было весело и душно. Часа через полтора, подустав, с явной целью «сбавить обороты» и немного отдышаться, передохнуть, Жванецкий предложил зрителям задавать ему вопросы в письменной форме.

Переполненным концертным залом было направлено адресату всего две вопросительные записки — от моего соседа по креслу и от вашего покорного слуги Сатирик мгновенно раскрыл их и про себя прочитал поступившие вопросы — один за другим. Первой была прочитана записка соседа, второй — автора. Михаил Михайлович, ознакомившись с их содержанием, сказал: «Да... Вот. Спасибо! Да...» и быстро ответил на первый вопрос зрителя — он касался творческих планов писателя. Сосед услышал из первых уст ответ на свой вопрос. Жванецкий как бы нехотя, спешно ответил, чтобы (это чувствовалось!) поскорее перейти ко второму вопросу — интересному, неожиданному и очень памяtnому для него. Ваш покорный слуга попросил Жванецкого: «Дорогой Михаил Михайлович! Расскажите, пожалуйста, о своем знакомстве и встречах с Владимиром Высоцким. Слышал, что у Вас с ним намечался серьезный проект. Расскажите об этом. Спасибо».

Жванецкий был взволнован! Записку эту он прочитал вслух; зал, а особенно — автор этого вопроса, — внимательно

ожидали, как ответит одессит на этот вопрос, что интересно-го и неизвестного он расскажет...

После непродолжительной паузы Михаил Михайлович начал отвечать (вспоминать): «Ну что рассказать о Володе?.. Действительно, мы были с ним знакомы, общались. Были приятелями. Я бывал на его концертах, он — на моих выступлениях, хотя выступал я тогда не так часто и много, как он. Вот... На спектаклях я его бывал на Таганке — это было потрясающе, это было непередаваемо! Володя был великий актер, и то, что мы все, зрители, могли наблюдать на сцене театра, сделано и сыграно было им гениально. Хлопуша. Гамлет. Да! Вот все это было здорово!

Встречались мы не то чтобы часто, но регулярно. Где-то с конца 60-х. Володя был личностью творческой, всегда окруженный друзьями, женщинами, партнерами по театру и кино, вот, и не слишком располагающий из-за этого свободным временем.

Он как-то нашел меня и предложил сотрудничество. Организовать и показывать нечто вроде совместных концертов, выступлений. Гениальный ход с его стороны, дерзкий.

Я по незнанию согласился. Мы встречались, что-то обсуждали, что-то придумывали, импровизировали. К нашей затее подключилась Марина.

Потом мы встретились на теплоходе «Грузия», в круизе, и там продолжили думать над своим проектом. На «Грузии» был капитаном наш общий с Володей знакомый — Анатолий Гарагуля. Володя хотел назвать наше детище «Москва — Париж», и показывать его в Союзе и во Франции. Высоцкий поет, я читаю, Марина читает или поет...

Идея наша была провальной изначально, временами я находился в положении, хуже Володиного. Володе не сладко приходилось, хотя что-то мы показали своим друзьям, на каких-то встречах, посиделках...

Временами мы возвращались к идее нашего проекта: может сейчас получится, но снова не удавалось воплотить нашу затею в жизнь.

Я с удовольствием вспоминаю то время, те годы, общение с Володей Высоцким. Мы были смелыми, амбициозными, мы были молодыми и талантливыми! Мы все могли, но они не всего хотели! И в этом было наше, и их счастье и несчастье одновременно.

Но что-то должно остаться. Что-то должно поменяться. А что-то должно оставаться, не меняясь!

Спасибо за хороший вопрос!..»

Переполненный зрительный зал разразился громом аплодисментов, едва Михаил Жванецкий завершил свой ответ-монолог.

А в интервью журналистам, спрашивавших его «за Высоцкого», Михаил Михайлович рассказывал следующее: «Мы все — дети Таганки, клянусь. Я не вижу другого такого места в Москве, которое бы так влияло на такое количество людей. Вот когда кругами расходится то, что мы не могли прочесть у Солженицына... Не все же читали. Я, когда ездил в метро, у меня Солженицын был под обложкой «Сеченов». Вот книжка «Сеченов» и читаешь — «Сеченов». Почему я читал Сеченова, достаточно было на мою рожу посмотреть... Какой там Сеченов! Там был «Архипелаг ГУЛАГ». И вот театр на Таганке, Юрий Петрович, он делал экранизации, он делал эти спектакли, там «Живой» Можая... Это и не мог никто прочесть. А ты приходил, ты смотрел, и ты как бы читал эту великую литературу. Ну, Юрий Петрович, единственное что, я не знаю, мне кажется, у него не совсем хорошо с чувством юмора. Но это бывает у Юрия Петровича Любимова. Потому что меня к нему водили... Я о себе хочу сказать. Как всегда, перехожу к себе. Потому что этот материал я лучше всех знаю. Я сидел в Болшево, и вдруг ко мне приехали люди, от которых можно было сойти с ума — Ваня Дыховичный и Володя Высоцкий. Ваня, как некоторые из «наших», был женат на ком-то из Политбюро. И они привезли корзиночку, где были бананы, авокадо и, не знаю, что-то еще, такое очень вкусное, совершенно невиданное. Невиданная корзинка, укрытая салфеткой. Два «топтуна» поставили эту корзиночку для ужина, удалились на скромное расстояние, чтобы видеть, но не наблюдать. Или наоборот — наблюдать, но не видеть. Вот как-то так. И Володя сделал мне официальное предложение: «Я хочу, чтобы был спектакль, Миша: монологи Жванецкого, песни Высоцкого. И мы покажем Юрию Петровичу». И мы действительно поехали к Юрию Петровичу. Я пытался его рассмешить. Может, я плохо читал. Может, я паузы не делал. Может, у него была большая озабоченность. Но он все время спрашивал: «Это что, смешно? Это смешно?» И я уже, в конце концов, и сам понял, что это не смешно. Хотя Володя сказал: «Да это смешно, Юрий Петрович. Ну, смешно!» Он говорит: «Вот это смешно?» Это при мне причем, при живом! Он говорит: «Вот это — смешно». Причем Юрий Петрович совершенно без злости, абсолютно доброжелательно, просто действительно с любопытством спрашивал: «Это смешно?» Он говорит: «Смешно!» И я понял впервые, что у великого таланта тоже могут быть кое-какие проблемы.

Вот это было тогда. И я иногда выступал на закрытых вечерах, и всегда у меня была одна своя задача — рассмешить Юрия Петровича. И когда однажды мы были в «Астории»... Это новая глава, абзац. Предыдущий эпизод снят, переходим к этому. «Астория», Петербург, баня, сауна. Кто там в сауне? А в сауне такие люди: Сергей Юрский, Кирилл Ласкари (это брат Андрея Миронова, сводный, по отцу), Владимир Семенович Высоцкий, внизу нас ждут Наташа Тенякова, жена Юрского, и Белла Ахмадулина. Они, видимо, долго ждали, и немножко уже были выпимши, парики чуть-чуть уже были сдвинуты. Но ничего, это великие две женщины. И вот тут-то по настоящему проверился этот будущий спектакль. Белла Ахатова вдруг сказала: «Так, вот сейчас мы сделаем соревнование: Володя поет, Миша читает. Все!» В результате он пел, я читал, он пел, я читал. Потом мы закончили, иссякли. Белла сказал: «И все-таки — Владимир Высоцкий!» И вот за что я ей благодарен всю жизнь — вот за это «и все-таки»...»

Великолепно: все ответы на вопросы и воспоминания Михаила Михайловича — уже его готовые рассказы и монологи! Bravo таланту великого одессита!..

Вот — еще один из «перлов» Жванецкого. Его интервью, озаглавленное так:

«В «ЖИГУЛЯХ» СИДЕЛА ГОЛАЯ ЖЕНЩИНА.
ОКАЗАЛОСЬ, МАРИНА ВЛАДИ»

— Вы с ним встречались, с Владимиром Семеновичем?

— А как же. Ой, недавно в Одессе на День независимости Украины новый губернатор Плачков (очень симпатичный такой) проводил парусную регату, и вдруг позвали меня. До того два месяца сидел — никто никуда, хотя знали, что я в городе. Даже стал беспокоиться: чего это не зовут? Правда, в Одессе время от времени это бывает — там нет пророков в своем отечестве. Там плюют: есть кто, нет... Даже в репортаже иной раз услышишь: заезжий сатирик, поэтому мне ничего не остается, кроме как тихонько бороться за существование.

Так вот, заезжий сатирик был приглашен в качестве свадебного генерала на открытие парусной регаты, и там, стоя возле губернатора, я встретил директора завода «Промсвязь». Есть такой в Одессе — не знаю, что они выпускают. Чем этот завод прославился? Тем, что лет 20 назад... Когда умер Владимир Семенович?

— В 80-м году...

— Ага, значит, 28 лет назад у нас должен был там состояться концерт в обеденный перерыв, а накануне в Одессу пришел пароход «Грузия». У его капитана Гарагули на борту часто гостили известные люди. Как он это делал? Писал заявление: «Каюта «люкс» протекает, нуждается в ремонте. Просьба вывести ее из продажи». Советская власть была хороша тем, что плевала на всякие мелкие денежные неурядицы, поэтому бумагу подмахивали без лишних вопросов, а там все время плавали. И вот в этой каюте «люкс», которая якобы протекала, то ли из Батуми, то ли из Тбилиси прибыли Марина Влади и Владимир Высоцкий. Накануне они дали мне телеграмму, что хотят со мной увидеться, а я был тогда грешен: числился режиссером Московского государственного мюзик-холла. Как я туда попал?

— По женской линии...

— Нет. Честно говоря, меня просто спасали. Были какие-то очередные неприятности, я занимался чем-то сомнительным, и Ролан Быков (он был художественным руководителем, главным режиссером) взял меня туда на работу, чтобы как-то уберечь. Н-да, время было тяжелое...

У Высоцкого же была в то время мысль сделать русско-французскую программу «Москва — Париж»: «Миша, я пою и говорю по-русски, Марина по-французски. Мы оба на сцене — ведем концерт. Московский мюзикл-холл часто играет в Москве — ну что может быть лучше?» Прекрасная идея! Он спросил: «Где можно вас послушать?» — «Завтра мы: Карцев, Ильченко и я — выступаем в обеденный перерыв на заводе «Промсвязь».

Привез их Олег, друг... Настоящие друзья Высоцкого сегодня не говорят ничего. Я вот даже фамилию этого парня забыл — знаю только: альпинист, спортсмен, сейчас живет в Лондоне. (Речь об Олеге Халимонове, одесском приятеле Владимира Высоцкого. — А. П.) Подъезжают «Жигули», Олег за рулем, а рядом голая, как я видел, женщина. Оказалось, Марина Влади... В те дни жара стояла невероятная, и она была как-то раздета...

— До неприличия или в рамках?

— В рамках, но французские рамки — не наши, и поэтому на заводе «Промсвязь» ей выделили плащ-палатку, чтобы укрылась. Ажиотаж поднялся страшный: Высоцкий с Мариной Влади в зале красного уголка. Можно потерять сознание?

— Можно!

— Дирекция завода, обком партии — все вокруг них носились, ну как возле шампуров на гриле. Марина уже сидит, а

в зале суета, все ходят, как в Мавзолее, кругами... Это же советское время, тогда люди не видели звезд, тем более таких, как Марина Влади. Представь: французские фильмы, ее первый муж Роберт Оссейн... Движение не прекращалось, пока Володя не попросил: «Дайте же посмотреть, ну пожалуйста, я вас очень прошу». В общем, все расселись и мы сыграли.

Это была одна из памятных встреч. Противные слова — памятная встреча, но ты меня сам вынуждаешь. Мне кажется, я уже много говорю. Нет?..

Кое-какие подробности своих встреч и своего общения с Владимиром Высоцким Михаил Михайлович припомнил в интервью, данном им американскому высокоцковеду Марку Цыбульскому.

М. Ц.: Не помните, когда вы познакомились с Высоцким?

М. Ж.: Не знаю, совершенно не помню.

М. Ц.: А что если нам оттолкнуться от конкретного события? Существует подписанный вами документ, я вам его прочитаю:

«Московский государственный Мюзик-холл. 1 июня 1972 года.

Уважаемый Володя! 25-го мая мы с гл. режиссером нашего театра Роланом Быковым были у Александра Г. П. и получили официальное разрешение на Ваши выступления в спектакле Московского Мюзик-холла вместе с Мариной.

Нам кажется, что творческая ситуация сейчас будет значительно интереснее, чем раньше.

Приходите в 15 часов в Росконцерт 5 июня 1972 года на худ. совет».

Этот документ подписан Л. Звягиной и вами. О каком спектакле идет речь?

М. Ж.: Я уже не помню, кто такой Александров... Была идея спектакля «Москва — Париж». Задумка была в том, чтобы на русском языке вел спектакль Володя Высоцкий, а на французском — Марина Влади, и чтобы этот спектакль шел в Москве и в Париже. Звягина была художественным руководителем Мюзик-Холла, а я был режиссер.

Значит, говорите, это было в 1972 году? Ну, мы с Володей были знакомы раньше. Наверное, года с 1968-го. Я помню, мы встречались в Болшево, там был семинар авторов «Фитиля». Туда приехал Володя Высоцкий с Ваней Дыховичным, который был тогда женат на дочери члена Политбюро Полянского.

Вы знаете, я как-то всегда вспоминаю события по тому, что я тогда ел. В тот раз Володя с Ваней привезли корзинку

дэковских продуктов — папайя, потом какие-то пятиконечные фрукты, киви...

М. Ц.: А чем же кончилась задумка с участием Высоцкого в спектакле Мюзик-Холла? Как я понимаю, спектакль не пошел.

М. Ж.: Да, он не пошел. Вы понимаете, Марина была твердым и надежным партнером для советских органов, а Володя был совершенно нетвердый партнер. То ли он в Париже встретился с кем-то нежелательным — это вполне возможно... И таким образом, идея спектакля повисела в воздухе, а потом ее окончательно зарубили. Просто затихло — и все.

М. Ц.: А после этого у вас с Высоцким были какие-нибудь творческие планы?

М. Ж.: Я не помню, было ли это до или после идеи с Мюзик-Холлом, но у Володи была задумка сделать спектакль в Театре на Таганке, который бы состоял из его песен и моих монологов. Мы поехали к Любимову, но ему эта мысль не понравилась.

М. Ц.: Вы выступали в концертах вместе с Высоцким?

М. Ж.: Карцев и Ильченко выступали, вы Романа (Карцева. — М. Ц.) спросите об этом. А я выступал с Володей в Театре на Таганке в честь каких-то юбилеев. Я не помню точные годы, это были такие закрытые театральные вечера при битком набитых залах. Он пел, я читал свои монологи. Это на сцене. А так мы бесконечно встречались в каких-то компаниях, где-то на квартирах.

М. Ц.: Я полагаю, что вы встречались не только в Москве, но и в Одессе?

М. Ж.: — Да, конечно. У нас был общий друг, капитан теплохода «Грузия» Гарагуля. Он очень опекал и Володю, и Марину. У себя на корабле он мог поселить их вместе даже до того, как они поженились. Он давал сведения в пароходство, в кассы морские, о том, что «люкс» протекает, там невозможно находиться. Таким образом, каюта «люкс» выводилась из продажи, и там селились Марина с Володей, и где-то три недели или месяц они плавали от Одессы до Батуми.

Когда Володя с Мариной приехали в Одессу, я их поволок на квартиру к Черепанову, заместителю начальника пароходства. Он мне очень нравился, очень симпатичный человек. Я помню, как со всех квартир в этом многоэтажном доме сносили спиртное и закуски к Черепанову. Марина говорила: «Не надо, не наливайте ему! Лучше я буду пить». Володя попросил гитару и пел бесконечно!

М. Ц.: Вы много лет знали Высоцкого. Каким он вам запомнился?

М. Ж.: Вы знаете, у него были друзья поближе, они об этом и скажут получше, и столько уже всего сказали... Я просто помню некоторые вещи. Я вот помню, что у него в карманах все время были бумажки с записями стихов. Причем, именно бумажки, обрывки какие-то, квитанции, билеты театральные, кусочки театральных программ. Я не видел, как он писал, я видел эти стихи уже написанными. Он говорил: «Я Мишке должен это прочесть». То есть, мне. И он часто читал мне с этих обрывочков, листиков бумажных. Потом он брал гитару... По действию на меня это напоминало коньяк великолепный.

Я бывал у него дома. Иногда я пользовался дружбой с ним.

М. Ц.: Каким образом?

М. Ж.: Я жил тогда в Ленинграде. Был я холостой, одинокий. Ко мне приходила девушка, я ставил «Кони привередливые». У нас развивались отношения, и я звонил Володе: «Володя, тут прелестная девушка есть. Скажи ей два слова». Он говорит: «А ты «Кони привередливые» поставил?» Я говорю: «Да». — «Ну давай, я ей скажу что-нибудь». Я уж не знаю, что он там говорил или, может быть, напевал, но он очень болел за меня и содействовал моим успехам.

Вы знаете, после такого звонка я был королем положения, и мы с этой девушкой становились друзьями на долгие годы, потому что тогда Володин авторитет среди женщин был абсолютно непререкаем. То, что я запросто мог набрать его телефон, — а если нет дома, то я в театре его находил или еще где-то, — поднимало меня невероятно в глазах тех людей, которые у меня собирались.

М. Ц.: А в Ленинграде вы тоже встречались с Высоцким?

М. Ж.: Да, конечно. Когда Володя приезжал в Питер, то там собирались такие люди, как Кира Ласкари, Миша Барышников, Сергей Юрский, Саша Демьяненко. Это самые лучшие люди, которых я знаю, самые душевные. Еще в той компании была Наташа Тенякова, жена Юрского, и Белла Ахмадулина там бывала. Обе молодые, красивые, в париках, которые тогда были в моде.

Мужчины шли в баню в гостиницу «Астория». Это была единственная баня в Советском Союзе, куда подавали какую-то еду. В предбаннике мы выпивали и закусывали, а потом шли в парную.

И вот однажды Ахмадулина предложила: «А давайте сделаем так: Володя поет, а Миша читает». Так и сделали. Я деталей не помню сейчас, но вот запомнилось, что и Наташа, и Белла были немножко выпивши, и парики у них так были немножко набекрень. И Белла тогда сказала: «Нет, и все-таки — Высоцкий!»

25 января 1985 года, в день 47-й годовщины со дня рождения поэта, «в Театре на Таганке состоялся вечер памяти Владимира Высоцкого, на котором выступили те, кому было дорого это имя. Среди них: ансамбль «Виртуозы Москвы» под управлением Владимира Спивакова, Михаил Жванецкий, Иннокентий Смоктуновский, Екатерина Максимова, Станислав Исаев, Юлий Ким, Сергей Юрский, Булат Окуджава, Алла Пугачева... По словам Валерия Золотухина, «вечер прошел замечательно»...»

В 2003 году Михаил Михайлович Жванецкий стал одним из обладателей премии имени В. С. Высоцкого «Своя колея» за 2002 год. Лауреатами премии в том году стали, кроме писателя-сатирика, детский врач Леонид Рошаль и путешественник Федор Конюхов. Торжественная церемония награждения лауреатов прошла в Государственном Кремлевском дворце во время концерта, посвященного 65-летию Владимира Высоцкого, 25 января 2003 года. Как известно, вручается престижная премия за выдающиеся заслуги ее обладателя в том виде деятельности, которой он занимается.

Неоднократно приглашали Михаила Жванецкого, как человека искреннего и талантливого, в жюри премии «Своя колея». Так было, например, в 2009 году.

25 января 2009 года Интернет-портал «Свободная пресса. Ру» сообщил: «Сегодня, день рождения Владимира Высоцкого. Ему бы исполнился 71 год. В этот день во многих городах России пройдут памятные акции и концерты. В Москве, в Центральном Доме журналиста, известная питерская группа «СП Бабай» представит концерт-спектакль «Наш Высоцкий». Театр на Таганке, Дом-музей В. С. Высоцкого проведут вечера, посвященные его памяти.

Ожидалось, что в прошедший год, год 70-летия Владимира Высоцкого, выйдут новые фильмы, как документальные, так и художественные, передачи, посвященные жизни и творчеству Высоцкого, даже ходили слухи, что будут снимать сериал. Но, что-то не сложилось. Сценарий фильма и сериала даже вроде как был написан, но к съемкам так и не приступили. Может, и слава Богу. Теперь планируют перенести все эти проекты на год 75-летия поэта.

Но телевидение не осталось совсем в стороне и во вторник, 22 января, в телестудии «Останкино» состоялось вручение премии «Своя колея». Премию вручают уже 12 лет.

Михаил Жванецкий:

— Я считаю, что более высокого номинирования не бывает, чем олицетворение страны. И он, на мой взгляд, больше

всех подходит — для современной России. Он великий человек, с недостатками, как наша страна — великая, с недостатками. Вот такой точно Владимир Семенович. Для меня это и главное. Что вы торопитесь дальше спросить?

— А ваш выбор? За кого голосовать из номинантов?

— Они мне предлагали — сидеть там вместе. Но, если бы там был Высоцкий — я бы там был. Я знал бы — что говорить. Об остальных я не знал что говорить — там были специалисты, по тому или иному вопросу, в том числе и ученые, в том числе и нет. Но все специалисты. Я не специалист. Я специалист по тем, кого я хорошо знаю, а его я знал очень хорошо. И до сих пор знаю!

— Когда и как состоялось ваше знакомство с Высоцким? С его творчеством?

— Не помню когда. Наверное, с посещения Театра на Таганке, может быть? Да, скорее всего. А потом уже пошли концерты, пошли взаимоотношения, Марина очень тепло, и он — тепло, и мы встречались и в Одессе, и в Питере, и в Москве. Ну а начало — не помню — попробуйте запомнить!

Через месяц с небольшим, в начале марта 2009 года, уже «Российская газета» спросила Михаила Жванецкого о Владимире Высоцком:

— Как вы думаете, Владимиру Высоцкому было бы сейчас комфортно в нашей жизни и во времени?

— Жизнь не понятна. Не понятно, какой она — жизнь — должна быть. А раньше была понятна — какой она не должна быть! Если бы Высоцкий сейчас был жив, он бы ездил, путался, думал: за что ухватиться, кого поддержать?.. Писатели наши должны быть разными: один с этой стороны ухватит кусочек жизни, другой — с этой стороны... Сегодняшняя молодежь у нас — с косичками, хилая, или, наоборот, здоровая, но совершенно разная — наверное, и олицетворяет сегодняшнюю жизнь. Надо все это пройти! Единственное достоинство нашей сегодняшней жизни в том, что мы на правильном пути... Правда, сейчас стало хорошо разоблачать — и нехорошо хвалить! Огромное количество разоблачающих. Сил уже от них нет...

Вообще Михаил Михайлович сегодня с пиететом говорит о друзьях своей молодости: «Для меня Алла Борисовна значит очень много. Я не могу назвать ее Аллой Пугачевой. Несмотря на то, что она моложе. Не могу, как сейчас не смог бы Высоцкого называть Володей. Для меня есть такие авторитеты — Аркадий Исаакович Райкин, Владимир Семенович Высоцкий, Алла Борисовна Пугачева, Сергей Юрьевич Юрский».

1 декабря 2011 года Михаил Жванецкий побывал на премьере еще не вышедшего, но уже достаточно на шумевшего фильма режиссера Петра Буслова о поэте. Газеты писали: «На премьерный показ широко разрекламированного фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой» собралась чуть ли не вся столичная богема. Создатели картины закатили целое представление — с декорациями, советской атрибутикой, петушиными боями и узбекским пловом.

Первый этаж кинотеатра «Октябрь», где состоялась премьера, трансформировался в зал аэропорта 1979 года со всем полагающимся антуражем. Здесь же припарковалась точная копия голубого «Мерседеса» Владимира Высоцкого, который в те времена был неслыханной роскошью. Лестницы, ведущие на второй этаж, напоминали салон самолета, а на борту, то есть в просмотровые залы, гостей провожали улыбчивые стюардессы.

Почти все звездные гости, насладившись двухчасовым шедевром, в один голос стали пророчить ему сумасшедшую кассу и зрительскую любовь.

Михаил Жванецкий решил, что в фильме мало уделено внимания творчеству Владимира Семеновича:

— Показана только его борьба за жизнь. Хотя для кино это правомерное решение. Не очень прописана роль Вани Урганга. Непонятно, кто он и откуда. А в целом очень сильный фильм — все время не покидает ощущение тревоги».

Это — мнение о картине не рядового зрителя, но одессита и опытного, маститого писателя и сатирика, — дорогого стоит.

МИХАИЛ ЗВЕЗДИНСКИЙ

Автор нескольких десятков песен, певец, композитор, поэт, один из самых известных российских шансонье Михаил Михайлович Звездинский (1945 г.р.) — личность не менее легендарная, чем его песенное творчество.

Про таких, как Звездинский, говорят: родился не в свое время. Просто уникальный случай: в детстве умудрился не стать ни октябренок, ни пионером, ни комсомольцем. В юности, когда вся страна вышагивала под бравурные коммунистические марши, он воспевал аксельбанты и эполеты белогвардейских поручиков.

«Поручик Голицын», «Вас ждет Париж», «Сгорая плачу све-чи», «Очарована, околдована» — все это написал Звездинский. Песни известнейшие, поющиеся в любой компании. А вот об их авторе ходят в основном слухи и небылицы, как в свое время о Высоцком. Не правда ли, парадокс?

...Музыка увлекла Мишу еще в детстве. Серьезно же занялся ей он в 16 лет. Желание посвятить свою жизнь музыкально-му творчеству было так велико, а успехи — так стремительны, что уже к своим 20 годам Звездинский работает с такими мастерами эстрады, как Гаранян, Чижик, Бриль, Козлов. Довелось аккомпанировать популярным в те годы Бернесу, Кристаллинской, Великановой, Кобзону, поиграть в ансамблях «Норок» и «Веселые ребята».

Позднее в интервью певец вспоминал:

— Я рано начал петь: Мы жили тогда в Столешниковом, позже в Настасьинском переулке — самый центр Москвы. Зимой я выступал в кафе, ресторанах, а летом — на танцплощадках в подмосковных Люберцах, Малаховке, Томилино. Мы пели настоящий рок-н-ролл, который записывали с «Голоса Америки». Помните, записи тогда ходили по рукам на рентгеновских снимках: буги-вуги, рок «на туберкулезных палочках».

— Вы были стилиягой?

— Еще каким! На улице Горького — один из первых. Пиджак во-о-т с такими плечами, брюки дудочкой, ботинки на

толстой подошве. Девочки падали от восторга. Тогда в Оружейном переулке открылось кафе «Аэлита». Мы устраивали чудесные джазовые вечера. Играли Алексей Зубов, Алексей Козлов, Коля Громин, Леша Кузнецов, Витя Прудовский — легендарные теперь музыканты. Там бывали, конечно, разные люди — «золотая молодежь», валютчики, дельцы, предприимчивые люди — многие из них теперь председатели банков, консорциумов. А когда они расходились, оставались только свои люди — поэты, музыканты, певцы. Там бывали Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Галич, Окуджава, с 64-го года — Высоцкий. Никакой аппаратуры — только гитара и микрофон, выходи, пой, читай стихи — полная демократия...

Именно в 1964-м познакомился Звездинский с Владимиром Высоцким.

А в 1969 году в ресторане «Сатурн» Михаил Звездинский сделал программу, включив в нее нетрадиционные для советской эстрады варьете, шоу. В 70-е в его программах работали Владимир Кузьмин, Александр Градский, Александр Барыкин, Александр Серов, Лариса Долина. Иногда на сцену выходила Алла Пугачева. Администратором работал Михаил Муромов. Публика буквально ломилась на эстрадные шоу Михаила Звездинского, несмотря на высокие цены — за вход платили 100 рублей с человека. В ресторане же собиралось до 300 человек.

Журналист Дмитрий Тульчинский пишет: «Звездинскому принадлежит идея открытия в Москве первых ночных клубов. Рестораны в столице обслуживали клиентов, как правило, не позже чем до 11 вечера — заведения, где работал Михаил, в 11 только открывались. Первой ласточкой в этом плане стал ресторан «Сатурн» на улице Кирова. В означенное время на двери благообразного предприятия общественного питания вешался замок и для посвященных открывался вход служебный.

— Все это, конечно, происходило не вполне законно. Но договориться с директором ресторана не составляло особого труда, — рассказывает Звездинский. — Вслед за «Сатурном» пошли вечера и в других, в основном подмосковных ресторанах: «Архангельское», «Русь», «Иверия»... Успех был колоссальный — со всей Москвы к нам съезжалась элита. Приезжали Ирина Алферова с Сашей Абдуловым, Валентин Смирнитский, Борис Хмельницкий, Владимир Высоцкий. В ресторан ко мне часто приезжал Сергей Аполлинариевич Герасимов. И вообще, у меня собирался весь Дом кино. Долинский, Миша Козаков, Евстигнеев, Жванецкий, Карцев и Ильченко. Мне смешно называть... Вы спросите, кто ко мне не приезжал!..

...В середине 1970-х у Михаила, первого в стране, появился импортный радиомикрофон. С ним певец мог выйти в зал, присесть к какой-нибудь девушке. На вопросы любопытствующих, в каком стиле он поет, Михаил неизменно отвечал: «Я работаю в манере французских шансонье»...

«К тому времени у меня уже было написано около семидесяти своих песен (среди них — созданные в начале 60-х «Поручик Голицын» (об авторстве песни спорят до сих пор), «Свечи», «Увяли розы» («Сын поварихи и лекальщика») и других. — А. П.), и несколько на стихи Заболоцкого, Берггольц, Высоцкого, — вспоминает Михаил. — Я создал программу и стал показывать ее в подмосковных ресторанах».

Очень интересное и весьма ценное свидетельство — из уст самого маэстро! Получается, Михаил Звездинский написал песню на стихи Владимира Высоцкого еще при его жизни! И, вероятно, исполнял ее в своих шоу. Интересно, слышал ли версию исполнения песни автор стихов? Можно предполагать, что — да, слышал. Так как, по свидетельству того же Звездинского, Высоцкий часто приезжал к нему на ночные концерты...

В июле 1990 года в газете «Советский спорт» опубликовано большое интервью с Михаилом Звездинским, конечно же — со спортивным уклоном, что соответствует специфике издания. Вот о чем, в частности, поведал в нем читателям музыкант: «Неразлучен со спортом был Владимир Высоцкий, мой близкий приятель с 1964 года. Сейчас вспоминается многое. Одна из наших последних встреч состоялась незадолго до его кончины на круизном теплоходе «Грузия». Мы вместе посещали прекрасно оборудованный итальянцами тренажерный зал, «качались». Высоцкий давал себе очень большие нагрузки. Он вообще всегда выглядел молодцом. Недаром у него так много песен на тему спорта».

Если Михаила Звездинского не подводит память, то в своем интервью он вспоминает о встрече с Владимиром Высоцким в 1972 году (а это, уж, согласитесь, никак не «незадолго до его кончины!») Согласно «Краткой биографии Владимира Высоцкого», именно в июле-августе того, 72-го, года поэт вместе с Мариной Влади отдыхал в круизном путешествии на теплоходе «Грузия», где капитаном был друг Высоцкого Анатолий Гарагуля. Других круизов на этом теплоходе Владимир Семенович не совершал. Повторимся: если, только, Звездинский ничего не запямятовал, и речь в интервью шла действительно о круизе на «Грузии».

Находясь в близком знакомстве с 1964 года (Высоцкому — 26 лет, Звездинскому — 19), молодые музыканты, по всей вероятности, доверительно и о многом общались при встречах. В другом, более позднем, интервью Михаил Звездинский откровенничал: «Я никогда не был эмигрантом. Послушайте песню «Эх, Америка», она как раз об этом. В отличие от Миши Шуфутинского, Гулько, Могилевского, Любы Успенской, я никогда не уезжал из России. Помните у Высоцкого: «Не волнуйтесь, я не уехал. И не надейтесь, я не уеду!» Мы с ним всегда обсуждали эту тему. Пишется только на родине».

Такие разговоры два поэта и музыканта могли вести в 70-е годы, в том числе и во время совместного отдыха на теплоходе. Времена для творческих и свободных личностей были непростые. Многие из коллег Высоцкого и Звездинского покинули СССР именно тогда, в 70-е.

Ночные же шоу Михаила Звездинского продолжались. Представлялись публике они семь раз в год: на Новый год, Рождество, Старый Новый год, 8 Марта, Пасху, 1 Мая и в День Победы. Прекратились они в восемь часов утра 9 марта 1980 года. Тогдашний глава МВД СССР Николай Анисимович Щелоков в связи с приближающимися летними Олимпийскими играми в Москве дал команду «разобраться»: «Кто такой Звездинский, что за ночные клубы, кто поет?» Ресторан окружили 500 милиционеров. «Взяли» все три сотни зрителей и музыкантов и отвезли на Петровку. Дальше вспоминает сам Звездинский: «Допросив, всех отпустили, а меня оставили. Я и раньше обвинялся в диссидентстве и антисоветчине, но КГБ не удалось протащить меня по «семидесятой»... Я получил «законные» восемь лет за «нетрудовые» доходы, конечно, с конфискацией».

— Когда вы оказались в беде, неужели никто не пытался спасти вас?

— Высоцкий пытался. Во все двери дергался — все было бесполезно. Ему и самому оставалось жить три-четыре месяца, — признавался в интервью Михаил Звездинский спустя десять лет после ареста.

В другом интервью музыкант рассказал: «Меня арестовывают. Это отдельная и особая история. Мне приписали антисоветчину, диссидентство, прокурор требовал 14 лет. За меня хлопотал Высоцкий, пытался помочь Кобзон — ничего не получилось. У меня конфисковали архивы, деньги, квартиру, машину, дачу, антиквариат — все подчистую. Но особенно огорчало, что при обыске пропали рукописи стихов, и я уже не мог к ним вернуться. В тюрьме у меня рождались другие стихи...»

Да уж, зная характер Владимира Высоцкого и правило его жизни — не бросать друзей в беде, можно предположить, что он занимался «делом Звездинского», пытаясь оказать посильную и возможную помощь в решении трудностей, возникших у коллеги. Но, даже несмотря на многочисленные связи поэта, в том числе — и в высших структурах МВД, и он оказался не всемогущим. К тому же, ему в тот период самому приходилось несладко — масса собственных проблем, основная из которых — проблема со здоровьем.

Свидетельство же о помощи со стороны Владимира Высоцкого из уст Михаила Звездинского ценно само по себе. В обширной мемуарной и исследовательской литературе о последних месяцах и днях жизни Высоцкого, автору ни в одном из источников не довелось встретить упоминание фамилии Звездинского. Прежде всего, следует назвать в этом списке работу Валерия Перевозчикова «Правда смертного часа. Владимир Высоцкий, год 1980-й» (М.; «Сампо»; 1998 г.) В документальном исследовании, рассказывающем о последнем полугодии жизни поэта, автор сообщает читателям о телефонных звонках Владимира Высоцкого неустановленным абонентам. Логично предположить, что Высоцкий мог говорить с «нужными людьми» об аресте музыканта и следствии по «делу Звездинского». Хотя это — только предположение, не более.

Что еще, кроме музыкального и поэтического творчества, объединяло Михаила Звездинского и Владимира Высоцкого? Ну, например — каратэ. Здесь нужно упомянуть их общего знакомого Алексея Штурмина, возглавлявшего в Москве школу этого восточного единоборства. Высоцкий очень ценил знакомство и общение с Алексеем, неоднократно бывал в его школе, посещал соревнования по каратэ. Штурмин плотно общался с поэтом в последние месяцы его жизни, присутствовал на похоронах Владимира Семеновича, а ребята из школы каратэ, возглавляемой Алексеем, поддерживали порядок в день прощания с поэтом у Театра на Таганке.

Что же касается Михаила Звездинского, его в 1975 году Штурмин пригласил позаниматься у него в зале на Цветном бульваре. В неволе Звездинского не раз выручали приемы, которыми он овладел в школе мастера.

Выйдя на свободу в 1988 году, Михаил Михайлович продолжил заниматься музыкальным творчеством. В 1991 году студия «Метадиджитал» выпустила виниловую пластинку Звездинского «Поручик Голицын». На второй стороне диска

записана песня, исполненная им, которая написана на стихи Владимира Высоцкого — «Пусть былое уходит». Любителям песенного творчества последнего она больше известна своим названием по первой строчке — «Оплавляются свечи на старинный паркет...» (1972 г.) Возможно, текст этой песни родился на глазах Михаила Звездинского — написана она Высоцким летом того же, 72-го года, во время круиза на теплоходе «Грузия».

Михаил утверждает, что стихи «Оплавляются свечи» ему преподнес в подарок на день рождения Владимир Высоцкий, так как они «дружили много лет»: «Мы дружили с Володей где-то с середины 1960-х, часто встречались на каких-то вечерах. А однажды он мне подарил свои стихи «Оплавляются свечи на старинный паркет». Помню, сказал мне: «Вокруг столько нужных, острых, социальных тем, а ты все время витаешь где-то в облаках: аксельбанты, эполеты...» Я ему отвечал: «Володя, а мне скучно петь про все эти стройки, пятилетки. У меня были свои пятилетки — в лагерях строгого режима». Вот тебе, говорит, стихи, и протянул мне листок бумаги: «Оплаваются свечи на старинный паркет./ Дождь стекает на плечи серебром эполет./ Как в агонии, бродит золотое вино./ Пусть былое уходит, что придет — все равно». Позднее я написал музыку, получился красивый романс».

Михаил Михайлович — не единственный, кто сочинил музыку на подаренные (поверим!) ему Высоцким стихи и исполнял эту песню.

Если немного абстрагироваться от имени Звездинского и его музыки, то можно выяснить, что свою мелодию на этот текст написали многие известные композиторы. Например, Андрей Петров (для кинофильма «Петербургские тайны», — в картине за кадром песню исполнила певица Ирина Отиева) и Исаак Шварц (кинофильм «Дела давно минувших дней», исполнительница песни — Инна Варшавская).

Кроме этого, песню «Оплаваются свечи...» исполнял московский шансонье Борис Драгилев. Его версия исполнения — на авторском компакт-диске «Я прилетел..., шабаш!» На обложке диска Драгилева указано, что автор музыки и слов романса — Владимир Высоцкий. Но это — явно не так; уж очень мелодия песни из альбома Валерия похожа на мелодию другой песни Владимира Семеновича — «Всю войну под завязку...»

На диске «Пою Высоцкого» другого исполнителя — Анатолия Бальчева по прозвищу Кипа — тоже присутствует песня «Оплаваются свечи на старинный паркет...» Он ее не пло-

хо исполняет, но в выходных данных альбома Бальчева, увы, отсутствует информация об авторстве музыки написанного на стихи Высоцкого романса...

И последнее. В начале 2000-х годов вышел в свет аудиодиск формата MP-3 из серии «Grand Collection». На нем представлены альбомы избранных песен шести авторов-исполнителей: Михаила Гулько, Жанны Бичевской, Владимира Высоцкого, Александра Галича, Михаила Звездинского и Новеллы Матвеевой.

МИХАИЛ ПУГОВКИН

...В народе его справедливо называют «королем комедии»: из ста ролей, сыгранных актером в кино, практически все — либо сказки, либо комедии!

Такое уж амплуа было у Михаила Ивановича Пуговкина (1923—2008). Этого веселого, солнечного, обаятельного и талантливого человека и артиста снимали такие кинорежиссеры, как Леонид Гайдай и Вениамин Дорман, считающиеся столпами отечественной кинокомедии. Неоднократно снимался Михаил Иванович и в сюжетах для юмористических киножурналов: детского — «Ералаш» и для взрослых — «Фитиль».

С Владимиром Высоцким Пуговкина кинематографическая судьба свела лишь однажды. Случилось это в 1963 году в картине В. Дормана «Штрафной удар». Комедия со спортивным уклоном снималась в Москве, в павильонах Киностудии имени Горького, и в Казахстане, на высокогорном катке Медео. Там проходили натурные съемки картины.

О совместных съемках в комедии у Михаила Ивановича остались веселые воспоминания: «Расскажу, как Володю Высоцкого из милиции вызволял...

Высоцкого я знаю очень хорошо. Но никогда о нем не рассказываю, потому что не так поймут. Скажут: ну, и он про Высоцкого рассказывать!

А вот как вышло. Они нахулиганили где-то. А утром съемка на студии Горького. Снимали «Штрафной удар». Веня Дорман снимал. Веня звонит мне с утра домой: «Миня, надо выручать шайку! Ну оно же вчера нахулиганили, подрались!» Я поехал в милицию, у меня уже был какой-то авторитет... Их отпустили из кутузки до пяти вечера. Потом обратно. Дней пять они там отсидели. Потом вышли, благодарили: «Дядя Миша, спасибо!..»

А еще мы снимались в Алма-Ате, на катке Медео. Но Володька в то время пел чужие песни — блатные. Он ни одной песни своей не спел тогда.

Конечно, он был незаурядный человек. Такие долго не живут...»

По горькой иронии, Михаил Иванович Пуговкин ушел из жизни 25 июля 2008 года, в 28-ю годовщину со дня смерти Владимира Высоцкого.

Пуговкину судьбой было отпущено прожить 85 лет, Высоцкому — 42 с половиной года. Ровно в два раза меньше...

Такая вот горькая арифметика.

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ

Коренной русский сибиряк Михаил Александрович Жуков (уверен, мало кто из читателей знает, что Ульянов — творческий псевдоним актера, с которым он прожил большую часть своей жизни) (1927 — 2007) — народный артист СССР, кавалер и лауреат множества государственных отечественных и зарубежных наград и премий.

Диапазон его исполнительского мастерства в актерском искусстве воистину велик.

И — потрясает. Он гениально воплотил образы В.И. Ленина, еврейского молочника Тевье и английского короля Ричарда III из одноименной драмы Шекспира на театральной сцене. А председателя колхоза, маршала Жукова, белогвардейского генерала Чарноту, графомана-драматурга, старого ловеласа, ворошиловского стрелка и «вора в законе» Ульянов не менее талантливо сыграл в кино.

Михаила Александровича с удовольствием снимали Алексей Салтыков, Никита Михалков, Глеб Панфилов, Сергей Соловьев, Станислав Говорухин, Дмитрий Астрахан, Сергей Урсуляк, Егор Кончаловский и другие кинорежиссеры.

Помимо актерства и режиссуры Ульянов был государственным чиновником. Он много лет возглавлял родной Вахтанговский театр, долгие годы руководил Союзом театральных деятелей СССР (шутливо кем-то прозванный Союзом театрахальных деятелей), был депутатом Верховного Совета не один созыв...

Из-под пера великого актера вышло около десятка автобиографических книг. Несколько монографий написано и об Ульянове, его актерской и режиссерской судьбе.

Дружбы между Михаилом Ульяновым и Владимиром Высоцким не было. Было уважение к творчеству друг друга. И уважение это было взаимным и глубоким. Они были знакомы, вначале — заочно. Сближение произошло лишь в середине 70-х годов.

Однажды в интервью журналист задал Владимиру Семёновичу вопрос: «Кого из актеров вы цените больше всего?» — «Михаила Ульянова, — ответил поэт. — Михаил Ульянов — личность крупная, значительная. Его можно узнать в толпе, состоящей из тысяч людей. При этом у него никогда нет позы, игры в кого-то. Я хорошо знаю Ульянова-человека и вижу, что он в каждой новой роли выражает свой характер, свое мироощущение, пропуская это через жизненные обстоятельства своих героев».

Весьма точная оценка актерского мастерства Михаила Александровича. И правдивая. Интервью датировано 1977 годом. Трудно сказать, был ли знаком с этими словами, сказанными в свой адрес Владимиром Высоцким актер, но, думается, — был.

Уже после смерти поэта Ульянов неоднократно выскажется о его жизни, творчестве и ранней смерти — в многочисленных интервью, статьях, телефильмах, посвященных Высоцкому.

Но и при жизни певца Михаил Александрович успел сказать ему немало добрых слов о его песенном творчестве.

«Песню «Кони привередливые» Ульянов назвал провидческой», — вспоминает болгарский журналист Любен Георгиев, неоднократно встречавшийся с Владимиром Высоцким в 70-е годы.

А 23 апреля 1978 года Высоцкий дает концерт в ДК завода «Микрон» в подмосковном Зеленограде. «На том концерте каким-то образом оказался артист Михаил Ульянов. Отметим, что он относительно недавно сблизился с Высоцким и под это дело «пробил» несколько его концертов в Театре имени Вахтангова, где работал. В театральной тусовке Высоцкого даже иногда называли «маленький Ульянов». На том зеленоградском концерте, за несколько минут до его начала, Ульянов нашел за кулисами Высоцкого и, пожимая ему руку, произнес слова, которые от него, честно говоря, мало кто ожидал. Это был своеобразный крик души. А сказал Ульянов следующее: «Спасибо тебе, Володя! Я сейчас снимаюсь у Панфилова в Суздале (в фильме «Тема» — *Ф.Р.*) — слушаю только их (песни Высоцкого. — *А.П.*) Благодаря им и жив. Так тяжело... И в театре — семнадцать лет в первом ряду одни и те же рожи!..»

Понять Ульянова можно — творческой интеллигенции больше всего не терпелось покончить с «застоем» и начать перемены в обществе. Однако Брежнев и Ко намеренно сдерживали этот процесс не только в силу своего возрастного консерватизма, но также потому, что не были уверены в том, что

во главе этого процесса встанут позитивные силы. Тот же М. Ульянов, когда придет время перестройки, именно таким себя и покажет — будучи не только одним из видных деятелей интеллигенции, но и членом КПСС, он совершит массу противоречивых поступков, которые помогут либеральным реформаторам привести страну к развалу. Впрочем, это совсем другая история».

Вот такой резкий и во многом субъективный комментарий журналиста Федора Раззакова к словам Ульянова, сказанным поэту, дан Федором в книге о Владимире Высоцком.

Однако продолжим.

...Немногим более чем через два года после описанной Раззаковым встречи Ульянова с Высоцким в Зеленограде, Владимира Семеновича не станет. Михаил Ульянов просто не мог не проститься с глубоко уважаемым им поэтом и пришел на панихиду по нему.

Свидетельствует Валерий Золотухин: «В день похорон, часам к девяти (?), приехал шеф (Юрий Петрович Любимов. — А. П.) и встретил Янкловича (который ни за какую организацию: улица, театр, транспорт, разумеется, не отвечал — он был всегда с Володей) и набросился на него: «Меня не пустили, вы понимаете, не пропустили к театру! А с этой стороны должен подъехать Ульянов. Как же он пробьется сквозь этих долдонов?!»

И Валерка, не задумываясь: «Да Ульянова-то знают. Его пропустят. Что вы волнуетесь за Ульянова?» Шеф обалдел».

Несмотря на трудности, Михаилу Ульянову удалось пробиться сквозь многочисленные милицейские заграждения и людское море и попасть в Театр на Таганке, в котором проходила гражданская панихида по Владимиру Высоцкому.

Слова, произнесенные актером на панихиде, были остры и ярки, окрашены болью по ушедшему поэту. Выступление Ульянова запомнилось многим присутствовавшим на прощании...

Алла Демидова: «Выступали Любимов, Золотухин, Чухрай, Н. Михалков, кто-то из Министерства культуры. Потом опять Любимов. Говорили о неповторимости личности Высоцкого, о том, как он народен. Многие из тех, кто выступал, при жизни Высоцкого и не подозревали о размахе его популярности».

Вадим Туманов: «Выступали люди, которых я никогда дома у Володи не видел. Ульянов говорил хорошо».

Жанна Владимировская: «Михаил Ульянов говорил много. Хорошо...»

«Ульянов, Золотухин, Чухрай и Михалков не называли организаций, которые они представляют. По-видимому, они не были официально уполномочены. Но понятно, что Улья-

нов выражал соболезнования от Всероссийского театрального общества, Золотухин — от своего театра, Чухрай и Михалков — от деятелей кино».

Повторимся: слова на панихиде, произнесенные Михаилом Александровичем, были не менее искренними, чем те, что произнес об актере Владимир Высоцкий, отвечая на вопрос журналиста об актерах. Только поэту слов Ульянова о себе уже было не услышать...

«В нашей актерской артели большая беда. Ушел один из своеобразнейших, неповторимых, ни на кого не похожих мастеров.

Артель делает свое дело вместе, но каждый мастер что-то может делать так, как никто другой. Владимир Высоцкий был личностью, артистом такой неповторимой, такой ни на что не похожей индивидуальностью, что его смерть — это зияющая рана в нашем актерском братстве. Говорят: незаменимых нет. Нет есть! Придут другие, но такой голос, такое сердце, такая ярость и боль уже из нашего актерского братства уйдет...

Он был замечательным актером, одним из интереснейших людей. Он был создан так, что не мог выразить словами, как мы не можем многое выразить. Он обладал поразительным даром песни, через которую любил, ненавидел, презирал, болел, надеялся, мечтал, мучился. Эти песни любили как крик, стон сердца, как хруст разрывающегося сердца. Его песни любили, его песни шокировали, восхищали, удивляли, но они были выражением каких-то народных струн, которые сегодня проявились в полной мере.

Он прожил короткую жизнь. Он действительно не мог остановить своих лошадей: у него не хватило сил. Но ведь в том и весь Владимир Высоцкий. В том, что его лошади в пене, в ярости, в галопе, в неостановимости и был Высоцкий. И может быть поэтому такая любовь, такая боль, такая потеря. Кто знает, кто может объяснить? Но рана большая и невозможная...

Володя в одной из песен обещал: «Я не уйду от вас, и не надейтесь, я буду с вами». Половину ты выполнил, половину нет. Но ты правду сказал, что останешься с нами. Твои песни, твои роли будут жить. Ты, — правда, — настолько был неопостижим, что твои песни никто, кроме тебя, петь не мог. Только ты со своей яростью, с твоим темпераментом, волей, только ты мог эти песни петь так, как ты пел.

Но нам техника стала помогать во многом. Спеть тебя никто не сможет, но слушать тебя будут, как слушали при жизни во всех уголках нашей необъятной Родины, ибо твои песни выражали нечто очень глубокое и очень сердечное!

Прощай, прощай, прощай...»

Чувствуются в речи Ульянова неподдельное волнение и переживание. И поражает и восхищает неплохое знакомство Михаила Александровича с песенным творчеством Высоцкого. Актер в прощальной речи упомянул две его песни: «Кони привередливые» и «Нет меня, я покинул Расею...», а строчку последней, хотя и неточно, даже процитировал! Но ведь Михаил Ульянов выступал, прежде всего, как человек и поклонник поэта, а уже потом — как театральный чиновник. И это говорит о многом!

«В 1985 году была создана Комиссия по литературному наследию Владимира Высоцкого под председательством Роберта Рождественского. В нее вошли Белла Ахмадулина, Сергей Баруздин, Семен Высоцкий, Марина Влади, Андрей Дементьев, Олег Ефремов, Наталья Крымова, Булат Окуджава, Михаил Рощин, Евгений Сидоров, Андрей Турков, Михаил Ульянов, Анатолий Эфрос и другие. Факт, равнозначный принятию в Союз писателей», — не без сарказма пишет в своей книге о поэте болгарский журналист Любен Георгиев.

И то — правда: писателям и поэтам, при жизни не состоявшим в Союзе, посмертное создание Комиссии, что называется, «не светило»... Но Высоцкий был исключением из общепринятых норм и правил еще при жизни. И таковым остался после своего ухода...

За годы работы Комиссией сделано немало. Главное: сохранен и приведен в порядок архив поэта. На сегодняшний день он практически полностью изучен специалистами и опубликован. Издано множество поэтических сборников Владимира Высоцкого, его проза, сценарии, письма.

Михаил Ульянов, несмотря на свою занятость, не ограничил свое назначение в состав Комиссии по творческому наследию поэта протоколом. Многократно, в 80-е, 90-е годы, актер выступал с воспоминаниями о поэте. Будь то творческие вечера, статьи, интервью, телепередачи, посвященные жизни и творчеству Владимира Высоцкого. Ульянов часто отвечал на вопросы, касающиеся Высоцкого, и на своих встречах со зрителями.

Вспоминает Анатолий Меньшиков, рабочий сцены Театра на Таганке, знакомый Михаила Александровича: «На вечере Ульянова в Киеве (я принимал там участие) пришла записка: «Как вы считаете, стал ли Высоцкий великим?» Ульянов ответил: «Конечно, стал. Может быть не таким — он перечислил ряд гениальнейших фамилий всех времен и народов, — но таким, как Разин, Пугачев. Взбаламутил всю страну, весь народ».

Интересное сравнение! С бунтовщиками Владимира Высоцкого не сравнивали ни до, ни после Ульянова.

Об участии Михаила Александровича в другом вечере, посвященном памяти поэта, состоявшемся 24 января 1987 года в Москве, с восторгом вспоминает партнер Высоцкого по Театру на Таганке Валерий Золотухин. Со своим дневником он делится следующими весьма откровенными и эмоциональными впечатлениями: «Открывал вечер М. Ульянов — ну, глыба, ну, ум, ну, мужик российский... И как на его фоне мелко и неумно выглядела наша шушера: Венька (Вениамин Смехов. — *А. П.*), дурак-Хмель (Борис Хмельницкий. — *А. П.*) — низкий, ни к слову, ни к делу, а так, заодно вспомнил Любимова, Леня (Леонид Филатов. — *А. П.*) манерный какой-то стал, суетливый... Белла Ахатовна (Ахмадулина. — *А. П.*) так запозэтизировала свою интонацию, что не поймешь, уж, о чем речь, — пародией на саму себя стала. А как же я выглядел? Родственники сказали — самое сильное впечатление Вы и Ульянов. Что мне остается делать, как принять эти слова на веру».

Сильно написано, в особенности — о своих коллегах! Ничего не скажешь!..

Вот так: две «глыбы» — Ульянов да Золотухин, а остальные — просто «шушера»!

Ну да бог с ними, со скромнягой Валерием Сергеевичем и его дневниковыми размышлениями! Как говорится, идем дальше.

В интервью Михаила Ульянова театральному критику Наталье Крымовой, датированном 1986 годом, тоже заходит речь о Высоцком. И ракурс беседы — довольно интересный...

Н. К.: «А как вы относитесь, например, к такому разбору. Вот читаю: «Философия песнопений-откровений Высоцкого — одно из тех проявлений своевольной новизны, которая периодически возникает на почве псевдонародного эксперимента в среде интеллектуальных гурманов, пресыщенных поэтикой обыденщины»».

М. У.: «Ничего не понял. Что такое «псевдонародный эксперимент»? Какая-то игра словами. А мы с вами, значит, «интеллектуальные гурманы»? А что такое «поэтика обыденщины», можете мне объяснить? Вы же теоретик! Где все это издано?»

Н. К.: «Автор книги — В. Канашкин. Краснодарское издательство».

Приведенный Крымовой отрывок из книги, не понятый Ульяновым и названный им «какой-то игрой словами», принадлежит, как уже ясно, Виталию Алексеевичу Канашкину. Он — известный кубанский литератор, критик, педагог, главный редактор литературно-художественного альманаха «Ку-

бань». Автору довелось лично знать этого человека, обладающего незаурядным литературным талантом. И не только знать, но и сотрудничать с ним. Отрывок, касательный оценки песенного творчества Высоцкого Канашкиным, приведен из статьи литератора «Народная мысль и современность», помещенной в его книге «Народная мысль и движение времени» (Краснодарское книжное издательство, 1985 год). На восьми страницах (на дворе — 1985-й год!) Виталий Алексеевич пространно рассуждает о феномене поэтического и песенного творчества Владимира Высоцкого. Правда, не пытаясь анализировать его.

Вот еще один яркий отрывок из книги Виталия Канашкина: «Излюблю тебя из уст моих» — эти слова из Писания (которые, по-видимому, наряду с лирикой Л. Мартынова и песнями Беранже, «Притчами господними» и афоризмами «пророков Запада») служили певцу определенным созидательно-творческим стимулом, можно было бы поставить эпиграфом к историческим экскурсам В. Высоцкого. Великая да сказочная Русь у него — «горько-кисло-сладкая», что «раскисла, опухла от сна», а точнее, самая настоящая свидригайловская баня с пауками по углам — испепеляющая и смердящая живую душу». Политическая окраска этого, как и других подобных утверждений в книге, — очевидна.

Конечно, далеко не всем придется по душе литературно-философские измышления Канашкина. Ну, что же! Кубанский критик и публицист всегда имел и имеет только свою точку зрения на ту или иную личность, событие или явление в литературе, искусстве или политике. И, не стесняясь, высказывает ее...

Нестандартность в стиле изложения и образе мышления — вот отличительная черта литературных опытов и самого В. А. Канашкина.

В 1987 году по советскому телевидению был показан, по сути, первый документальный фильм, снятый о Владимире Высоцком. О его создании много писали в прессе, но еще больше откликов получили его создатели после демонстрации картины на ТВ.

«Двухсерийная передача «Владимир Высоцкий» (автор сценария Н. Крымова, режиссер А. Торстенсен) — не просто дань памяти поэту. Это и анализ многообразной работы поэта, музыканта, актера, о чем сказали с экрана Б. Окуджава, М. Ульянов, М. Влади, Г. Гречко и многие другие.

Фильм снят на доверии и к людям, говорящим о Высоцком, и к нам, зрителям. Это как обратная связь. Доверие обязывает думать. Даже знавшие его ищут «своего Высоцкого». «Он был искренен», — скажет Михаил Ульянов».

Но не только эти слова скажет актер о Высоцком.

«Мне кажется, что личность Владимира Высоцкого не укладывается в привычные рамки не потому, что он буйн и хулиган, не потому, что он несдержан и резок, а по той простой причине, что он был искренен, когда многие другие лукавили, он был предельно откровенен, когда иные поэты не отличались правдолюбием. Он говорил о таких вещах, о которых мы сейчас говорим вслух. Он говорил об этом раньше других — для этого нужно было особое мужество. Какие уж тут приличные рамки?.. И еще одно: он был очень московский человек. Он был настоящий москвич — по корню своему, по своему радушию, по своей безоглядности, по своей лиричности. И очень уж непривычно он был силен на фоне других — сильный в своей любви, в своей ненависти, в своем притяжении и неприятии. Это была очень притягательная сила...

Ведь это факт, что его песни слушали на всех этажах нашего общества, решительно на всех! Его ругают, хвалят, захлебываются — на всех этажах — и слушают. Почему? Ведь чудес на свете не бывает. Слушают тех, кто тебя выражает. Я — безголосый, я — беспесенный, я — не поэт, но у меня есть чувства! И вдруг находится человек, который мои чувства как бы подглядел и выразил. Вероятно, Владимиру Высоцкому и удавалось выразить нечто, что существовало в душе народа. Он был как бы форточкой в другой мир, в какой-то свободный мир, откровенный, честный мир, прямой, простой и в то же время сложный. Этот голос звал в какие-то степи, на какие-то улицы, где люди говорят свободно, говорят то, что есть на сердце... Вот оно какой был человек. Потому-то народ его и возлюбил, потому-то его народ и слушает, потому-то народу он так дорог».

А вот еще одно высказывание Михаила Александровича Ульянова о творчестве Владимира Высоцкого, так сказать — творческие наблюдения. Высказывание это опубликовал в 1988 году в своей статье о поэте высокоцковед Алексей Казаков: «Истовая любовь Владимира Высоцкого к России, ко всему, что составляет это гордое понятие, подмечалось и преломлялось в оценках его старших товарищей-современников. М. А. Ульянов рассказывал: «Когда в 67-68 годах я работал над ролью Мити Карамазова в фильме Пырьева, конечно, прежде всего вчитывался очень в текст Федора Михайловича (и не только в «Братьях Карамазовых»), а кроме того, частенько слушал самые разные песни Высоцкого. Мне это давало какую-то пищу для ощущения безоглядной личности Мити Карамазова. Та же, так сказать, неуютность жития, та же чистота сердца и безумие поступков».

Из слов Ульянова вытекает неподдельное увлечение песенным творчеством Владимира Высоцкого, знание его и любовь к его песням. Они потом еще не раз выручат актера в работе. Вспомним, хотя бы, об эпизоде, произошедшем в период съемок Михаила Александровича у Г. Панфилова в фильме «Тема»...

«Теперь уже о Высоцком написано немало: статей, воспоминаний, эссе, исследований. Но это — всего лишь первый пласт его творчества, его яркой и до обидного короткой жизни. Тепло и проникновенно рассказали о нем Станислав Говорухин и Валерий Золотухин, Людмила Гурченко и другие. Не могут не написать о нем его друзья и соратники Булат Окуджава и Андрей Вознесенский, Валентин Гафт и Роберт Рождественский, Михаил Ульянов и Евгений Евтушенко. Думается, что мы прочтем их откровения, которые откроют пока неизвестные страницы судьбы нелегкой замечательного человека, который «спины не гнул, прямым ходил и, как умел, себе руками помогал», — писал в конце 80-х журналист А. Столповский.

Журналист не ошибся. С мемуарами о знакомстве и общении с поэтом действительно написали почти все, перечисленные в его списке.

Не остался в стороне и Михаил Ульянов. Уже в 1986 году воспоминания о встречах с поэтом опубликованы актером в журнале «Клуб и художественная самодеятельность». В следующем году очередь дошла и до другого журнала — «Театр». Кинематографические воспоминания Ульянова о Высоцком вошли в сборник «Владимир Высоцкий в кино», вышедший в 1990 году.

Вот несколько ярких отрывков из вышеперечисленных публикаций: «Песни Высоцкого... Чем объяснить их неслыханную феноменальную славу? Их все слушали, их все пели, но никто не мог их исполнить. Только он мог на таком смертельном пределе вложить всего себя в песню — несмотря на порой непритязательный текст, несмотря на подчас уличную мелодию, песни Высоцкого становились горьким, глубоким философским раздумьем о жизни.

Говорят, мол, если брать по гамбургскому счету, то в песне он был сильнее, чем на сцене. Я так не думаю. Его Гамлет, Лопахин, Хлопуша, другие роли на театре и в кинематографе были не менее пронзительны, в них был тот же надрыв и тот же неистовый размах, что и в песнях этого замечательного художника. Но песня доходчивей, проникновенней, демократичней, песня всепроникающа, поэтому его, конечно, лучше знали по песням. А я вспоминаю его роли и песни, и вижу, что

это был единый сплав. Хотя, быть может, в песнях он был выразительнее. И не потому, что они были более яростны и темпераментны, но потому, что в них он передал те мысли, чувства и слова, которых ему не доставало в иных ролях, которые его держали точнее».

«Я считаю три его работы выдающимися актерскими свершениями по проникновенности, творческой «самосжигаемости» и отдаче: Хлопуша, Гамлет, Жеглов. Чем, мне кажется, они выделяются из ряда других хороших, настоящих актерских работ? Тем, что в них проявился его «личный звук». Это не были актерские, лицедейские работы — это был крик его души, его проблем, его боли. В наше искусство он вложил кирпич правды, истовости российской, как московский человек и русский актер».

И в заключение главы — такой эпизод. Забавный.

В 1983 году вышел на экраны фильм Никиты Михалкова «Без свидетелей». Один из героев картины — Он, в блистательном исполнении Михаила Ульянова, по ходу действия на свистывает мелодию «Песни о друге» Владимира Высоцкого. И, надо сказать, очень даже похоже, узнаваемо получается!

НАТАЛИЯ БЕЛОХВОСТИКОВА

Заслуженная артистка России Наталия Николаевна Белохвостикова недавно отметила юбилей, но глядя на эту женщину с утонченными манерами и обаятельной улыбкой, порою кажется, что время не властно над ней. Она выглядит так же ярко и великолепно, как и в картинах, по которым ее знает зритель: «У озера», «Красное и черное», «Легенда о Тиле», «Тегеран-43», «Берег» и многих других.

В 1979 году Белохвостиковой посчастливилось встретиться на съемочной площадке с Владимиром Высоцким и сыграть с ним в дуэте...

«С Володей нас познакомил мой муж, кинорежиссер Владимир Наумов, который хорошо знал и его, и Марину Влади. Мы вместе снимались в «Маленьких трагедиях», — вспоминает актриса, — Михаил Швейцер неожиданно пригласил меня сыграть Донну Анну.

Я сильно заболела, приехала на студию с колоссальной температурой и голосом Высоцкого. В павильоне была жара под 60 градусов: чтобы воспроизвести эффект молнии, ставили очень много света. Володя тоже чувствовал себя не важно. Но все прошло удачно.

Для меня очень важна атмосфера на съемочной площадке. Если есть аура добра, человеческого тепла, мне комфортно».

Вначале на роль Донны Анны кинорежиссер пригласил молодую красавицу Танечку Догилеву. Ее совместные пробы в павильоне «Мосфильма» с Владимиром Высоцким, проведенные в декабре 1978 года, прошли замечательно, но Швейцер работой Догилевой остался недоволен, и пришлось искать другую кандидатуру на роль... Нашли. Ей оказалась Наталия Николаевна Белохвостикова. Ее пробы режиссера устроили.

О совместном партнерстве на съемочной площадке с Владимиром Высоцким Наталия Белохвостикова отзывается так: «Рядом с ним очень хорошо работалось и дышалось».

Когда Наталия Николаевна во время съемок захворала, Владимир Высоцкий написал ей стихи «Донна Анна». Прав-

да, никто до сих пор их так и не отыскал... Были ли они? Актриса утверждает, что да, — были! Она попросила Высоцкого переписать стихотворение. Он клятвенно пообещал. Но — не успел... И в памяти Наталии Белохвостиковой осталась лишь одна строка: «И Донну Анну называю я Наташей...»

«Он чувствовал, что мне было тяжело, и решил как-то поддержать, — вспоминает актриса. — Он был добрым человеком».

В июле 2007 года во время кинофестиваля, проходившего в Тамани, участницей которого была и Наталия Белохвостикова, актриса пообщалась на прямой линии с читателями газеты «Комсомольская правда» на Кубани».

Среди заданных ей вопросов был и такой, поступивший в редакцию от жительницы Феодосии Наталья Гриценко: «Насколько мне известно, вы вместе с Высоцким снимались в «Маленьких трагедиях». Скажите, как вам с ним работалось? Говорят, артист был очень капризным и даже страдал звездной болезнью?»

Наталия Николаевна ответила: «Ну, что вы, не было у Владимира никакой звездной болезни. Он — истинный актер. Для него было счастьем, когда его утвердили на роль в «Маленьких трагедиях». Высоцкий радовался, как маленький ребенок. Ведь на место Дон Гуана звали совершенно другого артиста.

Вообще же, судьба Владимира Высоцкого очень трагична. Многие сюжеты к фильмам изначально писались для него. Но волею судьбы главные роли в картинах исполняли другие люди.

Однако мы с Володей сработались, у нас все было замечательно и очень по-доброму. Мы просто были актерами, которые пытались сделать хороший фильм».

Во многих интервью Наталья Николаевна с удовольствием говорит и вспоминает о совместной работе в кино с Владимиром Высоцким: «Люди уходят... «Маленькие трагедии — последний фильм, в котором снялся Высоцкий. Швейцер три месяца боролся за то, чтобы снять его в «Дон Гуане». За Володю приходилось биться каждый раз. Его любили многие режиссеры, на него писали сценарии, а играли эти роли другие актеры. Но Швейцер убедил высокое начальство, что поэт должен играть поэт, что это счастливое слияние актера и роли. Высоцкий играл каждый дубль как последний, относился к себе беспощадно. Он приезжал на съемки с концерта, после съемок уезжал играть спектакль. Скрывая свой надлом, шутил, каламбурил, однажды прочел мне стихи «Про Донну Анну». «Перепиши мне!» — попросила я. Он клятвенно обе-

щал. Не успел... Осталась лишь фраза в памяти: «А Дону Анну я называл Наташей...»

А вот слова актрисы о партнере по фильму из другого интервью: «Сразу после его смерти на картине «Незванный друг» я встретила с Олегом Далем. Мое равнодушие к нему началось еще с «Современника», куда я бегала смотреть спектакли с его участием. Олег все время расспрашивал меня о Высоцком, и видно было, что ему плохо душевно. Скоро Алов и Наумов, набравшие во ВГИКе режиссерский курс, пригласили Олега преподавать актерское мастерство. Он с радостью откликнулся, ожил, занимался с ребятами увлеченно. И они его необычайно любили, ждали по ночам, когда он освободится и придет к ним. Потом Даль улетел в Киев на пробы и там умер — меньше чем через год после смерти Высоцкого... В «Змеелове» я встретила с замечательным актером Леонидом Марковым. Во время озвучания мы никак не могли включиться в работу — все 8 часов он нас смешил. А сыгранную в картине роль умирающего словно спроецировал на себя — скоро его не стало...»

Наталья Белохвостикова — о Владимире Высоцком (отрывки из интервью разных лет). Эти жемчужины высказываний великой актрисы о великом актере и поэте. Оставим их без комментариев...

«Да, это была его последняя роль. Он был очень контактным, мудрым, добрым, очень, я думаю, страдающим человеком. Специально для него писались роли, но его не утверждали, очень мало снимали. Уходили образы, которые были просто предназначены для него. А тут — роль Дон Жуана, Пушкин — его любимый поэт. У него было в то время какое-то удивительное состояние души. Казалось, впереди его ждут новые роли. И было, конечно, видно, что этот человек живет и работает на пределе: очень часто до съемки он уже где-то пел или записывался, после съемочного дня были спектакли. Я не знаю, как у него хватало духа, физических сил, но иначе он не мог. Он не умел репетировать вполсилы, а чувство партнерства у него было удивительным...»

«Прежде всего хочу сказать, что работа с этими актерами стала для меня подлинным счастьем. Вот вы сказали «замечательные актеры», но ведь они были и замечательными, неповторимыми людьми. <...>

И Шукшина, и Высоцкого я любила бесконечно. Да и сейчас люблю. Не могу до конца поверить, что их больше нет среди нас... Ведь Володя Высоцкий был просто начинен жизненной энергией, переполнен жизнелюбием. С ним работать

было невероятно легко прежде всего потому, что Володя искренне радовался работе и заражал этой радостью окружающих. Во время съемок «Маленьких трагедий» все видели, что Высоцкий приходит каждый день как на праздник. И без устали, без роптаний работал столько, сколько требовал режиссер, снимался в дубле за дублем. Рядом с ним очень легко работалось и дышалось. Хочу еще раз повторить, что бесконечно благодарна судьбе за две эти встречи».

— ... Судьба словно благоволила ко мне, послав столь дорогие встречи.

<...> С Владимиром Высоцким мы встретились на телевизионной картине «Маленькие трагедии» в постановке Михаила Швейцера. Фильм снимался в напряженном ритме. Высоцкий относился к себе беспощадно, каждая минута была у него на счету. Иногда он приезжал на съемки с концерта — после съемок уезжал в театр. В обеденный перерыв, не снимая грима, ехал, бывало, в аэропорт встречать друга, а еще он умудрялся писать... Я не знаю, как его на все хватало.

Так случилось, что во время съемок я заболела. Но все равно снималась — поджимали сроки. И однажды утром в гримерную пришел Высоцкий и принес только что написанные стихи — про Донну Анну. Он чувствовал, что мне было тяжело, и решил как-то поддержать. Он был добрый человек.

— Ваши отношения с Владимиром Высоцким не выходили за рамки кино?

— Не, не, не, не!...

— Наташа, интересен ваш дуэт с Володей Высоцким в «Каменном госте». Вы согласились на роль, зная о своем партнере?

— Швейцер не сказал мне про Высоцкого. Володя на съемках был одержим. Приезжал после концерта и держался на пределе. Чувствовалось: каждый его дубль — как последний. Но на съемках он каламбурил, шутил, скрывал свой надлом... Картина вышла сразу после его смерти. Я видела Марину Влади уже после того, как Высоцкого не стало. Она подошла ко мне на премьере в Париже «Тегерана-43» и сказала: «До сих пор не могу смотреть фильмы, где играет Володя».

— Как вы относитесь к грубым нападкам на Марину Влади?

— После смерти Высоцкого напрасно забывают, что есть только один судья — он сам. Что бы он сделал после таких статей? Одному он набил бы морду. На другого с презрением посмотрел бы и ушел. Споры, дразги, склоки недостойны человека. Я на стороне Марины Влади. Он ее любил. И слепому

ясно, она его любимая женщина, любимая жена. Если мы любим Высоцкого, то с его чувствами надо считаться.

— В Марине есть русская душевность, мягкость. Она держала Высоцкого своей любовью на этой земле.

В недавнем юбилейном интервью актриса вновь вспомнила о совместной работе в картине с Владимиром Высоцким:

— А Высоцкий был каким партнером?

— Замечательным. Дело в том, что его часто не утверждали. На него писалось много сценариев, но он был почти под запретом, и его роли играли другие артисты. А Швейцер сказал, что, кроме Высоцкого, не будет никого снимать. Три месяца стояла его картина, он никого не снимал. Было очень много актеров, которые, по мнению начальства, должны играть Дон Гуана, а Швейцер говорил: нет, этого не будет. И когда начались съемки, мы были так счастливы, что есть мы, есть Пушкин, есть Швейцер и что все началось. Это была последняя картина Володи, и она вышла за несколько дней до его смерти.

— А вас Швейцер на Донну Анну пробовал?

— Он меня пригласил играть без всяких проб. Но я была в шоке: она же испанка, значит, черноволосая, а я беленькая. У Швейцера была версия, что в России ангел должен быть со светлыми волосами. Но у Пушкина-то Дон Гуан произносит: «Когда... вы черные власы на мрамор бледный...» И вот близилась эта сцена, стоит совершенно белокурая артистка. За Пушкина переписывать что-то вообще грех и кошмар. Володя ходил-ходил, потом подходит, глазки смеются (он вообще был очень смешливый), и вдруг — «и чудные власы...» И так сняли.

С Володей Высоцким у нас работа была очень короткая, недели три. Я, к сожалению, не знала его близко. Это был замечательный партнер, которому я просто очень благодарна...

Более подробный рассказ о съемках Владимира Высоцкого и Наталии Белохвостиковой в «Маленьких трагедиях» и анализ самой картины можно найти в брошюре кинокритика Григория Симановича, посвященной кинематографическим работам актрисы: «Белохвостиковой нередко везло на драматургию предлагавшихся ей ролей и литературный материал фильмов. Однажды она была приглашена на роль русского классического репертуара — Донна Анна в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина, поставленных на телевидении Михаилом Швейцером.

М. Швейцер утвердил ее на роль практически без проб. У опытного и прозорливого мастера уже была накоплена дос-

таточная сумма впечатлений о Наталии Белохвостиковой после того, что она сделала в фильмах «У озера» и «Красное и черное»...

Сопоставление характера, судьбы поэта и его невесты с характерами и судьбами некоторых персонажей болдинских творений помогало режиссеру и актерам выстраивать художественную конфигурацию, концепцию фильма в целом, и прежде всего — «Каменного гостя».

О том, с каким азартом и самоотверженностью шла работа, свидетельствует хотя бы такой факт: в один из съемочных дней, когда предстояла важная работа, Белохвостикова и Высоцкий, как на грех, были сильнейшим образом простужены. Но оба заявили, что приедут и будут сниматься. И приехали, каждый с температурой под 39 градусов, работали, как вспоминает Михаил Швейцер, с полной самоотдачей, отмахиваясь от вопросов о самочувствии и предложений перенести съемку.

В. Высоцкий и Н. Белохвостикова в трактовках классических образов «Каменного гостя» отвергли хрестоматийно-канонические представления о героях, отстранились от театральных шаблонов, оперных шаблонов.

Владимир Высоцкий наделил Дон Гуана свойственной ему взрывной эмоциональной мощью и неистовостью страстей. Но к этим бурным и пышным излипаниям чувств добавлена и интонация смягчения, пробивается мотив искренней человеческой преданности избранному идеалу, лирические обороты, ноты нежности, раскаяния и печали.

Пушкин — Дон Гуан — Высоцкий...

Татьяна — Лаура — Анна — Мэри — Гончарова — Белохвостикова.

Актриса играет постепенное, но неотвратимое воспламенение души. От изумления, сдержанного гнева, гордого неприятия попыток посягнуть на ее статус скорбящей, благочестивой вдовы — через едва заметные нам, где-то в уголках глаз, в тонких модуляциях голоса пробивающееся душевное состояние смятения — через внутреннюю, скрытую борьбу с подступающим чувством — через отчаянную попытку возбудить в себе ненависть к нему, как оказалось, — убийце мужа — к исполненной достоинства и покорности своему чувству, драматичной и прекрасной капитуляции перед непреодолимой, бешеной, неистовой страстью Дон Гуана. Таков лишь контур роли, диалектика эмоциональных преобразований героини...

Трехсерийный фильм, снятый для телевидения Михаилом Швейцером, большинство критиков сочли в целом удач-

ной и, бесспорно, талантливой попыткой перенесения на язык кинематографа пушкинских поэтико-драматургических вещей.

Иного мнения придерживается Я. Ясенец, автор статьи «Актер в эпоху режиссерского кино», опубликованной в журнале «Искусство кино». Обращаясь к фильму М. Швейцера, автор статьи пытается обосновать точку зрения, согласно которой режиссер и актеры якобы просто «переключились на рельсы солидной прозы, сняли заправдашные сцены из жизни, наводнили фильм той самой повседневностью, которую Пушкин в своем поэтическом театре имел обыкновение «отжимать», оставляя лишь отдельные детали и штрихи». В результате, по мнению критика, в фильме утерян тот магический кристалл, сквозь который поэт глядел на явления реального мира, создавая свои произведения.

И лишь одно актерское исполнение критик оценивает как «прорыв в поэтическое кино, адекватное внутреннему миру пушкинских трагедий». Это В. Высоцкий в роли Дон Гуана.

Разделяю отношение критика к работе В. Высоцкого, ставшей, как это ни печально, его последней ролью».

— Фильм Володя, конечно, видел... Но — на озвучании, когда мы с ним озвучивали свои роли, — говорила в одном из недавних интервью Наталия Белохвостикова. — Но он не видел его законченным, я имею в виду — как целостное произведение киноискусства. Очень жаль!.. Яркий партнер и человек! Мы были сразу утверждены с ним на свои роли — я — Донна Анна, а он — Дон Гуан в «Маленьких трагедиях» — и выполняли все установки режиссера, Михаила Абрамовича Швейцера. Поэтому, все в сумме — талантливые актеры, хорошая режиссура, ну, и, конечно же, — пушкинский сценарный материал, в итоге, — сделали свое дело и картина получилась просто замечательной!

В декабре 2011 года Первый канал показал документальную картину о поэте под названием «Владимир Высоцкий. «Вот и сбывается все, что пророчится...» В ней Наталья Белохвостикова вспоминала и рассказывала, сидя в кафе за чашечкой кофе, о... Марине Влади: «Красивая женщина... А в молодости была еще прекраснее! В нее просто невозможно было не влюбиться, я вам это говорю, хотя я — женщина. И понятен был интерес Володи Высоцкого к актрисе!..»

...Кинематографическая судьба могла свести на съемочной площадке с Владимиром Высоцким и мужа Наталии Николаевны, режиссера Владимира Наумова.

Поначалу режиссеры Алов и Наумов, приступившие к съемкам фильма «Бег» по роману Михаила Булгакова «Белая гвардия», полагали, что на роль генерала Хлудова, одну из главных в картине, как раз больше других подходит Высоцкий. Хватит, дескать, играть ему поручиков Брусенцовых, перерос.

Но — не сложилось...

В вышедшем на экраны в 1970 году фильме «Бег» роль Хлудова потрясающе-трагически исполнил Владислав Дворжецкий...

НИКИТА МИХАЛКОВ

...У него всегда было много завистников. Не столько врагов, сколько людей, которые не могли и не могут простить ему всего — происхождения, таланта режиссера и актера, дружеских отношений с властями, его многочисленных функций руководителя и общественного деятеля, манер и образа жизни.

Впрочем, немало у Никиты Сергеевича друзей и единомышленников.

В последнее время о нем говорят и пишут все — и враги, и друзья. Скандалы в Союзе кинематографистов и с пресловутой «мигалкой» на крыше дорогого авто режиссера (за что Михалкова прозвали «Мигалковым»), провальные премьеры обеих частей супердорогого кинопроекта «Утомленные солнцем-2» — фильмов «Предстояние» и «Цитадель», слухи о разводе с супругой Татьяной, появившиеся в прессе... Все это только подогревает интерес к нашему русскому Барину (так прозвали кинорежиссера в России).

Между тем, нельзя перечеркнуть вклад Михалкова в советский и российский кинематограф. Вклад этот — значителен. И актерский, и режиссерский.

Как талантливый артист Никита Сергеевич воплотил в кино образы от налетчика Брылова до российского императора Александра III, от школьника Кроша до быдловатого проводника поезда Андрюши и аристократа Паратова.

Не менее внушителен и список фильмов, снятых режиссером Михалковым: «Спокойный день в конце войны» (дипломная работа во ВГИКе, мастерская М. И. Ромма), «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Раба любви», «Пять вечеров», «Родня», «Без свидетелей», «Автостоп», «Анна от 6 до 18», «Утомленные солнцем» (премия «Оскар» Американской киноакадемии в номинации «Лучший иностранный фильм», 1995 г.), «Сибирский цирюльник», «Двенадцать», и другие картины. Все они хорошо знакомы зрителю и давно им полюбились.

С Владимиром Высоцким судьба сводила Никиту Михалкова (1945 г.р.) неоднократно. Познакомились они в конце 60-х годов. Актер и коллега поэта по Театру на Таганке Борис Хмельницкий вспоминал: «Когда Володя брал гитару — все девушки его были. Хотя тогда у нас компания была не самая слабая: Михалков, Кончаловский, Смирнитский, Ромашин, Золотухин, Визбор!..» Так что если не о дружбе, то о тесных и добрых приятельских отношениях между Никитой и Владимиром говорить можно смело.

На это же время, конец 60-х, приходится и эти воспоминания все того же Хмельницкого: «Однажды Никита Михалков, сам Никита Сергеевич Михалков, привел в компанию Хулио. Отец его был 1-й секретарь Чилийской компартии. (Речь, вероятно, идет о Луисе Корвалане. — А. П.) Этот Хулио сел на пол и стал петь всякие песни. Бородатый такой, энергичный мужик. Девушки были. Ну и Володя подзавелся. Красивые женщины! Когда Володя видел красивых женщин, он всегда подзаводился. Да и мы — тоже. А гитары семиструнной — не было.

Тогда мы пошли к Юрию Визбору, который жил в этом же доме на восьмом этаже. Заходим к нему: «Юра, дай одну из своих гитар! Там Хулио приехал, дай Володе, чтоб попел тоже». — «Не, ребята! Вы что? Чужие инструменты — не отдают!» Я говорю: «Ну, под нашу ответственность — Володя, я! У тебя же не одна гитара?» — «Ну ладно, смотрите! Я потом загляну».

Взяли ее, гитару Визбора. Хулио поет и Володя, Хулио и Володя. Тот, значит, стал стучать по своей гитаре. Хорошо играл! Володя подзавелся, стал тоже петь и стучать, и вдруг... На наших глазах вот эта гитара Юрия Визбора... Володька ударил по ней, и что-то взорвалось. Бум! Струны, дека — врассыпную! И — пауза... Мы это — в совочек, в сумочку. И заносим Юрию Визбору: «Юра, прости!..» Такого количества отборного мата, нецензурных слов и выражений, я не слышал от Визбора ни до, ни после этого случая!

Что делать? Приходим на следующий день: «Юра, мы тебе восстановим гитару!» И мы с Володей поехали на Неглинную улицу. Там тогда магазин был музыкальный. А купить гитару нельзя было, только — по большому благу. Чтобы приобрести гитару, если они были в продаже, надо было еще и очередь отстоять! Мы зашли в магазин, представились, ребята нас узнали. Я говорю: «Ребята, дайте нам гитару!» И они дали нам две гитары. Одну мы отдали Визбору, а вторая осталась у нас, за 9.60».

Надо признаться, что сам Никита Сергеевич не часто рассказывает о своем знакомстве и общении с поэтом или выступает с воспоминаниями о нем. Сложно сказать о причинах

этого, но виновата здесь, вероятно, банальная занятость, загруженность Михалкова творческими, общественными и личными делами и планами. Поэтому пока приходится довольствоваться той информацией о его отношениях с Владимиром Высоцким, которую удалось почерпнуть в интервью режиссера и публикациях о его жизни и творчестве.

Об одной из встреч с поэтом Никита рассказал в беседе с писателем Александром Минчиным: «...Итак, я должен был идти в армию 21 октября мой день рождения, исполнялось 27 лет, а после этого по закону уже в армию не брали. Я должен был пойти в кавалерийский полк при «Мосфильме». Я уже готовился к «Свой среди чужих...» Приехал на городской сборный пункт, колючая проволока, КПП, забор... Потом кончается забор — идет лес, и с этой стороны может кто угодно зайти, кто угодно. Совсем как в России! Привозят два ящика водки. Делать нечего, пьем. Сопровождавший меня господин напивается вусмерть и обнаруживаю я его в туалете с раскрытым портфелем, и военный билет мой трепещет — в сортире, в писсуаре. Я вынимаю этот военный билет. Возникает первое искушение. вот сейчас я его спускаю в унитаз — и все, нет никакого призывника, копии в военкомате нет — как не существовало. Мне надо было только до дня рождения продержаться. Но тут гены предков сработали, сказали: нельзя этим пользоваться, дурно. Я высушил свой билет... Короче, этот парень сопровождающий, который совершенно уже очумел от всего этого: каждый день, в жару, пить, говорит: «Я тебя прошу, уходи!» Мы садимся в автобус и едем на Таганскую. Я ему говорю: хочешь с Высоцким познакомлю? Он не верит и... ругается. Иди ты! Я захожу в Театр на Таганке со служебного входа и спрашиваю: «Володя есть Высоцкий? Позовите, пожалуйста». Его зовут, он спускается, я говорю: «Володь, меня в армию забирают, спой нам что-нибудь». И Володя спускается с гитарой и начинает петь, потом послал за бутылкой водки...»

В другом похожем интервью — кинокритику Виктору Матизену, специально данном Михалковым для фотоальбома «Никита», — режиссер несколько по-иному вспоминает историю знакомства «сопровождающего его господина» с Владимиром Высоцким: «Потом, не помню почему, мы с ним (с сопровождающим. — А. П.) проезжали мимо Театра на Таганке, и я решил его с Высоцким познакомить. Вызвал Володю, говорю: «Меня в армию забирают...» Взяли водки, закрылись, и Володя нам пел на черном ходу. Опекун мой опять накушался и плакал...»

Высоцковед Виктор Бакин на страницах книги о поэте — об этом же: «1972. В этом году под весенний призыв для охраны страны попал 27-летний Никита Михалков. Чтобы хвастануть перед военкомовским собутыльником знакомством с Высоцким, великовозрастный призывник притащил его на «Таганку». Вызвал Владимира через служебный вход: «Володь, меня в армию забирают, спой нам что-нибудь». При всем, мягко говоря, сдержанном отношении к Михалкову Высоцкий принес гитару и пел...»

Итак, как уже известно читателю, и, судя по обращению Михалкова к Высоцкому, они не первый год приятельствуют (вспомним «вечеринку» с участием обоих и Хулио, сына главы чилийской компартии Луиса Корвалана!) Но действительно, почему такое лакейское поведение по отношению к Никите со стороны поэта? Ясно, что Михалков хвастался перед опекуном знакомством с Высоцким, но Владимир не только не одернул хвастуна, но и стал ему «прислуживать»: ушел с репетиции, стал петь им и пить с ними... Два варианта развития событий: или Высоцкий действительно считал Никиту другом, и не мог отказать ему с приятелем в просьбе спеть, дабы не обидеть их своим отказом, или же просто не хотелось присутствовать в театре, а было желание выпить... Во второе верится меньше.

Но и в первом варианте невольно засомневаешься, ознакомившись с отрывком из книги воспоминаний о поэте приятеля Владимира Высоцкого, переводчика Давида Карапетяна: «Терпимость Высоцкого удивляла. Он явно чурался роли арбитра, считая, видимо, что талант искупает многое. На моей памяти он только однажды высказался резко об известных деятелях искусства, и то, когда был в подпитии. В 1974 году я впервые услышал от него осуждение оппортунизма других: «Они оба, оба всеядны — и Никита, и Андрон». Речь, понятно, шла о славных «братьях-разбойниках» Никите Михалкове и Андроне Кончаловском».

С годами у Владимира Семеновича произошла естественная переоценка ценностей, и, что вполне естественно, изменилось отношение к Михалкову не только как к личности, но и к его кинематографическому творчеству...

На мой взгляд, слова Карапетяна о Высоцком «он чурался роли арбитра, считая, что талант искупает многое» прекрасно объясняют поведение поэта при встрече с Никитой Михалковым и его армейским опекуном в мае 1972 года...

Из тех же воспоминаний Давида истекает и понимание того, почему Владимир Высоцкий так, мягко говоря, иронич-

но отозвался об одном из визитов в свой дом Никиты Михалкова. Визит этот ярко описан в воспоминаниях о поэте кинорежиссера Станислава Говорухина.

В 1975 году уже довольно тесное знакомство Михалкова с Высоцким перерастает в соседство: они въезжают в новый, только что построенный «кооперативный» дом на Малой Грузинской улице в Москве и поселяются в квартирах, находящихся в одном подъезде...

Итак, отрывок из эссе Станислава Говорухина «Такую жизнь нельзя считать короткой», одного из самых лучших и правдивых воспоминаний о Владимире Высоцком: «Сидели мы как-то на кухне, пили чай. Зашел на огонек Никита Михалков, сосед по дому. Заглянул на минутку, а просидел час-полтора. Рассказал об Иране — он только что вернулся с Тегеранского фестиваля. Не могу вспомнить, о чем конкретно он говорил, помню только, что слушать было безумно интересно. К тому же весь рассказ был окрашен добрым юмором. Мы с Володей сидели раскрыв рты. Наконец Никита попрощался и ушел. Володя сказал:

— До чего же талантлив. Все наврал, а как интересно!

Вспоминаю это для того, чтобы сказать: Володя и сам был таким. Во всем, что касалось устного художественного творчества. Художник всегда побеждал в нем объективного наблюдателя».

Интересная деталь: это же эссе Говорухина о поэте, только под другим названием — «До и после» — напечатано в сборнике воспоминаний о Владимире Высоцком «Я, конечно, вернусь...», выпущенном издательством «Книга» в 1988 году, к 50-летию Владимира Семеновича. В этой редакции эссе не упоминаются имя и фамилия Никиты Михалкова, а говорится о «соседе по дому». И рассказывал он не о Тегеранском фестивале, а «о загранице. Только что оттуда приехал». Обе публикации разделяют два года. Странно, что в одной редакции воспоминаний имя Михалкова упоминается, а в другой — нет... Согласитесь, без упоминания имени в публикации было бы трудно узнать персону Никиты Сергеевича, скрываемого Говорухиным (или — злым редактором?) под маской «соседа по дому».

В 2011 году Станислав Сергеевич выпустил книгу кинематографических воспоминаний «Черная кошка». В ней также нашел отражение факт неожиданного прихода в гости к Владимиру Высоцкому Никиты Михалкова, свидетелем которого он невольно стал. Но теперь Говорухин описывает визит гостя несколько иначе, чем 20 лет назад: «Сидим с Володей на кухне в его новой квартире на Малой Грузинской, Володя за-

варивает чай. В те времена хороший чай был редкостью — пили грузинский, индийский «Три слона» каких-то... Лучшим почему-то краснодарский считали, да где же его достанешь?

Володя привозил чай отовсюду — все полки на его кухне были уставлены железными разноцветными коробками с чаем. Запах на кухне был потрясающий — словно попал в знаменитый чайный магазин на Кировской, напротив Центрального телеграфа.

Пьем чай, болтаем... Забежал на огонек сосед сверху — Никита Михалков. Только что вернулся из Тегерана, с кинофестиваля. Рассказывал об Иране, о своих встречах с шахом, с шахиней — мы слушали, раскрыв рот...

Никита ушел, Володя закрыл за ним дверь, вернулся на кухню и произнес: «До чего же талантлив, собака! Все наврал, а как интересно!».

Он и сам был такой — если рассказывал что-то из жизни, из увиденного или услышанного, обязательно привирал, добавлял от себя, дофантазировал, превращал в художественное произведение, в законченную миниатюру».

Долгие годы эти скудные сведения — отрывки из интервью Михалкова да кусочки воспоминаний о Владимире Высоцком режиссера Говорухина — были единственными опубликованными источниками и свидетельствами, подтверждающими знакомство и общение Никиты Сергеевича с поэтом. А так хотелось узнать побольше, ведь знакомы они были больше десяти лет!

С просьбой к Н. С. Михалкову поделиться своими воспоминаниями о Владимире Высоцком автор направил осенью 2005 года письмо кинорежиссеру, сообщив в нем, также, об открытии в Краснодаре летом этого же года Музея поэта.

В ответном письме к автору от 22. 09. 2005 г. Никита Сергеевич написал: «Вы просите меня поделиться своими воспоминаниями о В. С. Высоцком, которые могут быть размещены, в частности, в новом музее поэта в г. Краснодаре. Такая запись должна быть хорошо организована, и на нее мне придется изыскать определенное количество времени.

Куратор музея Н. В. Высоцкий может ко мне обратиться с подобной просьбой, когда все будет готово для записи.

Сейчас у меня очень много личных творческих планов, все они расписаны на много лет вперед, когда-нибудь придет час и для мемуаров...»

«Час для мемуаров» настал в январе 2010 года. Конечно, эти воспоминания Михалкова о Высоцком далеко не претендуют на полноту и фактическую точность, но сам рассказ о

поэте кинорежиссера и интересные эпизоды, присутствующие в этом рассказе, не могут оставить равнодушными поклонников и исследователей творчества Владимира Семеновича.

Вечером 24 января 2010 года на Первом канале была показана церемония вручения премий имени Владимира Высоцкого «Своя колея» за 2009 год. В рамках церемонии состоялся концерт и памятный вечер, посвященный 72-й годовщине со дня рождения поэта. На этом вечере и выступил с воспоминаниями о Высоцком Никита Михалков.

Ведущие мероприятия актеры Ирина Линдт и Валерий Золотухин расспросили гостя о памятных эпизодах его общения с Владимиром Семеновичем:

— Мы ведь знаем, что вы были соседи... Какой он был сосед?

— По-трезвому мы, как бы, каждый занимался своим делом. А по-нетрезвому, конечно, так сказать: «Че-то я тебя давно не видел! (Михалков хлопает Золотухина по плечу). Заходи ко мне!..» А я — прихожу. А там уже — все накрыто. И уже часть, так сказать, уже, «пришли» — «выпали в осадок» (перебрали спиртного. — А. П.)! (Общий смех). Мы — дружили, но, все равно, эта дружба была именно как соседи.

Я очень любил его песни, был на концертах на его... И люди собирались — что мне вам рассказывать! — просто — послушать Высоцкого! Стоял, этот..., — «Нева» или как он там назывался, да?..

— «Комета».

— ...магнитофон «Комета» и люди сидели и просто подряд его слушали, выпивали под это... Под него жила страна!

— Ой, как здорово!

— Ну, действительно, — жила страна под него!

Я приехал в город маленький — Юрьев, маленький совсем городок. Воскресенье. Перекресток — улицы Клары Цеткин и Розы Люксембург. (Смех Золотухина). И в окне сидит человек, так сказать... В майке, такой, уже, «хороший», так, уже, «обновившийся» (выпивший. — А. П.), значит... У него магнитофон звучит на всю улицу. Володиные песни. Я говорю: «Здорово!» Он говорит: «Здорово!» Я говорю: «Слушай, скажи, пожалуйста, ты знаешь, кто такая Клара Цеткин?» Он говорит: «Не-а». Я говорю: «А Роза Люксембург?» Он говорит: «Нет. А зачем тебе? Ты кого ищешь?» Я говорю: «Нет. Просто спросил». Я говорю: «А кого ты знаешь?» Говорит: «Да вот, Вовку знаю (всеобщий долгий смех), ...Высоцкого!..»

У нас было равное друг к другу уважение. Я имею в виду, даже, не в сравнение, так сказать, величин: он — Высоцкий,

там, я, это, — начинающий, и так далее... А, вот, — уважение человеческое, мужское. Оно — было!

И вообще, очень многое зависит от того, как человек ведет себя в разных ситуациях, скажем... Вообще, я считаю, что есть три теста проверки мужчин — как он ведет себя на людях. Кто играет в теннис — как он ведет себя на корте, особенно, — когда проигрывает. Как он ведет себя на охоте — как делит дичь и как человек уважает или не уважает выстрел, природу. Как он ведет себя за столом... Раньше, еще, было — как он ведет себя за границей (смеется), особенно — в туристических поездках. Как мужчина себя ведет, понимаете? Платит он только за себя или, там, берет на себя: да хрен с ним! — не куплю, но, так сказать, почувствую себя мужиком! Вот в этом смысле.

Я думаю, что Володя не играл в теннис. Не знаю, был ли он на охоте. Но, — убежден совершенно, что за границей и за столом он был мужчиной! Во всех проявлениях, так сказать, — и хлебосольства, и уважения к тем, кто вокруг. И вообще, — уважения к тому, кем ты себя чувствуешь в окружающем мире...

В этом смысле он, конечно, — цельный. Цельнейшая личность!..

Заметно, что эмоциональный и оттого — немного сбивчивый и несвязный рассказ Никиты Михалкова о Владимире Высоцком — чистой воды импровизация. Кинорежиссер, по всей видимости, не готовился к записи в студии, а просто приехал в нее и выдал на камеру все, что пришло в тот момент ему на ум (в голову).

Но — будем благодарны Никите Сергеевичу даже за этот «разносол»!

Остается надеяться, что «еще не вечер», и мэтр российского кинематографа еще не раз обрадует нас, «уже, так сказать, я думаю, вот, воспоминаниями, — более подробными, скажем, и, в частности, о соседе, как-то. Вообще... Я думаю... Высоцком. О...»

В канун 72-летия Владимира Высоцкого, которое отмечалось 25 января 2010 года, с новой силой разгорелась полемика, стоит ли перепевать гениального музыканта. С одной стороны, по всей стране прошли вечера авторской песни, в которых со своими интерпретациями песенного наследия Владимира Семеновича выступило множество бардов. С другой — тот же Никита Михалков резко высказался о тщетности любых попыток переплюнуть гениального певца. «Я вообще не понимаю, зачем нужно перепевать Высоцкого? — недоумевал кинорежиссер на том же вечере памяти Владимира

Высоцкого «Своя колея». — Занятие это совершенно бессмысленное. Выскажу крамольную мысль: я люблю больше слушать Высоцкого, чем читать».

В конце 2010 года в свет вышла книга статей и выступлений кинорежиссера «Никита Михалков. Прямая речь». В сборнике собраны его размышления и воспоминания о людях искусства, с которыми Никите Сергеевичу приходилось дружить, работать или встречаться на творческом пути. В книге целые главы посвящены Андрею Тарковскому, Юрию Богатыреву, Василию Шукшину... Присутствует в издании глава и о Владимире Высоцком.

Но, к сожалению, кроме дежурных фраз и обобщений о «великом поэте и большом артисте», более интересного о поэте или встречах с ним из книги Никиты Михалкова, читатель, к сожалению, не узнает... А жаль! Все-таки, Владимир Семенович не менее крупный художник, чем Тарковский или Шукшин, и заслуживает более развернутого и подробного рассказа о своей персоне и своем творчестве.

Параллельно с выходом свет книги Никиты Сергеевича, в продаже появились диски с аудиоспектаклем «Робин Гуд», в котором использованы песни Владимира Высоцкого. Радиоспектакль о приключениях отважного англичанина с участием Никиты Высоцкого (в роли Робин Гуда), Льва Дурова и Никиты Михалкова, читающих текст, и разбавленный гениальными балладами Высоцкого, написанными в середине 70-х для одноименного фильма, несомненно порадует любителей творчества поэта.

...Последняя «встреча» приятелей и соседей произошла в Театре на Таганке 28 июля 1980 года на панихиде по одному из них, Владимиру Высоцкому. На ней Никита Михалков в числе прочих выступил с краткой прощальной речью — яркой, трогательной и искренней...

Вспоминает актриса Алла Демидова: «Выступали Любимов, Золотухин, Чухрай, Ульянов, Н. Михалков, кто-то из Министерства культуры. Потом опять Любимов. Говорили о неповторимости личности Высоцкого, о том, как интересно он жил, как он народен. Многие из тех, кто выступал, при жизни Высоцкого и не подозревали о размахе его популярности...»

Болгарский журналист Любен Георгиев пишет, что выступавшие на панихиде «Ульянов, Золотухин, Чухрай и Михалков не называли организаций, которые они представляют. Но понятно, что Ульянов выражал соболезнования от Всероссийского театрального общества, Золотухин — от своего театра, Чухрай и Михалков — от деятелей кино».

Слова прощания, произнесенные Никитой Михалковым, были горьки, но искренни: «Уста говорят от избытка сердца, но иногда от избытка сердца лучше помолчать. Так уж заведено, чтобы самые разные люди, провожая в последний путь человека, говорили о нем прекрасные слова. Наверное, этим пытаясь восполнить то, что не удалось, не смогли или не хотели дать ему при жизни. Но слова остаются, в общем, словами, и потому в эти минуты чрезвычайно трудно говорить любому.

Умер народный артист Советского Союза. В самом истинном смысле этого слова. Потому что его знали все, его многие любили, его многие не любили. Но и те, кто его любил, знали, за что его любят, и те, кто его не любил, знали, за что его не любят. Потому что он был ясен, конкретен и чрезвычайно талантлив. Но для всех это был человек бесконечно близкий. Близкий. Просто близкий. Для нас это был просто Володя, для кого-то был Владимир Высоцкий, для кого-то это был Владимир Семенович Высоцкий.

Герцен сказал, что человек, поступки и помыслы которого, не в нем самом, а где-нибудь вне его, тот раб при всех храбростях своих. Володя был всегда человеком, поступки которого были внутри, а не снаружи. И он всегда был человеком живым. Для нас он всегда живым и останется...»

Произнесший такие замечательные слова на прощании с опальным поэтом должен был обладать гражданским мужеством и четкой жизненной позицией...

После этого выступления кинорежиссера на панихиде, его отец, знаменитый детский поэт Сергей Михалков, в интервью не без гордости произнес: «Когда мой сын Никита выступил на панихиде в Театре на Таганке, я сказал ему: «Ты — молодец!»

Восхищен смелыми словами Никиты Сергеевича, произнесенными на гражданской панихиде в театре о своем отце и сын поэта, тезка кинорежиссера Никита Высоцкий: «Михалков сказал: «Умер народный артист Советского Союза!» Хотя у него не было таких званий. Как разряд какой-то в воздухе! Все были согласны! Но, сказать такое! Понимаете...»

После публикации в стенгазете «Менестрель» расшифровок речей выступавших на панихиде, они стали распространяться по стране в машинописных и рукописных копиях. Дополненные стихами самого Владимира Высоцкого, а также стихотворными откликами на его смерть его коллег-поэтов и стихами о барде безымянных авторов.

В архиве автора имеется четыре экземпляра таких копий: три машинописных и одна — рукописная. В двух из них, од-

ной из машинописных и рукописной, после текста речи Никиты Михалкова на панихиде напечатано (переписано) стихотворение. Сверху него значатся имя и фамилия кинорежиссера. То есть — или оно им написано, или же — прочитано во время выступления на панихиде в театре. Первое — маловероятно: стихов Никита никогда не писал (в его семье было кому этим заниматься профессионально), да и на сохранившейся фонограмме выступлений чтения Михалковым стихотворения нет.

Тем не менее, стоит привести в главе эти душевные строки неизвестного автора об уходе из жизни поэта...

Москва Высоцкого хоронит,
Колотит строчка у виска:
«Ах, чуть помедленнее, кони!»,
Хоронит гения Москва.
Наветы, слухи, кривотолки —
Великих вечная судьба,
Но о любви людские толки
Расскажут сами за себя.
Глаза, раскрытые в потемки,
Душа, открытая всему.
Ну, ничего, придут потомки:
Они разложат, что к чему.
Волшебный шестиструнный стон
Звенит и шума не жалеет,
Людей незаменимых нет,
Но кто Высоцкого заменит?
Мужчина подходящих лет
Пред милой женщиной робеет.

Погиб поэт — невольник чести,
В который раз такой конец.
Как будто было неизвестно:
Талант в России — не жилец.

Кстати: если об авторстве вышеприведенного стихотворения можно спорить, то уж данный текст, как утверждают знатоки, точно принадлежит перу кинорежиссера. «Никита Михалков написал стихотворение «Памяти Высоцкого»:

Он не допел, не досказал всего,
Что было пульсом и в душе звучало,

И сердце отказало оттого,
Что слишком долго отдыха не знало
Он больше на эстраду не взойдет
Так просто, вместе с тем и так достойно
Он умер. Да, и все же он поет...
И песни не дадут нам жить спокойно!

Как бы ни была велика утрата и скорбь по безвременно ушедшему поэту, актеру и барду, жизнь продолжалась...

Именно в эти горестные июльские дни 1980 года Никита Михалков начинает съемки своего нового фильма «Родня» по сценарию кинодраматурга Виктора Мережко.

Вспоминает актер Дмитрий Харатьян: «Моя» роль в фильме досталась Олегу Меньшикову. Кинопробы проходили вместе с Нонной Викторовной Мордюковой. А в тот день хоронили Высоцкого. Михалков с Мордюковой задерживались на панихиде. Я же сидел и ждал их на «Мосфильме». Они приехали, мы стали пить чай, они болтали между собой без умолку, а меня как будто заклинило. Я чувствовал себя ужасно скованно, хотя второй режиссер перед встречей с Михалковым меня предупредил: «Ты не переживай! Считаю, что ты уже утвержден». Но моя зажатость, видимо, не приглянулась Михалкову, поэтому он взял на роль Меньшикова».

Вот так сложились обстоятельства: прощание с Владимиром Высоцким, присутствие на нем режиссера и актрисы, их последующий обмен впечатлениями о событии за чаем, возникшая у молодого актера нервозность от томительного ожидания кинопроб... Все это, в итоге, помешало сыграть Диме Харатьяну новобранца в ставшей позже культовой картине Михалкова, вышедшей на экраны в 1981 году.

Никита Сергеевич по-соседски присутствовал в квартире поэта на Малой Грузинской в день сороковин, 2 сентября 1980 года...

В одном из интервью польский актер Даниэль Ольбрыхский вспоминал:

— Были ли вы на его похоронах?

— Я не смог приехать на Володины похороны, так как снимался в это время у Лелуша в «Болеро» и меня не нашли. По православному обычаю мы отмечали поминки Володи на девятый день...

Я поклялся, что на сороковой день поеду в Москву. Это был 80-й год. Сентябрь. В Польше самый пик «Солидарности». Советский Союз в штывы принимал забастовки в Польше. Я активно выступал на стороне «Солидарности» и считался небла-

гонадежным. Мне надо лететь в СССР, а загранпаспорт мне не дают. Тогда я пришел к директору «Фильма Польского» Янушу Запоровскому и сказал: «Мне во что бы то ни стало нужно в Москву. На поминки по Володе». Януш вскочил: «Ты спятил?! Меня же с работы снимут! Куда хочешь, в любую страну, только не в СССР! Ты же враг социализма». — «Мне всего на одну ночь! Выручай!» И сердце чиновника дрогнуло: «Главное, чтобы был предлог. Так, запомни. Ты едешь на встречу со знаменитым режиссером». — «Может, Михалков?» — «Молод еще!» — «Бондарчук?» — «Вот этот подходит. Ты едешь к нему обсуждать будущую роль». И дал мне паспорт и даже точные на полдня. Как только мы приземлились, ко мне подошел незнакомый мужчина, пожал руку и сказал: «Знаю, зачем вы приехали. Я вас отвезу на Малую Грузинскую. А завтра утром провожу в аэропорт». В квартире Высоцкого было много друзей и близких: оба сына, Марина, Белла Ахмадулина, Алла Демидова, Сергей Юрский, Веня Смехов, Сева Абдулов, Евтушенко, Окуджава, Михалков.

Возвращаясь к вопросу о кинематографе... Владимиру Высоцкому и Никите Михалкову, к сожалению, не довелось поработать совместно на съемочной площадке, ни как актерам, ни как актеру с режиссером. Хотя косвенно в кино они пересекались. Актер Евгений Леонов-Гладышев, сыгравший одну из главных ролей в приключенческом фильме «Забудьте слово «смерть» (1979 г.), снятом по сценарию Никиты Сергеевича, в одном из интервью утверждал, что «Высоцкому была заказана песня в эту картину, и Владимир Семенович написал ее. Но в фильм песня не вошла. А во время перерыва съемок уже «Места встречи...» он эту песню начал напевать. Ребята из лихтвагена (это автомобиль такой, в котором записывается звук) поставили перед ним микрофон. После Высоцкий подошел к лихтвагену, попросил ребят прослушать ее, прослушал и потребовал стереть: либо он был недоволен вариантом, либо опасался «пиратства». Мне долго казалось, что эта песня утрачена, но, к счастью, оказалось, что нет».

Речь в интервью Евгения Борисовича идет о песне Владимира Высоцкого «Пожары», написанной им в 1978 году действительно специально для фильма. В окончательный его вариант она не вошла. И еще одно: сценарий картины Никита Сергеевич писал не сам, а совместно с Эдуардом Володарским.

На одном из концертных выступлений в 1979 году поэт рассказал: «Эта песня написана для картины Одесской киностудии, режиссером ее был мой товарищ (Самвел Гаспаров. — А. П.) Он, значит, сорок бочек мне наобещал, как она здорово

будет туда вставлена. Леша Зубов написал прекрасную оркестровку этой музыки, мы ее записали с оркестром — а потом оказалось, что в фильме ее нету. Не то, что она не состоялась по каким-то там причинам несходства наших взглядов — просто не смонтировалась с материалом: песня была написана в очень сильном ритме, и, хотя события в картине тоже очень жесткие — очень много стрельбы на экране, артисты темпераментно работают и так далее, — все-таки эта песня туда не уложилась...»

Сам Самвел Владимирович в интервью высококоведу Марку Цыбульскому так рассказал о перипетиях, связанных с песней Владимира Высоцкого «Пожары», написанной в картину, но не вошедшую в нее...

Марк Цыбульский: В Ваш фильм «Забудьте слово «смерть» не вошла песня Высоцкого...

Самвел Гаспаров: Павленок (Борис Владимирович Павленок — заместитель председателя Госкино СССР в 70-е годы. — А. П.) не разрешил. «Пожары», я считаю, гениальная песня, одна из лучших у Высоцкого. Я ее уже смонтировал, а Павленок посмотрел и сказал: «Только через мой труп». Песню Высоцкий написал на моих глазах буквально за пятнадцать минут. За пятнадцать минут — клянусь честью! Володя был тогда в завязке. Он сидел и ел шоколад. Он съел, наверное, килограмм шоколада, пока я ему рассказывал сценарий. Он сценарий не читал вообще! Я к нему пришел со сценарием, думал, что мы сейчас сядем и будем это все обсуждать. А он говорит: «Расскажи мне сценарий». Я бегал по всей квартире полтора часа, рассказывал ему, прыгал, падал — и он завелся.

Тут же он взял гитару. Как будто его сверху озарило! И слово за словом он начал придумывать песню. Я ему рассказал свою задумку: «Мне надо, чтобы там были ребята, на лошадях без седел бешено скачущие. Русые кудри красиво развеваются. Все горит, земля горит, все черное». И он тут же — тут же! — начал выдавать мне фразы:

Пожары над страной, все выше, жарче, веселей —
Их отблески плясали в два притопа, в три прихлопа,
Но вот Судьба и Время пересели на коней.
А там — в галоп под пули в лоб
И мир ударило в озноб
От этого галопа!..

Вы знаете, я непьющий человек, но после того как я услышал эту песню, написанную на моих глазах, я выпил бутылку

водки, как холодную воду. Я прикоснулся к Гению. Это было просто потрясение, я такого не видел никогда в жизни, меня колотило, когда я от него ушел...

Вот такие страсти-мордасти вокруг песни Владимира Высоцкого!

В 1983 году вышел на экраны фильм Никиты Михалкова «Без свидетелей». Один из героев картины — Он, в блистательном исполнении Михаила Ульянова, по ходу ее действия насвистывает мелодию «Песни о друге» Владимира Высоцкого.

И, надо сказать, — очень похоже и узнаваемо получается!

...1 декабря 2011 года Никита Сергеевич Михалков побывал на премьере еще не успевшего выйти на экраны, но уже достаточно нашумевшего фильма режиссера Петра Буслова о поэте. Пришел он в кинотеатр не один — его сопровождала младшая дочь, грузинская актриса Надо (Надежда) Гигинеишвили. Газеты писали: «На премьерный показ широко разрекламированного фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой» собралась чуть ли не вся столичная богема. Создатели картины закатали целое представление — с декорациями, советской атрибутикой, петушиными боями и узбекским пловом.

Первый этаж кинотеатра «Октябрь», где состоялась премьера, трансформировался в зал аэропорта 1979 года со всем полагающимся антуражем. Здесь же припарковалась точная копия голубого «Мерседеса» Владимира Высоцкого, который в те времена был неслыханной роскошью. Лестницы, ведущие на второй этаж, напоминали салон самолета, а на борт, то есть в просмотровые залы, гостей провожали улыбчивые стюардессы.

Почти все звездные гости, насладившись двухчасовым шедевром, в один голос стали пророчить ему сумасшедшую кассу и зрительскую любовь.

— Сделали все, чтобы Высоцкого увековечить, — считает Никита Михалков. — Я его очень хорошо знал, мы жили в одном доме. Когда смотрел, было странное ощущение, уж очень актер похож! Грим, который ему сделали, — это ювелирная работа».

Это — мнение о картине не рядового зрителя, но режиссера и опытного, маститого кинематографиста, и оно — дорогого стоит! Приятно читать о том, что фильм Никите Сергеевичу — понравился!

Что же касается совместной работы режиссера и актера в кино... Думается, могла бы найтись роль для Владимира Высоцкого в фильме Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». Возможно, что и главная — чекиста Егора

Шилова, так замечательно сыгранная в картине гениальным актером Юрием Богатыревым. А может быть, Владимир Семенович просто не устраивал Михалкова как актер и не был типажом героев его картин? Как знать, хотя...

Другой кинорежиссер, Петр Ефимович Тодоровский, говорил: «У каждого режиссера сложился свой тип героя... Мне кажется, что фильмы, в которых Высоцкий работал, не смогли в полной мере раскрыть его талант. Не нашлось при его жизни в кинематографе режиссера, который смог бы «размять» его, помочь ему в совершенстве раскрыть его творческую индивидуальность. Теперь бы это, наверное, смогли сделать и Михалков, и Соловьев, и Шахназаров...»

НИНА УРГАНТ

Сегодня, услышав фамилию «Ургант», зритель, особенно молодой, конечно же, добавит к ней имя «Иван». Старшее же поколение, безусловно, вспомнит замечательную актрису Нину Николаевну Ургант, бабушку Вани (известного шоумена и ведущего Первого канала).

Нина Ургант — народная артистка РСФСР, актриса питерского Театра имени Пушкина. Снималась она и в кино. Звездная роль у Нины Николаевны (собственно, по которой ее и помнит зритель) всего одна — в кинофильме Андрея Смирнова «Белорусский вокзал» (1970), где она не только снялась, но и исполнила известную всем песню Булата Окуджавы «Нам нужна одна победа» (музыка Исаака Шварца).

Мы уже упомянули о младшем и старшем поколении семьи Ургант. К среднему поколению принадлежит и относится малоизвестный зрителям сын Нины Николаевны и отец Вани — актер Андрей Милиндер (носит фамилию мамы).

Без малого полвека тому назад, в середине 1966 года, творческая судьба свела и познакомила Нину Ургант с Владимиром Высоцким. Они сыграли роли в одной картине. Называлась она «Я родом из детства». Ее на «Беларусьфильме» снял кинорежиссер Виктор Туров. Фильм о войне, сценарий его — трогательный и правдивый — написал талантливый сценарист и поэт Геннадий Федорович Шпаликов.

Позднее актриса с юмором вспоминала о своей первой встрече с поэтом и актером: «Прихожу на студию, с табуретки поднимается молодой человек. «Здравствуйте, я Володя Высоцкий», — ростом мне по плечо, щеки розовые. А нам играть про любовь! Увидев мое лицо, он сказал: «Не огорчайтесь, ради Бога, я на экране получаюсь мужественный». Володя был очень тонким, ранимым человеком».

А вот воспоминания уже о съемках в картине «Я родом из детства» самого Владимира Высоцкого: «В период съемок фильма... мне приходилось встречаться с бывшими фронто-

виками. Они даже принимали участие в моем внешнем облике, не говоря уже о содержании роли... Тогда я написал песню о госпитале, скорее это даже небольшая зарисовка...

Потом вдруг начинала звучать пластинка как бы довоенных лет. Мы играли с Ниной Ургант сцену и заводили пластинку. С нее звучала такая песня:

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города...

В фильме Высоцкий сыграл раненого молодого танкиста Володю, Нина Ургант — его любимую женщину.

Собственно, после съемок в картине у актеров завязались дружеские отношения. «Мы подружились, — вспоминала Нина Николаевна. — Он приходил ко мне в дом и проверял на мне свои песни... «Что ты так кричишь, — сказала я ему однажды, — спой мне песню о любви». А он ответил очень просто и серьезно: «У меня все песни о любви».

Касательно песен о любви и самой любви — вообще... Актриса вспоминает, что Владимир Высоцкий был человеком настроения и совершенно неожиданных экспромтов. В интервью латвийской газете «Час» Нина Ургант рассказала о любопытном случае, связанном с поэтом: он часто останавливался у нее дома, приезжая в Ленинград.

«Он всегда сидел на кухне с гитарой, у его ног устраивалась моя собака Зурикелла. И он пел нам.

Однажды звонит: «Нина, можешь принять меня с гостями?» — «А с кем?» — «Ну, увидишь, я хочу попеть!» — «Ну конечно, приходите!»

Я посадила гостей за стол, заварила классный чай, купила пряников. Володя вошел, а за ним 10 девиц. Очаровательных молодых женщин, от которых пахло французскими духами «Шанель». В сережках и колечках, в бриллиантиках, изумительно, шикарно одетых, мне бы в жизни так не нарядиться. Я подумала: «Наверное, дочери генералов или послов». Он стал им петь. Володя пел им часа два или три, а когда красавицы ушли, я спросила его: «Что это за очаровательные женщины? Кто они?!» Володя улыбнулся и так невозмутимо: «Проститутки с Невского...» Думаю, ему нужен был и такой зритель».

«Браво!», — только и можно крикнуть Владимиру Высоцкому и его милым и мудрым слушательницам с Невского проспекта!

Еще об одном «домашнем» концерте, устроенном поэтом в Ленинграде, вспоминает Нина Николаевна: «Однажды, возвращаясь из театра, увидела, что весь двор-колодец дома заполнен людьми. И над этой толпой из открытого окна моей квартиры ревет голос Володи Высоцкого. Вбежала в квартиру и увидела: сидит Высоцкий напротив собаки Зурикеллы и поет свои песни! Он был совершенно уверен, что собака все понимает: «Посмотри, какие у нее глаза!», — сказал актер».

Приезжая в Ленинград, Владимир Высоцкий всегда навещал в гостеприимный дом Нины Ургант и ее тогдашнего мужа, балетмейстера Кирилла Ласкари, сводного брата актера Андрея Миронова. Это были не только дружеские развеселые застолья. Рождались какие-то творческие проекты. Например, в соавторстве с Ласкари Высоцкий собирался сделать мюзикл по повести Алексея Толстого. Песни к нему поэт сочинил, и спектакль — состоялся. Но, увы, — после смерти Владимира Семеновича и... — без его песен!

Никогда не появлялся Высоцкий в доме Нины Ургант без гитары. Актриса вспоминала: «Если бы не песни, его вообще можно было бы назвать молчаливым человеком. Не помню, чтобы он подолгу говорил, философствовал на какую-то тему. Брал гитару и пел. По большому счету, ему даже неважно было, для кого: важно только, чтобы слушатели были... Когда Высоцкий был под запретом, он выступал на так называемых квартирниках — концертах, устраиваемых у кого-нибудь на дому. Зрители скидывались по пятерочке, что-то доставалось певцу. Володя никогда не спрашивал: «А сколько вы мне дадите?» Дадут — слава Богу! Не дадут — так что же...»

Коллеги-кинематографисты знали: на съемках Нине Ургант обязательно нужно было кем-то увлечься. А потому влюблялась она часто и самоотверженно, правда, большей частью — платонически, но все равно жила под сильным впечатлением.

Но никаких других отношений, кроме дружеских, с Владимиром Высоцким у нее не было — «ни с моей стороны, ни с его... Значит, в этот момент я была занята», — говорит актриса.

Занят был и Высоцкий, безоглядно влюбленный в то время в Марину Влади...

Нина Николаевна признает, что поначалу у Высоцкого и Влади был период сумасшедшей, страстной влюбленности. По словам актрисы, Марина его «прихватила» — ну, кто откажется от такой красивой, сексапильной, к тому же знаменитой француженки?..

Нина Ургант полагает, что «в Марининой любви был свой расчет: ей хотелось сделать Высоцкого ручным, домашним. Помню, как она самолетом везла из Франции ручки, задвижки, крючки, гвозди для их новой квартиры. Хотела свить с ним гнездышко. А он принадлежал всем, не подчинялся никому».

Мариной Владимировной восхищались. Но многие, как водится, ее ненавидели, или, говоря чуть мягче, — терпеть не могли: Юрий Нагибин, Нина Ургант, Лариса Лужина, Эдуард Володарский, Михаил Шемякин... Этот «скорбный» список при желании можно было бы продолжить...

Чем же насолила Влади лично Нине Николаевне Ургант?

Вот какие счета и претензии она имела к Марине. Актриса с брезгливостью вспоминает, как «Влади решила подарить Володе на день рождения трусы... длинные, до колен. «Зачем так унижать человека?», — спросила я. Она рассмеялась: «Он пришел ко мне в таких в первую ночь...» Он всегда хотел ей соответствовать. Заработает 20—30 рублей, и тут же ей отдаст. А она, как русская баба, хватъ их и за пазуху. Вот такая она, великая французская актриса. Не люблю я ее...»

Какое, собственно говоря, Нине Ургант дело до длины трусов Высоцкого? Это — их и только их с Мариной интимно-семейные дела и тайны! И лезть к ним в постель, а точнее — в трусы ее мужа — не совсем порядочно. И отсюда — обида актрисы к Марине Влади? Из-за того, что Марина посоветовалась с ней, как с женщиной, доверила ей свои семейные, женские секреты, а та, позднее, разнесла их по свету? Эта Марина должна держать обиду на Нину Ургант!

Но Нина Николаевна, назвав Марину «русской бабой», тут же называет ее «типичной француженкой»: «Она понимала, кто такой Высоцкий. Она была типичная француженка, очень расчетливая, себе на уме. И в ее любви к Высоцкому был свой расчет».

Что на это ответить? Не судите, да не судимы будете...

«Наезды» Нины Ургант на Марину в прессе — продолжают. Ленинградская актриса считает, что Влади не так уж старательно стремилась уберечь мужа от пьянства: «Я болела воспалением легких, ко мне из театра приходила медсестра Зиночка ставить банки. Володя заходит ко мне в комнату: «Ниночка, твоя медсестра может вынуть мне ампулу?» (Он тогда «подшивался» от спиртного). Спустил джинсы, а в верхней части ягодиц огромная воспаленная гематома. Я сразу вызвала Зиночку, та посмотрела: «Надо срочно выгаскивать — иначе заражение крови!» Выгаскила, обработала рану, зашила. И тут возвращается из магазина Марина, принесла какие-то продук-

ты и шампанское. Я к ней: «Маринка, представляешь, Володьке пришлось ампулу выгтащить! Что же делать?!» А она с радостью: «Выгтащили? Тогда давайте выпьем шампанского!» Достает бокалы и наливает Володе. Зачем?! Я ее чуть не убила...»

Европейский юмор, бокал шампанского во избежание заражения крови — чудесно! За что убивать-то Марину?

Но окончательно добил Нину Николаевну Ургант эпизод с Мариниными «сигаретками»: «Однажды я увидела у нее необычную сигарету. Захотелось попробовать, тогда же дорогие импортные сигареты можно было купить только за доллары. Попросила: «Марина, угости!» Она улыбнулась: «Ты не станешь это курить». — «Ну, мне хочется. Жалко, что ли?..» — «Нет, не жалко — бери». Я сделала затяжку, тут же «поплыла» и отбросила сигарету. Потому что хоть и курильщица, но не наркоманка!...»

В другом интервью Нина Ургант несколько по-иному вспоминает о «случае с сигареткой»: «...И еще один момент был. Как-то я попросила у нее импортную сигаретку — длинную, красивую. Она: «Ты не будешь такую курить». — «Ну, дай, тебе что, жалко?» Я взяла, закурила, а она, оказывается, с «травкой». У меня голова закружилась: «Да, ты права, я такую не буду курить...» Так я первый и последний раз в жизни попробовала марихуану. Я думаю, что Марина и приучила Володю к наркотикам».

А это уже, выражаясь сленгом сегодняшней молодежи, уже серьезная «заява»... За такого рода бездоказательные «предъявы» нужно (положено) отвечать...

И вообще — не совсем красиво «клянчить» сигареты. Да и где продают «наркоманские», по словам Нины Ургант, сигареты пачками? Адрес этого ларька? Наверняка Марина курила какие-нибудь крепкие французские сигареты, типа «Галуаз» или «Житан» (без фильтра). И — всего-то!..

...Такие вот воспоминания остались у актрисы Нины Николаевны Ургант о Владимире Высоцком и Марине Влади.

Кое-что запомнил и вынес из встреч с поэтом и сын актрисы, тоже актер, Андрей Милиндер-Ургант. 60-е годы... Несмотря на его тогдашнюю детскую несмышленость, Андрею Львовичу врезалось в память топором, следующее: «В нашем доме бывали знаменитости, которых знала вся страна, — Юрий Никулин, Павел Луспекаев, Василий Ливанов, Марина Влади, Андрей Миронов... Я страшно гордился тем, что когда собираются взрослые, меня не гонят из комнаты. Я, таким образом, имел возможность выпитывать в себя волшебную ауру этих людей».

С детства слушал песни Владимира Семеновича Высоцкого. Правда, мама не любила его творчества (вот так-так! — *А. П.*), не понимала и просила: «Володя, ты все кричишь, надрываешься... Зачем? Спой что-нибудь лирическое, про любовь». Высоцкий отвечал: «Нина, у меня все песни про любовь. А если не хочешь слушать, я спою собаке».

Несколько раз он брал меня с собой за город, мы загорали, купались. Помню, однажды, прекрасно провели время, бегая по пляжу, и я во все глаза наблюдал, как Высоцкий кокетничает с милыми юными особами. Видимо, наблюдал внимательно...»

Жаль, что никто в ортодоксальной семье не оценил и не понял душевного надрыва в песнях и голосе Владимира Высоцкого...

ОКСАНА ЯРМОЛЬНИК

Эта глава в книге — особенная. В ней — исповедь женщины, которую Владимир Семенович Высоцкий очень любил. Так уж вышло, что любовь эта — большая и настоящая — оказалась в жизни поэта последней...

Долгое время об этой странице жизни Высоцкого широкой общественности не было ничего известно: о знакомстве и отношениях Владимира Семеновича с молодой девушкой-студенткой Оксаной Афанасьевой знали лишь близкие друзья поэта, с которыми он тесно общался в последние годы своей жизни.

Сегодня Оксана сама решила приоткрыть завесу тайны их любви и рассказать — насколько это ей кажется возможным — об их с Владимиром Высоцким отношениях, длившихся два года.

Мы не в праве обсуждать и комментировать эту исповедь о любви и, упаси бог, — судить, осуждать кого-либо — как главных героев нашей главы, так и их окружение. Что было, то было...

Людмила Лунина.

«ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ И ОКСАНА»

«Владимир Высоцкий называл ее своей последней любовью. И не потому, что предвидел свой скорый конец. Просто любой мужик рано или поздно хочет остановиться и самому себе сказать: «Именно с этой женщиной я счастливо проживу оставшийся век и умру с ней в один день». Его возлюбленной в ту пору шел девятнадцатый год, сам Высоцкий разменял пятый десяток. И отмерено им было не век и не полвека, а всего-то два года.

Высоцкий сейчас — что минное поле. Все, кому не лень, пишут о нем воспоминания, а потом другие неленивые люди эти воспоминания опровергают. И непонятно, чего вокруг

имени Высоцкого больше: обожания или совсем недостойной суеты. Так надо ли эту суету приумножать?

Разве можно придумать что-то новое про роман 19-летней девушки с 40-летним знаменитым артистом? Слишком неравные весовые категории: у одного чересчур опыта, другая вся переполнена розовыми соплиями. В лучшем случае он ее перепахал, в худшем — переехал.

Но оказалось, что Оксану Ярмольник переехать совсем даже непросто. И, наверное, было невозможно никогда, даже в ее девятнадцать лет.

— Я очень рано повзрослела — может, потому, что рано умерла мама. Все мои друзья были старше меня. Сейчас мне кажется, что первые двадцать лет моей жизни были гораздо сильнее насыщены разного рода драматическими событиями, чем двадцать последующих.

С восемнадцати лет я жила одна — разменяла родительскую квартиру и таким вот образом обеспечила себя жилплощадью. Поступила в текстильный институт. Деньги зарабатывала тем, что обшивала подруг.

Я все всегда решала сама: где учиться, с кем дружить, кого любить. В самые сложные моменты у меня — к сожалению, а может быть, и к счастью — не было человека, который бы что-то посоветовал, пальцем погрозил, запретил...

— И тут вы встретили Высоцкого. Он, наверное, был вашим кумиром...

— Знаете, у меня никогда не было кумиров. Встретила — и встретила. Он на меня первый внимание обратил. Я была заядлой театралкой. С Володей мы столкнулись у администратора Театра на Таганке.

— И вы...

— Не я — он, что называется, обалдел. Взял телефон, пригласил на свидание. Как раз перед свиданием я с подружкой пошла в Театр Моссовета. Я даже не помню, что мы смотрели, — весь спектакль я размышляла, идти мне или нет. И вот мну я в руках программку, верчу ее... «Слушай, — говорю подружке, — что-то не хочется мне с ним встречаться». А она: «Ты что?! Да все бабы Советского Союза просто мечтают оказаться на твоём месте!» Я мысленно представила бесчисленное количество этих женщин — и пошла.

Итак, мы встретились. Кумиров у меня не было, но был юношеский максимализм, а в придачу к нему — уже готовый жених, милый такой мальчик. Так вот, повинувшись юношескому максимализму, я с женихом на следующий день рассталась.

Я решила, что лучше один день с таким человеком, как Володя, чем вся жизнь — с тем моим приятелем.

Владимир Семенович был абсолютно, совершенно, сто-процентно гениальным человеком. Более одаренных людей я с тех пор не встречала. У него была колоссальная энергетика. Где бы он ни появлялся: в компании друзей или в огромном зале, где давал концерт, — он с легкостью подчинял своему обаянию и пять человек, и десять тысяч. Даже партийные чиновники, вставлявшие ему палки в колеса, на самом деле искали с ним знакомства и просили билет в театр.

— Но, говорят, он пил.

— Только об этом и пишут: пил, кололся, алкоголик, наркоман. Вот и представляешь эдакого доходягу с трясущимися руками, перед которым кокаиновые борозды и пара шприцев. Это абсолютная чушь. За те два последних года, что мы были знакомы, Володя снялся в фильме «Место встречи изменить нельзя» и в «Маленьких трагедиях». У него были записи на радио, роли в театре, он ездил с выступлениями по стране. На Одесской студии готовился как режиссер запустить фильм «Зеленый фургон». Правда, ему не дали.

При этом — да, пил, сидел на игле. Но это было вперемежку с работой на износ, наперегонки с болезнью.

— У вас не было отрезвления, когда вы узнавали обо всех его пороках?

— Я была безумно влюблена. И потом, о каких пороках речь — о пьянстве? Тогда пили абсолютно все, а творческие люди и подавно. Другое дело, никто ведь не предполагал, что Володе так мало осталось. Знаете, я сейчас с трудом вспоминаю те годы — ведь что-то я еще делала, училась. А такое ощущение, что жизнь была заполнена только им.

Я бы все на свете отдала, чтобы его вылечить. Но представьте Москву конца 70-х: где лечиться, у кого, как сделать это анонимно? Мы все боялись, что об этом узнают: за наркотики легче было попасть в тюрьму, чем в больницу.

Хотя сейчас думаешь: какая ерунда! Ну узнали бы — и что? Надо было ехать за границу, лечиться в клинику. Марина два раза устраивала его в лечебницы. Наступала ремиссия, но ненадолго.

На нем висело множество людей, и он о своей ответственности никогда не забывал. Он помогал матери, отцу, двум сыновьям, не говоря уж о многочисленных приятелях. Кого-то выдавал за границу замуж или женил. Другой звонил из ОБИРа: «Мне не дают загранпаспорт!» — и Володя ехал выручать.

— А ответственность за вас он ощущал?

— Мне кажется, я в большей степени чувствовала себя ответственной за наши отношения. И мне было достаточно, что мы вместе. И хотя, конечно, были и чувства, и накал, и страсть, о том, что он меня любит, он мне сказал только через год. И для меня это стало сильнейшим потрясением, моментом абсолютного счастья.

Володя переживал из-за моей неустроенной судьбы, из-за того, что не мог дать мне больше. Даже просил у Марины Влади развода. И чего бы он разводом добился? Стал бы невыездным, и все. А для него поездки за границу были как глоток воздуха. У него были сотни друзей в Америке, Франции, Германии. Если бы он развелся, его бы в Союзе сгнобили или просто бы вышвырнули из страны, как Галича, Алешковского, Бродского.

Марина была далеко, я ее воспринимала как Володину родственницу, ее существование никак не отразилось на наших отношениях. Я вообще не люблю, когда в моем присутствии о ней плохо отзываются. Люди, которые Володю любили, были ему близки, для меня не то чтобы святы, но вне критики.

...Когда Володя умер, так сложились обстоятельства, что я практически сразу после похорон ушла из его квартиры. Не то что личные какие-то вещи — даже документы не взяла. Я позвонила Давиду Боровскому, нашему общему другу, художнику Театра на Таганке, и попросила принести мне документы и два обручальных кольца, которые лежали в стакане — на тумбочке, в спальне. Но они исчезли.

А кольца купил Володя, чтобы со мной венчаться. Мы были наивными и полагали, что раз церковь отделена от советского государства, то нас могут запросто обвенчать и без штампов в паспорте. Оказалось, что необходима регистрация загса. Мы объездили половину московских церквей — безрезультатно. И все-таки Володя нашел одного батюшку, который подпал под его обаяние и согласился нас обвенчать. Но не сложилось.

— А вы как-то привыкали друг к другу, притирались острыми углами?

— С первой минуты разговора у каждого из нас было ощущение, что встретился родной человек. У нас было очень много общего во вкусах, привычках, характерах. Иногда казалось, что мы и раньше были знакомы, потом на какое-то время расстались и вот опять встретились. Володя даже вспомнил, что бывал у моих родителей дома и знал мою маму. Правда, видел ли он меня ребенком, так и осталось невыясненным.

— Вы отдыхали вместе?

— Я ездила с ним на концерты в Тбилиси, в Среднюю Азию, в Минск, в Питер на машине.

По дороге в Питер — а Володя как раз привез из Германии «Мерседес» — мы выбрали голосовавшую на обочине семью: мужчину, женщину и ребенка. Просто стало жалко, кажется, была плохая погода, шел дождь.

И вот они сели в «Мерседес», еще через пару минут поняли, что вообще-то их везет Высоцкий. И застыли, как скульптуры египетских фараонов. Так, молча, с каменными лицами всю дорогу и просидели.

— Высоцкого тяготила всенародная слава?

— Это была слава заслуженная, ведь специально его раскруткой, как это делают сейчас, никто не занимался. К тому же многие просто не знали его в лицо, хотя песни Высоцкого слушали и знали все. И к людям он относился не как к назойливой толпе, а именно как к людям.

Мы ехали в Минск, проводница в поезде пристально на Володю посмотрела: «Что-то мне ваше лицо знакомо. Вы не актер Театра Моссовета?» «Нет, — ответила я, — он зубной техник». Мы перемигнулись и пошли в свое купе. Через полчаса приходит к нам проводница. «Как хорошо, — говорит, — что я вас встретила. У меня что-то десна под коронкой болит. Вы не посмотрите?»

И Володя, как заправский стоматолог, долго что-то разглядывал у нее во рту и потом серьезно так посоветовал поменять мост. В общем, скучно с ним не было.

— Он вникал в ваши проблемы, в учебу?

— Его поражало, что я могу взять карандаш и за пять минут что-то изобразить на бумаге. Он вообще восхищался людьми, умеющими рисовать, ужасно завидовал им, тому же Михаилу Шемякину.

Конечно, он вникал во все. Он ехал за границу, спрашивал: «Что тебе привезти?» А я же шила. «Привези, — говорю, — шелковые нитки морковного цвета номер восемь и наперсток».

— Вообще-то это непросто, я по своему опыту знаю. На весь Париж два специализированных магазина тканей.

— Володя отвечал в том же духе: легче, дескать, достать живого крокодила. В результате он привез коробку — набор для рукоделия, с ножницами, нитками-иголками, наперстками и прочими вещичками. Я со всем этим ходила в институт, на занятие, которое называлось «воплощение в материале». И мне подружки завидовали.

За два дня в Германии он умудрялся купить мне два чемодана шмоток. Все с необычайным вкусом подобранное.

«Мне нравится, — говорил, — когда ты каждый день в чем-то новеньком». Или: «А вот это — моя особенная удача». Удачей была французская сумочка из соломки или какая-то другая вещь, которая, по его мнению, мне особенно шла.

И вот представьте меня во всех этих «Диорах» и «Ив-Сен-Лоранах» во времена жутчайшего дефицита, когда пара приличной обуви была проблемой. У меня было восемнадцать пар сапог, меня подружки так и представляли: «Знакомьтесь, это Оксана, у нее восемнадцать пар сапог».

— После сапог спрашивать о цветах вроде бы как и неприлично...

— Однажды весной я сказала, что люблю ландыши. Утром проснулась от того, что щелкнула входная дверь — Володя куда-то убежал. Естественно, он принес ландыши. Но сколько? Ландышами была уставлена вся комната. Он, наверное, ездил по Москве и скупал цветы оптом.

В общем, такая вот сказочная жизнь, где все было перемешано: и его срывы, и его нежность. Это действительно была какая-то неправдоподобная любовь. Особенно первый год получился безмятежным. Позже появилось какое-то предчувствие беды.

— Но почему такой страшный финал? Может, советская власть виновата?

— Советская власть, конечно, мешала, но одновременно и помогала. Она вносила в жизнь такую интригу, такой конфликт. Была борьба, острая драматургия. Это же как театральная пьеса: чем серьезней конфликт, тем интересней смотреть. Вот сейчас нет советской власти — и искусство пресно, примитивно, банально. Свободой надо уметь пользоваться, а мы этого еще не умеем.

А смерть Володи я воспринимаю как рок, судьбу, от которой не убежишь. Ну не кололся бы он — умер бы от сердечного приступа или попал под машину. Он так наотмашь жил, что иначе и не получилось бы.

— А что с вами было потом, когда его не стало?

— Страшный год. Я ушла в академку, подумывала, не эмигрировать ли. Меня вызывали в КГБ, пытались завербовать. Я отказалась. Из института меня не выгнали, но в Болгарию позже не пустили.

Помогли друзья. Я по-прежнему дружила с актерами Таганки. Мне давали работу, я училась. Прошло два года, я встретила Леню — и началась совсем другая история. Но вот ощущение, что Володя многое в моей судьбе предопределил, у меня осталось. Если бы не он, все бы сложилось совсем иначе».

Марина Райкина:
«ПРАВДА ЛЮБВИ И СМЕРТНОГО ЧАСА»

Оксана Афанасьева:
«ВОЛОДЯ СКАЗАЛ — ДАВАЙ КОГО-НИБУДЬ РОДИМ»

Их разделяли 22 года. Ему — 40. Ей — 18. У него — всенародная любовь и скандальная репутация. У нее — текстильный институт и туманное будущее модельера. Но на два года их связала любовь. Для нее — первая. Для него — последняя. Владимир Высоцкий и Оксана Афанасьева (Ярмольник) вместе познали правду любви и смерти.

КРАСНЫЙ, ОЧЕНЬ КРАСНЫЙ ГОД

1

Они встретились в 1978 году. У этого года очень яркий цвет.

— По количеству эмоций, яркости впечатлений и ощущений он красный, — говорит Оксана.

— Высоцкий — твоя первая любовь?

— Настоящая, скорее.

— Верить в судьбу?

— Конечно. Я пришла на спектакль — к тому времени я уже ходила на Таганку. Зашла в администраторскую в антракте, чтобы позвонить. Там сидел Володя, и администратор Яков Михайлович Безродный сказал: «Ксюша, это Володя Высоцкий. Володя, это Ксюша». Володя в это время разговаривал по телефону, но сразу повесил трубку. Почему-то мимо аппарата.

И вот о судьбе: в тот день я вообще-то шла на другой спектакль, а его заменили на тот, что я уже видела. Могла уйти, но осталась из-за подружки. А Володя в тот день тоже не играл — он просто заехал кому-то заказать билеты. «Куда вы после спектакля?» — спросил он. «Домой». — «Не бросайте меня, я вас подвезу».

— Какая машина у него была в то время?

— «Мерседес». 280-й. Серебристый. Было смешно: когда я вышла, на улице стоял Вениамин Борисович Смехов на зеленых «Жигулях». «Ксюша, давайте скорее, я вас жду». — «Нет, нас уже подвозят». — «Кто?» Я показываю на Володю. Веня смотрит на него и говорит: «Ну конечно, где уж моим «Жигулям» против его «Мерседеса!» Но на самом деле «Мерседес» не иг-

рал никакой роли, мы тогда были беспонтовые: машина — не роскошь, а средство передвижения.

— Тебе голову не снесло? Высоцкий, «Мерседес»...

— Знаешь, я никогда не была театральной сырихой, поэтому для меня Володя не был божеством. В доме у нас, на Пушечной, собирались люди совсем непростые. Мой папа и мой брат дружили, например, с Леной Енгибаровым, приходил Лева Прыгунов, другие интересные люди. Это была моя среда. А Володя... Он для меня был очень таинственной фигурой. Про него ходили легенды, сплетни: Володя — алкоголик, бабник и вообще последний человек на этом свете.

— И тебя не испугали эти сплетни?

— Нет. Я, знаешь, чего боялась? Я боялась, что чувства с моей стороны могут быть гораздо сильнее и искреннее, чем с его.

В тот день, когда мы прощались, он сказал: «Дайте мне ваш телефон, я приглашу вас на «Гамлета». Но, когда позвонил и пригласил на спектакль, я уже собралась на Малую Бронную. «Знаете, Владимир Семенович, — сказала я ему... — Я иду на Эфроса». А он: «Ну давай, я отыграю «Гамлета» и подъеду за тобой. И мы пойдем поужинаем». И вот тут во мне что-то екнуло. Во время спектакля я волновалась ужасно. Моя подружка говорит: «Что ты дергаешься? Все бабы Советского Союза мечтали бы пойти поужинать с Высоцким. А ты — не пойду, неудобно. Дура!!!» И я думаю: «В самом деле, это же дико интересно, такой человек...» Вышла из театра, тут подшуршал Володя на своем «Мерседесе», и мы поехали к нему домой. Я была у него в гостях, «на Грузинах». «Не надо меня звать Владимир Семенович», — сказал он мне тогда. Володя за мной нежно ухаживал, угощал деликатесами из магазина «Березка». Было какое-то вино, печенку жарил сам. Печенка таяла во рту.

— А не в руках. Извини... рекламная пауза.

— Ну да. Потом он меня привез домой, на Пушечную. Сказал, что уезжает в Париж и непременно позвонит, когда вернется. Проходит какое-то время, и действительно звонит Володя: «Привет, привет, я приехал». Мы с ним перешли на «ты», и наши отношения стали как-то развиваться.

— Ну не знаю... Вот если бы рядом со мной зазвучал его обволакивающий голос, я бы за себя...

— У него все было обволакивающее. Дико харизматичный. Наверное, не было ни одной тетки, которая могла бы устоять. Володя был охмуритель абсолютно профессиональный.

— Ловко расставлял сети?

— Сети не расставлял. Просто это было в нем самом. Вдруг он стал мне звонить. Начал ухаживать, и это была не

случайная связь — встретились, переспали, разбежались, а настоящий роман в его классической форме. Я для себя решила: пусть это будет три дня, неделя, но я буду с этим человеком, потому что он не такой, как все. И что будет дальше — все равно. В общем, я влюбилась. Но отдавала себе отчет, что не могу ничего требовать. Моя жизнь — это моя жизнь, моя любовь — это моя проблема.

2

— Интересно, художник Высоцкий помогал материально студентке Афанасьевой?

— Когда наш дом на Пушечной стали расселять, родители разменяли квартиру на двухкомнатную в Медведкове и однокомнатную на улице Яблочкова. Туда поехала я. И все говорили, что он купил мне квартиру. Ничего подобного. Но, знаешь, он помогал мне, более чем. Я не была бедной студенткой — у меня был папа, тети, обожавшие меня. А когда появился Володя, я уже ни в чем не нуждалась. Володя просто запретил мне пользоваться общественным транспортом. «Ты должна ездить на такси, чтобы не тратить время. Не хочу, чтобы тебя толкали и зажимали в метро», — сказал он.

— То есть у тебя было приличное месячное содержание?

— Содержания никакого не было. Да и я никогда ничего не просила. Володя давал деньги, делал подарки, он меня одевал, обувал, покупал какие-то вещи в дом. На новоселье купил мне холодильник. В то время нужно было все доставать. А для него таких проблем не существовало.

— У него был хороший вкус?

— Потрясающий. Если он привозил туалет, то к нему обязательно сапоги, сумку. У меня все было сногшибательное и в большом количестве — например, 17 пар сапог. Егор Зайцев, мой сокурсник, если мы приходили с ним в компанию, представлял меня так: «Вот это девушка, познакомьтесь, у нее 17 пар сапог!» А люди по три года в одной паре ходили.

— Он любил, когда ты была в его вещах?

— Конечно. Он вообще очень любил, чтобы его вещи радовали и по-особенному принимались.

3

— На твоих глазах он работал, писал? Как это происходило?

— Как? Просто не спал, лежал, курил, потом в какой-то момент вставал и все-все-все записывал. Он не высиживал

строчки, не правил, а сразу — раз, и на бумагу. Потом будил и говорил: «Послушай, послушай». Пел, сразу подбирая какую-то мелодию. Я видела: смотрит телевизор со стеклянными глазами, много курит, пепельница полна окурков — значит, работает.

— Сильно уважал себя? Надувал щеки?

— Нет, никогда. Он был жесткий человек, знал себе цену и никогда в жизни никому не позволил себе хамить. Он был свободным человеком. Даже по отношению к шефу (худрук Таганки Юрий Любимов. — М. Р.) он так умудрялся выстраивать отношения, что он диктовал, а не Любимов. Люди не могли себе позволять то, что позволял себе Володя, — сорвать спектакль, от чего-то отказаться. И ему это прощалось.

Больше всего меня поражало, как он удивлялся. «Откуда это берется? Вот птица гамаюн, я даже не знал, что такая есть. Только потом узнал, когда написал». Радовался неожиданной рифме, которой нет ни у кого. В какие-то моменты он напоминал Пушкина, который говорил: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын».

— Скажи честно: старший товарищ учил тебя жить? Например, машину водить?

— Учил. На Николиной Горе. Он даже мне хотел купить маленькую спортивную «BMW» красного цвета.

— А почему именно красного?

— Чтобы все видели, как я по Москве рассекаю. Володя в мелочах все-таки понты любил, хотя был абсолютно беспонтовый. Так и говорил: «У меня все должно быть лучшее — и машина, и бабы...»

— Уму-разуму по жизни учил?

— Трудно сказать. Был момент, когда в институте я разочаровалась в людях: поняла, что 90 процентов из них потребительски ко мне относятся. Плакала, в депрессию впала. А Володя сказал тогда: «Люди так сделаны, запомни».

— А в любви, в сексе?

— Да нет, все у нас было естественно.

— Он интересовался твоей работой? Или, как всякий творческий эгоист, занимался только собой?

— Когда я приходила в платье, которое сшила за один день, для него это было потрясением. Он привозил мне из Парижа ткань, ну подумаешь, кусок какой-то тряпки, а она превращалась в платье, и это было волшебством для него. Его потрясло то, что делалось человеческими руками.

— А ему ты шила?

— Подшивала — брюки, джинсы... У Володи был такой день, его он называл «днем раздачи денежных знаков населению». Это когда своим друзьям он раздавал вещи: очень любил, чтобы человек хорошо одевался. И сам любил хорошо и дорого одеваться. Любил качественные вещи. А те джинсы, что подшивала я, он никогда не отдавал. «Не отдам, их подшивала Ксюша».

Однажды он меня нарисовал, хотя совершенно не умел этого делать. Он меня нарисовал с тремя глазами. Сказал: «У тебя есть третий глаз, потому что у тебя очень сильная интуиция».

4

— Ксюша, у Высоцкого были очень непростые отношения с властью, в частности с КГБ. Тебя это как-то коснулось?

— Я была на практике в Ленинграде. И как-то девчонки мне сказали, что мной интересуется один очень симпатичный парень. Все решили, что он кадрится ко мне. В Ленинграде Володя поселил меня в «Астории» — в лучшей по тем временам гостинице. Он не хотел, чтобы я жила в общежитии. И вот однажды я прихожу и узнаю, что меня выселили из моего номера. Говорят, что надо пройти в такую-то комнату и что там ждут какие-то люди. Я пришла, и выяснилось, что меня могут задержать за хранение валюты. А валюта у меня действительно была — долларов десять мелочью (Володя мне оставил эту мелочь). На них я в баре интуристовской гостиницы покупала себе тоник.

— Испугалась?

— Да нет. Они мне тогда все про меня рассказали — кто я, кто мои родители, что папа во время войны сидел за дезертирство (никакого дезертирства не было, просто после ранения дед прятал его). Меня не запугивали, не кричали, а очень деликатно спрашивали: «Вы там бывали? А кто еще туда ходит? А кто с Высоцким разговаривал и что говорил? Может быть, вы все нам напишете?» Я, естественно, сказала, что писать мне нечего. Но самое интересное произошло потом: тот парень, что сначала мной интересовался, предложил мне выйти замуж за него. Более того, он на свои деньги купил мне билет на поезд и сказал, чтобы я уезжала из Ленинграда. Помню, что его звали Руслан.

— А как Высоцкий отреагировал на этот инцидент? Не испугался за тебя?

— Все были просто в шоке. И больше от того, что мне гэбист предложил замуж. Со временем я поняла, что было не-

мало людей, которые хотели, чтобы Володи не было в стране. Даже при всей любви к Володе Брежнева и особенно его дочери Галины это все равно был «совок», который его боялся, считал опасным. Кагэбэшники, которые слушали его песни, говорили: «Мы вас обожаем», — но при этом могли сказать: «Вы что тут? Вы у нас смотрите». И пальчиком грозили. А с другой стороны, на этом же уровне было еще больше тех, кто противодействовал первым. И это негласное противоборство давало ему возможность жить и работать в стране.

5

— Ксюша, тебя не смущало, что вообще-то человек женат, что у него жена в Париже, которая может в любой момент приехать? А в доме на Грузинской — ты.

— Как-то меня это не очень смущало. Потому что Марина — она ведь была где-то. И не было такого: он днем со мной, а вечером уходит к ней. Она жила своей жизнью, пару раз приезжала в Москву, и Володя ненадолго ездил к ней в Париж.

— Он казался тебе взрослым дяденькой?

— Конечно. Но мне всегда нравились мужчины намного старше меня, с ровесниками у меня никогда не было никаких романов. Да и папа мой был старше мамы. И потом, когда мама рано умерла, все его последующие жены были намного его моложе.

Но, с другой стороны, Володя для меня был мальчишкой — юмор, хулиганство, энергия, но при этом все было осмысленно, невероятно интересно. Да и я не смогла бы влюбиться в человека, который просто хороший человек. Это не снобизм: вот я дружу только с великими — нет. Я могу влюбиться в кого угодно, но он должен быть очень талантливым и интересным.

— Он тебя сразу для окружающих рассекретил или конспирировал под младшую сестренку?

— Наши отношения не скрывались, я как-то сразу познакомилась со всеми его друзьями. Поначалу ко мне относились как к очередной Володиной девушке, а потом это перешло в другое отношение: кто-то меня принял, кто-то — нет. Но с Севоём Абдуловым у нас были самые нежные отношения, он — святой человек, и я его обожала.

— Интересно, Марина Влади знала о твоём существовании?

— Знала. Ну а что она могла сделать? Я помню, она приехала из Парижа, и мы неделю с Володей не виделись. Я пове-

ла свою подругу на «Гамлета». Сидим на приставных стульях в центре зала. Володя играет. Следующая сцена была без него. Вдруг я чувствую, что меня кто-то дергает за подол юбки. Ну, думаю, совсем обнаглели, уже в театре пристают. Вижу, что и соседи на меня как-то в изумлении смотрят. Наконец в темноте рассмотрела — Володя в бархатных джинсах, сапогах, на полусогнутых подошел сзади и дергает меня: «Пойдем, пойдем выйдем» — и извиняется знаками перед зрителями. Он не знал, что я приду, он увидел меня со сцены. Я-то ладно, а народ обалдел.

— Он ревновал тебя?

— Смешной был случай: я первой вышла из дома на Грузинской, Володя задержался. Там же находился Союз графиков, и два подвыпивших художника, которые шли за мной, сказали какую-то гадость — такое мужское хамство, но с интересом. Я повернулась: «Пошли вы...» В это время из подъезда вышел Володя с Лешей Штурминым (в то время каратист № 1. — *М. Р.*). И не разбираясь, не спрашивая, бросились на них, и началось смертоубийство. Через минуту все кончилось. Мужики — и те и другие — стояли с оторванными руками, синяками, разбитыми носами.

— А этот собственник сам изменял тебе?

— Ну было пару раз. И для меня это было жуткой трагедией, когда я об этом узнала. Если бы это произошло сегодня, я бы рассмеялась. А тогда... Я даже уходила, он за мной приезжал, и все меня уговаривали вернуться. Вот первомайские праздники, и Володя должен приехать за мной. Жду его дома на Яблочкова. Нет. Звоню, подходит Янклович. «Не волнуйся, все нормально, мы тебе позвоним». — «А где Володя?» — «Он не может подойти». — «Я сейчас приеду». — «Нет-нет, не вздумай».

Беру такси, через 10 минут вхожу в квартиру, там — е-мое: столы грязные, посуда, бутылки — настоящее гулялово. Захожу в спальню. Там Даль спит с какой-то бабой. Кошмар, вертеп, воронья слободка. Я хочу войти в кабинет, и вдруг откуда выходит девка, мне знакомая, — в рубашке, босая. Я зову ее на кухню: «Ира, значит так: я сейчас уезжаю. Я приеду в половине третьего. В половине третьего в квартире должна быть идеальная чистота, помойка вынесена, и вас, блядей, не должно быть здесь даже духу». И уезжаю. Пошла на рынок. Через полтора часа звоню: «Все убрали?» — «Да». — «Хорошо. Можете спускаться».

Я приехала — девственная чистота в квартире, девственно на кровати спит Володя, в другой комнате спит одинокий Даль. Он проснулся, вышел, и я первый раз в жизни видела, как у человека трясутся руки и он пьет, держа стакан водки че-

рез шею на полотенце. У Володи такого не было. Я Володе потом ни слова не сказала, он извинялся. И еще потом был один неприятный эпизод — всего два за два года.

— А что это за история с вашим венчанием? Или это легенда?

— Нет, не легенда. Венчание — это и Володина любовь, и благодарность мне. Он вообще был благодарным человеком. Когда мы начали с ним жить и я первый раз у него ночевала, мы утром встали, и я убрала постель. Для него это было потрясением. Клянусь. Он сказал: «Ты — первая женщина, которая убрала за собой постель...» Я же не знаю, как другие, но получалось, что они пользовались. А тут вдруг он понял, что я делаю это не потому, что он — Высоцкий, а человек, которого я люблю.

— И все-таки вернемся к несостоявшемуся венчанию.

— Я думаю, это был эмоциональный всплеск. «Я хочу, чтобы ты была моей женой». — «Ты — двоеженец, мы не можем с тобой венчаться». Он ходил в церковь, и не в одну, где ему сказали: «Пожалуйста, только вы сначала привезите все документы, что у вас нет жены, и тогда мы вас обвенчаем». Все это было в последний год его жизни. Он знал, что умрет, и ему хотелось, чтобы после его смерти я была официально записана в его жизни, чтобы я не осталась брошенной. Но церковь ему отказала. Он говорил: «Я разведусь с Мариной. И мы начнем жить». — «Володя, это никому не нужно, забудь».

— А говорил он, что хочет иметь детей от тебя?

— Да. Ему бы хотелось нормальную семью. Ему нравилось, когда в доме уютно, когда есть еда, когда я что-то готовила. «Ну давай кого-нибудь родим», — говорил он. «Ну, Володя, что это родится? Если родится, то одно ухо, и то глухое». Я так неудачно пошутила, что Володя даже офигел: «Ну и юмор у тебя». Но ребенка я никогда бы не стала от него рожать, потому что не была уверена, что от наркомана родится здоровый.

ЧЕРНЫЙ, КРАСНО-ЧЕРНЫЙ ГОД

1

Второй год их жизни — это черные и красные цвета.

— Красного становилось намного меньше, и с каждым днем больше черного. Все было как бы без настроения, потому что жили в состоянии болезни и еще потому, что у меня умер папа... Вообще, все плохое началось с Нового года, 80-го. Во-первых, авария, в которую они с Янковичем попали. По-

том — картину ему зарубили, из театра он практически ушел, физическое состояние стало ухудшаться, количество наркотиков увеличиваться. Угнетала зависимость от них, от людей, которые их доставали...

— Высоцкий и наркотики. От них у него случилась клиническая смерть в Бухаре?

— Это случилось от передозировки, а не от жары. Володя в Бухару улетел один, потом мне позвонил его администратор Валера Янкович. Сказал, что Володя неважно себя чувствует и что мне нужно привезти лекарства. Я взяла промедол и вылетела.

— Ты не боялась, что тебя арестуют за наркотики?

— Об этом не думаешь в тот момент. И потом, я привозила их один раз в жизни. Если бы я их не привезла, он бы умер. Там не было никакого кокаина, героина, это были лекарственные препараты. Если бы мне сказали, что сейчас у меня руку отрубят, но он будет здоров, я бы сказала: «Рубите».

А в Бухаре, куда мы переехали из Навои, Володя с утра пошел погулять по рынку. Но всенародная любовь — она же безгранична, и он то ли покурил, то ли еще что (он так и не рассказал), но пришел домой, и ему стало плохо. С нами был Володин друг, доктор Толя Федотов. Он вбежал ко мне в комнату: «Володе плохо». Я влетаю в гостиную — Володя мертвый: нос заострился, не дышит, сердце не бьется. И доктор Федотов, с абсолютно трясущимися руками, повторяет: «Он умер, он умер». Его трясло, у него истерика была. Я ему надавала по морде: «Делай что-нибудь быстро». Он сделал укол в артерию, и мы начали делать искусственное дыхание: он качал ему сердце, я дышала. По сути, мы его вдвоем реанимировали. Володя задышал, сознание вернулось. Потом он рассказывал, что видел меня, Толю. «Я понимал, что происходит, но не мог никак реагировать».

Потом пришли Янкович, Сева Абдулов (он тоже работал в концерте). «Ну что, мы отменяем выступление?» Я говорю: «Минуточку, а что, можете его не отменять? Он только что мертвый лежал. Володя, собирайся, мы уезжаем в Москву. Отменяется не только сегодня. Больше ничего не будет». Я настаивала на своем. И мы уехали. Всем казалось, что это ерунда, что он — вечный и всех переживет.

2

— Но при всем при этом тебе достался самый тяжелый, если не сказать кошмарный, период его жизни. Его конец.

— Самый последний год... Страшнее ничего быть не могло.
— Он бил тебя? Ведь пьяный человек за себя не отвечает?
— Нет, никогда. Дело в том, что я выросла в творческой, божественной среде, где мужчины — мой отец, мои троюродные братья (мы жили в одной квартире) — были пьющими. Но не алкаши, которые у магазина на троих соображают, а уважаемая пьющая богема, с нормальной алкогольной зависимостью. Я знала, какими бывают алкоголики: папа мой, например, был очень агрессивным. Я его боялась и ненавидела в эти моменты. А Володя... Запой начинался с бокала шампанского, а потом... мы куда-то ехали, он рвался куда-то до тех пор, пока не упадет. Он был не агрессивным, по отношению ко мне — тем более. Я переживала и страдала, потому что мне было его безумно жалко. Страшно было за него, потому что была полная деградация, когда человек напивался до состояния животного. Куда там бить, он говорить-то не мог в таком состоянии. На это было страшно смотреть. С ним я оказалась в состоянии женщины, которая выносит этот запой и должна стараться помочь ему.

— А себя тебе не было жалко?

— Нет. Меня было жалко моим друзьям. Я старалась помочь ему. А это значит — все время быть рядом. Потому что в это время он никому не был нужен. Человек нужен, когда он здоровый, веселый, богатый. А эта «пьяная» головная боль не нужна никому. Я не приносила себя в жертву. Просто по-другому быть не могло.

— Ты так легко говоришь о наркотиках, как будто, извини, сама их употребляла.

— В свое время мне Володя сказал: «Если я когда-нибудь узнаю, что ты хоть раз попробовала, задушу собственными руками». Поэтому у меня было определенное отношение к этому. И Володя употреблял наркотики не потому, что он такой наркоман — напирался и сидит хохочет, балдеет, — а просто чтобы нормально себя физически чувствовать.

В течение двух лет я видела, как дозы увеличивались. Сначала это было после спектакля, чтобы восстановиться. Я помню, что после «Гамлета» он не мог долго уснуть, ему было плохо. И он делал себе укол. «А что это ты себе колешь?» — спрашивала я. «Это витамины». Однажды эту ампулу я выудила из помойки и узнала, что это был промедол. Потом был и мартин, анапол — медицинские наркотики.

— Ты наблюдала влияние наркотиков на стимуляцию творчества?

— Он просто лучше себя чувствовал. Вот он сидит, абсолютно никакой, ему плохо, но делает укол и — нормальный, живет полноценной жизнью. Он так хотел соскочить с иглы. «Я так от этого устал», — говорил. Отчего он умер? Он хотел соскочить, а легально нельзя было лечиться. Людей, которые ему доставали наркотики, он подставить не мог. Он и в Италии лежал, и во Франции. Не получилось. У него даже был план уехать со мной на прииски, к Вадиму Туманову в домик. Какой бы, я думаю, это был ужас: Володя со мной в тайге, со своей ломкой, и, если бы он умер там, я не знаю, что было бы. Кошмар. Не было же никаких мобильных телефонов.

3

— Объясни то, что так запутано: свидетели того времени в окружении Владимира Высоцкого пишут: «Все знали, что он умрет». Почему умрет? И почему все знали? И зачем надо было ждать смерти, вместо того чтобы спасти его?

— Как бы все знали, но никто ничего и не знал. Все думали, что это какие-то игрушки, что все не так серьезно, как есть на самом деле. Была Олимпиада, в Москве был режим, все гораздо строже, чем обычно. Нельзя было достать наркотики. Это потом уже некоторые говорили: «Что же вы не сказали, что ему так плохо, я бы привез, у меня было». Ну даже если бы вовремя привезли, он укололся и остался бы жив. А дальше-то что?

Но в принципе все виноваты. Ведь к нам приезжали врачи из Скифа, консилиум решал — класть его в больницу или нет. Но все боялись взять на себя ответственность — все-таки это Володя. Доктор Федотов после его смерти, видимо, испытывал угрызения совести и сам себя посадил на иглу, чтобы испытать то, что испытал Володя.

И еще — родители. Очень жесткий папа: «Володя, так нельзя, это позор». Он был хороший человек, но... Например, долго скрывал, что он еврей, — это уже как-то характеризует человека. У меня, как и у Володи, папа еврей, а мама русская. После смерти Володи его отец сказал мне: «Я думаю, тебе не стоит приходить на похороны».

— Последнюю неделю Владимир Семенович не выходил из дому. Ты помнишь ее или хотела бы забыть как страшный сон?

— Я только не помню, как ходила в институт, как экзамены сдавала. А все остальное помню. Такого прежде с ним не случалось. Ощущение безысходности. Страшно. Он кричал как раненый зверь.

— Но думали о том, что это конец?

— Я даже предположить такого не могла. Странно, что это вообще произошло, все были ошарашены. Если бы допускали мысль, что такое случится, наверное, не думали бы ни о какой законности, о репутации. Просто уложили бы его в больницу, несмотря ни на что. Предполагали, что все не настолько серьезно: мы же никогда не сталкивались с этим. Здоровый молодой мужчина взял и умер. Он здоровый, он пересилит это — думали так. А он действительно был очень сильный, спортивный. Занимался боксом, акробатикой, был такой накачанный. Поэтому все и думали, что пересилит, переборет, переживет.

А Володя все предчувствовал. Днем он сказал: «Сегодня я умру». — «Володя, не говори глупости». — «Нет, это вы говорите глупости». Он был спокойный. Я ведь и заснула только потому, что наступила какая-то странная тишина и Володя перестал кричать. Он мне сказал: «Я нормально себя чувствую, иди поспи» — «Да? Ты уверен?» И вот буквально за три часа, что я спала, он, очевидно, умер.

— Прошло 25 лет, и кажется, о Высоцком, о его жизни и смерти все сказано.

— Но есть вещи, которые знаю только я и о которых я никогда никому не скажу. Я была счастлива, а если ты любишь человека, то что бы с ним не происходило, все равно — счастье. Кто знает, как бы все сложилось, если смоделировать нашу жизнь: он бы оставил Марину, женился бы на мне, мы бы родили ребенка. Володя, наверное, так же бы пил, заглядывался бы на других женщин, и, наверное, это было бы для меня трагедией.

— Кстати, а почему у вас так мало, почти нет общих фотографий с Высоцким?

— Да не до этого нам было. К тому же «мыльниц» в то время не было.

— Он тебе снится?

— Снится, но редко. Наверное, я какая-то избранница — мне в жизни повезло дважды. У меня был Володя. А потом у меня появился Леня, и я никогда не думала, что такое может повториться. У меня и Леня появился благодаря тому, что в моей жизни был Владимир Семенович.

— Какая связь?

— Самая прямая. Через два года после Володиной смерти я пришла в театр, и у той же самой администраторской, где познакомилась с Володей, увидела Леню. Попросила прикурить. И для меня было важно то, что он работает в этом же самом театре, что он знал Володю, а тот его очень ценил. Я пом-

ню, когда вышел фильм «Тот самый Мюнхгаузен», мы с Володией смотрели его вместе. «Господи, какой потрясающий актер, — говорю я. — Какой-нибудь прибалт?» — «Почему прибалт? Это наш, Ермолай». Леня по своим жизненным принципам похож на него.

— Хочешь сказать, что если бы повторилась та история у Комитета графиков на Грузинке, то Леня...

— Убил бы.

Евгения Езерская:

«ОКСАНА ЯРМОЛЬНИК — ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ВЫСОЦКОГО»

Кажется, их роман длился совсем недолго. Но Оксана была последней, кто услышал от Владимира Высоцкого: «Я люблю тебя». О любви, которую прервала смерть поэта, Оксана Ярмольник согласилась рассказать репортеру «Теленедели»...

«В КАКОЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ, В КОТОРОМ ЧАСУ...»

Мне было тогда восемнадцать лет. Володе — почти сорок. Первое случайное свидание судьба преподнесла нам в Театре на Таганке. Я была влюблена в театр. Но у меня никогда не было кумиров, идиолов для подражания и преклонения. Поэтому Володя покорила меня вовсе не своей популярностью. Его личность, его обаяние, сила и внутренняя энергия — вот что свело с ума девочку-студентку. Володя увидел меня в комнате администратора театра. Увидел и обалдел. Самое удивительное то, что я не «пасла» там его или кого-то другого. Мы действительно столкнулись совершенно случайно. Мгновение — и между нами вспыхнула искра. Неизбежная влюбленность. Первый шаг навстречу роману сделал Володя. Попросил телефон, пригласил на randevu. Видимо, все случилось, как у всех. Перед свиданием с Володией я с подружкой пошла в Театр Моссовета. Не видела ни сцены, ни актеров, впервые не обращала внимания на представление. Весь спектакль только и думала — пойти на встречу с Высоцким или нет. Рискнуть и броситься в омут с головой или испугаться и сбежать, продолжая вести спокойную привычную жизнь. Но разве можно было устоять перед этим человеком? Никакая сила не смогла бы остановить меня, вчерашнюю школьницу, от соблазна стать Его «призрачным счастьем». Конечно, я сломя голову побежала к нему! В его объятия. Любовь... Безумная, страстная, сумасшедшая любовь. Я жила только им. Он — мной. Мы тонули друг в друге, купаясь в любви, как в шампанском...

Он годился мне в отцы. Я испытывала странное, но удивительно приятное чувство. Володя относился ко мне и как к дочери, и как к любовнице, как к жене и как к подруге. Я же видела в нем и отца, и мужа, и друга. Он был для меня всем. Жила в то время только для него и ради него. Я старалась отгородить его от иглы и «колес», на которых он сидел. Но все не так просто. Как можно сказать больному раком: «Не болей» или алкоголику: «Не пей»? Это болезнь, которую надо лечить долго и терпеливо. Володя никогда не был наркоманом в понимании сегодняшнего дня. Но если говорить откровенно, он принимал «колеса», определенные медикаменты в виде таблеток, или делал инъекции. Знаете, ведь его «посадили» на наркотики. Все началось на очередных гастролях Высоцкого в Горьком. Одна женщина-врач посоветовала свой рецепт, как выводить Володю из запоев хотя бы на время концертов. Она уверяла, что своего мужа-алкоголика приводила в чувство только с помощью таблеток и инъекций. Решили попробовать. Сделали один укол — помогло. Потом второй, третий... Запоя нет, похмелья нет. Володя работает. Все вроде замечательно. Оставалось побороть только стресс и адскую усталость. Постепенно он стал принимать наркотики, только чтобы расслабиться, снять напряжение. Одна роль Гамлета — уже маленькая смерть. Не каждый человек сможет каждый раз «умирать» на сцене. Это невыносимо трудно как физически, так и психологически. Всякий раз вместе с Гамлетом умирал и Володя. Но потом ему приходилось воскресать. Это повторялось снова и снова. Единственное, что ему действительно помогало, — это наркотики... К тому времени он уже крепко на них «сидел». Но потом состояние эйфории сменялось глубокой депрессией и немощностью. Он сам мечтал избавиться от наркотического плена. И, конечно, безумно боялся за меня. Однажды он сказал: «Если я узнаю, что ты попробовала эту дрянь, я убью тебя собственными руками». Но, видя его состояние, мне ни разу не приходило в голову делать укол.

«НО ТОЛЬКО БЫЛ ТОТ ЯРКИЙ МИГ ИХ ЛЕБЕДИНОЙ ПЕСНЕЙ...»

Самые важные слова в моей жизни я услышала только через год. Это произошло в Бухаре. Мы жили в гостинице. У Володи внезапно наступила клиническая смерть. Его чудом удалось спасти. Помог местный врач. Он сделал уколы в подклю-

чичную артерию. А я, как могла, делала Володе искусственное дыхание. Когда Высоцкий пришел в сознание, первое, что он сказал, было: «Я люблю тебя». Я чувствовала себя самой счастливой женщиной в мире! Это было для меня очень важно. Володя никогда не бросался такими словами и говорил их далеко не каждой женщине, которая была в его жизни. Каждый день мы проживали, как последний, на пределе... Хотя предчувствия беды были. И этот последний день настал. Говорят, время лечит. Может быть... Я жива, через два года после смерти Высоцкого вышла замуж за Леню Ярмольника, родила ребенка. Но часть меня все-таки умерла вместе с Володей...

«ВСПАРИ И ДВА КРЫЛА РАСКИНЬ...»

С Леней мы познакомились тоже в Театре на Таганке. Потом случайно встретились в гостях у нашего общего с Володей друга. Леонид был со своей женой, на которой женился месяц назад. Он увидел меня и «погиб». Влюбился по уши. От жены он ушел на следующий день. А еще через три дня приехал ко мне с чемоданами. Причем без всяких вступлений и предупреждений. Видимо, решил применить шоко-терапию. Наверное, так и надо было. За те два года, которые я жила после похорон Высоцкого, рядом не было ни одного человека, достойного хотя бы мимолетного моего внимания. Все мне тогда казались лживыми и неинтересными. Встретив Леню, я вдруг поняла, что это тот человек, с которым я могу жить. Не знаю, почему. Подказала женская интуиция. А может быть, Володя крылом надо мной помахал... Леня знал, кто любил меня до него. Но мы даже не обсуждали эту тему. Было бы глупо ворошить прошлое. Но если бы Леониду не давало покоя сознание того, что было между мной и Высоцким, я бы не стала с ним общаться и пяти минут. Это не позволило бы нам быть вместе. Тем более что каким бы замечательным ни был Леня, но на тот момент самым дорогим для меня мужчиной оставался Высоцкий. Леонид очень мудрый, тонкой души человек. Он все понимал. Он знал, что должен не только завоевать меня, но и удержать, утвердиться в моей жизни. И это у него получилось.(4)

Сам Леонид Исаакович так отвечает на вопросы журналистов о давнем романе его нынешней супруги с поэтом:

— Когда вы познакомились, у нее тогда уже закончился роман с Высоцким?

— Меня часто об их отношениях спрашивают. Это дело давно минувших дней. Все уже давно быльем поросло. Когда Оксана познакомилась с Высоцким, ей было 18. Когда он умер, ей было 20. А со мной она встретилась в 22. Очень много слухов про эту связь ходило. Оксана в свое время все уже сказала, что хотела. А я... Это не моя история, поэтому ничего рассказать не могу...

1 декабря 2011 года состоялась премьера уже достаточно нашумевшего фильма режиссера Петра Буслова о поэте. Одна из главных героинь картины — возлюбленная Владимира Высоцкого Татьяна Ивлева — прототип Оксаны Афанасьевой, талантливо сыгранный молодой актрисой Оксаной Акиньиной.

На премьеру фильма в «Октябрь» Оксана не пришла. Актер Леонид Ярмольник смотрел его в компании друзей и коллег, без супруги.

Причины отказа Оксаны смотреть картину вполне объективны и понятны... «Фильм не смотрела, только трейлер, — говорит Оксана. — Считаю, что картина больше про Никиту Высоцкого, чем про Володю. Это зарабатывание денег на имени отца».

Таково мнение Оксаны Ярмольник о картине «Высоцкий. Спасибо, что живой». И она имеет полное право его высказывать. А соглашаться с ним или нет — личное дело каждого...

ОЛЕГ ДАЛЬ

...О дружбе и общении Олега Даля (1941—1981) и Владимира Высоцкого написано много. К величайшему сожалению, все сочиненные на эту тему статьи и исследования базируются на воспоминаниях и косвенных свидетельствах третьих лиц — сведений из первых уст осталось уж очень мало... Ничего нет про эту дружбу в дневниках Даля, не говорил и не упоминал о своем друге и коллеге в концертных монологах и Высоцкий. Хотя, несомненно, им было что вспомнить и о чем рассказать...

Теща актера Ольга Эйхенбаум пишет: «Рукописный архив Даля, хранящийся теперь в Музее им. А. А. Бахрушина, на сегодняшний день не располагает КАКИМИ-ЛИБО ЕЩЕ документами и материалами, в которых Олег САМ ГОВОРИЛ БЫ О СВОИХ ДРУЗЬЯХ. Есть, правда, довольно много прямых и косвенных свидетельств, принадлежащим третьим лицам, о том, что в последние месяцы жизни Олег публично причислял к своим друзьям покойных Владимира Высоцкого и Владислава Дворжецкого...»

Но рукописи (хотя в них и ничего нет по нашей теме), как известно, — не горят. Отыскались другие, новые документы! Кое-что удалось восстановить, прояснить, узнать новое, ранее — неизвестное о связях и взаимоотношениях героев этой главы... В этой главе собрано практически все, что известно на сегодняшний день о пересечениях двух гениев русского искусства — Олега Ивановича Даля и Владимира Семеновича Высоцкого.

Итак, читаем...

«У них были очень странные отношения. Они годами не виделись; за исключением одного раза — не работали вместе. Кажется, у них не было точек соприкосновения. И тем не менее, они были друзьями», — справедливо замечает в статье «Владимир Высоцкий и Олег Даль» Марк Цыбульский.

Опытному высокоцковеду вторит биограф Олега Даля Наталья Галаджева: «Они очень редко общались, не сидели в

компаниях, не дружили домами, но очень хорошо понимали и чувствовали друг друга. И, наверное, поэтому такими редкими и короткими были их встречи. Когда настолько все ясно — говорить трудно. Хочется молчать...»

Тонкими наблюдениями о взаимоотношениях двух актеров делится с читателем замечательный актер Валентин Никулин: «Хочу кое-что добавить к отношениям Володи и Олега, поскольку с Высоцким я учился, а с Далем был близко знаком больше семнадцати лет. Между Олегом и мной было девять лет разницы. Между мной и Высоцким — шесть. Понятно, что между Далем и Высоцким было три полных года. Я бы взял за скобки их разницу в возрасте — это чепуха! Категорически настаиваю на том, что всегда и с расстояния понимал: не надо искать никаких «закономерностей», не надо ничего «выстраивать» в их отношениях. Они строились по каким-то совершенно другим, неощутимым, неосязаемым каналам. И когда говорят, что в их судьбе есть некая схожесть... Да что там! Это все было более глубже (я имею в виду — схожесть) и подсознательнее по своей сути. Из области «кто движет нашей рукою».

Наверное, они оба не знали, кто двигал их ощущениями в отношении друг друга. Кто-то, нечто — это более глубоко, а по своей внешней стороне как раз все очень спонтанно и случайно. Сейчас любят говорить: «А как часто они виделись?» при чем тут это?! Разве имеет значение частота встреч? Наоборот, все это было очень необязательно, очень случайно, но, как мы знаем, «необходимость всегда пробивает себе дорогу сквозь бесчисленное множество случайностей». Они общались очень неоднозначно по насыщенности, иногда встречи были просто на ходу: привет — привет... Двумя словами, но что-то такое западало, маячило, пробежало, «искрило». Я просто в этом убежден. Во всяком случае, это то, что я видел. И то, что я говорю, не есть переработка каких-то чужих высказываний. Скорее, наоборот. Это мой Даль и мой Высоцкий. Такие, какими они мне были даны раз и навсегда».

Великий, гениальный режиссер Анатолий Эфрос сказал об актерах следующее: «Есть люди, которые олицетворяют собой понятие современный актер. Олег Даль был олицетворением этого понятия. Так же, как и Высоцкий. Их сравнить не с кем. Оба были пропитаны жизнью. Они сами ее сильно испытали. Даль так часто опускался, а потом так сильно возвышался. А ведь вся эта амплитуда остается в душе. То же самое и у Высоцкого. Это сказывалось и на образах...»

Близко знавший актера кинорежиссер Евгений Татарский о своей работе с Олегом Далем рассказывает:

— Таких артистов, как Олег Даль, в сегодняшнем кино и близко нет...

— Евгений Маркович, вы ведь познакомились с Олегом Далем задолго до съемок собственных картин?

— Это произошло на съемочной площадке фильма «Плохой хороший человек», режиссером-постановщиком которого был мэтр советского кино Иосиф Хейфиц, а я работал у него вторым режиссером. В роли Лаевского Хейфиц очень хотел снимать Даля, Олег же в то время пил — да не просто, а запоями. Если уж он входил, так сказать, в процесс, остановить его было невозможно. Но поскольку снимать Олега нужно было все равно, именно мне приходилось его «пасти» — следить за тем, чтобы Даль входил в кадр трезвый.

— Задача не из легких!

— Повозиться, конечно, пришлось. Что я только ни делал: и просил, и уговаривал, а иногда просто закрывал Олега в гостиничном номере.

— Он вас, наверное, возненавидел?

— Наоборот, как показало время, был мне благодарен.

О том, что Олег Даль — алкоголик и последнюю точку в спорах о духовной близости, дружбе, творчестве и жизненных пересечениях двух гениев ставит кинорежиссер Геннадий Полока. По его мнению, они были слишком разные, Даль и Высоцкий, и ничто их не могло объединять и роднить... Думается, режиссерские оценки очень точны: «...Сравнивать судьбу Высоцкого с судьбой Олега Даля — это форменное безобразие. Ведь Олег Даль имел счастливую официальную судьбу, он сыграл огромное количество ролей, и чаще всего главных... Даль почти всегда имел выбор из двух или трех ролей, работал с ведущими режиссерами... И главные роли он начал играть еще студентом. Представляете?! Разве можно сравнивать с Высоцким? Из театров Даль уходил, всегда хлопнув дверью, если что-нибудь делалось не так, как он хотел. И, в отличие от Володи, он был алкоголиком. Не пил он только последние два года, когда положение уже стало отчаянным. Когда он женился на Лизе Апраксиной, моей монтажнице... Это тот случай, когда, вопреки официально роскошной судьбе, человек сам себе устроил трагедию. А Володя — в силу своей физиологии — просто не мог быть алкоголиком. Он был запойным человеком, но не алкоголиком, а это разные конституции...»

Ольга Эйхенбаум в своих записных книжках (январь-февраль 1982 г.), сравнивая характеры, жизненные позиции и

творческие итоги Олега Даля и Владимира Высоцкого, отмечает: «В нем (Олеге. — А. П.) не было того, что было у Высоцкого — богемы. Он был удивительно чисто плотен в искусстве и в жизни... Какой-то Н. получает орден Ленина и зв<ание> нар<одного> арт<иста> СССР, а Олег так и умер, как и Володя Высоцкий, все отдав и ничего взамен не получив». Утверждения отчасти верные, но не бесспорные... Мы еще коснемся их в этой главе, а пока — к истокам.

Точная дата знакомства двух актеров и поэтов скрыта от их биографов и поклонников завесой времени, но можно предположить что они, почти ровесники и москвичи, поступившие учиться в театральные вузы, повстречались впервые в середине-конце 60-х годов, и тогда же — познакомились.

Дата первого творческого пересечения Олега Даля и Владимира Высоцкого известна точно и зафиксирована документами — состоялось оно в 1972 году. Даль, преимущественно театральный актер, но уже снявшийся в нескольких фильмах (среди них такие картины, как «Мой младший брат», «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Король Лир» и другие) получает роль певца Евгения Крестовского в картине режиссера Альберта Мкртчяна «Земля Санникова», снятой по одноименной повести В. Обручева. Первоначально же эта роль предназначалась Владимиру Высоцкому. Мало того, в сценарии фильма была прописана роль и для Марины Влади. По свидетельству кинорежиссера, Владимир Семенович специально для этой картины написал песни, в том числе «Кони привередливые»...

Вот что вспоминает Альберт Мкртчян о ситуации, сложившейся вокруг распределения ролей в картине и съемок «Земли Санникова»: «Какова история кинопроб Владимира Высоцкого к нашему фильму? История эта плохая. Кинопробы я должен был показать большому худсовету «Мосфильма». Мне директор картины говорит: «Нужен тебе в фильме Высоцкий? Нет! Он — плохой актер, мелкой фактуры». Я начал отстаивать, убеждать его... А потом оказалось, что накануне, по западному радио, кажется, «Свобода», передавали песни в его исполнении. Ну, мне и запретили его снимать. А у нас уже были заказаны билеты на поезд, для него и Марины Влади (она тоже должна была сниматься в фильме). Они знали уже о дне отъезда к Финскому заливу, где проходили съемки... Я поехал к ним сам. Дома была только мать. Я их не дождался. Вернулся к себе. И здесь звонок от Володи: «Что случилось?» Объясняю. Он просит лишь об одном: чтобы мы оттянули начало съемок на три дня. Он собирался встретиться с Шауро, отве-

чавшим в ЦК за культуру... Группа уехала. Я откладывал съемки его сцен, сколько мог. Он позвонил, его разговор с Шауро ничем не закончился. В фильме снимался замечательный актер Олег Даль. Но мне нужен был Высоцкий, его силы, его голос, его воображение. Он был великий боец. Для фильма написал две песни, одна из них — «Кони привередливые». Их тоже не дали возможности использовать в «Земле Санникова»...

Вот такой штрих к биографии Владимира Высоцкого...»

В другом интервью Альберт Суренович более подробно рассказал о том, как снималась «Земля Санникова»:

— Это была ваша идея снять фильм по роману Обручева?

— Нет, не моя. «Землю Санникова» мне предложили в Экспериментальном творческом объединении. Сценарий был жуткий. Я сказал, что возьмусь за этот фильм, если мне разрешат все переделать. Мне сказали: «Пожалуйста». Первый сценарий я отложил в сторону и пригласил Марка Захарова. Он пришел на студию и сказал: «Ну, мастер, что мне делать?» Я ему говорю: «Марк, ты бы хоть роман Обручева почитал». Он спрашивает: «А зачем? Ты мне говори, что надо делать, я сделаю». Так Марк и не прочитал этот роман. И был прав: иначе это бы ему помешало. Мы ведь написали совсем другую историю, к сюжету Обручева она почти не имеет отношения. Единственное, что осталось от автора, — это идея: неизвестная земля, которую надо открыть. Так мы и работали: я схематично обрисовывал, что должно происходить, Марк уходил домой и наутро приносил написанное. Великолепно написанное. Я спрашивал Марка: «Ты что, не можешь здесь с нами работать?» А он отвечал: «Нет, я горилла, в неволе не размножаюсь». И уходил писать домой.

— С выбором актеров на главные роли быстро определились?

— Нет, я планировал совсем других актеров. В те времена на «Мосфильме» делали 5-6, а то и 10 проб на каждую роль и утверждали на худсовете. Гайдай, если не ошибаюсь, 30 актеров пробовал, пока Гомиашвили на роль Остапа Бендера нашел. Я пробовал на роль Ильина — руководителя экспедиции — и Игоря Ледогорова, и Константина Григорьева, а на роль Игнатия — Евгения Леонова. Мне хотелось сделать картину-экшн, вроде американской «Великолепной семерки», а не просто приключенческий фильм.

Высоцкого не взяли в картину, потому что он спел на «Немецкой волне». Роль Крестовского я хотел отдать ему. На худсовете мы показали все пробы, и только Высоцкого велели заменить. Об этом сказал Сизов, он тогда был генераль-

ным директором худсовета. Я спрашиваю: «Чем это Высоцкий не подходит?» Сизов мне: «Да он такой не интересный. Нет, не подходит он вам». Я ему отвечаю, что, если режиссер я, то он мне подходит. Тогда уж Сизов прямым текстом мне сказал: «Слушайте, вы что, не понимаете? Он вам не подходит!» Тут уж я понял, о чем идет речь. В тот же день я позвонил Высоцкому и узнал, что ночью его песни передавали по «Немецкой волне» и все уже об этом знали. Реакция последовала незамедлительно, его не утвердили. А Володя очень хотел сниматься в этом фильме. Он даже песни для него писал. Одна из них стала очень знаменитой. Песня «Кони привередливые» написана для «Земли Санникова». Даже на его могиле этот конь стоит. Я звоню Высоцкому и спрашиваю, что будем делать? А мы завтра уже должны на съемки уезжать. И все же все были совершенно уверены, что Володю утвердят, и даже билеты на поезд взяли и для него, и для Марины Влади. У нее был маленький эпизод невесты руководителя экспедиции. Ее впоследствии сыграла Елена Чухрай.

Высоцкий спросил, смогу ли я три дня не снимать, ждать его. Я пообещал.

Приехали мы в экспедицию на Финский залив, где должны были ледовый поход снимать. А я съемки не начинаю, каждый день придумываю какие-нибудь отговорки. На третий день получаю телеграмму: «Можете взять любого. Меня не утвердили».

Высоцкий ходил к Шауро, тогдашнему идеологическому надзирателю за культурой, домой: пел песни, которые он писал для фильма, и все-таки это не помогло — его не взяли.

Мы должны были срочно решить, кого вызывать на роль Крестовского. Я посмотрел свой список: там были и Юрий Соломин, и Олег Даль, и многие другие актеры. Я решил, что Даль — самый подходящий и вызвал его. Он приехал в дымящую пьяный и страшно обиженный, что его пригласили не сразу, а вместо Высоцкого. «Раньше, — говорит, — не могли решить, я усы держал специально для роли». Но, конечно, он согласился, и мы начали снимать. Работать с Далем было трудно: в то время он пил и пил очень много, можно сказать, безбожно. Представьте, мы назначаем режимные съемки в 5 утра, а Даль уже в это время приходит на площадку с песней. Я спрашиваю: «Когда он успел?» А мне отвечают: «Он даже и не ложился». Когда Даль не пил, он был прекрасный человек, тонкий, чувствующий, а когда пил, становился невменяемым.

Невозможно было с ним разговаривать. По сценарию Крестовского должны были убить в самом конце фильма.

В Экспериментальном объединении мне сказали, ну, убивайте его раньше, отвяжитесь от него. А дело, в общем, шло к концу фильма, уже немного осталось. Но, поскольку было совсем неумоготу, я «убил» Даля раньше. А часть его роли передал Дворжецкому. Другого пути просто не было. Такая вот история с «Землей Санникова».

— Часто у вас не складывались отношения с актерами?

— Во всей моей режиссерской практике таких актеров было всего два. И, как ни странно, оба они снимались в «Земле Санникова». Один — это Олег Даль. На съемках я пытался на него воздействовать: уговаривал, скандалил, водой из ведра поливал, чтобы он как-то в себя пришел. Конечно, все это сказалось на отношениях. И почему-то у нас не сложилось с Юрием Назаровым, который играл роль каторжника. Впрочем, это его личное дело. Я ему не нравлюсь, как режиссер, наверное. Ну и Бог ему судья. А может, у Юры какие-то личные мотивы?

О печальной ситуации, связанной с ролью в фильме, а точнее — со своим неутверждением на нее, Владимир Высоцкий писал в письме к другу, кинорежиссеру Станиславу Говорухину (март 1972 г.): «...У меня много событий, в основном не очень хороших. Например, утвердили меня в картину «Земля Санникова», сделали ставку, заключили договор, взяли билеты, бегал я с визой для Марины, освобождение в театре вырывал с кровью у директора и Любимова, а за день до отъезда Сизов — директор «Мосфильма» — сказал: «Его не надо!» — «Почему?» — спрашивают режиссеры. «А не надо и все! Он — современная фигура» и т. д. в том же духе. <...> Словом, билеты я сдал, режиссеры уехали все в слезах, умоляли меня пойти, похлопотать и так далее. Я начал деятельность, просил всяких приемов, воздействовал через друзей, не знаю, чем все кончится, обещали принять, поговорить, повлиять, изменить и т. д. Видишь ли, Славик, я не так сожалею об этой картине, хотя роль интересная и несколько ночей писал я песни, <...> нужно просто поломать откуда-то возникшее мнение, что меня нельзя снимать, что я — одиозная личность, что будут бегать смотреть на Высоцкого, а не на фильм, и всем будет плевать на ту высокую нравственную идею фильма, которую я обязательно искажу, а то и уничтожу своей невероятной скандальной популярностью...»

Иные подробности, происходившие с фильмом «Земля Санникова» и вокруг него, мы узнаем из замечательной статьи Елены Савченко, посвященной этой картине: «...Осенью 1973 года на экраны кинотеатров вышла лента «Земля Санни-

кова», которая побила в тот год все рекорды по кассовым сборам. Опрос журнала «Советский экран» вывел фильм на первое место — своеобразный приз зрительских симпатий. И было за что.

Приключенческий боевик с элементами фантастики и мелодрамы был тогда в новинку. Великолепный дуэт молодых постановщиков — Леонид Попов и Альберт Мкртчян — под патронажем великого Григория Чухрая. А каков набор актеров — Олег Даль, Николай Гриценко, Владислав Дворжецкий, Георгий Вицин... Фантастический роман Обручева практически не угадывался в фильме — только сюжетная канва. «Земля Санникова» зазвучала по-новому: необычно, свежо, захватывающе. Полный успех!

Однако мало кто знает, чего стоил этот успех, с каким трудом он дался и... каких потребовал жертв. Тогда, в далекие 70-е, об этом никто не думал, но с течением времени начали говорить, сопоставлять события. Возможно, это цепь случайных совпадений, но может быть, и нет...

Первым, кого коснулось непроизнесенное, но уже утвержденное в сценарии проклятие шамана, был Владимир Высоцкий. Дело в том, что изначально и Чухрай, и его подопечные видели в роли Евгения Крестовского именно его. Высоцкий должен был стать доминантой, центром, вокруг которого закручивалась интрига фильма Николая Сизова.

Текст роли писался с учетом исполнительской манеры и характера Высоцкого, ему были заказаны песни, среди которых основной выбрали легендарных теперь надрывных «Коней привередливых». Можно лишь представить себе, как смотрелся бы Крестовский-Высоцкий на экране — картина кардинально меняется: тональность, окраска — все. Тонкий и импульсивный Даль против очерченного и чуть грубоватого Высоцкого. И тот, и другой необыкновенно талантливы, но разница между ними полярная.

В фильме «Коней...» заменит известная песня «Призрачно все...», второй куплет которой начинается словами: «Вечный покой сердце вряд ли обрадует...» Странно и страшно, ведь под «вечным покоем» авторами понимались слова реквиема, заупокойной мессы — «Вечный покой даруй им, Господи». Что это, прямой вызов или беспечность?

Песня Владимира Высоцкого была о смерти, ожидании и неизбежной встречи с ней. В исполнении слышится неподдельный надрыв, безмерная тоска, предчувствие гибели:

Но что за кони мне попались привередливые,
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Зима 1972 года. Худсовет утвердил на роли в фильме Высоцкого и Влади. Ей предстояло сыграть подругу героя Владислава Дворжецкого — отчаянного путешественника Ильина, который пускался на поиски призрачной Земли Санникова. Сшиты костюмы, выстроены декорации, съемочная группа давно выехала в Выборг, где планировалось начать картину. Оставалось три дня. И вдруг материалы будущей киноленты запросил директор «Мосфильма» Николай Сизов. Он одобрил все, кроме кинопроб Высоцкого, и потребовал замены актера. Резюме было убийственным: «Не будем создавать ему лишней популярности». Марина Влади, естественно, отстранялась от съемок. Все летело к черту!

Режиссерам пришлось в спешном порядке переоплачивать сценарий, наспех готовить к роли Олега Даля, писать новую музыку к песне, искать закадрового исполнителя...

Высоцкий уходит в глухой затяжной штопор. Не смог ни дожить, ни допеть. Совпадение? Не станем связывать трагедию артиста напрямую с «Землей Санникова». Через восемь лет его не станет. На похоронах долго молчал и вдруг произнес: «Я буду следующим». Ему останется отложенный судьбой миг — тоже восемь, правда, месяцев...»

В 1973 году Олег Даль бросил пить — прошла затяжная полоса неудовлетворенности и невостребованности в работе. «Помог Высоцкий: по его просьбе М. Влади привезла из Парижа чудодейственный препарат «Эспераль». Его зашивали под кожу, действовал он как Дамоклов меч: если человек, зашивший ампулу, выпивал алкоголь, то в организме начиналась такая химическая реакция, что белый свет не мил становился», — пишет Марк Цыбульский.

Во что об этом вспоминала вдова Олега Ивановича Елизавета Даль: «Мы поженились в 1970-м. Первые три года были очень трудные, он пил. И пил очень страшно. Продолжалось это до 1 апреля 1973 года — тогда он в первый раз зашился с Володей Высоцким. Марина привезла ампулы, так называемые «торпеды». Мы все думали, что они действуют два года. Но какой-то «друг» сказал Олегу, что это ерунда, действие прекращается через полгода. И опять понеслось...»

Об этой же проблеме актера со злоупотреблением алкоголем и желанием избавиться от нее остались записки матери Елизаветы Ольги Эйхенбаум, помеченные февралем 1982 года: «Перед ними (Далем с женой. — А. П.) стояло много проблем. Ее работа на «Ленфильме», его работа в «Современнике», его запойные дела... Это было тяжело, порой казалось, что все рухнет: мы его мало знали и часто не понимали.

Но так как чувство их друг к другу было настоящим, они в конце концов выбрали верный путь: Лиза ушла с работы и уехала с ним в Москву, а он из рук Володи Высоцкого принял франц<узское> лекарство, которое избавляло его на некоторое время от тяги к спиртному».

Действительно — лишь «на некоторое время»... Та же О. Эйхенбаум пишет: «Олег... пил водку или коньяк. К вину относился так себе... Вообще дома пить не любил, потому что, конечно, видел и в Лизиных, и в моих глазах тревогу из-за каждой следующей рюмки: сколько нальет, как выпьет. С одной стороны, он понимал наше беспокойство, с другой — раздражался, предпочитая выпивать в забегаловках, кафе и т. д. Или у знакомых. Например, у Высоцкого».

Теща актера во многом права — выпивка станет основным поводом для «дружеских» встреч Олега Даля и Владимира Высоцкого, ее основополагающим фактором... И в особенности — для ее любимого зятя... Будут долго и много пить друзья и во время своей последней встречи — 1 мая 1980 года дома у Владимира Семеновича... Но рассказ об этом впереди.

В 1974-м актерам удалось наконец-то встретиться на съемочной площадке — тонкий мастер Иосиф Хейфиц приступает к экранизации повести А. П. Чехова «Дуэль». Иосифу Ефимовичу, чуткому и прозорливому художнику, удалось угадать глубочайшую внутреннюю связь Олега Даля и Владимира Высоцкого...

Американский высокоцковед Марк Цыбульский о фильме и сыгранных в нем Высоцким и Далем ролях пишет: «Готовясь к постановке фильма «Плохой хороший человек» по чеховской повести, на роль фон Корена Хейфиц пригласил Высоцкого. Тот согласился на кинопробы, но предупредил режиссера, что на роль его, вероятнее всего, не утвердят. Была, впрочем, надежда. Незадолго до того Высоцкий выступал перед космонавтами, и те спросили, почему он почти не снимается. Высоцкий честно ответил, что его не утверждают на роли. Космонавты пообещали написать письма в нужные инстанции и походатайствовать. Помогло ли заступничество космонавтов или благоприятно сложились обстоятельства, но роль Высоцкий получил.

Итак, фон Корен. Подтянут, аккуратен, точен в формулировках, тверд в убеждениях. Близорук, но носит не пенсне, а крепко сидящие, ни при какой работе не мешающие очки.

Всегда в сапогах, и, кстати, презирует Лаевского (роль досталась О. Далю), в числе прочего, и за то, что тот носит туфли. Педант. Не случайно, видно, Чехов дал своему герою

немецкую фамилию. Человек дела, ненавидящий рефлексивных бездельников, типа Лаевского. Причем одной ненавистью он не ограничивается: людей, не приносящих пользу, готов уничтожать физически.

Самое любопытное, что он готов к этому в буквальном смысле, чего никак не ожидает от теоретика улучшения человеческой породы, развивающего свои идеи между первым и вторым блюдом на обеде у доктора Самойленко. Идеологов, как правило, вид крови расстраивает, они предпочитают, чтобы их задумки воплощали другие.

Фон Корен не таков. Хладнокровно ловит он на слове своего оппонента, в запале крикнувшего: «Я драться буду!» Разумеется, драться Лаевский не собирался. Он вообще не способен на поступок более решительный, чем смахнуть рукой курицу, взлетевшую на крыльцо кофейни во время одного из его монологов. Отрезать этой самой курице голову он бы никогда не смог. Фон Корен сделает это не поморщившись. Причем если курицу он зарежет по необходимости, физиологической, когда захочет есть, то Лаевского готов убить по необходимости философской: по Корену, такие люди жить не должны. Разве что — на каторге, где под наблюдением других смогут приносить пользу хоть из-под палки.

Выходка Лаевского («Я хочу только, чтобы вы и немецкие выходцы из жидов оставили меня в покое!») фон Корена, разумеется, не оскорбила, Лаевский не в силах его оскорбить. Но повод он не упускает: «Господину Лаевскому хочется перед отъездом поразвлечься дуэлью. Извольте, я принимаю ваш вызов!»

В финале фильма фон Корен смущен и грустен. Он был близок к убийству, промахнулся лишь из-за дьякона, истошно закричавшего в момент нажатия курка. Вряд ли он отказался от своих убеждений, но, возможно, близость реального, а не теоретического уничтожения человека что-то в нем пошатнула. Рассуждать оказалось легче, чем действовать.

К тому же и Лаевский — несостоявшаяся жертва — уж очень жалок. Когда фон Корен, по настоянию Самойленко, приходит прощаться, тот с готовностью жмет протянутую руку, подставляет стул, кланяется. Дуэль подействовала и на него: он бросил играть в карты, женился и начал много работать, чтобы выплатить долги. «Приносить пользу», говоря словами фон Корена. Так и будет жить в крошечном городишке на Кавказе, горбясь над бумагами, в то время как фон Корен будет работать в экспедиции на Баренцевом море.

Разность масштаба личностей очевидна. Кто же из них «плохой хороший человек»? Вероятно, оба. Один — слабый, ни к чему цельному не приспособленный, способный на подлость (собирался же он бежать в Россию, бросив на произвол судьбы полюбившую его женщину), но не способный на преступление. Другой — полная противоположность. Труд для него — основа жизни. Такой пройдет через северные моря, откроет новые земли, составит карты. Правда, не понимающего необходимости его полезной деятельности он может убить. (Или прикажет убить, если будет кому приказывать, а память о дуэли еще не сотрется).

Фильм готовых ответов не дает. Актеры играют своих героев ничуть не упрощая характеров, выписанных Чеховым. О. Даль в роли Лаевского не уступает Высоцкому, но образно фон Корен сам по себе более рельефный и более притягивающий внимание именно из-за его мужественности на грани с жестокостью...»

О ситуации, сложившейся на съемочной площадке картины и вокруг нее, и о главных действующих на ней лицах вспоминает ее непосредственный участник и свидетель, питерский актер Геннадий Корольчук: «В августе 1972 года меня прямо со службы в армии берут на роль дьякона Победова в картину Иосифа Хейфица «Дуэль». Сразу попадаю на съемочную площадку, где меня окружают... Олег Даль, Владимир Высоцкий, Анатолий Папанов, Людмила Максакова, Анатолий Азо! А вдобавок еще и такие мастера «второго плана», что спина холодеет у молодого артиста.

Но все оказалось не так страшно.

Прежде всего, успокоило то, что большинство шедших на площадке разговоров были театрального толка, что мне, как человеку урожденно театральному, было очень интересно. Причем тон задавали Олег с Володей.

По способу существования в искусстве, по способу работы — они вообще очень выделялись в этой группе. Ни Хейфиц, ни они не требовали друг от друга никакого «жима». Было такое впечатление, что пока Володя и Олег не сойдутся на чем-то с режиссером — они вообще не смогут играть. Наиболее характерная картинка в памяти: Хейфиц сидит на складном стульчике, а они вдвоем, стоя рядом с ним, «работают головой», бесконечно разбирая очередную сцену.

После одного из долгих диалогов у меня, например, возник и все время вертелся в голове вопрос: а смог бы Олег работать даже у Андрея Тарковского?

Вообще, спустя пять лет, это были совсем другие люди! Не внешне, конечно.

Володю теперь любили буквально все. Вокруг него была какая-то определенная, очень устойчивая атмосфера. Но я не входил в этот круг...

На натуральных съемках, да еще на юге, да в «бархатный сезон», — как не позволить себе расслабиться теплым вечером после жаркой работы? Но, поскольку я — человек, не подверженный «соблазнам», все эти компании меня миновали. Так что свободное время коротал за книгами или сидя у прудика, перебирая струны гитары.

А как же обойтись без инструмента там, где были Даль и Высоцкий! В один из вечеров прозвучало:

— Юра, дай, пожалуйста, гитару! Мы хотим посидеть...

Не знаю, что на меня тогда нашло, но только последовало:

— Нет, не дам!

— Да дай ты им...

— Не дам, и не просите! У меня на предыдущей картине на нее сели...

Но никто мне в вину этого не поставил. Не было ни обид, ни упрека. Просто похлопали по плечу:

— Ладно, не бери в голову...

Может быть, поэтому у меня и сложилось о них двоих свое впечатление, как о людях, относившихся ко мне как к младшему, стриженому и ушастому брату, у которого все-все-все в жизни еще впереди...»

Константин Рудницкий, маститый театровед и биограф великого режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда, рецензируя вышедшую на экраны картину, писал: «...Можно было бы сказать, что фон Корен увиден в фильме не с точки зрения Чехова, а с точки зрения Лаевского: это ведь Лаевский убежден, что фон Корен по натуре своей «полководец», «деспот», что ему «нужна пустыня», что он «живет в мире иллюзий и миражей», а деспоты — они «всегда были иллюзионистами». (Тут К. Рудницкий абсолютно прав! Вспомните строчки из знаменитой песни А. Я. Розенбаума «На Гороховой»: «Чуть спортив воздух фраер, как иллюзионист, под стук колес моментом испарился!» — А. П.) Но речи Лаевского окрашены неприязнью и, отчасти, страхом перед фон Кореном, в фильме же фон Корен рассматривается с пристальным, глубоким вниманием: в нем режиссер ощущает острую и болезненную проблему. Смеею сказать, что эта фигура в каком-то смысле получилась интереснее и выразительней чеховской — настолько, насколько язык фильма всеобщее способен быть выразительнее

языка прозы. Во всяком случае, все время, когда фон Корен в кадре, он вызывает жгучий интерес к себе.

Самое же любопытное состоит, пожалуй, в том, что, по-новому взглянув на фон Корена, сыграв его и по Чехову, и по-своему, Высоцкий держится, тем не менее, в пределах чеховского стиля и чеховского драматизма. Психологически изощренная манера исполнения, безусловно верное чувство атмосферы и настроения, которым окрашена вся его роль — в каждом движении и в каждой интонации актера, — позволяют ему сохранить утонченную строгость и чистоту стиля Чехова.

Оттеня жестокий максимализм фон Корена, его педантичность, едва уловимое довольство собой, его чуточку злоещее обаяние, холодность и сугубый рационализм, Высоцкий открыл все же своему фон Корену возможность вполне достойного и красивого отступления в финале...»

Сам Владимир Высоцкий в интервью киноведу Семену Чертоку так рассказал о сыгранной в фильме роли фон Корена и характере своего киногероя: «Плохой хороший человек» поставлен Иосифом Хейфицем по «Дуэли» — одному из самых замечательных произведений Чехова. Вл. И. Немирович-Данченко считал, что «Дуэль» — лучшее из всего, что написал Чехов. Иосиф Ефимович знает и любит Чехова, как никто другой...

Я играю в картине зоолога фон Корена, готовящего научную экспедицию. Он увлечен маниакальной идеей спасения цивилизации путем «улучшения человеческой породы», уничтожения слабых. Прямолинейный в суждениях, неспособный принимать противоречия в жизни, он говорит: «В интересах человечества и своих собственных интересах такие люди должны быть уничтожены. Непременно».

Мы не обвиняем фон Корена, не защищаем ненавидимого им слабого и неловкого Лаевского. Конечно, его высказывания не могут вызывать ни малейшей симпатии. Но в характере его немало притягательного. Незаурядны его научная целеустремленность, энергия, трудолюбие. Это сложный человек — твердый, сильный, уверенный в себе. Но под маской положительного героя в нем скрывается человек, отрицающий гуманистическую мораль. Искусный зоолог, он оказывается никуда не годным воспитателем человека. Фон Корены не перевелись и сегодня, а значит, и сегодня не устарела гуманная мысль повести. Эренбург в книге о Чехове писал, что когда Гитлер еще под стол пешком ходил, фон Корен уже высказывал его «идеи». Мы не хотели изображать фон Корена как предтечу фашизма, но пытались показать его мораль-

ное поражение. Дуэль — рудимент средневекового понятия о чести — стала для фон Корена победой его последовательной жизненной философии и в то же время его нравственным поражением. В нем не оказалось такого человеческого духовного начала, которое обнаружил презираемый им Лаевский...»

Краснодарка Тамара Бибикова была в числе тех, кто организовывал и проводил творческие встречи Олега Даля со зрителями в Краснодаре и городах края от Бюро пропаганды советского киноискусства в октябре 1979 года. Сейчас она вспоминает многое, но особенно интересными кажутся «неофициальные» рассказы актера о съемках и обстановки вокруг них фильма «Плохой хороший человек». Олег Иванович поведал много интересного и любопытного в частных беседах с Бибиковой, в том числе и о совместном общении с Владимиром Высоцким.

В своих недавно опубликованных воспоминаниях о встречах с Далем, Татьяна пишет, что актер «очень много и смешно рассказывал о съемках «Плохого хорошего человека». Точнее, об обратной стороне этого дела. Они с Папановым приехали на натуру первые, потом встречали в аэропорту Высоцкого... Очень весело им жилось, но недолго.

— Вызвали жен и ставку им платили, чтобы только они нас «оберегали»...

Рассказывал Даль о своих «загулах» с Высоцким:

— Сидим на кухне, пьем. Вдруг влетает Марина и говорит: «Алкоголики! А сами... сами пить не умеете!.. Научитесь сначала, а потом пейте!!!» Выдула бутылку водки и пошла спать спокойно...

Кстати, Даль к Высоцкому не «лип», как это делали многие. После Олега Ивановича к нам приезжал актер Борис Хмельницкий, так он с каждой сцены представлялся лучшим другом Высоцкого и рассказывал о нем примерно так:

— Вот приходит ко мне Володя... Помоги, говорит, музыку написать к песне...

Даль, во-первых, со сцены никогда о Высоцком не распространялся. А в наших разговорах отзывался о нем очень уважительно. Да, на вопросы зрителей о нем отвечал, но никакого «друга», никакого панибратства со сцены не звучало...»

Но вернемся к разбору фильма Иосифа Хейфица и участия в нем актеров...

Вот что в 1975 году писала о картине «Плохой хороший человек», а так же образах и характерах, воплощенных в ней Владимиром Высоцким и Олегом Далем, кинокритик Ирина Рубанова: «В центре «Дуэли» — эпизод, где два главных ге-

роя повести стоят друг против друга с револьверами в руках и только случайно один из них не убивает другого. Но названа повесть «Дуэль» не только из-за этой сцены. Оба дуэлянта, Лаевский и фон Корен, «дуэлируют» постоянно. Во внешности, манерах, образе жизни, убеждениях Лаевский и фон Корен противостоят друг другу. Иосиф Хейфиц отказался от чеховского заголовка, заменив его строкой из статьи Томаса Манна, и допустил неточность. У Чехова речь идет не об одном Лаевском, а о Лаевском в отношениях с фон Кореном. Высоцкий точно понял это и образцово сыграл именно дуэтную (дуэльную) партию. Он словно бы очертил барьер, отделяющий его фон Корена от Лаевского в исполнении Олега Даля.

Лаевский Далья — высокий, с обмякшей спиной, с руками-плетьми, с лицом бледным, вялым, на котором большие светлые глаза как бы взывают о помощи.

Фон Корен у Высоцкого — коренаст, крепок, энергичен, четок в движениях, подтянут. До сих пор актер не гримировался перед камерой, не уходил от своей внешности. В роли фон Корена он надел очки. В чеховском тексте очков нет. Высоцкому они служат двойную службу. Во-первых, говорят о том, что этот человек много работает глазами — смотрит в микроскоп, читает, пишет, то есть вообще работает в отличие от «нераскаянного бездельника», как называл Лаевского один из тончайших истолкователей Чехова Н. Я. Берковский. Во-вторых, за очками можно спрятать глаза, а это очень нужно Высоцкому, чтобы сыграть развязку фильма, опрокидывающую представление о том фон Корене, что вел ожесточенную войну с Лаевским.

Фон Корен ненавидел Лаевского за то, что тот не делал дела, а только пил водку да играл в карты. Ненавидел за то, что тот не способен был на постоянное чувство и преступал общественную мораль. Он презирал его убеждения, будто личность не вольна, да и бессильна что-либо изменить в общественном процессе; будто жизнь становится дурной под действием слепых общественных механизмов, за которые она не может отвечать; будто в этих условиях на Руси всякий человек порядочен лишь потому, что мнит себя наследником Рудина или родственником Базарова. Тут нужна ясность: кинематографический Лаевский на этих убеждениях не настаивает и вообще, во всем, кроме безволия, обрисован поверхностно. Высоцкий в роли фон Корена ведет сражение с Лаевским из повести.

Он противопоставляет противнику дело, культ дела, силу, культ силы, здоровье, культ здоровья и убеждение, что жизнь организуют не отвлеченные понятия («абстракты», как сказа-

но в тексте), к каковым относится цивилизация, духовный климат, литературные образцы и т. д., а вклад каждого конкретного человека. Главным вкладом в прогресс фон Корен считает борьбу со слабостью и слабыми. Этот энтузиаст изучения фауны неисследованных районов полагает, что естественный отбор оздоровит человечество. Слабых — уничтожать!

Зловещую идейность своего героя Высоцкий играет сухо, без густоты тонов и без психологических рессор. Его фон Корен ненавидит Лаевского, презирает его, почти тяготится его присутствием на Земле. Во время дуэли, когда все выглядели нелепо и не знали, как поступать, один фон Корен гнул свое: он приехал убить Лаевского, и он его убьет. Вытянутая рука, прищуренный правый глаз, на мгновение этот глаз открывается — видимо, рука чуть дрогнула, а потом крик перепуганного дьякона «под руку» и промах.

В соответствии с чеховской «безнажимной» манерой Высоцкий не акцентирует в кадре этот промах. Но в контексте роли он приобретает важное значение. Промах на дуэли для фон Корена — промах в жизни, убеждениях, свидетельство крупных изъянов в его спенсерианско-мальтузианской философии.

В следующем эпизоде он увидит Лаевского за перепиской бумаг, узнает, что и морально тот выправился — обвенчался с сожительницей, но уже не порадуется, а, напротив, загрустит того больше. В конце фильма герои как бы обменялись местами: фон Корен понял, что его деятельность пуста или даже вредна на нездоровой общественной основе. Лаевский знал это раньше, но от безысходности погряз в рутине.

Высоцкий резко очертил поражение своего героя. В сущности, он обозначил здесь свою тему слабости сильных, но обозначил ее на этот раз не волевым порывом, а замечательной суммой правды и проникновения в суть чеховского замысла...»

«Даль был утвержден на роль и прекрасно сыграл Лаевского, — пишет Марк Цыбульский. — Высоцкий в роли фон Корена был, пожалуй, даже убедительнее. Наградой ему стал приз «За лучшую мужскую роль» на весьма престижном международном кинофестивале в Таормине (Италия) в 1974 г.»

Обычно скупой на похвалы актерам кинорежиссер Григорий Михайлович Козинцев, посмотрев картину, остался под впечатлением сыгранной в ней Далем роли. В своем последнем в жизни письме (от 29 апреля 1973 г.) мэтр писал актеру: «Олег, милый. Смотрел фильм Вы мне очень понравились. Удачи и счастья».

Кинорежиссер Иосиф Хейфиц позднее вспоминал: «Плохой хороший человек» — один из самых любимых моих фильмов. К сожалению, он мало шел на экранах. Какой-то чиновник сказал: «Народу это вряд ли будет интересно».

Потом я показывал картину в разных аудиториях, у научных работников, в кино клубах, и все спрашивали, почему фильм почти не был в прокате? Как я это мог объяснить?»

Иосиф Ефимович оставил интересные наблюдения за отношением Олега Даля к личности и творчеству Владимира Высоцкого: «...Однажды он (Даль. — А. П.) снимался в одной картине. Не буду ее называть. Олег играл главную роль. Я не могу сказать, что он плохо играл, но она не полностью использовала возможности артиста. Когда фильм вчерне смонтировали, я был в отъезде, в экспедиции. Олег, узнав об этом, прислал письмо моей жене, Ирине Владимировне, с просьбой переслать его мне. Это трогательнейшее письмо. В нем были следующие строчки: «Попросите Иосифа Ефимовича, чтобы он посмотрел материал и как бы от себя, осторожно, щадя самолюбие другого художника, высказал бы свои соображения и, если можно, чем-нибудь помог... После Володи, — писал он, имея в виду Высоцкого, — останутся его песни, а после меня — мои фильмы. Мне бы хотелось, чтобы память обо мне осталась хорошей...»

Олег очень любил Высоцкого. Он любил его как человека, любил, может быть, не его актерское творчество, но его личность, его поэзию, его песни. Никогда об этом прямо не говорил, но вот хотя бы по той фразе: «После Володи останутся его песни...» — это становится ясно. Его смерть очень тяжело подействовала на Олега. И часто он повторял: «Ну, вот, скоро и моя очередь пойти к Володе...»

Завершить рассказ о картине Иосифа Хейфица «Плохой хороший человек» просто необходимо словами латвийского высококоведа Виктора Бакина. По его мнению, в характерах героев, сыгранных Высоцким и Далем, можно разглядеть реальные, жизненные черты самих актеров: «В фильме четко прорисовывались уже определившиеся темы. У Высоцкого — человека слабого в своей силе, у Даля — сильного в своей слабости. Они и в жизни были такими. Приземистый, крепкий Высоцкий вдруг обнажал в сверкающей улыбке зубы, а в глазах появлялось что-то детское, почти трогательное. И хрупкий, тонкий, изящный Даль с неприступным видом проходил после репетиций или спектакля мимо коллег. Одни видели в нем эталон актерского профессионализма, другие называли его гениальным дилетантом. Одни восхищались его уди-

вительным жизнелюбием, другие вспоминали приступы черной меланхолии. Его постоянно мучило чувство собственной неудовлетворенности и самоедство. Аккуратизм в быту и организованность в работе соседствовали с глубокими и злыми запоями в ползузнакомых компаниях...»

Но вернемся в год 1974-й.

После завершения съемок в фильме «Плохой хороший человек» творческие и человеческие контакты Олега Даля и Владимира вновь сошли на нет: стали периодическими, непостоянными, редкими, даже, скорее, — случайными. Встречались они на киностудиях, за кулисами концертов, каких-нибудь творческих вечеров или встреч, на кинофестивалях (чему свидетельства — сохранившиеся фотоснимки: два беседующих о чем-то актера; Даль, Высоцкий и Галина Волчек и другие изображения). Странно, но они никогда не были на премьерах спектаклей и кинофильмов, в которых были заняты. Нет свидетельств, что Даль и Высоцкий посещали творческие встречи и концерты друг друга...

Но неутомимые журналисты (в данном случае — из журнала «Отдохни!») продолжают сочинять и публиковать небылицы о взаимоотношениях и контактах друзей: «В феврале 1980 года, вернувшись как-то после долгих дружеских посиделок с Высоцким, Даль сказал: «Сначала уйдет Володя, потом — я». И не ошибся. Он не пережил Высоцкого и на полгода...»

Никогда не сомневался в провидческих способностях Олега Ивановича... Верю, как самому себе!

Все остальные «сплетни в виде версий» об Олеге Дале, опубликованные в одном из номеров журнала за 2000 год, грех даже цитировать... Приведенный выше отрывок из материала об актере можно назвать самым правдоподобным в нем, хотя правды здесь — ни на йоту, как говорится. Журналист, что называется, «слышал звон», но не понял, откуда он...

Во-первых, в феврале 1980 года состояние здоровья Владимира Высоцкого было крайне скверным — поэт страдал от прогрессирующей наркомании и весь месяц пытался «соскочить с иглы». Он запирается в квартире на Малой Грузинской и несколько недель лежит под капельницами... Валерий Первозчиков, автор книги «Правда смертного часа. Владимир Высоцкий, год 1980-й», посвященной последним месяцам жизни Владимира Семеновича, пишет: «Февраль 1980-го года в жизни Высоцкого — месяц для нас «пустой»... С первого по двадцатое февраля — ни одного спектакля, ни одного концерта. Только первого февраля — выступление во ВНИИ ЭТО...

У Высоцкого затруднена речь...

К этому времени Высоцкий тяжело болен... Наркомания. Страшная — и тогда неизлечимая болезнь...»

Спрашивается, о каких «долгих дружеских посиделках у Высоцкого» рассказывает журналист еженедельника «Отдохни!» читателям? Он что, был среди приглашенных «посидеть» и присутствовал в тот вечер в квартире поэта?

Второе. По поводу фразы, якобы произнесенной Олегом Далем о скором уходе из жизни Высоцкого, а затем и «себя любимого». Произнесена она была совсем не в том виде, как опубликована, и не дома у Владимира Семеновича. Актер произнес печальные слова «Следующим буду я...» на похоронах поэта 28 июля 1980 года. Тому есть масса свидетелей и оставленных свидетельств. Писали о пророческих словах Олега Ивановича в своих воспоминаниях о нем Галина Волчек, Михаил Козаков, Валентин Никулин, Алла Покровская и другие его коллеги по театру и кино. Неужто в феврале 80-го Даль уже все предвидел и рассчитал? И если рассчитал, при хозяйне квартиры, на вечеринке в его доме громогласно сказал присутствующим всю правду?!

И, наконец, — третье. Советую журналисту «Отдохни!» выучить арифметику и названия месяцев года. На худой конец — купить карманный календарик: Олег Даль пережил Владимира Высоцкого не «на полгода», а более чем на семь месяцев.

Это к вопросу о компетентности пишущей братии...

...У них действительно были странные отношения. Как уже знает читатель, Даль и Высоцкий не посещали спектаклей и концертов друг друга. Сегодня фамилию «Высоцкий» трудно, даже, пожалуй, — невозможно отделить от слова «гитара». В какой-то мере эти слова стали синонимами. Но хорошо известно, что и Олег Даль изумительно владел инструментом и в молодости частенько исполнял песни под гитару из блатного репертуара, который прекрасно знал. Об этом остались воспоминания коллег актера, снимавшихся вместе с ним в Одессе в картине «Первый троллейбус» (реж. И. Анненский, 1963 г.) Съёмки в этом фильме явились одной из первых работ актера в кино.

Вспоминает актриса Иветта Киселева: «...Он Володю очень любил, но Высоцкий Даля всегда как бы... «затмевал» в музыкальном исполнении. Хотя у Олега был голос (да какой!), и он сам прекрасно исполнял блатные да матерные песни».

Об этом же говорит актер Герман Качин, партнер Даля по фильму «Первый троллейбус»: «Пение Олега, его «концерты» тех лет — это тоже из области «гусарских походов» и вот такого проявления души, неординарности. Да, Олег очень

много пел. Пел модные песенки тех лет... По-моему, тогда уже и Галич подпольный был. Володя Высоцкий — еще нет. Я его по молодости тоже очень хорошо знал, и тогда он еще пел в основном шлягерно-блатную тематику. Свои он еще, может быть, только пробовал. А у Олега градация была очень резкая: романсы (очень любил наши, классические) и матерная блатняга».

Говорят, редкие домашние записи исполнения Олегом под гитару песенок «про воров и шалав», сделанных им «под водочку», остались в архиве Елизаветы Даль. К великому сожалению, до нас пока не дошло ни одно (!) из этих исполнений! Ясно: любительские пьяные забавы, невозможность произвести приличного качества запись, отсутствие необходимой аппаратуры и пленок... А может быть Олег Иванович просто не хотел, чтобы оставшиеся подобного содержания записи испортили в глазах современников и потомков его положительный имидж кино- и театрального актера и рафинированного интеллигента? Кто знает... Как бы то ни было — поклонники актера, знатоки «русского шансона» и фольклора с нетерпением ждут издания этих любительских пленок!

Но это — лишь версия. Родные актера категорически отвергают «певческий блатняк» Даля. Пленок — не было, на что, куда же записывать весь этот репертуар?

Теща актера пишет: «Нет кассет! У Олега Даля их всего две. И возможности купить у него не было: временный дефицит. Правда, его окружала масса людей, у которых эти кассеты валялись сотнями, но Олег был не тот человек, который пойдет и будет просить у того же Высоцкого...»

Конечно! Что уж там унижаться, да еще ради каких-то кассет! Лучше пойти к Володе Высоцкому водочки попить, «побухать», это мы — всегда рады и готовы!..

О последней встрече (он же — загул) Олега Даля и Владимира Высоцкого известно более-менее подробно. Она запомнилась всем ее свидетелям и состоялась в квартире Владимира Семеновича на Малой Грузинской улице 1 мая 1980 года...

Актриса Валентина Талызина вспоминала: «Однажды я вышла из своего дома, дошла до Садовой улицы и пошла по ней. Было солнце, свежее утро и нежная майская прохлада. Шла я к троллейбусу, на котором езжу в театр. И вдруг встречаю на этой остановке Олега. Я говорю:

— Ой... Здравствуй!..

— Здравствуй... Куда ты?

— Я в театр, а ты куда?

— Я иду к Высоцкому.

— На какой предмет?

— Мы будем пить. Мы вот так вот с утра сядем и начнем.

Я как-то опешила, потому что знала про все эти истории, про все эти дела.

— Да? Вот так... просто?..

Он ответил:

— Да, вот так просто. Вот сейчас с утра и начнем.

Так мы с ним расстались.

Был май 80-го года. Это была наша последняя встреча...»

Думается, читатель из рассказа Талызиной заметил: в словах Олега Даля, сказанных актрисе, нет ни грамма позерства, кокетства или лукавства. Это — слова обреченного, пропащего, погибающего человека, уже смирившегося с настоящим, не желающим что-либо в нем менять. Не видящего себя в будущем! Слова человека, добровольно и с удовольствием «бросающегося в пропасть», желающего ускорить свой конец, равнодушно, но целенаправленно к нему идущего!.. С нетерпением ждущего его, ищущего и потому, повторимся, ускоряющего этот конец. Видящего в нем и только в нем свое спасение!.. Даль уже тогда ВСЕ решил для себя и придумал. Смерть открыла счет и ничего изменить уже было нельзя...

Итак, Олег Даль едет к Владимиру Высоцкому домой.

Биограф актера Наталья Галаджева утверждает, что Олег Иванович в мае 1980 года провел в гостях у Высоцкого три дня, и все эти три дня он слушал стихи своего друга и коллеги: «Даль поразился, как сильно вырос и окреп голос поэта».

Согласно же свидетельствам очевидцев последней встречи Даля и Высоцкого, они провели вместе от одного до пяти (!) дней. (На самом деле, Даль «свалил» от Высоцкого только днем 5 мая). Как видим, «показания» серьезно разнятся! Если так, то вызывают сомнения слова Н. Галаджевой о том, что актер «поразился окрепшему голосу поэта», так как по рассказам людей, находившихся 1 мая в квартире Владимира Семеновича, он прибыл к Высоцкому уже будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, «в полном разборе»... Что называется, «перехватил по дороге». Не во время ли первомайской демонстрации или после нее?

25 лет спустя после того Первомай Оксана Афанасьева (Ярмольник) вспоминала: «Первомайские праздники, и Володя должен приехать за мной. Жду его дома на Яблочкова. Нет. Звоню, подходит Янклович. «Не волнуйся, все нормально, мы тебе позвоним». — «А где Володя?» — «Он не может подойти». — «Я сейчас приеду». — «Нет-нет, не вздумай».

Беру такси, через 10 минут вхожу в квартиру, там — е-мое! столы грязные, посуда, бутылки — настоящее гулялово. Захожу в спальню. Там Даль спит с какой-то бабой. Кошмар, вер-

теп, воронья слободка. Я хочу войти в кабинет, и вдруг откуда выходит девка, мне знакомая, — в рубашке, босая. Я зову ее на кухню: «Ира (Ирина Шалаева, близкая знакомая Высоцкого, пела с ним дуэтом. — А. П.), значит так: я сейчас уезжаю. Я приеду в половине третьего. В половине третьего в квартире должна быть идеальная чистота, помойка вынесена, и вас, блюдей, не должно быть здесь даже духу». И уезжаю. Пошла на рынок. Через полтора часа звоню: «Все убрали?» — «Да». — «Хорошо. Можете спускаться».

Я приехала — девственная чистота в квартире, девственно на кровати спит Володя, в другой комнате спит одинокий Даль. Он проснулся, вышел, и я первый раз в жизни видела, как у человека трясутся руки и он пьет, держа стакан водки через шею на полотенце. У Володи такого не было. Я Володе потом ни слова не сказала, он извинялся».

В книге-хронике Валерия Перевозчикова, посвященной обстоятельствам болезни и смерти поэта, приведены сведения более сухие и конкретные. Читаем: «1 Мая в квартире на Малой Грузинской привычный «свой» круг: Валерий Янклович, Анатолий Федотов, Владимир Шехтман, Оксана Афанасьева, ненадолго заезжал Вадим Иванович Туманов. Неизвестно, отмечали ли у Высоцкого День международной солидарности трудящихся, скорее всего, было не до праздника... Но этот день запомнили все, потому что к В. В. неожиданно (? — А. П.) приезжает Олег Даль».

В. Янклович: «Первого мая к Володе приехал Даль «в полном разборе», сказал: «Володя, я не могу идти домой в таком состоянии. Побуду немного у тебя...» Тогда Володя понял, что надо срочно что-то делать. Он сказал Олегу: «Ты знаешь, у меня есть друг — врач Толя, он тебя посмотрит...»

О. Афанасьева: «В разобранном состоянии — это не то слово... Когда я зашла, — первое впечатление, что человек неживой. К вечеру Даль пришел в себя».

А. Федотов: «Даль приехал.. Володя говорит: «Все! Надо вшиваться!» Есть такие таблетки «тетурам», их вшивают под кожу. И тут же позвонил жене Даля: «Лиза, ты не волнуйся. Он был не в лучшей форме... Не хотел показываться таким на глаза. Приехал ко мне. Поживет у меня дня три... Не переживай! Если что — звони. Все».

В. Шехтман: «Даль приехал к нему... Володя специально для него держал эти таблетки — «эспераль»: «Олег, ты что, не можешь «порежимить» неделю?! Я тебе привез — вот они...»

А Федотов: «Еще эти таблетки называют «эспераль»... Метод лечения основан на страхе: выпьешь — станет очень пло-

хо. Препарат блокирует фермент печени, который расщепляет алкоголь. Накапливаются кислые продукты — это мучительно...»

Второе мая 1980 года.

А. Федотов: «На следующий день на кухне у Володи я вшил Далю «эспераль»...»

Высоцковед Виктор Бакин пишет: «На этот раз у Даля была своя ампула «эсперали». Начиная с марта 1973 года, Г. Баснер четырежды вшивал Далю таблетки тетурама, привезенные Мариной из Франции. 2 мая на кухне Высоцкого Федотов вшил Далю «торпеду № 5».

Заметим: ни о каком чтении стихов друг другу и обмене любезностями между Олегом Далем и Владимиром Высоцким НИКТО из присутствовавших 1 мая 1980 года в квартире поэта НЕ УПОМЯНУЛ, а значит их попросту и не было. А была банальная, привычная в этой квартире пьянка и «серьезный» разговор, вращающийся вокруг пагубной привычки друзей и коллег, — об алкогольной зависимости и возможности (или — желании) избавиться от нее... Стихи могли «читаться» только второго (или — третьего) мая...

Остается только ответить на один вопрос: если Олег Даль, согласно воспоминаниям очевидцев, присутствовал в квартире Владимира Высоцкого и второго мая (и третьего, и четвертого, и пятого... Лиза Даль вспоминала, что только 5 мая Олег вернулся. И рассказал, что малоприятная обстановка была у Володи...), то что, какие стихи (песни) Высоцкий читал (пел) другу Далю? (Если только — читал и пел) Об этом мемуаристы не вспомнили... О пьянке — глаголят хором все, а о главном — умолчали! А жаль...

НИКТО, повторимся, не вспомнил! А и не мог вспомнить-то! По мнению опытного далеведа Александра Иванова, «утверждение о чтении Далю Высоцким стихов при их последней встрече ошибочно «запустила» биограф Олега Ивановича, киновед Н. П. Галаджева. С ее легкой руки, за прошедшие после встречи приятелей тридцать с лишним лет эту ошибку повторило не менее двадцати авторов (!), писавших, как о самом артисте, так и о В. Высоцком (включая такого скандального «исследователя», как В. Перевозчиков). Любой читатель, минимально знакомый с обстоятельствами творческой и личной жизни героев материала хотя бы на уровне посвященных им книг, прекрасно поймет: к маю 1980-го обоим было уже не до обмена мнениями о стихах друг друга».

...25 мая 1980 года Далю исполняется 39 лет. Высоцкий в этот день находился далеко от дома — в Польше, в составе

труппы Театра на Таганке, гастролирующей в этой стране с середины месяца. Позднее многие биографы и исследователи творчества артистов обратят внимание на удивительные совпадения в их важных жизненных датах, связанных с числом 25... Оба — и Олег Даль, и Владимир Высоцкий, — родились 25-го: первый — мая, второй — в январе. Расписался с женой Изой поэт 25 июля 1959 года... 25 июля 1980 года ушел из жизни Владимир Семенович, 25 января 1981 года Даль увидел сон (оказавшийся вещим и пророческим), в котором, как рассказывал актер, «мне приснился Володя. Он меня зовет...»

Но никто не упоминал еще об одном событии, связанном с эти, как оказалось, несчастливым для обоих числом. Касается оно Владимира Семеновича Высоцкого и только его — напрямую... Учеными недавно установлено, что ровно за два месяца до своей биологической смерти человеческий организм начинает источать своеобразный и тонкий запах. Его могут уловить только опытные «нюхачи» — люди с повышенным, обостренным обонянием. Те же ученые назвали это горьковатое истечение «запахом смерти». Так вот, именно 25 мая 1980 года, в день рождения Олега Даля, начал «пахнуть» Владимир Высоцкий...

Через два месяца он умрет в своей постели...

Олег Даль узнает об этой трагедии на съемках картины Леонида Марягина «Незванный друг», ставшей последней в его жизни... (Олег Иванович хитро помянет своего друга в фильме — давая характеристику своему экранному герою, ученому, Даль скажет: он — «врун, болтун и хохотун». Это — строчка из песни В. Высоцкого «Лукоморья больше нет...»). Сообщил Далю печальную весть по телефону его приятель, актер Василий Ливанов (Олег за глаза называл его Головастиком).

Итак, под окнами квартиры у дома, где накануне погиб поэт, начинает собираться и толпиться народ...

Утром 25 июля, узнав о смерти друга, на Малую Грузинскую приезжает и Олег Даль. И — теряет сознание... Актриса Театра на Таганке Наталья Сайко вспоминала: «...Днем поехали к Володе... Помню, что Олегу Далю стало плохо...»

Виктор Бакин: «Пришли Олег Даль и Василий Ливанов. Даль постоял, склонив голову,... и потерял сознание. Нашатырь, вода, укол...»

Имя замечательного человека и актера Василия Борисовича Ливанова появилось в этой главе очень кстати. Актер и режиссер в своих воспоминаниях о Владимире Высоцком рассказал, что в конце жизни поэта они задумали написать совместно сценарий: «Творческий план у нас был с ним та-

кой — написать сценарий по мотивам повести Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби». Хотели все это перенести в Россию, во времена нэпа. Сценарий мы хотели писать втроем и втроем же хотели там сыграть — Володя, Олег Даль и я. Володя должен был играть главную роль. Была такая задумка, но она не осуществилась в связи с кончиной Володи».

Тот же Ливанов вспоминает: «...Зная его жизнь, неожиданности в его уходе не было. Все шло к тому. Но, тем не менее, это был удар для всех, кто его любил. А тяжелее всех, наверное, переживал Олег Даль».

Очень было страшно, когда мы сидели в квартире Володи в большой комнате, а он лежал в маленькой... И Даль сказал: «Я — следующий. Я знаю, я чувствую. Я — следующий...»

Валерий Перевозчиков пишет: «Поражает лицо Даля на похоронах В. Высоцкого...»

«На похоронах Высоцкого Олег сказал: «А теперь — моя очередь», — вспоминала вдова артиста Елизавета Даль. По воспоминаниям многих людей, он часто повторял эту фразу».

Действительно, по рассказам очевидцев, видевших Олега на тех похоронах, он выглядел ужасно и твердил: «Ну вот, теперь моя очередь». Михаил Козаков вспоминает: «На похоронах Галина Волчек подошла ко мне и спросила на ухо: «Может, хоть это Олега остановит?» Не остановило...»

Ольга Эйхенбаум записывает в своем дневнике: «28 июля 1980 г. Сегодня Олег ушел — хоронят Володю Высоцкого. 42 года. Пил страшно. Умер во сне. Очевидно, паралич сердца. Такой талантливый человек. Олег очень страдает. Мы, конечно, не поехали. Там будет очень много людей, много любопытных. И на Марину Влади интересно посмотреть: как она страдает в жизни, а не на экране».

Ну что поделаешь, с этим бороться невозможно.

Почему, когда человек попадает в катастрофу, собирается толпа посмотреть?! Ну а если все будут проходить спокойно мимо — это тоже плохо».

Воспоминания о пребывании и поведении Даля на похоронах Владимира Высоцкого оставили многие его коллеги, прощавшиеся в тот день, так же, как и Олег Иванович, со своим другом и товарищем... Вот некоторые из них, самые яркие...

Актер Леонид Филатов: «Первые похороны, на которых я был, Высоцкого. Тогда я сидел и ревел все время, и сам же себя уговаривал: сколько можно, ведь он даже не друг мне. Мы были на «ты», но всегда чувствовалась разница в возрасте, в статусе, в таланте, в чем угодно... И унять эти слезы я не мог. Ко мне подошел Олег Даль, который пережил Высоцкого на год. Он

выглядел ужасно: трудно быть хуже меня, нынешнего, но он был. Джинсы всегда в обтяжку, в дудочку, а тут внутри джинсины будто не нога, а кость, все на нем висит, лицо желто-зеленого оттенка... Даль пытался меня утешить: да, страшно, но Бог нас оставил жить и надо жить. А мне было еще страшнее, когда я глядел на него...»

Актер Валентин Никулин: «На похоронах Высоцкого мы с Далем ехали в одном автобусе. Каким номером — не помню: то ли пятым, то ли шестым. Оказались мы в нем в последнюю секунду, когда вся вереница стояла возле театра и потихоньку выворачивала на Садовое кольцо. Но главное произошло там, на Ваганьковском.

Мы с Олегом оказались не в самых первых рядах, но близко от могилы. Может быть, в конце второго десятка. Люди кидали по горсти земли, отходили в сторону, и так разрасталась толпа. Был «коридорчик», который со временем становился все уже, и уже. Протискивались люди сбоку. Я очень хорошо помню, что кинуть по горсти мы с Олегом прошли довольно свободно — еще был какой-то порядок. Я ступил на отброшенную землю своей правой ногой, а Олег был от меня справа и наступил левой. Там было довольно высоко: могила у Володи была чрезвычайно глубокая и надо было подвзлезть на земляной отброс. Когда мы бросили понемногу сыроватой, комьями земли, то не захотели оставаться рядом. Алька меня потянул за руку — мол, надо отойти. Но, развернувшись, мы увидели, что толпа уже настолько тесна, что даже раздался чей-то голос:

— Дайте пройти Далю и Никулину! Пропустите их!

В итоге, мы отошли прямо к маленькому желтому домику, который стоит сразу при входе на кладбище.

Конечно, цельности в нашем разговоре не было. Так, какие-то обрывки. Но когда я теперь смотрю на эту фотографию (где актеры запечатлены вместе, будучи на похоронах Высоцкого. — *А. П.*), то отчетливо помню то место, потому что нас «поймали» буквально где-то рядышком. Отдельные реплики тонули в непрерывном щелканье затворов фотоаппаратов и стрекоте камер. Там всех снимали, и нас с Олегом в том числе. Рядом стоит Бэллочка Ахмадулина с Борей Мессерером, Жеромский, который, естественно, попал в кадр.

И вот отдельные обрывки какого-то движущегося у каждого внутреннего монолога. Олег вдруг сказал мне:

— Помнишь... Мы с тобой возвращались из Ленинграда в «СВ»?

И долгая пауза.

— Ну, и что ты хочешь сказать? Это ты к чему?..

У Олега челюсти так явно сжимались, что он говорил почти сквозь зубы. Я переспросил:

— Ну и... Аль?

— Ты помнишь... Я тебе говорил, что он добавил к спиртному еще и наркотический момент...

— Аля! К чему ты сейчас об этом?!

— Потому что мы с тобой всю ночь проговорили о нем — до утра. И вышли в Москве на перрон с тем, что Володя должен съездить в Париж. И остановить все это. И сделать все это у Марины.

Опять долгая пауза и только чертово шелканье. Очень многое пропускалось многоточиями. И я что-то про себя «прокручивал», и он. Потом уже возле этого снимка я вспоминал его стиснутые зубы, очень ярко выраженные скулы. Даже не скулы, а желваки. Олег сказал:

— Ах, гад! Гад!!! Он обманул меня. Он всех нас обманул. Он все-таки ничего не сделал. Обманул... Вовка-то...

Под ночным разговором даль подразумевал наше возвращение после той съемки у Бирмана в конце июня. Причем я возвращался с каким-то кромешным ощущением. А он мне сказал:

— Ну, ладно, ладно... Вот проявят материал — увидишь.

Потом я уехал в Одессу и узнал о Высоцком там. Мои знакомые слышали об этом в два часа дня то ли по «Свободе», то ли по «Голосу Америки» и тут же передали мне. 26-го я уже был в Москве. На Малую Грузинскую не поехал. Надо было ждать субботу и воскресенье, а в понедельник 28-го — хоронили...

28 июля мы уезжали с кладбища с Олегом и Таней Лавровой, которая была его супругой в ранние годы...

Когда хоронили уже Олега — 7 марта 1981 года на Ваганьковском, внезапно за моей спиной возникла какая-то женщина. Меня тихонько тронули под локоть... И мне протянули фотографию — Олег, Саша Жеромский и я — на похоронах Высоцкого, на том же Ваганьковском кладбище, чуть более полугода назад. Наверное, когда я глянул на фото, в какие-то сотые доли секунды все вспомнилось и у меня на лице отобразилось что-то жуткое, тем более — в этот момент. Потому что эта дама сразу меня взяла за руку и сказала:

— Нет-нет-нет-нет... Что вы, что вы!!! Дай вам Бог как можно дольше... Многих лет жизни... Что вы, я НИЧЕГО не имела в виду.

Она хотела сказать, что принесла фотографию, где мы двое хороним того, третьего... А теперь я уже хороню этого второго, стоящего рядом со мной на этом снимке...»

Оставил воспоминания о том печальном дне и клоун Александр Жеромский, не раз упоминаемый в очерке Валентина Никулина: «Июль 1980 года. Олимпийские игры. Похороны Высоцкого. Рано утром я поехал в театр. Кобзон поручил мне привезти заказанные на Маяковке цветы. Подъезжаю — меня не пропускают: от высотного здания на Котельнической все уже было перекрыто, нужны были специальные пропуска. У меня такого не было, но встретился Боря Хмельницкий... Мы вместе прошли через оцепление, и таким образом я оказался в театре, где находился с самого утра до последнего момента. Когда Володю повезли на Ваганьковское, все разбежались по автобусам, по машинам — кто с кем мог поехать. Когда я вышел на улицу, то увидел, что автобус с актерами, с которыми хотел ехать и я, уже тронулся с места. А я был все время со Светой Власовой — это моя ученица, актриса Театра на Таганке. Мы с ней растерялись. Вдруг смотрю — стоит «Мерседес» Бабека Серуша. Я говорю:

— Бабуля, ты куда? Подвези, а то я всех растерял...

— Садись в машину.

И получилось так, что мы приехали значительно раньше, чем весь кортеж, который сопровождал Володю. Когда я вышел из машины, то увидел очень много военных и... генералов на кладбище. Уже пошел народ, стали подъезжать автобусы. И тут я встретил Олега и Валю — они шли вдвоем. Мы, как всегда, обнялись, поцеловались, и так втроем остались на все время похорон. Видимо, мы о чем-то говорили — сейчас я уже плохо помню. Помню только одну фразу Олега, сказанную очень четко и достаточно громко:

— Ничего, Володя. Спи спокойно, скоро я к тебе приду.

По-моему, это было произнесено, когда мы уже прощались с Володиной могилой и уходили с кладбища. Олег в последний раз обернулся, взглянул на могилу и сказал эту фразу.

С Ваганькова мы вышли втроем. Были всякие предложения: поехать к Высоцкому домой, либо в ВТО, либо куда-то еще... Тут нас догнала Светлана Власова, и мы все вместе стояли около входа на станцию метро «Улица 1905 года». Я говорю:

— Ну что, ребята, может быть поедем в ЦДРИ, посидим, помянем?

А Олег сказал:

— Нет. Я не могу. А так просто — не хочется. Сидеть, не поднимая ни рюмки, ничего...

— Ну, мы тогда в ЦДРИ. Созвонимся.

И мы разъехались...

На похоронах Олега Даля мне передали фотографию.

Беру ее и вижу: стоит Олег, Валя и я. 28 июля 1980 года. Похороны Высоцкого.

Я нашел глазами Валю. Он был в стороне, у могилы Олега. Когда Валентин подошел, протянул ему снимок.

— Валя, посмотри...

— Да. Одного уже нет. Ну, следующий, видимо, я.

— Что ты говоришь?! Чушь какую-то несешь!..

— Ты можешь дать мне ее? Я пересниму, потом тебе верну.

— Хорошо.

Больше я ее никогда не видел. Это единственная фотография, где мы сняты вместе с Олегом...

У меня бывает чувство, что он где-то здесь. Сейчас много об этом говорят, но я не могу сказать подобное, например, о Володе Высоцком или Никите Подгорном, с которыми встречался значительно чаще, но никогда не был так близок. Наиболее близкими людьми в моей жизни были Леня Енгибаров и Олег...»

Тогдашняя супруга Олега Ефремова, актриса Алла Покровская вспоминала: «Связанный с Далем трагический случай я помню только один — на похоронах Высоцкого. Мы втроем — Олег, Таня Лаврова, которой, к сожалению, уже тоже нет на этом свете, и я — вышли покурить. Стояли, молчали, каждый думал о своем, как вдруг Олег начал сильно хохотать, с ним случилась настоящая смеховая истерика. Мы с Таней на него зашипели, а он, не переставая смеяться, сказал: «Следующий — я!», и ушел от нас. Кто тогда мог подумать, что так все и получится?»(50)

Актриса Иветта Киселева вспоминает: «После похорон Высоцкого, одна моя знакомая, бывшая на них, рассказала, что Олег сказал:

— Володя умер, и мне здесь больше делать нечего...»

Марк Цыбульский: «После смерти Высоцкого Даль начал стремительно угасать. Мысли о смерти, которые и раньше приходили к нему нередко, стали навязчивыми...»

Об этом остались многочисленные воспоминания людей, общавшихся с Олегом Ивановичем осенью 1980 года...

Из интервью кинорежиссера Евгения Татарского:

— Отношения с Высоцким у Даля складывались? Ведь по фильму «Плохой хороший человек» их герои были антагонистами.

— В жизни они относились друг к другу нежно и трогательно, можно сказать, дружили. Была между ними какая-то труднообъяснимая ментальная связь, недаром Олег пережил Высоцкого всего на полгода.

— Существует легенда, что на похоронах Высоцкого Даль во всеуслышание заявил: «Следующим буду я».

— Да он все время твердил: «Я следующий, я следующий!» Олег вообще все повторял за Володей: пил, зашивался, кололся. Вслед за ним и умер. Что-то такое внутри у него сидело... Последний раз мы с Далем виделись незадолго до той злополучной поездки в Киев (30 января 1981 г. — А. П.) Я приехал к нему в Москву, мы толковали о следующей совместной работе, и вдруг он говорит: «Знаешь, Женька, мне Володька Высоцкий снился, он меня к себе зовет». Больше всего меня тогда поразил его радостный тон — будто он ждал смерти. Я обвел глазами комнату, на стенах которой висело много картинок Олега (он в свободное время любил рисовать), и все — одна другой мрачнее, с крестами и гробами. Я раздраженно сказал: «Олег, хватит этой мистики!» «Ах, ты мне не веришь! — возмутился он. — Оля, иди сюда!» Олей он звал тещу, которая была старше его лет на пятьдесят, он ее очень любил. Заглянула Оля. Олег говорит: «Скажи Женьке, что меня Володька к себе зовет!» И та тоже радостно кивает: «Да-да-да!» В общем, сумасшедший дом. Кто же знал, что так и получится.

— Ранняя смерть «от русской водки и тоски» — судьба многих выдающихся актеров того времени. Нынешние не пьют, а все больше деньги зарабатывают.

— Так ведь сейчас и талантов таких нет. Я тут одному «гению» сказал: «Не по таланту пьешь!» Даль и Высоцкий имели право пить, а эти, нынешние, нет...

О какой «следующей совместной работе» могли в конце января 1981 года разговаривать Татарский и Даль? Об этом рассказал много позже сам Евгений Маркович: «В 1980 году у меня на столе лежал сценарий, по которому я дал согласие делать фильм. Назывался он сначала «Колода без туза», потом — «Без видимой причины»... Была идея пригласить на главные роли Володю <Высоцкого> и Даля... Володя знал мой замысел, мы разговаривали весной 80-го, скорее всего, в мае. Он не читал сценарий и до проб, конечно, дело не дошло: я заканчивал другой фильм, а к «Колоде без туза» должен был приступить осенью... Не получилось».

А могло бы получиться очень интересное кино!

Журналистка Людмила Харлова вспоминает о творческой встрече Олега Даля со зрителями, состоявшейся осенью 1980 года в Пензе: «Помню, зашла речь о Высоцком и Дворжецком, и Даль упомянул о них в таком контексте:

— Нас было трое... Высоцкий, Дворжецкий и я. Их двоих уже нет, остался один я...»

В ответе Олега Ивановича на зрительскую записку чувствуется трагическая недосказанность, незаконченность его такими словами: дескать, остался один, но скоро... скоро и я — к ним... недолго ждать осталось...

Бывший старший инженер Пензенского областного управления кинофикации Виктор Агафонов тоже оставил воспоминания о творческой встрече Даля горожанами. В этих воспоминаниях тоже есть строчки, касательные героев нашей главы: «Только-только умер Владимир Высоцкий, и Дalia опять же засыпали вопросами о нем. До сих пор я точно не знаю, какие отношения связывали их в жизни, но, отвечая на вопросы, Олег Иванович все время говорил о нем как о своем друге...»

Следующие пензенские воспоминания о выступлении артиста в городе — от Тамары Зиновьевой, одной из его организаторов. Тут уже присутствуют свидетельства о частных, закулисных разговорах Олега Ивановича: «Помню, выступал он во Дворце культуры им. Кирова.

Тамошний директор, пожилой человек, подошел к Далию и говорит:

— Олег Иванович, как жаль, что Высоцкий очень рано умер! Такой хороший актер был...

А Олег ему очень грубо ответил. Тот опешил, а мне как-то неудобно из-за этого и неловко перед директором...

Очень часто вспоминал Володю Высоцкого и все говорил:

— Ну, мне вот только дожить до Нового года...

— Почему же так?!

— Нет... Я больше жить не буду... Я вскоре за Володей пойду... Очень даже скоро... Вот годок — и все. И больше я жить на этом свете не буду... Только б до Нового года!..

— А потом?

— А потом... Очень скоро меня не найдут...

Так оно по его и вышло. Через полгода он ушел...»

Другие пензенские воспоминания о Дале, осень 1980-го. Воспоминания кинемеханика и по совместительству — кинозрителя Михаила Митрофанова. И в них вновь — уже порядком надоевшие предсмертные стенания Олега Ивановича: «Встреча проходила в небольшом зале, называвшемся тогда «техкабинет», где было человек 50-60...

Артисту был задан вопрос о его совместной работе с Высоцким. Он говорил о фильме «Плохой хороший человек» — на мой взгляд великолепнейшем... Одно то, что там играют Дalia и Высоцкий, уже о многом говорит. Прозвучала в его ответе и фраза, буквально такая, хотя дословность не гарантирую:

— Володя вот умер... Теперь, видно, и мне недолго осталось...

Через полгода, когда пришло печальное известие, эта фраза воспринималась уже совсем иначе, как ощущение им какого-то фатального исхода... Когда человек чувствует свою кончину, гибель физическую, — это всегда производит очень сильное впечатление...

После вопроса про «Тень» зашла речь о том, чем он сейчас занимается и какие у него планы. Даль опять говорил о Высоцком, о том, что у них были виды на какую-то совместную работу:

— Но, к сожалению, Высоцкий умер, работа остановилась — и все. И не будет этого ничего...»

Если киномеханик Митрофанов ничего не путает, то в последней фразе Олег Даль, возможно, намекал на несостоявшийся режиссерский дебют Владимира Высоцкого с картиной «Зеленый фургон», которую он готовился начать снимать в августе-сентябре 80-го... Вполне может быть, что Владимир Семенович обсуждал с артистом какие-то детали этого кинопроекта (да хотя бы и во время их последней встречи в начале мая 1980 года). Нельзя исключать и приглашения Высоцким Олега Даля на одну из ролей в своем будущем фильме, хотя бы (и — вероятнее всего) в качестве статиста.

Вспоминает вдова Олега Ивановича Елизавета Даль: «... В 39 лет он записал в дневнике (в октябре 80-го. — А. П.), что стал часто думать о смерти. Странно. Хотя можно и в 20 лет думать о смерти, а умереть в 80. Я вспоминаю последние дни. Мы жили в Монине, на даче. 25 января, в день рождения Высоцкого, за два месяца до смерти Олега, случилось то, о чем я вспомнила много позже. Утром он пришел на кухню завтракать: «Мне сегодня Володя приснился, он меня так зовет». Я свела к шутке: «Ну он подождет, не спеши...»

В одном из интервью Елизавета Алексеевна несколько иначе вспоминает случай со сном: «...Последние месяцы мы жили на даче в Монине. За это время он мне сказал очень много хороших слов. Как-то пришел утром на кухню и сказал, что ему приснился Володя Высоцкий, который его звал с собой. Я ему ответила: «Володя подождет, Олежек, ему там не скучно...»(60)

Февралем 1981 года помечено стихотворение Олега Даля, которое автор назвал «В. Высоцкому. Брату». Написано оно им там же, в Монине. В отличие от актерского мастерства, Даль был совершенно бездарен в поэзии... Зачем он вообще писал стихи?.. Собственно, Бог с ней, с его графоманией, но по-

свящать великому поэту, певцу и актеру, «брату» сей нерифмованный бред настоящему и уважающему себя стихотворцу было бы просто запахло... Хотя и в этой «поэтической» чуши (в отдельных ее строчках) нет-нет, да и проскакивает искренность и душевная боль «поэта» Даля — боль об ушедшем друге и коллеге...

...Утром первого марта 1981 года Олег Даль направляется из Москвы в Киев — участвовать в кинопробах к фильму «Яблоко на ладони», которую готовился снимать на Киностудии имени Довженко режиссер Николай Рашеев (известный зрителям по снятой им в 70-е и нашумевшей картине «Бумбараш» по мотивам А. Гайдара — с Валерием Золотухиным в главной роли).

Прибыв в столицу Украины и побросав вещи в гостинице, Даль спешно направляется в гости к своим старым приятелям братьям Миргородским — Владимиру (журналисту) и Дмитрию (актеру). (Последний когда-то был приятелем В. Высоцкого и у него хватило совести, как-то, читать Владимиру Семеновичу свои «великолепные стихи»...) Без обильных возлияний «на троих» здесь, конечно же, не обошлось. Так что в день приезда на кинопробы Олег Иванович, естественно, до гостиницы добраться не сумел и остался ночевать и допивать у Миргородских...

Как свидетельствует один из братьев — Владимир — «Весь вечер вспоминали былое. Так получалось: о чем бы не заводили разговор, Олег возвращал его к теме смерти. Говорил: «Володя Высоцкий зовет меня к себе»... Вспоминали московскую жизнь, вечера и ночи напролет под гитару и песни Высоцкого».

Другой Миргородский, Дмитрий, тоже вспоминал о предсмертном пьяном брызжании Даля: «Олег, икая, сказал мне: «Митька, я к тебе умирать приехал». Я говорю: «Ну, вот, моя радость! Мы еще будем жить, жить и жить!..» «Нет, я умру». Это же он сказал 25 января жене в Москве. Это был день рождения Высоцкого. Утром Даль проснулся и сказал: «А я скоро уйду. Меня Володька зовет...» Они были духовные друзья. Когда что-то писали — были друг у друга первыми слушателями».

Утром 3 марта, в день своей смерти, опохмелившись, Даль, наконец-то, вспоминает о цели своего визита в Киев. На часах — начало девятого утра. А на 11 на Киностудии назначены пробы! Актер решает (нехотя) покинуть чересчур гостеприимный дом Миргородских и поехать в гостиницу немного отдохнуть перед предстоящей работой...

Прощаясь с братьями, Олег Даль вновь «заводит старую песню»: «Без Володи мне сложно стало жить, никто меня не понимает, а вы — в Киеве...»

И уезжает на такси умирать в гостиницу — повторяя и в нем водителю фразу о «зове Володи». Через три часа имя «Олег Даль» станет Историей.. Последним, кто видел живым актера, был его коллега Леонид Марков, также остановившийся в этой же киевской гостинице и тоже приехавший на пробы в картину Н. Рашеева «Яблоко на ладони». Леонид Васильевич позднее вспоминал: «Олег встретил меня в вестибюле и, улыбаясь, произнес: «Ну, вот... Пошел к себе в номер умирать!..» Я видел, что он прилично «вмазанный» и его слова воспринял как шутку: «Ну, думаю, «умирать» пошел! Ага! Сейчас — завалится и будет дрыхнуть — пьяным мертвецким сном, да еще и храпеть при этом!» На том и расстались...»

Но Даль и не думал шутить... Олег Иванович скончается около полудня 3 марта 1981 года в холодном 232-м номере киевской гостиницы «Советская», — от кровоизлияния в мозг (инсульта). (Неофициальная версия смерти актера гласила, что он попросту захлебнулся собственной блевотиной — во сне...) Владимир Высоцкий, наконец-то, дождался своего друга... Смерть Даля и особенно — ее обстоятельства многим напомнили гибель другого великого человека — барда Аркадия Северного. Того годом ранее тоже настиг инсульт-привет... О, как же похожи их судьбы и их смерти — Олега Даля и Аркадия Северного!..

По злой иронии судьбы, последний из видевших Даля живым актер Леонид Марков умрет — день в день — ровно через десять лет после смерти своего младшего коллеги — в ночь на 3 марта 1991 года. Его съест рак... Леонид Васильевич так и не успеет принять участие в голосовании в референдуме о сохранении СССР, состоявшемся 17 марта. Но это уже совсем другая история...

В одном из последних интервью Дмитрий Миргородский вспоминал: «В морг никого не пускали, меня не пустили.

...Он лежал на цементе в своем джинсовом костюме... Не было даже позыва пальцы к горлу поднять...

Приехали Валя Никулин и Лиза забирать Олега (тогда-то она и рассказала мне об этом дне рождения и о Высоцком)...

Мы проводили его за город... Вообще, это было страшно... Был снег... К нам подошел инспектор ГАИ и спросил, кого провозжаем. А потом он остановил весь транспорт до горизонта и включили на полную мощь «Чуть помедленнее, кони...» Высоцкого... Это был какой-то момент, когда поехали мозги...»

Теща поэта Ольга Эйхенбаум 25 июля 1981 года в своем дневнике делает такую запись, касающуюся своего зятя и его друга: «Умер Олег... И сегодня — годовщина смерти Володи Высоцкого. Такие молодые!»

Нам остается выразить сожаление над словами, написанными Ольгой Борисовной, и развести руками перед собственным бессилием что-либо изменить в этой ситуации...

Вот, пожалуй, и все, что известно о взаимоотношениях Олега Даля и Владимира Высоцкого. В этой главе удалось выяснить, сравнив и сопоставив десятки свидетельств и воспоминаний, рассказывающих о контактах двух поэтов и актеров, самое главное — друзьями они НИКОГДА НЕ БЫЛИ. Слава Богу, незадолго до собственной кончины это удалось понять и вдове Олега Даля Елизавете. В одном из последних интервью она, как на исповеди, изрекла: «Думаю, у Олега НАСТОЯЩИХ ДРУЗЕЙ не было. Хотя одни утверждают, что в последние годы жизни Даль говорил о своей дружбе с Высоцким, Владиславом Дворжецким, другие сами причисляют себя к его друзьям...»

Неутешительный вывод: Олегу Далю, безусловно, конечно же, ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ быть (или, по крайней мере, — считаться) другом Владимира Высоцкого. Но тот был умен, и держал «бедного Олежку» лишь в качестве партнера по застолью, и то — «дежурного», когда рядом никого не оказывалось. (Не пить же одному! Помните, из песни: «Лучше с чертом, чем с самим собой!»?) Но такое случалось крайне редко, оттого они и виделись (встречались) раз в пятилетку... Высоцкий не нуждался, по большому счету, ни в каких услугах Даля, общении и контактах с ним (что тот мог дать ему — не выезжавший дальше Пензы актер, бездарный в стихосложении, капризный неврастеник, приятель-собутыльник?) А потому Владимир Высоцкий никогда не говорил об Олеге публично и не посвящал ему стихов и песен. Жаль, что всего этого так и не понял «мудрый» Даль, до конца грешных дней своих бредивший «другом Володей» и все спешащий к нему...

«Он спешил и успел...»

Безусловно, актером Олег Иванович Даль был великим — с этим никто не спорит. Его потеря для отечественного театра и кинематографа — невосполнима. Кинорежиссер Владимир Мотыль писал: «Все мы теперь понимаем, насколько глубокий след в нашей культуре оставили такие всенародно любимые артисты, как Алейников и Луспекаев, Высоцкий и Даль. Этот след несоизмерим с их прижизненным положением в обществе, когда рядом с ними титулами «народных» величали никому неизвестных ремесленников. Случайно ли, что непосредственная причина безвременной гибели каждого из названных актеров оказывалась, в общем, одна и та же? В ее основе горечь, залитая горькой...

Когда же говорят о гибели Высоцкого и Даля, то вина возлагается только на них — общество оказывается ни при чем...»

Мудрые, смелые и честные слова Владимира Исааковича!

А вот слова об актерах другого известного режиссера — театрального — Натана Исаевича Эфроса (больше известного критикам и театралам как Анатолий Васильевич): «Даль и Высоцкий — самые интересные из актеров, которых я знал. К сожалению, так случилось, что оба рано ушли...»

Смерть навсегда объединила двух знакомых. Да и покоятся они оба на Ваганьковском кладбище... По словам вдовы Олега Ивановича Елизаветы, даже «памятники Олегу и Владимиру Высоцкому были установлены в один день». 12 октября 1985 года...

РОМАН ВИКТЮК

...Говорят, его стало слишком много, что он — везде, и это начинает даже надоедать. Говорят, что его новым спектаклям не хватает души, а ему самому — вкуса и меры. Говорят, что он гомосексуален и любит сквернословить, что он эклектичен, манерен, гонится за модой, что он всех обманывает и ничего не доводит до конца. Говорят, что он полюбил деньги, шейные платки от «Гермеса» и пиджаки от Гуччи и Валентино, что работает теперь только за валюту, а артистка Н. копит нужную сумму в надежде упротить его поставить что-нибудь с нею в следующем сезоне. Кажется, это какая-то старая пьеса Теннесси Уильямса. Говорят...

Впрочем, чего только не говорят о Романе Григорьевиче Виктюке (1936 г.р.), «маме Роме», — талантливом театральном режиссере, педагоге, тонком ценителе искусства, эстете и великолепном рассказчике.

Уже один из первых его спектаклей, поставленный в Москве в 1977 году, — «Ночь перед выпуском» (по В. Тендрякову) громко заявил о себе. Режиссера узнали, заметили, о нем заговорили.

Затем были десятки постановок на различных сценах России и за рубежом. Среди них — «Татуированная роза» Т. Уильямса, «Священные чудовища» Ж. Кокто, и, конечно же, признанные эпатажными и скандальными спектакли «Служанки», «М. Баттерфляй», «Дама без камелий», «Соборяне»...

Роман Виктюк — человек-театр.

А его театр... Какой? Плохой? Пошлый? Гениальный? Экспериментальный?.. В любом случае — это ЕГО театр. Театр Романа Виктюка. Таковым он был, остается и останется.

В спектаклях, поставленных режиссером, играют только звезды первой величины — известные актеры и актрисы: Калягин, Костолевский, Константин Райкин, Виноградов, Мирошниченко, Ахеджакова...

К сожалению, нет и уже никогда не будет в этом звездном списке имени Владимира Высоцкого. А оно там могло ока-

заться еще в конце 70-х годов. Роман Виктюк был полон планов поработать с ведущим актером Театра на Таганке, за плечами которого уже значились несколько крупных ролей из любимовских постановок: Галилей, Хлопуша, и, конечно же, несравненный и неповторимый Гамлет... Виктюк был сражен мощной и яркой игрой Высоцкого на театральной сцене.

Роман Григорьевич вспоминал: «В каждом театре, в котором мне приходилось работать, я старался создать кружок единомышленников. Помню, мне удалось сколотить команду — Пастухов, Калягин, Терехова... Десяток лучших артистов! Я притащил их на телевидение.

Боже, как мне хотелось, чтобы у меня играл Высоцкий! Прихожу к Лапину, главному тогда на телевидении, на столе у него «Бесы» Достоевского лежат.

— Высоцкий? Берите любого другого актера, а этого народу не надо.

— А «Бесы»? — спрашиваю.

— И этого народу не надо.

А ситуация во МХАТе, где я ставил рошинскую пьесу «Муж и жена снимут комнату» и использовал песни Высоцкого? Я настаивал, чтобы авторство Володи обязательно было отражено в афише. И что? Написали. Среди бугафоров, костюмеров, администраторов. У меня эта афиша теперь висит дома.

Но, между прочим, упоминание в афише академического театра дало право Высоцкому выступать с авторскими концертами. Представляете? Володя всю жизнь благодарил меня за то, что я решился проявить настойчивость».

Одна из песен Владимира Высоцкого, использованная Виктюком в постановке, — известная композиция «Дом хрустальный», написанная поэтом в августе 1967 года.

Много лет спустя об этой же истории с песней и афишами непревзойденный рассказчик Роман Григорьевич Виктюк рассказал в большом интервью, данном критику рижской русскоязычной газеты «Час» Майе Халтуриной. В главе, озаглавленной «Мои сны о Романе Григорьевиче» она пишет: «Говорят, что морякам снится море, а комбайнерам — поле. С театральными критиками та же история. Года два назад мне приснился сон, будто Роман Виктюк собирается ставить спектакль с Аллой Пугачевой и Владимиром Высоцким. «Но Высоцкий же умер!» — говорю ему во сне. «Ты ничего не понимаешь, там будет его голос!» — отвечает...

Встретившись с Романом Григорьевичем наяву, не смогла удержаться и, воспользовавшись служебным положением, спросила:

— Когда же, наконец, с Пугачевой и Высоцким что-то поставите — или зря мне сон снился?

— Ты что — глупая, ничего не знаешь? Я же ставил во МХАТе пьесу Рождина «Муж и жена», и на афише, там, где пишут костюмеров и декораторов, было написано мелкими буквами: «Песни В. Высоцкого». Его тогда уничтожали, не давали петь, и он меня упросил, чтобы на афише МХАТа была его фамилия. Я хотел, чтобы написали крупно «Композитор — Владимир Высоцкий», но Ефремов сказал, что это невозможно. И все же благодаря тому, что маленькими буквами его имя было написано на афише первого советского театра, обслуживающего правительство, Володе разрешили петь по стране. А потом еще мы вместе с ним и с Аллой Демидовой репетировали «Федру» Расина, даже пленка где-то сохранилась... Это уже потом была «Федра» Цветаевой с Демидовой и Певцовым. Алла Сергеевна до сих пор плачет и говорит, что это лучшее, что было у нее в жизни.

Афиша — афишей, но, как это случается в жизни, первый блин вышел классическим комом: задуманный Виктюком к постановке телевизионный спектакль с участием Владимира Высоцкого — ставить режиссеру категорически запретили...

Сорвалась по вине того же тогдашнего телена начальства и вторая попытка режиссера поработать с Высоцким на ТВ. Роман Григорьевич рассказывал, что Владимир Семенович «должен был сыграть на телевидении семь ролей Шекспира с Ритой Тереховой. В ту пору она была в совершенно уникальной форме... Начали работать. Но телевизионный начальник стал насмерть: мол, он никогда не покажет этого говна советским зрителям. Так нас разъединили... И играл другой хороший артист. Но этого единения и родственности душ между нами уже не было...»

А вот — одно интересное наблюдение и сравнение одновременно. Кинорежиссер Андрон Кончаловский вспоминает, как в начале 70-х годов молодой театральный режиссер-постановщик Роман Виктюк пригласил его и Андрея Тарковского на спектакль в Калинин: «Познакомились с режиссером. Молодой. Нервный. Горит одержимостью.

— Сейчас начнем, — сказал он.

Открылся занавес. Декорация довольно модерновая. На счет героя запомнилось больше всего то, что он, кажется, был в кожаных джинсах. Тогда такие носил только Высоцкий, недавно женившийся на Марине Влади».

В критическо-аналитической статье Ольги Новиковой о творческих поисках Романа Виктюка читаем: «Наши специ-

фические русско-советские беды при всей их тяжести — не исключительный случай, а концентрация зла. Это почувствовали некоторые крупные художники семидесятых годов (А. Тарковский, В. Высоцкий), уверовавшие не в «грядущие перемены», а в космос внутри человека, выстроившие свои художественные миры на философской основе, на осмыслении социальных конфликтов как частных случаев извечного единка добра и зла, любви и ненависти.

Отсюда, с этой стороны нашей общественно-политической сцены, вышел Роман Виктюк со своей неуместной энергией страсти в пору всеобщей апатии. Ему не нужно было преодолевать либеральные иллюзии, потому что у него их не было изначально.

Виктюк — самый отъявленный западник».

И — далее: «...«Мне вчера дали свободу — что я с ней делать буду?!» Этот пророческий вопрос Высоцкого оказался крайне актуальным для большинства деятелей литературы и искусства. Виктюк знал и знает, что делать со свободой. Он эстет в подлинном смысле слова, то есть сторонник полной свободы в выборе материала».

Роман Григорьевич Виктюк не любит распространяться о своем знакомстве с Владимиром Высоцким. Да и некогда ему этим заниматься.

Его захватили новые планы, идеи, постановки, он ищет пути их воплощения, он — на сцене, в театре, он живет и дышит этим...

P.S. В выпущенном издательством «Книга» в 1988 году, к 50-летию Владимира Высоцкого, сборнике его стихов, песен и воспоминаний о нем «Я, конечно, вернусь...», на странице 162, опубликовано фото листка из иностранного настольного календаря за 23 января. На самом листке — текст песни Владимира Семеновича «Слева бесы, справа бесы...», сверху него, по-английски, — адрес канадского знакомого Высоцкого Миши Аллена, и чуть правее — напоминание: «Позвонить Роману!» Все — автографы Высоцкого.

В предлагаемом ниже интервью Романа Григорьевича Виктюка американскому высокоцковеду Марку Цыбульскому режиссер утверждает, что Высоцкий в календаре сделал для себя пометку, оставил напоминание, что должен позвонить именно ему, Виктюку. Возможно оно и так. Стихотворение о бесах написано поэтом в январе 1979 года. День 23 января в этот год выпал на вторник. На календарном же листке по-английски значится «пятница». Значит, календарь не за 1979-й и не за 80-й год.

Но именно в эти, последние годы своей жизни, Владимир Высоцкий довольно часто попадал в автомобильные аварии, бил свои иномарки, и с их ремонтом и покупкой запчастей к ним ему помогал другой Роман. Фамилия его — Фрумзон. Так что — не исключен планировавшийся звонок поэта именно Роману Фрумзону, а не Роману Григорьевичу Виктюку.

Марк Цыбульский, бравший у Романа Григорьевича это самое «высоцкое» интервью, тоже с осторожностью относится к утверждению Виктюка насчет пометки о телефонном звонке поэта именно ему. На Интернет-форуме «О Высоцком», где пользователи комментируют его интервью с театральным режиссером, Марк пишет: «Что касается «позвонить Роману»... На роль «Романа» вполне претендует Роман Гофман, приятель Высоцкого, живущий в Торонто. Учитывая, что на том же календарном листке, где справа «позвонить Роману», слева записан адрес торонтчанина Миши Аллена, Гофман имеет больше прав, чем остальные, полагать себя «тем самым Романом». Но режиссер утверждает — поверим ему!

О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ вспоминает РОМАН ВИКТЮК

Марк Цыбульский: — Вы были одним из очень немногих режиссеров, которые включали песни Высоцкого в свои постановки еще в 1970-е годы...

Роман Виктюк: — В самый первый раз я включил песню Высоцкого в свою постановку в Одесском русском драматическом театре. «Где твои семнадцать лет? — На Большом Каретном!» Она проходила через весь спектакль, звучала там несколько раз. Это было немыслимо, но имело бешеный успех. На этот спектакль было невозможно попасть, поверьте мне! Это была пьеса Льва Корсунского об алкоголиках. Названия я не помню, это было в 1977 году, слишком много лет прошло...

М. Ц.: Высоцкий сделал запись специально для этой постановки?

Р. В.: Нет, это запись с парижской пластинки, мне Сева Абдулов передал эту пленку. В Советском Союзе та запись еще практически не была известна. Помню, Сережа Соловьев смотрел этот спектакль и не мог понять, как мне удалось вставить песню Высоцкого, и как ее не вырезали. А ее не только не вырезали — она стала лейтмотивом всего спектакля.

М. Ц.: Следующей Вашей постановкой с песнями Высоцкого, как я понимаю, была пьеса М. Роцина «Муж и жена»?

Р. В.: Там было шесть его песен. «Дом хрустальный на горе для нее...», других не помню. Вот для этой постановки Высоцкий специально напел кассету и передал мне. Все песни исполнил в спектакле Сева Абдулов.

А Олег Николаевич (Ефремов. — М. Ц.) так испугался, что в спектакле будут песни Высоцкого... И в афише уже там, где бутафоры, помощники режиссера, было написано: «Песня Высоцкого». Не песни, а песня. Я об этом рассказывал, Ефремов мне однажды позвонил и сказал: «Этого не может быть!» Я показал ему потом афишу. И он замолчал.

Это, должен Вам сказать, было первое упоминание фамилии Высоцкого на мхатовской афише. После этого он получил право ездить по стране, потому что МХАТ — академический театр, и он был там обозначен. Поверьте, с моей стороны это был поступок непростой.

В этом было и некоторое безумие с моей стороны. В этом есть мое счастье. Я знаете, сколько таких вещей вытворял! Я даже однажды в Ленинграде посмел в пьесе Гольдони... Там выходил артист и перед первым актом читал отрывок из «Голоса из хора» Синявского, а перед вторым актом он читал отрывок из Нобелевской речи Солженицына. Пятнадцать или двадцать минут такого текста, — и цитадель революции все это съела. Съела, потому что не поняла ни-че-го! Только один старенький человек ко мне подошел после спектакля и сказал: «Вы понимаете, что Вы сделали?» Я говорю: «Да, я понимаю». Он мне поцеловал руку и ушел. Потом, когда я Синявскому это рассказывал, он просто плакал.

Возвращаясь к Высоцкому, могу сказать, что он был просто поражен, что его песни вошли в спектакль. Мы встретились у Севы, он все говорил: «Этого не может быть!» Но это было.

М. Ц.: А в свои спектакли Вы Высоцкого не приглашали?

Р. В.: Я хотел протащить его на телевидение. Я придумал такую постановку «Мне от любви покоя не найти», где он в постановке с Тереховой должен был сыграть шесть ролей Шекспира. Ну, конечно, ничего не вышло. Лапин сказал: «Кого угодно, но не Высоцкого». Это было бесполезно и пробовать...

М. Ц.: Вы по жизни часто общались с Высоцким?

Р. В.: Мы дружили с Севой Абдуловым, так что у него мы встречались частенько. Однажды Юрий Александрович Завадский даже попросил меня, чтобы я его привел к Абдуловым, когда там будет Володя. И это был замечательный вечер!

М. Ц.: А позднее Вы использовали в своих постановках песни Высоцкого?

Р. В.: Да, конечно. Но это уже все было просто. Это уже были другие времена. Это уже было — «пожалуйста».

М. Ц.: Какое Ваше мнение о Высоцком-актере?

Р. В.: Самое высокое. Была у меня идея такая, чтобы в постановке «Федры» Алла Демидова играла Федру, а Володя — Ипполита. Потом, когда его не стало, я этот спектакль поставил с Демидовой. Алла говорила, что у кого-то была пленка с записью, где звучит Володин голос. Мы хотели эту запись включить в спектакль, но мы ее не нашли.

М. Ц.: Так они уже начинали репетировать с Демидовой?

Р. В.: Одна репетиция была, всего одна. И кто-то из ребят в радиорубке записал, но эту пленку не нашли. Это было незадолго до смерти Высоцкого, в 1980-м году.

М. Ц.: Высоцкий с Демидовой начинали репетировать и пьесу для двоих Теннесси Уильямса, в которой Высоцкий хотел выступить и в качестве режиссера. Как Вы считаете, у него были задатки такого рода?

Р. В.: Вы знаете, Высоцкий мыслил очень оригинально, но мог ли он это воплотить пространственно, я не знаю.

Я видел, как Высоцкий репетирует, я видел весь — от начала до конца — процесс постановки «Вишневого сада». Но там был Эфрос. Володя его боготворил, он был в нем просто растворен — и это было фантастически интересно. Фантастически!

Я помню, когда был прогон, и пришел Любимов с товарищами. Они настолько мерзко это смотрели — отрицательно, резко отрицательно. Потом я тоже ставил на Таганке, так что я это отношение Любимова испытал на себе. Сейчас мы с ним дружим, с Юрием Петровичем...

А Вы знаете, что в какой-то книге опубликован листок календаря, на котором рукой Высоцкого написано: «Позвонить Роману»? Это он мне звонить собирался.

РОМАН ФРУМЗОН

«Какие отношения были у Высоцкого с Романом Фрумзоном?», — спросил журналист Валерий Перевозчиков у немецкой знакомой поэта Нэлли Белаковски. Она ответила: «Знали они друг друга очень давно, еще в Союзе. Роман возил Володю в Берлин и там организовал его концерт. Потом были концерты в Америке, которые организовал Виктор Шульман, вместе с ним был и Фрумзон».

...Имя таинственного Романа Фрумзона довольно часто мелькает в мемуарной и исследовательской литературе, посвященной жизни и творчеству Владимира Высоцкого. Известно, что в последние годы жизни поэт довольно тесно общался с Романом, и у них были общие дела и интересы. Но о самом Фрумзоне и его влиянии на Владимира Семеновича известно довольно немного. Попробуем разобраться в его персоне и их взаимоотношениях с Высоцким.

Другой журналист — Юрий Сушко — утверждает: «С пронырой Фрумзоном Высоцкого познакомили в 70-х в легендарном подмосковном ресторане «Архангельское», где на ночные пирушки собиралась «вся Москва» — от Гали Брежневой до хоккеистов ЦСКА. Ромка, по слухам, промышлял фарцовкой, иконами, антиквариатом, имел надежные каналы транспортировки этого добра на Запад. А вслед за своими сокровищами он и сам двинул на ПМЖ в Германию».

Валерий Перевозчиков сообщает читателям такую версию их знакомства: Роман Фрумзон, тогда еще недавний эмигрант из СССР (уехал в Западную Германию в середине 70-х годов), с Владимиром Высоцким познакомился давно. Когда-то он работал на «Мосфильме», где впервые и встретился с поэтом. Уехав за границу, он помогал Высоцкому в покупке автомобилей, а позже участвовал в проведении его гастролей в США.

Вкратце история концертной поездки по Штатам такова. Будучи во Франции, Владимир Высоцкий встретился с Виктором Шульманом (они тоже были знакомы еще в Союзе), эмиг-

рантом из СССР, в Америке ставшим импрессарио. Шульман и предложил организовать эти гастролы. Высоцкий решает посоветоваться со своим приятелем, живущим в ФРГ, Романом Фрумзоном. Тот предложил провести выступления в университетах, в которых студенты изучают русский язык. Высоцкий соглашается. Роман вместе с женой сопровождает Владимира Высоцкого в той концертной поездке и ведет его финансовые дела. За каждое выступление в США Высоцкий получал по три тысячи долларов. В Москве об этих «американских гастролях» никто не знал, за исключением, конечно же, самых близких и доверенных к Владимиру Семеновичу людей. За две недели концертной деятельности в США Высоцкий заработал 34 тысячи «зеленых». На дворе стоял 1978 год.

Тот же Перевозчиков пишет: «Все финансовые дела во время американских гастролей вел Фрумзон. Вполне вероятно, что Роман мог организовать и какие-то приватные выступления Высоцкого». Точных сведений, состоялись ли такие концерты, пока нет.

Но наибольшую пользу и помощь оказывал Роман Фрумзон Владимиру Высоцкому не в концертно-гастрольной деятельности, а в покупке авто за рубежом и доставании различных запчастей и деталей к ним. Особенно после двух аварий, в которых поэт побывал в 1979-80 годах.

Марина Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет» пишет: «Однажды вечером мы подъезжаем к большой гостинице в Мюнхене. Мы должны здесь встретиться с твоим другом Романом. Он эмигрировал несколько лет назад и теперь торгует автомобилями, а это — одна из твоих страстей.

Нам нужно найти подходящую машину. Мы с Романом бегаем по огромным стоянкам машин в комиссионных магазинах, и ты останавливаешься перед той, которая станет Твоей Первой Машиной: огромный «Мерседес» серо-стального цвета с четырьмя дверцами. По сравнению с новой машиной он ничего не стоит».

Американский высококовед Марк Цыбульский в своей книге о зарубежных поездках Владимира Высоцкого тоже приводит кое-какие подробности о личности Фрумзона. Здесь же мы читаем и об этом самом первом «Мерседесе» поэта, о котором пишет Марина Влади, и об истории его приобретения: «В 1976 году Владимир Высоцкий приезжает в Германию. На этот раз кроме туристических целей есть и практическая — покупка «Мерседеса». Эта машина — «Мерседес-380» 1974 года выпуска была куплена в Мюнхене и зарегистрирована в Краснопресненской ГАИ г. Москвы 8 июля того же года (госномер

71—76 ММУ). Машина была куплена при посредстве Романа Фрумзона, которого Высоцкий знал еще в Москве. Фрумзон был преуспевающим бизнесменом и коллекционером предметов искусства. Позднее его серьезно подвели инвестиции на российском рынке и, в конце концов, он разорился. А тогда, в 1976 году, он был, что называется, на коне.

После смерти Владимира Высоцкого машина, купленная с помощью Фрумзона, была продана в Абхазию. Может, и сегодня кто-то на ней ездит».

В книге В. Перевозчикова «Правда смертного часа: Владимир Высоцкий, год 1980-й» читаем: «3 января. В этот день — телефонный разговор с ФРГ. 25 минут. Высоцкий разговаривает со своим хорошим знакомым Романом Фрумзоном, просит срочно купить запчасти для ремонта «Мерседеса»...»

Дело в том, что в новогоднюю ночь 1 января 1980 года, возвращаясь в Москву по скользкой дороге, Высоцкий попал в жуткую автомобильную аварию, на большой скорости врезавшись на своем «Мерседесе» в стоящий на обочине троллейбус. Если бы у поэта был советский автомобиль, Владимира Семеновича не стало бы на полгода раньше... По всей вероятности, погиб бы не только поэт, находившийся за рулем автомобиля, но и пассажиры его иномарки, ехавшие с ним в ту ночь.

11 июня 1980 года, пробыв без малого месяц в Париже, Владимир Высоцкий по пути в Москву вылетает в Бонн. Поэт направляется к Роману Фрумзону. «Он проводит у Романа не больше суток. Жена Фрумзона должна передать в Москву какие-то вещи», — пишет В. Перевозчиков.

Это была последняя встреча старых приятелей...

Знакомый Высоцкого Валерий Янклович вспоминал, что 17 июня, вскоре после прибытия поэта домой, Владимир Семенович разговаривал с Романом по телефону: «Он пообещал Фрумзону что-то сделать, но не сделал. Роман звонил ему и перед этим, и говорил: «Что, он меня мальчиком считает?!» И так далее...»

Сложно сказать, что за конфликт и проблемы возникли у Владимира Высоцкого в конце жизни с Романом Фрумзоном.

Но, по-видимому, разгоревшийся конфликт удалось быстро уладить. Так как уже в начале июля 1980 года поэт хлопочет за Барбару Немчек, невесту Янкловича. «Высоцкий решает, что можно попробовать получить визу в ФРГ и сразу же звонит Роману Фрумзону — некоторое время после отъезда из Союза Барбара будет жить у него».

11, 12 и 15 июля у Владимира Высоцкого вновь телефонные разговоры с ФРГ, с Романом. Возможно, он думал, что Немчек возвратится в Москву и здесь, на месте, они оформят визы и билеты в США. Дело в том, что Высоцкий планировал уехать на полгода в Штаты. Либо — на лечение от наркозависимости, либо — для съемок в фильме. В конце концов, виза была оформлена — на 5 августа 1980 года. Но в этот день самолет на Нью-Йорк вылетел без Высоцкого на борту...

Барбара Немчек вспоминает: «Я задержалась в ФРГ у Романа Фрумзона. Ходила в советское посольство, но там не давали визы даже участникам Олимпиады. В Москву вернуться я не смогла. Уехала к подруге в Италию».

По всей видимости, эти июльские звонки в Германию — последний привет Роману Фрумзону от Владимира Высоцкого. Поэта не станет 25 июля 1980 года. Как вспоминала его близкая подруга Оксана Афанасьева, «Володя очень нежно относился к Роману, называл его «Ромашка»...»

А что же «Ромашка»? Как сложилась его дальнейшая судьба?

«15 февраля 1998 года в курортном городе Марбелья (Испания) на собственной вилле двумя пулями в голову убит 53-летний Роман Фрумзон, которого испанская полиция считает одним из «крестных отцов» обосновавшейся на Пиринеях «русской мафии».

Фрумзон родился в 1944 году в Харькове. В начале 70-х он приезжает в Москву и быстро входит в круги «деловых людей» того времени — валютчиков, фарцовщиков, организаторов «левых концертов» (через которых сводит тесное знакомство с Владимиром Высоцким). Осторожный харьковчанин ни разу не был задержан органами, но при первой возможности поспешил удалиться из-под назойливой опеки, эмигрировав в середине 70-х в Западную Германию. Осев в Кельне, Фрумзон достаточно быстро получил западное гражданство. Вскоре поспевают перестройка, затем — объединение двух Германий и начало вывода из бывшей ГДР группировки советских войск.

Фрумзон делал деньги на распродажах оставшегося на Западе советского военного имущества, экспорте в Россию через Национальный фонд спорта (НФС) водки «Кремлевская» и других прибыльных операциях. Однако после убийства в 1992 году в Нидерландах его компаньона, вора в законе Тенгиза Марианашвили, и начала расследования бельгийскими властями налоговых дел вокруг «Кремлевской» водки, Фрумзон поспешил свернуть свой бизнес и переехал в Испанию. В 1994 году он развелся с первой женой и заключил брак с ис-

панкой Эстреллой, подарившей ему дочь и двоих сыновей. На свою свадьбу Роман Фрумзон арендовал в прибрежной курортной зоне Коста дель Соль роскошный отель на 75 номеров, уплатив за организацию празднества 200 млн. песет.

В том же 94-м Роман приобрел в Марбелье роскошную виллу за 600 млн. песет (около 4 млн. долларов). И зажил вполне светской жизнью, чередуя вояжи в Россию с устройством светских раутов, на которых были замечены такие известные люди, Алимжан Тохтахунов (Тайванчик), Авера, Умар Джабраилов, вдова вора в законе Сильвестра Ольга Жлобинская и другие персоны. В марте 1996 года Роман Фрумзон был почетным гостем на свадьбе своего партнера по «Кремлевской группе» Рикардо Фанчини, еще в 70-х годах разыскиваемого Интерполом за ограбления ювелирных магазинов и торговлю крупными партиями героина.

«Сладкую» жизнь Фрумзона омрачали лишь скандалы с женой, обвинявшей его в многочисленных изменах. К моменту его гибели супруги жили раздельно. Поэтому, по словам его вдовы, она обнаружила тело мужа в его комнате лишь к вечеру следующего дня после преступления. Однако местные сыщики сочли, что у пылкой испанки имелись веские причины отправить мужа на тот свет. Ее долгое время содержали под арестом в местном изоляторе. Одновременно, следствие разрабатывало версию убийства Фрумзона из-за разборок в рядах обосновавшихся в 90-е годы на Западе «русской мафии», чьи деньги покойный Роман якобы отмывал в Испании с чрезмерно большой выгодой для себя, что, собственно, и подтвердилось следствием.

На юге Испании, начиная с 1997 года, задержаны более 200 «темных» личностей с большими суммами наличных денег, прибывавших на отдых из стран Восточной Европы. Общественное мнение считает, что именно эта категория «отпускников» совершила в испанском Марбелье большинство громких и до сих пор не раскрытых убийств.

После убийства Фрумзона мэр Марбельи Хесус Хиль поспешил заявить прессе, что его город «является по уровню преступности самым безопасным местом в Испании». По мнению же центральных испанских газет, это утверждение справедливо лишь в отношении мелких хулиганов, карманников и проституток, вместо которых в Марбелью приезжают отдохнуть «бандиты высокого полета под стать владельцам местных особняков, некоторые из которых сами водят странные знакомства с элитой преступного мира».

Возглавляющий городскую полицию комиссар Мигель Гонсалес считает, что «русская мафия» «не доставляет стражам порядка особых хлопот, а ее деятельность контролируется». Но похоже, что Марбелья уже сейчас может с полным основанием претендовать на титул испанского города-побратима Ростова-папы или Одессы-мамы, чьи питомцы и в Европе сохраняют тягу не только к теплому морю и знойным южным женщинам, но и к холодным ножам, горячим стволам и привычке «стрелять первыми, чтобы смеяться последними»...»

Таковы жизнь, деяния и смерть Романа Фрумзона, советско-немецкого знакомого Владимира Высоцкого.

СТАНИСЛАВ САДАЛЬСКИЙ

Станислав Юрьевич Садальский (1951 г. р.), больше знакомый зрителю как вор-карманник Костя Сапрыкин по прозвищу Кирпич из детективного телесериала Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», — личность широко известная. Помимо большого количества ролей, сыгранных в кино, — а он снимался у таких режиссеров, как Рязанов, Мотыль, Аранович, Шиловский и других, Садальский играет в театре, в основном — антрепризных спектаклях. Можно услышать его голос и на радио.

А с недавних пор его второй после кинематографа любовью стала «желтая» журналистика. Станислав Садальский — «король скандальной хроники», пишущий о событиях, происходящих в российском шоу-бизнесе и его тусовках: скандалах, слухах и сплетнях в нем происходящих и касающихся его участников.

Надо сказать, что актер весьма преуспел на этом поприще, получая высшую журналистскую ставку и публикуясь в известных таблоидах и журналах. Его «Скандалиськие новости» пользуются неизменным успехом у читателя. А сегодня он еще и успешный блоггер.

Помимо актерских и журналистских успехов, Станислав Садальский Дворянским собранием за заслуги перед отечественным кино награжден титулом князя.

Разведен. Есть дочь. Не сидел. Привлекался неоднократно. Роль Кирпича — не-на-ви-дит!..

Между тем именно она стала его визитной карточкой, как актера. Но, видимо, Станислав устал от постоянных журналистских «допросов» по поводу воплощенного им в картине образа Кирпича. Роль эта стала его «проклятием», потому что количество картин в его фильмографии перевалило за сотню, а ему все припоминают шепелявого карманника Костю и его знаменитое «Коселек, коселек, какой есе коселек?»

В интервью белорусской газете «Однако, жизнь!» актер рассказал:

— У вас десятки ролей в кино, но многие ассоциируют вас с ролью Кирпича в фильме «Место встречи изменить нельзя». Как вы к этому относитесь?

— После этой роли многие режиссеры смотрели на меня исключительно через ее призму и предлагали играть соответствующих персонажей. Помню, Эльдар Рязанов мне сказал: «Если бы «Место встречи» увидел раньше, на роль гусара Плетнева тебя бы не взял». Но с другой стороны я понимаю, что у каждого артиста есть свой Чапаев, своя Гуттиэра, как у Вертинской. А ведь у нее были и другие замечательные роли, например, Мона в «Безымянной звезде», и все же она до сих пор остается Гуттиэре из фильма «Человек-амфибия».

— Роль в телефильме «Место встречи изменить нельзя» была одной из первых Станислава Сададьского, — вспоминает Леонид Бурлака, оператор-постановщик картины. — Но, несмотря на это, «новенький» сразу показал себя человеком незаурядным. И вообще он был таким заводилой! Постоянно шутил, пытался все перевернуть — в хорошем смысле — на съемочной площадке. Но при этом был очень дисциплинированным и ответственным. Никогда не опаздывал на съемки, не приходил нетрезвым.

А вот Владимир Конкин, по словам Леонида Бурлаки, был совершенно иным, тихим.

— Веселые темпераменты Высоцкого и Сададьского скрывали его, — признался Леонид Антонович. — Конкин даже обижался. Я помню, Володя подходил и делился со мной, что он себя неуютно чувствует, так как Высоцкий его частенько подкалывал. Ему казалось, что его недолюбливают, приходилось успокаивать.

Первое впечатление — всегда самое яркое и запоминающееся.

После будут сотни интервью, в которых Станиславу Сададьскому без устали придется отвечать на одни и те же всех интересующие вопросы о роли в сериале и работе в ней с Высоцким.

Но он расскажет не только об этом.. «В 1978 году на Одесской киностудии, в самом дальнем у забора умывальнике, я случайно застал Владимира за тем, как он себе делал. Это. Думал, умру, но никому не расскажу. Потом выходят дневники Марины. Воспоминания актеров, где они подробно описывают... ЭТО...»

Под словом «ЭТО» Сададьский имеет в виду введение дозы в организм внутривенно, наркотическую инъекцию. Можно

представить, какое впечатление на молодого актера произвела увиденная картина! В те годы даже не все близкие и друзья знали о пагубной привычке поэта, которая, несомненно, ускорила его болезнь и приблизила конец..

Прежде чем дальше рассказывать о роли, сыгранной актером в сериале, нужно узнать, как он на нее был утвержден, и каким образом вообще попал в сериал.

Началось все, как положено, с кинопроб. Вначале Станислав проходил их совсем на другую роль. Ни много, ни мало, а на одну из главных в картине — на роль... Шарапова! Читатель, по-видимому, удивится этому факту, но это подтверждается рассказом самого Сададьского: «Я про эту роль вообще не могу вспоминать, потому что меня с ней накололи. Я должен был пробоваться не на этого дурачка шепелявого, а на Шарапова. А Говорухин нашел другого, благообразного, такой герой... Ну, я что, я не против, только меня бесит, когда просят повторить про коселек. Какой вам всем коселек?!»

Действительно, кинорежиссер Станислав Говорухин возжелал видеть в роли Шарапова Конкина (в итоге Владимир и сыграл прекрасно напарника Высоцкого-Жеглова).

Однако же больше никто не хотел видеть этого актера в одной из главных ролей. Особо резко реагировали и возражали против утверждения Конкина сценаристы картины братья Вайнеры. Тем не менее, Говорухин был так настойчив, что ему удалось победить.

В итоге, Станислав Сададьский в телесериале «Место встречи изменить нельзя» был утвержден на эпизодическую роль вора-карманника Костю Сапрыкина по кличке Кирпич.

Итак, подготовительный период — завершен, актеры утверждены на роли.

Съемки фильма начались 10 мая 1978 года в Одессе. В Парке имени Т.Г. Шевченко снимался эпизод в бильярдной: Жеглов ловко обыгрывает вора по кличке Копченый (в исполнении актера Леонида Куравлева).

Вспоминает Владимир Конкин: «Работа началась, но первые результаты никому не понравились. Я впервые отчетливо понял, что я никому в этой картине не нужен... Да и Высоцкий давит, как танк, ничего не слушает, «тянет одеяло на себя»...

Вскоре приехал в Одессу Стас Сададьский, и Высоцкий со свойственным ему темпераментом начал давить уже на него. Однако в этом случае я со Стасом провел разъяснительную беседу, и тот успокоился».

У Станислава Юрьевича о первых днях съемки остались несколько другие воспоминания: «Мы с Высоцким как-то сразу друг другу не понравились. Он мне тем, что был разодет во французские шмотки. Володя же возмутился, когда я однажды спросил, кто это у нас тут вертится на съемках: «Как кто? Это Марина Влади!»

Несколько позже, в других интервью, Сададьский так описывает свое пребывание на съемочной площадке:

— Зато с Высоцким сыграли...

— А я редко людей сразу верно оцениваю. Ну, ходит мужик, весь во французском прикиде, все ахают — Высоцкий! Как он поет, я слышал только в записи...

— Каково было играть вам в «Месте встречи» с Высоцким — он своим авторитетом давил?

— Для меня, как и для миллионов человек, Высоцкий — это наше все, но сейчас выросло новое поколение, и я был потрясен, когда при упоминании о Владимире Семеновиче хорошо образованная 18-летняя девушка спросила меня: «А кто это?»

— Каким вам запомнился Высоцкий?

— Высоцкий был очень важный. Он очень любил шмотки. Помню на съемках в Одессе, когда приехала Марина Влади, я спросил у Высоцкого: «Володя, вы не знаете, кто эта толстая тетка? Чего она здесь ходит, меня раздражает?» Я помню, как его это задело. На съемках фильма он вел себя, как дорогой гость. Такой весь переполненный собственной значимостью, он постоянно что-то из себя изображал. Высоцкий был очень мной недоволен и все время высокомерно осаживал.

Журналист Федор Раззаков пишет: «Наверняка, многим запомнился блестящий дуэт, который изобразили на экране Владимир Высоцкий и Станислав Сададьский. Поначалу дуэта не получалось; Сададьский никак не мог найти ключ к роли, нужную интонацию и вписаться в эпизод. И тут ему на помощь пришел Высоцкий. Видя, как волнуется молодой артист, он посоветовал ему найти для своего героя какую-нибудь отличительную черту, особенность. Например — шепелявость. И чтобы актеру было понятно, о чем идет речь, Владимир Семенович прямо на съемочной площадке изобразил некоего шепелявого паренька, виденного им в далеком детстве. Так и появилось то знаменитое, сададьское: «Коселек, коселек... ха-ха! Какой есе коселек?..»

В недавно вышедшей книге воспоминаний «Черная кошка» кинорежиссер Станислав Говорухин так описывает историю появления шепелявости у героя, сыгранного Стани-

славом Сададьским: «Есть в фильме «Место встречи изменить нельзя» эпизод с вором-карманником Кирпичом. Кирпич разговаривает на каком-то немьслимом языке — шепелявит, не выговаривает 32 буквы алфавита, лицо при этом у него бесконечно глупое. Снимаем мы эпизод и чувствуем — не смешно. А у Вайнеров сцена написана с юмором. Что делать? Тут я вспомнил серию Володиных ранних рассказов от лица несколько придурковатого шепелявого типа... Очень смешных, импровизированных. Помню, был рассказ о Рексе, умнейшей собаке, которая жила вместе со своим хозяином, подполковником, которая все время трогала подполковника. Бывало Рекс только отлучится с кухни (Володя произносил — «куфни»), Зинаида Викторовна — раз! Выдернет волосок, скатает и — в суп, который Рекс варил подполковнику! Однажды Рекс не выдержал, встретил ее в «коидоре» и говорит... Володя выпучивал глаза и произносил, ужасно шепелявя:

— Зинаида Викторовна, — сказал ей Рекс, — вы, пожалуйста, не трогайте подполковника, потому что я вас покусую!

Слушатели задыхались от смеха, умоляли: «Володя, хватит!»... Я попросил Володю прямо тут, на съемке, рассказать историю про Рекса Стасику Сададьскому — исполнителю роли Кирпича. Стасик шепелявить не мог. Оказывается, это не так просто... И получился самый смешной эпизод в картине».

Кстати, съемками эпизода, когда Высоцкий-Жеглов ведет Кирпича-Сададьского в отделение милиции, руководил Владимир Высоцкий.

О том, как снималась знаменитая сценка из фильма, подробно вспоминает и сам артист: «Перед съемкой той самой сцены я очень нервничал, как-то не по себе было. Высоцкий меня подавлял, и Вова сказал: «Пойдем шампанского попьем». Приговорили бутылку, и благодаря Конкину меня отпустило. Вова рассказал мне историю про вайнеровского дантиста и валютчика Зубакина. Прототип этого персонажа жил в Петербурге и прославился тем, что, когда его любимую собаку побили на улице, поставил ей золотые зубы. Все было мягко: я относился к нему доброжелательно, он ко мне так же, и я стал «сепелявить». Люблю, знаете ли, гротеск — ничего выше нет, когда комедия из комедий. Говорухин это сначала не воспринял: «Нет, так не надо». Я: «Почему? Скажете начальству, что взяли артиста, который в жизни так разговаривает». В результате все это прошло, а потом выстрелило».

Как ни странно, но за помощь в съемках знаменитого эпизода Сададьский благодарен вовсе не Высоцкому... «Тем,

что сыграл Кирпича таким, что его запомнили зрители, я благодарен Владимиру Конкину. Он к тому времени уже снялся в фильме «Как закалялась сталь» и был безумно популярен. Ну а Высоцкий все время с короной ходил. Когда одесские бандиты привезли ему какие-то ящики шампанского, сказал им. «Идите вы все, не хочу с вами общаться!» И вся их пылкая любовь перебралась на Конкина — в мае они привозили нам непонятно откуда черешню, вина лились рекой».

Коллеги Станислава Сададьского по актерскому цеху высоко оценили его перевоплощение в фильме в образ странного вора и говорят, что роль Кирпича сыграна им очень убедительно.

Актер Сергей Селин (Дукалис в телесериале «Улицы разбитых фонарей») очень любит пересматривать «Место встречи изменить нельзя»: «Знаю его наизусть. Помните фразу Высоцкого: «Я сказал, Горбатый!»? Или Сададьского: «Коселек, коселек... Не блал я никакой коселек!»? Я считаю, что Сададьский именно в этом фильме по-настоящему состоялся как артист. После него многие стали «косить» под Сададьского».

Мало кто знает, что в образ вора-карманника Кирпича сценаристы фильма братья Вайнеры вложили вполне конкретный и реальный образ.

Прототипом героя, сыгранного Станиславом Юрьевичем, был патриарх отечественных «щипачей» Александр Прокофьев по кличке Саша Шорин. Прокофьев был последним из настоящих «воров-законников».

Свою «трудовую» деятельность Саша Шорин начал в десять лет. В общей сложности 20 из своих 74 лет жизни он провел за решеткой. Долгое время он «курировал» сокольническую, измайловскую и гольяновскую группировки. Коллеги по ремеслу говорили, что Прокофьев до последних дней жизни не изменял привычке «шарить» по чужим карманам...

Вор скончался от рака летом 2003 года. В Москве с ним попрощался весь воровской мир...

В последние годы, заработав репутацию скандального журналиста, Станислав Сададьский в печати неоднократно «наезжал» на сценаристов «Места встречи...» братьев Вайнеров. Трудно разобраться в их конфликте, но, похоже, нелюбовь и неуважение друг к другу были у них большими и обоюдными: «Я их не люблю. И они меня не любят. Я единственный говорю, что им не нравился Высоцкий, они хотели снимать Шакурова. Мало того, они через криминальные структуры пытались на меня надавить!..»

Диаметрально противоположного мнения насчет исполнителя роли Жеглова в сериале, придерживались братья Аркадий и Георгий Вайнеры. В одном из интервью писатели ответили на обвинения в их адрес Станислава:

— Бытует мнение, что вы были против Владимира Высоцкого...

— Это все Садальский. Он всегда врет, чтобы привлечь к себе внимание, и в этом случае распустил злостные слухи. На самом деле к нам пришел Высоцкий, будучи нашим другом, и попросил взять его на роль Жеглова. А потом он привел Говорухина, и мы согласились с его кандидатурой постановщика...

Сложно установить истину в этом заочном споре. Как говорится, у каждого — своя правда... Но Садальский — не унижается: «Я лично видел, как Станислав эту ленту сдавал. Ведь почему назвали ее «Место встречи изменить нельзя», а не «Эра милосердия», как изначально было у Вайнеров? Это же все они: «Мы снимаем свое название с титров, не хотим, мы такое говно не писали!» Поставили какие-то псевдонимы, но когда руководителю советского телевидения Лапину министр внутренних дел Щелоков сказал: «Потрясающая картина, гениальное кино!» — тут же Вайнеры свою фамилию вернули, а спустя годы, встречаясь уже с Ельциным, хвастались: «Мы авторы, мы авторы!» Лучше этого фильма по их книгам так ничего и не сняли».

Встреча на съемочной площадке детективного сериала оказалась единственной для актеров...

Прошло более 30 лет, как был снят фильм, в котором Станиславу Садальскому и Владимиру Высоцкому довелось сыграть вместе. За это время и картина, и роли, ими в ней сыгранные, стали культовыми и обросли легендами.

Еще для многих поколений зрителей они будут не актером и певцом, а именно Кирпичом и Жегловым. Может быть, в этом заключаются народность кино и актерский талант?

В написанных в 2001 году воспоминаниях о Владимире Высоцком актер рассказывает о последних годах жизни поэта. И о планируемой совместной с ним работе в кино, увы, — несостоявшейся... «После «Места...» было приглашение на роль в его первой (как режиссера) картине «Зеленый фургон» по сценарию Игоря Шевцова... Потом запрет на ее съемки... Его смерть во время Олимпиады...

Спустя много лет в Нью-Йорке я встретил Надю Попову, второго режиссера фильма, уехавшую навсегда в Америку. Надя рассказала, что в тот злополучный июльский вечер друзья сидели у Высоцкого на кухне и пили. А чтобы Высоцкий

не позволил себе лишнего, его связали. Когда после вечеринки они вошли в комнату, Владимир был уже холодный.

Надежду в 1994 году злодейски убили, но живы и молчат все участники того вечера. Если кто осмелится и расскажет подробнее, как это было, издательство готово выпустить книгу за свой счет...»

«Я только после смерти Володи начал понимать по-настоящему, что он собой представлял», — сказал Станислав Садальский.

...«Отец Высоцкого на похоронах сына в театральном буфете на Таганке сказал:

— Наверное, он был способный, его ценил сам Кобзон!»

ЭДУАРД ВОЛОДАРСКИЙ

...Мама Владимира Высоцкого Нина Максимовна вспоминает такой разговор с сыном:

«— Мамочка, вот дачу строю...

— И где же ты ее строишь?

— У Едика Володарского...

Володя так его называл — Едик...»

Едик, а точнее — Эдуард Яковлевич Володарский в 2011 году отметил юбилей: ему исполнилось 70 лет! Родился известный сценарист, драматург и писатель 3 февраля 1941 года в Харькове.

В 1967 году Эдуард окончил сценарный факультет ВГИКа. Володарский — автор 11 пьес и более 140 сценариев. Вот только небольшой список фильмов, снятых по ним: «Белый взрыв» (совместно с С. Говорухиным), «Проверка на дорогах», «Антрацит», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Забудьте слово «смерть» (оба — совместно с Н. Михалковым), «Емельян Пугачев», «Вторая попытка Виктора Крохина», «Мой друг Иван Лапшин», «Оглянись», «Долги наши», «Шантажист», «Дорога домой», «Стеклянный лабиринт», «Демидовы» (совместно с В. Акимовым), «Прощай, шпана замоскворецкая!», «Кому на Руси жить...», «Зеркало для героя», «Одинокий игрок», «Последний бой майора Пугачева» (по рассказу В. Шаламова), «Штрафбат», «Капкан», «Вольф Мессинг, видевший сквозь время», «Идиот» (по Ф. М. Достоевскому), «У каждого своя война», «Столыпин», «Рядовые»... Под Ярославлем снимается многосерийная картина по повести Эдуарда Яковлевича «Страсти по Чапаю», рассказывающей о жизни и смерти легендарного героя...

Впечатляет? Все эти и другие картины, снятые известными и великими режиссерами, полюбили или давно любимы зрителями. А некоторые из этих фильмов, как сейчас принято говорить, стали культовыми.

Эдуард Володарский — лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, награжден Золотой медалью имени А. П. Довженко. Среди его близких друзей и знакомых — Андрей Тар-

ковский, Василий Шукшин, Алексей Герман, Никита Михалков и десятки других известных в отечественном и мировом кинематографе имен режиссеров и актеров.

С Владимиром Высоцким Володарский знаком с начала 60-х, но близкое знакомство их произошло в Ленинграде, в 1968-м. И моментально переросло в крепкую дружбу, продолжавшуюся до самой смерти поэта... Так что напрасно пытаются вбить клин между друзьями Марина Влади, называя в книге «Владимир, или Прерванный полет» Эдуарда Яковлевича «другом детства и приятелем по пьянке, впоследствии оказавшимся предателем»!

О знакомстве, взаимоотношениях и дружбе Эдуарда Яковлевича с Владимиром Высоцким написаны сотни страниц. Существуют воспоминания о поэте самого Володарского, есть множество интервью, статей и воспоминаний, целиком посвященных героям этой главы или частично их касающихся, — данных, надиктованных или написанных родными и близкими Высоцкого, его друзьями и знакомыми, кино- и театральными критиками, биографами поэта, наконец...

Уже давно набили оскомину бесконечные и скучные «разборки» в книгах, посвященных Владимиру Семеновичу, и прессе о «даче и дачном участке», о «загулах» друзей, о пьесе Эдуарда Володарского «Мне есть, что спеть...» (1983), посвященной Высоцкому, и негативной реакции на ее публикацию в журнале «Современная драматургия» родных и друзей поэта... Как будто больше не о чем писать! Здесь этого не будет... почти. (Потому что — как не пиши, а не коснуться перечисленных выше тем все равно — не выйдет).

Тем не менее, эта глава будет как сама жизнь — разнообразной, пестрой, веселой и грустной, доброй и жесткой, откровенной... Одним словом — правдивой. Но не лживой и не скучной!

Неужели за 12 лет дружбы Володарский и Высоцкий только встречались в компаниях, выпивали да делили дачный участок? Верится слабо... А считаешь рассказы иных приятелей и биографов Владимира Семеновича — в натуре, так оно и есть, получается!

Раздвинем горы этой макулатуры и посмотрим на отношения друзей свежим взглядом.

— Эдуард Яковлевич! В 70-е про вас говорили больше в связи с Высоцким.

— Да...

— «Володарский — друг Высоцкого», — это звучало очень значительно. А вы с ним когда познакомились? Как это было?

— Я его во ВГИКе иногда встречал, когда учился. Он с Колей Губенко дружил, а еще у нас была такая прима, Таня Иванова, очень красивая девка — и он ее захомутил. Поэтому он у нас появлялся довольно часто. Мы виделись, но отношений тесных не было. А после, в 68-м, мы встретились в Питере. Я туда приехал писать сценарий, а он — на съемки. Так получилось, что мы жили в соседних номерах — и снюхались, спились. Оттуда уезжали уже друзьями. Приехали в Москву и тут стали встречаться...

— Вы действительно много пили? Даже больше, чем во ВГИКе?

— Больше! Когда в загуле, по 5 бутылок коньяка выпивали за день на брата! Во ВГИКе же была еще проблема достать денег!

— Но у вас, слава Богу, до наркотиков не дошло, насколько я знаю...

— Бог миловал. Я даже не знал про них. Вот я помню... Сколько раз бывало: сидим, выпить хочется, денег нет, и вся компания смотрит на Володю: ну, давай! Ладно, говорит. Кто со мной? Ну, я. И приползали к ресторану. К «Арагви», иногда. Стучимся... Швейцар орет: что надо? Требуем позвать официантку. Она приходит, видит Высоцкого, делает большие глаза и пускает нас. Нас ведут в подвал, а там стол огромный накрыт, и магнитофоны стоят: записывать. Высота (это Володина кличка такая) пару рюмок выпивает, ему говорят: ну, давай. Он берет гитару и поет им. А я сижу, выпиваю, закусываю... А уходим — у нас по сумке у каждого, а там выпивка, колбаса всякая. А там ждет голодная компания: ну, блядь, вас только за смертью посылать! Спасибо никто не скажет.

— А кого кормили-то?

— Много было людей. Антон Макаров, Епифанцев Жорка, Севка Абдулов, Володя Акимов — сейчас всех не упомнишь... Володю Акимова уговорили комнату сменить 40-метровую на 22 метра — сосед дал магнитофон и две тыщи рублей. Ну он и поменялся, ради товарищей, чтобы без денег не сидели.

— Самая трогательная история про вашу дружбу с Высоцким — это с дачей. Вы ему отдали кусок своего участка, чтоб он на нем построил себе дом.

— Да... У меня тогда было полгектара, и я ему отдал 20 соток. Его самого не брали ни в какие дачные кооперативы. Бывало, он и задаток даже вносил — а после ему на правлении отказывали: жена иностранка, а кругом под Москвой зоны, закрытые объекты. Вот у нас рядом с Пахрой — филиал Курчатовского центра атомного.

— А он очень хотел дачу?

— Марина хотела. А то друзья вечно, в квартире бедлам, пьянка. Она говорила: «Вот видишь, Володарский пьет-пьет, а потом спрячется на даче, и порядок. И там никто его не поит». А у меня был на даче полуразвалившийся домик, там когда-то жила прислуга прежнего владельца поэта Кирсанова. Я говорю — забирай его, восстанавливай и живи. Я его любил, Володю...

— Но Володя, как известно, не пользовался этой дачей.

— Ну да. В марте достроили, а в июле — все, он умер.

— И Марина захотела тогда получить этот дом, который он построил, и кусок вашего участка. Вы тогда испугались?

— Я не испугался. Я ей объяснил — Марина, земля не моя. И дом не мой — у меня только пай в кооперативе. Марина, она за франк удавит любого. Характер железный! Твердость такая!

— А чем бы Высоцкий сейчас занимался? Я часто про это думаю...

— Я не знаю. Но я не думаю, что он принял бы то, что происходило во времена ельцинские.

То, что сейчас...

— А где бы он был в 91-м? В 93-м?

— Трудно сказать. Ей-Богу — трудно! Я часто об этом задумываюсь...

— А что бы писал?

— Песни. То, что он писал, и то, что писали после него, разве можно сравнить? Как его слушали!

— Да... Я помню, он приезжал к нам на шахту Бажова, в Макеевку — году в 72-м. Клуб был забит, все на магнитофоны писалось. Потом долгие годы это переписывалось... Он, конечно, съездил в шахту и спел «Мы топливо отнимем у чертей, свои котлы топить им будет нечем... Черное надежное золото...»

— Это он написал в мою картину — «Антрацит». Порезали ее сильно...

— Были разговоры, что Высоцкий плохо влиял на молодежь, ему же пытались подражать, ну и пили, и уходили в блатняк. Что скажете?

— Это не так. Вон, Евтушенко тоже много пил. И Рождественский много пил... Да ну, чушь собачья... Подражать? Да невозможно ему подражать. Он никогда не халтурил. Никогда! С любого концерта он мокрый выходил. Он был всеобъемлющ настолько, его любили все — от блатарей до физиков-теоретиков Курчатковского института.

— Что такое — Высоцкий? Пушкин наших дней? Что это? Как вы можете это сегодня обозначить?

— Это Моцарт. А как поэт... Если выстроить ряд, он такой будет: Пушкин, Некрасов, Высоцкий.

— А вот тот дом с участком, куда пустили Высоцкого — за бешеные деньги купили?

— Да... В 75-м я за это заплатил 65 тысяч рублей.

— То-то вы тогда, все знают, по утрам покупали коньяк по 200 рублей за бутылку у банщика бассейна «Москва»!

— Да, да. С Володей...

Пусть ошибочно в интервью Эдуард Яковлевич называет близкую знакомую Владимира Высоцкого Татьяну Иваненко Ивановой, а приятеля поэта, сценариста Артура Макарова — Антоном, своей ценности «воспоминания Едика о Володе» из-за этого ничуть не теряют!

Творческое сотрудничество Володарского с Высоцким началось через год после их близкого знакомства, в 1969 году. Поэт снялся в эпизодической роли в фильме Станислава Говорухина «Белый взрыв». В основу сюжета картины лег одноименный сценарий, написанный Эдуардом Володарским. Это была одна из первых экранизаций работ молодого и талантливого сценариста. В фильме, рассказывающем о боевых действиях в горах Кавказа времен Великой Отечественной войны, Владимир Высоцкий сыграл эпизодическую роль капитана.

В начале семидесятых годов из-под пера Эдуарда Володарского выходит пьеса с военным названием «Звезды для лейтенанта». Драматургическое произведение у молодого автора получается очень удачным, и его одобряют к постановке в театрах страны. По просьбе «друга Едика» Владимир Высоцкий пишет к спектаклю по его пьесе несколько песен. На одном из концертов в 1975 году поэт рассказал слушателям: «Я иногда пишу песни раньше, чем пьеса поставлена в театре. У меня много друзей, которые сейчас выходят в первые ряды наших драматургов. Они обращаются ко мне, говорят: «Напиши песню прямо в пьесу». Происходит слияние работ. Так было с пьесой «Звезды для лейтенанта», которая идет в Театре имени Ермоловой в Москве, в Ленинграде, да и вообще по Союзу. Написал ее мой друг, Эдик Володарский. Эти песни («Песня о погибшем летчике» и «Песня летчика». — *АЛ.*) я пою своим голосом за сценой, за кадром. Они полностью вошли в спектакль...»

В 1970 году ленинградский кинорежиссер Алексей Герман приступает к съемкам фильма «Проверка на дорогах» по сценарию Эдуарда Володарского. Это был третий сценарий молодого кинодраматурга.

— Сценарий «Проверка на дорогах» написан по повести отца А. Германа Юрия Германа, — вспоминает в интервью Эдуард Яковлевич. — Я тогда, не читая книги, взял под сценарий аванс в 25 процентов, а это 1250 рублей. Половину мы сразу в Питере пропили, меня в поезд грузили в бессознательном состоянии. Приехал в Москву, протрезвел, прочитал повесть — и офигел: полное говно! Какие-то чекисты, шпионы, зондеркоманды... Боже мой, куда я влип! Были б деньги, вернул бы сразу. И тут приехал Герман в Москву, мы встретились, пошли в забегаловку возле Маяковки, там за полтинник наливали 50 коньяку. Зашли, я выпил сто грамм, он спрашивает: ну, как повесть? Я отвечаю: говно повесть. У него ни один мускул не дрогнул. Да, говорит, повесть плохая. Там только один характер хороший, а остальное придется писать заново. У меня прямо от сердца отлегло. Заново так заново! Пишите, говорит, как хотите. Я стал читать Адамовича про партизан, меня в основном интересовал их быт — как они строили землянки, как жили... Как из снарядов они выпаривали тол, они каждую секунду рисковали жизнью! Потом они этот тол охлаждали, брикеты из него делали. За 22 дня я сценарий написал. 70 или 75 страниц. Кстати я там роль написал для Володи специально.

— Какую?

— А власовца. Я приехал из Питера с отпечатанным экземпляром и, не заходя домой, поехал к Володе и сказал: «Читай, вот это для тебя». Но Герман его не взял!

— Почему же?

— А испугался. Я приехал на худсовет, смотрю он выставил на пробы Дворжецкого, Доманского, Лаврова. Я говорю — Леш, а где Володя. Он отвечает — я его снимать не буду. Я истерику закатил: «Ты что делаешь? Мы с тобой сколько раз говорили! Это ж для него роль!» Я, говорит, боюсь, он завалит мне картину и меня задавит! А не дай Бог он запьет — что я буду делать? Тогда в Германе было больше человеческого...

Опять — ошибка Володарского: имя и фамилия актера, сыгравшего главную роль Лазарева в фильме «Проверка на дорогах», того самого «власовца», — Владимир Заманский, а не Доманский. Но это, как говорится, — детали...

В другом, более позднем интервью, Эдуард Володарский рассказывал, что режиссер признался ему: «Я его (Владимира Высоцкого. — А. П.) боюсь, я начинающий режиссер, ты пойми. Если он закуролесит и сорвет мне все, я рухну. Я на него управы не найду».

А вот — «оправдательный» рассказ кинорежиссера Алексея Германа, касающийся реакции Владимира Высоцкого на

неутверждение его на главную роль в картине: «На ту роль в «Проверке на дорогах», которую хотел сыграть Володя, я пригласил Заманского. Нет, Володя не обиделся, он был благородный человек. И как он мог обижаться не меня, неудачника?.. Хватало у него своей нервотрепки: другое дело, что он никогда виду не показывал. Все мы помним его с улыбкой. Как бы он ни устал, как бы ни был занят, а при беглой встрече так улыбнется, будто дорожке тебя у него никого нет. И это не игра актерская, это состояние души — даже улыбкой он умудрялся поддержать, что-то отдать людям. Его любимая присказка: «Людям должно быть хорошо»...»

Фильм Алексея Германа «Проверка на дорогах» — один из самых честных из снятых о войне — попал к зрителю только на заре перестройки, в 1985 году, 14 лет пролежав «на полке». Слишком уж неправдоподобными, ненастоящими посчитали советские партийные и киноруководители показанные в картине боевые действия и быт партизан, человеческие отношения на войне между солдатами и предателями... Говорят, фильм запретил к показу лично Суслов, главный партийный идеолог, — посмотрев его.

Не довелось сыграть Владимиру Высоцкому и в другой картине, снятой по сценарию Эдуарда Володарского. Называлась она «Емельян Пугачев». В ней актер проходил пробы на главную роль, и прошли они для Высоцкого очень успешно.

Известного советского актера и режиссера Евгения Матвеева до конца дней «пинали» за то, что в свое время якобы именно он упросил Брежнева отдать ему роль Емельяна Пугачева в одноименной картине режиссера Алексея Салтыкова. Говорят, Владимир Семенович чуть ли не плакал, когда узнал, что его отстранили от работы... А как было на самом деле?

Сценарист фильма Эдуард Володарский вспоминал: «Написав сценарий о Емельяне Пугачеве, я, однако, хотел, чтобы его сыграл именно Высоцкий. Фотографии претендентов в гриме наклеили на большой лист ватмана, и все желающие могли выбрать «своего» Пугачева. Консультант фильма, профессор МГУ Сергей Тимофеевич Преображенский, далекий от кинематографической среды человек, посмотрев фотографии, сказал: «Вообще больше всего подходит вот этот» — и указал на... Высоцкого (а до этого он его даже не знал в лицо). «Только вот не тот», — и указал на Матвеева. В результате Пугачева играл все-таки Матвеев. И никто ничего сделать уже не мог...»

А вот воспоминания Евгения Матвеева, отвергающего все наветы коллег в свой адрес и по-другому видящего ситуацию, сложившуюся вокруг утверждения актера на главную роль в

картине: «К сожалению, среди моих недоброжелателей оказался сценарист Володарский. Вот почему мне давно хотелось высказаться по этому поводу. Давайте взглянем на этот случай протокольно. Когда Алексей Салтыков приступил к пробам и меня не пригласил, я слова никому не сказал, хотя героя считал «своим»: Пугачева я сыграл на радио, вжился в материал. Только подумал про себя: «Все правильно, возраст не тот». Да и занят я был на других съемках. Однажды мне позвонили со студии и говорят, что Высоцкого не утвердили на худсовете, в Госкино, в еще каких-то инстанциях и что надо спасать картину, выручать режиссера.

Тогда я потребовал, чтобы Салтыков организовал для меня, как и для других, прежде пробы. Я не режиссер. А Салтыков был против проб — съемки начинались через 2-3 дня. «За чем пробы, примеряй костюмы, пора работать начинать», — настаивал режиссер. Но пробы состоялись. Салтыков посмотрел отснятый материал и сказал мне: «Меня это устраивает, играй». И я сыграл Пугачева...

Меня после этой истории с «Емельяном Пугачевым» стали противопоставлять Высоцкому: «А, это тот самый Матвеев!..» Нажил я себе врагов. Да и переговорить с самим Владимиром Семеновичем так и не привелось. Почему и как его не утвердили на роль, ей-Богу, не знаю. Мой принцип другой: неэтично ковыряться в чужих делах...»(8)

Работу Алексея Салтыкова в конце семидесятых зритель не увидел. Но как это было принято тогда, критика, словно по команде, запалила из всех пушек: «Фильм, в целом, не состоялся как значительное произведение искусства». На целых 15 лет его положили «на полку»...

После премьеры один из киноначальников так объяснил решение высоких инстанций Евгению Матвееву: «На Западе могут упрекнуть советских диссидентов в том, что они бездействуют. Дескать, были на Руси герои — Пугачевы, которые с топором выясняли свои отношения с властями».

— Получается, наш фильм к топору звал — чушь какая-то! — негодовал актер.

А может — в этом разгадка, почему партийные органы в очередной раз решили «не пущать» Владимира Высоцкого на экран?

Не везло Владимиру Семеновичу не только с утверждениями на роли в картины, которые снимались по сценариям Эдуарда Володарского, но и с песнями, написанными по-этом к ним — по просьбе сценариста или предложенными самим автором. Замечательные песни Высоцкого либо вообще

не попадали в готовые фильмы, либо входили в них в убогом, урезанном виде...

«Вот я приехал Володю уговаривать, — вспоминает Эдуард Яковлевич, — он меня встретил, так очень по-волчьи на меня глядя, и сказал: — Чего, — говорит, — хочешь ее («Балладу о детстве». — АЛ.) выбрасывать отсюда (из фильма «Вторая попытка Виктора Крохина», снятого по сценарию Э. Володарского режиссером Игорем Шашуковым. — АЛ.)?» Я начал говорить, что, Володя, понимаешь, надо. Причем, понимаете, здесь у него в характере: для товарища он готов сделать всегда все, кроме, пожалуй, вот этого. Он сказал: «Нет, ни строчки...»

В итоге, в картину по цензурным или еще каким-то неведомым соображениям и причинам замечательная «Баллада о детстве» вошла в сильно урезанном виде — большим фрагментом...

Журналист Игорь Свиначенко пишет: «Мне сценарист Володарский рассказывал, что Высоцкого тошнило не в стриптизе, а в супермаркете. И он плакал, от жалости к своему народу. Они вдвоем — Высоцкий с Володарским — задумывали свалить за бугор и в Нью-Йорке устроить русский театр...»

...Судьба Эдуарда Яковлевича выписывала такие зигзаги, что удивлялись не только его друзья, но он сам. В середине 70-х ходили слухи, что Володарский, успешный сценарист и драматург, подумывает об отъезде на Запад... Насколько правдивы были эти слухи и планы, озвученные журналистом?

В одном из интервью «Едик» все популярно объяснил:

— Вы серьезно собирались с Высоцким бежать из страны? Он тоже еврей, как и вы.

— Ну да, у него тоже, как у меня, мать русская, а отец еврей.

— Так вы с Высоцким всерьез валить собирались? Разговоры такие были?

— Естественно, были! Тогда много народу поехало, началось... Но после первой своей заграничной поездки Володя мне сказал: мы там на ... никому не нужны.

— Это когда к Марине первый раз съездил?

— Ну, да, это 72-й или 73-й год. Он мне рассказывал, что когда зашел в магазин и увидел изобилие продуктов — колбасы и все такое — его стало тошнить, он просто сблевал. Прежде он никогда не видел столько еды. Это было кошмарное зрелище...

— Высоцкий рано начал ездить на Запад. А вас не пускали.

— Я был невыездной в те времена. Меня считали неблагонадежным.

— Ну, так вы ведь пили много. И с Высоцким дружили. При том что самого его пускали...

— Вот еще что могло повлиять: я дружил с Пашей Литвиновым — он вышел на площадь в 68-м, когда была оккупация Чехословакии. Ему дали 5 лет...

В другом интервью журналисты вновь спросили писателя о планах уехать из страны...

— Мало кто знает, что Высоцкий, как и вы, был полукровкой. Вы с ним этот вопрос обсуждали?

— Иногда, во время поддачи, я говорил ему: давай уедем к чертовой матери! Володя вопрошал: «Ну, куда мы поедем? Кому мы там нужны? Здесь плохо (он употреблял другое слово, догадываетесь, какое), но здесь мы хоть кому-то нужны...» Но должен вам сказать вот что: и я, и Володя выросли в подворотне, он в Большом Каретном, я — в Замоскворечье, и там различий в национальностях не было. Да и в кинематографии — тоже. Можно много евреев-киношников назвать: мой учитель Габрилович, Ромм, Чухрай, Зархи, Марк Донской... Пальцев не хватит, чтобы всех сосчитать...

Друг и тезка драматурга Эдуард Попов вспоминает: «В 1971 году мы с известным сценаристом Эдуардом Володарским жили рядом. В соседнем же доме снимал с Мариной Влади квартиру Высоцкий, при этом он дружил с Володарским. Да, забыл еще одно постоянное лицо в нашем доме: добрый, улыбчивый и светлый человек, актер МХАТа и радио Всеволод Абдулов. В Матвеевке это была неразрывная тройца: Высоцкий, Володарский, Абдулов.

Субботы и воскресенья были наши. Обычно Володарский предлагал мне: «Эдюша, сползаем в «Горку!» («Горка» — это местное название продуктового магазина в Матвеевке). Были там две сестрички: Валя и, кажется, Надя. Однажды он пошел в «Горку» один и вышел оттуда в подпитии, да еще с деньгами в кармане. Местная шпана взяла его в шоры. Чужая беда, сестричкибарменши сразу же позвонили Высоцкому. Тот — в машину и к «Горке», как раз вовремя. Рассказывали, как он гонял по всей центральной площади Матвеевки щипачей. Да и кто б его посмел тронуть?..

Но вернусь к нашей первой встрече с Высоцким. Он уже был тем самым Высоцким, о котором ходили легенды: дескать, он и летчик, и лагерник, и альпинист. Каждый сопливый пацан, имея самый примитивный катушечник, накручивал только Высоцкого, а кто повыше — старшеклассники и студенты — никакой возможности не упускали и надежды не оставляли приобрести билет в Театр на Таганке. Стояли денно и

ношно, в жару и стужу, писали чернильным карандашом номера на руках.

Как-то ответственный секретарь газеты «Советская культура» Владислав Перфильев возьми да и скажи:

— Эдик, чего б тебе, по соседству, не взять интервью для нашей газеты у Высоцкого. Тебе там и Володарский в помощь. Будешь первым журналистом в стране, опубликовавшим с ним интервью. Наш главред дает тебе целую полосу. Только надо, чтобы Володя публично «отбойрился» от блатных песен, которые под него хрипят, ему же и приписывают.

Я позвонил Володарскому, тот — Высоцкому, и готово: день интервью назначен, встречаемся у служебного входа в театр. Идем мы с Высоцким какимито полуподвальными ходами, то влево, то вправо нас уносит мимо труб, вентиляей, и не ведаю я — одурение нашло — с чем я иду и что преследую вместе с этой, будь она неладна, «Советской культурой»?

В артистической (кажется, Высоцкий в этом стесненном пространстве старенького театра был единственным, кто имел отдельную гримерную) Володя сразу же разделся и нахлобучил на себя рубище Хлопуши. В этот день давали Есенинского «Пугачева»...

Я хотел было вкратце представиться, сказать, что я из милицейской газеты, но вот редакция «Советской культуры» хочет... Володя меня прервал, сказав, что знает обо мне через Володарского, времени до начала спектакля в обрез, поэтому валяй сразу, чего там у тебя есть. Ну, я сразу на одном дыхании и вывалил предложение газеты.

Высоцкий просто замер и побелел. Потом произнес негромко, но внятно:

— Значит, «Советская культура» публикует мои стихи и песни и по ошибочке там чтото вкралось. Так, что ли? Чтоб ты знал, ваш главред вообще считает меня чуть ли не врага народа. Люди знают, где мои песни и где не мои. Мне не от чего отречься и каяться не в чем. Тебя втащили в дешевенькую и гаденькую провокацию. Любого другого на твоём месте я бы вышвырнул из театра, но Володарский, да и Абдулов мне говорили, что ты отличный парень и умешь постоять против неправды. Работаешь в милицейской газете? Вот в ней и работай, а в дерьмо не лезь...

Потом Володарский долго меня утешал, говорил, что Володя ни на грамм не обиделся. Дескать, со всяким, однажды, что-нибудь, да бывает. Бывает...

Если Высоцкому что-то не нравилось и он чувствовал фальшь, то говорил об этом сразу и в лицо. Он был очень гор-

дый, прямой и честный, как в песнях, так и в жизни. Исследователи его творчества задаются вопросом: как он успел написать так много песен, сыграть в театре и кино. В кино его, правда, не жаловали. Достойных сценариев только два, стало быть, и две роли: Брусенцов и Жеглов. Но зато какие! А когда же он успевал дать больше тысячи концертов? И все неофициальные.

Мне кажется, что, кроме таланта и трудолюбия, в нем был азарт. Вот этот его самого сжигающий азарт, при всех прочих данных, выводил его в лидеры во всем и везде: в театре, кино, стихах и песнях, дружбе, женщинах, если хотите, даже в пьяном загуле.

Как люди относились к Высоцкому? Особенно те, кому довелось видеть его на концертах или в спектаклях. Можно сказать, с почтением, любовью, восторгом, можно подобрать еще десяток синонимов, но все это будет не то. Так о нем сказать — значит, ничего не сказать. Нужна конкретность, то есть надо было видеть людей в общении с ним.

О фанатах Высоцкого лишь два слова: они просто впадали в истерику. Каждый раз, когда он подъезжал к служебному входу в театр перед началом спектакля, толпа юнцов приветствовала кумира топотом, свистом и визгом. Ему всякий раз приходилось преодолевать два десятка метров сумасшествия.

Если он впадал в запой, то Москва находилась в великой печали, его спектакли либо переносились, либо отменялись. Театр Юрия Любимова хоть и был сам по себе замечателен, но шли-то на Высоцкого. Когда он выходил из запоя, то Москва это знала в тот же день. Газеты и телевидение о Высоцком не сообщали ни слова. Мне кажется, что не ошибусь, если скажу, что первая публикация о нем — это сообщение о его кончине. 25 июля, в день его смерти, «Вечерняя Москва» была единственной газетой, получившей разрешение на это сообщение, кстати, в самый разгар Олимпиады, проходившей в Москве. Владимир умер ночью, но уже в десять часов утра вся Москва, задолго до газетного сообщения, знала об этом, люди были просто сокрушены горем. Огромная толпа стояла на Таганской площади перед театром, люди находились там днем и ночью в надежде в последний раз увидеть Владимира и проститься с ним. Никто не подсчитывал точно, но в день похорон там было не менее миллиона человек. А вот цифра точная: для поддержания порядка во время похорон было задействовано 20 тысяч сотрудников милиции. Порядок был обеспечен: давки, затаптывания людей не было. Толпа оплакивала своего любимца. Я впервые в жизни видел, как плачут милиционеры, несущие службу.

Стояла жара. Чтобы люди могли ее перенести, из домов, примыкающих к Таганской площади, из окон и дверей жильцы передавали воду: ведрами, тазами, чайниками. Это было фантастическое единение людей в общем горе. Горком партии торопил Любимова, требовал прекращения процедуры прощания, но руководство театра не обращало внимания на грозные звонки, сулящие большие неприятности. Но проститься с Высоцким удалось далеко не всем желающим.

На Ваганьковском кладбище также творилось что-то невообразимое. Люди заполнили его сферично, стояли в оградках, карабкались на памятники и заборы, парни сажали себе на плечи своих подружек. Стоял истошный вой, когда стали опускать гроб в могилу. А после похорон поминание шло на всех улицах и переулках, прилегающих к кладбищу. Поминальные трапезы раскладывались на газонах, дорожках, дворовых лавках. Хрипели магнитофоны. Всякому прохожему предлагался глоток водки в стеклянном, бумажном ли стаканчике, а то и прямо из бутылки. Повторюсь: это было великое единение людей...

Однако отстранюсь от картин всенародной любви и на конкретном примере расскажу о силе воздействия Высоцкого на людей. Было это в пору самого начала моего знакомства с Володей.

Ко мне однажды утром нагрянул мой старый товарищ, воронежский фельетонист Володя Котенко. Он сразу завел разговор о Высоцком:

— Эдик, говорят, что ты дружишь с Высоцким. Это правда?

— Нет, это не так. Я дружу с Володарским, а он — с Высоцким. Поэтому миновать встреч с Высоцким я никак не мог, но их и было пока что две.

— И ты вот так запросто можешь ему позвонить?

— Могу. И билеты в театр на Таганке заказать могу...

Я позвонил Высоцкому, поговорил с ним дветри минуты. Потом сказал, что у меня в гостях приятель из Воронежа, и мы хотели бы попасть на сегодняшний спектакль. Он обещал заехать за нами вечером, в начале седьмого.

Надо было видеть изумленного Котенко. Он все повторял: «Не верю. Разве можно вот так снять телефонную трубку и вот тебе — Высоцкий? Не верю!»

— А ты побудь у меня до вечера, тогда поверишь.

— Да ты что! Я в Москву всегото на один день, а мне в «Крокодил» надо и еще коегде побывать.

— Ну, тогда приходи к половине седьмого на Таганку, но к театру иди со двора. Там, у служебного входа, свидимся.

Конечно, он, сжигаемый нетерпеливым ожиданием, торчал там задолго до нашего приезда. Видел сцену приветствия фанатов, о чем я писал выше. Словом, мы с Котенко сидели в пятом ряду партера и смотрели «Десять дней, которые потрясли мир». В антракте Котенко взмолился: «А в артистическую к нему можно?» Пришли в артистическую. Высоцкий уделил нам две минуты — ровно столько, пока выкурили по сигарете. Котенко успел сказать ему комплимент: дескать, фельетонисты считают Высоцкого лучшим фельетонистом России.

Мы успели с гостем попить лимонада, зазвенели звонки, сообщающие о начале второго акта, как он вдруг засобирався на выход.

— В чем дело? До поезда целых два часа.

— А дело в том, что после того, как я с ним виделся, курил, говорил, обменялся рукопожатием, не смогу сидеть в пятом ряду. Я должен успокоиться, побродить по Москве, кое-что обмозговать. А тебе — огромное спасибо! Если бы ты сегодня подвел меня к президенту США и сказал: «Знакомься, это мой друг Джимми», это не произвело бы на меня большего впечатления».

Неправда ли — прекрасные и яркие воспоминания людей, которым выпало в жизни счастье пообщаться с Владимиром Высоцким! Такое — не забывается!

Вернемся к главному герою нашей главы. Тесно общаясь с Владимиром Высоцким, Эдуард Яковлевич подметил в нем неподдельную любознательность: «Любопытный был, как крыса!» Возможно, именно этим фактом объясняется широкая палитра и разнообразие тем, затронутых поэтом в своих стихах и песнях. И его тяга к людям науки, среди которых у Высоцкого было много друзей и знакомых, работающих в разных ее областях. В частности, это советские физики-атомщики с мировыми именами — Понтекорво, Флеров, Зельдович, Капица, Сахаров, Велихов...

Есть и другие, не менее интересные, наблюдения Володарского о друге: «К своей популярности, когда с ней сталкивался, относился по-разному: иногда презрительно, иногда удивленно, иногда как к само собой разумеющемуся, чаще — не замечая.

Когда они впервые поехали вместе с Мариной отдыхать (Володю еще не выпускали за границу), он потом рассказывал, как им не было житья от любопытных. Залезали даже на деревья, чтобы заглядывать в окна. Рассказывал немного иронически, посмеиваясь, но и чуть-чуть с гордостью — может быть, за Марину...

Его редко узнавали на улицах — уж больно не соответствовал его скромный внешний подтянутый облик тому образу, который создался в воображении почитателей.

Часто не пускали — ни в рестораны, ни в театры, ни в другие общественные места, куда обычно «не пускают»... Недавно, думаю, на вопрос анкеты 70-х годов: «Чего вы хотите добиться в жизни?» — он ответил: «Чтобы помнили, чтобы везде пускали...»

Как ни странно, Марину тоже не узнавали. Мы с ней вместе летели в Париж в июле 1981 года. В самолете были шумные французы, которые возвращались из турпоездки по Союзу. Галдели, ходили между кресел и постоянно задевали локтями Марину, которая сидела с краю. Она сказала мне наклонившись: «Если бы они знали, что с ними летит Марина Влади, они бы на цыпочках тут ходили и говорили шепотом. Ненавижу этих обывателей, для которых только имена что-то значат...»

Володя был абсолютно естественным человеком. Ни когда не лукавил. Если человек или ситуация ему не нравились — как он ни пытался иногда, но скрыть этого он не мог. Иногда в середине общего разговора он резко вставал и уходил — бежал от надоевших ему разговоров, отношений... Если он влюблялся в человека, то человек мог заметить это сразу. Когда не любил — был резок, нетерпим. Даже как-то опускал глаза по-особенному, когда встречался с нелюбимым человеком. Никогда не «выяснял отношения» — ему казалось: и так все понятно.

По характеру очень похожи с Любимовым — тот же риск, та же непримиримость в приятии или неприятии людей, ясность позиции, самообразование. То же упрямство, когда считали, что так надо: например, Высоцкий мог забыть или выбросить целую песню, но не соглашался изменить или убрать куплет, если считал это неправильным. Так и Любимов — выбрасывал целые сцены сам, но из-за какой-нибудь фразы воевал бесконечно. Ничего в жизни не давалось легко. И тот и другой трудно набирали.

Рвал с человеком сразу, если случалось то, чего он не выносил. У него был друг, и тот попросил у Володи пленку с записями песен, но потом выяснилось, что он эту пленку размножил и продавал. Володя, не выясняя отношений, порвал с ним. Навсегда.

Прощать не очень умел. Иногда годами не разговаривал с человеком. Но в этом не было вызова или позы, просто Володя не замечал этого человека. Все делал со страстью. И принимал со страстью, и так же страстно отвергал.

У него была очень развита любознательность. Он первым в театре узнавал сенсацию или открытие какое-нибудь и очень любил об этом рассказывать. Об экстрасенсах, например, я впервые услышала от него. Он знал, где какая премьера, что снимается на студиях, что интересного напечатали журналы...

Каждый день он получал пачку писем. Ящики его гримировального стола были доверху забиты этими письмами. Он, конечно, не мог отвечать на все письма, но в концертах иногда учитывал какие-то заинтересовавшие его вопросы и очень откровенно и подробно отвечал. Но у него не было свойственного очень многим актерам пренебрежительного отношения к этим письмам и запискам на концертах. Все записки он аккуратно, уходя со сцены, собирал и иногда хранил. Записки всегда читал сразу вслух, находя в этом даже какой-то азартный интерес: а вдруг попадет что-то неожиданное? Но, в основном, круг вопросов был один и тот же, и письма тоже очень походили одно на другое. Под конец жизни он стал уставать и от этих писем, и от бесконечных одинаковых записок на концертах, и от поклонниц, которые дежурили у подъезда.

Он, конечно, знал о своей неслыханной популярности. В последнее время из-за усталости и нездоровья сидел просто в номере, в гостинице. В Тбилиси на осенних гастролях в 1979 году мой номер был как раз этажом ниже под его номером. Жара, окна открыты. Он сочинял какую-то песню и полмесяца пел одни и те же строчки в разных вариациях. Время от времени зазывал к себе, заваривал чай и пел все ту же песню, каждый раз меняя или слова, или строчки, или целые куплеты. Я взмолился: «Володечка, сочини уж, пожалуйста, что-нибудь другое...»

Там же, в Тбилиси, устав от бесконечных поклонников, от общения с малознакомыми людьми, от концертов, от «друзей», которые, несмотря на его попытку затворничества, все равно окружали плотным кольцом, он, не дождавшись конца гастролей, сорвался с места и, никого не предупредив, ночью улетел в Москву... Та же ситуация была и на предыдущих гастролях в Минске, и, если вспомнить, почти во всех наших театральных гастролях. Володю вдруг подхватывала какая-то ему одному ведомая сила и уносила его на другой конец страны.

Его тянуло к людям нестандартным, к тем, кто шел всегда наперекор, судьба которых почти всегда оказывалась в экстремальных условиях, не «в колее». Рядом с ними он становился тихим, очень внимательным, предупредительным, почти незаметным, стараясь слушать и понять.

Его окружали подчас очень странные люди. Иногда бывшие уголовники, случайно встреченные Володей, где ни будь или в аэропорту или в самолете. Его открытость и первый импульс заинтересованности давали людям повод считать себя до конца жизни его друзьями. Он не сопротивлялся. Но, несмотря на внешнюю открытость, внутренне почти всегда был закрыт.

Не любил, когда факты его частной жизни становились достоянием улицы, сплетни. Он презирал людей, которые пытались проникнуть в его личную жизнь».

Спасибо Эдуарду Яковлевичу за эти добрые и прекрасные слова о Владимире Высоцком!

Ну, а теперь, «на закуску», — несколько веселых, «загульных» историй из совместного общения поэта и сценариста.

Итак, на дворе — сентябрь 1975 года. Вспоминает Эдуард Володарский: «Я уже выходил из запоя. Вдруг появляется Володя пьяный. И все начинается сначала. Мы сидим у меня дома, пьем. Володя смотрит на часы и говорит: «Через три дня Мариночка прилетает». Продолжаем гудеть. На следующий день Володя опять смотрит на часы и говорит: «Через два дня Марина прилетает. Надо ее встретить» На третий день: «Через два часа эта сука прилетит!» Естественно, мы ее не встретили. Фарида (драматург Фарида Тагирова, жена Э. Володарского. — *АЛ*) отвезла Володю на Грузинскую, чтобы он был там, когда из аэропорта приедет Марина. Он вернулся к нам ночью в разорванной рубашке: «Вот, любимую рубашку порвала». Наутро появилась Марина, в леопардовой шубе, роскошная, волосы по плечам. И на пороге Фариде: «Дай мне денег, я улетаю». Фарида говорит: «Ну ты посиди, отдохни, потом полетишь». Она хотела их помирить. Марина зашла. Села на кухне. На столе стояла бутылка коньяка. Она тут же себе налила, выпила. А мы совещаемся в комнате. Володя говорит: «Я слышу, как она пьет! Она выпьет последний наш коньяк!» Он встал, пошел на кухню. Протянул руку к бутылке. Марина тоже хватает бутылку. Идет молчаливая борьба. Он все-таки вырвал, победоносно вернулся в комнату, и мы ее прикончили. Марина говорит Фариде: «Так нельзя. У Володи спектакли, фильмы, его нужно выводить. Надо что-нибудь придумать».

Бутылка кончилась. Появляется Володя на пороге и говорит: «Где водка?» Фарида с Мариной молчат. Вдруг Марина говорит: «Володя, водка есть, но она не здесь». — «А где?» — «Ну, там, в Склифе». Он приходит ко мне: «Эдька, они говорят, в Склифе нам водки дадут, поехали». А мы уже такие пьяные, что не соображаем, что в Склифе водку не дают, там совсем

другое дают. Я даю Володьке свой пиджак, а он щупленький, рукава висят, как у сироты. Спускаемся в лифте, выходим из подъезда.

Едем. Какой-то полуподвал. Там все Володькины друзья, вся бригада реанимации, которая его всегда спасала. Они все, конечно, сразу поняли. Мы сидим, ждем, когда нам дадут водки. Володьку увели. Ну, думаю, уже дают. Вдруг его ведут. А ему уже какой-то укол сделали, и он так на меня посмотрел: «Беги отсюда, ничего здесь не дают». И его увели. А я вскочил на стол, размахивая ножом кухонным, который взял из дома, открыл окно и ушел на улицу. На следующий день пьянка уже кончилась, все тихо. Звонит Марина: «Володя уже вернулся из больницы, приезжайте, будем пить чай». Мы едем к ним. Действительно, на кухне накрыт чай. Володька сидит во-о-от с таким фингалом под глазом. Руки стерты в запястьях. Говорит: «Вот что со мной в больнице сделали, санитар мне в глаз дал». Там жесточайшие способы. Они его раздевали догола, привязывали к цинковому столу и делали какие-то уколы. Он выворачивал руки, стер их в кровь и все время вопил, что он артист, что с ним так нельзя. И так надоел санитару, что тот дал ему в глаз. А он тогда снимался в «Арапе Петра Великого» у Митты. Вот так нас привели в чувство, и мы кроткие, аки голуби, сидели на кухне и пили чай...»

А однажды «Володькины друзья, вся бригада реанимации» помогли прийти в себя уже самому «другу Едику», когда ему стало плохо после выпивки...

Вспоминает знакомый Владимира Высоцкого, врач-анестезиолог Института скорой медицинской помощи имени Склифосовского Станислав Щербаков: «В году, наверное, семьдесят восьмом Высоцкий приехал под самый Новый год. Я как раз дежурил 31 декабря.

Приезжает:

— Ребята, срочно поехали! Умирает Эдик Володарский!

Реанимобиль был на вызове, и мы поехали на его машине. Взяли фельдшера, чемодан с набором и поехали в Матвеевское. Фельдшер — молоденькая белокурая девушка Люба. Володя сказал, что один к одному — Марина Влади, и всю дорогу упрашивал:

— Ну дай Любе сесть впереди...

А я говорю:

— Ни фига! Я тебе девушку вперед не дам.

Потому что он гнал, как сумасшедший! Когда мы приехали, меня, извините, тошнило. Володя рвал и метал: то под сто двадцать, то по нулям... Я ведь и на скорой, и на реанимобиле поездил — переносил нормально, а тут меня просто мутило.

Мы приехали. И что там получилось... Володарский ведь тоже большой специалист по этому делу, он прилетел из какой-то командировки и решил выпить рюмку коньяка. Выпил — и ему стало плохо. И тогда Володарский решил, что жена подсыпала антабус в коньяк, а тут Новый год... Что делать?.. И я должен был установить: есть антабус или нет.

Вижу, что реакции нет, говорю Володарскому:

— Знаете что, единственный тест — вторая рюмка.

— Я один не буду.

— Ну, наливайте всем четверым.

Все выпили, кроме Высоцкого:

— Мне еще к отцу надо заехать...

Володарский с опаской — но выпил. Все нормально. А потом Высоцкий прокатил нас по праздничной Москве, и мы с Любой еще успели к праздничному столу...»

В январе 1979 года, за одну неделю, Владимир Высоцкий и Эдуард Володарский пишут киноповесть «Венские каникулы». В основе ее сюжета — побег из немецкого плена весной 1945 года четверых военных, их спасение и путь домой... В планах Владимира Семеновича была экранизация повести, а сам он планировал сыграть в будущей картине одну из ролей. На роли других военнопленных он хотел пригласить Даниэля Ольбрыхского, Жерара Депардье и Вахтанга Кикабидзе, так как по сюжету вместе с русским из плена бежали поляк, француз и грузин... Прочитав перевод сценария, звезда французского кино Ж. Депардье даже согласился сниматься без гонорара — так понравилась ему история, написанная друзьями по рассказам участника войны, бывшего летчика, генерала армии Войтенко!

Но сценарий был изначально «непроходным», а ведь еще надо было утрясти дела с киностудией, финансированием, сроками съемок... Это заняло бы слишком много времени, а у Владимира Высоцкого его оставалось слишком мало...

О замысле и процессе написания киноповести «Венские каникулы» Эдуард Яковлевич написал прекрасное эссе «Как мы писали сценарий...», неоднократно публиковавшееся в прессе и сборниках воспоминаний о Владимире Высоцком.

По поводу экранизации сценария драматург много позже вспоминал...

Из интервью Эдуарда Володарского 10 января 2001 года на радио «Маяк» (ведущая Е. Кадушева): «...Сейчас Гусинский у всех на слуху. Был я у этого Гусинского. Я написал с Владимиром Высоцким сценарий, «Венские каникулы». Я пришел к нему просить денег. Вот сидел передо мной фармазон, кото-

рый стучал себя в грудь: «Высоцкий, я же вырос на его песнях, да я же его люблю, да это же замечательный человек, ну что вы! Ну конечно! Сколько стоит картина?» Я говорю: «Миллион долларов». — «Да ну, левые деньги, найдем эти деньги, найдем» Я вышел — у меня просто крылья выросли за спиной. Я звонил четыре месяца подряд — он уехал, он в Англии, он в туалете, он там, он тут. И просто я уже не знал, как быть, и уже последний мой звонок был, когда он мне сказал, что уехал в командировку и вернется через неделю. Я сказал: когда он вернется, передайте ему, что он большое дерьмо. «Ну, зачем вы так, Эдуард Яковлевич!» Я говорю: «Нет, передайте мои слова».

Свой последний Новый год поэт встречал в компании друзей на даче у Эдуарда Володарского. Среди гостей были Василий Аксенов, Всеволод Абдулов, Юрий Трифонов...

Василий Аксенов: «В Новогоднюю ночь 1980 года мы оказались с Володией в одном доме. Он был трезв и веселился грустновато...»

А вот какой запомнилась эта праздничная ночь Юрию Трифонову: «Это был Новый год — этот трагический для него, — мы его встречали вместе. Запомнил эту ночь только потому, что там был Володя, и я видел, как проявилось другое Володино качество — его необыкновенная скромность. Это, может быть, пошло звучит, но, может быть... Образовалась довольно большая компания, какая-то очень пестрая. Это было в одном доме здесь, на Пахре. Пришли Володя с Мариной. Володя принес гитару. И вся эта публика, пестрая какая-то, не знаю, чем она была объединена, за всю ночь даже не попросила его спеть, хотя он пришел с гитарой. А он был очень приветлив со всеми, всем хотел сделать приятное, спрашивал о делах, предлагал площадь...»

О той новогодней ночи писатель Василий Аксенов более подробно рассказал в интервью высокоцковеду Марку Цыбульскому:

— Вы вместе с Высоцким встречали Новый, 1980 год. Пожалуйста, расскажите об этом.

— Собственно говоря, мы встречали Новый год на моей даче очень маленькой компанией, а потом мы договорились, что придем на дачу к Володарскому. Там был и Володя. У Володарского дача была теплая, а у Володи очень холодная, я не знаю, как они могли там жить зимой.

У Володарского собралось много народу. Володя был очень взволнован тогда. Он был совершенно трезв, вообще не пил. Все вокруг сидели жутко мрачные. Мы-то пришли веселые и вдруг увидели человек тридцать, мрачно сидящих пе-

ред телевизором. Помню, Володя сказал: «Я их видеть всех не могу». А первого числа он на машине разбился. Я уже потом сообразил, что он поехал за «иглолочкой»...

Совершенно иные воспоминания о визите к нему гостей в новогоднюю ночь остались у хозяина дачи Эдуарда Володарского: «В Новый год они действительно мне позвонили: «Можно мы к вам придем?» Я понял, что у них нет выпивки, им скучно. И они свалились в разгар Нового года. Ни в какой дом Высоцкого они не ходили, это неправда. Дом еще не был закончен, полы не были настланы, дом закончили только в марте 80-го, а это был Новый год с 79-го на 80-й. Они пришли. Володька метался. Я все не мог понять, что происходит. Высоцкий, Абдулов и Янклович уехали в Москву и там попали в аварию. Рвался за наркотиками, естественно».

Но не только из-за отсутствия «лекарства» было невесело среди праздника Высоцкому...

О том, почему поэт пребывал в грустном настроении в разгар новогоднего веселья, становится ясно из предшествующих этому веселью событий в его жизни...

31 декабря 1979 года, направляясь на дачу к Эдуарду Володарскому для встречи Нового года, Владимир Высоцкий по пути заехал поздравить свою любимую женщину Оксану и преподнес ей подарок — цветной телевизор. Он привез его в ее квартиру...

Оксана об этом: «Володя приехал ко мне с телевизором. Мы поставили его и включили. Володя выглядел очень несчастным. На его рубашке была оторвана пуговица. Я сказала: «Володя, разреши мне хотя бы пришить тебе пуговицу». Потом подала ему пельмени с мясом. Он сидел такой грустный, ел эти пельмени и смотрел телевизор. Сидел так какое-то время, а затем спросил: «А телевизор ты где поставила?» Я ответила: «Володя! Ты ведь все время его смотришь!» Позже он встал. Предложил: «Может, поедешь со мной?» Я покрутила головой: «Нет, Володя, у тебя своя компания, у меня своя». На тот Новый год я подарила ему очень смешную куклу-бабу на чайник. Сама ее сшила». (24)

Кстати говоря, кукла эта имела очень интересную историю. Высоцкий не забрал ее домой, а завез Эдуарду Володарскому, который так вспоминал этот случай: «Володя принес мне эту куклу и сказал: «Эдик, возьми ее, а то Марина начнет выпрашивать меня. Она меня просто убьет!» И кукла осталась у меня. А потом Марина ее забрала и увезла в Париж, и сейчас она у нее».

В одном из интервью Эдуарду Яковлевичу был задан вопрос, знала ли Марина Влади об Оксане. Он ответил: «Она предчувствовала что-то недоброе. Интуиция у нее была страшная. Мою жену она не оставляла в покое и держала, буквально, как под судебной присягой. Но узнала обо всем только после смерти Володи. (По утверждению В. Туманова, Влади узнала о любовнице мужа именно от Фариды, жены Володарского. Старатель прилюдно назвал разболтавшего тайну Высоцкого Марине сволочью. — А. П.) И тогда она впала в состояние страшного гнева. Бушевала так, что я даже не мог себе представить: она была готова поехать на кладбище и выкопать гроб... Марина вообще была по отношению к нему жутко ревнивой. Хотя сама часто влюблялась. После Володиной смерти сидели мы как-то на даче, порядочно выпившие, и неожиданно Марина говорит: «Он женился на мне, чтобы ездить за границу». На что я ответил: «Марина, перестань, неужели кроме тебя не было ему на ком жениться, чтобы ездить за границу? Если бы он развелся с тобой, то женился бы на другой». И тогда Марина с невероятной экспрессией ответила: «Что?! Думаешь, если бы он со мной развелся, то вообще мог бы ездить куда-нибудь? Ни за что на свете!!!» Так и сказала. А было это уже после его смерти. В последние годы жизни Володи отношения с Мариной складывались у него тяжело. Он просто ее боялся и хотел от нее уйти».

Автор не был бы объективным, не упомянув о том, что рассказ Эдуарда Яковлевича, может быть, чересчур эмоциональный, но и довольно справедливый. Через несколько лет после смерти Владимира Высоцкого произошел спор между Володарским и Влади. Касался он дачи поэта, построенной на участке, принадлежащем сценаристу. Нельзя исключить, что конфликт с вдовой Высоцкого способствовал тому, что Володарский охарактеризовал ее именно таким образом. Тем более что большого желания Владимира Семеновича развестись с Мариной Влади не подтверждает и Оксана: «Знаю, что Марина — человек, который был очень нужен Володе. Он ее очень любил. Были мужем и женой. Создали семью. Для некоторых это была странная семья, для них — нормальная. У них были свои проблемы, радости, обиды».

И все-таки. . . Недавно Эдуард Володарский рассказал: «Когда-то во время разговора Володя открылся мне: «Если что-то со мной случится, и я умру, то больше всего мне жалко Ксюшу (Оксану — А. П.) — я ведь для нее и отец, и любовник, и опекун» Он напрасно боялся за нее. Сейчас это богатая дама и живет в достатке»

Действительно, Оксана Ярмольник живет сегодня небедно. У нее престижная профессия, дочь, муж — актер и шоумен, у нее изысканные наряды, шикарное жилье, «Мерседес» с кожаными сидениями и охранник, который не отступает от нее ни на шаг...

Когда она познакомилась с Владимиром Высоцким (в 1978 году), была скромной и бедной выпускницей школы. Став студенткой, благодаря Высоцкому она смогла поменять совместную с подругами тесную комнатку в общежитии на собственную квартиру.

Поэт трактовал их союз очень серьезно. Он был намерен венчаться с Оксаной в церкви. Правда, она отговаривала: «Володя, нас никогда не повенчают. Ты ведь женат». Но Высоцкий настаивал. За несколько дней до смерти поэта они даже купили обручальные кольца...

Сейчас кроме Оксаны Ярмольник и нескольких друзей Владимира Высоцкого немногие вспоминают о последней большой любви поэта. Правда, сохранились фотографии. На одном из последних снимков Высоцкий лежит на диване, а рядом на стуле сидит Оксана... Известно, что это фото существует. Его автор — Валерий Нисанов, замечательный фотохудожник. В 1969 году с Владимиром Высоцким его познакомил Эдуард Володарский. С 1975 года Валерий был соседом поэта по подъезду в доме на Малой Грузинской улице. В лихие 90-е Нисанов уехал на ПМЖ в США, где недавно скончался. Произошло это 17 декабря 2008 года в Нью-Йорке...

При жизни фотохудожник не спешил с публикацией этого снимка Владимира Высоцкого. Может, набивал цену? Хотя и так понятно, что сегодня этот снимок — бесценен.

...Наступивший 1980 год оказался роковым для поэта... А страна и Москва жили в ожидании всемирного спортивного праздника — XXII летних Олимпийских игр.

Журналист Виталий Титаренко пишет: «Высоцкий имел вполне определенное мнение в отношении «праздника» — тотальной показухи, устроенной в Москве на государственном уровне, и высказал его своему другу, сценаристу и соавтору Эдуарду Володарскому при последней, как потом оказалось, встрече. По словам Володарского, это произошло так: «Мы ехали с ним в машине. Уже шла подготовка к Олимпиаде. Мы остановились на перекрестке. Володя долго смотрел на олимпийские плакаты, потом сплюнул и сказал: «Ух, как я это ненавижу! Как бы им обосрать эту Олимпиаду?!»

Насчет «обосрать» у Владимира Высоцкого очень даже замечательно получилось! Приложил все усилия и старания,

что называется. Его смерть и похороны, случившиеся в самый разгар Олимпийских игр, затмили не только спортивный праздник, но и стали «главным его событием и рекордом»..

Кстати, Эдуард Володарский имеет свою версию последних часов жизни и ухода из нее Владимира Высоцкого. Ее он опубликовал в 12-м номере журнала «Новый мир» за 1999 год. Смысл статьи сценариста — таков: якобы при КГБ были созданы «лечебные» пункты для наркоманов. Во время ломки пациент бежит туда и рассказывает о своих связях, о распространителях наркотиков. Высоцкого ломало и он хотел, было, обратиться в такой, находящийся под патронажем гэбэшников, пункт... Но его держали друзья, те самые распространители. В квартире был шум. Это слышали соседи. Владимира Высоцкого связали, и он в муках отдал Богу душу...

Кто же были эти душегубы — избиватели и связыватели поэта? А как раз те, кто ошивался в его квартире в последние дни и часы его жизни: поставщик «лекарства» Валерий Янклович, врач Анатолий Федотов, актер Всеволод Абдулов, бывший сиделец и золотопромышленник Туманов... Нельзя утверждать, что Владимира Высоцкого избивали и связывали ИМЕННО они, но свидетельств их пребывания и «деятельности» в 30-й квартире дома № 28 по Малой Грузинской улице в Москве 24 и 25 июля 1980 года наберется не на одно уголовное дело!

Летом 2005 года по телеканалу «Россия» был показан уникальный документальный фильм «Владимир Высоцкий. Смерть поэта». Для одних он стал шоком, для других — откровением. Автор картины Виталий Манский предложил на суд зрителей свою версию гибели поэта... А телеканал приурочил показ фильма к 25-й годовщине со дня ухода Владимира Семеновича из жизни...

Через несколько дней после премьеры картины «Родная газета» вышла с сенсационной «шапкой» на первой полосе: «Они убили Высоцкого!» с подзаголовком «Друзья или наркотики? Известный сценарист Эдуард Володарский раскрывает сенсационные подробности смерти великого певца».

Раскроем материал, которым Эдуард Яковлевич откликнулся на показанный по телеканалу «Россия» документальный фильм: «Нужна ли нам правда о кумирах? Наверное, нужна, но эту правду, на мой взгляд, должны говорить немножко другие люди. Когда Василий Аксенов в картине начинает откровенно врать, меня начинает тошнить. Складывается ощущение, что он был самый близкий Володе и только с ним тот мог откровенничать. Да кто он ему был? Володя ко мне как-то пришел и сказал: «У тебя повесть. Давай ее с моими стихами отдадим

Аксенову в его журнал «Метрополь». Я ответил: «Володя, не вжись с ним, он провоцирует. Ему надо уехать со скандалом. Все получают по шее, а он уедет со скандалом». И получилось так, как я говорил. Аксенов стал изгнанником, невольником совести. И этот человек сидит, что-то рассказывает про Володю...

Уже после Володиной смерти Белла Ахмадулина как-то приезжала ко мне и вдруг сказала: «Точно так же умер Стасик Нейгауз. Он был в запое, и врачом у него был этот Толик Федотов. Он ему сделал какой-то укол, и Стасик умер во сне». Я даже вздрогнул. А Стасик — сын известнейшего пианиста Нейгауза. Он был запойный. Вот он умер точно так же. Федотов сделал и Володе укол какой-то. Я его спрашивал: «Что ты ему вколол?» Он начал называть какие-то препараты. Но Володя умер во сне, у него просто встало сердце.

Он ведь тогда рвался убежать из дома. Они его поймали между вторым и третьим этажом, догнали, там драка была. Они его избили, затащили обратно. Мне многие люди говорили, что в Москве в это время открыли пункты скорой наркологической помощи. Несколько десятков пунктов по Москве. Туда наркоман являлся в полном отчаянии, если он нигде не мог достать наркотики. И ему там говорили: «Сейчас поможем, сейчас все сделаем, сейчас все вколем, только скажи, где раньше брал». И Володя бы их заложил за милую душу. Потому что муки, которые, наверное, человек при этом испытывает, такие, что никакое похмелье с этим не сравнится. Они боялись, что их посадят. Вот чего они боялись!

Причем буквально после смерти Володи, через два-три месяца, была арестована почти вся верхушка скорой помощи. Там был Игорек Годяев, который покончил с собой в это время. Он вертелся около Володи и таскал ему из скорой наркотики. Там пересажали кучу народа. Если хотите правду, так и говорите тогда правду. Что ж вы вокруг да около? Это сейчас Янклович стал говорить, что он наркотики доставал, а тогда он вообще отрекался. Это сейчас за давностью лет ему ничего не будет, вот он и заговорил. А как Володя перед ним на коленях стоял: «Дай, дай, дай!», а тот говорил: «Вот отыграешь концерт, получишь». Это почему-то он не рассказывает.

По поводу того, что наследники против фильма. Я думаю, что там больше Марина возмутилась, когда увидела Ксению. Она могла видеть картину, она часто прилетает сюда. Здесь же наследственные деньги. Ведь Володю сейчас издают очень много — и диски, и пластинки, и кассеты, и книжки. Даже в «сотовый» магазин на Тверской заходишь, все время новые его книжки появляются. Она вполне могла приехать

и посмотреть картину, но, даже если не смотрела, ей мог подробно рассказать о ней Никита Высоцкий. Никита сейчас отлакировывает образ отца. Я не знаю, для чего это все делается, но закон есть закон. Раз такой закон существует, значит, у него такое право есть. Хотя... Была история, когда родственники Чапаева пришли к Сталину. Они стали говорить: «Дорогой Иосиф Виссарионович, этот фильм «Чапаев» — это все неправда, Чапаев был не такой. Мы как родственники...» Он на них посмотрел и сказал: «Кино снимается не для родственников». С тем они и ушли. Но тогда законов об авторских правах наследников не было. А сейчас есть, и наследник по авторским правам имеет право что-то запретить, а что-то разрешить. С одной стороны, он нужный, а с другой — убогий, он позволяет и так поступать, как они сейчас.

По мне ничего нового в этом фильме про Володю нет. Что Марина Влади клала его в наркологические клиники? Там тоже вранье. Она клала его только один раз, и он оттуда ушел. А больше им занимался Леня Сульповар, врач скорой помощи. Мы тогда часто к нему в скорую заезжали с Володей похмелиться рано утром. Он нам спиртику наливал и давал закусить ночной картошкой и остывшими сосисками. Очень хороший, кстати, человек, который много раз нянчился с Володей. Марина все время тащила его на переливание крови, когда он запивал. И Леня ей говорил: «Марина, нельзя так часто это делать, это очень сильный удар по сердцу». А она делала ему такую быструю перегонку крови. «Мы надрываем человеку сердце», — говорил ей Леня. «Ничего, он должен завтра быть на спектакле». Она железная, солдат, а не баба. Конечно, если бы они его тогда забрали в Склиф, они бы его, может, и откачали. Но они не решились его брать, потому что он, видимо, был очень плохой».

Такой видится версия событий в доме поэта, предшествовавших его гибели, Эдуарду Володарскому. Это же — его ответ режиссеру-документалисту Виталию Манскому на фильм «Владимир Высоцкий. Судьба поэта».

Накануне 70-летия драматурга журналисты задали вопрос Эдуарду Яковлевичу, который касается нового фильма о последнем годе жизни поэта «Высоцкий. Живой и только».

— Сейчас снимается фильм о Владимире Высоцком. Вы были близкими друзьями. К вам обращались за советом?

— Я написал сценарий, но сыну Высоцкого Никите он не понравился. Сказал, что напишет сам. С тех пор я ничего об этом не знаю. Слышал, что на роль Высоцкого взяли Безрукова, для меня это не плюс... Высоцкий в моей жизни зна-

чит очень много. Я именно для него сочинял главную роль в «Проверке на дорогах», но Алексей Герман испугался: он такой непредсказуемый, а я режиссер начинающий, он может меня погубить... И Емельяна Пугачева я писал для Володи, а Екатерину II — для Марины Влади. Председатель Госкино Филипп Ермаш их принимал и обещал запустить фильм в производство, но потом он же и запретил. Подло поступил. В итоге главных героев сыграли благонадежные Евгений Матвеев и Вия Артмане. Хотя пробы Володи и Марины были замечательные...

Эдуард Яковлевич вспоминает интересную историю, произошедшую с его другом Владимиром Высоцким: «Он снимался у Говорухина, в Ялте. В гостинице его обокрали — украли чемодан. Я его встречал в Москве, в аэропорту. Он приехал — на нем лица не было... В чемодане были документы: загранпаспорт, права масса каких-то всяких нужных бумаг... Он очень переживал. Через две недели чемодан пришел. Со всеми вещами. Документы были отдельно сложены в целлофановом пакете, и лежала сверху записка: «Володя, извините, обмишурились». Была приписка: «Одни джинсы взяли — на память».

Вот тут он раздулся от гордости просто. Мне совал записку и говорил: «Видел! Вот видишь! Меня действительно знают».

Этот случай, как и множество других подобных историй из жизни поэта, вошел в пьесу Володарского «Мне есть, что спеть...», опубликованную в журнале «Современная драматургия» осенью 1987 года.

Публикация этого драматургического произведения, снабженного предисловием Евгения Евтушенко («Пьеса писалась легко, на одном дыхании!..», — писал в нем поэт), вызвала большой резонанс в культурной жизни страны, и в основном — негативный. Особенно были недовольны публикацией пьесы родные Владимира Высоцкого. Больше всех негодовал отец поэта, Семен Владимирович. В газете «Советская культура» он опубликовал гневное и полное недовольства открытое письмо, обращенное к автору пьесы Эдуарду Володарскому. По мнению родственников и отца поэта, произведение «искажает действительность, оскорбляет близких Высоцкому людей и память о самом поэте, певце и актере»...

В одном из интервью 1989 года С. В. Высоцкий куда более откровенно, чем в открытом письме, высказал свое мнение о пьесе и ее авторе: «...Вышел журнал «Современная драматургия» — там пьеса Володарского. Я ее раньше читал — ужасная пьеса! Он там хамит и мне, и Нине Максимовне. И я ему ска-

зал: «Ты — подонок!» — «Семен Владимирович, я же не знал, это мне так рассказали... Извините!» Он мне тогда сказал, что все переделает... А теперь люди говорят, что он все оставил как было. Если это так, то я этого подонка ославлю в прессе. Он когда-то пытался протянуть эту пьесу в театре — я протестовал категорически! Я тогда ему сказал: «Мой милый, если ты постоянно в запоях, то, хотя бы когда трезвый, пиши умные вещи». А то он там пишет, якобы Нине Максимовне приносят сапоги, и они ей не подходят... И я как будто говорю: «Давай мне, моей Дуньке (Евгении Степановне Высоцкой. — А. П.) все сойдет». Ну не идиот ли?!

И вот он мне говорит вчера: «Семен Владимирович, я вам честно говорю, что я все исправил...» А я ему: «Ну смотри, а то я тебе покажу. И не посмотрю на весь твой авторитет». И еще я ему сказал, что горжусь тем, что честность, внутренняя культура — все это у Володи от меня. И Володя сам говорил: «Это — от папы!»

В 1988 году, к 50-летию Владимира Высоцкого, по телевидению была показана авторская программа Эльдара Рязанова «Четыре вечера с Владимиром Высоцким», посвященная этому юбилею. В одной из серий ее с воспоминаниями о поэте и друге выступил Эдуард Володарский, рассказав зрителям много интересных случаев и историй из жизни Владимира Семеновича.

А 25 июля 2001 года, в 21-ю годовщину со дня смерти поэта, в московском Центре-музее Владимира Высоцкого состоялся вечер его памяти. В музее собрались известные барды — Александр Городницкий, Вадим и Валерий Мишуки, Галина Хомчик по прозвищу Креветка, Константин Тарасов. Открыл вечер Эдуард Володарский, выступив с проникновенными словами о своем друге... В рамках мероприятия собравшимся был показан документальный фильм «Москва — Бузулук — Москва», рассказывающий о детских годах Владимира Высоцкого, проведенных им с мамой, Ниной Максимовной, в эвакуации в городе Бузулук Оренбургской области, на Урале...

Закончить главу о замечательном человеке, талантливом драматурге и сценаристе «Едике» Володарском и его дружбе и взаимоотношениях с Владимиром Высоцким хочется словами самого Эдуарда Яковлевича, написанными им о поэте. Словами искренними, добрыми и горько-откровенными: «В 1980 году Володя умер. Смерть всегда приходит не вовремя, но с Высоцким она поступила слишком предательски! Больше всего я жалею, что он не дожил до нынешнего времени, когда многое, о чем он мечтал, стало воплощаться в жизнь! Сколько появилось бы новых песен и стихов!

Он был способен на большее. И при этом не говорил о себе. Он любил восхищаться друзьями, хвалить их, часто преувеличивая их достоинства. Он умел любить... Он тянул друзей на свою высоту. А кто еще, кроме него, способен это сделать с той же яростью, с тем же талантом и искренностью?..»

Р. С. Эдуард Володарский вспоминал: «Я ехал в поезде «Москва — Ленинград», и в купе попутчиками оказались трое военных летчиков: подполковник и два капитана. Дорога ночная, долгая. Поговорили о том, о сем. Потом один капитан достал портативный магнитофон и включил записи с песнями Высоцкого. И когда зазвучала песня «Як-истребитель», которую они слушали затаив дыхание, подполковник сказал со знанием:

— Такое только летчик мог написать. Этот Высоцкий, наверное, летуном был. Чтобы так написать, надо машину чувствовать.

Я улыбнулся:

— Да что вы, ребята! Как он мог воевать, когда он 38-го года рождения. И летчиком никогда не был. Он московский парень, артист с Таганки...»

ЮРИЙ ВИЗБОР

Это был человек, обладавший многими талантами: поэт, писатель, музыкант, исполнитель, актер, теле- и радиожурналист, путешественник, горнолыжник, художник, драматург, сценарист, педагог...

О себе он как-то написал: «Я рыбачил, стоял с перфоратором смену, менял штучера на нефтедобыче, подучивался на навигаторскому делу, водил самолет, участвовал во взрывных работах, снимал на зимовках показания приборов, был киноактером, фотографии выставлял в Доме журналистов, прыгал с парашютом, стоял на границе в наряде, служил радистом и заработал 1-й класс, ремонтировал моторы, водил яхту, выступал с концертами, чинил радиоаппаратуру, тренировал горнолыжников, был учителем в школе, работал на лесоповале, водил в горах и на Севере альпинистские и туристские группы, строил дома, занимался подводным плаванием. Вот, пожалуй, и все. Нет, не все. Я еще журналист. Все это я делал во имя своей основной и единственной профессии. Во имя и для нее. И еще я сочинял рассказы, пьесы, стихи». В этой ранней записи не упомянута кинодокументалистика, которая тоже была для него органическим продолжением журналистики с начала 70-х годов прошлого века.

Имя этой уникальной и разносторонней личности — Юрий Иосифович Визбор (1934 — 1984). Прозвища — Телевизбор и Визборман.

В 1955 году Юрий Визбор окончил Московский Педагогический институт имени В. И. Ленина. Тогда его называли не Московским педагогическим, а Московским поющим — ВУЗ стал кузницей исполнителей бардовской песни. Из его стен вышли в жизнь и творчество, помимо Юрия, Ада Якушева, Юлий Ким и другие авторы-исполнители, ставшие, по сути, родоначальниками зарождавшегося в те годы бардовского движения.

Парадоксально, но в памяти большинства россиян Визбор остался не как автор-исполнитель, а как Борман, роль ко-

того он блестяще сыграл в военном сериале «Семнадцать мгновений весны», снятом в 1972 году режиссером Татьяной Лиозновой по повести Юлиана Семенова (Ляндреса)

Конечно же, самой Судьбой было predeterminedо знакомство двух поющих поэтов — Юрия Визбора и Владимира Высоцкого. Близкой дружбы между ними не было, но каждый с глубоким уважением относился к творчеству друг друга и по возможности следил за ним.

Согласно известным источникам, на концертной площадке Визбор и Высоцкий пересекались трижды. Первое пересечение случилось в 1963 году в подмосковной Дубне. Молодые музыканты, поэты и художники отправились в гости к физикам. «Летом 1963 года поэт Петр Вегин вместе с журналистом из «Недели» В. Шацковым по просьбе молодых ученых Дубны занимался организацией интересного дела: было намечено устроить выставку картин современной живописи и чтение стихов на их фоне.

«Кого только не было! — говорил П. Вегин. — Кроме Володи Высоцкого и Игоря Кохановского были Ким и Визбор. Из молодых поэтов были почти все, только Евтушенко и Вознесенского, задравших нос до высоты Кремлевских звезд, мы не пригласили...

Высоцкий выступал первым, он «завел» зал, покорило его. Все остальные тоже выступили хорошо, нас не отпускали три часа».

Второй раз творческая судьба свела Владимира и Юрия в Белоруссии. «В 1965 году проводился Первый всесоюзный слет участников похода по местам революционной, боевой и трудовой славы. Проходил этот слет в Бресте, а вне программы был большой концерт. В нем приняли участие Окуджава, Городницкий, Визбор, Высоцкий и другие. Причем тогда в это дело еще не успели добавить марксизма-ленинизма, это были просто песни у костра», — вспоминал позднее минский журналист В. Левин, ныне проживающий в Нью-Йорке. Его воспоминания цитирует в своем исследовании Марк Цыбульский.

Третий раз Владимир Высоцкий и Юрий Визбор выступили поочередно на концерте, состоявшемся в Доме культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 19 января 1966 года. Помимо названных участников, в вечер приняли участие и другие барды и исполнители — Михаил Анчаров, Анатолий Васильев, Борис Вахнюк, Борис Хмельницкий, Анатолий Загот...

Других фактов, говорящих в пользу совместных выступлений двух поющих поэтов, пока не обнаружено.

Но вот, например, еще одна точка пересечения Визбора и Высоцкого в середине 60-х годов. Совсем не музыкально-поэтическая или исполнительская.

В июне 1965 года на страницах журнала «Кругозор» выходит первая гибкая пластинка репортажа со спектакля Театра на Таганке «10 дней, которые потрясли мир».

В популярном когда-то звуковом журнале «Кругозор» при жизни Высоцкого его голос звучал на двух гибких пластинках: сперва — в 1965 году, в № 6, когда группа таганских актеров, среди которых был и Высоцкий, записала отрывки из спектакля «10 дней, которые потрясли мир», потом — в № 4 за 1976 год.

Напомню, что основателем и в те годы главным редактором журнала «Кругозор» был никто иной, как Юрий Иосифович Визбор.

К сожалению, Высоцкому и Визбору не довелось поработать вместе на съемочной площадке. А возможность сняться в одной картине была...

Антон Климов, сын кинорежиссеров Элема Климова и Ларисы Шепитько, вспоминал: «В 1971 году мама сняла «Ты и я». Этот фильм дался ей нелегко. Кроме Юрия Визбора она хотела снимать Высоцкого и Ахмадулину — родители очень дружили и с Володей, и с Беллой (когда их кандидатуры не утвердили, она пригласила в картину Леонида Дьячкова и Аллу Демидову)».

А вот о чем вспомнил Юрий Визбор на одном из концертных выступлений: «Фильм «Ты и я» поставлен по сценарию Гены Шпаликова, к сожалению, ныне покойного, режиссером Ларисой Шепитько, на мой взгляд, одним из лучших советских режиссеров, на киностудии «Мосфильм». Этот фильм рассказывает о двух врачах, которые в свое время ушли от проблемы, которые они в свое время нащупали, и которые потом всю жизнь за это расплачивались. В этом фильме снималась Алла Демидова, Дьячков и я...

Это была достаточно серьезная работа для нас... Еще картина не началась, уже начались драмы, потому что Лариса задумала снять в трех главных ролях Володю Высоцкого, Беллу Ахмадулину и меня. И вот все эти перипетии, так сказать, со снятием Высоцкого и Ахмадулиной с картины, которые длились почти полгода, это было такой своеобразной драматической преамбулой к самому началу работы над картиной. Картина эта, конечно, была задумана классно... по художест-

венным, так сказать, меркам, классно. Она исполнена была не очень».

Позднее, незадолго до своего ухода, в статье «Когда все были вместе...» Юрий Визбор вновь припомнил о несостоявшейся совместной работе в кино с Владимиром Высоцким: «На одну и ту же роль в картине пробовались Юрий Соломин, Георгий Тараторкин, Леонид Дьячков, Владимир Высоцкий, чьи успехи к тому времени в кинематографе были достаточно скромны, роль, предложенная Ларисой, явно позволяла выйти за рамки его привычной характерности... Кинопроба наша с Высоцким прошла удачно, мы были вдохновлены возможностью совместной работы. Однако слишком много раз — и не только по кинематографическим причинам — утомительный и нервный путь переговоров, фотопроб, кинопроб приводил Володю к неудачам. Увы, так случилось и в картине «Ты и я»...»

Фильм Ларисы Шепитько вышел на экраны страны в 1972 году и завоевал несколько призов на кинофестивалях, в том числе — международных. Отправленная на фестиваль в Венецию, картина получила награду «Золотой лев».

К сожалению, попытка женщины-режиссера свести на съемочной площадке двух бардов закончилась неудачей. А хорошая совместная работа двух поэтов, музыкантов и актеров могла бы состояться в 1971 году в кино!

Человеческое же, близкое знакомство Юрия Визбора с Владимиром Высоцким произошло несколькими годами ранее — в середине 60-х годов (хотя, напомним, эпизодически они встречались с начала 60-х).

Вспоминает кинорежиссер Александр Рабинович (Митта): «Было у меня знакомство и с Юрой Визбором, совершенно отдельно. Мы встретились на съемках фильма «Июльский дождь» и подружились. Он там влюбился в героиню фильма Женю Уралову, и их роман тоже протекал в нашем доме. Визбор пел у нас, я бы сказал, чаще, чем Высоцкий. Но однажды они совершенно случайно совпали на каком-то празднике или очередной субботе. Помню, была Галя Волчек, кто-то еще... Поели, Визбор привычно потянулся к гитаре, спел пару песен. Затем гитару взял Володя, и после его пения произошла совсем другая реакция: все стали просить спеть еще. А Визбора особенно не упрашивали. И после этого Юра больше никогда не пел у нас. Это Лиля заметила. Он приходил с Женей выпить, закусить, поболтать — но ни разу не принес гитару. Вторым быть не хотел, а первое место уступил очень четко».

Об этой же встрече двух бардов в квартире Рабиновича на улице Удальцова ее хозяин вспоминает и в другом интер-

вью, но несколько иначе: «Народ у нас в те времена толпился все время, комната постоянно была буквально битком набита гостями. Жена после работы бежала на рынок, покупала там баранью ногу, нашпиговывала ее чесноком и засовывала в духовку. Это было наше фирменное блюдо, под которое все и собирались. Прежде всего это были мои друзья из театра «Современник». У них тогда еще своего помещения не существовало, и они выступали в гостинице «Советская», недалеко от которой мы жили. Вот после спектакля все, как правило, и заворачивали к нам. Визбор часто проводил у нас время. Я с ним познакомился на картине Хуциева «Июльский дождь», где мы вместе снимались. Сперва Юра был центром всеобщего внимания, а потом в нашей компании появился Высоцкий... И хотя не было на нем никакого отпечатка гениальности — простой и ясный человек, но каким-то непостижимым образом и как-то совершенно естественно он всегда в любом обществе оказывался главной фигурой. Но Юра по определению не мог быть на втором плане, и в результате он просто перестал у нас бывать».

Другой вариант воспоминаний Александра Митты: «А потом появился Владимир Высоцкий, и Юрий Визбор исчез. Потому что два солнца в небе не светят. Если он не в центре внимания, то значит, и незачем ему здесь быть, у него ведь есть масса компаний, которые готовы принять его и восхищаться им одним.

Высоцкий приезжал к нам после спектаклей, тоже всегда с гитарой. Как только наступала пауза, он брал гитару и пел, что хотел, — строго определенный репертуар. Мы думали, он это делал, чтобы нас порадовать, а оказалось, мы были у него просто подопытные люди. Потом я понял, что он не просто пел, а как бы обрабатывал песню на маленькой аудитории (в том числе на Галине Волчек, Олеге Ефремове, Олеге Табакове). И как только Высоцкий ее отшлифовывал, она исчезала из его репертуара для узкого кухонного круга и появлялась следующая, поскольку писал он непрерывно. Если послушать записи одних и тех же песен, сделанные в разное время и в разных местах, можно обратить внимание, что Высоцкий исполняет их очень четко. Он абсолютно свободен, он этим живет и дышит, но все же это форма».

Известно, что фильм Марлена Мартыновича Хуциева «Июльский дождь» вышел на экраны страны в 1967 году, стало быть, Митта-Рабинович вспомнил о встречах Визбора с Высоцким, произошедших в том же 1967-м или 68-м году.

На эти же годы приходятся и воспоминания клоуна Юрия Никулина. Он познакомился с Владимиром Высоцким по-

сле выхода на экраны фильма «Вертикаль» именно в гостях у Александра Наумовича Митты. Далее — рассказ самого Юрия Владимировича: «Мы с Володей подружились, встречались в основном у Митты. А однажды Митта записывал нас вместе: Высоцкого, Визбора и меня. Митта говорил: «Сегодня вечер бардов!» Я иногда в компаниях пел песни, но при Высоцком я не пел его песен. А вот при Булате пел».

Ай да циркач! Крайне важная, уникальная, просто потрясающая информация получена от него! Интересно теперь, сохранилась ли эта пленка, записанная в гостях у Митты, о которой говорил клоун?

На конец 60-х годов приходится и воспоминания друга и коллеги Владимира Высоцкого по Театру на Таганке Бориса Хмельницкого: «Однажды Никита Михалков, сам Никита Сергеевич Михалков, привел в компанию Хулио. Отец его был 1-й секретарь Чилийской компартии. Этот Хулио сел на пол и стал петь всякие песни. Бородатый такой, энергичный мужик. Девушки были. Ну и Володя подзавелся. Красивые женщины! Когда Володя видел красивых женщин, он всегда подзаговаривался. Да и мы — тоже. А гитары семиструнной — не было.

Тогда мы пошли к Юрию Визбору, который жил в этом же доме на восьмом этаже. Заходим к нему: «Юра, дай одну из своих гитар! Там Хулио приехал, дай Володе, чтоб попел тоже». — «Не, ребята! Вы что? Чужие инструменты — не отдают!» Я говорю: «Ну, под нашу ответственность — Володя, я! У тебя же не одна гитара?» — «Ну ладно, смотрите! Я потом загляну».

Взяли ее, гитару Визбора. Хулио поет и Володя, Хулио и Володя. Тот, значит, стал стучать по своей гитаре. Хорошо играл! Володя подзавелся, стал тоже петь и стучать, и вдруг... На наших глазах вот эта гитара Юрия Визбора — Володька ударил по ней, и что-то взорвалось. Бум! Струны, дека — врассыпную! И — пауза... Мы это — в совочек, в сумочку. И заносим Юрию Визбору: «Юра, прости!...» Такого количества отборного мата, нецензурных слов и выражений, я не слышал от Визбора ни до, ни после этого случая!

Что делать? Приходим на следующий день: «Юра, мы тебе восстановим гитару!» И мы с Володей поехали на Неглинную улицу. Там тогда магазин был музыкальный. А купить гитару нельзя было, только — по большому благу. Чтобы приобрести гитару, если они были в продаже, надо было еще и очередь отстоять! Мы зашли в магазин, представились, ребята нас узнали. Я говорю: «Ребята, дайте нам гитару!» И они дали нам две гитары. Одну мы отдали Визбору, а вторая осталась у нас, за 9.60».

Первое пересечение в кинематографе Юрия Визбора и Владимира Высоцкого состоялось в 1966 году, а вовсе не в 71-м в картине Ларисы Шепитько «Ты и я». Но оно было не актерским, а тоже — поэтическим и песенным.

Вспоминает кинорежиссер Борис Дуров: «Фильм надо было сдать, кровь из носа, в декабре, а стоял уже конец мая. Мы решили разделиться. Говорухин поехал на Кавказ выбирать натуру, а я в Москву — искать актеров и автора песен. Высоцкого я тогда не знал, и первым, к кому обратился написать песни для нашей со Стасом дипломной работы — фильму с геометрическим названием «Вертикаль», был Юрий Визбор. Визбору сценарий не понравился — он прочитал его и отказался писать песни. «Это дело провальное. Советую и тебе с товарищем линять с этого проекта», — сказал Юра. Я огорчился, но работать продолжал.

После того, как Визбор отказал мне, я пошел на «Мосфильм» копаться в актерской картотеке. Добрался до ящика «Театр на Таганке» — до буквы «В». «Высоцкий Владимир Семенович». Всматриваюсь в фото. Спрашиваю у хозяйки картотеки: «Не то ли Высоцкий, что пишет песни?»

«Милая» женщина по имени Ольга Владимировна вдруг как-то всполошилась: «Тот, тот! Но не думайте его брать! Он нам съемку сорвал! Алкоголик!»

— Что, любитель? — щелкнул я себя пальцем по шее.

— Любитель? — ответила она. — Профессионал!

Через несколько дней договорились с актерами о пробах, я вернулся в Одессу и рассказал Говорухину о насторожившем меня разговоре на «Мосфильме». Слава тогда тоже не был особо знаком с Володей. Решили его вызвать, поговорить.

И вот Высоцкий в Одессе. Сидим на лавочке во внутреннем дворике. В руках у Володи — гитара. Одну за другой он поет свои песни. Рельефно выступают вены на шее. Совершенно неожиданно, ПОЛНОСТЬЮ, он отдается каждой песне. Мы переглядываемся с Говорухиным и понимаем в этот момент друг друга без слов: «Он! Он! Только он будет писать песни для нашего фильма!»

— А как же насчет «этого»? — рассказал я Володе о разговоре на «Мосфильме».

Он как-то по-детски застенялся, что ли, и печально сказал: «Это — бывает... Правда. Но на вашей картине не будет. Даю слово! Мне очень нужен фильм с моими песнями!..»

Свое слово он сдержал.

Володя Высоцкий написал к картине свои песни и я лишний раз убедился: что Господь ни делает, все к лучшему! От-

казался Визбор — открыли Высоцкого! Да еще и как хороше-го актера.

Я из зловредности пригласил Визбора к нам на премьеру в Дом кино. Фильм ему понравился. Поле просмотра он подошел ко мне, пожал руку: «Фильм понравился. А песни — просто отличные. Жаль, что не я писал для него их!..»

Примерно в то же время — в 1968 году — Юрий Визбор снимается в фильме «Мой папа — капитан». Роль, исполненная им, была эпизодической: Человек с гитарой. Правда, в кадре Визбор спел одну из своих песен. Картина вышла на экраны в 1969 году и прошла незамеченной. Мало кто знает, что на роль героя, которого сыграл Юрий, пробовался Владимир Высоцкий. Но, как это часто случалось, утвержден на нее не был. Как и Визбор, Высоцкий должен был тоже петь в фильме — одну из своих песен. Но ни одна из предложенных им не понравилась режиссеру картины В. Бычкову.

К счастью, сохранилась приличного качества кинопроба к фильму с участием Высоцкого: на пароходе он под гитару исполняет песню «Сколько чудес за туманами кроется...» Кинопробу обнаружили в 2003 году, и совсем недавно она представлена на вышедшем DVD «Где вы, волки?»

Вообще, конец 60-х годов для Владимира Высоцкого — трудное время, может быть даже — самое трудное в жизни: травля в прессе, неутверждения на кинороли, проблемы семейно-бытового плана и со здоровьем, конфликты в театре...

9 июня 1968 года газета «Советская Россия» публикует нелицеприятную статью о песенном творчестве Высоцкого под хлестким заголовком «О чем поет Высоцкий?» В ней некто Г. Мушта и А. Бондарюк в пух и прах раскритиковали песни поэта, утверждая, что «под видом искусства слушателям преподносятся обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных». Но как оказалось на деле, с самим-то песенным творчеством Владимира Высоцкого товарищи авторы пасквиля знакомы были мало и понаслышке! Иначе — не приписали бы ему цитаты из чужих песен, автором одной из которых был Юрий Визбор (песня носит название «Монолог технолога Петухова»).

А ровно через неделю, 16 июня, по все тому же песенному творчеству Владимира Высоцкого «шарахнула» другая центральная газета — «Комсомольская правда». Орган ЦК ВЛКСМ публикует статейку Р. Лынева с претенциозным названием «Что за песней?» В ней в вину автору-исполнителю ставилось раннее творчество, песни из так называемого «блатного» цикла

30 августа 1968 года некто С. Владимиров в газете «Тюменская правда» публикует статью в стиле Мушты-Бондарюка «Да, с чужого голоса!», в которой, как и названные критики, приписывает Владимиру Высоцкому авторство песни Ю. Визбора «Монолог технолога Петухова».

Следом эстафету травли поддержала и другая региональная пресса, в ее числе — печатный орган Краснодарского крайкома ВЛКСМ газета «Комсомолец Кубани» — в лице главного режиссера Краснодарской филармонии Виктора Малова.

Высоцкий прекрасно знал и понимал, что такого рода публикации бесследно не проходят. И поэтому дело без ответа решил не оставлять. И стал обдумывать письмо в свою защиту. В те же газеты писать было бесполезно — ответа не дождешься. Надо брать выше. А посему 24 июня 1968 года Владимир Высоцкий пишет письмо на имя руководителя Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС Владимира Ильича Степачова. И — отправляет его.

Не станем цитировать письмо поэта полностью — оно довольно объемное. Ограничимся лишь отрывком, касающимся темы этой главы: «Автор обвиняет меня в том, что я издеваюсь над завоеваниями нашего народа, иначе как расценить песню, поющуюся от имени технолога Петухова: «Зачем мы делаем ракеты...» и т. д. Обвинение очень серьезное, но оно опять не по адресу, ибо эта песня не моя... Эти песни я никогда не исполнял ни с эстрады, ни в компаниях».

Вот так — из-за незнания темы авторами статьи и, в какой-то мере, из-за популярности в те годы песен Юрия Визбора, «досталось на орехи» Владимиру Высоцкому. Юрий Иосифович со своей песней стал невольным соучастником «порки» поэта...

Кстати, отрывок из упомянутого «Монолог технолога Петухова» стал давно крылатым:

Зато мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди планеты всей!

А что же с письмом Высоцкого? Хотя оно и осталось без ответа, но газетную травлю поэта заметно поубавило. Это случится позднее, а в том же 1968 году нападки на песенное творчество Владимира Высоцкого продолжились.

«Публичная порка» с новой силой разгорелась осенью: 15 ноября со страниц все той же «Советской России» на песни

Высоцкого «оволчился» мэтр советской эстрады, композитор Василий Соловьев-Седой. Его гневная статья явилась откликом на летний пасквиль газеты. А в декабре все того же многострадального 68-го недобрым словом помянул личность и творчество поэта другой советский классик — Дмитрий Кабалевский, выступая с трибуны очередного Съезда Союза композиторов СССР...

Итак, травля хотя и не закончилась, но жизнь — продолжалась.

«Приходилось ли вам встречаться с Высоцким?» Такой вопрос задали Юрию Визбору слушатели на одном из концертов. Бард ответил: «Да, мне приходилось встречаться с Высоцким. Более того, одно время мы были с ним близки. Это происходило в те годы, когда Володя только начинал заниматься сочинением песен. Страстно стремился к известности и славе. Был очень ревнив, как и любой талантливый человек. Наконец, когда он этой славы добился, она ему стала гигантской помехой. Не только в творчестве, но и в жизни вообще. Достаточно сказать, что однажды, не очень давно, может быть, года четыре назад, я был в Одессе. Он позвонил мне. Он тоже был в Одессе. У него были съемки там. И когда мы стали договариваться о встрече, я сказал: «Где ты живешь?»

Он сказал: «Я живу — только это большой секрет... В гостинице я жить не могу. На частных квартирах тоже, потому что это бесконечная конная милиция». Он жил в задних комнатах в летнем цирке-шапито. У артистов знакомых. Единственное место, где он мог скрыться».

Трудно сказать, о каком годе идет речь. Можно предположить — о 1978-м, когда Владимир Высоцкий снимался на Одесской киностудии в детективном сериале Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Судя по монологу Визбора, становится ясно, что произносил он его уже после смерти поэта.

В подобных концертных монологах Визбор часто называет Владимира Высоцкого «талантливым человеком». Тот, в свою очередь, тоже весьма положительно отзывался о песенном творчестве своего коллеги: «Визбор, я слышал, возобновил свои выступления, понемножечку стал работать. Я отношусь к нему с симпатией, мне нравилась его песня про Серегу Санина». Это — искаженная цитата из концертного выступления Высоцкого. Подлинные слова поэта мы приводим ниже.

Одну из своих самых известных и популярных песен — песню «Серега Санин» Юрий Иосифович написал в 1965 году. Владимир Высоцкий, выступая с концертом в Московской Го-

родской клинической больнице № 31 (Олимпийская поликлиника) 25 февраля 1980 года, в одном из своих монологов рассказал слушателям о своем отношении к этой песне и к творчеству ее автора — вообще: «...Я к Визбору отношусь с симпатией, хотя, в общем, я думаю, что он сейчас уже не пишет никаких песен. То, что он делал раньше — одну песню я довольно так от<личал>... Ну, в общем, хорошо к ней относился, к этой песне про Серегу Санина, который там чего-то где-то куда-то упал...» (цит. по фонограмме концерта).

Ровно через пять месяцев после этого выступления — 25 июля 1980 года — Владимира Семеновича Высоцкого не стало...

Вспоминает вдова Юрия Визбора Нина: «Летом 1980 года мы отдыхали в лесном хуторе Пабраде в Литве. И вдруг по радио передали, что умер Высоцкий. Меня тогда поразило, как Юра совершенно без пафоса, но очень серьезно сказал: «Это большая трагедия. Даже невозможно описать, какая». И добавил: «Но следующим буду я». Я возмутилась: «Как ты можешь так говорить, ты жив-здоров!» Но он твердил: «Следующий — я...» Рвался поехать в Москву на своих «Жигулях», еле его удержала. И он, к сожалению, оказался прав: через два года — тяжелейший трансмуральный инфаркт. Едва выкарабкался, героическими усилиями стал восстанавливать форму, даже съездил в горы — и тут внезапный рак печени... Ему было всего 50. Ушел, полный планов».

Получается, Визбор, как и Высоцкий, тоже предчувствовал свою смерть...

Юрий Иосифович Визбор лишь на четыре с небольшим года пережил своего собрата по авторской песне. Хотя сам Высоцкий не считал себя бардом. «Владимир Высоцкий всячески отмежевывался от движения самодеятельной песни», — писал Визбор в статье «Он не вернулся из боя», написанной после смерти поэта, в 1980 году, специально для стенной газеты Московского клуба самодеятельной песни «Менестрель». В ней есть красивые фразы о Высоцком — творце: «В песнях у него не было ограничений... Он кричал свою спешную поэзию, и этот магнитофонный крик висел над всей страной... За его силу, его правду ему прощалось все.

Он предчувствовал свою смерть и много писал о ней. Она всегда представлялась ему насильственной. Случилось по-другому: его длинное сорокадвухлетнее самоубийство стало оборотной стороной медали — его яростное желание жить».

На одном из своих первых концертных выступлений, состоявшихся после смерти Владимира Высоцкого, Юрий Виз-

бор в монологе со сцены вспомнил о поэте: «Что рассказать о Высоцком? Не знаю, что рассказать. Я написал статью о Володе в один из самых уважаемых мной органов — газету «Менестрель». Там я в основном писал о его творчестве, потому что я с Высоцким был, конечно, знаком, но не такие мы уж были друзья. И какие-то анекдоты о нем или какие-то случаи из жизни я не считаю нужным рассказывать. А о творчестве — разговор исключительно серьезный. Более серьезный, чем он кажется на первый взгляд».

В октябре 1980 года Визбор вновь во время концерта коснулся темы раннего ухода из жизни Владимира Высоцкого: «Недавно, два с половиной месяца назад, погибли два человека. Умерли два певца. В честь одного из них была устроена большая телевизионная программа, и по радио звучали его песни. В честь второго ничего не было сделано, кроме небольшого некролога в «Вечерней Москве». И поэтому я думаю, что на этом концерте нам будет уместно встать и почтить память Владимира Высоцкого. Спасибо».

Визбор, как и многие музыканты, композиторы и авторы-исполнители, помимо статьи о Высоцком в «Менестреле», оставил песенное посвящение поэту — песню, написанную в память о нем. Но появилась она не сразу... Слишком велика и оглушительна была потеря Владимира Высоцкого; его столь ранний и для большинства неожиданный уход из жизни ошеломил всех, тем более людей, знавших его близко... Нужно было как-то прийти в себя, одуматься, отдышаться...

В 1981-м году на концерте Юрию Визбору пришла записка: «Двадцать пятого июля 1980 года умер Владимир Семенович Высоцкий. Неужели у вас ничего нет?» Бард ответил: «Не очень грамотно — у меня ничего нет, в этом же духе. Пока. Владимир Семенович умер, и это достаточно большое горе для любителей поэзии, почитателей его таланта. Могу сообщить, что скоро выходит сборник его стихов. Под редакцией Рождественского Роберта. Наконец, Театр на Таганке вечер памяти Высоцкого превратил в спектакль. В течение восьми месяцев театр находился в состоянии сдачи этого спектакля. Будем надеяться, что дело кончится положительно для театра».

Примерно в это же время случилась одна неприятная история... Да и было ли это на самом деле? Но... Вспоминает вдова барда Нина Визбор: «Произошло следующее. Спустя год после смерти Высоцкого Юрий Визбор готовился к большому сольному концерту в Московском Доме художника. «Сольники» были в то время редкостью, их удостаивались по-настоящему признанные артисты! Естественно, Визбор пригласил

многих своих друзей — альпинистов, поэтов, артистов и ученых. И вдруг за несколько дней до концерта барды супруги Никитины стали объезжать приглашенных и уговаривать их не приходиться на концерт Юрия».

По словам Нины, Татьяна Никитина аргументировала свои с Сергеем действия так: «Какое бесстыдство! Визбор рвется занять место Высоцкого. За такое самомнение следует его проучить — не приходиться на этот концерт. Пусть задумается над своим поведением».

Что это вдруг случилось с Татьяной и Сергеем Никитиными? Почему они решились на такой, прямо скажем, низкий поступок? Та же Нина Визбор говорит, что всему виной Татьяна. Мол, завистливая очень. Не пережила всенародной любви к Юрию Иосифовичу.

Много позже та же Никитина назовет интервью вдовы Визбора «ложью и сплетнями», полностью опровергая сказанное вдовой Визбора. Решайте сами — верить или не верить в действия супругов Никитиных. Вероятнее всего, это и вправду — сплетни.

А песню, посвященную памяти Владимира Высоцкого, Юрий Визбор написал спустя два года после смерти поэта. Называется она «Письмо». Сам автор исполнял ее практически на каждом концерте, в том числе и на последнем, прошедшем в Вильнюсе в феврале 1984 года.

«Я написал песню, посвященную Владимиру Высоцкому, — говорил на одном из концертных выступлений Визбор. — Трудно сказать, посвященная ли, но поскольку нет другой формулировки, скажем: песня, посвященная Владимиру Высоцкому. Должен сказать, что я написал очень много песен. У меня есть «визборовед» свой. Мне кажется, что она не имеет такого качества, но тем не менее я ее пою. Я ее пою с тех пор, как написал. Написал я не очень давно ее. Я пытался вплести в это произведение все мотивы, которые волновали в свое время Высоцкого. Булгаковские мотивы, шекспировские, и так далее. Песня называется «Письмо»...»

Существует точная дата появления «Письма» на свет — 11 июня 1982 года.

Стоит сказать, что композиция получилась трогательной и искренней, но до песенных шедевров-посвящений Владимиру Высоцкому, скажем, Градского или Макаревича, она, увы, не дотягивает...

До конца своих дней Юрий Визбор активно гастролировал и часто выступал с концертами. И в своих концертных монологах всегда, так или иначе, вспоминал о Владими-

ре Высоцком, рассказывал слушателям о нем и его творчестве. Вот небольшой отрывок записи одного из последних выступлений Юрия Иосифовича в творческой мастерской Московского клуба самодеятельной песни (1983 г.): «...Я призываю к мужскому началу в песне — к тому, что было у Высоцкого, есть у Городницкого. Потому что инфантилизм и вялая позиция очень привлекательны. Тем, что она легка — это довольно проторенная дорога, где можно вложить массу замечательных образов, метафор, и чем глубже вы будете погружаться в это метафоричное болото, тем будет все хуже и хуже. Это мое личное мнение...»

В конце своей жизни Юрий Визбор разделил на четыре разных направления пение стихов под гитару: первое направление — Визбор, Берковский, Никитин, второе — Высоцкий, третье — Окуджава и Ким, четвертое направление — Галич.

Интересная градация... Себя Визбор, видимо, — из скромности, поставил во главе первого направления. Загадка — какими критериями при составлении та называемых «направлений» пользовался Юрий Иосифович? Количеством песен, сочиненных авторами, или же качеством поэтического материала? Хотя, мнение-то барда — весьма приблизительное и субъективное. И тут же, после списка «направлений», Визбор добавляет: «Чистые барды — это Визбор, Высоцкий. Я считаю, что все хорошо, что несет определенные импульсы».

Опять же — не совсем понятно, какой тайный смысл вкладывает Юрий Иосифович в понятие «чистые барды», но заметим: и в этом списке Визбор ставит себя любимого — первым.

Известный питерский звукорежиссер, поэт и композитор Рудольф Фукс, сравнивая песенное творчество «чистых бардов» (на примере циклов спотивных песен Визбора и Высоцкого), в своей статье «Юрий Визбор — поэт и репортер». Из записок коллекционера Магнитиздата» пишет: «Спортивные песни Юрий Визбор, как известно, начал сочинять намного раньше, чем Владимир Высоцкий. И если Высоцкий подавал свою спортивную серию в юмористическом ключе, а Галич — даже в сатирическом, то у Визбора они написаны в более широком диапазоне — от описаний переживаний спортсмена до песен трагических».

Позволим себе не согласиться с Фуксом. Юмор в «спортивных» песнях Высоцкого присутствует лишь в ранних, первых песенных опытах на эту тему. В 70-е годы Владимир Семенович написал много песен на тему футбола («Марш футбольной команды «Медведей», «Мяч затаился в стриженной траве...», «Посвящение Льву Яшину»), хоккея («Профессиона-

лы»), других видов спорта. И юмора в них — не так уж много. А у Юрия Визбора был совершенно иной взгляд на спорт, его философию и спортсменов — юмора в спорте он не видел (не замечал) вообще (или — не хотел замечать). Да и взгляд этот был довольно однобокий — складывается впечатление, что кроме горных лыж и их приверженцев — горнолыжников других видов спорта и их представителей для Визбора просто не существовало (или он не знал о них).

...Чувствуя приближения неминуемого конца жизни, судорожно за нее цепляясь, читая вслух стихи Ивана Баркова — за несколько дней до трагедии, в ванной бард сжег почти все свои черновики и рукописи — старых и новых стихов и песен, сценариев, рассказов... Сгорело и множество уникальных фотографий автора-исполнителя. Бог знает, что толкнуло его на этот шаг...

Юрий Иосифович Визбор умер в Москве 17 сентября 1984 года от скоротечного рака почек. Ему было 50 лет. Но даже своей смертью он не ушел от сравнений со смертью и похоронами Владимира Высоцкого. Хотя масштабы, конечно же, не сопоставимы, не те — ни дарований, ни количества и качества сделанного — написанного, спетого и сыгранного. А стало быть — оставленного потомкам.

По этому поводу метко высказался Марк Цыбульский: «Ничуть не умаляя значения таких авторов, как Ю. Визбор, А. Городницкий, Ю. Кукин и других (у них были и есть горячие почитатели), выскажем свое суждение. Авторская песня никогда бы не состоялась как явление, если бы не два человека — Булат Окуджава и Владимир Высоцкий. Не было бы без них авторской песни в том виде, как мы ее понимаем, даже если бы магнитофоны давали в нагрузку к «Беломору». До Окуджавы авторская песня, в основном, была описательной, представляла собой рифмованные впечатления, редко поднимаясь до высот истинной поэзии. Вспомним: горы у Визбора, тайга у Кукина, экзотические страны у Городницкого. Не станем спорить, многие из этих песен по-своему хороши, но, все же, говоря словами Высоцкого, это — песни-зарисовки, в которых не было второго плана. Поэзия в истинном смысле этого слова пришла в авторскую песню лишь с появлением Окуджавы, а затем — Высоцкого».

.. 19 сентября Юрия Иосифовича схоронили на столичном Ново-Кунцевском кладбище Главврач спортивно-оздоровительного диспансера г. Москвы Л. Марков вспоминал. «Я предложил устраивать панихиду в актовом зале нашего диспансера. Я не думал, что будут сложности. Все Юрины дру-

зья, конечно, понимали, что запрещение идет откуда-то сверху. Не могу ручаться за достоверность информации, но чуть ли не Гришин (в то время — член Политбюро, первый секретарь Московского горкома КПСС. — А. П.) бросил фразу, что «не нужно нам второго Высоцкого». То ли это действительно было сказано, то ли это уже народная былина... На панихиду в нашем зале мы вроде бы получили добро, оповестили всех, где состоится прощание. И буквально утром 19 сентября мне позвонили из Ждановского райкома партии и сказали, что именно в нашем актовом зале, именно в то время, когда должна была состояться панихида, Ждановскому райкому необходимо провести партактив какой-то хозяйственный. А под окнами диспансера уже стал собираться народ, подъезжали автобусы, потом пришло огромное количество людей. День был дождливый, но все ждали, просто поверить не могли, что даже здесь не разрешили. Все это продолжалось несколько часов, потом долго выясняли, где Юру хоронят, никто не знал, куда ехать, на какое кладбище».

Что же — весьма печальная констатация факта...

В завершение главы — касательно исполнения Высоцким и Визбором песен друг друга.

Зафиксированных на магнитофонной или киноплёнке песен Владимира Высоцкого в исполнении Юрия Визбора до сих пор — не обнаружено. Да и были ли они, если учесть, что у последнего своих — валом? Владимир Семенович же исполнял только одну песню Визбора — «Если я заболею», написанную им в 1958 году на слова советского поэта Ярослава Смелякова. Высоцкий пел ее неоднократно, чаще — в дружеских компаниях. Благо, песня была суперпопулярна в СССР в 60-е. И, к слову сказать, даже попала в фильмы, снятые в те годы.

В 1963-м на экраны вышел фильм Георгия Данелия «Я шагаю по Москве». В нем песню Визбора напевал полотер, работающий в квартире писателя Воронова, — в блистательном исполнении Владимира Басова. О, сюжет!

А в картине Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» (1966 г.) ее пытались петь, выходя из пивбара, подпившие главные герои комедии — следователь Максим Подберезовиков и угонщик авто Юрий Деточкин, роли которых не менее ярко, чем исполнение Басовым полотера, сыграны в фильме Олегом Ефремовым и Иннокентием Смоктуновским (Смоктуновичем).

Что же до Владимира Высоцкого, то самое раннее, сохранившееся на магнито пленках, исполнение им песни Визбора датируется осенью 1962 года. Представлено оно на вышед-

шем в 1999 году CD «Летит паровоз», репертуар 1960—1965». Последнее исполнение песни «Если я заболею» Высоцким, опять же, зафиксированное на магнитофонной пленке, — состоялось в августе 1974 года. В Белграде, в посольстве СССР в Югославии, для посла и его гостей знаменитую трогательную композицию Владимир Семенович исполнил дуэтом с Людмилой Зыкиной. Песня также вышла на названном выше компакт-диске Высоцкого.

Но хочется большего...

В недавнем интервью дочь Юрия Визбора Татьяна, вспоминая об одной из самых известных песен отца, — «Монологе технолога Петухова», утверждает: «Между прочим, за эту песню еще и Владимир Семенович Высоцкий пострадал, который ее спел».(28)

Здесь дочка — ошибается. В цитируемом выше отрывке из письма поэта в ЦК КПСС Владимир Высоцкий ясно дает понять: никогда ни с эстрады, ни в компаниях эту песню он не исполнял. Как и другие песни Юрия Иосифовича, хотя слушатели на концертах неоднократно просили его исполнить ту или иную песню Визбора. Но Высоцкий всегда отвечал отказом...

Что до Татьяны Визбор, то, видимо, она что-то слышала о самом письме Владимира Семеновича, но — или не читала его вовсе, или прочла не до конца. Так и не разобравшись толком в вопросе истинных причин, как она говорит, «страданий» Высоцкого...

ОТЧЕГО УМЕР ВЫСОЦКИЙ?

Лопнула во мне терпенья жила,
И я со смертью перешел на «ты»...

«Я когда-то умру. Мы когда-то всегда умираем...», написал Владимир Высоцкий в 1978 году, за два года до своего ухода из жизни.

Тема и тайна смерти всегда волновала людей. Личностям тонким и творческим, к которым относятся настоящие художники, и поэты — в первую очередь, тема эта была близка всегда. Она также стара, как и сами Жизнь и Смерть.

Художники, творцы по-другому видят жизнь и по-настоящему ценят отпущенное им Судьбой Время. И потому зачастую ощущают наступление старости (те, кто до нее доживает) и скорый приход смерти не метафизически, а что называется «собственной шкурой», физически, с годами все чаще думая о ней и видя ее неминуемый, зачастую — скорый приход. Нередко случается, что они предсказывают свою гибель в стихах, письмах или дневниковых записях.

Если мы возьмем в пример поэтов, то такой дар предвидения дается только истинным мастерам поэтического слова, среди которых Владимир Высоцкий занимает особое место.

14 сентября 1979 года Высоцкий выступал на Пятигорской студии телевидения. «Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?» — спросил его ведущий. Высоцкий ответил: «Я вам скажу... Может быть, я ошибусь... Сколько мне еще осталось лет, месяцев, недель, дней и часов творчества? Вот такой я хотел бы задать себе вопрос. Вернее, знать на него ответ». К сожалению, ответ на этот вопрос был бы неутешителен. До смерти Высоцкого оставалось чуть более 9 месяцев...

Но буквально за год до нее предчувствие скорого конца не покидает поэта ни на один миг... «Начало 1979 года. Все чаще станет появляться в наших беседах вопрос о смерти. Многих близких уже нет в живых...», — пишет Марина Влади.(1)

«Она все время надо мной кружила, побаивалась только хрипоты...» — сказал о Смерти поэт.

Об этом же в книге «Самоубийство Владимира Высоцкого», рассказывающей новую версию трагедии поэта, пишет ее автор Борис Соколов: «Мысли о близкой смерти появляются в творчестве Высоцкого и в его интервью за два-три года до кончины, то есть в скорое после того, как он подсел на иглу...»

Тема смерти начала его волновать как поэта по-настоящему лет за десять до ее прихода.

С конца 60-х один за одним появляются стихи, а затем и песни, в которых косвенно, а чаще — напрямую говорится о Смерти: «Охота на волков», «Конец охоты на волков, или Охота с вертолетов», «Кони привередливые», «Памятник», «Веселая покойницкая», «Мои похороны, или Сон очень смелого человека», «Попытка самоубийства», цикл песен на медицинские темы, «Очи черные», «Погоня», «Старый дом», «Пожары», «Спасите наши души», «Меня опять ударило в озноб...», «Мне судьба — до последней черты, до креста...», «Райские яблоки», «И сверху лед, и снизу...» и другие...

В последние годы тема смерти стала просматриваться не только в творчестве, но и в жизни Высоцкого более явно. Он перенес две клинические кончины. И каждый раз в июле. Просто роковой месяц. Смерть словно гналась за ним по пятам. К тому же на его веку было несколько автомобильных катастроф. Высоцкий чувствовал, что его гонки со смертью подходят к концу. «А жить еще две недели, работы на восемь лет...» Иногда скорбная тема подавалась с юмором, даже в гротескной форме: «То ли в избу, и запеть — просто так с морозу, то ли взять да помереть — от туберкулезу».

Известно, что Высоцкий делал несколько попыток самостоятельно уйти из жизни — ранил себя ножом в живот, резал вены, прыгал из окна, с балкона («Кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт...»).

Давайте более подробно проследим историю взаимоотношений Высоцкого со Смертью...

«2 мая 1968 года Валерий Золотухин записал в дневнике: «Сплетни о Высоцком: застрелился. Последний раз спел все свои песни, вышел из КГБ и застрелился. Звонок: «Вы еще живы? А я слышала, что вы повесились». — «Нет, я вскрыл себе вены». Семь лет спустя Валерий Сергеевич еще раз коснется этой темы: «10.09.75 г. Высоцкий. Сколько нелепостей, глупостей. Сколько раз при мне его отпевали, хоронили всякими способами, отправляли черт знает в какие заграницы... За два часа до встречи с Высоцким в Риге, на съемках у Митты, мне сообщили достоверно, что он подавился рыбной костью...»

«Все мы в какой-то период нашей жизни страдаем от слухов, — жаловался Высоцкий на одном из концертов. — Я до сих пор отмахиваюсь руками и ногами от всевозможных сплетен, которые вокруг меня распространяются, как облака пыли... Несколько раз я уже похоронен, несколько раз уехал, несколько раз отсидел, причем такие сроки, что еще лет сто надо прожить... Одна девочка из Новосибирска меня спросила: «Правда, что вы умерли?» Я говорю: «Не знаю».

Наиболее устойчивыми были слухи именно о его смерти. Анатолий Меньшиков, автор знаменитой «Анкеты Высоцкого», говорил: «Люди как будто ждали — с Высоцким что-то должно случиться». Повторимся: Владимир Высоцкий в своей недолгой жизни не раз побывал в реанимации, на его счету пять или шесть автомобильных аварий и две клинические смерти.

Свою первую автомашину — «Жигули» — Владимир Семенович разбил почти сразу после приобретения. После серьезной аварии прекратила существование и его первая иномарка — «Рено». Перевернулся на «БМВ». Разбиты оба «Мерседеса»: первый, большой, — летом 1979 года, второй, маленький, — 1 января 1980-го.

Смерть подстерегала его не только на дорогах. В доме Всеволода Абдулова у 30-летнего Высоцкого пошла горлом кровь. «Скорая» приехала через час и везти не хотела: боялись, что умрет в дороге», — написал в дневнике Валерий Золотухин. Из других источников известно: Марина Влади (иностранка!) устроила скандал. Откачали Высоцкого в НИИ Скорой помощи имени Склифосовского. Поэт Андрей Вознесенский поспешил стать вторым Лермонтовым. Он откликнулся на «смерть» Высоцкого «Реквиемом оптимистическим». По трусости, правда, посвятил его «Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу»: «Твоею песнею ревя под маскою врачи произвели реанимацию!» «О златоустом блатаре рыдай, Россия!» Оказалось, не время еще.

Многие друзья Высоцкого упорно говорят о том, что Владимир Семенович предпринимал многочисленные попытки покончить с наследственным алкоголизмом. Лечился в больницах, соглашался на вшивку диковинных в Советском Союзе эспералей. Вдова поэта — актриса Марина Влади в повести «Владимир, или Прерванный полет» признавала: «Это не более чем подпорка. Но благодаря ей тебе на шесть с лишним лет удастся отодвинуть роковую дату, предназначенную судьбой...» Правда, она же вспоминает, как Высоцкий отказывался от борьбы: «Иногда ты не выдержишь и, не раздумывая, вы-

ковыриваешь капсулу ножом...» Об этом же вспоминал и личный врач Высоцкого Анатолий Федотов: «Несколько раз я делал вшивку. Володя следил: сколько таблеток, на какой срок. Он привозил их из-за границы. Но потом Володя научился сам их выковыривать...» Другой врач — Герман Баснер — уверял журналиста Валерия Перевозчикова, автора книги «Правда смертного часа. Владимир Высоцкий, год 1980-й»: «У меня где-то лежат его расписки... Под мою диктовку Володя два раза писал примерно такой текст: «Я, Владимир Высоцкий, сознательно иду на эту операцию. Ознакомлен со всеми возможными последствиями, а именно паралич и даже остановка сердца. Обязуюсь спиртного не употреблять...»

«В 25-27 лет Высоцкий — уже «конченный», хронический алкоголик. Бокал вина, выпитый впервые невинным юношей в 13 лет, привел со временем к страшной и неизлечимой болезни», — писал один из врачей, лечивших поэта, психиатр Михаил Буянов.

«Володя проклинал алкоголизм, от которого безуспешно пытался избавиться, — говорил друг «позднего» Высоцкого Михаил Шемякин. — Мы с ним вместе подшивались, поскольку я тоже страдал запоями. И Марина, поджидая его и нервничая у телефона, тоже стала спиваться. Она подшивалась у того же врача...» И еще говорил Шемякин: «Некоторые думают: «А-а, он был алкоголиком!» Да ни черта подобного! Все его нагрузки по накалу точно совпадали. Он безумствовал, когда пьянствовал, но когда он работал, то нагрузки тоже были колоссальными!»

Последнюю попытку вылечиться от алкоголизма Высоцкий предпринял за три месяца до смерти. Врач НИИ Скорой помощи имени Склифосовского Леонид Сульповар рассказал ему про гемосорбцию — очистку крови: «Через неделю выходишь свежий, как огурчик. Полное излечение!» — «Замечательно! Все, Леня, ложусь!» Операция страшно болезненная... Гемосорбцию сделали, но и она не помогла.

Еще из дневников Валерия Золотухина:

08.04.1977 г. Володя лежит в Склифосовского. Говорят, что так плохо еще никогда не было. Весь организм, все функции отключены, поддерживают его исключительно аппараты... Похудел, как 14-летний мальчик. Прилетела Марина, он от нее сбежал и не узнал ее, когда она появилась. Галлюцинации, бред, частичная отечность мозга. Господи! Помогите ему выскрестись, ведь, говорят, он сам завязал, без всякой вшивки, и год не пил. И это-то почему-то врачей пугает больше всего. Одна почка не работает вообще, другая еле-еле, печень раз-

рушена, пожелтел. Врач сказал, что если выкарабкается, а когда-нибудь еще срыв, он либо умрет, либо останется умственно неполноценным.

16.04.1977 г. Позвонил Мережко... Сказал: создана на общественных началах лаборатория при Академии художеств... Поговорят с тобой люди с нимбами над головами, и все про тебя узнают... Устанавливают связь с твоим энергетическим полем через фотографии. Так, по фото Высоцкого они установили, что у него плохо с головой, легкими, почками и цирроз печени... Ему нельзя терять ни одного дня, кое-что они могут исправить, еще есть возможность... кроме печени... там просто катастрофа...

Высоцкий: телефон не отвечает. Отключен, наверное... Не могу воздействовать на его энергетическое поле...

О том, что Высоцкий — наркоман, первой объявила Марина Влади в своей книге, автобиографической повести «Владимир, или Прерванный полет». На нее многие обиделись. Еще и потому обиделись, что пьянство, алкоголизм — вещи для русского человека привычные, а наркомании в Советском Союзе, как и секса, официально не существовало.

Владимир Высоцкий и был изгоем в родной стране, потому что мог себе позволить спеть: «Я лежу в палате наркоманов, чувствую: сам сяду на иглу!» Кстати, это слова из песни 1969 года. Что это? Пророчество? Скорее, лишь поэтический образ, метафора.

Когда, где и при каких обстоятельствах Высоцкий попробовал наркотики, останется тайной. Кто-то пытается оправдывать: дескать, на спектаклях и концертах Высоцкий выкладывался на полную катушку, а наркотики на какое-то время компенсируют колоссальные энергетические затраты. Существует и более благородное оправдание. Наркодилер и администратор Высоцкого Валерий Янклович вспоминал: «Я много говорил с Володей на эту тему. Он мне сказал: «Вот ты не был на Западе, а там все творческие люди это делают. Это ведь стимулирует творчество. Я же не злоупотребляю, а только для поддержания формы. И мне это помогает». В другой раз Янклович выдвигает иную версию: «Володя сам говорил мне, что вначале укол наркотика — это был выход из запоя. А наркотики все-ррез у него начались в конце 1975 года. Я в этом уверен».

Примерно то же самое утверждает и последняя любовь Высоцкого Оксана Афанасьева (ныне — жена Леонида Ярмольника), с которой он при «живой» жене — Марине Влади — собирался обвенчаться: «Это болезнь, которую надо лечить долго и терпеливо. Володя никогда не был наркоманом

в понимании сегодняшнего дня. Но если говорить откровенно, он принимал «колеса», определенные медикаменты в виде таблеток, или делал инъекции. Знаете, ведь его «посадили» на наркотики. Володя мне как-то рассказал: все началось на очередных гастролях Высоцкого в Горьком. Одна женщина-врач посоветовала свой рецепт, как выводить Володю из запоев хотя бы на время концертов. Она уверяла, что своего мужа-алкоголика приводила в чувство только с помощью таблеток и инъекций. Решили попробовать. Сделали один укол — помогло. Потом — второй, третий... Запой нет, похмелья нет. Володя работает. Все вроде замечательно. Оставалось побороть только стресс и адскую усталость. Постепенно он стал принимать наркотики, только чтобы расслабиться, снять напряжение. Одна роль Гамлета — уже маленькая смерть. Не каждый человек сможет каждый раз «умирать» на сцене. Это невыносимо трудно как физически, так и психологически. Всякий раз вместе с Гамлетом умирал и Володя. Но потом ему приходилось воскресать. Это повторялось снова и снова. Единственное, что ему действительно помогало, — это наркотики... К тому времени он уже крепко на них «сидел». Но потом состояние эйфории сменялось глубокой депрессией и немощностью. Он сам мечтал избавиться от наркотического плена. И, конечно, безумно боялся за меня. Однажды он сказал: «Если я узнаю, что ты попробовала эту дрянь, я убью тебя собственными руками». Но, видя его состояние, мне ни разу не приходило в голову делать укол. А первые его «уколы»... Это было в 1977 году. Я точно помню, что Володя сказал, что в 1977 году».

Эту версию поддерживает и профессионал — врач Института им. Склифосовского Леонид Сульповар: «Когда мы выводили Володю из тяжелых состояний, то знали, что можно, а что нельзя. Ведь в этом процессе используются вещества наркотического ряда. Володя попадал в разные места, и где-то, скорее всего, передозировали. Тогда «выход» проще. Думаю, что вкус наркотика он ощутил на фоне выхода из пике».

В то же время коллега Владимира Высоцкого по театру актер Николай Губенко весьма категоричен: «Высоцкий много пил, но потом ушел из алкоголя на наркотики, к которым его приобщили Марина Владимировна и ее старший сын. Так что, когда после смерти Володи Марина стала говорить, что она была его ангелом-хранителем, это не совсем так».

В Советском Союзе проблемы, где достать наркотики, для Высоцкого по большому счету не существовало. За границей, пусть это не покажется странным, с этим делом было сложнее. «Я передавал ему ампулы через командира самолета «Аэ-

рофлота», который летал в Париж. Передавал в пузырьках от сердечных капель», — вспоминал Валерий Янклович. Косвенно подтвердит это и Валерий Золотухин в дневнике: «Люди рисковали, вернее, не подозревали пилоты наши, что в бутылочках из-под облепихового масла они привозили ему наркотик». Однажды на таможне в аэропорту Высоцкий подвергся тщательному досмотру. Тогда он прямо в кармане раздавил пузырек из-под сердечных капель и сильно порезался.

Болезнь прогрессировала... Анатолий Федотов признавался: «Были моменты, когда Володя уже не мог контролировать себя. Сколько бы мы ни достали — правдами и неправдами — он мог сразу сделать себе... Мог всадить колоссальную дозу». То же говорит и еще один человек из окружения Высоцкого, двоюродный брат поэта В. Шехтман: «В последнее время Володя реально себя не ощущал. «Володя, а сколько ты сегодня хватанул? Штук 10 уже засадил?» — «Да это же вода! Они туда воду наливают!»

Известно, что ровно за год до биологической смерти Высоцкий был в состоянии клинической. Полное отсутствие сердечной деятельности. Анатолий Федотов ввел кофеин прямо в сердце. Через полчаса Владимир Семенович — как ни в чем не бывало! Но администраторы забеспокоились: «Ты, наверное, все три концерта не отработаешь!» Оксана возмутилась: «Какие концерты! Вы что?!..» Было принято считать, что тогда в Бухаре причиной клинической смерти был сердечный приступ. Позже выяснилось: оказавшись без наркотика, Высоцкий ввел себе лекарство, которое используют при лечении зубов.

Владимир Семенович свое безвыходное положение оценивал так: «Мне ничего не осталось, кроме пули в лоб!..» (Из воспоминаний Барбары Немчек).

Из интервью Оксаны:

— Ты наблюдала влияние наркотиков на стимуляцию творчества?

— Он просто лучше себя чувствовал. Вот он сидит, абсолютно никакой, ему плохо, но делает укол и — нормальный, живет полноценной жизнью. Он так хотел соскочить с иглы. «Я так от этого устал», — говорил. Отчего он умер? Он хотел соскочить, а легально нельзя было лечиться. Людей, которые ему доставали наркотики, он подставить не мог. Он и в Италии лежал, и во Франции. Не получилось. У него даже был план уехать со мной на прииски, к Вадиму Туманову в домик. Какой бы, я думаю, это был ужас: Володя со мной в тайге, со

своей ломкой, и, если бы он умер там, я не знаю, что было бы. Кошмар.

«В Калининграде мы свели дозу до одной ампулы. Не хватало. Володя мне говорил: «Я покончу с собой! Я выброшусь из окна!», — вспоминал Николай Тамразов. — Но нашлась женщина по имени Марина, из Ленинграда. У нее муж работал врачом. «Могу помочь!..»

Кстати, Марина попросила мужа осмотреть Высоцкого. «В таком состоянии человек не то что выступать, жить не может! Живой мертвец!» К такому выводу приходили и другие врачи. Янклович в марте 80-го не посчитал нужным скрывать от друга, что, по мнению одного из них, жить ему осталось не более двух месяцев. По прошествии срока Владимир Семенович посмеивался: «Ну что? Где же ваши врачи?!» (По воспоминаниям Игоря Шевцова, в беседе с ним поэт презрительно отзывался о «своих» врачах: «Советы их один другого стоят! Они же не лечат меня, падлы, а только — чтоб потом сказать: «Я лечил Высоцкого»).

Близкие друзья Владимира Семеновича (Шемякин, Володарский и другие) рассказывали, как тот же Валерий Янклович, главный поставщик «лекарства» поэту, издевался над ним. Он и ему подобные кормились за счет Высоцкого. И когда тот во время жуткой ломки ползал перед Янкловичем на коленях, выпрашивая хотя бы «один укольчик», циничный наркодилер говорил: «Вот отработаешь концерт, тогда...»

В Америке Валера получил бы за подобные фокусы лет 150 тюрьмы. В России же его, не дай Бог, ретивые поклонники поэта когда-нибудь просто замочат!.. Ну, это — так, к слову...

А вот еще про Валерия Павловича. Марк Цыбульский на Интернет-форуме недвусмысленно заявил следующее: «Янклович — это человек, который вел ВВ к могиле под руки. Но он не чувствует себя виноватым, он дает интервью уже 30 лет после смерти «друга»...»

...Одна из последних попыток «соскочить с иглы» предпринята поэтом при содействии Марины Влади. ВВ прошел специализированный курс лечения в Париже в клинике Шарантон во второй декаде мая 1980 года. Безрезультатно...

С приближением Олимпиады все столичные больницы и аптеки были взяты под строжайший контроль. Высоцкий вынужден был вернуться к алкоголю. Он литрами употреблял водку и шампанское. «Почему были эти жуткие последние запои? Да потому, что никто не мог достать лекарства», — считает Оксана Ярмольник.

Самый последний запой был, похоже, с Промокашкой из «Места встречи...» — актером Театра на Таганке Иваном Бортником — 22 июля 1980 года. Когда у Высоцкого не хватало «лекарства», он угрожал друзьям: «Ах, вы так! Тогда я поеду к Ваньке. Если у него есть, он всегда даст».

В тот последний загул Оксана выдвинула требование: «Все! Я ухожу! Или пусть он уйдет!» Высоцкий не любил, когда им командуют женщины: «Нет, останьтесь оба! Если ты уйдешь, я выброшусь с балкона!»

Попытки самоубийства в последние дни жизни Высоцкого, по мнению Оксаны, «были элементарным издевательством над ближними». Но в данном случае все могло закончиться трагедией. «Я оделась, выскочила на улицу. Смотрю: Володя висит на руках, держится за прутья решетки, — рассказывала она. — Бегом взбежала на 8-й этаж. С трудом вместе с Бортником мы втащили Володю на балкон».

22 июля Высоцкий обнадеживал Янкловича: «Дозу уменьшил, чувствую себя лучше. Уже выхожу...» Позвонил Марине в Париж: «Я завязал, у меня билет и виза на двадцать девятое. Ты меня примешь?» — «Приезжай. Ты же знаешь, я всегда тебя жду». — «Спасибо, любимая...» А вечером 23 июля в реанимационном отделении НИИ им. Склифосовского появились Валерий Янклович и Анатолий Федотов и попросили дозу хлорадгидрата...

— Это такой седативный — успокаивающий, расслабляющий — препарат, довольно токсичный, — объяснял врач Станислав Щербаков журналисту Валерию Перевозчикову. — Когда мы с Леной Сульповаром узнали, в каких дозах и в каких смесях хлорадгидрат будет применяться, мы встали на дыбы! Решили сами поехать на Малую Грузинскую.

Высоцкий был в асфиксии — Федотов накачал его большими дозами всяких седативов. Он лежал практически без рефлексов. У него уже заваливался язык! То есть он сам мог себя задушить. Мы с Леной придали ему положение, которое и положено наркотизированному больному, рефлексы чуть-чуть появились.

Сульповар с Щербаковым тут же подняли вопрос о немедленной госпитализации. Но забрать к себе, в Склифосовского, они не могли. К Владимиру Высоцкому там относились негативно. К тому же совсем недавно несколько сотрудников Склифа угодило за решетку по «наркоманному делу» (за воровство и сбыт наркосодержащих медпрепаратов). Федотов категорически возражал против госпитализации, утверждал, что справится сам. Постановили: госпитализировать 25-го: в

следующее дежурство Сульповара с Щербаковым. Оксана Ярмольник считает, что они просто испугались ответственности. Не дай Бог, Высоцкий умер бы у них в отделении!

24 июля оказалось последним днем жизни Владимира Высоцкого. Он по-прежнему стонал, метался по комнате, куда-то рвался... Очевидцы утверждают: находился практически в полубессознательном состоянии. И вдруг подходит к Янкловичу: «Ты знаешь, я сегодня умру!» — «Как тебе не стыдно! Посмотри, сколько людей вокруг тебя вертится. У всех силы уже на исходе. Приляг лучше». То же самое вскоре Владимир Семенович скажет и Оксане: «Пойди, приляг». Похоже, это были его последние слова в жизни. После которых он заснул и не проснулся...

«Личный врач» Владимира Высоцкого Анатолий Федотов, который был рядом с поэтом в его квартире в ночь смерти последнего, вспоминал: «24 июля я работал... Часов в восемь вечера заскочил на Малую Грузинскую (домой к Высоцкому). Ему было очень плохо, он метался по комнатам. Стонал, хватался за сердце. Вот тогда при мне он сказал Нине Максимовне: «Мама, я сегодня умру...» Я уехал по неотложным делам на некоторое время. Где-то после двенадцати звонит Валера Янклович: «Толя, приезжай, побудь с Володей. Мне надо побриться, отдохнуть». Я приехал. Он метался по квартире. Стонал. Эта ночь была для него очень тяжелой. Володя попросил выпить. Я, честно говоря, тоже с ним рюмку «засадил»... Я сделал укол снотворного. Он все маялся. Потом затих. Он уснул на маленькой тахте, которая тогда стояла в большой комнате. А я был со смены — уставший, измотанный. Прилег и уснул — наверное, часа в три. Проснулся от какой-то зловещей тишины — как будто меня кто-то дернул. И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет. Я давай дышать, а губы уже холодные. Уже чувствовался сладковатый запах... Холодный, только поясница была теплой... Поздно. Между тремя и половиной пятого наступила остановка сердца на фоне инфаркта. Судя по клинике — был острый инфаркт миокарда. А когда точно остановилось сердце — трудно сказать... Вызвал реанимацию, хотя было ясно, что ничего сделать нельзя. Вызвал для успокоения совести. Позвонил в милицию, чтобы потом не было слухов о насильственной смерти. Смог бы я ему помочь? Трудно сказать, но я бы постарался сделать все. До сих пор не могу себе простить, что заснул тогда... Прозевал, наверное, минут сорок...»

Однако же, все повторяется. «Пободраствуйте со Мной», — просил Христос апостолов. Не пободраствовали...

Владимир Высоцкий лежал с открытыми глазами... Значит, он умер не во сне...

Володя умер в три часа
И бездыханно
Глядели в потолок глаза,
Как два стакана...

А над губой росли усы
Пустой утехой...
Резинкой врезались трусы,
Разит аптекой... —

напишет Андрей Вознесенский.

Близкие Владимиру Семеновичу люди сделали все возможное, чтобы вскрытие не производилось. Боялись, что будет установлено: Высоцкий — наркоман. Врачебное заключение о смерти гласит: «Причина — острая сердечно-сосудистая недостаточность». Щербаков считает иначе: «25-го был полный аналог тому, что было 23-го. То есть медикаментозная кома».

Высказывалась еще одна версия: самоудушение — запал язык. Участковый милиционер, в чьем ведении находился дом 28 по Малой Грузинской улице, утверждал: «неумышленное убийство». Дескать, Высоцкого спеленали простынями. А для наркомана, выходящего из комы, это смертельно. Наивный мент решил возбудить уголовное дело о «неумышленном убийстве». Собрал документы для передачи в следственные органы. Но материал необычайно быстро был списан в архив и... уничтожен. Кому-то очень не хотелось докопаться до истины...

Приехавшая утром в дом к Высоцкому его мать Нина Максимовна теряет сознание, а потом, придя в себя, как в прострации, сидит у тела сына и, качаясь, монотонно повторяет: «Холодненький... холодненький... холодненький...»

Семен Владимирович Высоцкий категорично требовал похоронить сына «только на Новодевичьем». Юрий Любимов позвонил в Моссовет и услышал: «Какое Новодевичье! Там уже не всех маршалов хоронят!» Попытались разыскать Галину Брежневу (она отдыхала где-то в Крыму) и через Первого секретаря венгерской компартии Яноша Кадара выйти на председателя КГБ Юрия Андропова — безрезультатно! Иосиф Кобзон в Моссовете получил разрешение на захоронение на Ваганьковском. Директор кладбища показал место — удачное: у

входа направо, у церкви. Рядом — площадка: знал, что людей к поэту будет приходить много... Кобзон достал пачку денег. «Да вы что?! Я же любил его!» — чуть не заплакал тот. Впрочем, Иосиф Давыдович утверждает, что «насчет денег» — это уже перебор, не было такого.

Специальный гроб № 6 изготавливался по распоряжению правительства для генсеков, членов Политбюро. В таких хоронили Сталина, Брежнева. За все время советской власти было сделано два исключения — для Владимира Высоцкого и Андрея Дмитриевича Сахарова.

Хоронили Высоцкого, как он и предсказывал, «при огромном стеченье народа». Милицейский чин испуганно докладывал по рации «наверх» численность пришедших проститься со «златоустым блатарем»: «25... 30 тысяч... Надо вызывать войска...» Окончательной цифрой считается 40. И это в «закрытой» по случаю Олимпиады Москве! По неофициальным же данным проводить поэта в последний путь пришли от 100 до 120 тысяч человек!

Писатель Юрий Трифонов в кабинете Любимова растерянно произнес: «Как теперь умирать после Высоцкого?» А Марина Влади уже в автобусе, направившемся в сторону Ваганькова, сказала одному из «друзей» мужа Туманову: «Вадим, я видела, как хоронили принцев, королей, но ничего подобного не видела!..»(2)

...Владимир Высоцкий прожил сорок два с половиной года — 15520 дней. Дни, вместившие сотни написанных стихотворений и песен, десятки сыгранных ролей в кино и театре, многочисленные концерты и выступления...

Поэт любил жизнь — Жизнь во всех ее проявлениях: яркую, насыщенную, активную... Интересную! В анкете на вопрос «Что бы вы подарили любимому человеку, если бы были всемогущи?» поэт ответил: «Еще одну жизнь». Это ли — не показатель его жизнелюбия и понимания жизни как главного и, увы, неповторимого Чуда на Земле? «Смерть стоит того, чтобы жить, любовь стоит того, чтобы ждать!» — напишет чуть позднее другой великий поэт и кумир поколений Виктор Цой. Недаром в одном из последних стихотворений Владимира Высоцкого, обращенного им к Марине Влади, есть такие строчки:

Мне меньше полувека, сорок с лишним!
Я жив, 12 лет тобой и Господом храним..
Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть, чем оправдаться перед Ним!

И еще:

Мне будет не хотеться умирать. .

Но:

Умирая, мы не умираем насовсем!..

И — бессмертное:

Я, конечно, вернусь! Не пройдет и полгода. .

Он возвращается к нам каждые полгода — между датами его дня рождения и дня смерти — ровно шесть месяцев...

P.S.
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

...Я когда-то умру. Мы когда-то всегда умираем...
Как бы так угадать, чтоб не сам, чтобы в спину ножом.
Убиенных щадят, отпевают и балуют Раем.
Не скажу про живых, а покойников мы бережем!

В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее на бок,
И ударит душа на ворованных клячах в галоп.
В дивных райских садах наберу бледно-розовых яблок.
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Прискакали — гляжу: пред очами не Райское что-то,
Не родящий пустырь, а сплошное Ничто, беспредел!
И среди Ничего возвышались литые ворота,
И огромный этап, тысяч пять, на коленях сидел.

Как ржанет коренной, я смирил его ласковым словом
Да репы из мочал еле выдрал и гриву заплел.
Седовласый старик что-то долго возился с засовом,
И кряхтел, и ворчал, и не смог отворить, и ушел.

И измученный люд не издал ни единого стога,
Лишь на корточки, вдруг, с онемевших колен пересел:
«Здесь малина, братва,
нас встречают малиновым звоном!»
Все вернулось на круг, и Распятый над кругом висел.

Я узнал старика по слезам на щеках его дряблых:
Это — Петр Святой! Он — апостол, а я — остолоп!
Вот и кущи-сады, в коих прорва мороженных яблок.
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Всем нам — блага подай, да и много ли требовал я благ?!
Мне — чтоб были друзья да жена чтобы пала на гроб.
Ну а я, уж, для них украду бледно-розовых яблок...
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Седовласый старик, он на стражу кричал, комиссарил.
Прибежали с ключом и затеяли вновь отворять.
Кто-то ржавым болтом, поднатужась, об рельсу ударил,
И как ринутся все в Распрекрасную ту Благодать!

Я подох на задах, не при старых свечах в канделябрах.
Не к Мадонне прижат Божий Сын, а в Хоромах — холоп!
Вот и кущи-сады, в коих прорва мороженных яблок.
Жаль, сады сторожат. И убит я без промаха в лоб...

...И погнал я коней прочь от мест этих гиблых и зяблых.
Кони просят овсу, но и я закусил удила!
Вдоль обрыва, с кнутом, по-над пропастью пазуху яблок
Я тебе привезу — ты меня и из Рая ждала!..

1977 (редакция — 1978 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Александр Белявский	9
Александр Иншаков	15
Александр Митга	21
Александр Новиков	34
Александр Розенбаум	43
Алла Пугачева	74
Андрей Макаревич	107
Аркадий Северный	136
Борис Сичкин	161
Борис Хмельницкий	168
Валерий Золотухин	184
Валерий Плотников	214
Виктор Мережко	224
Виктория Лепко	228
Владимир Конкин	232
Галина Польских	244
Геннадий Полока	248
Геннадий Хазанов	254
Георгий Гаранян	263
Георгий Юнгвальд-Хилькевич	269
Готлиб Ронинсон	280
Гуджи Амашукели	284
Евгений Леонов-Гладышев	288
Евгений Татарский	295
Зураб Церетели	299
Ирина Печерникова	309
Карен Шахназаров	317
Лариса Удовиченко	322
Лев Перфилов	326
Матлюба Алимова	337
Михаил Жванецкий	341

Михаил Звездинский	352
Михаил Пуговкин	359
Михаил Ульянов	361
Наталья Белохвостикова	371
Никита Михалков	379
Нина Ургант	395
Оксана Ярмольник	401
Олег Даль	423
Роман Виктюк	460
Роман Фрумзон	467
Станислав Садальский	473
Эдуард Володарский	481
Юрий Визбор	510
Отчего умер Владимир Высоцкий?	527
<i>P.S. Владимир Высоцкий. Райские яблоки</i>	<i>540</i>

Эта новая книга о Владимире Высоцком
и о его взаимоотношениях с современниками –
некая мозаика его судьбы, уже десятилетия
будоражащей соотечественников.

Ее автор исследует жизнь и творчество Высоцкого
многие годы. Здесь впервые рассмотрены контакты
легендарного барда с А. Пугачевой, Н. Михалковым,
Р. Виктюком, А. Иншаковым, Ю. Визбором,
З. Церетели, Н. Белохвостиковой, К. Шахназаровым,
М. Жванецким и другими известными личностями.

Уникальный материал содержит глава
«Отчего умер Высоцкий?».

ISBN 978-5-699-56702-7

9 785699 567027 >